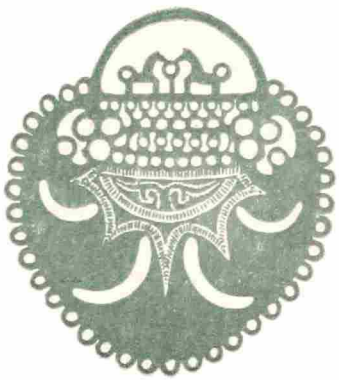
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

6. Илллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

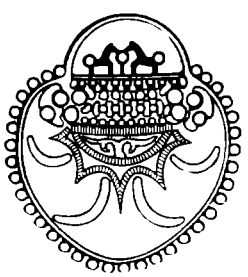
Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Г. А. Федоров-Давыдов, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-00240 Подписано к печати 17/I 1959 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10⅝
Печ. л. 22,04 + 4 вклейки Уч.-изд. л. 34,6 Тираж 1800 экз. Заказ 1105

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

XXI СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

27 января 1959 г. в Москве открылся внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, созванный для рассмотрения контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. По всей стране — от Балтийского моря до Тихого океана — развернулось всенародное обсуждение тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

Съезды Коммунистической партии Советского Союза всегда вооружали партию и советский народ ясной программой борьбы за коммунизм.

Советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза осуществил гигантские экономические и социальные преобразования. Это дает возможность нашей стране перейти к новой задаче, вступить в новый важнейший период развития — период развернутого строительства коммунистического общества.

Главными задачами этого периода являются создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи нашей Родины. Этот период явится решающим в мирном экономическом соревновании двух систем — капиталистической и социалистической. Советский народ и Коммунистическая партия полны решимости выполнить этот грандиозный план.

Величественные задачи развития и укрепления социализма решались и решаются в нашей стране благодаря тому, что Коммунистическая партия опирается на марксистско-ленинское учение об объективных закономерностях развития общества и его экономики. Задачи, которые ставят партия и правительство, всегда находили горячий отклик и одобрение советского народа. Всенародная поддержка является залогом успешного претворения в жизнь этих задач. Опыт строительства социализма в нашей стране показал, что для создания и развития социалистической экономики и построения коммунистического общества необходимы единые государственные планы, рассчитанные на длительный исторический срок.

Великий Ленин разработал основные принципы социалистического планирования. Его идеи претворяются в жизнь Коммунистической партией, они лежат в основе наших народнохозяйственных планов.

Выдающееся место в развитии марксизма-ленинизма занял XX съезд КПСС, исторические решения которого имеют великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР. Они положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма.

Принятые XX съездом решения о развитии народного хозяйства успешно претворены в жизнь. Валовая продукция промышленности СССР выросла в 1956 г. по сравнению с 1955 г. почти на 11%, в 1957 г.— на 10% и в первом полугодии 1958 г. по сравнению с первым полугодием 1957 г.— на 10,5%. Социалистическая промышленность дает ныне в течение одного года столько продукции, сколько ее производилось за первые 15—20 лет Советской власти.

Принятые XXI съездом контрольные цифры развития народного хозяйства на 1959—1965 гг. являются составной частью перспективного плана, рассчитанного на ближайшие 15 лет. Этот пятнадцатилетний план является программой строительства коммунизма в СССР. Предусматривается,

что за этот период решающие отрасли промышленности СССР увеличат свою продукцию более чем в два-три раза.

Наша страна по производству промышленной продукции оставила позади все капиталистические страны Европы и ставит своей задачей догнать не только по общему объему продукции, но и по уровню производства на душу населения Соединенные Штаты Америки.

Значительные успехи достигнуты Советским Союзом в области сельского хозяйства. В 1958 г. СССР по объему производства ряда важнейших продуктов приблизился к США, а по некоторым видам уже догнал и даже превзошел современный уровень производства в США.

Перед сельским хозяйством на XXI съезде поставлена задача полностью удовлетворить население и промышленность сельскохозяйственными продуктами. Семилетний план предусматривает совершенствование социалистических производственных отношений и оснащение колхозов и совхозов мощной сельскохозяйственной техникой.

За последние годы советский народ достиг больших успехов в деле увеличения производства электроэнергии. В строй действующих вошли крупнейшие гидростанции и самая мощная из них — Волжская гидростанция имени Владимира Ильича Ленина. Строятся Сталинградская и Братская гидроэлектростанции.

Характеризуя мероприятия, которые наша партия предприняла в последнее время, Н. С. Хрущев в своей речи на VII съезде Болгарской Коммунистической партии говорил: «На первый взгляд все эти вопросы сугубо практические, но в то же время они являются и теоретическими. Здесь выступают две стороны одного целого — теория и практика. Своими успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры мы наглядно показываем преимущества нашей теоретической мысли, силу и жизненность теории марксизма-ленинизма, на основе которой строится социалистическое общество» [1].

Успехи в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, достигнутые за последние годы, красноречиво говорят о том, насколько глубоко правы были партия и Центральный Комитет, давшие сокрушительный отпор попыткам антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и Шепилова сорвать выполнение решений XX съезда и последующих мероприятий партии, направленных на дальнейший подъем народного хозяйства страны и благосостояния трудящихся.

Решения XXI съезда КПСС встречены партией и трудящимися СССР с огромным воодушевлением и подъемом. Советские люди ознаменовали съезд партии успехами на различных участках коммунистического строительства. На заводах и фабриках повсеместно создаются бригады коммунистического труда, которые дают обязательства жить и работать с ясным сознанием того, что их труд приближает торжество коммунизма в нашей стране.

Советская наука и техника достигли невиданного расцвета. Всеобщее признание получили подвиги, совершенные советскими учеными, всем нашим народом, первым в мире осуществившим запуск искусственных спутников Земли и космической ракеты. В Советском Союзе достигнуты огромные успехи в области использования атомной энергии в мирных целях. Всемирное признание получила советская система образования, подготовка научных кадров.

Успехи коммунистического строительства в СССР в значительной мере будут также зависеть от темпов развития науки в нашей стране, от постановки дела высшего и среднего образования. Кровная заинтересованность в воспитании новой достойной смены строителей коммунизма проявилась в обсуждении тех мероприятий, которые намечены партией и прави-

[1] «Правда» от 4 июня 1958 г., № 155 (14549).

тельством для приближения высшей и средней школы к жизни, к производству.

Величественные задачи хозяйственного и культурного строительства, изложенные в докладе товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», предъявляют новые серьезные требования к подготовке специалистов в вузах. Если в 1952—1958 гг. было выпущено высшими учебными заведениями 1 миллион 700 тысяч человек, то в предстоящем семилетии будет выпущено 2 миллиона 300 тысяч специалистов, т. е. в 1,4 раза больше. Намеченная перестройка высшего образования обеспечит более успешную подготовку специалистов с высокой квалификацией для всех отраслей народного хозяйства и культуры и будет способствовать осуществлению грандиозных планов строительства коммунизма в СССР.

Увеличение объема преподавания точных наук и политехнизация обучения в школах не должны вытеснить изучение истории, привести к замене истории голой социологией.

Строительство коммунизма и воспитание советской молодежи в духе марксизма-ленинизма требуют дальнейшего творческого развития общественных наук, активной критики современного ревизионизма и буржуазной идеологии.

Советские историки и археологи, планируя свою работу в предстоящем семилетии, в основу своей деятельности кладут указания партии о единстве науки с жизнью, с производством.

Строительство грандиозных электростанций на Волге, Днепре, Енисее, Ангаре и других крупнейших реках СССР дало нашей науке большие материальные средства для развития археологических работ в зонах затопления. Добыт большой археологический материал, позволяющий совсем по-новому осветить вопросы древней и средневековой истории нашей Родины. Накопление нового археологического материала в последние годы идет столь быстрыми темпами, что советские археологи не всегда успевают их обобщать и вводить в научный оборот. Поэтому изучение и быстрая публикация новых археологических материалов — одна из важнейших задач советских археологов в предстоящем семилетии. Без детальных и тщательно разработанных публикаций советские археологи не смогут приступить к написанию новых обобщающих, теоретических работ, а также к составлению многотомного «Корпуса археологических источников», который подготавливается сотрудниками ИИМК АН СССР и других смежных учреждений. «Корпус» приведет в единую систему все богатство археологических источников, которое накоплено русской и советской наукой.

Дальнейшее развитие археологической науки в значительной мере связано с усилением теоретической работы и с разработкой новой методики. За последние годы разработка важнейших теоретических проблем археологии и истории первобытного общества проводилась менее интенсивно по сравнению с предшествующим временем. Ослабление теоретической работы сказалось также в том, что в статьях и монографиях уделяется мало внимания борьбе с реакционными концепциями в археологической науке, борьбе с ревизионизмом и другими проявлениями буржуазной идеологии. Рецензии на труды буржуазных ученых появляются в наших журналах все реже и реже; зачастую эти рецензии имеют характер простого реферата. Усиление борьбы с реакционными теориями в археологии — основная задача советских археологов на современном этапе.

В нашей огромной стране существуют грандиозные возможности для широчайшего охвата целого комплекса археологических культур. Проблемами археологии и археологическими раскопками успешно занимаются археологи союзных и автономных республик. Необходимо дальнейшее укрепление связи археологов всех республик и лучшая координация их деятельности.

Важной задачей, стоящей перед советской археологией, является попу-

ляризация науки. За последние годы издано несколько популярных книг по археологии. Укрепление живой связи с народом, с учителями и краеведами — залог успешного развития нашей археологии.

Сейчас по-новому ставятся вопросы образования и подготовки молодых кадров. В связи с этим археологи должны проводить массовую научно-популярную работу в средних школах и в школах рабочей молодежи, создавать кружки по истории и археологии.

Советские археологи очень много внимания уделили разоблачению антимарксистских построений Н. Я. Марра. В период борьбы с марризмом слишком большой интерес к этногеническим проблемам заслонил другие важные вопросы, которые должны интересовать советских археологов и в первую очередь — изучение производительных сил и производственных отношений древних обществ. Так, например, полемизируя по проблемам черняховской культуры и других археологических культур Восточной Европы в I тысячелетии н. э., археологи не уделяли достаточного внимания археологическим разведкам и раскопкам поселений этого времени. Это затрудняет решение такой важнейшей исторической проблемы, как разложение первобытно-общинного строя и формирование феодальных отношений у восточных славян и соседних народов. В настоящее время советские археологи ведут большую работу по исследованию городищ и селищ, накапливают материал, который в будущем даст возможность решить важнейшие проблемы происхождения и ранней истории славян. Однако в дискуссионных статьях, которые были опубликованы на страницах журнала «Советская археология» и в других изданиях, авторы, сторонники разных точек зрения, зачастую только декларативно излагают свои взгляды или приводят только отдельные примеры, отдельные случайно взятые факты для подтверждения своей концепции, а не определенную систему доказательств. Подобные дискуссионные статьи вряд ли принесут пользу нашей науке, так как вопросы уже поставлены, но фактов для доказательства той или иной исторической концепции в нашем распоряжении еще явно недостаточно.

Творческое развитие советской археологической науки должно сопровождаться улучшением полевой методики, оснащением экспедиций новейшей техникой, внедрением радиокарбонного метода датировок и многих других методов анализа и научной обработки археологического материала, развитием подводной археологии, аэрофотосъемок и т. п. Вооруженные новыми, передовыми методами и современной техникой, ученые-археологи смогут выполнить те величественные задачи, которые ставят перед советской наукой исторические решения XXI съезда КПСС.

СТАТЬИ

В. И. МАРКОВИН

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Северокавказская культура эпохи бронзы изучена весьма слабо, несмотря на то, что некоторые памятники ее в Прикубанье, в районе Кавказских Минеральных Вод, в Кабардино-Балкарии и Осетии уже давно выявлены и приобрели известность. Это тормозит изучение археологических культур как предшествующего времени, так и последующих эпох, в первую очередь прикубанской и кобанской культур, мешает правильной оценке древнейших исторических событий на Северном Кавказе.

Только сравнительно недавно работами А. В. Шмидта, А. Европеуса, А. А. Миллера, М. И. Артамонова, А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, Б. Е. Дегена, А. А. Иессена, Е. И. Крупнова установлены те данные, которые характеризуют северокавказские древности эпохи бронзы как самостоятельную археологическую культуру.

Памятниками северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. являются курганные (в степных и предгорных районах) и грунтовые могильники (горные районы) [1]. Покойники в ранних погребениях большей частью лежат в скорченном положении. Характерна обильная посыпка красной краской и преимущественно южная ориентация погребенных. Грунтовые ямы обычны для Прикубанья; каменные ящики и склепы — для Ставрополья (район Кавказских Минеральных Вод) и горных районов (территория Северной Осетии, Кабардино-Балкарии). В период наибольшего расцвета данной культуры (к середине II тысячелетия до н. э.) замечаются определенные изменения в погребальном обряде. Костяки лежат главным образом в вытянутом положении; головой они обращены преимущественно на восток или запад. Количество краски на них уменьшается; ею посыпаются большей частью голова и ноги погребенных. К концу существования северокавказской культуры ориентировка покойников становится более произвольной (в горных районах в этот период еще часты скорченные трупоположения).

На всем протяжении существования северокавказской культуры в сооружении могил и курганных насыпей огромную роль играет камень (каменные ящики и гробницы, насыпи курганов из булыжника и камня, кромлехи вокруг кургана и могил и т. д.). Покойников сопровождает единообразный инвентарь, состоящий из керамики, металлических изделий, изделий из камня.

Сосуды северокавказской культуры имеют округлые формы и отогнутый, как правило, венчик. Сосуды ранних памятников покрыты зачастую «елочным» узором и налепами, затем появляется «веревочная» орнаментация, дополняемая оттисками спирали, треугольного штампа. Сосуды часто снабжены ручками шаровидных форм. Только на последнем этапе этой культуры появляются украшения в виде налепных валиков с защипами.

---

[1] Поселения этой культуры до сих пор почти не исследовались.

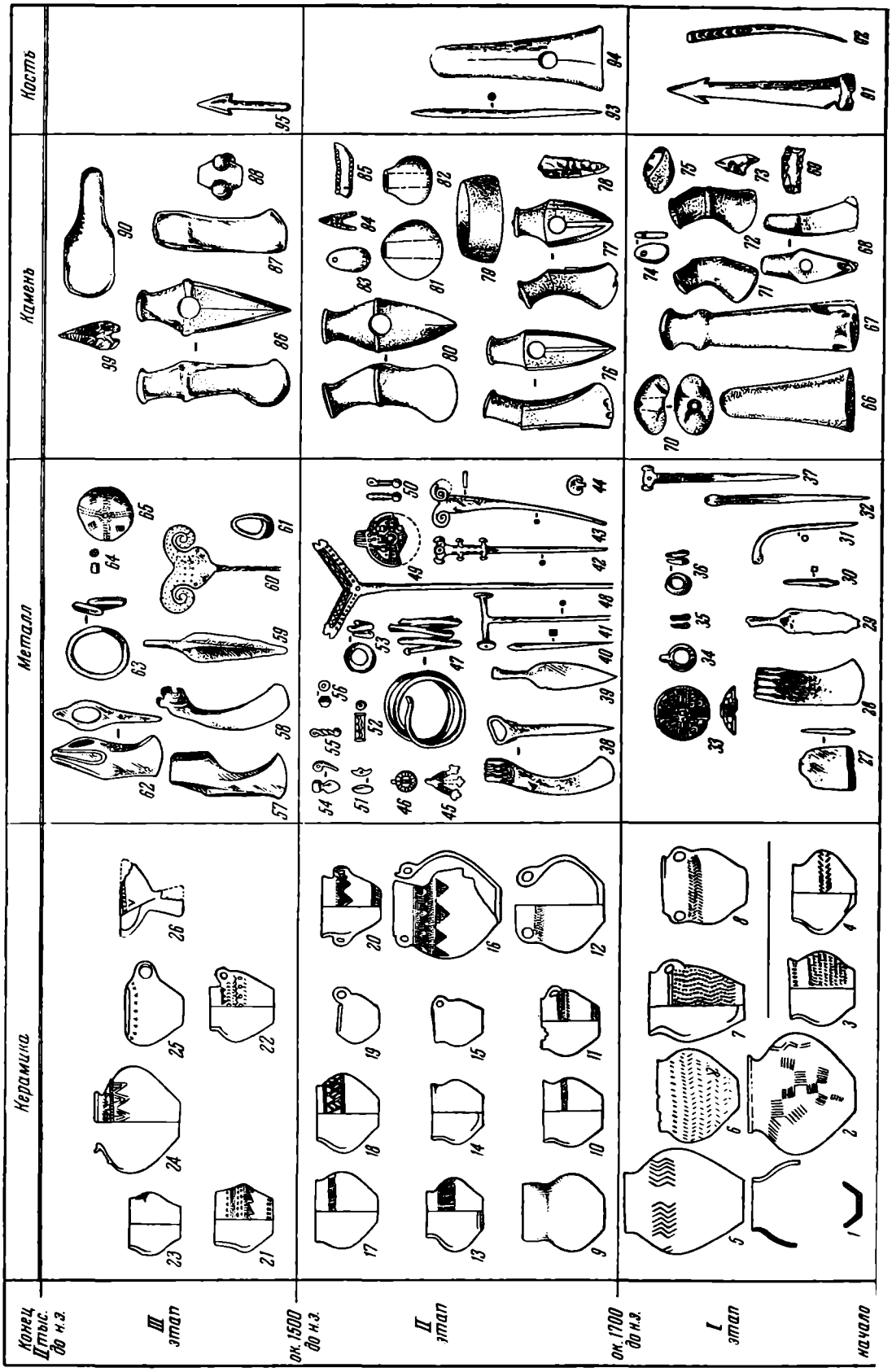

Конец II тыс. до н.э.
III этап
ок. 1500 до н.э.
II этап
ок. 1700 до н.э.
I этап
начало
Керамика
Металл
Камень
Кость

Рис. 1. Основные формы инвентаря северокавказской культуры

Керамика: *1* — Нальчик, Долинское поселение; *2* — с. Соломенка (Кабардино-Балкария); *3* — ст. Минутка (окр. Кисловодска); *4* — г. Кисловодск, «Три камня», кург. 4, гробн. 7; *5* — ст. Прохладная, музей г. Нальчика; *6* — Пятигорск, колония Николаевск; *7* — г. Кисловодск, «Три камня»; *8* — г. Нальчик; *9* — ст. Новолабинская; *10* — г. Пятигорск, Константиновское плато (ГИМ, № 83782); *11* — г. Кисловодск, «Три камня», кург. 2; *12* — г. Нальчик, Кабардинский парк; *13* — г. Пятигорск, колония Константиновская, кург. 2, мог. 2; *14* — г. Грозный, музей г. Грозного, № 475; *15* — г. Нальчик; *16* — г. Нальчик, Кабардинский парк, кург. 2; *17* — г. Кисловодск, «Три камня», кург. 4, гробн. 8; *18* — с. Манас (Дагестан), курган «Ярти-тюбе»; *19* — г. Нальчик; *20* — г. Пятигорск (ГИМ, № 86475); *21* — г. Пятигорск, колония Константиновская; *22* — Сев. Осетия, Сапата (музей г. Орджоникидзе, № 3672); *23* — г. Кисловодск (музей г. Пятигорска, № 515); *24* — Прикубанье (Краснодарский край; Н. И. Веселовский); *25* — Кумбулта, мог. «Верхняя Рутха»; *26* — г. Кисловодск, «Три камня»

Металл: *27* — плоское тесло, пос. Праздничный (Прикубанье); *28, 29* — проушной топор и листовидный нож, ст. Келермесская, кург. 5; *30* — шило, хутор Кру на р. Ульке (Прикубанье); *31* — булавка, пос. Вольный (Прикубанье); *32* — булавка, г. Кисловодск (музей г. Пятигорска, № 744); *33, 34* — бляха и подвеска, с. Соломенка (Кабардино-Балкария); *35, 36* — подвеска и височное кольцо, пос. Праздничный (Прикубанье); *37* — булавка, хутор Кру на р. Ульке (Прикубанье); *38* — топор с отвисающим обухом, Прикубанье, музей г. Краснодара, № 3613; *39* — листовидный нож, г. Кисловодск, музей г. Пятигорска, № 744; *40* — шило, с. Ачикулак; *41* — булавка, Нальчик, Кабардинский парк, кург. 4, погр. 1; *42* — булавка, г. Кисловодск; *43* — булавка, с. Гатын-Кале (Чечено-Ингушетия); *44* — навершие булавки, Махачкала, уроч. «Тарнаир»; *45, 46* — подвеска, г. Нальчик; *37* — многовитковый браслет, с. Гатын-Кале (Чечено-Ингушетия); *48* — булавка, Нальчик, музей г. Нальчика, № 1540; *49* — бляха-подвеска, с. Чегем II (Кабардино-Балкария), музей г. Нальчика, № 2213; *50* — подвеска, г. Кисловодск; *51* — пронизка, с. Кызбурун III (Кабардино-Балкария), музей г. Нальчика, № 2679; *52* — пронизка, г. Кисловодск, музей г. Пятигорска, № 744; *53* — височное кольцо, с. Верхн. Акбаш (Кабардино-Балкария); *54—56* — подвески (пронизки), бусы, г. Нальчик, «Садки»; *57* — вислообушный топор, Ставрополье; *58* — вислообушный топор, с. Галиат (мог. «Фаскау», Сев. Осетия); *59* — кинжал, с. Кумбулта (мог. «Верхняя Рутха», Сев. Осетия); *60* — булавка, с. Кумбулта»; *61* — височная подвеска, с. Кумбулта; *62* — топор, с. Лескен (Сев. Осетия); *63, 64* — браслет и бусы, с. Галашки (б. с. Первомайское, Чечено-Ингушетия); *65* — полушарная бляха с пунктирным орнаментом, Нальчик, «Советская дача»

Камень: *66* — пест, пос. Праздничный (Прикубанье); *67* — пест, Прикубанье, музей г. Краснодара, № 3613—70; *68* — топорик, с. Атажукино (Кабардино-Балкария), музей г. Ставрополя, № 4487; *69* — вкладыш (кремень), Нальчик, Долинское поселение; *70* — булава, хутор Водопадный у г. Пятигорска, музей г. Пятигорска, № 672; *71* — топорик, г. Кисловодск («Красные камни»), музей г. Пятигорска, № 670; *72* — топорик, г. Ессентуки, музей г. Пятигорска, № 669; *73* — наконечник стрелы, Нальчик, Долинское поселение; *74, 75* — подвеска и скребок, хутор Кру на р. Ульке (Прикубанье); *76* — топорик кабардино-пятигорского типа, г. Пятигорск, Константиновская колония; *77* — топорик подобного типа, с. Лескен (Сев. Осетия), музей г. Орджоникидзе, № 3870; *78* — вкладыш (кремень), Затишье (окр. Нальчика); *79* — терочник-курант, г. Кисловодск, «Три камня»; *80* — топорик, г. Нальчик, музей г. Нальчика, № 1926; *81* — булава, г. Пятигорск, музей г. Пятигорска, № 756; *82* — булава, г. Прохладный; *83, 84* — подвеска и наконечник стрелы, г. Пятигорск, колония Константиновская; *85* — ножевидная пластина с ретушью (кремень), ст. Новоджерелиевская; *86* — топорик, г. Грозный, музей г. Грозного, № 454; *87* — топор, с. Кумбулта (мог. «Верхняя Рутха», Сев. Осетия); *88* — булава, с. Нижн. Чегем (Карбардино-Балкария); *89* — наконечник стрелы, с. Кумбулта («Верхняя Рутха»); *90* — пест, с. Галиат (мог. «Фаскау», Сев. Осетия)

Кость: *91* — гарпун, Прикубанье, музей г. Краснодара; *92* — костяная булавка, пос. Праздничный (Прикубанье); *93* — заостренное орудие, Пятигорск, колония Константиновская; *94* — «Костяной топор» (муфта), г. Кисловодск, «Три камня», кург. III; *95* — наконечник стрелы, с. Чми (мог. «Беахни-кун», Сев. Осетия)

Бронзовые изделия многочисленны и очень выразительны: плоские тесла, проушные топоры, изогнутые булавки (в ранних комплексах) и висло-обушные топоры, листовидные ножи с небольшим черешком, бронзовые молоточковидные и волютообразные булавки, подвески, пронизки, бляшки, покрытые узором, имитирующим шнур. В позднее время металлические предметы имеют черты сходства с изделиями прикубанской и кобанской культур. Широко распространены изделия из камня (булавы, топоры), особенно изящные топоры кабардино-пятигорского типа.

Памятники северокавказской культуры хронологически могут быть расчленены на три этапа от времени появления первых признаков данной культуры до ее угасания. Время полного сложения данной культуры является в то же время переходом ко второму этапу (эпохе расцвета); третий этап намечается с момента интенсивного проникновения племен катакомбной культуры на Северный Кавказ.

Наиболее характерный инвентарь, разбитый по выделенным этапам, сведен в таблицу (рис. 1).

Территориально северокавказская культура охватывает бассейн рек Кубани и Терека. На севере, северо-востоке данная культура смыкается с южным и юго-восточным краем территории, занимаемой катакомбной культурой (по рекам Кирпили, Кугульта, Калаус, Нижнему Тереку), образуя «зону стыка» двух культур, где встречаем ма-

териал смешанного облика. Наметить четкую границу северокавказской культуры на данном участке очень трудно, так как пространство от г. Ставрополя до г. Кизляра археологически почти не изучено. На западе и юго-западе северокавказская культура соприкасается с территорией прикубанских дольменов. Южная и юго-восточная граница проходит по Главному Кавказскому хребту. Очерченную территорию северокавказские племена занимали в эпоху своего расцвета (к середине II тысячелетия до н. э.). Конечно, эти границы не оставались все время стабильными, особенно со второй половины II тысячелетия до н. э. в связи с интенсивным продвижением на юг катакомбных племен [2].

Племена северокавказской культуры представляли собой родовое общество с оформившимися патриархальными отношениями. Основой хозяйства являлись стадное, пастушеское скотоводство и быстро развивающееся земледелие [3].

В кратком введении трудно осветить даже фрагментарно многие вопросы, связанные с изучением северокавказской культуры. В настоящей статье я ограничиваю свои задачи только рассмотрением вопроса о происхождении данной культуры. Вопрос этот очень сложен. Автор не питает надежды разрешить его полностью ввиду недостатка материала и считает свою работу одной из первых попыток в этом направлении.

Определенная связь между майкопской и северокавказской культурами установлена уже давно. В. А. Городцов в своей «Бытовой археологии» [4], а позже и в статье для первого издания БСЭ не расчленял обе культуры, объединяя их под общим названием северокавказской культуры [5], но считал памятники майкопского круга более ранними.

В дальнейшем А. В. Шмидт отделил материал эпохи бронзы (собственно северокавказской культуры в ее общепринятом значении) от материала памятников майкопского круга. Правда, он допустил ошибку, соединив предметы северокавказской культуры (у него — среднекубанской группы) с комплексами катакомбной культуры [6], что опять-таки показательно: вещи, оставленные древними племенами Северного Кавказа, действительно имеют в некоторых своих элементах сходство с вещевым материалом катакомбной культуры. Определенную работу по разрешению вопроса происхождения северокавказской культуры проделали А. А. Иессен, Б. Е. Деген, А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, Е. И. Крупнов.

Для выяснения вопроса происхождения северокавказской культуры необходимо произвести сравнение погребальных комплексов и вещевого материала двух культур: майкопской и северокавказской.

Как известно, в погребальных сооружениях майкопской культуры широко применялся камень: часто из камня состояла курганная насыпь; могила окружалась кольцом из камней, а дно ее покрывалось слоем гальки или выкладывалось камнем.

Для погребального обряда характерны также скорченное положение покойника, ориентировка его головой на юг, обильная посыпка как самого покойного, так и всей могилы краской (охрой) [7]. Таков обряд погребения в самом Майкопском кургане, в дольменах ст. Новосвободной [8]. Близкий

[2] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 45, рис. 9. Автор данной работы несколько преувеличивает интенсивность продвижения племен катакомбной культуры в область Кабардино-Пятигорья.

[3] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 83, 88—89.

[4] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 252—258.

[5] Его же. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, т. 7, изд. 1, М., 1927, стр. 614—615, рис. 16—37.

[6] A. V. Smidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 14.

[7] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950 стр. 178; Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. I, Нальчик, 1951, стр. 44.

[8] ОАК за 1897 г., стр. 2—11; ОАК за 1898 г., стр. 33 сл.

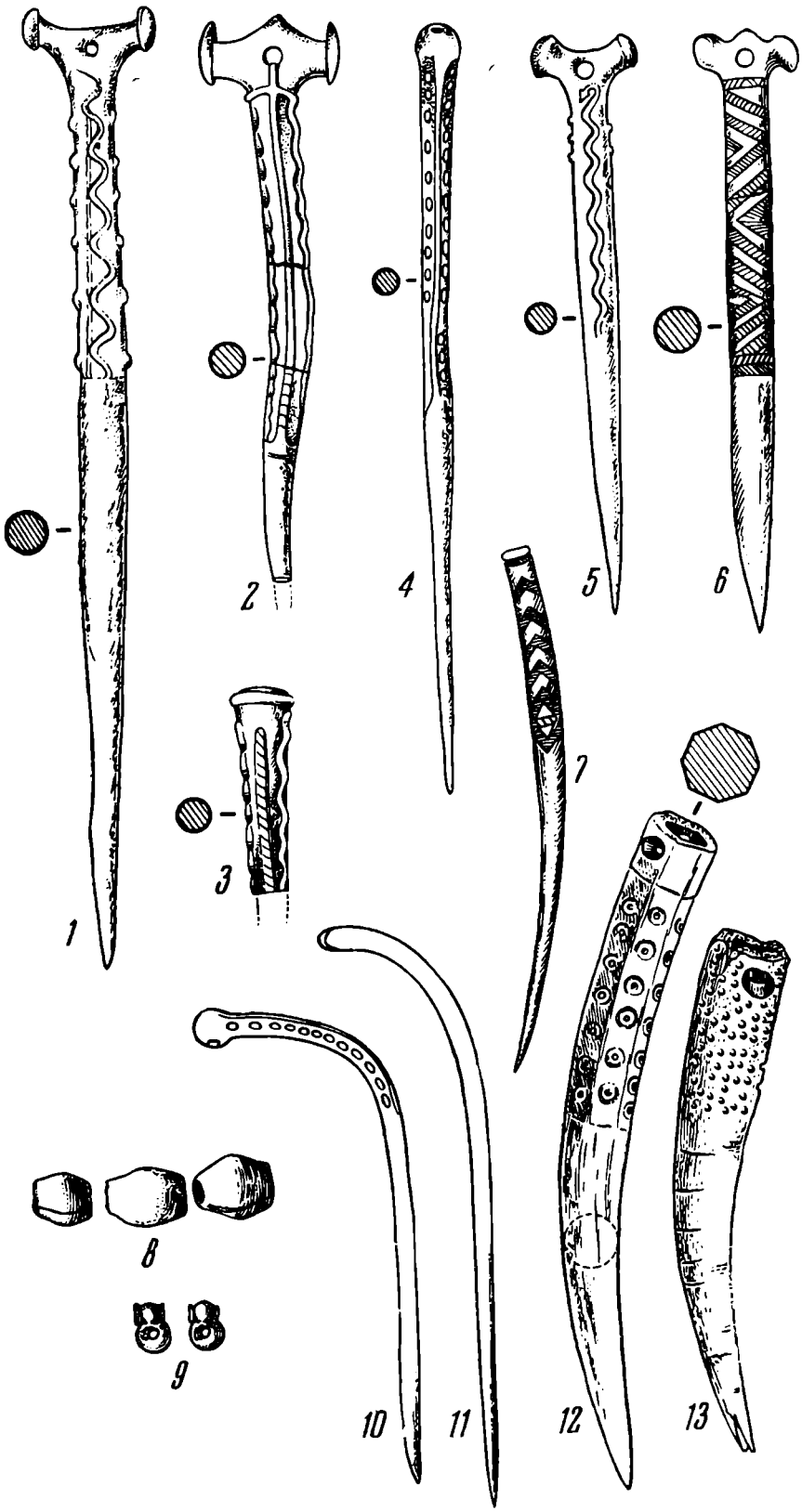


Рис. 2. Предметы из кости и бронзы, найденные на Северном Кавказе

1 — бронзовая булавка, Хатажукаевский аул (участок Харина, Н. И. Веселовский, 1899 г.); *2—4* — бронзовые булавки, г. Кисловодск, музей г. Пятигорска, № 744; *5, 6* — бронзовая и костяная булавки, с. Благодарное, музей г. Ставрополя, № 239; *7* — костяная булавка, пос. Праздничный на Кубани; *8* — бронзовые бусы, курган Ульского аула; *9* — бронзовые подвески, Ульский аул; *10* — бронзовая булавка, Ульский аул; *11* — золотая булавка, ст. Новосвободная; *12* — изогнутое орудие, музей г. Краснодара, № 3613; *13* — изогнутое орудие (рог), с. Верхний Кобан

обряд обнаружен в Моздокском кургане № 10 (погребение № 18), расположенном в 370 *км* к востоку. Там погребение совершено на слое гальки, окрашено охрой; не совпадает только ориентировка покойного головой на северо-восток [9].

Известно, что обряд погребения очень консервативен и сохраняется в течение длительного времени, меняясь под влиянием перемен, происходящих в идеологии населения, или в результате изменений в этническом составе последнего.

Просматривая материал раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье, находим ряд погребений, совершенных по обряду, принятому носителями майкопской культуры, но с инвентарем, не совсем обычным для этой культуры. Инвентарь погребений близок скорее к вещам северокавказской культуры. Встречаются также погребения со смешанным инвентарем.

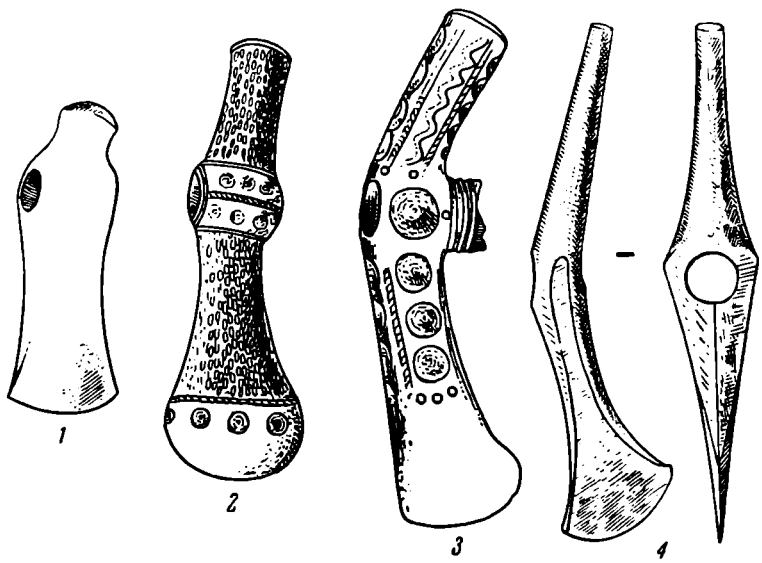


Рис. 3. Бронзовые топоры с выступающей молоточной частью

1 — ст. Воздвиженская; *2* — местн. «Лашкуты» (Кабардино-Балкария); *3* — окрестности г. Нальчика; *4* — ст. Андрюковская, кург. 7

Ниже приводится сводка погребений такого переходного облика.

1. Хатажукаевский аул. Курган на участке И. П. Харина. Погребение № 2. Дно могилы выложено булыжником, скорченный костяк ориентирован головой на юг. Под головой найдена бронзовая молоточковидная булавка (рис. *2*, *1*) [10], типичная для северокавказской культуры.

2. Ст. Воздвиженская. Большая могила под курганом, выложенная по дну голышами. На них лежало четыре окрашенных скелета, ориентированных головами на юг. В головах первых трех находились глиняный горшок, медный тесловидный топор («пальштаб»), медный топор с проушиной и выступающей в виде молоточка обушной частью (рис. 3, *1*) [11], медное долото, стержень и кусок кремня [12].

Найденный в погребении сосуд имеет форму горшка и, в отличие от майкопской керамики, которая делалась из тонкоотмученной пачкающей

[9] Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 246; Б. Б. Пиотровский. Отчет о работе Моздокской арх. экспедиции 1936 г. Архив ЛОИИМК, ф. 2, д. 263 за 1936 г., л. 9 и д. 380 (ф. 2) за 1936 г., л. 15.

[10] ОАК за 1899 г., стр. 50, рис. 98; Архив ЛОИИМК, дело АК, № 96 за 1899 г., л. 59.

[11] Спектральный анализ металла этого топора, произведенный И. Р. Селимхановым, показал: Cu — основное содержание; Sn — 0,003%; Zn — 0,01%; As — 5,02%; Ag — до 0,1% и т. д. Орудие изготовлено из мышьяковистой бронзы.

[12] ОАК за 1899 г., стр. 47, рис. 79—81; Архив ЛОИИМК, дело АК, № 96 за 1899 г., л. 57.

глины розово-красного цвета, вылеплен из комковатой глины черного цвета, т. е. изготовлен из теста, обычного для сосудов северокавказской культуры. Форма его также не совсем типична для майкопских сосудов.

Медный топор с проушиной А. Европеус считает подражанием дунайским каменным топорам с «кнопкой на обухе» («die Knaufhammeräxte»), и в то же время данный предмет, по его мнению, показывает путь развития каменных топоров пятигорского типа [13]. Несомненно, что топор из

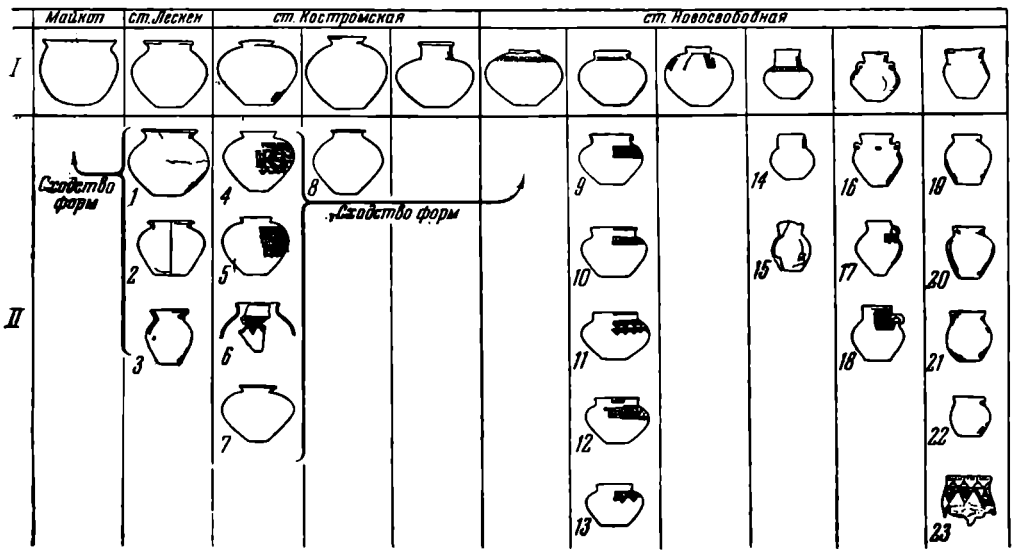


Рис. 4. Сравнительная таблица керамических форм майкопской и северокавказской культур

I. Сосуды майкопской культуры (г. Майкоп, с. Ст. Лескен, ст. Костромская и ст. Новосвободная). II. Сосуды северокавказской культуры: *1* — с. Соломенка, погр. № 3; *2* — ст. Казанская (Н. И. Веселовский, 1901 г.); *3*— Прикубанье (Н. И. Веселовский); *4* — Кабардино-Балкария (музей г. Нальчика, № 1404); *5* — местн. «Сапата» в Сев. Осетии (музей г. Орджоникидзе, № 3672); *6* — г. Нальчик, Кабардинский парк, кург. № 2-а; *7* — с. Соломенка, погр. № 1; *8* — с. Соломенка, погр. № 2; *9* — колония Константиновская, близ г. Пятигорска, кург. № 2 (погр. № 2); *10* — Константиновское плато, близ Пятигорска, курган, кам. ящик 4; *11* — г. Нальчик (Кабардино-Балкария); *12* — г. Нальчик (музей г. Нальчика, № 1845); *13* — ст. Новосвободная (впускное погребение, 1898 г.); *14* — ст. Ново-Лабинская (1899 г.); *15* — ст. Келермесская, кург. № 5, погр. № 1 (1904 г.); *16* — хут. Зубовский, кург. № 1 (1900 г.); *17* — сел. Верхний Акбаш, кург. № 1, погр. № 9 (Кабардино-Балкария, Е. И. Крупнов, 1948 г.); *18* — из Ставрополья (музей г. Ставрополя, № 3297); *19* — «Золотое кладбище» между ст. Казанской и ст. Тифлисской (Н. И. Веселовский, 1901 г.); *20* — ст. Урупская (Н. И. Веселовский); *21*, *22* — курганы в «Садках» у г. Нальчика; *23* — ст. Усть-Лабинская, кург. № 3 (Н. И. Веселовский, 1903 г.)

ст. Воздвиженской является определенным звеном на пути создания богато орнаментированных и гладких секировидных топориков (рис. 3, *2, 3*), появляющихся среди предметов северокавказской культуры.

Погребение из кургана ст. Воздвиженской А. А. Иессен относит к кругу «больших кубанских курганов» в «расширенном смысле» [14].

3. Ст. Андрюковская. Курган № 7. Насыпь сложена из булыжника. Могильная яма обложена голышами. Погребение аналогично (по словам Н. И. Веселовского) центральному погребению в кургане № 6, которое А. А. Иессен с полным правом относит к кругу майкопских памятников [15]. В этом погребении, сохраняющем майкопский обряд, найдены бронзовые вилка, согнутая из четырехгранного прута, четыре листовидных ножа и булавка с молоточковидными выступами [16].

Вилки разного вида встречаются только в памятниках майкопского типа (дольмены у ст. Новосвободной [17]). Среди материалов северокавказской

[13] A. Äyräpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII, Helsinki, 1938, стр. 56.

[14] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 163.

[15] Там же.

[16] ОАК за 1896 г., стр. 54, рис. 267; Архив ЛОИИМК, дело АК, № 52, за 1896 г., лл. 15, 52 (рисунки).

[17] ОАК за 1898 г., стр. 35

культуры раннего этапа они почти не известны; вероятно, их функции исполняют крючья [18].

Остальной инвентарь данного погребения (булавка, ножи) типичен для северокавказской культуры.

4. Ст. Казанская. В кургане «А» в центре обнаружено две могилы. В одной из них (могильная яма ориентирована с востока на запад) обнаружены разбросанные кости, вероятно, от нескольких скелетов. У южной стены стоял горшок из серой глины (очевидно, в головах). В юго-западном углу находился тонкостенный сосуд с красной поверхностью, прикрытый черепком. Между костями — голыши (дно выложено речным камнем) [19].

В Государственном Историческом музее хранятся предметы из курганов ст. Казанской. Среди них имеются четыре сосуда. Два из них — сосуд с красной поверхностью и сосуд баночного типа, тулово которого покрыто орнаментом, небрежно нанесенным треугольным штампом и горизонтальными вдавлениями,— вероятно, принадлежали описываемому погребению.

Сосуд с красной поверхностью формой несколько напоминает майкопские сосуды, но у него плоское, довольно широкое дно, что не характерно для сосудов майкопской культуры; изготовлен он из черной (в изломе) комковатой глины. Второй сосуд, изготовленный также из черной глины, ничего общего не имеет с майкопским. Близкий по типу сосуд с небрежной орнаментацией вдавлениями находим среди предметов северокавказской культуры из окрестностей Пятигорска (раскопки И. С. Гумилевского, 1951 г.) [20]. Сосуд с подобным орнаментом найден на станции Минутка близ Кисловодска [21]. Сходные по форме баночные сосуды известны из с. Кумбулта (Сев. Осетия) [22].

Погребение в кургане «А» ст. Казанской А. А. Иессен также относит к кругу памятников майкопской культуры [23].

5. Ст. Псебайская. Курган № 1. Насыпь из голыша. В «центровой» могиле найден инвентарь, типичный для майкопской культуры: медная кирка с загнутыми концами, золотые и сердоликовые бусы, бронзовые (медные) плоские тесловидные топоры и пр. Тут же находилась бронзовая булавка с молоточковидными выступами [24].

Курган с данным погребением А. А. Иессен также относит к кругу майкопских древностей [25].

6. Ст. Ново-Лабинская. Курган № 3. Могила («гробница») на материке. Костяк в скорченном положении лежал головой на юг. У черепа найдены два бронзовых листовидных ножа, глиняный сосудик, кремень. В области шеи и груди — бронзовые привески. Погребение обильно посыпано краской [26].

Данный памятник сохраняет в погребальном обряде определенные черты майкопского облика (южная ориентировка, окрашенность скелета) при наличии инвентаря, типичного для северокавказской культуры.

7. Сел. Соломенка (Кабардино-Балкария). Погребения, вскрытые в нем в 1926 г. местными жителями, дали инвентарь смешанного облика [27].

А. А. Иессен в своем списке памятников круга «больших кубанских курганов» подчеркивал, что данный материал он понимает в расширен-

[18] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 200.
[19] ОАК за 1901 г., стр. 67—68; Архив ЛОИИМК, дело АК, № 103 за 1901 г., л. 35.
[20] Материал не издан. Архив ИИМК, д. 580, 1951 г. (отчет И. С. Гумилевского), л. 15; коллекции в ГИМ, инв. № 83782.
[21] Пятигорский городской музей, инв. № 558.
[22] МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. XCIX, *6*, *7*.
[23] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 162.
[24] ОАК за 1895 г., стр. 29—30; Архив ЛОИИМК, дело АК, № 93 за 1895 г., л. 31.
[25] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 163.
[26] ОАК за 1899 г., стр. 43; Архив ЛОИИМК, дело АК, № 96 за 1899 г., л. 55.
[27] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 193 сл.

ном смысле, т. е. дает опись памятников, близких майкопской культуре обеих подгрупп (майкопской и новосвободненской) [28].

Как видно из анализа данных погребений, сочетание майкопского погребального обряда и смешанного характера инвентаря не случайно, так как не представляет собой единичного явления.

К сожалению, фрагментарность вещевого материала старых раскопок (Н. И. Веселовский, Д. Я. Самоквасов и др.), небольшое количество новейших работ по исследованию интересующих нас памятников (Б. Е. Деген-Ковалевский, Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов) не позволяют продлить этот список. Но и он довольно ясно указывает на определенную генетическую связь северокавказской культуры с предшествующей майкопской культурой. Эта связь подчеркивается прежде всего пережитками древнего погребального ритуала.

Выше указывалось на обилие камня в погребальных сооружениях майкопской культуры (каменная насыпь, каменные кольца, выкладка камнем дна могилы). Курганы, оставленные племенами северокавказской культуры, большей частью также имеют каменные насыпи. Для примера укажем на самый большой курган у ст. Андрюковской (высота около 8,5 *м*), поверхность которого была «как бы вымощена голышами» [29]. Такова насыпь еще трех курганов из той же курганной группы у ст. Андрюковской. Раскопки их дали материал, типичный для северокавказской культуры [30]. В Ставрополье тем же Н. И. Веселовским исследован ряд курганов. Курганы у сел Орехова (Ореховка) и Высоцкого имели насыпи, сложенные в верхней части из камня [31], так же как и курган у г. Пятигорска (колония Николаевская) [32].

Курганы у с. Заюково (Кабардино-Балкария), исследованные А. А. Иессеном, также имели два-три слоя камня в насыпи [33]. Насыпь, насыщенную камнями, имеют и курганы в районе г. Нальчика [34], с. Ст. Лескен [35], Старый Урух (курган № 2) [36] и другие курганы, исследованные в Кабардино-Балкарской АССР.

Большое количество камней содержали и разрушенные курганы у с. Ардон (Сев. Осетия, 1955 г.) [37]. Таковы же по характеру насыпи очень интересные курганы с. Миатлы (р. Сулак, Дагестан) [38].

Часто это огромное количество камней словно опоясывает курганную насыпь. Их скопление вполне закономерно можно назвать «каменным панцирем». Такие «панцири» имели курганы у сел Каменномостское и Хабаз (Кабардино-Балкарской АССР), давшие погребения с шнуровой керамикой и каменным топориком кабардино-пятигорского типа [39]. Тако-

[28] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 162. Помимо указанных памятников, в этой работе приводится целый ряд памятников чисто майкопского облика.

[29] Архив ЛОИИМК, дело АК, № 52 за 1896 г. (Дневник раскопок Н. И. Веселовского), л. 13.

[30] ОАК за 1897 г., стр. 22.

[31] ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 159. К сожалению, Н. И. Веселовский очень мало уделял внимания исследованию характера насыпи.

[32] M. Jegorov. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolajevsk. ESA, IV, Helsinki, 1929.

[33] Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 223; Архив ЛОИИМК, дело ГАИМК, № 213 за 1934 г., л. 40 и сл.

[34] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр 213, 217; Е. Хакуашев. Новые археологические находки. Уч. зап. Кабардинск. НИИ, т. VII, Нальчик, 1952, стр. 196, рис. 2.

[35] Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 12.

[36] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Уч. зап. Кабардинск. НИИ, т. V, Нальчик, 1950, стр. 230.

[37] Материал не опубликован. Северо-Осетинский краеведческий музей (г. Орджоникидзе), инв. № 3872.

[38] В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году. Уч. зап. Дагестанского филиала АН СССР, т. I, Махачкала, 1956, стр. 212.

[39] К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, № 23, 1951, стр. 126; см. также материал из раскопок О. В. Милорадович близ с. Каменномостского, используемый в данной статье с ее любезного разрешения.

вы по своему строению курганы у аулов Тарки и Кяхулай (район г. Махачкала, Дагестан) [40]. Вероятно, такую же структуру насыпи имели курган Сангарау-Тепе у ст. Джегутинской (Ставрополье) [41] и курганы Карраса под г. Пятигорском [42].

И, наконец, пережитком каменных насыпей являются каменные «наброски», непосредственно прикрывавшие погребение внутри кургана. Таковы кучи камней над каменными ящиками и склеповидными сооружениями в курганах урочища «Три Камня» у г. Кисловодска [43], у Константиновки под Пятигорском [44]. Груда ломаных мелких камней сопровождала погребение в кургане у ст. Гастагаевской [45].

Со времени бытования майкопской культуры сохраняется традиция окружать погребения кольцами, сложенными из камня (подобие кромлехов), вымостками из каменных плит по поверхности древнего горизонта. Такова вымостка в кургане у г. Хасавюрт в Дагестане [46]. Подобие кромлехов прослежено в курганной группе у с. Миатлы [47]. Очень интересный курган раскопан в 1951 г. краеведом И. С. Гумилевским в районе г. Пятигорска. Каменные вымостки в нем шли от погребения к погребению, образуя в целом нечто вроде спирали [48]. Вымостка из мелких камней была прослежена в кургане № 1 у с. Заюково [49], а в кургане с. Старый Урух обнаружен кромлех [50].

В центральном погребении Майкопского кургана и близких ему памятниках (Старый Урух, Ново-Лабинская, Казанская и др.) встречаем обильную посыпку красной краской (мумией, суриком, охрой) не только погребенного, но и всей могилы; краска покрывает также инвентарь и пол, выложенный камнями.

В погребениях ст. Новосвободной (бывш. Царской), относимых ко второй подгруппе «больших кубанских курганов», употребление краски уже менее обильное.

В погребальных памятниках времени расцвета северокавказской культуры красной краской обычно наиболее интенсивно посыпались голова и ноги покойного. Сохранялась также ориентация умершего — преимущественно головой на юг («Высокий курган» у ст. Казанской, курган № 11 у ст. Петропавловской, курган Гейманоовского поселка и др.); иногда наблюдается галечная вымостка по дну могилы (Келермес, курган № 3, впускное погребение над центром).

В дальнейшем меняется ориентировка, она становится менее устойчивой, вместе с тем постепенно исчезает и обычай сильного окрашивания костяка. К концу II тысячелетия до н. э. ритуальное окрашивание костяков вообще исчезает на Северном Кавказе.

Погребальные сооружения северокавказской культуры в основном сводятся к грунтовым ямам и каменным склеповидным сооружениям. Ямы иногда укреплялись деревом и камнем. Известное погребальное сооружение Майкопского кургана также было укреплено деревом и имело деревянные перегородки [51]. На этапе «новосвободненской подгруппы» мы сталкиваемся с дольменными сооружениями. К сожалению, северокавказские дольмены и памятники типа «больших кубанских курганов» слабо изучены; это не позволяет установить зависимость дольменов

[40] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, стр. 226—230.
[41] ОАК за 1901, стр. 86.
[42] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 31.
[43] Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 23 и сл.
[44] Там же, стр. 35 и др.
[45] ОАК за 1903 г., стр. 80.
[46] ОАК за 1902 г., стр. 97 и сл. (исследования В. И. Долбежева).
[47] В. И. Канивец. Ук. соч., стр. 211 и сл.
[48] Материал не опубликован. Архив ИИМК, д. 580 за 1951 г., л. 7 и сл.
[49] Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 223.
[50] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году, стр. 224.
[51] ОАК за 1897 г., стр. 2 сл.

ст. Новосвободной от дольменной культуры Кавказа, а какая-то связь здесь, вероятно, есть. Можно предполагать преемственную связь дольменных сооружений со склеповидными гробницами и каменными ящиками. Те и другие, появляясь на новосвободненском этапе, бытуют на Северном Кавказе долго, вплоть до позднего средневековья (некоторые из средневековых склепов даже имеют круглые отверстия, обычные у древнейших дольменов) [52].

Таким образом, сравнительный анализ погребального обряда племен северокавказской культуры показывает определенную общность и генетическую связь с обрядом погребения более древнего населения края. Нужно отметить и тот факт, что территориально обе культуры в западной и центральной части Северного Кавказа совпадают и часто в одном и том же кургане мы встречаем погребения обеих культур.

Так, в насыпи Майкопского кургана, выше известного погребения вождя находилась впускная могила, «сложенная из голышей», с инвентарем северокавказского типа [53]. В кургане с. Старый Лескен над погребением майкопского типа непосредственно под булыжной насыпью находились погребения северокавказской культуры [54]. Такова стратиграфия и в кургане ст. Келермесской (курган № 3) [55], в курганах ст. Казанской [56] и др. А. А. Иессен в своей работе, посвященной хронологии «больших кубанских курганов», специально останавливается на этом вопросе [57].

Неудивительно, что именно в области бытования майкопской культуры возникли многие довольно стойкие черты северокавказской культуры, которые затем так ярко расцвели в Кабардино-Пятигорье.

Конечно, любая археологическая культура не может возникнуть только на основе развития какой-то одной более древней культуры, без взаимодействия с соседними племенами. Это справедливо и для северокавказской археологической культуры.

Металлические изделия майкопской культуры, как показал А. А. Иессен, на первом этапе ее развития были привозными [58]. Изделия новосвободненской подгруппы (курганы ст. Новосвободной, Махошевской, Андрюковской и др.) уже свидетельствуют о появлении местной металлургии [59]. Об этом же говорят и одинаковые орнаментальные мотивы как на медных изделиях, так и на керамике [60]. А. А. Иессеном прослежено развитие металлических предметов со времени бытования майкопской культуры вплоть до I тысячелетия до н. э. («позднекубанской группы») [61].

Это избавляет от необходимости анализировать такие медные изделия, как орудия, оружие, и дает возможность уделить большее внимание анализу керамики и украшений (булавкам).

Для керамики майкопской подгруппы характерны сосуды, изготовленные из довольно рыхлой чистой (без примесей) глины, с оранжево-красной пачкающей поверхностью [62]. Сосуды имеют округлое, почти шарообразное тулово; они круглодонны или снабжены небольшим дном, края венчика довольно сильно отогнуты. Таковы сосуды из центрального погребения Майкопского кургана [63], ст. Костромской [64], с. Старый Урух и Старый

[52] Е. Д. Фелицын. Западно-кавказские дольмены. МАК, вып. IX, М., 1904.
[53] ОАК за 1897 г., стр. 2.
[54] Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе, стр. 12.
[55] ОАК за 1904 г., стр. 95.
[56] ОАК за 1900 г., стр. 45.
[57] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 165—167.
[58] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ГАИМК, вып. 120, М., 1935, стр. 87.
[59] Там же, стр. 87 и сл.
[60] Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды, стр. 52.
[61] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 171—174, 200, табл.
[62] Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды, стр. 44; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 185.
[63] ОАК за 1897 г., стр. 10, рис. 36—41.
[64] Там же, стр. 16, рис. 53—57.

Лескен [65], нижнего слоя Долинского поселения [66] и т. д. Орнаментация на них отсутствует.

Сосуды из новосвободненской подгруппы погребений близки по форме сосудам первой подгруппы, но венчики их не так сильно отогнуты; появляются «кувшины» с высокой шейкой, некоторые из них имеют ручки. Сосуды орнаментированы по плечикам узором в виде нескольких рядов «елочки» и налепных кружочков, нанесенных штампом. Мелкая «елочка» очень напоминает оттиски шнура. Таковы сосуды из известных погребений ст. Новосвободной (бывш. Царской) [67]. Верхний слой Долинского поселения дал керамику, идентичную новосвободненской. Она изготовлена из глины более низкого качества (сравнительно с майкопской керамикой), имеет примеси кварца, чешуек слюды. Наружная поверхность сосудов темная, вплоть до черной, в изломе цвет керамики варьирует от светло-серого до черного [68], т. е. по тесту эта керамика близка глиняной посуде северокавказской культуры. Керамика Долинского поселения (обоих слоев) близка керамике изучаемой культуры и по форме. Все типы сосудов, выделенные среди материалов Долинского поселения [69], бытовали и у племен северокавказской культуры. Керамический материал Долинского поселения дает и первые элементы орнаментики, расцветающие позже на сосудах изучаемой культуры. Таким элементом являются треугольники, опущенные вершиной вниз [70]. Здесь нет еще орнаментации веревочкой; вероятно, она появляется немного позже.

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, исследовавшие Долинское поселение, вполне обоснованно замечают, что верхний слой данного поселения (синхронный новосвободненской группе) «непосредственно смыкается со временем захоронения в курганах среднекубанской группы (северокавказской культуры.— *В. М.*)» [71].

Среди довольно обширной коллекции сосудов северокавказской культуры находим ряд сосудов, близких по форме посуде майкопской культуры в целом. Эти данные сведены нами в таблицу (рис. 4). Рассмотрение ее позволяет сделать вывод как о близости новосвободненских форм чисто майкопским (Майкоп, ст. Костромская, Ст. Лескен), так и о близости форм северокавказской керамики посуде майкопской культуры.

Надо подчеркнуть, что сосуды северокавказской культуры довольно часто снабжены ручками [72], на них нередко встречается орнаментация в виде «елочки», близкая узорам на посуде из ст. Новосвободненской и из Долинского поселения. Следует отметить сходство «елочной» орнаментации керамики ст. Новосвободной и Долинского поселения со шнуровой орнаментацией. Вероятно, в силу этого сходства носители майкопской культуры (на позднем ее этапе) легко приняли новый способ орнаментации — оттиски веревочки (шнура), так как это особенно не нарушало их культовые требования и эстетические запросы.

В странах Древнего Востока мы не знаем способа украшения глиняной посуды оттисками шнура, если не считать Финикии и Индии (Мохенджо-Даро), где во II тысячелетии до н. э. употребляли такой прием [73]. Шнуровая орнаментация имела широкое распространение среди различных племен эпохи бронзы. На Северный Кавказ этот узор проник, вероятно, с территории племен соседней катакомбной культуры, где он встречается

---

[65] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., стр. 226.

[66] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 185—186.

[67] ОАК за 1898 г., стр. 35, табл. V, рис. 57—63; табл. VI, рис. 64—68.

[68] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 185 и сл.

[69] Там же, стр. 185—191.

[70] Там же, стр. 193.

[71] Там же, стр. 196.

[72] Ручки на сосудах северокавказской культуры большей частью или отходят непосредственно от края венчика, или размещаются на самой выпуклой части тулова.

[73] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 273, 332.

еще на сосудах из поздних ямных погребений [74]. Этот орнамент был принят вначале для украшения керамики, а затем и металлических изделий [75].

Можно попытаться указать время проникновения на Северный Кавказ приема орнаментации оттисками шнура. Если учесть близость керамических форм верхнего слоя Долинского поселения материалам из Соломенского кургана, где металлические изделия имеют яркую «шнуровую» орнаментацию вполне развитого типа, то можно сказать, что это произошло вскоре после прекращения существования Долинского поселения [76]. (А. А. Иессен датирует новосвободненскую подгруппу от 2100 до 1700 г. до н. э. [77], несомненно несколько омолаживая эти памятники).

Учитывая наличие майкопских черт в раннем инвентаре, можно сказать, что это явление могло иметь место в период около 1800 г. до н. э., так как для более позднего времени — времени Соломенки и других памятников — орнаментика шнуром уже известна.

Наиболее ранние памятники с архаичными приемами шнуровой орнаментации надо искать в широкой «зоне стыка» племен Северного Кавказа с племенами южнорусских степей.

Часто встречающиеся в погребениях северокавказской культуры молоточковидные булавки одним из прототипов, вероятно, имели западногрузинские формы (Сачхере) [78]. Булавки эти напоминают стержень с колесиками (рис. 1, *41*). Нельзя отрицать и огромное сходство их с костяными булавками катакомбной культуры [79]. В степных районах эти костяные булавки известны еще в ямных погребениях. Возможно, что они и явились вторым прототипом северокавказских металлических булавок. Об этом могут свидетельствовать совместные находки их в сс. Летницком [80], Благодарном (Ставрополье, рис. 2, *5, 6*) [81], Ремонтном (Астраханские степи) [82]. Надо отметить, что и эти совместные находки были сделаны не в горных районах, а в степной части — «зоне стыка» северокавказской и степных культур, где издавна происходило общение древнейших племен между собой.

Сопоставлять же северокавказский материал с материалом Восточных Альп и Европы для выяснения происхождения этих булавок, как это делал А. М. Тальгрен в своих «Северокавказских этюдах» [83], вряд ли целесообразно и возможно. В Средней Европе найдено всего четыре экземпляра металлических молоточковидных булавок [84], да и то совершенно иной конфигурации.

О том, что сложение северокавказской культуры, как и любой другой, шло очень сложным путем, свидетельствует известное погребение № 1 в кургане Ульского аула, давшее алебастровые и глиняные женские статуэтки, глиняный горшочек, фрагменты керамики (один из них имеет орнамент, близкий северокавказскому), изделия из меди и пр. [85]. Нас

---

[74] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, М., 1955, стр. 60.

[75] Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды, стр. 61.

[76] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 196.

[77] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 193.

[78] О. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); Материалы Гос. музея Грузии (раскопки Б. А. Куфтина, Е. Такайшвили).

[79] С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рецензия на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры», СА, 1957, № 2, стр. 273—274.

[80] ОАК за 1899 г., стр. 56—57, рис. 103, 104.

[81] Музей г. Ставрополя, инв. № 239 (9110).

[82] ОАК за 1904 г., стр. 133—134, рис. 247, 248.

[83] A. M. Tallgren. Etudes sur le Caucase du nord. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 38 и сл.

[84] V. Milojčić. Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadeln. Germania, ч. 3, Berlin, 1955, стр. 241. Вопрос, поднятый автором в этой статье, требует специального исследования.

[85] ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 153—154, рис. 220—225; Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35, СПб., 1910, табл. I и II.

больше всего сейчас интересуют металлические предметы: четыре изогнутые булавки с отверстиями у головок, девять бус (рис. 2, *8*), пять подвесок (рис. 2, *9*) и три трубочки, свернутые из листков меди. Одна из упомянутых изогнутых булавок имеет рельефный орнамент (рис. 2, *10*), типичный для бронзовых украшений северокавказской культуры. Вместе с тем ульские булавки близки булавкам, найденным в погребениях ст. Новосвободной (кург. №№ 1, 2; рис. 2, *11*) [86]. Это лишний раз подчеркивает определенные связи северокавказского металла с изделиями позднего этапа майкопской культуры. О том же, что погребение № 1 Ульского аула можно связывать с ранней фазой развития северокавказской культуры, свидетельствуют медные подвески и бусы несколько упрощенных форм, часто встречающиеся в более ярких вариантах в памятниках Северного Кавказа около середины II тысячелетия до н. э. (г. Нальчик — Кабардинский парк [87], с. В. Баксан [88], Кызбурун III [89] и др. в Кабардино-Балкарии; г. Кисловодск [90]; с. Ардон в Сев. Осетии [91]; ст. Андрюковская [92] и др. в Краснодарском крае и т. д.).

Интересно отметить и тот факт, что булавки с прямым стержнем, очень близкие изогнутым, определенное время сосуществуют с молоточковидными булавками. Так, в кургане у г. Кисловодска найдены две прямые булавки и молоточковидная булавка (рис. 2,*2—4*) вместе с другими предметами из бронзы [93]. Одна из булавок по орнаментации близка ульской булавке.

Можно утверждать, что изогнутые и прямые металлические булавки подражают по форме костяным булавкам подобного облика (рис. 2, *7*), а орнаментация и тех и других близка орнаментике более ранних (энеолитических) кочедыгов (рис. 2, *12, 13*) Северного Кавказа (находки из г. Прохладного [94], р. Челбас в Краснодарском крае [95], с. Верхний Кобан в Сев. Осетии) [96].

Костяные изогнутые булавки сами по себе мало типичны для инвентаря катакомбной культуры, но по своей орнаментации они ничем не отличаются от весьма распространенных в катакомбной культуре костяных молоточковидных булавок. Мне представляется, что бронзовые изогнутые и «выпрямленные» булавки Северного Кавказа явились подражанием местным булавкам из кости.

В дальнейшем эти булавки стали снабжаться выступами («молоточками»).

Изогнутые булавки очень рано проникают в степи. Об этом свидетельствует находка бронзовой булавки в Нижнем Поволжье («Три брата») вместе с рядом предметов раннего облика [97]. На булавке изображена змейка — один из любимых орнаментальных мотивов северокавказцев (в изделиях из кости «змейке» соответствует зигзаг). Подобные орнаментальные мотивы могли быстро распространиться среди племен степных

---

[86] ОАК за 1898 г., стр. 35, 37, табл. I, *9—10*; IV, *41—42*.
[87] Б. Е. Деген. Ук. соч., стр. 248 и сл.; рис. 36, 38, 39 и др.
[88] Музей в г. Нальчике, инв. № 1502.
[89] Там же, инв. № 2679.
[90] Раскопки Филиппова в 1913—1914 гг., Музей в г. Пятигорске, № 744.
[91] Музей в г. Орджоникидзе, № 3872.
[92] ОАК за 1897 г., стр. 22; коллекция в ГИМ, № 42397.
[93] Музей в г. Пятигорске, № 744.
[94] П. С. Уварова. Museum Caucasicum, т. V (археология, каталог). Тифлис, 1902, стр. 153, № 3212; хранится в Гос. музее Грузии под тем же номером.
[95] Каталог Кубанского Войскового этнографич. и естественно-исторического музея. Екатеринодар, 1915, л. 2—3, №№ 36, 37. В музее г. Краснодара хранятся четыре костяные булавки и один кочедыг (инв. № 3613).
[96] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 23—24, рис. 1, *4*.
[97] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 145—146, рис. 6. В этой работе автор, пожалуй, завышает датировку открытых им памятников.

культур, пользовавшихся издревле металлическими изделиями Кавказа [98].

Таким образом, анализ металлических предметов из Ульского аула приводит к интересным сопоставлениям. Вместе с тем ульские погребения со статуэтками вполне закономерно можно поставить по времени вслед за дольменами ст. Новосвободной, что, собственно, и сделал Н. И. Веселовский на основе сравнения найденных им статуэток с крито-микенскими [99]. Действительно, довольно близкие статуэтки мы встречаем и в Трое вплоть до пятого слоя, т. е. они существуют почти до II тысячелетия до н. э.[100].

Учитывая все вышесказанное, ульские находки можно датировать началом II тысячелетия до н. э.

Мне кажется вполне возможным считать погребение из Ульского аула, с одной стороны, отражением преемственных связей позднего этапа майкопской культуры с северокавказской культурой, с другой — показателем ранних связей со степными племенами Причерноморья.

Рядом с Ульскими курганами можно поставить не менее важный для нашей темы и уже упоминавшийся курган у с. Соломенка близ г. Нальчика в Кабардино-Балкарии. Авторы, опубликовавшие этот интересный памятник, подчеркивали, «что инвентарь его может быть сопоставлен, с одной стороны, с материалами из погребений Прикубанья, типа открытых у ст. Новосвободной, главным образом по характеру сосудов, а с другой стороны, он имеет ряд общих черт с курганным инвентарем, характеризуемым наличием предметов, типичных для среднекубанской группы по Шмидту» [101], т. е. для северокавказской культуры. В Соломенском кургане обнаружены три грунтовые ямы со скорченными костяками, ориентированными головой на запад. Инвентарь состоял из шести сосудов с небольшими донцами, бронзовой бляхи и подвески, орнаментированных «веревочкой», бронзовой изогнутой булавки, костяного орнаментированного крючка, бронзового листовидного ножа, двух сердоликовых «рубленых» бусин, кусочка мела с отверстием [102].

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий подчеркивают, что данный материал, возможно, знаменует собой стык раннекубанских комплексов со среднекубанским [103]. Действительно, глиняные сосуды, один из которых орнаментирован врезами, а другой весьма архаическим орнаментом, напоминающим шахматный узор, близки по технике изготовления сосудам ст. Новосвободной. Вместе с тем в их форме еще сохраняются старые черты майкопских сосудов — шарообразное тулово, очень маленькое дно, сильно отогнутый к внешнему краю венчик (рис. 1, *2*).

Изогнутая металлическая булавка напоминает разобранные выше булавки, а костяной предмет, который эти авторы склонны рассматривать как «вязальный крючок» [104], в свою очередь по характеру орнаментации близок костяным булавкам. Что же касается бронзовых блях, подвесок и другого инвентаря, то авторами вполне убедительно показана их принадлежность к среднекубанской группе (северокавказской культуре) [105].

Все это позволяет сделать довольно определенный вывод о преемственной связи майкопской и северокавказской культур, несмотря на

---

[98] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 53.

[99] Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 7.

[100] W. Dörpfeld. Troja und Ilion, т. I, Athen, 1902, стр. 379—381; F. Schachermeyer. Die ältesten Kulturen Griehenlands. Stuttgart, 1955, стр. 32. Однако ульские статуэтки, несмотря на это сходство, мы не считаем привозными. Об этом свидетельствуют находки подобных предметов по всему Кавказу.

[101] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 193; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 183—184.

[102] Там же, стр. 193—196, рис. 32, 33, табл. XI.

[103] Там же, стр. 196.

[104] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 196.

[105] Там же, стр. 196.

чисто внешние различия между ними. Последние можно объяснить теми крупными изменениями, которые произошли в области металлургии,— созданием местной металлургической базы, «прекращением или сокращением импорта из Передней Азии» [106]. Развитие связей с соседними степными племенами не могло не повлиять на местную культуру и привело к расцвету орнаментального искусства (шнуровой узор). Эти связи в дальнейшем (во второй половине II тысячелетия до н. э.) привели к появлению в некоторых районах Северного Кавказа курильниц и предметов, близких им по назначению, а вместе с тем привнесли какие-то свои черты в идеологические представления древних северокавказцев. Эта сильная струя влияния катакомбной культуры возникла в результате интенсивного

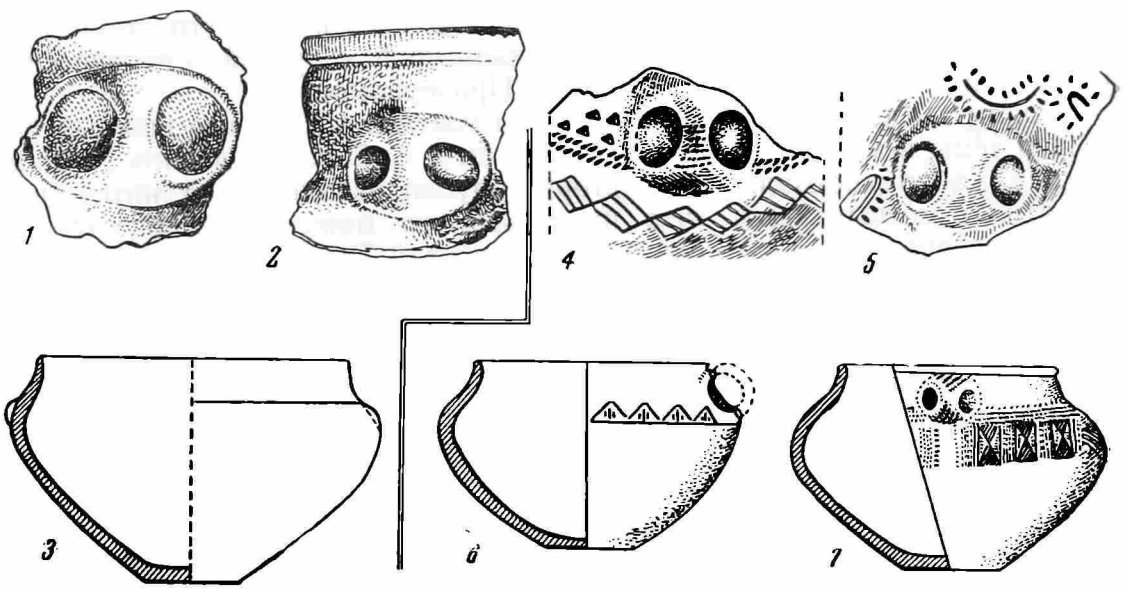


Рис. 5. Образцы энеолитической керамики Закавказья (*1—3*) и керамики северокавказской культуры (*4—7*)

1 — фрагмент сосуда с ручкой из с. Бешташени; *2* — фрагмент сосуда с ручкой из Малаклю; *3* — сосуд из энеолитического слоя Бармаксыза (Триалети); *4* — часть сосуда с ручкой из с. Кызбурун III (Кабардино-Балкария); *5* — часть сосуда с ручкой из с. Ардон (Сев. Осетия), музей г. Орджоникидзе, № 3372-8; *6* — сосуд из с. Тамбиево (Кабардино-Балкария), музей г. Нальчика, № 1168; *7* — сосуд из кургана у г. Прохладного (Кабардино-Балкария)

движения племен катакомбной культуры на Северный Кавказ под давлением двигавшихся с севера племен срубной культуры [107]. Несомненно, и северокавказцы влияли на племена катакомбной культуры, передавая им свои достижения в области металлургии, обработки камня, керамики, воздействуя, очевидно, и на их миропонимание [108]. Так, А. А. Иерусалимской установлен факт широкого использования камня в погребениях соседними степными племенами предкавказского (волго-манычского) варианта катакомбной культуры [109].

Социальный строй и хозяйство племен северокавказской культуры сохраняют преемственную связь с социальным строем и хозяйством майкопской культуры и могут быть раскрыты и поняты, исходя из материалов последней.

Но было бы слишком односторонне рассматривать становление северокавказской культуры только в связи с развитием майкопской культуры и привнесением в нее отдельных элементов, взятых у степных племен. Ведь носители майкопской культуры занимали далеко не весь Северный Кавказ. Значительная часть Ставрополья (севернее Пятигорска), Северной

[106] А. А. Иессен. К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе, стр. 111.
[107] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 188.
[108] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 87 и сл.
[109] А. А. Иерусалимская. Ук. соч., стр. 36.

Осетии, Чечено-Ингушетии была занята какими-то другими, пока еще очень слабо изученными племенами, которые условно можно назвать племенами позднеэнеолитической культуры (эти культуры более или менее близки к так называемому куро-араксинскому энеолиту) [110]. Определенное влияние оказывали на формирование северокавказской культуры и эти древнейшие племена. Отсюда не следует делать вывод, что сложение

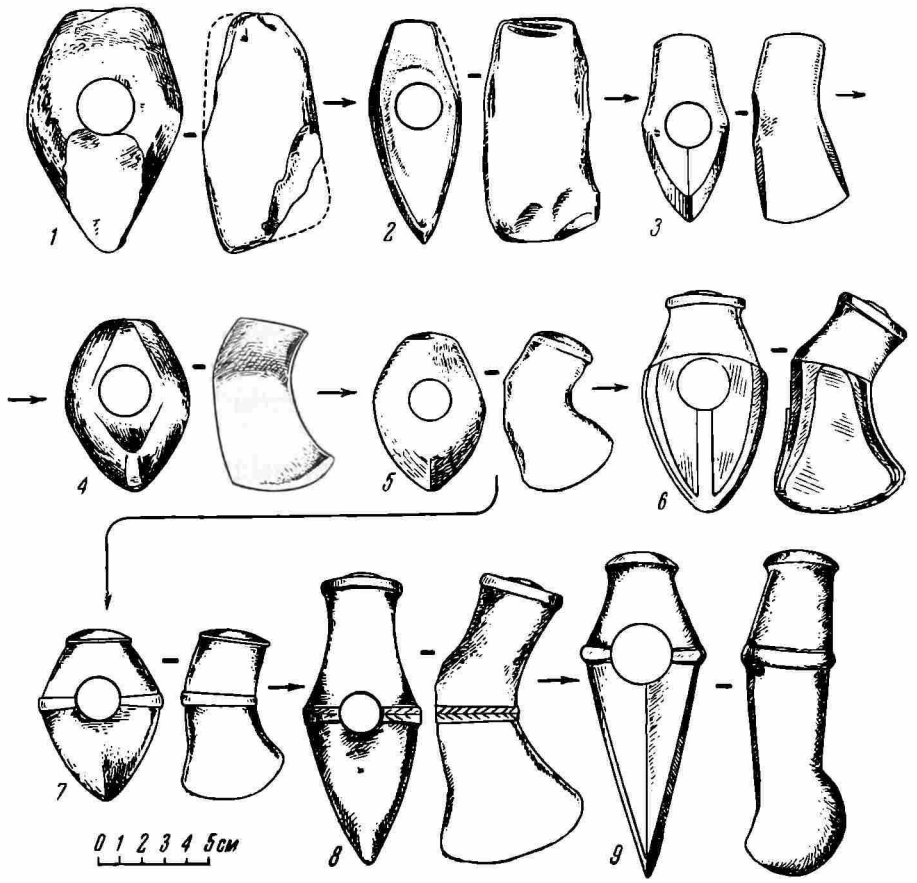


Рис. 6. Каменные топоры с территории Северного Кавказа

1 — Ставрополье (темно-серый плотный песчаник; музей г. Ставрополя, № 2856); *2* — г. Ессентуки (магматическая порода; музей г. Пятигорска, № 678); *3* — с. Стародубовское в Северной Осетии (магматическая порода; ГИМ, № 80487); *4* — с. Дивное в Ставрополье (черный базальт; Гос. музей Грузии, Тбилиси, № $\frac{16\text{-}02}{5\text{-}2958}$); *5* — мест. «Красные камни» у г. Кисловодска (плотный известняк; музей г. Пятигорска, № 670); *6* — с. Ардон в Северной Осетии (плотный известняк; музей г. Орджоникидзе, № 3872-9); *7* — г. Ессентуки (змеевик; музей г. Пятигорска, № 669); *8* — хут. Родниковский, район Кавказских Минеральных Вод (змеевик; музей г. Пятигорска, № 677); *9* — г. Грозный (змеевик; музей г. Грозного, № 454)

северокавказской культуры шло по всему Северному Кавказу. Главным очагом была, несомненно, область распространения майкопской культуры, но в процессе расселения племен, формирования новой, северокавказской культуры шли столкновения и взаимодействия не только со степным населением, но и с соседним населением гор.

Вернемся опять-таки к северокавказской керамике. Большинство сосудов снабжено ручками, по своему типу очень близкими «просверленным» энеолитическим ручкам [111]. Они так же, как и энеолитические, снабжены округлым «бортиком» у своего основания — места прикрепления

[110] Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 18.

[111] Е. А. Байбуртян. По поводу древней керамики из Шреш-Блура. СА, III, 1937, стр. 211—213; Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 77 и сл.; его же. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 110, 111, рис. 117, 118.

к тулову (рис. 5). Многие из сосудов по своим формам близки энеолитическим — довольно четко выделено ребро на тулове, от которого, выгибаясь внутрь, плавно отходит верхняя часть сосуда. Сосуды этого типа особенно часты в изученных памятниках [112]. Эти же энеолитические традиции можно усмотреть и в разнообразных налепах, вплетающихся в сложные шнуровые узоры как элементы орнамента.

Топорики кабардино-пятигорского типа также не находят себе «исхода» в предметах майкопской культуры, но могут быть типологически выведены из многочисленных (к сожалению, найденных вне комплексов) топоров-молотов очень простой формы (рис. 6, *1, 2*) из различных областей Северного Кавказа.

Таким образом, можно прийти к заключению, что северокавказская культура, сложившись главным образом на основе предшествующей майкопской культуры, находилась в тесном взаимодействии с культурами соседних племен, некоторое время сосуществовала с ними, не поглощая их. В условиях Северного Кавказа с его разнообразными географическими условиями (степи и леса, дикие ущелья и широкие речные долины) это вполне возможно и ни в коем случае не меняет общей схемы последовательности культур, предложенной А. Шмидтом [113] и поддержанной А. А. Иессеном [114].

Нам кажется, что не прав Л. Н. Соловьев, выдвинувший тезис о вытеснении северокавказцами майкопских племен с их территории [115]. Этому противоречат приведенные факты, говорящие о близости и даже генетической связи этих культур.

Для становления северокавказской культуры, конечно, требовался значительный промежуток времени, в течение которого происходил процесс отмирания старых элементов и появление новых элементов этой культуры. Иного пути в создании археологической культуры предположить невозможно, если под термином «культура» понимать «общность древних родоплеменных групп, объединенных общностью территории, хозяйства и материальной культуры» [116]. Во всяком случае, примерно ко второй четверти II тысячелетия до н. э. это формирование в основном было завершено.

Дальнейшие работы по выявлению и точной фиксации памятников майкопской и северокавказской культур, а также выявление памятников в зоне стыка северокавказской культуры с катакомбной позволяет уточнить вопросы, связанные с происхождением изучаемой культуры в целом, и выявить ее роль в становлении древних археологических культур в степях юга нашей страны.

---

[112] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, стр. 114—117, рис. 122, 124, 126.

[113] A. V. Schmidt. Ук. соч., стр. 21.

[114] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 80—92; Научная сессия ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 8—9.

[115] Л. Н. Соловьев. История заселения Воронцовской пещеры в эпоху неолита и бронзы (тезисы доклада, прочитанного на Ереванской конференции археологов 25 октября 1956 г.), стр. 3; его же. Первобытные стоянки Очамчири и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология (автореферат канд. диссертации). Симферополь, 1956, стр. 14.

[116] Е. И. Крупнов. Рецензия на книгу Б. Б. Пиотровского «Археология Закавказья». ВИ, 1950, № 2, стр. 129.

И. М. ЗАМОТОРИН

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ

Пазырыкская группа курганов расположена в небольшой степной долине Восточного Алтая, в 2 *км* к северо-востоку от впадения р. Балыктыюла в р. Большой Улаган. Она была обнаружена в 1924 г. Алтайской экспедицией этнографического отдела Русского музея, возглавляемой С. И. Руденко. Пазырыкский курган № 1 вскрыт в 1929 г. В 1947—1949 гг. раскопаны большие курганы №№ 2, 3, 4 и 5.

Детальное описание Пазырыкской группы круганов дано С. И. Руденко в книге «Горноалтайские находки и скифы» [1].

Установление точной хронологии этих памятников, получивших мировую известность, очень важно. Время их сооружения определяется по характеру погребального инвентаря V—III вв. до н. э. Хорошая сохранность многочисленных изделий из дерева, являющаяся особенностью Пазырыкских курганов, позволяет использовать для их хронологии и радиокарбонный метод анализа древесины. Метод кольцевого анализа бревен, найденных в Пазырыкских курганах, дает возможность установить относительную их хронологию с точностью до года.

С этой целью использованы образцы бревен, добытые при раскопках и находящиеся в Государственном Эрмитаже и в Лаборатории археологической технологии ИИМК АН СССР в Ленинграде.

Настоящая работа выполнялась под непосредственным руководством заведующего лабораторией С. И. Руденко. Большую помощь в начале работы оказал гидролог ст. инженер В. Н. Рудаков.

1. Годичная слоистость древесины и среда

Метод кольцевого анализа основывается на свойстве дерева прирастать ежегодно на одно годичное кольцо. По числу годичных колец обычно и определяют возраст дерева.

Имеются, однако, породы, древесные кольца которых не являются годичными. Таков, например, саксаул, у которого ежегодно образуется в древесине несколько колец. Следует отметить, что и у пород с годичной слоистостью в некоторые годы наблюдается как удвоение, так и выпадение кольца. Последнее происходит, если дерево очень плохо питается или если оно подвергается стрижке (в садах). Если молодые побеги дерева побивают весенние заморозки или объедают насекомые, а после этого вырастают новые побеги, то в этом случае образуется вторичная весенняя древесина, что вызывает образование ложного годичного кольца. Граница ложного годичного кольца менее четко выражена, чем у кольца настоящего. Кроме того, ложное кольцо не образует полного круга, а постепенно сливается с настоящим кольцом. Удвоение годичного кольца наблюдается гораздо чаще, чем выпадение.

Ширина годичного кольца зависит от породы дерева и от условий места произрастания. В годы с благоприятными сочетаниями темпера-

[1] С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952.

туры и осадков годичные кольца деревьев толще, с неблагоприятными — тоньше. Ширина колец меняется приблизительно через каждые одиннадцать лет, т. е. эти колебания как бы повторяют одиннадцатилетнюю цикличность солнечной радиации. Периодичность наблюдается также и в колебаниях климата. Исследование этой периодичности показало, что сухие периоды с повышенной температурой чередуются с влажными периодами с пониженной температурой, причем эти колебания имеют период порядка 35 лет. Однако 35-летняя периодичность в колебаниях климата строго не выдерживается; периоды могут быть более длительными и более короткими. Так как колебания в толщине годичных колец в основном определяются климатическими колебаниями, то мы имеем не всегда строго выдержанную 35-летнюю периодичность и в колебаниях ширины годичных колец.

Возраст дерева и его положение в насаждении также влияют на ширину годичных колец. Молодые деревья наиболее восприимчивы к климатическим изменениям и дают наибольшую амплитуду колебаний годичных приростов. Средневозрастные деревья, занимающие господствующее положение в насаждении, имеют хорошо выраженные, но более спокойные, чем у молодых деревьев, колебания прироста. У старых деревьев образуются очень узкие годичные кольца с ничтожной амплитудой колебания. Однако образование годичных колец у очень старых деревьев продолжается и после того, как прирост в высоту прекратился, и происходит до самой смерти дерева. Сильно угнетенные деревья всех возрастов дают очень плохие приросты. Небольшие приросты у деревьев наблюдаются в годы обильного плодоношения. Существенное влияние на прирост оказывают болезни, вредители, лесные пожары и т. п.

Так как колебания приростов в основном определяются климатическими факторами, то деревья одной породы, произрастающие в разных фитоценозах, имеют совпадающие колебания. Однако деревья, произрастающие в исключительных условиях (например, в поймах рек, на болотах, очень сухих местоположениях, на солончаках и т. п.), часто имеют колебания приростов, не совпадающие с колебаниями приростов у деревьев, произрастающих в обычных условиях.

Таким образом, годичные кольца дерева представляют собой своеобразную «летопись леса», в которой отражены важнейшие моменты в его жизни. Чтение этой летописи и составляет сущность кольцевого анализа или просто анализа ствола.

2. Годичная слоистость и хронология

Прежде чем изложить особенности метода, принятого в настоящей работе для определения относительной даты сооружения курганов, следует ознакомиться с принципом, положенным в основу этого определения.

Если в какой-то период времени z в лесу одновременно росли два дерева, потом одно из этих деревьев было срублено и бревна использованы для постройки А, а через x лет было срублено второе дерево и использовано для постройки Б, то бревна из построек А и Б будут иметь на годичных кольцах одинаковую «летопись леса» за период времени z, причем на бревнах постройки Б эта летопись будет продолжена еще на x лет. Произведя анализ стволов из построек А и Б и найдя полное совпадение колебаний приростов за период времени z, легко определить и период времени — x. Если дата обеих построек А и Б неизвестна, то можно определить только относительную хронологию этих построек. Если же, например, дата постройки Б известна, то можно будет установить абсолютную дату и постройки А. Важно только, что в постройках А и Б были бревна от деревьев, росших одновременно в какой-то период времени z. Если же постройка Б возведена после постройки А через период времени, превышающий возраст дерева, т. е. если не было периода z, в течение которого

деревья, использованные для этих построек, росли одновременно, то установить указанным методом хронологию построек А и Б нельзя. Если постройка не очень древняя, то можно сделать привязку к старым деревьям в лесу. В этом случае можно сразу определить абсолютную дату постройки. Конечно, нужно считаться с продолжительностью жизни различных древесных пород. Укажем максимальную продолжительность жизни для некоторых наших пород: тисс европейский (Taxus baccata) — 2000—4000 лет; лиственница сибирская (Larix sibirica) — до 600 лет и более; сосна обыкновенная (Pinus silvestris) — 300—350 лет (в северных лесах — до 600 лет); ель кавказская (Picea orientalis) — 700 лет; дуб (Quercus) — 1000 лет.

Возраст для первых трех пород дан по М. В. Колпикову [2], а для двух последних — по П. Л. Богданову [3].

3. Особенности взятия образцов от бревен при археологических раскопках

Образцы, взятые для анализа ствола, обычно представляют собой кружки толщиной в 3—5 *см*. Толщина кружка определяется в основном степенью сохранности древесины. Важно, чтобы образец не ломался при транспортировке и обработке. Для анализа нужно большое количество образцов от разных бревен, учитывая, что в строительстве могли использоваться и деревья сухостойные, больные, выросшие в исключительных условиях, и т. п. и, тем самым, малопригодные для анализа. Постройка сооружения может продолжаться несколько лет. Одни части сооружения могли быть возведены раньше других. Взяв образцы только из одной части сооружения, мы, во-первых, не сможем установить, сколько лет продолжалась постройка и как она производилась, и, во-вторых, получим неточную дату для сооружения, приняв ее за начало или конец работ. Поэтому образцы следует брать из разных частей сооружения.

Годичные кольца не имеют одинаковой ширины по всей длине ствола, но так как ширина всех годичных колец с изменением высоты по стволу дерева очень часто увеличивается или уменьшается одинаково, то от каждого бревна вполне достаточно одного образца.

Обычно бывает так, что сооружения, относительный возраст которых мы хотим узнать, удалены друг от друга. Для решения вопроса о возможности определения относительной хронологии удаленных сооружений следует брать образцы от деревьев, растущих в районе этих сооружений. Деревья необходимо выбирать здоровые, господствующие в насаждении, лучше средневозрастные. Около каждого сооружения достаточно взять для анализа три-пять деревьев. Если между графиками приростов тех и других есть зависимость, то относительная хронология этих сооружений может быть определена, если нет — определить ее нельзя.

4. Материалы из раскопок Пазырыкских курганов, использованные в настоящей работе

При определении относительной хронологии Пазырыкских курганов было использовано следующее количество образцов.

Курган № 1. Из стен внутреннего сруба (камеры) — 6 образцов: (П—400_6), (П—400_7), (П—400_2), (П—400_5), (П—400_4), (П—400_8).

Из потолка внутреннего сруба (камеры) — 1 образец (1295—28); из стен внешнего сруба — 1 образец (1295—29); потолок внешнего сруба — 1 образец (1295—30); из наката — 1 образец (1295—25). Всего 10 образцов.

---

[2] М. В. Колпиков. Лесоводство с дендрологией. М.— Л., 1954.

[3] П. Л. Богданов. Ботаника. М.— Л., 1950.

Курган № 2. Из стен внутреннего сруба (камеры) — 12 образцов: (1684/579$_5$), (1684/579$_6$), (1684/579$_{13}$), (1684/579$_1$), (П$_2$—43$_6$), (1684/579$_8$), (1684/579$_3$), (1684/579$_4$), (1684/579$_{10}$), (1684/579$_7$), (1684/579$_9$), (П$_2$—43 VI); из потолка внутреннего сруба (камеры) — 1 образец (1684/556); из потолка внешнего сруба — 3 образца (1684/567); бревна из накатов — 9 образцов (1684/564), (1684/561), (1684/505). Всего 25 образцов.

Курган № 3. Из наката — 2 образца. Из столба — 1 образец.

Курган № 4. Обрубок лестницы (бревно с зарубками) — 1 образец (1686/174) и (1686/176).

Курган № 5. Из стен внутреннего сруба (камеры) — 2 образца; из стен наружного сруба — 7 образцов (1687/284$_6$), (1687/284$_2$); бревно из наката — 1 образец (1687/350); бревно, закрывавшее колоду,— 1 образец (1687/352). Всего 11 образцов.

Таким образом, для определения относительной хронологии Пазырыкских курганов было обработано 50 образцов. В скобках для ряда образцов, хранящихся в Эрмитаже, указан их шифр. Все образцы одной породы — лиственница сибирская (Larix sibirica). Сохранность образцов различна. Одни образцы сильно разложились, другие сохранили даже кору. Хорошая сохранность годичных колец года рубки позволила не только точно определить год рубки, но и время года, когда были срублены деревья.

На многих бревнах (особенно на бревнах из накатов второго кургана) имеются многочисленные ходы короедов, по которым оказалось возможным определить время заселения деревьев короедами (до или после рубки), т. е. лежало ли дерево после рубки в лесу или было сразу использовано для постройки.

5. Методика определения относительного возраста Пазырыкских курганов по кольцам древесины

В. Глок [4] предлагает определять положение только наиболее характерных, самых узких и самых широких годичных колец. Положение наиболее характерных колец сразу наносится на полоску миллиметровой бумаги. Обозначение колец произвольное. Можно, например, положение наиболее узких колец отмечать тонкими черточками, а наиболее широких — более толстыми. Кольца «средние» черточками не отмечаются. Ширина колец определяется на глаз. Вся работа может производиться при помощи обычного увеличительного стекла и иглы. Метод имеет два достоинства: не требует специального оборудования для измерения ширины колец и позволяет очень быстро производить обработку. Но есть у этого метода и существенные недостатки. Положение наиболее узких и наиболее широких годичных колец может иногда периодически повторяться (вспомним о 35-летней периодичности в колебаниях климата). Разность же в ширине «средних» колец здесь не учитывается. Таким образом, можно прийти к неправильным выводам, найти зависимость там, где ее нет.

С другой стороны, падение и увеличение прироста у разных деревьев выражается по-разному и кольцо, отнесенное при обработке одного образца к узким или к очень широким, может быть отнесено при обработке другого — к «средним» (ведь кольца «средние» тоже различны по ширине). Таким образом, можно не найти зависимости там, где она имеется.

Ясно, что этот метод в таком виде, как он предложен Глоком, для определения относительной хронологии непригоден.

---

[4] W. S. Glock. Principles and Methodes of Tree-ring Analysis. Garnegi Inst. Pyb, 1937.

Обработка может производиться также измерением ширины каждого годичного кольца. По полученным отсчетам строится график, причем по одной оси (ординат) откладывается ширина колец, а по другой оси (абсцисс) откладываются годы. Соединив отрезками прямой концы всех ординат, получим ломаную линию (график) приростов по годам, в котором отражена ширина всех годичных колец. Зависимость между графиками теперь определяется не только положением колец, ширина которых сильно отклоняется от средней, но и общей конфигурацией графиков, что устраняет возможность ошибки. Однако измерение, обработка полученных отсчетов и вычерчивание графиков — дело весьма трудоемкое. Поэтому в настоящей работе оказалось целесообразным объединить оба указанных выше метода, внеся в них некоторые изменения.

Обработка образцов каждого из Пазырыкских курганов производилась сначала методом измерения ширины каждого годичного кольца. Годичные кольца накладываются друг на друга как сплошные конусы. Каждый более молодой конус, налегая на предыдущий, превышает его как раз на длину годичного побега, соответствующего этому году. Если сделать поперечные разрезы на разной высоте ствола дерева, то чем ближе к вершине, тем меньше годичных колец будет на поперечном разрезе. Делая поперечные разрезы на разной высоте ствола, мы будем находить у сердцевины годичные кольца разных лет, при этом периферийное кольцо для всех срезов будет одно и то же.

Отсюда можно сделать следующий вывод. При обработке образцов древесины измерение ширины колец следует начинать от периферии (от кольца, образовавшегося в год рубки). Особенно важно это учитывать при вычерчивании графиков приростов, где для удобства сопоставления графиков за первый год нужно считать год рубки.

Годичные кольца обладают эксцентричностью. Эксцентричность слоя состоит в том, что толщина его не остается постоянной в различных направлениях. Но так как указанная эксцентричность вызывается более быстрым ростом дерева с одной его стороны и толщина колец по любому радиусу обычно увеличивается или уменьшается одинаково, то практически можно ограничиться измерением толщины по любому радиусу. Однако оказалось целесообразным во избежание ошибок производить измерения по двум радиусам, расположенным по диаметру или под некоторым углом.

Для того чтобы годичные кольца были хорошо видны, поверхность образца зачищалась с помощью острого ножа. Нож должен гладко срезать древесину, но ни в коем случае не мять ее. При обработке образцов из Пазырыкских курганов использовался реберно-хрящевой медицинский нож ГОСТ 5969-54, оказавшийся весьма удобным для работы. После зачистки ножом для того, чтобы границы годичных колец были видны яснее, поверхность образца натиралась воском.

Измерения производились при помощи стереоскопического микроскопа МБС-2. Отсчеты делались при увеличении в 16 раз. В трудных случаях ширина колец измерялась при увеличении в 32 раза и в расчет принималась половина отсчета, так что цена деления при всех измерениях равна 0,05 *мм*. В особо трудных случаях делался тонкий срез и число годичных колец устанавливалось с помощью биологического микроскопа проходящего света.

Ширина колец измерялась от периферии образца к центру. Сначала измерялись десять колец по одному радиусу и отмечалось положение последнего измеренного кольца наколами иглы или карандашом, затем измерялись первые десять колец по другому радиусу. Сопоставив полученные по обоим радиусам отсчеты для первых десяти лет и убедившись, что они совпадают, т. е. что наибольшая или наименьшая ширина годичных колец по обоим радиусам приходится на одни и те же годы, можно было приступить к отсчету следующего десятка лет по обоим радиусам и т. д.

Таблица 1

Образец № 9 из кургана № 2 (отсчет годов ведется от года рубки)

Год	Радиус I	Радиус II	Σ 2-х радиусов	Год	Радиус I	Радиус II	Σ 2-х радиусов	Год	Радиус I	Радиус II	Σ 2-х радиусов	Год	Радиус I	Радиус II	Σ 2-х радиусов
0	10	10	20	25	16	12	28	50	48	35	83	75	18	12	30
1	10	8	18	26	17	14	31	51	55	42	97	76	17	14	31
2	11	13	24	27	35	28	63	52	59	33	92	77	23	17	40
3	10	8	18	28	40	23	63	53	49	30	79	78	20	14	34
4	10	15	35	29	38	28	66	54	72	48	120	79	30	20	50
5	9	10	19	30	60	29	89	55	51	37	88	80	50	30	80
6	12	16	28	31	40	20	60	56	56	40	96	81	22	17	39
7	6	5	11	32	21	18	39	57	42	34	76	82	20	17	37
8	35	30	65	33	14	9	23	58	61	37	98	83	47	30	77
9	32	30	62	34	17	11	28	59	70	45	115	84	43	22	65
10	27	25	52	35	23	16	39	60	52	34	86	85	44	34	78
11	20	20	40	36	57	35	92	61	47	29	76	86	39	28	67
12	24	27	51	37	35	35	70	62	36	19	55	87	36	20	56
13	28	27	55	38	25	24	49	63	18	8	26	88	30	22	52
14	27	27	54	39	30	29	59	64	36	28	64	89	62	35	97
15	40	39	79	40	33	20	53	65	58	26	84	90	80	46	126
16	44	36	80	41	35	24	59	66	45	16	61	91	56	52	108
17	48	27	75	42	36	16	52	67	19	9	28	92	39	34	73
18	27	22	49	43	50	25	75	68	20	16	35	93	43	31	74
19	28	18	46	44	50	35	85	69	32	26	58	94	41	21	62
20	20	14	34	45	25	20	45	70	29	20	49	95	40	12	52
21	10	10	20	46	22	16	38	71	27	20	47	96	52	34	86
22	13	15	28	47	22	16	38	72	28	18	46	97	45	33	78
23	15	13	28	48	18	14	32	73	17	15	32	98	23	29	52
24	16	15	31	49	12	8	20	74	19	14	33	99	8	9	17
												100	18	20	38

В случае несовпадения отсчетов по двум радиусам измерение новых колец прекращалось до отыскания ошибки. Если позволяла ширина годичных колец, то каждое десятое кольцо обводилось по всей окружности карандашом. Если возникало подозрение в ложности какого-нибудь годичного кольца, то это кольцо просматривалось с помощью микроскопа по всей окружности. Измерение от кольца года рубки к центру производилось до тех пор, пока границы годичных колец сохраняли четкость. Годичные кольца у самой сердцевины, имеющие расплывчатые очертания, не измерялись. Отчеты по каждому радиусу записывались отдельно, а потом суммировались (табл. 1).

На таблице видно, что минимальные и максимальные приросты по обоим радиусам приходятся на одни и те же годы. Так, для года 7 по I радиусу имеем отсчет 6, а по II радиусу — отсчет 5 (отсчеты меньше отсчетов соседних лет). Благодаря такой закономерности легко вовремя заметить ошибку, если она была допущена при измерениях. Впрочем, эта закономерность для колец иногда нарушается. Так, для года 17 по I радиусу отсчет 48 больше соседних отсчетов, а по II радиусу отсчет 27 меньше отсчетов для 15 и 16 годов (соответственно отсчеты 39 и 36). Поэтому при сопоставлении отсчетов по двум радиусам следует сравнивать не отдельные отсчеты, а ряды отсчетов.

Отсчеты, полученные по I и II радиусам для одного года, складывались, а сумма записывалась в столбец «Σ из 2-х радиусов». Таким образом, в столбце «Σ из 2-х радиусов» получался ежегодный прирост по диаметру.

По полученным значениям прироста по диаметру для каждого образца строился график (рис. 1), причем по оси абсцисс откладывались годы,

а по оси ординат — ширина годичных колец. За первый год в каждом графике принимался год рубки [5]. При сопоставлении графиков образцов из одного кургана выявилась группа графиков, колебания которых хорошо совпадают. Выбрав из этой группы график, колебания которого выражены наиболее четко, принимаем его за график, характерный для данного кургана. Так, для камеры кургана № 1 характерным признан график образца № 20, а для кургана № 2 образца № 27 и т. д.

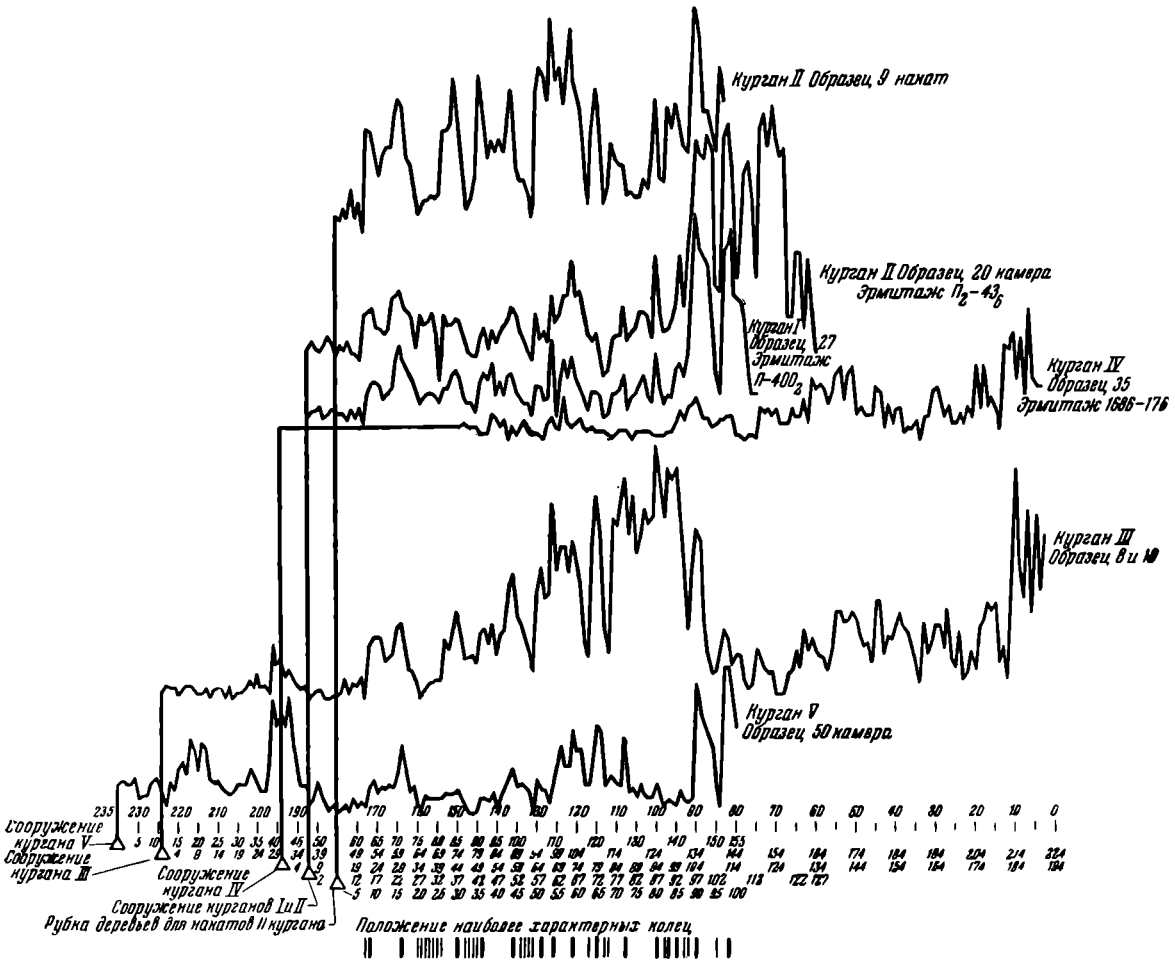


Рис. 1. Графики образцов из разных курганов, совпадающие по конфигурации (относительная хронология Пазырыкских курганов определяется числом лет между годами рубки деревьев из разных курганов)

Обработка образцов, полученных от деревьев, выросших в исключительных условиях, а также больных или сильно угнетенных, дала графики, не совпадающие с остальными графиками из этого кургана, или же графики с плохо выраженными колебаниями приростов. Такие графики признаны непригодными.

Для каждого кургана желательно получить график с хорошо выраженными колебаниями за большой промежуток времени. Такой график можно получить, используя образцы от разновозрастных деревьев. Каждое дерево, каким бы старым оно ни было и как бы ни были узки его годичные кольца, отложенные в преклонном возрасте, когда-то было молодым и средневозрастным. Поэтому мы имеем возможность, используя образцы разновозрастных деревьев, построить из их графиков один общий гра-

[5] Графики строились на кальке, наложенной на миллиметровую бумагу. График сперва накалывался, а потом вычерчивался тушью или цветными карандашами. Графики, вычерченные на кальке, оказались удобными для совмещения при накладывании их друг на друга.

фик, отдельные части которого представляют графики деревьев более или менее одновозрастных (чем, кстати, устраняется разновозрастность). Для этого у графиков приростов старых деревьев отбрасывалась та часть графика, которая отражает приросты в преклонные годы, и вместо нее использовались графики образцов от деревьев средневозрастных. Так, график для кургана № 3 (рис. 1) построен из графиков двух образцов №№ 8 и 10, причем до 136 года приведен график образца № 8, а после 136 года — часть графика образца № 10. Другая часть графика образца № 10 (с 1 по

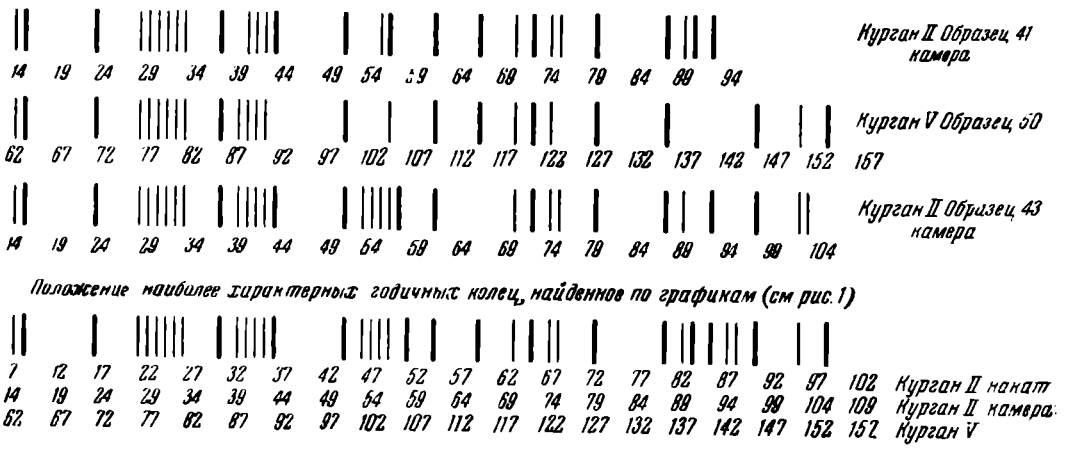


Рис. 2. Обработка образцов с помощью «контрольного спектра» (тонкими черточками отмечено положение наиболее узких годичных колец; толстыми черточками — наиболее широких)

136 год) отброшена, так как из-за преклонного возраста дерева колебания прироста в этой части графика ничтожны. Средний прирост вычислялся для части графика образца (№ 10), использованной в чертеже (с 137 по 221 год). Благодаря построению такого графика для кургана № 3 удалось установить относительную хронологию кургана № 4.

Выбрав графики, характерные для каждого кургана, приступили к сопоставлению этих графиков для определения относительной хронологии курганов.

Каждый график был вычерчен сначала на отдельном листе кальки. Накладывая графики друг на друга, находили положение, при котором они совпадают по своей конфигурации. Положение графиков, совпадающих по своей конфигурации, и зафиксировано на рис. 1.

На рис. 1 отсчет лет на каждом графике делается от кольца года рубки к центру (слева направо). Кроме того, для наглядности дается единая шкала для рассматриваемого отрезка времени. Цифры на этой шкале возрастают в соответствии с действительным ходом времени (справа налево).

Относительная хронология Пазырыкских курганов определялась числом лет между годами рубки (рис. 1).

Для выбора графика приростов, характерного для стволов из какого-нибудь кургана, вообще говоря, достаточно двух-трех хорошо совпадающих между собой образцов. Однако чтобы убедиться, что взятые образцы не являются образцами от случайных деревьев, и чтобы решить вопрос, как шла постройка сооружения (о чем уже говорилось выше), нужно обработать большое количество образцов, взятых из разных частей сооружения.

Для обработки одного образца методом измерения каждого годичного кольца в среднем требуется полный рабочий день. Поэтому пришлось искать пути, позволяющие ускорить обработку без ущерба для точности.

Вычертив график, характерный для деревьев данного кургана, отмечали положение наиболее характерных годичных колец. На рис. 1 положе-

ние наиболее характерных широких годичных колец обозначено более толстыми черточками, а положение наиболее узких — тонкими (вертикальные черточки внизу). Таким образом получился своеобразный «спектр». Здесь он является контрольным. Имея перед глазами такой контрольный спектр, можно остальные образцы из этого кургана обработать методом глазомерного определения ширины годичных колец (рис. 2).

Так как построенный по графику «спектр» является контрольным, то обработка производилась по одному радиусу. Глядя на «контрольный спектр», сразу можно сказать, какое годичное кольцо должно быть широким, а какое узким. Поэтому достаточно таким кольцам быть немного шире или уже соседних, чтобы правильно определить их положение, а не отнести к числу «средних» колец.

Пользуясь методом глазомерного определения ширины колец, в день можно обработать пять-шесть и более образцов.

Следует отметить, что пользоваться «контрольным спектром» удобно только в том случае, если измерение ширины годичных колец производилось от периферии к центру. Взяв, например, образцы из камеры кургана № 2 и считая от периферии к центру, найдем, что 14-е кольцо на всех образцах будет узким, а 15-е широким и т. д. Если же указанная «контрольным спектром» комбинация широких и узких колец начнется не с 14 года, то дерево было срублено раньше или позднее. Так, в бревнах наката того же кургана № 2—1-е кольцо «спектра» будет 7-м от периферии, что указывает на то, что деревья для накатов этого кургана рубились на семь лет раньше деревьев для камер.

Если измерение ширины годичных колец производилось бы от центра к периферии, то уже на образцах, взятых из одного древесного ствола, начало «спектра» приходилось бы на разные годы, а это свело бы почти на нет пользу от применения «контрольного спектра».

Время заселения деревьев короедами (до или после рубки) определялось по методу И. Я. Шевырева [6].

6. Постройка курганов

К у р г а н № 1. Рубка всех бревен этого кургана, из которых имеются образцы, производилась в течение одного года. Судя по хорошему совпадению колебаний прироста, небольшой разнице в среднем приросте и одинаковой ширине колец, можно предполагать, что рубка производилась в одном месте (одна лесосека).

Часть деревьев срублена зимой (возможно, в конце зимы), а часть — весной. Деревья, срубленные весной, имеют узкие кольца весенней древесины, что указывает на рубку ранней весной, когда деревья только начали рост.

К у р г а н № 2. Бревна для накатов были срублены на семь лет раньше бревен камеры. Часть бревен накатов повреждена короедами. Изучение ходов короедов на большинстве бревен показало, что деревья заселялись короедами после рубки. Можно предполагать, что деревья, использованные для накатов, пролежали после рубки семь лет в лесу, а потом были использованы при сооружении кургана. Бревна камеры срублены зимой и ранней весной. Можно предполагать, что рубка началась в конце зимы по снегу и закончилась ранней весной. Деревья для камеры, по-видимому, срублены в одном месте (одна лесосека).

К у р г а н № 3. Деревья для бревен наката срублены в один год. Дерево для столба, по-видимому, срублено в тот же год, хотя совпадение колебаний приростов между ними плохое, так как дерево, использованное для изготовления столба,— дерево, выросшее в исключительных условиях.

[6] И. Я. Шевырев. Загадка короедов. СПб, 1910.

Курган № 4. Единственный образец из кургана № 4 (лестница) не позволяет сделать выводов о том, как производилась постройка этого кургана. Сохранность образца плохая. Дерево, из которого сделана лестница, сильно угнетенное, дававшее ничтожные приросты. На поверхности образца видны ходы златки, сделанные на стоячем дереве. Возможно, что дерево в момент рубки было уже сухостойным.

Курган № 5. Деревья для внутренней и внешней камер кургана № 5 рубились в течение одного года. Рубка производилась, по-видимому, в одном месте (одна лесосека). Деревья для камер рубились, вероятно, в конце зимы и ранней весной. Единственный образец из накатов кургана № 5 (Эрмитаж, № 1687/350) получен от дерева, которое было срублено (или погибло естественной смертью) на 59 лет раньше деревьев, использованных для камер. Осмотр ходов короедов на образце № 1687/350 показал, что короеды поселились на стоячем дереве. Прирост дерева в последние годы жизни был очень плох. Возможно, что это дерево сухостойное.

7. Заключение

Деревья для внутренней камеры кургана № 2 были срублены одновременно с деревьями для кургана № 1 (в один год). Из этого заключаем, что курганы №№ 1 и 2 сооружены одновременно.

Через семь лет после сооружения курганов №№ 1 и 2 был сооружен курган № 4. Курган № 3 сооружен через 37 лет после курганов №№ 1 и 2. Курган № 5 был сооружен спустя 11 лет после кургана № 3 и соответственно через 48 лет после курганов №№ 1 и 2 (рис. 1).

Как уже указывалось при изложении методики, для точной хронологии нужно иметь большое количество образцов из разных частей сооружения. Поэтому можно считать, что для трех курганов — №№ 1, 2 и 5 — относительная хронология установлена точно и безоговорочно.

Относительная хронология для кургана № 3 установлена точно, если образцы из этого кургана получены от деревьев, срубленных в год постройки кургана.

Относительная хронология для кургана № 4 может оказаться ошибочной, если единственный образец из этого кургана получен от дерева, в момент рубки уже сухостойного. Можно только утверждать, что курган № 4 был сооружен не ранее чем через семь лет после курганов №№ 1 и 2. Однако возможно, что сооружение кургана № 4 производилось и позднее.

Ю. В. КУХАРЕНКО

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАТЕНСКИХ ВЕЩЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Первая сводка находок латенских вещей в России была опубликована А. А. Спицыным [1]. На карте, приложенной к сводке (если не считать польских находок), указано лишь два пункта, где были найдены подобные вещи: Залесье и Водяное. С тех пор прошло более пятидесяти лет. За это время стало известно много новых материалов, часть из которых опубликована в различных изданиях [2], часть же до сих пор не нашла своего отражения в печати. Назрела, таким образом, необходимость составления новой, более полной сводки находок.

Среди древностей Восточной Европы имеются две категории вещей, так или иначе связанных с латенской культурой: импорты, т. е. вещи собственно кельтско-латенского происхождения, и вещи местного производства, копирующие или в той или иной степени подражающие кельтско-латенским образцам. Отличить их друг от друга, к сожалению, не всегда возможно. Выделение собственно латенских вещей затрудняется еще и тем обстоятельством, что многие вещи, бытовавшие в Восточной Европе в латенское время и имеющие прямые аналогии в кельтско-латенских древностях, являются все же общераспространенными, а не только латенскими формами. К таким изделиям относятся, например, стержневые браслеты с насечкой и небольшими утолщениями, гвоздевидные булавки, браслеты и кольца со спирально соединенными концами, большие глазчатые бусы с выступами и некоторые другие предметы. Часть из них имеет прямую связь с позднегальштатскими формами, прототипы другим находим в лужицкой культуре и т. д. Вполне понятно, что такие вещи латенскими могут считаться лишь весьма условно. Впрочем, в нашу сводку попали из них немногие, главным образом браслеты.

* * *

Среди латенских находок на территории Восточной Европы наиболее часто встречаются фибулы. Они известны более чем из пятидесяти пунктов и происходят главным образом из погребений. Большинство фибул сделано из бронзы, реже встречаются железные фибулы и лишь в порядке исключения — серебряные и золотые. Придерживаясь традиционной схемы классификации фибул по способу крепления пятки, все найденные экземпляры (а их найдено около 300) можно разделить на три основных типа: ранне-, средне- и позднелатенские.

Раннелатенские фибулы на нашей территории весьма редки. В настоящее время известно лишь девять фибул этого типа: по одной найдено в

---

[1] А. А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, СПб., 1904, стр. 78—86.

[2] Главным образом материалы публиковались А. А. Спициным (см. А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 54—55) и Я. Розен-Пшеворской (см. Я. Розен-Пшеворская, Zabytki celtyckie ny ziemiach Polskich. Swiatowit, т. XIX, 1948, стр. 179—322).

Головно, Зимно, Залесье (рис. 1, *1*), Медведовке, Григоровке, Малой Сахарне и Дублянах (рис. 1, *4*) и две — в Липляве (рис. 1, *2, 3*) [3].

Большинство перечисленных фибул происходит из случайных находок или из погребальных инвентарей, составляющих не вполне достоверные комплексы, что крайне затрудняет их датировку.

Поэтому для уточнения дат неизбежно приходится обращаться к аналогичным находкам на других территориях. В Подунавье и Центральной Европе, например, подобные фибулы встречаются часто и обычно датируются IV—III вв. до н. э. Я. Филип относит чешские фибулы, аналогичные фибуле из Залесья, к III—II вв. до н. э., а фибулы, подобные фибулам из Дублян и Липлявы, — даже ко II в до н. э.[4].

Фибулы среднелатенского типа распространены гораздо шире. В настоящее время их известно около 200 экземпляров, происходящих из 40 пунктов. Как и раннелатенские, они в большинстве случаев происходят из погребений, вскрытых на различных могильниках или же случайно разрушенных во время земляных работ. Большинство фибул сделано из бронзы, остальные железные. Известны также две серебряные фибулы (из Неаполя скифского [5], Сипотен) и две золотые (Дебальцево, Армавир [6]). Все фибулы кованые.

По конструктивным особенностям среднелатенские фибулы делятся на две основные группы: проволочные и пластинчатые. Фибулы первой группы весьма несложны по устройству и в большинстве случаев сделаны из тонкой проволоки, круглой в сечении. Характерным образцом проволочных фибул являются, например, фибулы из погребений, вскрытых на могильнике в Велемичах (рис. 1, *6, 7*). Подобные фибулы встречаются на всей территории Приднепровья, в Поднестровье, в Крыму и даже в Нижнем Поволжье. У некоторых экземпляров, в частности у фибул из Ольвии, спинка иногда слегка уплощена, у других — орнаментирована сложным плетением в виде восьмерок (рис. 1, *5*) или же овальными выступами. Богато орнаментированы обе золотые фибулы.

У фибул второй группы, известных под названием зарубинецких (по могильнику в Зарубинцах), спинка в большинстве случаев слегка уплощена, а «хвост», как правило, расплющен в треугольную пластинку и загнут (рис. 1, *9—12*). Зарубинецкие фибулы менее распространены, чем проволочные, и встречаются только в районах, занятых памятниками зарубинецкой культуры [7]. Треугольный конец «хвоста» многих из этих фибул орнаментирован косой насечкой, прочерченной сеткой (рис. 1, *11*) или же небольшими выпуклинами, соединенными между собою пунктирными линиями. У некоторых фибул сохранились небольшие цепочки, при помощи которых скреплялись парные фибулы или же прикреплялись различные подвески (фибулы из Корчеватого, Чаплина и Измаила).

Для датировки среднелатенских фибул, помимо общеевропейских аналогий, мы располагаем и некоторыми датирующими вещами, найденными вместе с фибулами. Так, в скифском кургане № 51 у хут. Марицына вместе с проволочной среднелатенской фибулой найдена косская амфора с двуствольными ручками, глиняный светильник с широким отверстием

---

[3] А. П. Калитинский считает раннелатенской и одну из фибул, найденных в Херсонесе (см. А. П. Калитинский. О некоторых формах фибул из Южной России, Seminarium Kondakovianum, т. I, Prague, 1927, табл. XV, рис. 2). Однако и по профилю, и по устройству приемника херсонесская фибула отличается от обычных раннелатенских и, по-видимому, относится к более позднему времени.

[4] J. Filip. Keltové ve střední Evrope. Praha, 1956, стр. 481—482, табл. LXXX, рис. 1, табл. LVIII, рис. 1, 16, табл. XXIV, рис. 15, табл. XLIX, рис. 16, табл. LV, рис. 2.

[5] Н. Н. Погребова. Погребения Мавзолея Неаполя скифского, рис. 9, *1* (Рукопись хранится в Крымском отделе ИА АН УССР).

[6] Поскольку золотые фибулы известны только по фотоснимкам, нет твердой уверенности в том, что они относятся именно к среднелатенскому типу.

[7] За пределами территории распространения зарубинецкой культуры известна лишь одна фибула этого типа, найденная в Неаполе скифском (рис. 1, *11*).

и коротким широким рожком, эллинистический канфар с характерными ленточными ушками, покрытый красно-коричневым лаком и белой росписью, две ольвийские монеты и некоторые другие вещи II в. до н. э. [8]. В могиле № 40, вскрытой в Ольвии в 1896 г., вместе с проволочной фибулой найдено чернолаковое блюдечко, которое датируется тем же временем, т. е. не позже II в. до н. э. [9]. В той же Ольвии, в склепе № 67 (раскопки

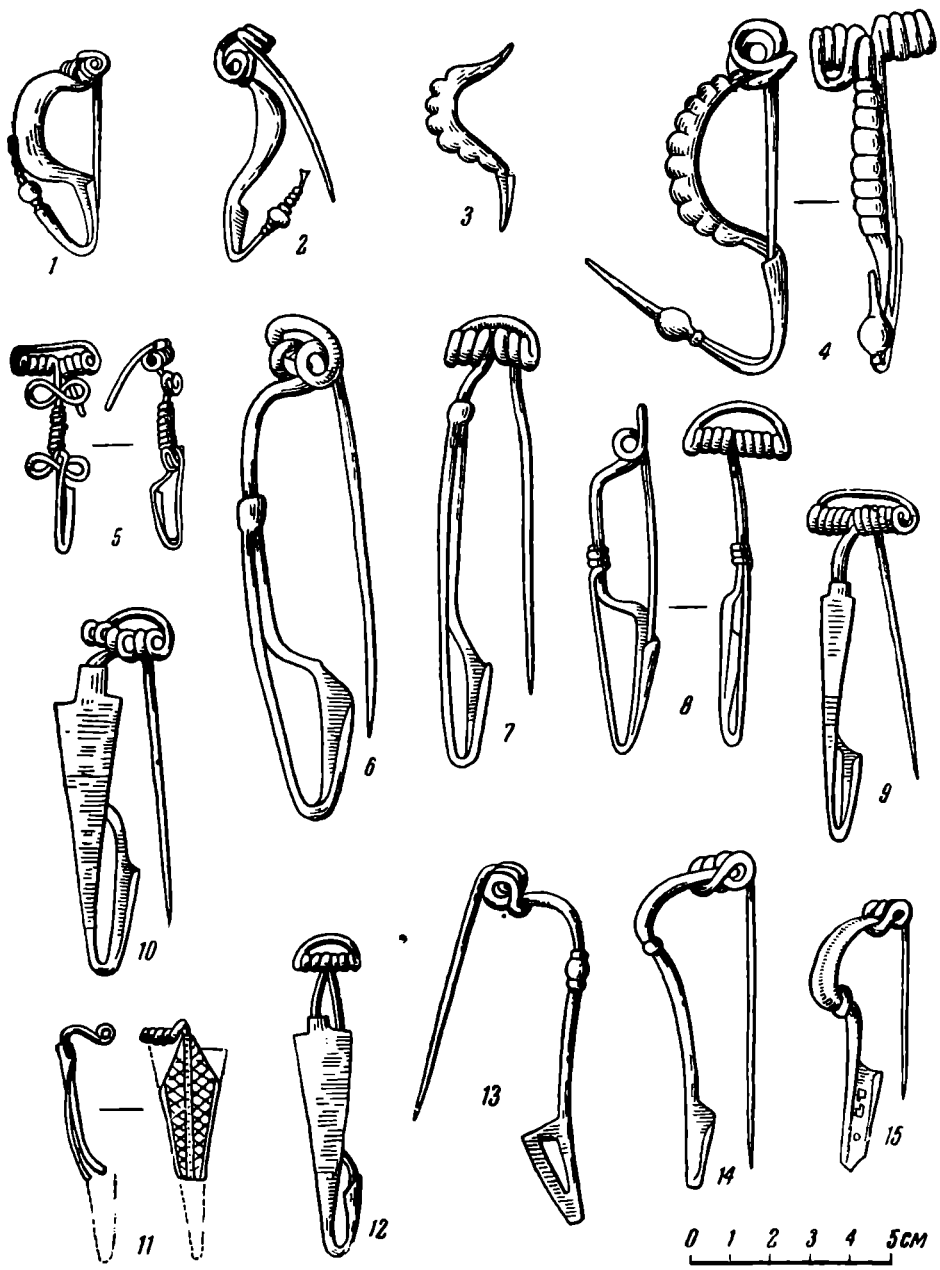


Рис. 1. Фибулы

1 — Залесье; *2*, *3* — Липлява; *4* — Дубляны; *5* — Воронино; *6*, *7*, *9*, *10*, *14*, *15* — Велемичи; *8*, *11* — Неаполь скифский, *12* — Слободовка, *13* — Чаплин

1901 г.) вместе со среднелатенской проволочной фибулой найдены различные золотые, серебряные и бронзовые украшения и две монеты г. Амиса чеканки II—I вв. до н. э.[10]. В погребении № 10, вскрытом в Ольвии в 1903 г., вместе с такой же фибулой находились бронзовые наконечники стрел, две неопределимые монеты, золотая серьга с подвеской в виде «па-

[8] M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Südrussland). Praehistorische Zeitschrift, т. V, 1913, стр. 66—68, 110—111.

[9] ОАК за 1896 г., стр. 203.

[10] А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 18.

лицы Геракла», краснолаковый сосуд и эллинистический лагинос с белым покрытием и двумя полосами черного и коричневого лака [11], датируемые II — началом I в. до н. э. Обломок проволочной среднелатенской фибулы найден в скифском погребении на акрополе Каменского городища, которое Б. Н. Граков на основании находки остродонной амфоры очень редкого типа и обломков поздних чернолаковых сосудов датирует II в. до н. э.[12]. Такие же фибулы из погребений мавзолея Неаполя скифского по множеству различных вещей, найденных вместе с ними, и по стратиграфическим наблюдениям датируются временем не ранее конца II в. до н. э., точнее же I в. до н. э.

Итак, во II в. до н. э. появляются среднелатенские фибулы — вначале общераспространенного в Европе типа (проволочные), затем в I в. до н. э.— пластинчатые (зарубинецкие). Проволочные фибулы бытовали параллельно с пластинчатыми в I в. до н. э. В первых веках нашей эры проволочные фибулы уже не встречались, но зарубинецкие продолжали находиться в употреблении. Об этом свидетельствуют два обстоятельства: находка таких фибул вместе с поздними вариантами глазчатых фибул в одном из погребений на могильнике в Великих Гриневичах [13] и находка зарубинецкой фибулы вместе с позднеглазчатой фибулой и вещами римского времени (пряжка, ключ, кресло) в Слободовке [14]. Комплексы вещей, в которых найдены интересующие нас фибулы из Великих Гринвич и Слободовки (и прежде всего поздние варианты глазчатых фибул), безусловно, относятся ко II в. н. э. Об этом убедительно говорят многочисленные находки позднеглазчатых фибул в Европе (в том числе на соседней территории Повисленья) именно в это время [15].

Позднелатенские фибулы встречаются значительно реже среднелатенских. В настоящее время их известно около 100 экземпляров, найденных более чем в двадцати пунктах. В отличие от среднелатенских многие фибулы (главным образом найденные в Верхнем Приднепровье) сделаны из железа, остальные — из бронзы. По устройству приемника они делятся на две группы: фибулы с рамчатым приемником (рис. 1, *13*) и фибулы с пластинчатым приемником (рис. 1, *14*). Рамчатые фибулы весьма редки и известны главным образом из зарубинецких могильников на территории Полесья. За пределами этой территории они встречаются лишь в порядке исключения (Сахновка, Грищенцы, Ольвия, Колоколин). Большинство рамчатых фибул сделано из железной проволоки. Бронзовые же фибулы, как правило, литые и отличаются крутым изгибом спинки. Особое место в этой группе занимают фибулы из Ольвии [16] и Колоколина [17]. Обе они не характерны для территории Восточной Европы. Ольвийская фибула имеет аналогии в южнобалтийских, особенно в германских древностях [18], а фибула из Колоколина — в германских и кельтских [19].

Для датировки рамчатых фибул мы не располагаем необходимыми комплексами вещей. Естественно поэтому обратиться к более западным областям, где эти фибулы получают широкое распространение в I в. до н. э., точнее второй половине I в. до н. э.[20]. По-видимому, этим же временем следует датировать и наши рамчатые фибулы, в том числе и фибулу из Ольвии. Фибула из Колоколина найдена вместе с раннеглазчатой фибу-

[11] ИАК, вып. 13, СПб., 1906, стр. 154.

[12] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 201.

[13] Z. Szmit. Sprawozdanie z poszukiwan archeologieznych w Hryniewiczach Wielkich kolo Bielsku Polaskiego. Wiedomosti archeologiczne, т. VII, 1922, стр. 113, 115.

[14] Фонды Краковского археологического музея (Польша).

[15] O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923, стр. 31, табл. III, рис. 61; W. Antoniewicz. Archeologia Polski, Warszawa, 1928, стр. 173.

[16] А. І. Фурманська. Ук. соч., стр. 83, табл. IV, рис. 7.

[17] М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 72, рис. 23, *6*.

[18] W. Antoniewicz. Ук. соч., стр. 31.

[19] J. Filip. Ук. соч., стр. 484—485; J. Kostrżewski. Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit. Leipzig, 1919, стр. 30.

[20] J. Filip. Ук. соч., стр. 484.

лой и, следовательно, относится к I в. н. э. В пользу этой датировки говорит и сам факт весьма кратковременного бытования подобных фибул так называемого наухеймского типа на основной территории их распространения (последние десятилетия до нашей эры — первые десятилетия нашей эры) [21].

Фибулы с пластинчатым приемником более поздние. Они появляются в Западной Европе в самом конце эпохи Латена, а широкое распространение получают уже в римское время, т. е. в I и даже во II в. н. э.[22]. В это же время они бытуют и в Восточной Европе, а на территории Верхнего Приднепровья известны и позже. Фибулы с пластинчатым приемником вместе с вещами I в. н. э., в том числе краснолаковыми сосудами, обнаружены в Ольвии [23], Николаевке [24] и в некоторых других местах. Во II в. н. э. в Причерноморье эти фибулы уже не встречаются. Там к этому времени они уже полностью были вытеснены совершенно иными, не латенскими формами. Однако на севере, у зарубинецких племен Верхнего Приднепровья они еще долгое время были в употреблении. Об этом свидетельствуют, например, находки пластинчатых позднелатенских фибул на селище возле Почепа, где они сопровождаются характерной керамикой, известной на более южных поселениях II и III вв. н. э.[25].

К еще более позднему времени относится фибула с пластинчатым приемником у дер. Малышки, найденная в одном из жилищ на городище со штрихованной керамикой вместе с бронзовой подковообразной застежкой, украшенной эмалью. Застежка хорошо датируется временем не ранее III в. н. э.

Все перечисленные образцы фибул настолько типичны по основной конструктивной схеме, что принадлежность их к латенской культуре не вызывает сомнений. Это в равной степени справедливо как по отношению к фибулам, попавшим на территорию Восточной Европы от кельтов, так и к фибулам, возникшим под влиянием кельтских образцов.

Сложнее обстоит дело с браслетами и кольцами. Некоторые типы браслетов и колец, известные по находкам на территории Приднепровья, представлены формами, известными как в латенской, так и в гальштатской и лужицкой культурах. К таким относятся, например, стержневые браслеты с мелкой насечкой или небольшими поперечными утолщениями, встречающиеся в скифских курганах Посулья и Каневщины (Аксютинцы, Басовка, Будки, Волковицы, Хитцы, Холодный Яр и др.) [26], браслеты с полушаровидными утолщениями (Залевки) [27], небольшие литые кольца с выступами и т. д. Гальштатскими по происхождению, но по общему стилю весьма близкими к латенским являются небольшие, иногда спаренные кольца с шишечками, употреблявшиеся для подвешивания мечей, и бронзовые кольца с треугольным ушком — принадлежность конской сбруи (Аксютинцы, Басовка, Чмырева могила, Ладыжичи, Капитоновка, Глинище, Мастюгино, Частые курганы, Марьевская, Кириковка и др.) [28].

---

[21] J. Filip. Ук. соч., стр. 484.

[22] B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik. Stokcholm, 1904, стр. 7; O. Almgren. Ук. соч., 106—107.

[23] А. І. Фурманська. Ук. соч., стр. 81.

[24] M. Ebert. Ausgraubungen bei dem «Gorodok-Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, т. V, 1913, стр., 92—94.

[25] Поселение возле с. Черепин Львовской области, раскопки В. Д. Барана. Датировка по римским импортам и поздним типам фибул. С неопубликованными материалами я имел возможность ознакомиться с любезного разрешения автора раскопок.

[26] В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 24, 41; А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, СПб., 1887, стр. 75., табл. X, *12*.

[27] П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 г. в бассейні річок Росі і Тясмину. ЛП, т. I, Київ, 1949, стр. 233, рис. 7, *6*.

[28] Б. Е. Дегген. О «загадочных предметах» из скифских погребений. КСИИМК, вып. VII, 1940, стр. 93—97; Ф. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. ИАК, вып. 19, СПб., стр. 109, рис. 64, 66; В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, СПб., 1893, стр. 23; А. А. Бобринский. Ук. соч., т. III, СПб., 1901, табл. V, *5—7*, т. II, СПб., 1894, табл. XXII, *14, 18*.

Почти все эти вещи найдены в скифских курганах, относящихся ко времени не позже IV в. до н. э. Уже одно это не позволяет относить их безоговорочно к кельтско-латенскому кругу изделий, поскольку последние в это время на рассматриваемой территории еще не известны, а позднегальштатские формы вещей продолжают находиться в употреблении. Так, например, в скифском кургане № 28 у Холодного Яра, относящемся к IV в. до н. э., вместе со стержневым браслетом найдены две лировидные серьги и фибула позднегальштатских образцов [29].

Однако некоторые из рубчатых браслетов и прежде всего литые массивные браслеты с крупными поперечными выступами (рис. 2, *19—21*), по-видимому, все же следует считать латенскими, если не по происхождению, то, во всяком случае, по времени. Такие браслеты встречаются в комплексах не ранее IV в. до н. э. (точнее в III—II вв. до н. э.) и известны главным образом на территории Верхнего Приднепровья (Чаплин, Горошков, Тушемля, Кашира). Отдельные экземпляры встречены и в более южных районах (Каневщина). В Григоровке рубчатый браслет найден на поселении одновременно с раннелатенской фибулой III в. до н. э.

Определенно латенскими являются браслеты с замкнутыми концами, украшенные с внешней стороны небольшими шишечками. Большинство из них отлито из бронзы, остальные изготовлены из железа (рис. 2, *17—18, 22—24*). Браслеты этого типа встречаются как в скифских погребениях IV—III вв. до н. э. (Частые курганы, Прусы, Липовец), так и в более поздних комплексах, относящихся к I в. н. э. (Тавель, Николаевка). Они известны также на дьяковских и юхновских городищах (Тушемля, Пушкари, Верхняя Злобинка), в сарматских погребениях с римскими импортными изделиями I—II вв. н. э. (Большая Дмитриевка) и в других, в том числе и более поздних комплексах. (В Кошибеевском могильнике браслет с шишечками найден вместе с арбалетовидной и двухщитковой фибулами II—III вв. н. э.)

Исключительно редко встречаются латенские стеклянные браслеты. Два таких браслета найдено в Городнице и два — в Степановке вместе со среднелатенскими фибулами. Они псевдовитые, сделаны из стекла голубого и коричневого цвета. В Скоморохах, кроме того, найден обломок костяного браслета.

Перстни менее распространены, чем металлические браслеты. Большинство их сделано из тонкой бронзовой проволоки, концы соединены в плоско-спиральный щиток. Такие кольца известны по находкам в скифских погребениях II в. до н. э. (погребение № 55—56 Марицынского могильника) и в более поздних комплексах (клад из Каменки с римскими монетами II в. н. э.; погребение III—IV вв. н. э. в Привольном). Известны и литые массивные перстни с граненой поверхностью [30], а также пластинчатые с концами, расходящимися в виде четырех спиральных завитков.

Таким образом, латенские и близкие им по форме браслеты бытовали на нашей территории весьма длительный период — примерно с IV в. до н. э. и вплоть до III в. н. э. Кольца-перстни появляются несколько позже и не получают сколько-нибудь широкого распространения.

Весьма характерны некоторые подвески-амулеты кельтско-латенского происхождения, обнаруженные в Приднепровье. В большинстве случаев это небольшие, но массивные колесики, отлитые из бронзы (рис. 2, *1—4, 12*). Известен и другой тип подвесок (по-видимому, местного происхождения) — в виде небольших плоских колечек с ушком и схематическими фигурками птиц по внешнему краю (рис. 2, *5, 6*). Они известны только по случайным находкам на Киевщине (Каневский уезд, Пекари, Ольшаница). На липицком поселении в Залесцах, кроме того, найдена бронзовая подвеска в виде круглого щитика с прорезным стилизованным растительным

[29] А. А. Бобринский. Ук. соч., т. I, табл. X, *1, 3, 12;* т. III, табл. 1, *1*.

[30] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, табл. IX, рис. 223.

орнаментом и тремя трапециевидными ушками (рис. 2, *11*). Точные аналогии как этой подвеске, так и подвескам с фигурками птиц среди кельтско-латенских древностей мне неизвестны. Однако по общему характеру орнаментации и композиции подвески эти, безусловно, следует считать латенскими, если не по происхождению, то по стилю.

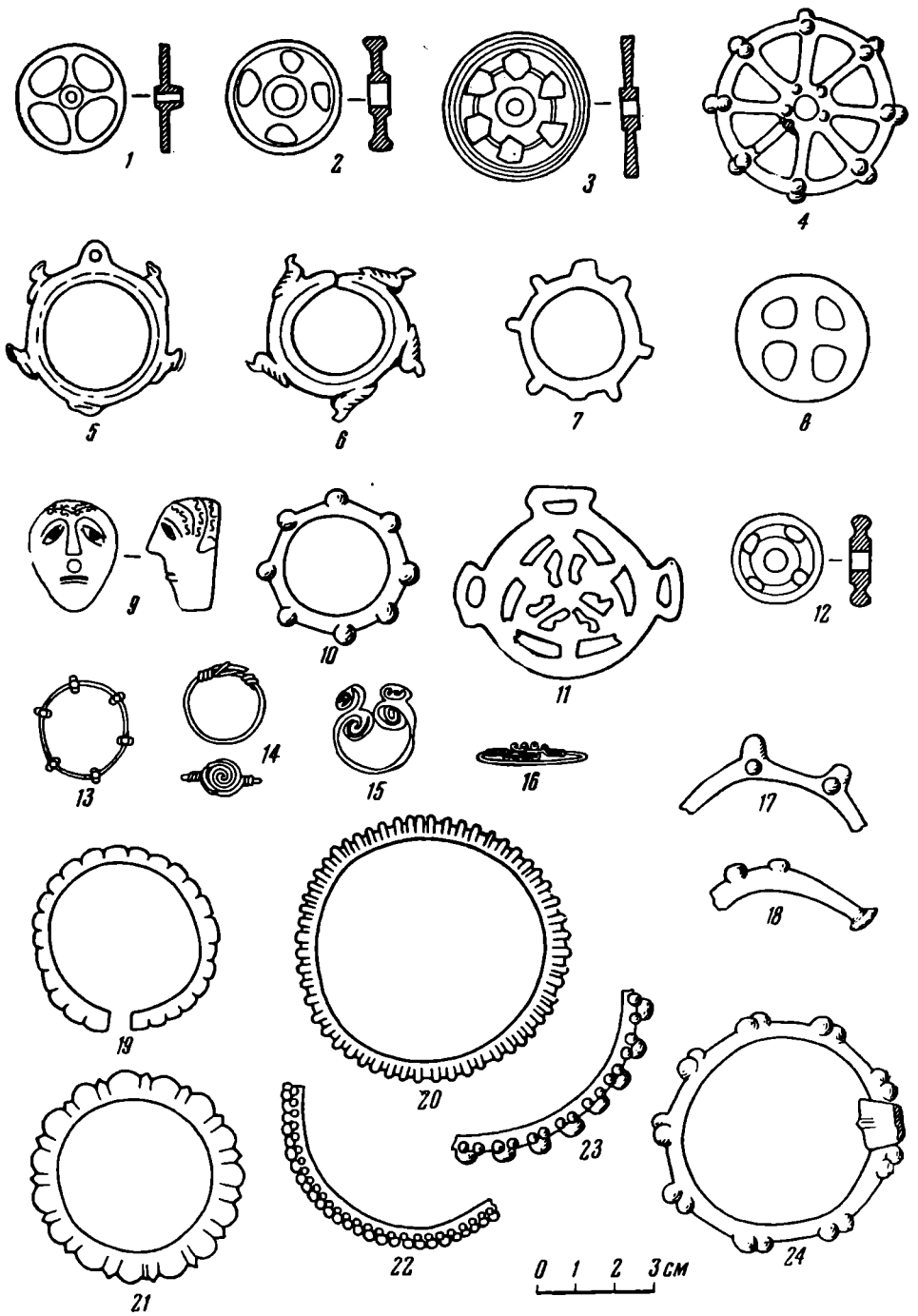


Рис. 2. Подвески, амулеты, браслеты

1,2 — Хмельна; *3* — Пастерское; *4*, *12* — место находки неизвестно; *5*, *21* — Канев; *6*, *9*, *17*, *18* — Пекари; *7* — Ольшаница; *8*, *13*, *15* — Тавель; *10* — Букрин; *11* — Залесцы; *14* — Марицын; *16* — Каменка; *19* — Кашира; *20* — Горошков; *22* — Пушкари; *23* — Тушемля; *24* — Прусы

К сожалению, почти все подвески происходят из случайных находок и не сопровождаются точно датированными материалами. Судя по западноевропейским аналогиям, подвески-колесики бытуют вплоть до конца латенского времени [31]. Наши подвески-колесики по типу ближе всего именно к позднелатенским. По-видимому, этим же временем они и датируются.

[31] J. Déchelette. Manuel d'archéologie, т. IV, Paris 1927, стр. 804, рис. 561—562.

Предметы латенского вооружения и конского снаряжения весьма типичны, хотя встречаются на территории Восточной Европы сравнительно редко. Мечи, например, известны только по находкам в семи местах: мавзолей Неаполя скифского, Гринев, Мукачево, Свалява, Ардановo, Звенигород и Лучка (в последних двух пунктах найдены лишь обломки ажурнопрорезной оковки ножен меча). Во всех случаях мечи представлены среднелатенскими типами, хотя и найдены в более поздних комплексах. Мавзолей Неаполя скифского, как уже упоминалось, датируется I в. до н. э., погребение в Гриневе — I в. н. э. [32]. В Лучке вместе с ножнами меча найдены две бронзовые фибулы I в. н. э.: одна позднелатенская и вторая — сильно профилированная [33]. Аналогичные найденным, мечи Средней Европы и Подунавья находились в употреблении также в конце латенского времени. Мечи с прорезными ножнами типа ножен из Лучки появляются, повидимому, только во второй половине I в. до н. э. и уже не являются типичными для собственно кельтско-латенских древностей [34].

Копья известны по находкам из уже упоминавшихся погребений с мечами в Гриневе и Лучке. Два копья обнаружены в погребениях Чаплинского могильника, по одному копью известно из случайных находок в Дрогичевке и Марковой. Копья железные; судя по находкам из Гринева и Лучки, по формам они близки к позднелатенским. Во всех случаях, когда копья были обнаружены в погребениях, они находились вместе с вещами I в. н. э.

Известно также три латенских бронзовых шлема. Два из них найдены в сарматских погребениях у хут. Весёлого на Дону и в дер. Тонкошуровке на Нижней Волге, один — среди вещей, случайно выкопанных возле с. Марьевки в низовьях Южного Буга. Аналогии этим шлемам известны среди кельтско-латенских древностей Подунавья и Северной Италии IV—III вв. до н. э. [35]. Шлемы, найденные на территории СССР, во всех случаях обнаружены вместе с более поздними вещами. Так, в погребении со шлемом у хут. Весёлого найден короткий сарматский меч с седловидным навершием, по которому погребение датируется III—II вв. до н. э. [36]. В погребении у Тонкошуровки вместе со шлемом найден сарматский меч с кольцевидным навершием II—I вв. до н. э. (может быть, даже I в. н. э.) [37]. В Марьевке вместе со шлемом найдены современные ему по выделке латенские вещи (ситула, удила), а также бронзовая фибула I в. до н. э.—I в. н. э.[38]. Подобная фибула обнаружена И. В. Синицыным в позднесарматском погребении возле с. Бережновки [39]. А. Тальгрен, возражая Л. Якуниной, опубликовавшей вещи из Марьевки, датировал эту находку I в. до н. э. [40].

Латенские шпоры известны только по находкам в Ардановo, Гриневе и Пекарях. Все они железные. Шпора из Гринева найдена в неоднократно уже упоминавшемся погребении I в. н. э. Шпора из Ардановo — в более раннем кельтском погребении. Шпора из Пекарей — случайная находка.

---

[32] M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej, Lwów, 1932, стр. 86; М. Смішко. Доба полів поховань в західніх областях УРСР. Археология, т. II, Київ, 1948, стр. 104.

[33] M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu ...., стр. 86.

[34] J. Filip. Ук. соч., стр. 492.

[35] I. Hunidaу. Kelták a Kárpátmedencébek Budapest, 1944, стр. 123; ее же. Die Kelten im Karpatenbecken. Budapest, 1942, табл. XLVIII, рис. 1; J. Déchelette. Ук. соч., стр. 668, рис. 489.

[36] М. И. Артамонов. Отчет о работах. ИГАИМК, вып. 109, М., 1935, стр. 209, рис. 195.

[37] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 54, рис. 47.

[38] L. Jakounina-Ivanova. Une trouvaille de l'âge de La Tène dans la Russie meridionale. ESA, I, 1927, стр. 101, рис. 8.

[39] И. В. Синицын. Отчет за 1954 г. Рукопись. Архив ИИМК АН СССР, ф. 1, разр. 1., № 962.

[40] L. Jakounina-Ivanova. Ук. соч. (примечание Тальгрена на стр. 109).

В том же погребении в Гриневе обнаружен бронзовый кольцевидный крючок (по-видимому, часть упряжи или поясного набора). Подобные крючки, иногда со стилизованными головками птиц на конце стержня, известны в других местах, как, например, в Неаполе скифском, ст. Ахтанизовской, Марьевке, Тавеле. Во всех случаях они находились в комплексах не древнее конца II в. до н. э. В целом же период их бытования определяется временем I в. до н. э. — I в. н. э. На территории распространения латенской культуры подобные крючки известны и в более раннее время [41].

Типично латенский поясной набор обнаружен в случайно разрушенном погребении возле с. Колоколин, датируемом I в.[42].

Очень редко встречается и конское снаряжение. Полный уздечный набор, например, известен только по находке в одном из погребений мавзолея Неаполя скифского (железные удила, кольца с зажимами, прямоугольная пряжка с фигуркой животного). Удила найдены также и среди вещей, случайно выкопанных у с. Марьевки. И в том и в другом случае находки относятся ко времени не ранее I в. до н. э.

Изредка встречаются и орудия труда латенских типов: топоры-кельты, серпы, ножи, бритвы. Топоры-кельты представлены одним видом (с четырехгранной втулкой). Три таких топора найдено на Чаплинском городище и по одному в Неслухове, Новоселке-Костюковой и Лядцах. Во время раскопок на Чаплинском городище найдено несколько железных серпов. У одного из них для прочного соединения с рукояткой имеются специальные закраины.

По сведениям А. А. Спицына, в Керчи найдена «круглая железная бритва латенского типа» [43]. Из могильника в Приволыном известен железный нож.

Все орудия труда, обнаруженные на нашей территории, происходят из сравнительно поздних комплексов: поселений зарубинецкой (Чаплин) и липицкой (Неслухов, Новоселка-Костюкова) культур. Нож найден на черняховском могильнике, т. е. на еще более позднем памятнике. В области распространения латенской культуры подобные изделия известны как в это, так и в более раннее время [44].

Металлические сосуды — бронзовые ситулы — известны по находкам в Субботове, Сипотенах, Марьевке, Малой Бегани и Стретовке. В упоминавшемся уже погребении из Колоколина найден небольшой серебряный культовый сосудик. Обе ситулы из Сипотен найдены в погребении вместе со среднелатенской фибулой, сосуд из Стретовки — вместе с позднелатенской фибулой (?), а ситула из Марьевки найдена вместе с еще более поздней фибулой. Погребение в Колоколине, как уже отмечалось, датируется I в. н. э. На собственной территории распространения латенской культуры подобные сосуды известны главным образом в более раннее время [45].

Глиняные сосуды встречаются чаще, чем металлические. Они известны не только на кельтских поселениях Закарпатья, но и по находкам в скифских курганах (Завадинцы, Серватинцы, Новоселка, Макеевка), в погребениях пшеворской культуры (Рудки, Янковичи, Гринев, Бендиха, Большая Каменка), на поселениях и в погребениях липицкой культуры (Новоселка-Костюкова, Крывеньке). В порядке исключения встречаются они и в других комплексах (Залесье, Нижний Струтынь, окрестности Винницы и т. д.).

Почти все глиняные сосуды сделаны на гончарном круге. Лепные встречаются редко и известны только по находкам в погребениях в Зале-

[41] P. Vouga. La Tène. Leipzig, 1923, табл. VIII, табл. XLVII, рис. 4.
[42] М. Смішко. Доба полів поховань в західніх областях УРСР, стр. 102.
[43] А. А. Спицын. Поля погребальных урн, стр. 55.
[44] P. Vouga. Ук. соч., табл. XXIV—XXV, XLI, XLIII; J. Déchelette. Ук. соч., стр. 865, рис. 595; стр. 888, рис. 613; I. Hunidaу. Ук. соч., табл. LIII, рис. 21—23, табл. LIV, рис. 1—4; J. Filip. Ук. соч., табл. CXXI, рис. 5.
[45] J. Déchelette. Ук. соч., стр. 950, рис. 649.

сье и Гриневе и на поселении в Новоселке-Костюковой. На этом последнем была сделана уникальная находка фрагментов расписных позднелатенских сосудов. Гончарные сосуды в большинстве случаев представлены горшками. Сосуды, найденные в пшеворских и липицких комплексах, более вычурны по форме. Некоторые из них орнаментированы рельефными валиками. Поверхность сглажена; в большинстве случаев она серого цвета.

В погребении из Залесья глиняный сосуд найден вместе с раннелатенской фибулой, относящейся ко времени не ранее IV в. до н. э. К этому же времени, а точнее к III в. до н. э., относится и скифский курган у с. Макеевки, в котором глиняные сосуды найдены вместе с другими хорошо датируемыми вещами (наконечники стрел, нашивные бляшки, меч с сердцевидным перекрестием [46]). Остальные скифские курганы, в которых найдены гончарные латенские сосуды, также относятся к IV—III вв. до н. э. (а не к более позднему времени, как это полагал Т. Сулимирский для курганов у Новоселки и Серватинец) [47]. В кургане № 1 у Серватинец вместе с гончарным латенским сосудом найден, например, скифский черпак с высокой ручкой, который нельзя датировать временем позже IV в. до н. э. В кургане № В у дер. Новоселки, кроме гончарного латенского сосуда, была и обычная скифская лепная миска. Близкие по форме миски в восточных районах распространения латенской культуры появляются именно в это время [48]. Против датировки Т. Сулимирского, кстати сказать, свидетельствуют и общелатенские параллели, так как подобные сосуды известны уже с конца раннелатенского времени, т. е. начиная с IV в. до н. э. [49].

Сосуды, найденные на пшеворских и липицких поселениях и могильниках, в целом датируются временем начиная с I в. до н. э. (Бендиха) и до начала III в. н. э. (Рудки, Большая Каменка) [50].

Из Пекарей, в которых найден целый ряд латенских вещей, происходит бронзовая литая головка человека (рис. 2, *а*), полая внутри. Ниже носа имеется сквозное отверстие. Орнамент нанесен резцом. Подобные головки обычно прикреплялись к навершиям так называемых антропоидных мечей уже в раннелатенское время [51]. Встречаются они (но уже с другим назначением) и в более позднее время [52]. В с. Пастерском найдена небольшая бронзовая фигурка кабана, по-видимому, также кельтско-латенского происхождения [53]. Типично кельтские фигурки человека и кабана известны по находке в кладе из Малой Бегани (Закарпатье).

Кельтскими монетами обычно считают варварские подражания тетрадрахмам Филиппа Македонского, Лизимаха и т. д. Клад таких серебряных и золотых подражаний тетрадрахмам Филиппа Македонского найден в Скоморохах. В окрестностях Сокаля, кроме того, найден сосуд, наполненный «золотыми кельтскими монетами». Довольно много кельтских монет найдено в Закарпатье.

* * *

Таковы латенские вещи, найденные на территории Восточной Европы. Часть из них, например все раннелатенские и некоторые типы более поздних фибул, предметы вооружения и конского снаряжения, подвески-аму-

[46] Е. Покровська. Розкопки коло с. Макіївки, АП, т. II, 1949, стр. 130—133, табл. I—II.

[47] T. Sulimirski. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936, стр. 32.

[48] J. Filip. Ук. соч., стр. 498.

[49] J. Rosen-Przeworska. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski. Swiatowit, т. XIX, 1948, стр. 283.

[50] М. Смішко. Доба полів поховань в західніх областях УРСР, стр. 103; M. Śmiszko. Osady kultury lipickiej Prace Lwowskiego towarzystwa Prehistorycznego, № 1, Lwów, 1934, стр. 18; M. Śmiczko. Kultury wczesnego okresu..., стр. 108.

[51] J. Déchelette. Ук. соч., стр. 646, рис. 744, *3*.

[52] M. G. Engelhardt. Sur la trouvaille de Vimose, стр. 111, рис. 20.

[53] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, Киев, 1907, табл. IV, рис. 427.

леты и металлические сосуды, орудия труда и некоторые типы глиняных сосудов, представлены формами, тождественными кельтско-латенским изделиям, не имеют прототипов в местных древностях и, безусловно, попали на территорию Восточной Европы из области распространения латенской культуры. Это кельтские импорты. Другие вещи — подавляющее большинство поздних фибул, браслеты, перстни, глиняные сосуды,— хотя и близки по типам к соответствующим кельтско-латенским изделиям, все же должны рассматриваться как вещи местного производства, появившиеся после знакомства с соответствующими кельтско-латенскими образцами. Среднелатенские фибулы зарубинецкого типа, например, неизвестны за пределами распространения зарубинецкой культуры и, очевидно, являлись продуктом творчества местных мастеров. Браслеты, в частности браслеты с шишечками, также выделывались на месте, о чем свидетельствуют находки литейных форм на городище в Чаплине и в Ольвии.

Впервые кельтские импорты попадают на территорию Восточной Европы в IV—III вв. до н. э. Они немногочисленны и представлены сравнительно поздними вариантами так называемых раннелатенских фибул, глиняными сосудами и, по-видимому, некоторыми типами браслетов. Бесспорно кельтскими по происхождению являются лишь фибулы и некоторые глиняные сосуды. «Латенские» браслеты, как уже неоднократно упоминалось, в то время были распространены не только у кельтов. То же самое следует сказать и о некоторых сосудах, например о сосудах из скифского кургана у Макеевки. Подобные сосуды, пожалуй, более характерны для фракийского населения, чем для кельтов.

Латенские вещи IV—III вв. до н. э. немногочисленны и встречаются на сравнительно ограниченной территории, главным образом в районе Верхнего Приднестровья. За пределами этой области они известны в небольшом количестве только в районе среднего течения Днепра (Залесье, Липлява, Медведовка и др).

Подавляющее большинство латенских вещей, в том числе характерные изделия кельтского происхождения (ранние варианты проволочных среднелатенских фибул, рамчатые фибулы, предметы вооружения и конского снаряжения, металлические и глиняные сосуды, амулеты, орудия труда), попадают на территорию Восточной Европы начиная со II в. до н. э. Они сразу же получают широкое распространение и встречаются на всей территории Приднепровья, в степях Причерноморья, в Крыму, на Кубани и Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье и даже на Оке. В одних местах, например в северных районах Приднепровья, эти вещи находятся в употреблении сравнительно длительное время, в других, например на юге, они вскоре были вытеснены более совершенными образцами. Но и в том и в другом случае знакомство с кельтско-латенскими изделиями привело к возникновению местных форм, в той или иной мере подражающих латенским.

Приток латенских вещей на описываемую территорию и распределение на ней этих находок были обусловлены исторической обстановкой, которая сложилась в Европе в связи с проникновением кельтов на берега Черного моря. Эти находки, поскольку они во многих случаях представлены не подражаниями, а классическими формами кельтско-латенских изделий, должны рассматриваться как следствие прямого контакта населения Приднепровья с кельтским миром. Там, где это произошло раньше, раньше появились и латенские вещи.

Приблизительно в начале IV в. до н. э. кельты, как известно, появились в Средней Европе. Отсюда какая-то часть их вскоре проникла на территорию современной Силезии, а затем, по-видимому, и в верховья Вислы. Другая часть осела в Закарпатье, где вошла в прямой контакт со скифами [54]. Неслучайно поэтому у скифского населения Прикарпатья, т. е.

[54] J. Filip. Ук. соч., стр. 274 сл.

современной Подолии, в это время появляются некоторые чисто кельтские вещи: глиняные сосуды (Новоселки, Серватинцы, Завадинцы) и раннелатенские фибулы (Григоровка). Отсюда, от скифского населения Подолии, латенские вещи могли попасть и далее к востоку, в Приднепровье (Залесье, Медведовка, Липлява и др.).

Но не этот путь проникновения западных вещей в Приднепровье в то время был основным. Скифы Приднепровья по-прежнему поддерживали привычные старые связи с Подунавьем, особенно с фракийской его частью, где кельтов в IV в. до н. э. еще не было. Вот почему в скифских погребениях Приднепровья в это время, как и раньше, мы находим вещи позднегальштатских типов — браслеты, фибулы, серьги, т. е. вещи, которые, если так можно сказать, стали латенскими только после проникновения кельтов в области распространения гальштатской культуры. Кстати, по этой же причине мы не находим раннелатенских вещей в степях Причерноморья, население которых всегда тяготело к Нижнему Подунавью, где кельтов в то время еще не было.

В начале II в. н. э. территория, занятая кельтами, сильно сокращается и в то же время усиливается движение кельтов на восток, в Северное Причерноморье и Приднепровье. В авангарде этого продвижения, по-видимому, шли галаты как самое восточное из кельтских племен. В начале II в. до н. э., как это явствует из декрета в честь Протогена, галаты совместно со скирами угрожают уже Ольвии [55]. Не случайно вслед за этим на нашей территории (на этот раз и в степях Причерноморья) появляются неизвестное до этого кельтское вооружение и конское снаряжение, типично кельтские амулеты, орудия труда и другие вещи. Не случайно также, что наиболее близкие аналогии этим вещам мы находим именно в придунайско-карпатском районе распространения кельтско-латенской культуры. Наряду с отдельными вещами на этот раз кое-где появляются и кельтские захоронения с типичным набором вооружения (Гринев, Лучка, Колоколин, Сухой Став, возможно Сипотены, Марьевка, погребение воина в мавзолее Неаполя скифского и др.). Это была как бы вторая волна распространения латенских вещей на нашей территории. В отличие от первой, она была не только более мощной как по количеству, так и по разнообразию вещей, но и в какой-то мере определялась приходом сюда самих кельтов. Об этом свидетельствуют не только упомянутые уже кельтские погребения, но и указания Посидония и Страбона о появлении в Причерноморье или несколько севернее особого, смешанного кельтско-скифского населения [56].

Нельзя полагать, однако, что это проникновение на нашу территорию отдельных кельтских групп было значительным по своему размаху. Оно не привело к сложению здесь столь характерной латенской культуры, которая возникала везде, где появлялись значительные силы кельтов. Тем не менее воздействие, которое оказали кельты на развитие культуры местного населения, было велико. Если в первый период, т. е. в течение IV—III вв. до н. э., это ощущается еще слабо, то во второй, с начала II в. до н. э., влияние кельтов более чем очевидно. Так, наряду с употреблением чисто кельтских вещей (оружие, орудия труда, сосуды, амулеты, фибулы) в Приднепровье и Причерноморье возникают производные от них формы. На юге — это различные местные формы фибул, наиболее распространенные из которых фибулы с подвязанной пяткой. На севере, где латенские вещи бытовали дольше, параллельно с ними получили распространение и местные подражания им, например фибулы зарубинецкого типа. Шпоры, удила, некоторые типы колец и браслетов, многие вещи с

[55] Время декрета в честь Протогена до сих пор не может считаться установленным точно. Одни исследователи относят его к концу III в. до н. э., другие — к более позднему времени. См. Н. В. Шафранская. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. ВДИ, 1951, № 3, стр. 13, 14.

[56] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 36—42.

эмалями, получившие широкое распространение на нашей территории уже в первые века нашей эры, исходными формами имеют также латенские образцы.

Воздействие латенской культуры сказалось не только в производстве металлических изделий, но и в наиболее массовом производстве — гончарном. Среди лепных зарубинецких сосудов, например, многие имеют прямые аналогии в керамике кельтов. Приемы орнаментации, а иногда и формы некоторых черняховских гончарных сосудов также копируют латенские образцы. Еще больше латенских элементов в керамике липицкой культуры, что общеизвестно.

В той или иной степени воздействие кельтов сказалось на развитии культуры и быта всех племен и народов населявших в то время Приднепровье: скифов, сарматов, венедов, летто-литовцев и т. д. У одних оно было весьма значительным, у других чувствуется слабее. Воздействие же кельтов на культуру славянских народов было весьма ощутимым, и даже длительное время спустя после упадка могущества кельтов мы находим те или иные его отражения не только в материальной культуре, но и в языке и фольклоре славян.

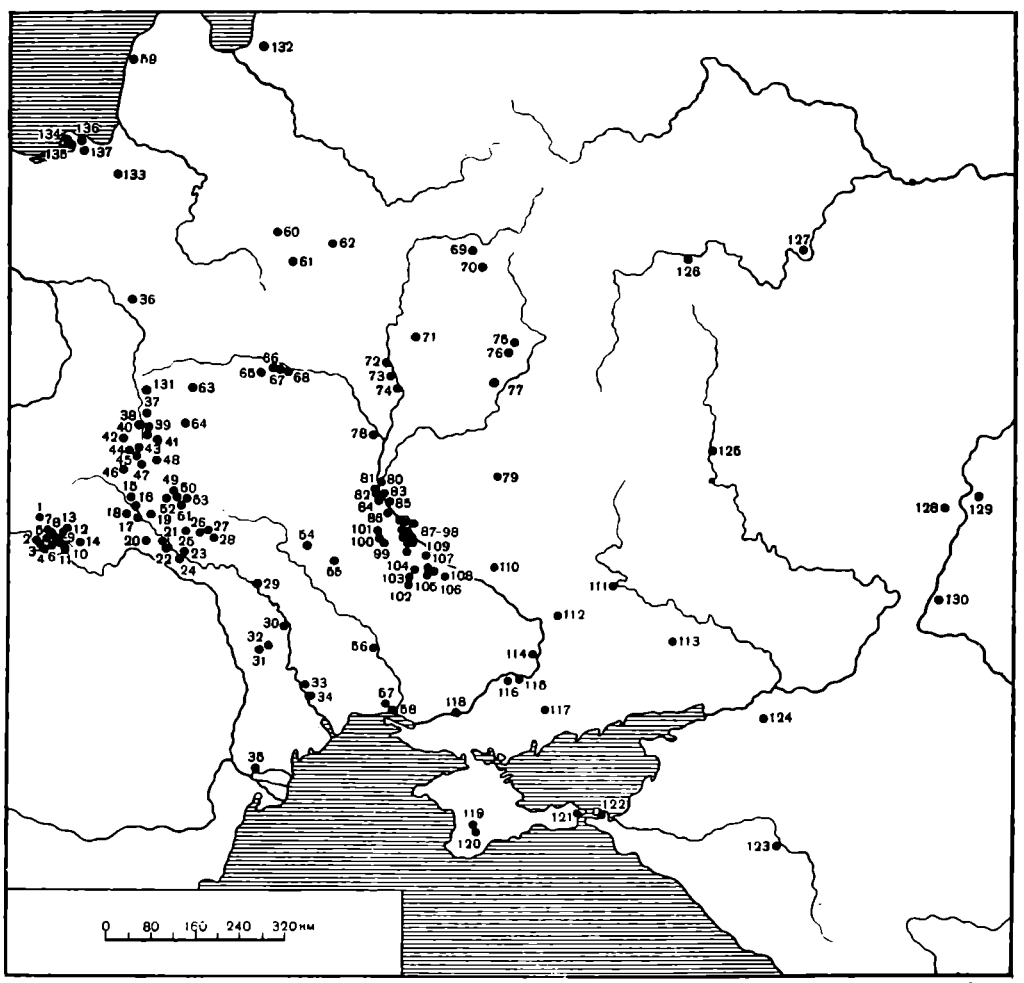


Рис. 3. Карта распространения латенских вещей на территории Восточной Европы

* * *

Ниже приводится краткий перечень распространения латенских находок на территории Восточной Европы. Порядковые номера в тексте соответствуют номерам пунктов, нанесенных на карту (рис. 3).

1. Г. Ужгород, Закарпатская обл. Обломки глиняных сосудов, в том числе с примесью графита в глине, глиняные пряслица, нож, наконечник стрелы. Кельтское поселение. Серебряная монета — имитация тетрадрахмы Филиппа Македонского.
   К. В. Бернякович. Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде. КСИА, вып. 3, Киев. 1954, стр. 46—47; J. Pasternak. Ruské Karpaty v archeologii. Praha 1928, стр. 181.
2. С. Берегово, Закарпатская обл. Серебряные кельтские монеты.
   J. Pasternak. Ук. соч., стр. 182.
3. С. Доброселье, Береговский округ, Закарпатская обл. Бронзовые рубчатые браслеты. Случайная находка.
   Сообщение К. В. Берняковича.
4. С. Мочала, Береговский округ, Закарпатская обл. Бронзовый браслет с шишечками в три ряда. Случайная находка.
   Сообщение К. В. Берняковича.
5. С. Дрисина (бывш. Дерчень), Мукачевский округ, Закарпатская обл. Две серебряные кельтские монеты.
   J. Pasternak. Ук. соч., стр. 182.
6. С. Брестов, Мукачевский округ, Закарпатская обл. Находки латенских вещей.
   J. Pasternak. Ук. соч., стр. 180.
7. С. Малая Бегань, Береговский округ, Закарпатская обл. Клад в бронзовом сосуде: бронзовая фигурка человека, бронзовая фигурка кабана, обломок браслета из бронзовых полушарий, стеклянный браслет.
   Сообщение К. В. Берняковича.
8. С. Клечаново, Мукачевский округ, Закарпатская обл. Большое количество металлических кельтских изделий и керамики типа Страдонице. Остатки жилищ. Кельтское поселение.
   T. Lehoczy. Adatok haránk archeologiájéhoz. Munkacs 1912 V. Pârvan. Getica Bucuresti, 1926, стр. 495—497; J. Pasternak. Ук. соч., стр. 180, 182.
9. Г. Мукачево, Закарпатская обл. 30 серебряных монет времен Филиппа и Александра Македонских, возле скелета в погребении. Железный меч с бронзовой рукояткой. Отдельные находки кельтских монет.
   J. Pasternak. Ук. соч., стр. 178, 182; Я. Пастернак. Коротка археологія Західно-українських земель. Львів, 1932, стр. 38.
10. С. Косины, Береговский округ, Закарпатская обл. Серебряная монета — имитация тетрадрахмы Филиппа Македонского.
    J. Pasternak. Ук. соч., стр. 182.
11. С. Квасово, Береговский округ, Закарпатская обл. Серебряная монета — имитация тетрадрахмы Филиппа Македонского.
    J. Pasternak. Ук. соч., стр. 182.
12. Г. Свалява. Закарпатская обл. Железные меч, умбон, нож, наконечник стрелы и др. Кельтское погребение.
    J. Pasternak. Ук. соч., стр. 180; Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 38.
13. С. Драчины, Свалявский округ, Закарпатская обл. Серебряная монета — имитация тетрадрахмы Филиппа Македонского.
    J. Pasternak. Ук. соч., стр. 182.
14. С. Арданово, Иршавский округ, Закарпатская обл. Железные меч, умбон, шпоры, наконечники стрел, нож, фибулы и др. Кельтское погребение. Кельтская монета. Случайная находка.
    J. Pasternak. Ук. соч., стр. 180—181.
15. С. Колоколин, Букачевский р-н, Станиславская обл. Бронзовый поясной набор, серебряный культовый сосудик, позднелатенская фибула. Погребение с трупосожжением.
    M. Śmiszko. Stanowisko wczesnorzymskie w Kolokolinie, pow. Rohatynski. WA, XIII, 1935, стр. 155—161.
16. С. Верхняя Липица, Большовцевский р-н, Станиславская обл. Железный браслет с шишечками. Могильник липицкой культуры.
    M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej. Lwów, 1932, стр. 170—171, табл. XIV, рис. 12.
17. Г. Галич, Станиславская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Случайная находка.
    T. Sulimirski. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936, стр. 40, рис. 5.
18. С. Нижний Струтынь, Рожнятовский р-н, Станиславская обл. Глиняный сосуд. Погребение с трупоположением.
    M. Śmiszko. Ук. соч., стр. 76, табл. VI, рис. 5.
19. С. Маркова, Монастырский р-н, Тернопольская обл. Железный наконечник копья. Случайная находка.
    J. Kostrzewski. Die Ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit, т. II, Leipzig, 1919, стр. 39, 97.
20. С. Большая Каменка, Коломийский р-н, Станиславская обл. Глиняный сосуд. Погребение с трупосожжением.
    M. Śmiszko. Ук. соч., стр. 15, 76, табл. I, рис. 10.

21. С. Рудки, Городенковский р-н, Станиславская обл. Глиняный сосуд. Могильник пшеворской культуры.
    M. Śmiszko. Ук. соч., стр. 24, 76, табл. I, рис. 12.
22. С. Городница, Городенковский р-н, Станиславская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула, два стеклянных браслета. Случайная находка.
    J. Roosen-Przeworska. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski. Swiatowit, т. XIX, стр. 301—303, рис. 39.
23. С. Новоселка-Костюкова, Залещицкий р-н, Тернопольская обл. Железный топор, глиняные сосуды. Поселение липицкой культуры.
    M. Śmiszko. Osady kultury lipickej. Prace Lwówskiego towazystwa Prechistoricnego, № 1, Lwów, 1934, стр. 15—18, табл. III, рис. 18—19, 41.
24. С. Степановка, Заставновский р-н, Черновицкая обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула, два стеклянных браслета. Случайная находка.
    J. Rosen-Przeworska. Ук. соч., стр. 302—303.
25. С. Сухой Став, Отинянский р-н, Станиславская обл. Глиняные сосуды. Погребение с трупосожжением.
    Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 37; Praehistorische Zeitschrift, т. XXXV, 1934, стр. 216.
26. С. Крывеньке, Гусятинский р-н, Тернопольская обл. Глиняный сосуд. Погребение с трупосожжением.
    M. Śmiczko. Kultury wczesnego okresu..., стр. 76, табл. X, рис. 7.
27. С. Завадницы, Смотричский р-н, Хмельницкая обл. Глиняный сосуд. Случайная находка.
    J. Rosen-Przeworska. Ук. соч., стр. 282—283.
28. С. Серватинцы, Смотричский р-н, Хмельницкая обл. Глиняные сосуды. Скифское погребение.
    T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 93—96, табл. XV, рис. 9; J. Rosen-Przeworska. Ук. соч., стр. 278—282, табл. XI.
29. С. Григоровка, Могилев-Подольский р-н, Винницкая обл. Две бронзовые фибулы (раннелатенская и позднелатенская), бронзовый рубчатый браслет. Поселение липицкой (?) культуры.
    М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 104, рис. 41, *2, 3;* стр. 105, рис. 42.
30. С. Малая Сахарна, Резинский р-н, Молдавская ССР. Бронзовая раннелатенская фибула. Случайная находка.
    Сообщение А. И. Мелюковой.
31. С. Сипотены, Каларашский р-н, Молдавская ССР. Две бронзовые ситулы, серебряная проволочная среднелатенская фибула. Погребение с трупосожжением.
    Г. П. Сергеев. Находка медных сосудов на территории Молдавии. Изв. Молдавского ФАН СССР, № 4, Кишинев, 1956, стр. 135—139.
32. С. Лукашевка, Оргеевский р-н, Молдавская ССР. Восемь проволочных железных среднелатенских фибул. Погребение с трупосожжением.
    Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 51—62.
33. С. Парканы, Тираспольский р-н, Молдавская ССР. Бронзовая проволочная среднелатенская (?) фибула. Скифское погребение.
    И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 28, табл. XXII, рис. 3.
34. С. Глинное, Слободзейский р-н, Молдавская ССР. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Скифское погребение.
    И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 16, табл. XXII, рис. 1.
35. Г. Измаил. Одесская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула с цепочкой. Случайная находка.
    А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 79.
36. С. Великие Гриневичи, Бельск-Подлясский повет, Белостокское воеводство, Польша. Шесть бронзовых среднелатенских фибул зарубинецкого типа. Зарубинецкий могильник.
    Z. Szmit. Sprawozdanie z poszukiwan archeologieznych w Hryniewiczach Wielkich kolo Bielska Podlaskiego. Wiadomośti archeologizne, т. VII, 1922, стр. 113, рис. 78—79; стр. 116, рис. 97—100; стр. 117, рис. 102—103.
37. С. Зимно, Владимир-Волынский р-н, Волынская обл. Железная раннелатенская фибула. В жилище на поселении.
    Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 35.
38. С. Ульвивок, Сокальский р-н, Львовской обл. * Большой бронзовый браслет с рельефными выступами.
    Фонды Львовского исторического музея. Инв. № 2180.
39. С. Бендюга, Сокальский р-н, Львовская обл. Глиняный сосуд. Могильник пшеворской культуры.

---

* Точное местонахождение села установить не удалось. Известно только, что оно «на Сокальщине».

M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej. Lwów, 1932, стр. 3, 106, табл. I, рис. 2—3.

40. Г. Сокаль, Львовская обл. Глиняный сосуд, заполненный золотыми кельтскими монетами. Случайная находка.
J. Rosen-Przeworska. Ук. соч., стр. 297.

41. С. Скоморохи. Сокальский р-н, Львовская обл. Клад серебряных и золотых монет — подражания тетрадрахмам Филиппа Македонского. Костяной браслет.
Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 36.

42. С. Дубляны, Львовский р-н, Львовская обл. Бронзовая раннелатенская фибула (рис. 1, *4*). Ящичное погребение.
T. Sulimirski. Notatki archeologiczne z Malopolski Wiadomosti Archeologizne, т. XIV, 1936, стр. 194, табл. XLIV.

43. С. Неслухов, Ново-Милятинский р-н, Львовская обл. Железный топор. Липицкое поселение.
M. Śmizko. Osady kultury lipickiej. Prace Lwówskiego towarzystwa Prehistorycznego, № 1, Lwów, 1934, стр. 16.

44. С. Залесцы, Бобрский р-н, Львовская обл. Бронзовая ажурная подвеска (рис. 2, *11*). Поселение липицкой культуры.
М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 72, рис. 23, *2*.

45. С. Гринев, Бобрский р-н, Львовская обл. Железный меч, орнаментированный наконечник копья, два втока от древка копья, шпора, глиняный сосуд. Могильник пшеворской культуры.
M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego..., стр. 8—11, 81—85, 93, табл. I, рис. 19, табл. III, рис. 33, табл. IV, рис. 5, 7, 21.

46. С. Звенигород, Бобрский р-н, Львовская обл. Обломки бронзовых прорезных ножен меча и оковка пояса, железные шпоры и др. Погребение с трупосожжением.
И. К. Свешников. Могильники липицкой культуры в Львовской области. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 63—64.

47. С. Липовцы, Перемышлянский р-н, Львовская обл. Серебряная монета — имитация тетрадрахмы Филиппа Македонского.
Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 36.

48. С. Луговое (б. Чехи), Пониковицкий р-н, Львовская обл. Два бронзовых браслета с шишечками. Могильник высоцкой культуры.
T. Sulimirski. Kultura wysocka. Kraków, 1931, стр. 62, 64, табл. XXVI, рис. 2, *18*.

49. С. Великий Глубочек, Великоглубочецкий р-н, Тернопольская обл. Два бронзовых браслета с шишечками. Могильник высоцкой культуры.
T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 100—101, табл. XXVII, рис. 1—7.

50. С. Лучка, Микулинецкий р-н, Тернопольская обл. Железный наконечник копья, остатки бронзовой прорезной обивки ножен меча, две бронзовые фибулы (позднелатенская и с сильно профилированной спиной). Погребение с трупосожжением.
M. Śmiszko. Ук. соч., стр. 18—19, 80—97, табл. V, рис. 14—19.

51. Г. Теребовля, Тернопольская обл. Серебряная монета — подражание тетрадрахме Лизимаха.
T. Sulimirski. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1932, стр. 40, рис. 6.

52. С. Дрогичевка, Теребовлянский р-н, Тернопольская обл. Железный наконечник копья.
J. Kostrżewski. Ук. соч., стр. 38.

53. С. Новоселка, Скалатский р-н, Тернопольская обл. Глиняный сосуд. Скифское погребение.
T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 82—83, табл. XV, рис. 6.

54. С. Липовец, Липовецкий р-н, Винницкая обл. Бронзовый браслет с шишечками. Скифское погребение.
ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, СПб., 1901, стр. 293, рис. 85.

55. С. Новоселки, Монастырищенский р-н, Черкасская обл. Два бронзовых кольца. Скифское погребение.
М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 488.

56. С. Марьевка, Доманевский р-н, Николаевская обл. Бронзовые шлем, ситула, два кольца с гравировкой, кольцевидный крючок и железные удила. Случайная находка.
L. Jakounina-Ivanova. Une trouvaile de l'âge de La Tène dans la Russie méridionale. ESA, I, 1927, стр. 100—109.

57. Хут. Марицыно (нынешняя Островка), Очаковский р-н, Николаевская обл. Две бронзовые фибулы (проволочная среднелатенская и позднелатенская), перстень с плоскоспиральным щитком. Скифские погребения.
M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Südrussland). Praehistorische Zeitschrift, ч. V, 1913, стр. 66, рис. 4; стр. 74, рис. 83; стр. 78, рис. 87.

58. Ольвия (с. Парутино), Очаковский р-н, Николаевская обл. Бронзовые фибулы — около десяти проволочных среднелатенских и 16 позднелатенских, бронзовые кольца с шишечками, литейные формы для отливки браслетов и колец.

А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 76 и сл., табл. I, рис. 5—10, табл. II, рис. 1—14;
J. Rosen-Przeworska. Ук. соч., стр. 305; Béla Pósta. Archäologische Studien auf russischen Boden, т. II, Budapest — Leipzig, 1905, стр. 420, рис. 242; стр. 435, рис. 245.

59. Дер. Башки, Лиепайский р-н, Латвийская ССР. Позднелатенская фибула. Погребение в кургане.
Сообщение Х. А. Мсора.

60. Дер. Малышки, Кривичский р-н, Молодечненская обл. Железная позднелатенская фибула с пластинчатым приемником. Городище со штрихованной керамикой.
Сообщение А. Г. Митрофанова.

61. Дер. Каменка, Минская губ. (точнее неизвестно). Три бронзовых проволочных перстня со спиральными щитками. Случайная находка.
В. В. Кропоткин. О некоторых кладах римских монет, найденных в России. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 105, рис. 13.

62. Дер. Слободка, Борисовский р-н, Минская обл. Бронзовая среднелатенская фибула зарубинецкого типа (рис. 1, *12*). Случайная находка.
Фонды Краковского археологического музея (Польша).

63. С. Черск, Маневичский р-н, Волынская обл. Две проволочные среднелатенские фибулы — бронзовая и железная. Могильник зарубинецкой культуры.
Раскопки автора.

64. Г. Луцк, Волынская обл. Серебряная тетрадрахма Лизимаха. Случайная находка.
T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 40.

65. С. Отвержичи, Столинский р-н, Брестская обл. Около десяти бронзовых среднелатенских и железных позднелатенских фибул. Могильник зарубинецкой культуры.
Раскопки автора.

66. Дер. Велемичи, Давид-Городокский р-н, Брестская обл. Бронзовые и железные фибулы, более пятидесяти среднелатенских (проволочные зарубинецкие) и примерно столько же позднелатенских (рис. 1 *6—7, 9—10, 14—15*). Могильник зарубинецкой культуры.
Раскопки автора.

67. Дер. Ремель, Давид-Городокский р-н, Брестская обл. Две среднелатенские проволочные фибулы — бронзовая и железная. Могильник зарубинецкой культуры.
Раскопки автора.

68. Дер. Воронино, Туровский р-н, Гомельская обл. Бронзовые и железные среднелатенские фибулы: 12 из них зарубинецкого типа, восемь — проволочных (рис. 1, *5*). Могильник зарубинецкой культуры.
Раскопки автора.

69. Пос. Знаменское, Смоленский р-н, Смоленская обл. Бронзовый браслет с шишечками. Сообщение. В. В. Седова.

70. Тушемля, городище у дер. Мокрядино, Починковский р-н, Смоленская обл. Два бронзовых браслета — рубчатый и с шишечками.
Раскопки П. Н. Третьякова.

71. Дер. Лядцы, Чечерский р-н, Гомельская обл. Железный топор-кельт с четырехгранной втулкой. Городище со штрихованной керамикой.
Сообщение А. Г. Митрофанова.

72. Дер. Милограды, Речицкий р-н, Гомельская обл. Две бронзовые позднелатенские фибулы с пластинчатым приемником: бронзовая и железная. Городище милоградской культуры.
Раскопки О. Мельниковской.

73. Дер. Горошков, Речицкий р-н, Гомельская обл. Более десяти бронзовых и серебряных рубчатых браслетов (рис. 2, *16*). Городище милоградской культуры.
О. Мельниковская. Клад браслетов в д. Горошков (Южная Белоруссия). ВДИ, 1956, № 1, стр. 173—176.

74. Дер. Чаплин, Лоевский р-н, Гомельская обл. Более двадцати бронзовых и железных фибул. Половина из них — среднелатенские (проволочные и зарубинецкие), остальные позднелатенские (рис. 1, *13*). Два железных топора, серпы, бронзовый рубчатый браслет и обломок формы для отливки подобных браслетов. Городище и могильник зарубинецкой культуры.
Раскопки и сообщение П. Н. Третьякова. Раскопки автора.

75. Дер. Верхняя Злобина, Почепский р-н, Брянская обл. Бронзовый браслет с шишечками. Городище юхновской культуры.
Ф. М. Заверняев. Отчет об археологических обследованиях в долине реки Судость в 1955 г., Рукопись. Архив ИИМК АН СССР, д. 1068, рис. 12.

76. Г. Почеп, Брянская обл. Две позднелатенские фибулы — бронзовая и железная. Зарубинецкое поселение.
М. Ф. Заверняев. Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Судость в 1956 г., Рукопись, Архив ИИМК АН СССР, ф. 1, д. 1237, стр. 31—33, табл. XIV, рис. 12—13.

77. С. Пушкари, Гремячский р-н, Черниговская обл. Бронзовый браслет с шишечками. (рис. 2, *18*). Городище юхновской культуры.
М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 73.
78. С. Залесье, Чернобыльский р-н, Киевская обл. Бронзовая раннелатенская фибула (рис. 1, *1*), глиняный сосуд. Погребение с трупосожжением.
М. К. Якимович. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомышльском уезде Киевской губернии. АЛЮР, № 3—4 за 1903 г., Киев, 1904, стр. 164—167; Н. Беляшевский. Поле погребальных урн эпохи La Tène в Радомышльском у., Киевской губ., АЛЮР № 1—2 за 1904, Киев, 1904, стр. 13—17.
79. С. Волковцы, Роменский р-н, Сумская обл. Две бронзовые проволочные среднелатенские фибулы. Погребение с трупосожжением.
Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, стр. 8—9, табл. XIV, рис. 355—356, 462.
80. Красный Хутор, пригород Киева. Железная среднелатенская проволочная фибула. Случайная находка.
Сборы В. Н. Даниленко.
81. С. Корчеватое, пригород Киева. 24 бронзовые и железные среднелатенские фибулы. 15 из них пластинчатые, остальные проволочные. Могильник зарубинецкой культуры.
Сообщение И. М. Самойловского.
82. С. Пирогово, Киево-Святошинский р-н, Киевская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Поселение зарубинецкой культуры.
Сообщение Е. В. Махно.
83. С. Вишеньки, Бориспольский р-н, Киевская обл. Пять бронзовых среднелатенских фибул: три из них пластинчатые, остальные проволочные. Могильник зарубинецкой культуры.
Сообщение В. П. Петрова.
84. С. Большие Дмитровичи, Обуховский р-н, Киевская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Поселение зарубинецкой культуры.
Сообщение Е. В .Махно.
85. С. Койлов, Бориспольский р-н, Киевская обл. Бронзовая среднелатенская фибула зарубинецкого типа. Могильник зарубинецкой культуры.
М. Самойловський. Розвідки та розкопки в Київі та його околицях в 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 72—81.
86. С. Стретовка, Ржищевский р-н, Киевская обл. Бронзовая позднелатенская фибула, бронзовый сосуд. Случайная находка.
В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 45—46; В. П. Петров. Памятки культури полів поховань на території України, Рукопись, Архив ИА АН УССР, ф. 12, д. 96, табл. V, рис. 18013.
87. Хут. Монастырек, Переяслав-Хмельницкий р-н, Киевская обл. Бронзовая проволочная фибула латенского типа.
Каталог выставки XI АС, Киев, 1889, стр. 78.
88. С. Зарубинцы, Переяслав-Хмельницкий р-н, Киевская обл. Бронзовые фибулы — восемь среднелатенских и одна позднелатенская. Могильник зарубинецкой культуры.
В. П. Петров. Ук. соч.
89. С. Букрин, Ржищевский р-н, Киевская обл. Бронзовые: две позднелатенские фибулы, кольцо с шишечками (рис. 2, *10*), перстень и кольцевидный крючок. Случайная находка.
Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, табл. IX, рис. 223, табл. X, рис. 263.
Фонды Киевского исторического музея.
90. С. Грищинцы, Каневский р-н, Черкасская обл. Две бронзовые фибулы — проволочная среднелатенская и позднелатенская с сильно профилированной спинкой. Случайная находка.
В. П. Петров. Ук. соч.
91. С. Куриловка, Каневский р-н, Черкасская обл. Бронзовая латенская фибула. Случайная находка.
С. В. Коршенко. Материалы для составления карты распространения культуры полей погребений на территории УССР, Рукопись, Архив ИА АН УССР, ф. 12, д. 47, стр. 87.
92. С. Тростянец, Каневский р-н, Черкасская обл. Позднелатенская фибула. Случайная находка.
В. П. Петров. Ук. соч.
93. С. Пищальники, Каневский р-н, Черкасская обл. Бронзовое кольцо. Случайная находка.
Фонды Киевского исторического музея.
94. Г. Канев, Черкасская обл. Бронзовые: проволочные среднелатенские фибулы (две), кольцо-подвеска с фигурками птиц, рубчатые браслеты (рис. 2, *5, 21*). Случайная находка.

В. П. Петров. Ук. соч.; Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I, Киев, 1899, стр. 15, табл. XII, рис. 61—63, 67. Фонды Киевского исторического музея.

95. С. Липлява, Гельмязевский р-н, Черкасская обл. Бронзовые фибулы (рис. 1, *2, 3*) — две раннелатенские, шесть среднелатенских (одна из них проволочная, остальные пластинчатые) и одна позднелатенская. Случайная находка.
В. П. Петров. Ук. соч., табл. II, рис. 1—8, 610 и 6956.

96. С. Пекари, Каневский р-н, Черкасская обл. Бронзовая фибула, железная шпора, два бронзовых браслета с шишечками, кольцо-подвеска с фигурками птиц и бронзовая головка человека (рис. 2, *6, 9, 17, 18*). Случайная находка.
С. В. Коршенко. Ук. соч., стр. 89. Фонды Киевского исторического музея.

97. С. Хмельна, Каневский р-н, Черкасская обл. Две бронзовые среднелатенские фибулы (проволочная и зарубинецкая), две бронзовые подвески-колесики (рис. 2, *1, 2*), бронзовый перстень. Случайная находка.
J. Rosen-Przeworska. Ук. соч., стр. 307, табл. XIII, рис. 7, Фонды Киевского исторического музея.

98. С. Сахновка, Корсунь-Шевченковский, р-н, Черкасская обл. Железная позднелатенская фибула. Зарубинецкое поселение.
Сообщение В. И. Довженка и Н. В. Линка.

99. С. Биевцы, Богуславский р-н, Киевская обл. Бронзовая среднелатенская фибула зарубинецкого типа. Случайная находка.
С. В. Коршенко. Ук. соч., стр. 80.

100. С. Ольшаница, Ракитнянский р-н, Киевская обл. Бронзовая подвеска-кольцо с шишечками (рис. 2, *7*). Случайная находка.
Фонды Киевского исторического музея.

101. С. Ромашки, Ракитнянский р-н, Киевская обл. Бронзовая среднелатенская фибула зарубинецкого типа. Случайная находка.
В. П. Петров. Ук. соч.

102. С. Пастерское, Златопольский р-н, Черкасская обл. Две бронзовые подвески-колесики (рис. 2, *3*), бронзовое кольцо и бронзовая фигурка кабана. Случайная находка.
Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, табл. IV, рис. 117—118, вып. VI, Киев 1907, табл. IV, рис. 427. Фонды Киевского исторического музея.

103. С. Макеевка, Ротмистровский р-н, Черкасская обл. Глиняные сосуды. Скифское погребение.
Е. Покровська. Розкопки коло с. Макіївки. АП, т. II, Киев, 1949, стр. 130—138, табл. II, рис. 1—3, 5.

104. С. Яблуновка, Смелянский р-н, Черкасская обл. Бронзовая позднелатенская фибула. Скифское погребение.
А. А. Бобринский. Ук. соч., т. III, СПб., 1901, табл. I, рис. 2.

105. С. Прусы (нынешняя Михайловка), Каменский р-н, Черкасская обл. Два бронзовых браслета с шишечками (рис. 2, *24*). Скифское погребение.
Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, табл. XX, рис. 323.

106. С. Лубенцы, Каменский р-н, Черкасская обл. Бронзовое кольцо с шишечками. Случайная находка.
А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. V, рис. 3.

107. С. Медведовка, Чигиринский р-н, Черкасская обл. Бронзовая раннелатенская фибула. Скифское погребение.
J. Rosen-Przeworska. Ук. соч., стр. 284, рис. 34а.

108. С. Субботов, Чигиринский р-н, Черкасская обл. Бронзовый сосуд — ситула. Могильник зарубинецкой культуры.
ОАК за 1911 г., СПб., 1914, стр. 81.

109. Г. Черкассы. Бронзовая фибула. Случайная находка.
С. В. Коршенко. Ук. соч., стр. 95—96.

110. С. Верхняя Мануйловка, Козельщанский р-н, Полтавская обл. Две бронзовые проволочные среднелатенские фибулы. Погребение с трупосожжением.
М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник присвячений 35-річчю музею., т. I, Полтава, 1928, стр. 48; А. П. Калитинский. О некоторых формах фибул из Южной России. Seminarium Kondakovianum, т. I, Prague, 1927, табл. XV, рис. 5.

111. С. Петровское, Петровский р-н, Харьковская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Случайная находка.
Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины., вып. 1, Изюм, 1926, стр. 9, табл. XXXI, рис. 3.

112. С. Лепильская, Екатеринославский уезд (точнее неизвестно). Латенская фибула. Случайная находка.
А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, М., 1948, стр. 55.

113. Г. Дебальцево, Сталинская обл. Золотая среднелатенская (?) фибула. Случайная находка.
N. Makarenko. Les Scythes et Hallstatt, ESA, V, 1930, стр. 45.

114. С. Привольное, Верхне-Хортицкий р-н, Запорожская обл. Бронзовый перстень со спиральным концом и железный нож. Могильник черняховской культуры.
Ю. В Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 145, табл. IV, рис. 9, 23.

115. С. Водяное, Каменско-Днепровский р-н, Запорожская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Случайная находка.
А. А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ИАК, вып. 12, СПб., 1904, стр. 85, рис. 45.

116. С. Каменка-Днепровская, Каменско-Днепровский р-н, Запорожская обл. Две бронзовые среднелатенские проволочные фибулы, бронзовый перстень. Скифское погребение и городище.
Б. Граков. Інформаційний звіт Нікопольської археологічної експедиції за 1946 р. АП, т. II, 1949, стр. 114.

117. С. Ново-Филипповка, Ново-Васильковский р-н, Запорожская обл. Четыре бронзовые фибулы (одна из них проволочная среднелатенская, остальные — позднелатенские). Бронзовый браслет и кольца с шишечками. Сарматские погребения.
В. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповки. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 239—240, табл. VI;
ее же. Вивчення сарматів на території Української РСР. Археологія, т. VIII, 1953, стр. 69, рис. 6, *7*.

118. С. Николаевка (Козацкое), Бориславский р-н, Херсонская обл. Бронзовая позднелатенская фибула и два бронзовых кольца с шишечками. Скифские погребения.
M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, т. V, 1913, стр. 95, рис. 107, стр. 96, рис. 108.

119. С. Тавель (нынешнее Краснолесье), Симферопольский р-н, Крымская обл. Бронзовые подвеска-колесико, кольцо с шишечками, кольцевидный крючок и два перстня. Скифские погребения (рис. 2, *8*).
Béla Pósta. Ук. соч., стр. 478, рис. 265, стр. 482, рис. 266; Т. Н. Троицкая. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 184—189.

120. Неаполь скифский (г. Симферополь), Крымская обл. Около десяти бронзовых и железных среднелатенских фибул (одна из них зарубинецкая, остальные проволочные), железный меч, уздечный набор, пряжки, перстни. Скифские погребения (рис. 1, *8, 11*).
Н. Н. Погребова. Погребения Мавзолея Неаполя Скифского. Рук. Архив Крымского филиала АН УССР. С разрешения автора. П. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, М., 1953.

121. Г. Керчь, Крымская обл. Железная бритва. Случайная находка.
А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, М., 1948, стр. 55.

122. Ст. Ахтанизовская, Темрюкский р-н, Краснодарский край. Бронзовый кольцевидный крючок. Сарматское погребение (?).
А. Спицын. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 33, рис. 13.

123. Г. Армавир, Краснодарский край. Золотая среднелатенская (?) фибула. Сарматское погребение.
ОАК за 1903 г., стр. 61, рис. 95.

124. Хут. Веселый, Веселовский р-н, Ростовская обл. Бронзовый шлем. Сарматское погребение.
М. И. Артамонов. Отчет о работах. ИГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 209, рис. 191, *6, 7*.

125. Г. Воронеж. Бронзовый браслет с шишечками. Скифское погребение.
С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, 1946, стр. 46, рис. 39.

126. Г. Каширa, Московская область. Два бронзовых рубчатых браслета (рис. 2, *19*). Дьяковское городище.
Фонды археологического отдела ГИМ.

127. Дер. Кошибеево, Елатомский р-н, Рязанская обл. Бронзовый браслет с шишечками. Погребение с трупосожжением.
А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, табл. VII, рис. 10.

128. Дер. Большая Дмитриевка, Широко-Карамышанский р-н, Саратовская область. Бронзовый браслет с шишечками. Сарматское погребение.
И. В. Волков. Больше-Дмитриевские курганы. Тр. Саратовской ученой архивной комиссии, т. I, вып. 3, Саратов, 1888, стр. 285—287.

129. Дер. Тонкошуровка, Тонкошуровский р-н, Саратовская область. Бронзовый шлем. Сарматское погребение.
P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 54, рис. 46.

130. Дер. Калиновка, Пролейский р-н, Сталинградская обл. Бронзовая проволочная среднелатенская фибула. Сарматское погребение.

В. П. Шилов. Отчет о работах Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Рукопись, Архив ИИМК АН СССР, ф. I, д. 832, стр. 27.

131. С. Головно, Головнянский р-н, Волынская обл. Бронзовая раннелатенская фибула в погребении.

Раскопки автора.

132. Дер. Стрики, Цесисский р-н, Латвийская ССР, Бронзовая позднелатенская фибула. Случайная находка.

H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland, Tartu, 1929, т. I, табл. I, рис. 1.

133. Дер. Шприндт (старое наименование), Черняховский р-н, Калининградская обл. Бронзовая позднелатенская фибула.

W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreußens, Königsberg, 1929, стр. 157, рис. 107 *a*.

134. Дер. Поваровка (бывш. Кирпегнен), Приморский р-н, Калининградская обл. Бронзовая среднелатенская фибула.

W. Gaerte. Ук. соч., стр. 157, рис. 107 *a*.

135. Дер. Покровское (бывш. Зоргенау), Приморский р-н, Калининградская обл. Бронзовая среднелатенская фибула.

W. Gaerte. Ук. соч., стр. 157, рис. 107 *в*.

136. Дер. Сальское (бывш. Ст. Лоренц),Светлогорский р-н, Калининградская обл. Бронзовая среднелатенская фибула.

W. Gaerte. Ук. соч., стр. 157, рис. 107 *c*.

137*. Дер. Клюквенное (бывш. Клекен), Приморский р-н, Калининградская обл. Бронзовая среднелатенская фибула.

W. Gaerte. Ук. соч., стр. 157, рис. 107 *d*.

---

* В местных музеях имеются некоторые латенские вещи, место находок которых неизвестно. На рис. 2 (*4, 12*) изображены две подвески-колесика из фондов Киевского исторического музея.

М. П. АБРАМОВА

САРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА II в. до н. э.—I в. н. э.

(По материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап)

Степи Поволжья и Приуралья дают нам массу археологических памятников, на основании которых мы можем говорить о длительном существовании в этих степях сарматских племен — примерно с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Археологические исследования в этих областях, проведенные в 20—30-х годах (П. Рау, П. С. Рыковым, Б. Н. Граковым, И. В. Синицыным и др.), вскрыли значительное количество сарматских погребений, что позволило уже тогда систематизировать материал и дать характеристику всей культуры. Было установлено, что сарматская культура прошла несколько этапов своего развития. Дальнейшие систематические раскопки на территории Нижнего Поволжья дали массу нового материала, относящегося, в частности, и к интересующему нас среднесарматскому времени, знаменующему новый этап в жизни сарматских племен — период их массового передвижения на запад. Наличие большого количества материала, нуждающегося в систематизации, позволило поставить вопрос о характеристике культуры сарматских племен на среднесарматском этапе. В настоящее время мы имеем до 500 погребений этого времени, сосредоточенных главным образом в могильниках по нижнему течению Волги, в Саратовской, Сталинградской и Астраханской областях, особенно по течению Волги и ее притокам в районе между Саратовом и Сталинградом.

В Саратовской области это следующие могильники: Больше-Дмитриевский (Аткарский р-н) [1], обширный могильник у с. Суслы (Советский р-н) [2], могильник у с. Усатово (Комсомольский р-н), у с. Боаро (Бородаевка) Марксовского р-на [3], у с. Каменки на Иловле (Красноармейский р-н) [4], у д. Колышлей (Аткарский р-н) [5], у с. Успенки (Пугачевский р-н) и Максютово (Клинцовский р-н) [6], у с. Скатовки (Ровненский р-н) [7].

Большое количество могильников расположено в Сталинградской области. Это могильники у с. Лебяжье (Камышинский р-н) [8], у с. Гусевки

---

[1] И. А. Волков. Больше-Дмитровские курганы. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. I, вып. 3, 1888.

[2] П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Уч. зап. СГУ, т. IV, 1925.

[3] Раскопки П. Рау в 1927—1929 гг. и И. В. Синицына в 1939 г. И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Поволжья. СА, VIII, 1946; его же. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

[4] Раскопки П. Рау в 1927 г.; И. В. Синицын. Ук. соч.

[5] И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (1930 г.). Сб. Нижне-Волжского краевого музея, Саратов, 1932.

[6] Раскопки И. В. Синицына в 1938—1939 гг. И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Археологический сборник, т. I, Саратов, 1956.

[7] И. В. Синицын. Отчет о работе Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1953 г. Рукопись хранится в архиве ИИМК, ф. 1, № 819.

[8] Раскопки А. А. Спицына в 1895 г. ОАК за 1895 г., стр. 30—33, ЗРАО, т. VIII, 1895, вып. 1—2, Труды отделения русской и славянской археологии, кн. I, 1896.

(Ольховский р-н) [9], могильник у с. Ст. Полтавка [10] и с. Колышкино [11] (Иловатский р-н), у с. Макаровки (Медведицкий р-н) [12], у сс. Шульц (Кр. Октябрь) и Альт-Веймар (Ст. Иванцовка) Палласовского р-на [13], у. с. Харьковки (Ст. Полтавский р-н) [14], у х. Авиловского (Иловлинский р-н) [15], у сс. Бережновка, Молчановка (Николаевский р-н), Потемкино, Черебаево (Иловатский р-н), у г. Ленинска (Ленинский р-н) [16], у сс. Политотдельское (Николаевский р-н) и Быково [17], а также Калиновский могильник у сс. Калиновка и Рахинка, могильники у сс. Погромное и Ново-Никольское (Луго-Пролейкского р-на) [18].

Ряд сарматских могильников найден в Астраханской области: могильники у сс. Дмитриевка, Баскунчак, Батаевка [19], у с. Абганеры, х. Дедломинского (бывш. Калмыцкая обл.) [20], могильник у г. Элисты [21] и расположенный рядом с ним могильник «Три брата» [22].

Ряд погребений среднесарматского времени найден в могильниках, расположенных в более восточных областях, в частности в Западно-Казахстанской обл., в р-не г. Уральска — могильник у г. Уральска, у пос. Новенького (по р. Чегану), Шиповский могильник (по р. Деркулу, притоку Чегана) [23]. В более южных районах Западно-Казахстанской области находятся могильники Курпе-Бай, Джангала (у оз. Сары-Айдин), могильник Кара-Оба (в местности Джас-аул) [24], у Калмыково (Тайпакский

---

[9] Раскопки П. П. Грекова в 1900, 1903, 1905 гг. А. А. Спицын. Раскопки близ сл. Гусевки Царицынского у., ЗОРСА, т. VII, в. 2, СПб., 1907.

[10] Раскопки П. Рау и Т. Минаевой в 1928 г. И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре...

[11] Раскопки П. Рау в 1925 г. P. Rau. Die Hügelgräber Römischer Zeit im Unteren Wolgagebiet. Mitteilungen des Zentralmuseums, т. 1—2, 1927.

[12] Раскопки П. Рау в 1928—29 гг. И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов. 1947.

[13] Раскопки П. Рау в 1925—1926 и 1928—1929 гг. и П. Рау и Т. Минаевой в 1924 г. Т. Минаева и П. Рау. Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 г. Труды Нижне-Волжского обл. научного общества краеведения, вып. 35, ч. I, 1926; P. Rau. Ук. соч.; И. В. Синицын. Археологические раскопки...

[14] Раскопки П. С. Рыкова и Б. Н. Гракова в 1926 г. П. С. Рыков. Отчет о раскопках у с. Харьковки Палласовского кантона Автономной Республики Немцев Поволжья. Рукопись хранится во II Археологическом отделе ГИМ.

[15] Раскопки И. В. Синицына в 1937 г. И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях р. Иловли. Уч. зап. СГУ, т. XXXIX, 1954.

[16] Раскопки И. В. Синицына в 1951—1955 гг. И. В. Синицын. Отчет о работах Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. Рукопись хранится в архиве ИИМК, ф. 1, № 819.

[17] К. Ф. Смирнов. Отчет о работах Сталинградской экспедиции в 1952—1955 гг. Рукопись хранится в архиве ИИМК, ф. 1, №№ 681, 789, 977, 1191.

[18] В. П. Шилов. Отчет о работах Калиновского отряда Сталинградской экспедиции в 1952—1954 гг. Рукопись хранится в архиве ИИМК, ф. 1, №№ 711, 832.

[19] П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. Изв. Нижне-Волжского института краеведения им. Горького, т. III, Саратов, 1929.

[20] П. С. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. Изв. Нижне-Волжского института краеведения, т. IV, Саратов, 1931.

[21] П. С. Рыков. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты в 1931—33 гг. Изв. Саратовского Нижне-Волжского института краеведения, т. VII, 1936.

[22] П. С. Рыков. Раскопки в урочище «Три брата» в Калмыкской области в 1933—34 гг., СА, I, 1936.

[23] П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Изв. Краеведческого института изучения Южно-Волжской области, т. I, Саратов, 1926 г.

[24] И. В. Синицын. Отчет о работах в Саратовской обл. и Западном Казахстане в 1948—1950 гг. Рукопись хранится в архиве ИИМК, ф. 1, №№ 240, 319, 433, его же. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и в Западном Казахстане в 1949 г. КСИИМК, вып. 37, 1951; его же, Археологические исследования в Саратовской обл. и Западном Казахстане, КСИИМК, вып. 45, 1952; его же, Археологические исследования в Западном Казахстане. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР, т. I, Алма-Ата, 1956.

р-н) и у ст. Сайхин (в районе оз. Боткуль, на границе Сталинградской и Западно-Казахстанской областей) [25].

Погребения среднесарматского времени есть и в могильниках Чкаловской области — у пос. Благославенского и пос. Нежинского (могильники на Алебастровой горе, на Маячной горе) [26] в районе г. Чкалова и в Челябинской области (Мало-Кизылский могильник близ г. Магнитогорска) [27]. Сарматские памятники интересующего нас времени мы находим и к западу от Волги — в междуречье Волги и Дона (могильники у хх. Карповки и Ляпичев Сталинградской обл.) [28], у х. Спорного и Веселого (на Маныче) [29], у х. Попова [30] Ростовской обл.

Курганы, содержащие погребения этого времени, расположены обычно группами, имеющими часто вид вытянутой цепочки, и встречаются большей частью на надпойменных террасах рек. Но наиболее характерны для этого времени обширные курганные могильники, содержащие 40 и более невысоких курганных насыпей. Почти в каждом могильнике имеется один-два больших кургана. Обычно сооружение таких больших курганов относится к эпохе бронзы или к савроматскому времени. Используя более древние большие курганы для устройства в них впускных могил, сарматы окружали их рядом характерных для этого времени невысоких курганных насыпей, содержащих различные по своему характеру погребения. В настоящее время насчитывается пять типов погребения, характерных для среднесарматского времени: 1) узкие прямоугольные или овальные ямы; 2) могильные ямы с уступами (заплечиками) вдоль длинных стен; 3) входная яма с подбоем в западной или, реже, в восточной стенке; иногда яма имела два подбоя в обеих стенках; 4) квадратные или подквадратные ямы, в которых костяк лежит по диагонали; 5) круглые ямы (они встречаются сравнительно редко); положение костяка напоминает диагональные погребения. Первые три типа характерны и для прохоровского времени.

Связь с предшествующим периодом наблюдается также и в ориентировке костяков: господствующей является южная ориентировка, как и в прохоровское время. В виде исключения встречаются костяки с западной ориентировкой, которая является, очевидно, пережиточной, так как была широко распространена в савроматское время. Кроме того, в сусловское время в ориентировке появляются отклонения на север (северная ориентировка станет господствующей в позднесарматское время).

Подавляющее число погребений найдено в грунтовых могильных ямах; преобладают бедные погребения, которые почти не содержат погребального инвентаря.

Самым распространенным типом грунтовых могил на среднесарматской стадии являются довольно узкие, прямоугольные или овальные грунтовые ямы.

Костяк лежит на дне ямы, головой на юг, с отклонением на восток или запад. Большей частью могила содержит по одному костяку. Встречаются и совместные погребения: парные погребения мужчины и женщины,

---

[25] И. В Синицын. Отчет о работе Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1952 г. Рукопись хранится в архиве ИИМК, ф. 1, № 819.

[26] Б. Н. Граков. Отчет об археологических раскопках в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского у. летом 1927 г.; Отчет Б. Н. Гракова о раскопках в окрестностях г. Оренбурга летом 1928 г. Рукопись хранится во II Археологическом отделе ГИМ; его же. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренб. у. (1927 г.), ТСА, IV, 1928.

[27] К. В. Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, вып. 37, 1951; его же. Древние памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

[28] Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг., М., 1941 г., стр. 180—186.

[29] М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ИГАИМК, в. 109, М.— Л., 1935; его же. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1934—35 гг. СА, IV; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., СА, XI; Сб. «Археологические исследования в РСФСР», стр. 201—204.

[30] А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г., КСИИМК, вып. 53.

погребения женщины с детьми. Костяк обычно лежит на спине с вытянутыми руками и ногами. Часто одна или обе руки костяка слегка согнуты в локтях, а кисти лежат на тазовых костях или под ними. Реже встречается согнутое положение ног.

Почти во всех погребениях имеется подстилка из войлока или травы. Очевидно, иногда весь покойник обертывался войлоком (реже берестой). Довольно часто в засыпке могилы встречаются остатки дерева (ветки, тонкие бревнышки, колотые плахи). Иногда верхние части стенок могилы обкладывались деревом. Часто устраивалось перекрытие могилы поперечными колотыми плахами (иногда в два ряда: один ряд — вдоль, другой — поперек). Реже дерево встречается на дне могилы — это, очевидно, остатки гроба.

Довольно большую роль на среднесарматской стадии играет культ огня. Хотя полных трупосожжений мы не встречаем, но следы погребального костра попадаются во многих могилах в виде золы, угля, обожженного дерева и прокаленной земли. Культ огня был широко развит в погребальном обряде сарматской культуры уже на ранних стадиях ее развития. Такую же ритуальную, видимо, очистительную роль, как огонь, играла меловая посыпка дна могилы и куски мела, положенные в могилу, что характерно для среднесарматской и особенно для позднесарматской стадии, когда этот обряд был широко развит.

Остатки войлока, дерева, следы огня и мела характерны и для других групп могил. Так, например, меловая посыпка очень часто присутствует в могилах второй группы (в узких грунтовых ямах с заплечиками, которые являются разновидностью первой группы). В этой группе ямы без деревянных конструкций встречаются как исключение. Собственно сами уступы делались для того, чтобы поддерживать эти деревянные сооружения. Часто могила имела два перекрытия: одно на уступах, а другое — сверху могилы. Почти всегда следы дерева находились и на дне могилы, очевидно, это остатки гроба. Гробы были дощатые, скрепляемые с помощью пазов. Иногда встречаются ладьевидные колоды, сужающиеся к ногам. В тех случаях, когда не было гроба или колоды, покойник был обернут корой. В этих могилах, как и в могилах первой группы, подавляющее большинство составляют индивидуальные погребения, но встречаются также парные захоронения и даже групповые (мужчина, женщина и ребенок). Ориентировка, как во всех других группах, южная и лишь как исключение встречается западная ориентировка. Могилы с заплечиками распространены в курганных могильниках очень неравномерно и встречаются лишь в некоторых из них (табл. 1).

Наряду с узкими грунтовыми могилами первой группы, чрезвычайно широко распространены на данной стадии подбойные могилы. Число их постепенно увеличивается начиная с прохоровской стадии и особенно больших размеров достигает в позднесарматский период. Подбойные могилы устраивались следующим образом: входная яма, расположенная большей частью по линии север — юг, представляла собой колодец до 3 *м* глубиной. Подбой в подавляющем большинстве могил устраивался в длинной западной стенке, гораздо реже — в восточной. Изредка встречаются могилы с двумя подбоями, по обе стороны колодца.

Устье камеры часто загораживалось камышом, хворостом, травой или досками, рядом с костяком встречаются следы от подстилки и остатки деревянного гроба, изредка — меловая подсыпка и зола. Иногда стены подбоя обкладывались деревом или корой. Подбой обычно содержал одно захоронение — мужчины или женщины. Довольно часто в подобных камерах встречается погребение одного ребенка.

Для среднесарматского времени характерно наличие различных погребальных обрядов в каждом из курганных могильников. Это, очевидно, свидетельствует о смешанном племенном составе сарматского населения Нижнего Поволжья. Рассмотренные выше типы погребений, вероятно,

можно отнести к племенам прохоровской культуры, передвинувшимся сюда из Приуралья и принявшим участие в формировании сусловской культуры.

Следующие две группы погребений (квадратные могилы с диагональным положением костяка и близкие к ним круглые могилы) мы не можем поставить в связь с Приуральем. Скорее всего они развились в Поволжских степях на какой-то местной основе. Некоторое подтверждение этому мы найдем, если обратим внимание на древнесарматские погребения.

Собственно савроматской территорией является западная часть сарматского мира, т. е. степи Нижнего Поволжья и Дона. Эта же территория входит и в область распространения сусловской культуры.

Устройство курганов савроматской культуры характеризуется необычным однообразием: под невысокой курганной насыпью выкапывалась почти квадратная могильная яма, в которой в вытянутом положении лежал покойник, головой обычно на запад. Сходное устройство имеют и могилы с диагональными погребениями и круглые могилы (подтверждением этому является находка в одной из круглых могил тушки барана — типичной принадлежности савроматских могил). Преобладающая юго-западная ориентировка костяков в диагональных погребениях, очевидно, сложилась под влиянием все той же прохоровской культуры Приуралья. У сармат приуральских степей южная ориентировка существовала еще на савроматской стадии.

Диагональные могилы среднесарматской эпохи встречались обычно в курганах, не имеющих других погребений. В тех же курганах, которые содержали несколько погребений, могила с диагональным положением костяка обычно являлась основной. Такие курганы были небольших размеров. Яма имела квадратную или подквадратную форму (иногда форму ромба).

Довольно характерны для могил с диагональными погребениями деревянные сооружения. Большинство этих могил имеет деревянное перекрытие из колотых плах или накатника, на который клались дубовые доски. Иногда деревом или корой обкладывалась нижняя часть могилы. В некоторых случаях (в Сусловском могильнике и в могильнике у с. Харьковки) в могилах встречены остатки деревянных камер, устроенных из досок; доски устилали пол ямы, стояли на ребре вдоль стен, на некотором расстоянии от них, образуя квадратный ящик, в котором помещались кости скелета и вещи; из досок же устраивалась и крыша камеры. Иногда доски этого сооружения поддерживались вертикальными столбами. В одном случае (могильник Шульц на Торгуне, курган Д 6; раскопки Рау в 1926 г.) под бревенчатым перекрытием могилы было обнаружено сооружение из коры, шатрообразно опускающееся на дно могилы. Внутри его, на дне, находились кости покойника, завернутые в кору.

Но наиболее характерным для диагональных погребений является положение раскинутых рук, иногда согнутых в локте. Такое положение рук встречается только в погребениях с диагональным положением костяка. Что касается ориентировки костяков, то большей частью они бывают направлены головой на юго-запад или юго-восток, поскольку ямы обычно ориентируются своими сторонами по сторонам света. Отклонения от основной (юго-запад и юго-восток) ориентировки объясняются тем, что диагональные погребения, хотя они характерны именно для среднесарматского времени, не ограничиваются рамками этого времени, а выходят за их пределы. Отдельные диагональные погребения мы встречаем уже в прохоровское время. Как исключение они продолжают существовать и на позднесарматской стадии, где обычно имеют северо-западную или северо-восточную ориентировку.

Как уже говорилось, диагональные погребения, составляя довольно большую и наиболее характерную для среднесарматского времени часть погребений, распространены по курганным могильникам этого времени

очень неравномерно. Треть всех погребений находится во II Бережновском могильнике (раскопки И. В. Синицына). Большое количество диагональных погребений сосредоточено в Сусловском могильнике; здесь они составляют до 30% всех погребений. Несколько диагональных погребений найдено в Шиповском, Калиновском могильниках и в могильниках у сс. Политотдельского и Харьковки (см. табл. 1). Остальные могильники содержат лишь единичные их экземпляры.

Что касается круглых могил, то они, очевидно, являются разновидностью квадратных могил с округлыми углами; встречаются они очень редко.

Привлечение аналогий к рассмотренным типам погребений позволяет говорить о распространении и связях сарматской культуры. Так, например, на территории Украины неоднократно встречаются могильники, содержащие основные типы сарматских погребений Поволжья: большей частью это подбойные могилы, а также узкие грунтовые могилы и квадратные ямы с диагональным положением костяков. Такие же типы погребений существуют в могильниках Кубани и Средней Азии [31]. Связи сарматского Поволжья со всеми этими областями устанавливаются также и при обзоре погребального инвентаря.

Чаще всего в могиле встречается керамика, которая делится на две группы: лепную (горшки, курильницы и кувшины) и гончарную (кувшины, миски). Характерно для этого времени и наличие алебастровых сосудиков. Сосуды располагаются обычно в головах или в ногах покойного.

Лепная керамика господствует как в прохоровское, так и в сусловское время, несмотря на распространение в это время гончарной керамики причерноморских и кубанских форм. Очень редко встречаются погребения, имеющие только гончарную керамику. Для прохоровской культуры Приуралья характерны круглодонные горшки с шаровидным туловом и прямым цилиндрическим горлом — форма, не связанная с предыдущей эпохой и являющаяся следствием влияния соседних западносибирских областей. В Поволжье в прохоровское время бытует плоскодонная керамика; сосуды с круглым дном появляются здесь лишь в сусловское время, очевидно вместе с носителями прохоровской культуры Приуралья. Сусловское время характеризуется большим разнообразием керамики [32].

Мы имеем несколько форм горшков, характерных для среднесарматской стадии (рис. 1, *1—5*). Как пережиток керамики собственно прохоровской культуры продолжает бытовать круглодонная керамика.

Самым распространенным для среднесарматского времени является II тип горшка (рис. 1, *2*). Все сосуды имеют черный в изломе черепок, глину с грубыми примесями и характерную окраску неравномерного обжига. Поверхность сосудов часто сглажена, иногда залощена.

Большинство этих горшков грубые, сделаны от руки.

На втором месте по распространенности после горшков стоят кувшины. Часть их делалась от руки, но большинство на гончарном круге. Обычно они встречаются в погребениях вместе с горшками, но нередки и такие погребения, которые содержат только кувшины. Формы кувшинов разнообразные. Большая часть их имеет аналогию в керамике Северного Причерноморья и Кубани; встречаются также сосуды, имеющие сходство с формами среднеазиатской керамики.

I тип кувшинов (рис. 1, *6*) имеет резной орнамент и налепы из вертикальных полос, спускающихся ко дну сосуда. Обычно кувшины этого типа сделаны на гончарном круге и с хорошо залощенной светло-серой или почти черной поверхностью. Они встречаются на протяжении всего

---

[31] С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения. СА, XXVI, 1956, стр. 102.

[32] См. К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. М., 1945 (канд. диссертация).

среднесарматского периода. Кувшины этого типа имеются и в меото-сарматских памятниках Прикубанья [33], на поселениях и в могильниках близ древнего Танаиса [34].

Кувшины II типа (рис. 1, 7) часто лепились от руки и делались из грубой глины с примесью шамота, но нередки и гончарные кувшины такой же формы из тонкоотмученной серой глины. Поверхность их серая, лощеная. На тулове часто нанесен резной орнамент (напоминающий иногда орнамент некоторых кувшинов первой группы). На некоторых кувшинах

Рис. 1. Основные типы керамики среднесарматского времени

1—5 — горшки (*1* — Суслы, к. 24; *2* — I Бережновский могильник, к. 35, п. 21; *3* — Калиновский могильник, к. 8, п. 31; *4* — II Бережновский могильник, к. 100; *5* — II Бережновский могильник, к. 14, п. 25); *6—10* — кувшины (*6* — В. Колышлей, к. 2, п. 2; *7* — II Бережновский могильник, к. 98; *8* — Черебаево, к. 4; *9* — I Бережновский могильник, к. 34; *10* — Суслы, к. 56); *11* — кружка (Суслы, к. 47); *12* — миска (II Бережновский могильник, к. 82); *13, 14* — курильницы (*13* — Суслы, к. 54; *14* — Калиновский могильник, к. 40, п. 1)

имеется орнамент из горизонтальных прямых и волнистых полос, на других — от горизонтальных линий на плечиках спускаются вниз ко дну пучки из трех вертикальных полос. Эти кувшины получают распространение также с I в. до н. э. Все кувшины III типа (рис. 1, *8*) сделаны на гончарном круге из тонкоотмученной серой глины и имеют серолощеную поверхность. Иногда кувшины такой формы имеют витую ручку (аналогичен ему сосуд четвертой хронологической группы I в. до н. э. из Усть-Лабинского могильника Кубани) [35]. IV тип кувшинов (рис. 1, *9*) начинает распространяться с I в. до н. э. Все они сделаны на гончарном круге и часто имеют черную лощеную поверхность. Иногда по шейке и плечикам проходит орнамент из горизонтальных полос. Такие кувшины особенно характерны для погребений I в. до н. э.— I в. н. э. Встречаются и красноглиняные энохои такой же формы, широко бытующие среди боспорской керами-

---

[33] Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 79, рис. 20, *1, 3*.

[34] Т. Н. Книпович. Танаис, М., 1949, стр. 144, рис. 50.

[35] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 195, рис. 16, *4*.

ки Танаиса и его окрестностей. Кувшины такой формы встречаются в меото-сарматских могильниках Прикубанья.

Плоскодонные корчаги (V тип) появляются в могильниках Поволжья в I—II вв. н. э. (рис. 1, *10*).

В сарматских могилах на Украине встречаются гончарные кувшины I, III и IV типов. Они отсутствуют здесь в скифское время и лишь в инвентаре сарматских могильников получают широкое распространение. Не отрицая влияния торговых связей с Боспором при рассмотрении вопроса о появлении красноглиняных кувшинов на Украине, необходимо особо отметить значение передвинувшихся сюда сарматских племен.

С I в. до н. э. распространяются лепные кру́жки с боковой ручкой, часто имеющей вид примитивной фигурки животного (рис. 1, *11*). Возникновение у сарматов лепных кружек с зооморфными ручками можно приписать, очевидно, влиянию с Кавказа, где сосуды с ручками в виде фигурок животных встречаются уже в VII в. до н. э. и особенно распространены в V—III вв. до н. э.[36]. В более позднее время, особенно в первые века нашей эры, они распространяются в Крыму, на Кубани, в районе древнего Танаиса, характерны они и для погребений первых веков нашей эры в Средней Азии [37]. Широкое их распространение принято приписывать влиянию на эти области сарматской культуры. Особенно это относится к Северному Причерноморью, где в первые века нашей эры существовал тесный контакт местного и пришлого сарматского населения. Что касается среднеазиатских районов, то, не отрицая связи их с сарматской культурой, следует отметить, что керамика такого типа характерна и для коренного населения этой территории [38].

Часто встречаются кру́жки с обычными ручками. Часть их имеет расширяющееся ко дну тулово при сравнительно узком горле. Но есть кру́жки, сделанные на гончарном круге из тонкоотмученной серой и красной глины. Некоторые из них имеют шаровидный корпус и ручку, поднимающуюся высоко над венчиком. Сероглиняные лощеные гончарные кружки широко распространены в меото-сарматских памятниках Прикубанья с III в. до н. э.[39].

Широко распространены в позднесарматском материале сероглиняные лощеные миски, сделанные на гончарном круге (рис. 1, *12*), но встречаются они и в сусловское время, примерно с I в. до н. э. Аналогии этим мискам также в большом количестве имеются на Кубани — с III в. до н. э. по III в. н. э.[40], а также и в Северном Причерноморье.

Таковы основные группы сарматской керамики. Но, кроме них, необходимо упомянуть о глиняных лепных курильницах и небольших алебастровых сосудиках. Курильницы представлены в сусловское время двумя видами: четырехугольные сосуды с прямыми вертикальными или слегка суживающимися книзу стенками (рис. 1, *14*) и сосудики с круглым гор-

---

[36] Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. Материальная культура Азербайджана, т. II, Баку, 1949, стр. 103, 108—109, рис. 5; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, т. I, Баку, 1949, стр. 29, рис. 28а.

[37] Особенно много их в Ташкентской области (могильники Янгиюль, Каунчи II, могильник у ст. Вревская, погребения в районе Большого Ташкентского канала); встречаются они в катакомбных могилах Ферганы. См. Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, № 46, Алма-Ата, 1948, стр. 64, табл. III, рис. 24—26; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции. Тр. Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 47, рис. 1; А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Большом Ташкентском канале. Изв. Узб. фил. АН СССР, Ташкент, 1940, № 9, стр. 30—36, рис. 6, 7, 10; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 142, рис. 8, *8, 14*.

[38] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Л. 1934.

[39] Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. М., 1954 (канд. диссертация).

[40] Там же.

лом и прямым цилиндрическим туловом. Почти все курильницы имеют сбоку круглое отверстие. Часто внутри большой курильницы находится маленькая. Боковое отверстие в таких случаях имеется только у маленькой курильницы (рис. 1, *13*). У некоторых больших курильниц при прямом цилиндрическом тулове имеется иногда широкий поддон и широкий венчик, орнаментированный сложным узором в виде елочек, зигзага, волнистых линий или точечных наколов.

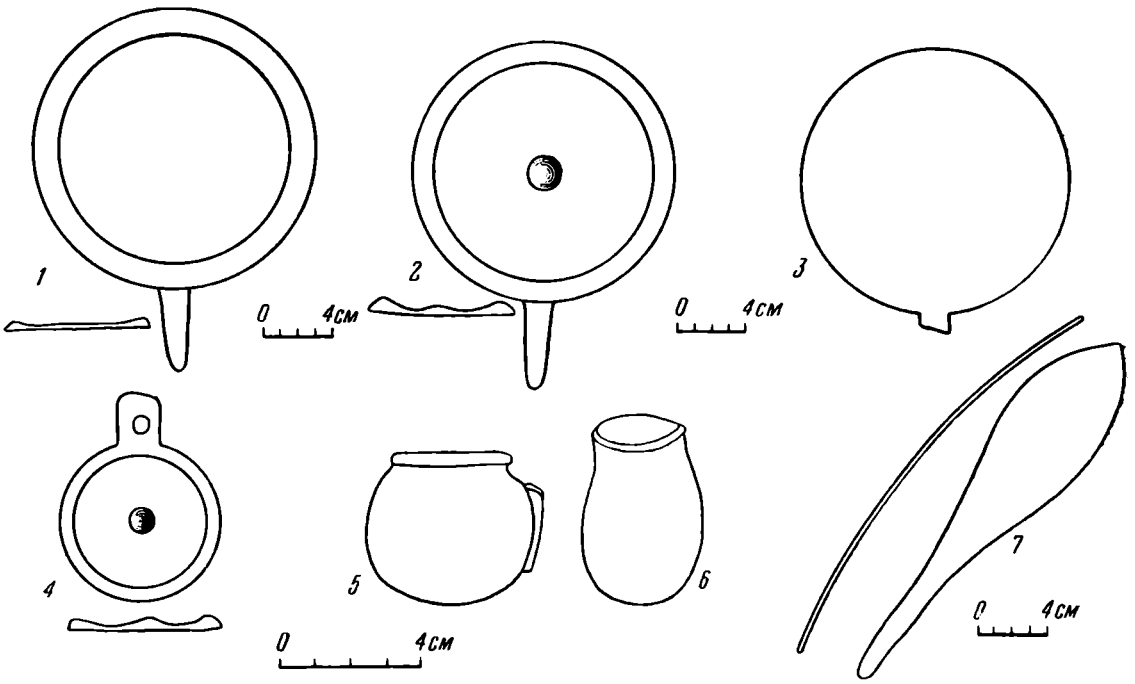


Рис. 2. Туалетные принадлежности среднесарматского времени

1—4 — зеркала (*1* — II Бережновский могильник, к. 14, п. 21; *2* — II Бережновский могильник, к. 57, п. 1; *3* — II Бережновский могильник, к. 20; *4* — Харьковка, к. III — 24); *5, 6* — алебастровые сосудики (*5* — II Бережновский могильник, к. 105; *6* — II Бережновский могильник, к. 103, п. 2); *7* — костяная туалетная ложечка (II Бережновский могильник, к. 18)

Алебастровые сосудики встречаются реже, чем курильницы. Тем не менее они очень характерны для инвентаря этого времени. Появляясь в прохоровское время и доходя до позднесарматской стадии, изделия из алебастра (в том числе и алебастровые пряслица) являются типичной принадлежностью инвентаря среднесарматской стадии.

Алебастровые сосуды распределены по курганным могильникам очень неравномерно. Основная масса их приходится на I и II Бережновские и на Сусловский могильники. Особенно характерны алебастровые сосуды для узких грунтовых могил с южной ориентировкой костяка и для квадратных могил с диагональным положением костяка. Все алебастровые сосуды имеют небольшие размеры (высота 4—6 *см*). Самой распространенной формой являются сосудики в виде небольшого горшочка с шаровидным туловом, низкой шейкой и слабо отогнутым венчиком. Большинство сосудиков без ручек, но некоторые имеют характерные прямоугольные вертикальные налепы на одном или на обоих боках, имитирующие ручки (рис. 2, *5*). Встречаются алебастровые кружечки, расширяющиеся ко дну, с ручкой в виде фигурки животного (Суслы, кург. 47). Интересны найденные в Бережновском могильнике сдвоенные алебастровые сосудики, напоминающие трипольские, так называемые биноклевидные сосуды. Сосуд такой же формы, но сделанный из глины, найден Е. И. Крупновым в Нестеровском могильнике на Кавказе VI—IV вв. до н. э.[41].

[41] Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 102, рис. 43, *3*.

На рубеже нашей эры в сарматских могилах Поволжья появляются маленькие круглодонные алебастровые сосудики с вытянутым яйцевидным туловом и узким горлом без венчика (рис. 2, *б*). Есть алебастровые сосуды с прямым цилиндрическим туловом, напоминающие глиняные курильницы этого времени. В нескольких погребениях найдены широкие алебастровые мисочки и чашки с выпуклыми боками. В одном случае в такой чашечке лежал алебастровый пестик, который, возможно, служил для растирания красок. Очевидно, алебастровые сосуды являлись туалетными принадлежностями.

Трудно сейчас выделить основные формы местной и привозной керамики. Очевидно, лепная керамика вся была местной; некоторые формы лепной посуды заимствованы. В частности, лепные миски делались, очевидно, в подражание гончарным мискам, привезенным с Кубани. Что касается гончарной керамики, то вряд ли можно говорить о местном ее происхождении. Скорее всего сарматы не имели своего гончарного круга. Привозили же они гончарную керамику главным образом с запада (из районов Кубани и с Боспора).

Керамический материал говорит о связях и влиянии сарматской культуры. Говоря о связях сарматов со среднеазиатскими культурами, можно признать не только воздействие сарматской культуры на среднеазиатскую, но и обратное влияние культуры Средней Азии первых веков нашей эры на культуру сармат Поволжья [42]. В могильниках степной Украины рубежа нашей эры встречается сходная с поволжской не только гончарная керамика, но и некоторые виды лепной [43], а также алебастровые сосуды, характерные главным образом для Поволжья.

Оружие в сарматских могилах представлено мечами, кинжалами и стрелами. На среднесарматской стадии представлены мечи двух типов. Наиболее характерным для этого времени является меч с прямым перекрестием и кольцевидным навершием (рис. 3, *2*). Кроме того, встречаются мечи так называемого пантикапейского типа: длинные обоюдоострые мечи с прямой стержневидной ручкой, без металлического навершия и перекрестия. Длина таких мечей в среднем равняется 1 *м* (рис. 3, *3*). Наиболее характерны эти мечи для позднесарматского периода, когда они, вытеснив мечи с кольцевым навершием, занимают господствующее положение. Интересно отметить, что мечи такого типа обычны и для погребений прохоровского времени, где они встречаются вместе с мечами с серповидным навершием. Часто рядом с такими мечами находят плоские кружки с отверстием из белого известняка или нефрита (очевидно, навершия). Мечи такого типа встречаются и в погребениях Средней Азии (на территории Узбекской и Казахской ССР) [44]. Таким образом, длинные мечи без навершия и перекрестия бытовали у сарматов в течение долгого времени — с IV в. до н. э. по IV в. н. э., проникая из Поволжья в более западные области. Мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием также достигают часто длины 1 *м*, но встречаются и более короткие мечи — около 60 *см*. Мечи с кольцевым навершием датируются обычно I в. до н. э.— I в. н. э. Раскопки последних лет дали нам ряд случаев нахождения таких мечей в погребениях II в. до н. э.; в том числе есть несколько случаев на-

---

[42] Подтверждение этому мы находим в керамическом материале. Так, в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья появляются красноглиняные кувшины с высоким округлым туловом, невысокой шейкой, узким горлом и небольшой ручкой у шейки (напр., Усатово, кург. 16) — типичные среднеазиатские кувшины, в большом количестве встречающиеся во всех могильниках Средней Азии первых веков нашей эры. В среднесарматское время в Поволжье встречаются краснолощеные кувшины (напр., Харьковка, кург. III—21. Раскопки П. С. Рыкова в 1926 г.), также характерные для среднеазиатских могильников.

[43] Наиболее характерной лепной керамикой могильников Украины являются горшки II и III типов Поволжья (плоскодонные горшки с яйцевидным или шаровидным туловом, невысокой шейкой и отогнутым венчиком).

[44] Г. В. Григорьев. Келесская степь, стр. 77, табл. XVI, рис. 118—119.

хождения таких мечей вместе с типичными прохоровскими мечами — с прямым перекрестием и серповидным навершием, датируемых обычно IV—III вв. до н. э., но встречающихся и в погребениях II в. до н. э. [45].

Самым ранним пока экземпляром меча с кольцевидным навершием в Поволжье является меч из Бережновского могильника (южная группа, 1952 г., кург. 2, погр. 11), где он найден вместе с бронзовыми и железной втульчатыми стрелами (с внутренней втулкой). Такие бронзовые стрелы датируются IV—III вв. до н. э., но как пережиток они, может быть, продолжали существовать некоторое время и во II в. до н. э. Этот век характеризуется полным вытеснением бронзовых наконечников стрел желез-

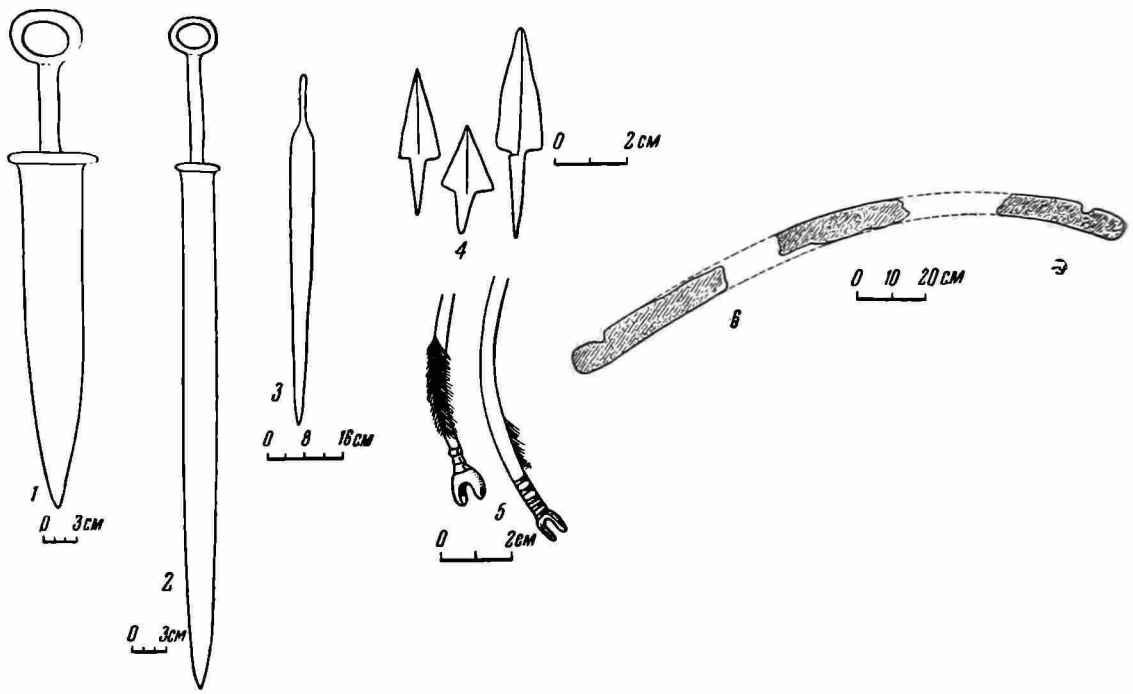


Рис. 3. Оружие среднесарматского времени

1 — кинжал (Ново-Никольское, к. 5, п. 16); *2, 3* — мечи (*2* — Ново-Никольское, к. 9, п. 2; *3* — Калиновский могильник, к. 40, п. 1); *4* — железные наконечники стрел (II Бережновский могильник, к. 17, п. 1; к. 23; Курпе-Бай, к. 2); *5* — остатки древков стрел (II Бережновский могильник, к. 17, п. 1); *6* — лук с костяными обкладками (Баскунчак, к. 2)

ными. До этого они некоторое время существовали одновременно. Втульчатые трехгранные железные наконечники стрел встречаются уже в IV в. до н. э., вытесняемые затем железными черешковыми трехлопастными наконечниками, безраздельно господствовавшими на среднесарматской стадии (рис. 3, *4*). Трехлопастные черешковые стрелы появляются со II в. до н. э., т. е. с конца прохоровского периода; нередко они встречаются в погребениях вместе с мечами с серповидными навершиями. Для раннего периода их существования характерны стрелы небольших размеров (3—5 *см*) и лишь с первых веков нашей эры (особенно в позднесарматских погребениях) господствуют стрелы с более крупными наконечниками. Рядом с наконечниками стрел часто встречаются остатки древков, раскрашенных яркими полосками (рис. 3, *5*). Стрелы содержались в кожаных колчанах. Одновременно с черешковыми трехлопастными наконечниками стрел появляется новый тип лука. Старый сигмообразный лук, распространенный со скифского времени и встречающийся еще в прохоровских погребениях, теперь исчезает. Вместо него появляется сложный лук, делавшийся из дерева с костяными обкладками (две концевые пластинки и две широкие центральные, накладывающиеся с обеих сторон; рис. 3, *6*).

[45] Кара-Оба, 1950, кург. 11, п. 2, раскопки И. В. Синицына; Политотдельское — 1953. Кург. 19, п. 26; раскопки К. Ф. Смирнова.

Костяные обкладки таких луков довольно часто встречаются в погребениях среднесарматского периода [46]. Такой лук характерен и для кочевых племен Южной Сибири и Средней Азии, откуда, очевидно, он и занесен в Поволжье. Длинные железные мечи, кинжалы, аналогичные по форме мечам с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, но имеющие меньшие размеры (длина их 35—40 *см*) (рис. 3, *1*), железные трехлопастные черешковые наконечники стрел — все эти виды оружия, характерные для среднесарматской стадии, типичны не только для сармат Поволжья, но и в большом количестве представлены в сарматских памятниках Кубани и Северного Причерноморья [47]. Копья для погребений этого времени не характерны. Лишь в одном случае [48] найден железный наконечник копья треугольной формы с короткой втулкой. Длина наконечника 26 *см*. Оборонительного оружия почти нет. Лишь в двух погребениях [49] найдены одинаковые бронзовые шлемы колоколовидной формы с шишечкой наверху и небольшим козырьком. Такие шлемы встречаются в Северной Италии в I в. до н. э.

Очень часто в сарматских могилах встречаются железные ножи. В среднесарматское время распространены ножи двух типов: с серповидно изогнутым лезвием (распространены с прохоровского времени до I в. до н. э. включительно) и ножи с прямым лезвием и горбатой спинкой. Оба эти типа ножей имели деревянные ручки, насаженные на железный черенок ножа. В позднесарматское время распространяются ножи с костяной ручкой.

Удила встречаются в погребениях этого времени очень редко. Обычно это кольчатые удила с подвижными кольцами. В дальнейшем, для позднесарматского времени, характерно увеличение размеров колец.

Типичной принадлежностью инвентаря могил являются глиняные и алебастровые пряслица. Круглые и яйцевидные алебастровые пряслица встречаются только в среднесарматское время. В подражание им делались глиняные пряслица таких же форм. Кроме того, одновременно с ними встречаются глиняные биконические пряслица. Такой же формы глиняные пряслица встречаются в сарматских могильниках Кубани и Украины.

Широко распространены в могилах этого времени пряжки. Они встречаются в большинстве как мужских, так и женских погребений. Самой типичной формой для этого времени являются железные (реже медные) кольцевидные пряжки, круглые в сечении, без обойм, с подвижным язычком. Пряжки такой формы найдены в сарматских могильниках Украины (в частности в могильнике у Ново-Филипповки), на Кубани, а также в погребениях Средней Азии II—I вв. до н. э. [50]. В первые века нашей эры появляются пряжки с прямоугольным щитком (в форме квадрата или вытянутого прямоугольника), а также с подвижным язычком (четырехгранные в сечении). Такие пряжки встречаются в сарматских погребениях Поволжья и в более позднее время. Найдены они и на Кубани. Для позднесарматских погребений наиболее характерны пластинчатые пряжки с обоймой.

Фибулы распространяются в погребениях Поволжья со II в. до н. э. Все они занесены сюда из Северного Причерноморья. Из всех типов, рас-

---

[46] Луки такого типа характерны и для позднесарматских погребений. В одном из них (Баскунчак, кург. 2. Раскопки П. С. Рыкова в 1928 г.) найден целый такой лук (рис. 3, *6*).

[47] Мечи с кольцевым навершием — с I в. до н. э., длинные мечи без навершия — с I в. н. э.; Н. В. Анфимов. Основные этапы..., Т. Г. Оболдуева Сарматськи кургани биля м. Мелитополя. АП. т. IV, Київ, 1952, стр. 45, рис. 3, *7*; Т. Н. Книпович. Ук. соч. стр. 66.

[48] Калиновский могильник, кург. 6, п. 5. Раскопки В. П. Шилова в 1952 г.

[49] У хут. Веселого. См. М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 209, стр. 195. Мариенталь, к д. 22. P. P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 54, рис. 46.

[50] О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. Тр. Ин-та истории и археологии Узбекистана, т. VIII, Ташкент, 1956.

пространенных в Северном Причерноморье [51], наиболее характерны для погребений II в. до н. э.— I в. н. э. в Поволжье фибулы позднелатенских типов с пластинчатой, часто орнаментированной дужкой. Фибулы этого типа широко распространены на территории Северного Причерноморья и Кубани [52]. Фибулы с подвязным приемником (с круглой проволочной или пластинчатой дужкой, которая имеет либо четыре витка проволоки, почти сплошь покрыта ими), развившиеся, по мнению большинства исследователей, из форм среднелатенских фибул [53], особенно типичны для могил позднесарматского времени. Со II в. н. э. в Поволжье начинают распространяться арбалетовидные фибулы.

Самым распространенным видом украшений являются бусы разнообразных форм и материалов. Преобладают стеклянные бусы различных цветов. Есть бусы различных форм с внутренней позолотой (часто сдвоенные или строенные). Глазчатые бусы синие с белыми ободками являются наиболее ранними формами, характерными для прохоровского времени. Бисер разных цветов находится в могилах обычно у щиколоток ног и у запястий рук скелетов (бисером сарматы обшивали края одежды). Часто встречаются бусы из янтаря и каменные из сердолика и горного хрусталя. Обычно они бывают крупные, неправильной шаровидной формы. Встречаются большей частью в погребениях с диагональным положением костяка. Широко распространены гешировые бусы.

Часто встречаются привески из коралла, что особенно характерно для I в. н. э., а также скарабеоидные бусы из фиолетового и синего египетского фаянса (распространены в первых веках нашей эры).

Почти все эти бусы греческого происхождения и завезены в Поволжье из Боспорского царства. Они распространены в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры в Северном Причерноморье и в Прикубанье. Интересен факт нахождения некоторых типов таких бус, в том числе тройных бус с внутренней позолотой, граненых призматических из разноцветного стекла и др. в могильниках Средней Азии [54]. Можно предположить, что часть бус сарматы получали с Востока (из Средней Азии).

Браслеты, серьги, кольца встречаются в погребениях этого времени сравнительно редко. Браслеты все круглопроволочные, в большинстве случаев бронзовые; преобладают браслеты с незамкнутыми концами. У некоторых концы заходят друг за друга. Такие же браслеты найдены в Танаисе [55]. Браслеты с биконическими утолщениями на концах представлены также и в сарматских могильниках Украины. Есть браслеты, концы которых оформлены в виде стилизованных головок змей (В. Колышлей, кург. 1). В богатом женском погребении Калиновского могильника (кург. 55, погр. 8) найдены два золотых спиральных браслета, на концах которых имеются рельефные изображения хищника, нападающего на лосиху [56]. Встречающиеся в Поволжье браслеты с равномерно расширяющимися концами находят себе аналогии в могильниках Средней Азии (напри-

---

[51] А. И. Фурманська. Фибули з розкопок Ольвии. Археологія, т. VIII, 1953.

[52] Т. Г. Оболдуева. Ук. соч., стр. 45, рис. 3, *4*; М. І. Вязьмітіна. Вивчення сарматів на території Української РСР. Археологія, т. VIII, 1953, стр. 70, рис. 7; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 115, рис. 18, *10—11*.

[53] А. И. Калитинский. О некоторых формах фибул из Южной России. Seminarium Kondakovianum, т. I. Prague, 1927. M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, т. XIII, s. v. «Südrussland». Berlin, 1928, стр. 102.

[54] В катакомбных могилах Ферганы, в грунтовых могилах могильника Туп-Хона у Гисара (I в. до н. э.—I в. н. э.), среди материалов древнего Хорезма. С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, стр. 109; М. М. Дьяконов. Работа кафирниганского отряда. МИА, № 15, 1950, стр. 169; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 88.

[55] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 61, рис. 17, *б*, *в*.

[56] В. П. Шилов. Погребение сарматской знати I в. до н. э.— I в. н. э. Сообщения Эрмитажа, т. IX, Л., 1956, стр. 44.

мер, могильник Туп-Хона) [57]. Эти браслеты наиболее характерны для позднесарматского времени.

Литые круглые бронзовые колечки встречаются довольно редко. Гораздо больше в могильниках этого времени имеется бронзовых височных колец, сделанных в виде колечка из тонкой бронзовой проволоки с заходящими друг на друга концами. Аналогии таким колечкам в большом количестве представлены в материалах Кубани сарматского времени.

Серьги наиболее характерны для погребений позднесарматского времени; в среднесарматское время они встречаются лишь в единичных экземплярах. Во II Бережновском могильнике (кург. 14, погр. 21) были найдены две золотые серьги из тонкого листового золота в виде пологого полушария с петлевидной ручкой. Амфоровидные золотые серьги найдены в Калиновском могильнике (в одном погребении с золотыми спиральными браслетами) [58]. Золото встречается в погребениях этого времени очень редко. Это главным образом золотые бляшки, очень мелкие, из тонкого листового золота, имеющие форму розеток, полушарий, трубочек и др. Целый ряд серебряных и золотых изделий свидетельствует о наличии имущественной дифференциации среди сарматов. Здесь необходимо прежде всего отметить серебряные вещи, найденные в 1884 г. у г. Ново-Узенска бывш. Самарской губ.[59]: два серебряных позолоченных фалара с выпуклым изображением изогнутой по кругу фигуры крылатого грифона, пять бляшек с изображением ежей и 207 серебряных колечек. Здесь же, очевидно, были найдены два серебряных фалара с изображением слона с попоной и башенкой на спине (в башенке сидят два воина с копьями, на попоне каждого слона изображен гиппокамп). К. В. Тревер датирует обе группы этих фаларов II в. до н. э.[60]. Фалары, служащие для украшения коня, принадлежали, очевидно, какому-то знатному сармату, возможно, их военному вождю. Богатый набор ювелирных изделий найден В. П. Шиловым, который в 1954 г. открыл два погребения (Калиновский могильник, кург. 55, погр. 8; с. Погромное, кург. 5, погр. 2), принадлежавших, по-видимому, сарматской знати. В них найдено большое количество золотых украшений (браслеты, серьги, гривна, бляшки, пряжки) [61].

Кроме украшений, в женских погребениях широко распространены туалетные принадлежности. Особенно часто в сарматских погребениях встречаются бронзовые зеркала. Для среднесарматской стадии характерно несколько типов зеркал (средний диаметр их — 13—15 *см*). Массивные зеркала с валиком по краю имеют иногда узкий черенок для насаждения деревянной ручки или круглые отверстия с краю для прикрепления ее (рис. 2, *1*). Такие же зеркала, но с более высоким валиком, характерны для прохоровского времени. Зеркала с валиком I—II вв. н. э. имеют утолщение и в центральной части зеркала (рис. 2, *2*). Кроме того, встречаются тонкие пластинчатые зеркала с коротким треугольным черенком (или без него) (рис. 2, *3*). Такие зеркала встречаются со II в. до н. э. по II в. н. э. С конца I в. н. э. появляются маленькие зеркала-привески с петлевидной ручкой (диаметр 4—5 *см*; рис. 2, *4*). Наиболее характерны они в позднесарматское время. В I в. н. э. они обычно лишены орнамента. В кургане Д-8 (Шульц. Раскопки П. Рау в 1926 г.) зеркальце, помимо валика по краю, имеет орнамент из расходящихся от центра выпуклых линий. Все типы зеркал (за исключением зеркал с валиком, занесенных в Поволжье из прохоровского Приуралья), находят себе аналогии в материалах Север-

---

[57] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 170.

[58] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 44.

[59] А. С. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 29, р. 72—76, 79; И. Толстов и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусств, т. III, СПб., 1890, стр. 88—89, рис. 93.

[60] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Эрмитажа. М.— Л., 1940, стр. 45—50.

[61] Оба погребения опубликованы. В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 42—45.

ного Причерноморья. Есть такие зеркала и в среднеазиатских могильниках [62]. В некоторых могилах Средней Азии, как у сарматов, прослеживается обычай положения в могилу разбитых зеркал [63].

Кроме зеркал, к туалетным принадлежностям относятся ложечки, характерные для погребений прохоровской культуры, но встречающиеся и в среднесарматское время. Такие ложки обычно бывают сделаны из тонкой костяной пластинки — узкая ручка с лопаточкообразным расширением на одном конце (рис. 2, 7). В диагональном погребении II Бережновского могильника (кург. 98) найдена костяная ложечка с очень длинной круглой в сечении ручкой. Такая же ложка найдена в Мирмекии [64]. Датируется она I—II вв. н. э.

В сарматских погребениях Поволжья встречаются также костяные обкладки гребней, концы которых оформлены в виде конских голов. Такие навершия особенно характерны для прохоровского времени, но бывают и в погребениях среднесарматской стадии. Костяные обкладки гребней такой формы встречаются и в могильниках этого времени в Средней Азии [65].

Рассмотрение культуры сарматских племен II в. до н. э.— I в. н. э., их погребального обряда и инвентаря их могил позволяет сделать нам ряд выводов.

Говоря о сложении сусловской культуры, необходимо прежде всего отметить, что основная масса памятников предшествующего времени (IV—III вв. до н. э.) сосредоточена в Южном Приуралье, в то время как погребения среднесарматского времени расположены главным образом в Поволжье. Возможно, что племена — носители прохоровской культуры, передвинувшись из Приуралья в Поволжье, принимали, наряду с местными племенами Поволжья, участие в создании культуры среднесарматского времени. Подтверждением этому является и то, что все формы погребального обряда прохоровского времени бытуют в сусловское время. Как показал К. Ф. Смирнов [66], Прикаспийские степи особенно богаты сарматскими памятниками прохоровского времени по сравнению с другими областями Поволжья. Отсюда сарматы уже в IV в. до н. э. начинают проникать на территорию Кубани, занятую меотскими племенами. Это привело к созданию на Кубани смешанной меото-сарматской культуры.

Для прохоровской культуры характерны тесные связи со Средней Азией, которые прослеживаются не только в погребальном инвентаре, но и в устройстве могил. Возможно, что формирование прохоровской культуры проходило под большим воздействием среднеазиатских племен или имело с ними какую-то общую основу. Наличие связей со Средней Азией мы видели в сусловское время и у сарматов Нижнего Поволжья. Об этом говорит существование в обеих областях сходных типов захоронений (подбойные погребения) с одинаковым положением и ориентировкой костяка, наличие деревянных сооружений и подстилок в могиле, некоторые общие черты в погребальном инвентаре. С другой стороны, исследователи среднеазиатских могильников отмечают и значительные различия в обряде и в инвентаре этих двух областей, что позволяет говорить не о преобладающей роли влияния сарматской культуры в возникновении подбоев и катакомб Средней Азии, а о наличии тесного контакта между двумя этими культурами [67]. Может быть, это говорит не о прямых связях обеих этих

[62] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 170; С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, стр. 108.

[63] Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. Доклад на среднеазиатской секции. Археол. сессия ИИМК в 1957 г.

[64] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., МИА, № 25, 1952. стр. 166, рис. 55.

[65] Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 77, табл. XVI, рис. 125.

[66] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.

[67] С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, стр. 116.

областей, а о связях каждой из них с территорией Южного Приуралья, где встречены наиболее ранние сарматские подбойные погребения.

Таким образом, в сложении сарматской культуры Поволжья участвовало, видимо, два компонента. Во-первых, это местные племена, жившие в Поволжье уже на савроматской стадии, а во-вторых, племена прохоровской культуры, пришедшие на Волгу из степей Приуралья.

Отсутствие сарматских поселений и специфический инвентарь погребений подтверждают сведения древних авторов о кочевом образе жизни сарматских племен. Большое количество оружия в мужских погребениях говорит о том, что война играла важную роль в жизни сарматов. Основная масса этих погребений принадлежит рядовым сарматским воинам. Однако новоузенская находка, а также погребения, открытые В. П. Шиловым в 1954 г., еще раз подтверждают наличие в сарматском обществе быстро идущего процесса социального расслоения, процесса выделения конной аристократии, начавшегося, как показывают эти находки, уже с конца эллинизма. Процесс выделения всаднической аристократии свидетельствует в свою очередь о начале нового периода, периода военной демократии, развившейся при распаде родового строя. Война и организация для войны становится теперь регулярной функцией народной жизни. Приобретение богатства становится уже одной из важнейших жизненных целей. Создается необходимость военных походов и даже переселений целых племен в соседние области в поисках наживы. Потверждением этому является начавшееся уже во II в. до н. э. массовое передвижение сарматских племен на запад — на Кубань, в украинские степи и далее, о чем свидетельствуют найденные там сарматские могильники.

Тот факт, что какая-то часть прохоровских племен Приуралья и Прикаспия принимала участие в формировании культуры среднесарматского времени на территории Саратовского Поволжья, позволяет говорить о наличии среди населения Саратовского Поволжья в это время аорсов (поскольку сарматские племена Прикаспия на основании древних письменных источников приписываются именно аорсам). Занимая ведущее положение в Прикаспии, аорсы, по-видимому, не играли какой-либо значительной роли в Поволжье. На территории Саратовского Поволжья главную роль играло племя роксолан, с которым можно связать так называемые диагональные погребения [68]. Подтверждением этому является то обстоятельство, что диагональные погребения характерны только для Саратовского Поволжья, к тому же население, оставившее их, обитало здесь довольно продолжительное время — еще с савроматского периода. Выделенный К. Ф. Смирновым район распространения диагональных погребений в Поволжье [69] (от Саратова вниз по течению Волги до Сталинграда и на восток почти до Уральска) подтверждается и материалами последующих экспедиций [70]. Таким образом, оставляя в силе границы, установленные К. Ф. Смирновым, можно сказать, что основная масса диагональных погребений Поволжья (более 50%) сосредоточена в сравнительно небольшой области к северо-востоку от г. Камышина.

Решающий факт, который позволил К. Ф. Смирнову приписать диагональные погребения роксоланам, заключается в том, что диагональные погребения встречаются и на территории Украины. Древние авторы (в частности Страбон) говорят о появлении во II в. до н. э. на территории между Доном и Днепром племени роксолан — наиболее многочисленной и могущественной группы сарматских племен. Действительно, на территории Украины найдено несколько диагональных погребений, в том числе часть

---

[68] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксоланов. ВДИ, 1948, № 1.

[69] К. Ф. Смирнов. Ук. соч.

[70] В частности, большое количество диагональных погребений (до 40) было найдено в районе с. Бережновки И. В. Синицыным в 1954—1955 гг.

их — в сарматских могильниках [71]. Т. С. Кондукторова, исследовавшая антропологический материал этих могильников [72], устанавливает, во-первых, существенные отличия черепов сарматских могильников от скифских черепов этих областей. Это свидетельствует об отсутствии прямых генетических связей сарматов Украины с местным населением. Вместе с тем намечается сходство черепов этих могильников с черепами сарматов Нижнего Поволжья, причем сарматы Запорожской области (могильник на р. Молочной) имеют особо большое сходство с сарматами Саратовского Заволжья, откуда в основном и происходило переселение сарматов на территорию Украины. Сарматы Запорожья близки также к ранним кочевникам Казахстана — потомкам андроновцев.

Сарматы Днепровской области (Усть-Каменский могильник) также близки к сарматам Нижнего Поволжья, причем одинаково как к группе Саратовского Поволжья, так и к астраханской группе. Вывод Т. С. Кондукторовой о близости антропологического типа сарматов Украины с сарматами Нижнего Поволжья очень важен. Он подтверждает факт близости сарматов этих двух областей, который мы установили на основании археологического материала (типы погребального обряда, инвентарь). Можно считать доказанным тот факт, что сарматское население Украины прибыло сюда с территории Нижнего Поволжья.

На основании письменных источников мы знаем, что могущественное племя роксолан уже во II в. до н. э. появилось в междуречье Дона и Днепра. На основании археологического материала мы можем установить факт расселения роксолан из степей Поволжья, где еще до II в. до н. э. это племя должно было занять ведущее место среди других племен. Следовательно, на территории Нижнего Поволжья мы можем ожидать целый ряд погребений роксолан, а именно диагональных погребений, относящихся ко времени ранее II в. до н. э. Начиная со II в. до н. э. число погребений роксолан в Поволжье должно уменьшиться, все более увеличиваясь к западу от Дона, главным образом на территории Украины — по ходу продвижения роксолан. Так как роксоланы занимают ведущее место среди сарматских племен, двигающихся на запад, погребения их должны преобладать в сарматских могильниках Украины. Обратимся к диагональным погребениям. Встречаясь на прохоровской стадии, как исключение они появляются фактически лишь со II в. до н. э., а наиболее характерны на территории Нижнего Поволжья для периода I в. до н. э.— начала II в. н. э., т. е. для времени, когда основная масса роксолан должна была уже переселиться за Дон. В то же время на территории к западу от Дона, в частности на Украине, встречаются диагональные погребения этого времени (рубеж нашей эры), но число их ничтожно по сравнению с числом диагональных погребений Поволжья, синхронных с ними. Диагональные погребения, очевидно, принадлежали одному из богатых племен, входящих в состав роксоланского племенного союза, возможно, могущественному племени роксолан, давшему имя всему союзу. Причем племя это в основной своей массе продолжало жить на территории Поволжья и после ухода оттуда большого числа сарматских племен. Территория, занятая роксоланами, не ограничивается Северным Причерноморьем, как указывают древние авторы, а включает в себя и Поволжские степи в районе Саратова.

Политические события в Северном Причерноморье (освобождение скифами этой территории, отступление их на юг и на запад, создание на Нижнем Днепре ряда укрепленных позднескифских городищ II в. до н. э.— I в. н. э.) говорят о том, что сарматы появляются здесь уже во II в. до н. э., т. е. в конце прохоровской ступени. Тем не менее мы не имеем здесь ни

[71] У с. Усть-Каменки (Днепропетровская обл., Никопольский район) и на р. Молочной у Мелитополя.

[72] Т. С. Кондукторова. Материалы по палеоантропологии Украины. Антропологический сборник, т. I, 1956.

одного характерного погребения прохоровской культуры. В единичных случаях встречаются погребения переходных форм — от раннего к среднесарматскому времени; большинство же их имеет типичные черты среднесарматской стадии. Это, очевидно, объясняется тем, что сложение сусловской культуры проходило уже во II в. до н. э. Это подтверждается, во-первых, наличием уже во II в. до н. э. диагональных погребений — типичных погребений среднесарматской стадии. Ту же картину мы видим и при рассмотрении некоторых групп погребального инвентаря, в частности оружия. Мечи с кольцевым навершием, а также мелкие железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, характерные главным образом для этого этапа, хорошо представлены уже во II в. до н. э.

Таким образом, сарматская культура на среднесарматской стадии, сложившаяся, очевидно, уже во II в. до н. э., характеризуется наличием связей со Средней Азией, усилением связей с Кубанью и особенно с Северным Причерноморьем и знаменует собой начало нового периода — периода массового переселения сарматских племен на запад — в украинские степи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Распределения погребений среднесарматского времени по курганным могильникам *

Могильники	Руководитель раскопок	Погребения					
		В насыпи или на горизонте	В узких грунтовых ямах	В ямах с заплечиками	В подбоях	Диагональные	В круглых ямах
Б. Дмитриевка	И. А. Волков		к. 96				
С. Лебяжье	А. А. Спицын		к. 1 (?)				
Сл. Гусевка	П. П. Греков		1900—к. 1—4,6 1903—к. 1 1905—к. 4,6			1905— к. 5	
Хут. Шульц на Торгуне	П. Рау				к. В1,В2, к. В5	к. Д4, п. 8; Д5; Д6; Д8	кА2; к.А4
Альт-Веймар	»		к. В6, G6		к. В3		
Зеельман	»		к. С1, С2				
Колышкино	»		к. С3				
Мариенталь	»		к. Д21				
Каменка на Иловле	»					к. Е9 (?)	
Боаро	»		к. F6, п. 1,6		к. Е 14,		
Краснополье	*				п. 10(?)		
Шипово	П. С. Рыков		к. V—1, к. V—3	к.VI—		к. VI—1, VI—4,VI—6, VI—7,VI—9	
Пос. Зеленый	»		к. 1 (?)	—10			
Пос. Новенький	»		к. 1				
Ст. Полтавка	П. Рау		к. Е25, п. 19				
Фриденберг	П. С. Рыков					1—6(?)	
Суслы	Бератц — 1912						к.2;к.3
	П. С. Рыков	к. 70	к. 2; к.14; к. 20, п. 1; к. 23, п. 1; к. 24; к. 28; к. 30 (?);к. 34;к.38; к. 43, п. 1; к.54; к. 59;к.63; к.64; к. 66; к. 68	к. 19; к. 21; к. 45; к. 49, п. 2	к. 16, к. 41(?), к. 46, к. 56	к. 1, к. 11, к. 12, к. 18, к. 27, к. 31, к. 32, к. 35, к. 37, к. 44, к. 47, к. 51	к. 22 к. 25
Элиста	П. С. Рыков	к.6п.3	к. 4, п. 1,2			к. II—25	
Три брата	»				к. 1, п. 1,		
Дмитриевка	»		к. 1, п. 4		2, 5, 6, 7		

* Погребения без инвентаря не учитываются

Таблица 1 (продолжение)

Могильники	Руководитель раскопок	Погребения				
		В насыпи или на горизонте	В узких грунтовых ямах	В ямах с заплечиками	В подбоях	Диагональные
Батаевка	„	к. 1, п.1(?) к.1,п.2	к. 1, п. 4,5			
Дедломинский	„		к. 1			
Пос. Нежинский (Алебастров. гора)	Б. Н. Граков		к. 1, п. 3(?), 6 к. IV—3; к.IV—4, п. 1;			
Пос. Благословенский (Маячная гора)	„					
Харьковка	Б. Н. Граков П. С. Рыков		к. I—6, к.III—1 к. III—20		к.III—4 (?)	к. II—3, к. III—13, к.III—16, к. III — 21; к. III—23; к.III—24
В. Колышлей	И. В. Синицын				к. 1; к.2, п. 1,2	
Хут. Авиловский	„		к. 3; к.5, п. 5; к. 7, п. 7			
Максютово	„		II—1			II—2
Успенки						II—1,II—2
Курпе-Бай	„		к. 1;к.2;к.4,п.1			к.4, п. 2
Кара-Оба	„		к. 7; к. 11, п. 2 (?)	к.3,п. 1; к.5	к 11, п. 3; к. 13;	
Черебаево	„	к.1, п.1; к. 5. п. 1	к. 2, п. 1; к. 3, п.1	к.6, п.2	к. 4; к.5, п,2(?)	
Потемкино	„		к. 3, п. 4			
I Бережновский	„	к. 5, п. 13; к. 8, п. 1; к. 12, п. 1; к. 17, п. 1;к. 35, п. 11, 14	к. 1; к. 2; к. 4, п.5;к.10,п. 2(?); к. 13, п. 1; к.14, п.3,4; к. 15,п.2; к.17,п.3,4;к.21, п. 2; к. 25, п. 1: к. 26;к.29;к.30; к. 35, п. 10, 12, 15, 16; к. 36,п.2	к. 18; к. 22; к. 27	к. 13,п.2; к.23;к.35, п. 21	к. 34
Бережновка (юго-западная гр.)	„	к. 1, п.10;	к. 1, п. 6			
Бережновка (южная гр.)		к. 2, п. 5; к. 9, п. 4	к. 2, п. 7,8(?), 11; к. 3, п. 4; к. 4, п. 7; к. 5, к. 4,8; к. 6, п.2; п. 8, п. 3,	к. 5, п.10	к. 4, п.1	к. 5, п. 3
Новая Бережновка	„	к. 1, п. 4;	к. 4, п. 7, 9,	к. 4, п. 15	к. 2, п. 4; к. 4, п. 6	к. 5
II Бережновский мог.	„	к. 14, п.15, 16	к. 4, п. 4; к. 12, п. 6; к. 13, п. 1; к. 14, п.20;к.17 п. 1; к. 20, к.21, п.1,2;к.23;к.24; к. 29, п. 2;к. 32, п. 2(?); к. 47; к. 50; к. 51, п.2; к. 56, п. 2; к.70, к. 71, к. 80, п.8;	к. 14, п.21	к.1;к.4, п.7; к. 14, п. 25, 28, 29; к. 32, п.1; к.56, п.3 (?); к. 61; к. 80, п. 3; к. 84; к. 89, п. 8; к. 91,п. 1	к. 6, п. 1; к. 7; к. 15; к. 18; к. 22; к. 25; к. 32, п. 3; к.38; к. 42, п. 2; к.43; к. 44; к. 45; к. 46; к. 52;

Таблица 1 (окончание)

Могильники	Руководитель раскопок	Погребения				
		В насыпи или на горизонте	В узких грунтовых ямах	В ямах с заплечиками	В подбоях	Диагональные
II Бережновский мог.	И. В. Синицын		к. 83; к. 89 п.2; к.95, п.1;к. 100; к.103.п. 1, 2; к. 104			к. 53; к. 57, п. 1; к. 75—78;к.81;к.82; к. 96; к. 98; к.102, к.105; к.107—110; к. 111
Ленинск	»			к. 2, п. 2		
Сайхин	»		к.1,п.2;к.5(?)			
Калмыково	»		к.1,п.1;к.3,п.1		к. 1,п. 2; к. 2; к.3, п. 3, 5,8;	
Скатовка	»	к. 10, п. 1; к. 21, п. 5	к.5,п.1;к.21,п.6		к. 4, п. 4	
Молчановка (юж. группа)	»	к. 1, п. 5,7	к.5,п.2		к.2,п.2(?)	
Молчановка (сев.-вост. группа)	»		к. 2, п.1		к.1,п.11, 12	
Ново-Молчановка	»	к. 1, п. 1	к.9, п.4		к. 1, п. 5	к. 10
Политотдельское	К. Ф. Смирнов		к.4,п.12,17,25, 28,32;к.8,п.3,5; к.9;к.14; к.17, п.2;к.18; к.25, п.6(?)	к. 5, п. 5; к. 8, п. 6 к. 19, п.26(?)	к.3, п. 6, 8, 9; к.4,п.10; к.5,п. 4, к.6, п.1, к.8,п.1,2, 4,7; к.19, п. 31 (?); к.20,п.10	к.1;к.11.п.1; к. 20, п. 9; к. 24; к. 27
Быково	К. Ф. Смирнов	к. 1, п. 4; к. 14, п. 6; к. 17, п. 6	к.1,п.2;к.4,п.9; к.5, п.1,3;к.7, п.4;к.10,п.17(?); к.16, п.6, 7 (?); к.17,п.10	к. 10, п. 10 к. 17, п. 12		
Быково II	»	к. 1, п.14; к.2, п.2(?)				к. 4
Калиновское	В. П. Шилов	к.1, п.1; к.3, п.12; к.8, п.9, 29; к.12, п.2,3; к. 27, п.1,4	к.1,п.2,4,6;к.3, п.5, 7, 15 (?),18, 21;к.4, п.2; к.6, п.5;к.8,п.10,23, 24, п.25 (?), 30, 31,33;к.12,п.20, 23,24;к.14;к.19, п.3,6;к.22,п.3; к.29, п.5;к. 35, п.1;к.46, п. 9;к. 48;к.52,п.2;к.55, п.8;к.61,п.2; к.3, п.4; к. 5, п.8,12; к.7,п.6	к. 1, п.8(?)	к.3, п. 1; к.17, п.1; к.19,п.4, 10, 16; к. 27,п.3	к. 34, п. 1; к. 40; к. 58 (?)
Ново-Никольское	»				к.5,п. 4,13, 16; к.7, п. 7	к. 9, п. 2; к. 10
Погромное	»	к.1,п. 1;к.2. п.5.14; к. 4, п.4(?)	к.1,п.13,14; к.5, п. 2,3		к.1,п.11;	

М. П. ВАУЛИНА

К ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С КНИДОМ

В 1947 г. при раскопках Неаполя скифского в подбойной могиле № 9, датируемой по погребальному инвентарю II в. н. э., была обнаружена глиняная ваза (амфора своеобразного стиля) с рельефными изображениями, ныне хранящаяся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве (рис. 1) [1].

Ваза представляет собой толстостенную амфору из желтовато-розовой пористой глины с мелкими белыми и черными вкраплениями, покрытую красноватым лаком со слабым блеском. Лак наложен неровно, его цвет изменяется от светло-розового до бурого в затеках. Характерными чертами амфоры являются ее форма и техника. Тулово амфоры округлое, подставка неустойчивая, коническая с плоским основанием. Ручки с косыми насечками, как бы витые [2]. Ваза сформована из двух половинок, соединенных по вертикали грубым швом шириной от 1 до 1,3 *см*.

На одной стороне амфоры помещена фигура Гермеса впрямь, стоящего на подставке (рис. 2, *1*). В правой руке Гермеса кошелек, в левой — двойной кадуцей. На плечах плащ, расположенный параллельными валикообразными складками и скрепленный на груди. Волосы короткие, в виде круглых завитков, на голове крылышки. Подобный прием изображений встречается на керамике Книда [3].

На другой стороне амфоры — фигура Эрота, стоящего на подставке (рис. 2, *2*), с сирингой и рогом изобилия в руках. У ног его — опущенный факел. Такого рода изображения неоднократно встречаются на глиняных светильниках II—IV вв. н. э. [4]. Фигуры промоделированы обобщенно и грубо [5]. После формовки рельеф обработан стекой и штампом, что вносит в изображение элементы упрощения и схематизма. Форма груди, средняя

---

[1] П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 63, 64, рис. 27; В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. ВДИ, 1949, № 1, стр. 111, рис. 117; П. Н. Шульц и В. А. Головкина. Неаполь Скифский. Сб. «По следам древних культур», М., 1951, стр. 160; E. Bónis. Késöhellénisztikus dombormüves edénycsoport elterjedése a római tartományokban. Archaeologiai Értesitő, 79, ч. 1, 1952, стр. 25, *13*, и стр. 27.

[2] Форма рассматриваемой амфоры несколько напоминает стеклянную амфору Энниона, найденную в Керчи в 1852 г. (Эрмитаж, П. 1852. 54). Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854, табл. LXXVIII, *1—2*.

[3]. См., например, C. Newton. A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae, т. I, London, 1862, табл. LXXXIV, *4*.

[4] О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, табл. XLV, 477—479; Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens, т. IV, ч. II; O. Broneer. Terracotta-Lamps. Cambridge, 1930, стр. 107, рис. 50. Автор относит этот тип ко времени с конца II и до конца IV в. н. э.

[5] Вторым экземпляром от этой же формы является амфора в Берлинском музее (инв. № 30413).

Третьей репликой неапольской амфоры является обломок стенки с изображением Эрота с сирингой из музея в Делосе, изданной У. Хаусманом (см. U. Hausmann. Iterum oinophoroi — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. T. 71, кн. I, 1956, табл. 64). Расхождение в деталях, на наш взгляд, следует отнести за счет ручной обработки штампиками и стекой.

Рис. 1. Амфора из Неаполя скифского (ГМИИ)

линия тела, границы живота и бедер выполнены вдавленными линиями. Складки плаща, волосы на голове Эрота, рог изобилия, пламя факела, сиринга, жилки виноградных листьев переданы рядами углубленных параллельных линий с валикообразными очертаниями (характерный стилистический прием). Перья на крыльях Эрота и Гермеса нанесены штампом. Глаза Эрота и ягоды винограда выполнены довольно небрежно круглыми штампами (в некоторых местах оттиск штампа смещен).

В композиции изображения значительное место занимают стилизованные виноградные лозы; ствол их толстый, листья крупные с врезанными двойными линиями прожилок и рельефными черенками. Грозди винограда

Рис. 2. Детали амфоры из Неаполя скифского

1 — фигура Гермеса; *2* — фигура Эрота

даны рядами круглых выпуклых ягод таким образом, что ни одна ягода не закрывает другую.

Мотив фигур, окруженных виноградной лозой, восходит к традициям эллинистического искусства, заставляя вспомнить статую, стоящую под сенью зелени [6].

К вазе из Неаполя скифского примыкает по стилю, сюжету и характеру исполнения обломок чаши из собрания Эрмитажа (№ Б-2316) с изображением Эрота (рис. 3) [7]. Его прическа с косичкой (почти полное повторение головы Эрота на амфоре) находит аналогии в ряде памятников, найденных в Книде [8]. Повторяется и мотив виноградной ветви.

Рис. 3. Фрагмент чаши (Гос. Эрмитаж)

Из собрания Эрмитажа наиболее близка по форме к публикуемой амфора, происходящая из Книда (рис. 4) [9]. На обеих сторонах ее помещены менады, с тирсом и фруктами в руках. Лица менад исполнены обобщенно, складки одежд трактованы плоско. По бокам фигур — виноградная лоза. Форма и характер рельефа амфоры с менадами производят впечатление более ранних, чем амфоры из Неаполя скифского.

Ряд экземпляров, происходящих из дунайских провинций и тесно связанных с указанными амфорами, опубликован Е. Бониш [10]. Особый интерес представляет близкая по стилю амфора неизвестного происхождения с изображением Афродиты [11]. Ее следует отнести к кругу той же мастерской, что и амфору из Неаполя скифского.

По технике и композиции фигур, обрамленных виноградной лозой, к неапольской амфоре близки также три сосуда, опубликованные Д. Робинзоном [12]: две ойнофоры и одна амфора. На ойнофоре из музея в Бал-

[6] О подобных статуях, стоящих под деревьями, и о статуях, возимых на колесницах, упоминается в письменных источниках. По свидетельству Каликсена и Феокрита, скульптурные фигуры, увитые свежей зеленью, возились в торжественной процессии Птолемея Филадельфа (См. М. И. Максимова. Античная гемма с изображением Ликурга. ЗКОРАО, т. IX, Петроград, 1917, стр. 292—293).

Описание мраморной группы Дианы и Актеона, окруженных зеленью и плодами, приводит Апулей в «Золотом осле» (См. Апулей. Золотой осел, кн. 2, 4, пер. М. Кузьмина, Л., 1929). Укажем также на изображение Диониса под сенью зелени на колеснице, запряженной пантерами, помещенное на бронзовой пластинке II в. из Паннонии (см. Paulovies István. Dionysosi menet (thiasos) magyarországi romai emlékeken. Archaeologiai Értesitő, 1935, XLVIII, стр. 84, 85, рис. 65—66).

[7] Поступил в Эрмитаж в 1906 г. из собр. Новикова, имевшего имение в Эльтигене. Глина светло-желтая с мелкими черными и белыми вкраплениями. Лак светло-красный без блеска.

[8] Ср., например, обломок сосуда, найденный в окрестностях Книда (CVA, Copenhague, вып. 4, табл. 185, 8). Подобную трактовку прически см. на обломке фигурного сосуда из Ольвии (Эрмитаж, Ол. 15154).

[9] Эрмитаж, № Б-3089. Рельеф местами сильно поврежден. Амфора, очевидно, долго пролежала в воде.

[10] E. Bonis. Ук. соч., стр. 25, №№ 3, 8, 9, 12.

[11] Там же, табл. III, 2, (№ 11).

[12] D. M. Robinson. An Oenophorus Belonging to the Johns Hopkins University. AJA, 1909, 2 серия, т. XIII, стр. 30—37, рис. 1—6.

тиморе спокойно стоящие фигуры обнаженных Диоскуров близки к амфоре из Неаполя скифского. Быстро движущаяся менада в развевающемся хитоне на ойнофоре Британского музея по расположению складок одежды напоминает эрмитажный экземпляр амфоры Книда. К ойнофоре из Британского музея близка по форме и сюжету ойнофора из Паннонии, найденная у крепости Арраболы [13]. Однако по характеру рельефа она стоит дальше всего от неапольской из образцов подобного рода. Следует отметить также крайнюю редкость подобных сосудов.

Рис. 4. Амфора из Книда (Гос. Эрмитаж)

К этой же группе сосудов принадлежат две ойнохои в Эрмитаже: одна с изображением Ганимеда, кормящего орла [14], другая с маской силена [15] (рис. 5, *1, 2*). Любопытно отметить, что формы, из которых обе ойнохои были оттиснуты, возможно, предназначались для амфор, так как носики венчиков ойнохой оттянуты вручную, уже после формовки. Вдоль верхней части сосуда видны следы инструмента, которым были заглажены неровности ручной обработки. Ручки прикреплены также после формовки. Часть рельефной композиции на задней стороне тулова одной ойнохои закрыта ручкой. В остальном оба сосуда исполнены, как вышеописанные амфоры. Рельеф на ойнохое с Ганимедом сделан грубо. Поза юноши неестественна и неловка. Волнистые волосы собраны на затылке в узел; правой рукой он придерживает канфар, левая рука положена на крыло орла. Орел одной лапой стоит на подставке, другой лапой придерживает канфар, из которого пьет. Перья крыльев орла выполнены схематично ромбовидным штампом, как крыло Эрота на донышке чаши в Эрмитаже. Листья и гроздья винограда можно сравнить с лозой на упомянутом об-

---

[13] Associazione internazionale studi mediterranei. Bollettino, Roma, 1931, № 3, стр. 18, рис. 1; Е. Бóнis. Ук. соч., стр. 25, № 7.

[14] Эрмитаж, Пан. № 941. Найдена на Керченском полуострове. ОАК за 1867 г., стр. 188, виньетка — стр. 182; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. I. СПб., 1889, стр. 82, рис. 112; R. Herbig. Ganymed und Adler — Ganymed. Heidelberg, 1949, стр. 4, рис. 8.

[15] Происхождение неизвестно. Эрмитаж, Б-9010.

ломке чаши. Любопытна совершенно аналогичная трактовка конца стебля, плотно закрученного в жгут.

Самую близкую аналогию к композиции ойнохои с Ганимедом встречаем на донышке краснолаковой чаши, находящейся в Гейдельберге [16]. Подобная композиция повторяется на обломке навершия ручки краснолакового светильника Британского музея № 858 [17], а также на многих других памятниках, в том числе и на мраморных рельефах, что свидетельствует о том, что в основе ее мог лежать какой-либо известный, но не дошедший до нас памятник скульптуры.

В «мифологическом лексиконе» Рошера был опубликован обломок глиняного рельефного сосуда Британского музея с изображением Леды и лебедя, происходящий из Книда. Указывая на неоднократные повторения

Рис. 5. Ойнохоя с изображением маски силена (Гос. Эрмитаж)

этой композиции на ряде книдских памятников, автор справедливо высказывает предположение, что оригиналом этой композиции (близкой к композиции Ганимеда с орлом) послужил мраморный рельеф или картина из Книда или его окрестностей [18].

На обратной стороне ойнохои с Ганимедом изображен канфар с вырастающей из него виноградной лозой в виде двух толстых стеблей с двумя гроздьями и двумя крупными листьями. Для орнаментации канфара также применен круглый штамп. Обращает на себя внимание форма канфара с заостренным книзу туловом, имеющего подставку со скошенными краями и широкий выступающий венчик. Особенно характерны ручки, изогнутые в виде петель, с отстающими от тулова концами. Такая форма

[16] См. R. Herbig. Ук. соч., стр. 1—3, рис. 1—3; H. Sichtermann. Ganymed. Mythos und Gestalt in der antiken Kunst. Berlin, 1948, стр. 69—70, табл. 15, *1*. Зихтерманн относит появление этой композиции к началу нашей эры.

[17] H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum. London, 1914, стр. 130, рис. 160. Аналогичные композиции см. R. Herbig. Ук. соч., стр. 2—7, рис. 4—15; H. Walters. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos in the British Museum. London, 1926, табл. XXXIII, № 3423; О. Ф. Вальдгауер. Античная скульптура. Петроград, 1923, стр. 144, № 360.

[18] W. N. Roscher. Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, т. II, Leipzig, 1894—1897, стр. 1927, рис. 2.

канфара, очевидно, может считаться характерной именно для книдской керамики [19].

Другая ойнохоя из Эрмитажа с изображением маски силена почти полностью совпадает по форме и размерам с предыдущей, несколько отличаясь в деталях; на ней отсутствует рельефный поясок в верхней части подставки. Добавлением является поясок рельефных овов по краю плечиков. Ручка не возвышается над венчиком и своим нижним концом закрывает часть изображения. Маска силена с выпуклым лбом, широким носом, слегка косыми глазами с углубленными зрачками, пухлыми губами имеет характерные надбровные дуги [20]. Борода передана жгутообраз-

Рис. 6. Кувшин из Эльтигена (Гос. Эрмитаж)

ными прядями (подобную трактовку бороды мы также встречаем на памятниках из Книда) [21]. На голове маски два цветка плюща с листьями, по бокам — слева плющ, справа — виноградная лоза в уже знакомой трактовке. На обратной стороне изображен канфар с двумя кистями винограда, почти полностью совпадающий с канфаром на ойнохое с Ганимедом.

Кроме амфор, ойнохой и чаш, мы можем назвать в качестве аналогии кувшин (рис. 6), найденный в Эльтигене [22] (ныне — с. Героевка Крымской обл.). Форма кувшина неправильная, тулово расширено книзу, горло короткое в виде раструба. Кувшин сформован из двух вертикальных половинок; шов плохо зачищен. На кувшине вытеснен стоящий Дионис в плющевом венке. Правой рукой он касается головы, левой придерживает ветвь винограда. Обнаженная левая нога выставлена вперед, через колено переброшен плащ, который закрывает всю правую ногу. Трактовка плаща

---

[19] Такой канфар мы видим в руках Эрота, сидящего на пантере на рельефе донышка чаши, найденного в Книде. См. C. Newton. Ук. соч., т. I, табл. LXXIV, *6*.

[20] См. C. Newton. Discoveries..., табл. X, № 9. В Эрмитаже хранится обломок фигурного сосуда из Ольвии (Эрмитаж, Ол-15247) и обломки сосудов, происходящие из Книда (Эрмитаж, Г-824 и Г-829).

[21] H. Walters. Catalogue of the Roman Pottery in the British Museum. Oxford, 1908, стр. 17, рис. 9. Аналогичное этому обломку изображение Пана встречается на фрагменте ойнофоры, опубликованном E. Bónis. Ук. соч., стр. 25, № 6. См. также CVA, Copenhague, вып. 4, табл. 185, рис. 7.

[22] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 150, рис. 170.

совпадает с плащом Эрота на амфоре из Неаполя скифского. На голове венок в виде лучеобразных лепестков. Фигура Диониса в окружении виноградных лоз повторяется в данной позе на амфоре из Гозенцо [23] и на других керамических памятниках того же времени [24]. Мотив этой фигуры также производит впечатление заимствованного с образцов монументальной скульптуры. Об этом же свидетельствует мраморный пьедестал в Карлсбергской глиптотеке с аналогичным изображением Диониса, что говорит о не дошедшем до нас известном памятнике, оригинал которого лег в основу указанных образцов [25]. Грозди виноградной лозы на кувшине Эрмитажа почти в точности воспроизводят форму гроздей на книдских монетах [26], и имеют сходство с изображениями на монументальных рельефах, найденных в Книде [27].

Канфар с левой стороны от Диониса повторяет уже знакомые формы. Стенки его украшены желобками — излюбленным приемом, повторяющимся на книдской керамике [28]. Пантера, сидящая справа от Диониса, с орнаментально трактованной шерстью также имеет аналогии в керамике Книда [29]. Маска силена на обратной стороне кувшина повторяется и на ряде других памятников собрания Эрмитажа. В Эрмитаже хранится еще один сосуд, по стилю примыкающий к этой группе. Это чаша (№ Б-2329) из собрания Новикова с округлыми желобчатыми стенками, с розеткой и концентрическими кругами на дне. Между желобками, которые в виде лепестков расширяются кверху, помещены рельефные точки — декоративный прием, характерный и для других сосудов этой группы [30]. Внутри чаши медальон с рельефным изображением мужчины и женщины на ложе. Медальон окаймлен двумя рельефными поясами с рядом выпуклых точек между ними. Интересна техническая особенность в изготовлении подобных сосудов. Медальоны формовались отдельно, что можно проследить на вышеупомянутом фрагменте с изображением Эрота, где в обломе ясно видны два слоя глины, местами отходящие друг от друга. Характерной особенностью форм для изготовления медальонов является наличие на них шипов, углубления от которых прослеживаются на всех медальонах книдской группы. Это является, по нашему мнению, одним из аргументов для отождествления их с книдской керамикой [31].

Возникает вопрос, какого вида первоначально была эта чаша. Может быть, это была патера? Ответ на это дает нам найденный в Книде обломок донышка подобной чаши с рельефным изображением Эрота, сидящего на пантере, по стилю примыкающий к изучаемой группе керамики. Вместе с ним найдены глиняная желобчатая ручка от сосуда с головой барана на конце [32]. Такая же ручка, приобретенная у Куцуракиса, по-видимому, происходящая из Книда, имеется в собрании Эрмитажа [33] (рис. 7, *1*).

[23] E. Bónis. Ук. соч., табл. III, 1A.

[24] Vente du 11—14 mai 1903. Sambon — Collection d'antiquités grecques et romaines. Paris, 1903, табл. VIII, *1*. См. также изображение на обломке краснолакового сосуда, найденного в Ольвии (Ол. 2841).

[25] Ny Carlsberg Glyptotek. Billedtavler til kataloget over antike Kunstvaerker Copenhague. 1907, табл. LXXII, № 828.

[26] Barclay V.'Head. Catalogue of the Greek Coins of Caria, Cos, Rhodes. London, 1897, табл. XVI, *4, 5* (монеты I в. до н. э.). В императорское время на монетах изображался алтарь между двумя виноградными кистями.

[27] C. Newton. Ук. соч., т. I, табл. LXIX.

[28] См. желобки на нижней части лагиноса (Б-3121) и патеры (Б-2329).

[29] См. CVA, Scheurber, вып. 2, табл. 18, *4*; R. Pagenstecher. Calena. JDAI, т. XXVII, 1912, стр. 168, рис. 18.

[30] Рельефные точки между желобками видим на плечиках амфоры из Нью-Йорка. D. M. Robinson. An Oenophorus Belonging to the Johns Hopkins University (AJA, 1909, 2 серия, том XIII, стр. 36—37, рис. 5—6). В музее в Пловдиве (Болгария, древний Филиппополь) экспонирована амфора того же стиля с подобной композицией, найденная в Пловдиве в 1955 г.

[31] GVA, Scheurber, вып. 2, табл. 18, *4, 5*; R. Tagenstecher. Ук. соч., стр. 168, рис. 18.

[32] См. C. Newton. Ук. соч., т. I, табл. LXXXIV, *6* и *10*.

[33] Эрмитаж, Б-3349.

Мы можем восстановить формы этих чаш в виде патер с желобчатыми ручками, оканчивающимися на конце головкой барана. Формы повторяют известные нам образцы бронзовых патер. Уместно здесь указать, что две глиняные патеры с рельефами — одна с орнаментом, другая с изображением борьбы гладиаторов — случайно найдены в море у острова Березани [34]; по форме и сюжету изображения можно предположить, что они также принадлежат к книдской группе.

Три пары гладиаторов украшают плечики аналогичного по стилю сосуда-лагиноса в собрании Эрмитажа (№ Б-3121). У основания ручки —

Рис. 7.

1 — ручка от сосуда; *2*, *3* — светильник; *4* — пьедестал с фигурой Геракла (Гос. Эрмитаж)

маска Медузы, по бокам ее — виноградные грозди. Нижняя часть стенок сосуда желобчатая [35]. Характер глины, грозди винограда, желобчатые стенки роднят его с только что рассмотренной группой.

Обломок лагиноса также с изображением трех пар гладиаторов найден и на Книде [36]. Между одной парой гладиаторов на земле лежит пальмовая ветвь, обозначающая знак победителя. Щиты у гладиаторов большие прямоугольные [37]. Близкая композиция борьбы двух гладиаторов с короткими мечами и прямоугольными щитами повторяется на светильниках, найденных в святилище Деметры в Книде [38]. Изображение гладиа-

---

[34] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 204. Местонахождение этих патер в настоящее время нам неизвестно.

[35] Куплен Археологической комиссией в 1915 г. Горло и ручка утрачены.

[36] H. Walters. Catalogue of the Roman Pottery British Museum..., стр. 17, рис. 10.

[37] Такой же лагинос, полностью совпадающий по форме, известен из собрания Берлинского музея (инв. № 4873).

[38] H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., стр. 195, рис. 287.

тора и пальмовой ветви имеется и на обломке щитка светильника из Херсонеса [39].

Все перечисленные выше изделия могут быть объединены в одну группу по общим стилистическим признакам и техническим особенностям. Сосуды толстостенные, тисненые в формах с дальнейшей обработкой их штампом. Выполнены они небрежно, ручки посажены криво. Подставки малоустойчивы. Следует обратить внимание на скупое применение и ограниченность орнаментальных мотивов; декоративный орнамент, широко распространенный в других группах римской краснолаковой рельефной керамики (например, керамика из Ареццо), здесь почти отсутствует.

В рассмотренной группе сосудов мы видим статуарные изображения божеств, преимущественно связанных с культом Диониса. Статуя божества выделена обрамлением виноградной лозы. Эта композиция является главной и не затемняется другими какими-либо орнаментальными мотивами. Бытовые сцены занимают незначительное место. Глина керамики светлая, розовато-желтая, с черными и белыми вкраплениями, более или менее крупными в зависимости от обработки. Лак со слабым блеском от светло-розового до коричневого, наложен тонким слоем, иногда трудно различимым [40]. Характерной особенностью сосудов являются швы, проходящие по бокам сосудов, которые после формовки не сглаживаются, а иногда даже подчеркиваются как декоративный момент, выступая в виде вертикальных поясков, разделяющих сосуды на две части. Форма для изготовления рельефов чаш имела шипы, углубления от которых наблюдаются на всех медальонах этой группы. После формовки рельефы большей частью подвергались обработке острым инструментом для усиления резкости рисунка. Некоторые детали наносились штампом. Отметим также характерный стилистический прием — трактовку отдельных предметов и деталей ритмически повторяющимися параллельными валикообразными линиями, а также валикообразное очертание контуров. Объединяющим является и некоторая грубость и угловатость изображений. Это обстоятельство заставляло видеть в них раньше варварские черты и относить упомянутые изделия к местному производству Боспора. Все эти особенности, а также определенный круг изображений находят прямые аналогии в материале, достоверно происходящем из Книда. Обилие подобного рода находок на Книде позволяет отнести их к местному производству. Это подтверждается сходством глины всей группы с глиной остродонных амфор с книдскими клеймами на ручках, а также в повторении мотивов изображения Диониса и виноградных гроздей на книдских монетах римского времени [41].

К разбираемой группе рельефных сосудов примыкает группа светильников. Переходя к ее рассмотрению, мы должны отметить их двоякое значение для данной работы. С одной стороны, они интересны как своеобразная группа книдской керамики, с другой — помогают нам определить датировку первой группы сосудов. Светильники отличаются более тщательно промытой глиной и более тонкой обработкой, что может быть объяснено их употреблением главным образом в быту, тогда как группа рельефных сосудов, очевидно, имела только ритуальное назначение. Типы светильников, происходящих из Книда, изданы в каталоге Британского музея, где эти светильники датируются I—III вв. [42].

Среди изображений на светильниках встречаются чаще всего сюжеты декоративного характера: розетки, раковины, рога изобилия, вазы с вет-

[39] О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, табл. XLVII, *499*.

[40] Е. Bónis. Ук. соч., стр. 23. Автор, описывая сосуды этой группы, отмечает отсутствие покрытия лаком. Л. Стефани по поводу ойнохои с Ганимедом высказывает предположение о возможности росписи изображения «разноцветными водяными красками», но указывает, что от них не сохранилось и следа (ОАК за 1867 г., стр. 189).

[41] Barclay V. Head. Ук. соч., табл. XVI, *3—6*.

[42] H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., стр. 92, №№ 608—610, стр. 187, №№ 1234—1321.

ками, венки, виноградные грозди, кубки, звери; человеческие фигуры встречаются реже. Характерной особенностью является орнаментация круглым штампом, а также валикообразные очертания многих изображений. Лак наложен неровно, местами с затеками. Эти особенности также роднят светильники с группой рассмотренных сосудов.

Среди светильников из святилища Деметры на Книде выделяется группа с надписью «Romanesis», вырезанной на донышке по свежей глине [43]. Один из этих светильников фигурный, в виде стоящей Артемиды (I в. н. э.).

Уолтерс отмечает нехарактерное для Рима обратное начертание «S» и предполагает, что эти светильники местного книдского происхождения, сделанные в мастерских владельца римлянина [44]. На то, что светильники с этой надписью сделаны не в Риме, указывает также Моммзен [45].

В собрании Эрмитажа имеются пять светильников с надписью «Romanesis», начертанной почти курсивными буквами на донышке по свежей глине.

1. Светильник круглый без ручки (рис. 7, *2*). На щитке изображение бюста императора Адриана в профиль, со скипетром [46] (первая треть II в). Любопытно двоякое начертание «S» в слове «Romanesis» (правильное и обратное) и дополнение надписи двумя новыми буквами «EP» (рис. 7, *3*). Уолтерс отмечает сочетание имени «Romanesis» с буквами «X» и «K» [47].

2. Светильник круглый без ручки. На щитке венок из винограда. I в. н. э. [48]. В слове «Romanesis» «S» в обратном начертании. Реплика этого типа встречалась среди находок в святилище Деметры на Книде также с начертанием этого имени [49].

3. Светильник такой же, из раскопок в Херсонесе. Надпись исполнена также с обратным начертанием «S» [50].

4. Светильник почти такой же формы из раскопок в Херсонесе с розеткой на щитке, середины I в. н. э. [51].

В этом единственном случае мы встречаем в нашем собрании правильное начертание «S» в имени «Romanesis». Подобные розетки встречаются на светильниках, найденных в Книде [52]. Фрагмент светильника с такой же розеткой происходит из Ольвии [53].

5. Светильник круглый без ручки. На щитке — коленопреклоненный мальчик, сзади на него наскакивает петух (первая треть II в.) [54]. Шея петуха выполнена параллельными врезами, перья — ромбовидными насечка-

---

[43] Там же, стр. 92, №№ 608—610; стр. 100, № 660; стр. 108—109, №№ 722—723 и 725; стр. 189, № 1246 и стр. 195, № 1293.

[44] H. Walters. History..., т. I, стр. 108; его же. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., стр. XXXVI.

[45] Corpus inscriptionum Latinarum, т. 3, Berlin, 1873, 7310, 3.

[46] Эрмитаж, Б-2731. См. О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, табл. XXI, № 216 и стр. 39.

[47] H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., стр. XXXIV; см. также «Romanesis» в сочетании с буквой «O», стр. 195, № 1293.

[48] Эрмитаж, Б-2721; О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, стр. 33, № 170. Ссылаясь на Лешке, О. Вальдгауер отмечает, что этот тип держится с начала империи до конца I в., а в Италии еще дольше.

[49] H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., табл. XVII, № 609.

[50] Эрмитаж, X, 1895, 12. См. О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, табл. 15, № 171; ОАК за 1895 г., стр. 109, рис. 266. В этой же гробнице найден еще светильник, очевидно, того же типа с изображением амфоры и растущего винограда, также с именем «Romanesis» на донышке. См. H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., стр. XXXVI.

[51] Эрмитаж, X. 1895. 21; О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, № 159; ОАК за 1895 г., стр. 111, стр. 271.

[52] См. H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., стр. 189, № 275—276.

[53] Эрмитаж, Ол. 12717.

[54] Эрмитаж, П.1854.30; О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, табл. XXXIII, № 316. Реплику изображения см. J. Bachofen. Römische Grablampen nebst einigen anderen Grabdenkmälern. Leipzig, 1912, табл. XLII, *2*.

ми [55]; трактовка мускулатуры груди сближает его с общей группой по стилю. В слове «Romanesis» «S» в обратном начертании.

К этой же группе следует отнести и светильник I в. н. э. из раскопок в Херсонесе, с двумя вытянутыми рожками и волютами, переходящими в лошадиные головы [56]. Между волютами пропущены жгуты. На щитке, окруженном рельефными точками, помещена многолепестковая розетка. Орнаментация точками, жгутами, выпуклые контуры лепестков, трактовка прядей гривы — все эти приемы указывают на принадлежность к разбираемой группе [57].

Количество книдских светильников, найденных в Северном Причерноморье, дополняется фигурными светильниками, которые занимают значительное место среди керамики Книда, но, к сожалению, мало опубликованы. Мы приведем здесь один интересный, но сильно фрагментированный экземпляр из собрания Эрмитажа (№ Б-5674), который представляет из себя обломок прямоугольного пьедестала с фигурой Геракла и основанием шишки пинии рядом с ним (рис. 7, *4*). Трактовка львиной шкуры близка к трактовке плаща Гермеса на амфоре из Неаполя скифского. Обозначение мускулатуры исполнено приемами, нами уже отмеченными. С рельефом амфоры из Неаполя скифского сближает также общность в пропорциях и передаче характера фигур. Обломок подобной шишки с чешуйками, обработанными круглым штампом, найден в Ольвии. Очень близкий фигурный светильник, изданный Бахофеном [58], позволяет датировать эрмитажный экземпляр III в.

В результате исследования группы светильников мы можем сказать, что глина в них обработана тоньше, некоторые рельефы более тщательно выполнены, чем на вазах, а характер глины и лака тот же.

Список приведенных книдских сосудов не может считаться исчерпанным. Весьма вероятно, что подобного рода вещи из Северного Причерноморья хранятся в других музеях нашей страны.

Датируется вся книдская группа описанной керамики довольно широким отрезком времени. Блинкенберг и Ф. Иогансен определяют ряд обломков, найденных в окрестностях Книда, как эллинистические [59]; Эйхлер датирует ойнофору из Паннонии IV в.[60]. Ойнофора из Балтиморы, изданная Робинсоном, датируется им III—II вв. до н. э. [61]. Е. Бониш неубедительно, на наш взгляд, относит возникновение этой группы к III в. до н. э. и считает возможным продлить существование ее до III в. н. э.

На материале светильников мы убеждаемся в том, что наиболее ранние их экземпляры относятся ко времени Клавдия (середина I в. н. э.), а наиболее поздние из них к III в. н. э. Изображение гладиаторов на книдских сосудах заставляет считать всю эту группу сосудов относящейся ко времени римской империи. Более точные датировки отдельным экземплярам рельефных сосудов дать еще затруднительно.

Изучение амфоры из Неаполя скифского позволило выделить и охарактеризовать группу книдской краснолаковой керамики с рельефными изображениями.

---

[55] См. трактовку перьев на ойнохое с Ганимедом, а также на обломке донышка с изображением Эрота.

[56] Эрмитаж, X, 1903. 115. ОАК за 1903 г., стр. 27, рис. 23; ИАК, вып. 16, 1905, стр. 49, рис. 7; О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники, № 221

[57] Очень близкий светильник, отличающийся только изображением раковины на щитке (вместо розетки), найден около Гимназия на Книде. См. H. Walters. Catalogue of the Greek and Roman Lamps..., стр. 127, рис. 156-а, № 841, Тот же тип (но без лошадиных голов) найден в святилище Деметры, см. там же, стр. 128, рис. 157, № 843.

[58] J. Bachofen. Ук. соч., табл. XLIV, *3*.

[59] Chr. Blinkenberg et F. Johansen. CVA, Copenhague, вып. 4, стр. 144, табл. 185, рис. 6—10.

[60] Associazione internazionale studi Mediterranei, Bollettino, 1931, № 3, Roma, стр. 10.

[61] D. M. Robinson. Ук. соч., стр. 36; CVA, U. S. A., вып. 7, табл. XXXIX.

До сих пор в литературе известны были только отдельные экземпляры этой группы, причем исследователи в своих публикациях интересовались главным образом сюжетом композиции. Так, Л. Стефани, разбирая подробно сюжет ойнохои с Ганимедом и правильно относя ее к римскому времени, отмечает оригинальность изображения виноградной лозы, не встречающегося в других случаях [62]. Две ойнофоры и амфора этой группы изданы Робинсоном, который, рассмотрев сюжеты и назначение сосудов и дав приблизительную датировку их (не ранее III в. до н. э.), не коснулся вопроса места их происхождения [63]. Р. Пагенштехер указывает на донышко книдской чаши и отмечает ее происхождение из Александрии [64].

Р. Хербиг [65], анализируя композицию Ганимеда с орлом, склонен считать, что донышко чаши из Гейдельберга с этим изображением относится скорее к восточным изделиям или является поздней имитацией sigillata, отрицая принадлежность его к классическим римским мастерским.

У. Хаусман относит нижнюю дату разбираемых им ойнофор к концу II в. На основании сходства лака ойнофор со светильниками, найденными в большом количестве в районе Книда, которые имеют покрытие так называемой «книдской глазурью», Хаусман ставит вопрос о локализации этой группы в западной части Малой Азии [66].

В следующей своей работе У. Хаусман относит всю группу к александрийским изделиям, что не представляется убедительным ни с точки зрения стиля, ни характера материала, на что указывает и сам автор, отмечая отсутствие сходства глины этой группы с египетской глиной. Примером может служить ойнохоя из Карлсруе с рельефным изображением головы Медузы на лицевой стороне, изданная Хаусманом [67]. Хаусман сопоставляет ее с головой Медузы на фляге из Александрии, рельеф которой носит совершенно другие стилистические черты. На наш взгляд, следует обратить внимание на орнаментацию плечиков ойнохои. С лицевой стороны по краю плечиков протянут гладкий валик, с обратной же — более нарядный поясок овов. Стык пояска овов с валиком у боковых швов приходится на разном уровне, отсюда можно заключить, что для изготовления ойнохои были скомбинированы половинки от разных форм. Следует отметить, что задняя сторона ойнохои из Карлсруе с изображением канфара с виноградными гроздьями полностью совпадает с Эрмитажной ойнохоей № Б-9010 (рис. 5), имеющей изображение маски силена, включенной нами в группу книдской керамики.

Книд в римскую эпоху являлся одним из центров греческого художественного ремесла, изделия которого обладали и в эту позднюю эпоху ярко выраженным своеобразием стиля и особенно своеобразием технических приемов.

Торговые связи Северного Причерноморья с Книдом в эпоху эллинизма были давно известны благодаря находкам ручек остродонных амфор с книдскими клеймами III—I вв. до н. э.[68]. Находки светильников с именем «Romanesis» на Книде и в городах Северного Причерноморья подтверждают наличие торговых взаимоотношений Книда с Причерноморьем и в первые века нашей эры. Из Книда вывозились, таким образом, не только оливковое масло и вино («protopos»), которым славилась азиатская Греция, но и упомянутая керамика с рельефными изображениями.

---

[62] ОАК за 1867 г., стр. 182 сл.
[63] D. M. Robinson. Ук. соч., стр. 30—38.
[64] R. Pagenstecher. Calena. JDAI, т. XXVII, 1912, стр. 168, рис. 18.
[65] См. R. Herbig. Ук. соч., стр. 3.
[66] U. Hausmann. «Οἰνοφόροι». Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, т. 69/70, Berlin, 1954—1955, стр. 126, 138—139, табл. 43—49.
[67] Его же. Iterum oinophoroi. Mitteilungen..., 1956, т. 71, кн. 1, стр. 108.
[68] S. Newton. Ук. соч., т. II, 1863, стр. 361.

В. Л. ВОРОНИНА

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ

(По данным археологии и письменных источников)

В истории Средней Азии VII—VIII века — время решительных социальных и политических сдвигов, полное крупных исторических событий и напряженной борьбы. Поэтому всякое указание письменных источников, археологические данные или исторические проблемы, связанные с этим периодом, приобретают острый интерес. Несомненно, что в ряду первоочередных проблем стоят вопросы формирования феодальных городов Средней Азии.

Изучение истории городов Средней Азии, начатое задолго до Великой Октябрьской социалистической революции В. А. Жуковским, В. В. Бартольдом и другими учеными, в настоящее время получило солидную фактическую базу благодаря работам А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама и других исследователей; в 1950 г. вышла книга В. А. Лаврова, посвященная истории градостроительства Средней Азии [1]. Однако, несмотря на крупные достижения среднеазиатской археологии, в отношении городов VII—VIII вв. исследователи оказываются в довольно трудном положении. Городища этого времени изучены мало и требуют упорных и продолжительных раскопок, а письменные источники рисуют в основном город IX—X вв., когда его структура и состав построек уже значительно изменились.

Проблема изучения городов Средней Азии VII—VIII вв. выдвигается всем ходом развития советской исторической науки. Исключительную важность этой проблемы неоднократно подчеркивал А. Ю. Якубовский, который называл такие города «дофеодальными», в отличие от городов рабовладельческой и феодальной эпох [2].

В настоящее время возникает потребность суммировать хотя бы вкратце опубликованные данные и материалы археологических изысканий последних лет, получивших особенно широкий размах. Разумеется, в краткой публикации нельзя охватить с достаточной полнотой все стороны проблемы; но если даже какие-либо детали будут упущены, подобная сводка даст общую картину и поможет впоследствии сосредоточить внимание на отдельных вопросах.

Основную тему статьи составляют города VII—VIII вв. Для иллюстрации очерка прилагается сравнительная таблица планов городищ, куда включены города, формирование и расцвет которых падают главным образом на VII—X вв. (рис. 1) [3].

Проблему формирования раннефеодального города Средней Азии можно расчленить на три основных вопроса: пути развития, структура и, наконец, фортификация, застройка и благоустройство.

---

[1] В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.

[2] А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Тр. Тадж. ФАН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 8.

[3] В смысле хронологических рамок предлагаемая таблица составлена более сжато, чем у В. А. Лаврова, где помещены планы городов, населенных гораздо позже X в. и даже существующих доныне, таких как Бухара и Хива. Однако она не охватывает всех существующих городищ данного периода.

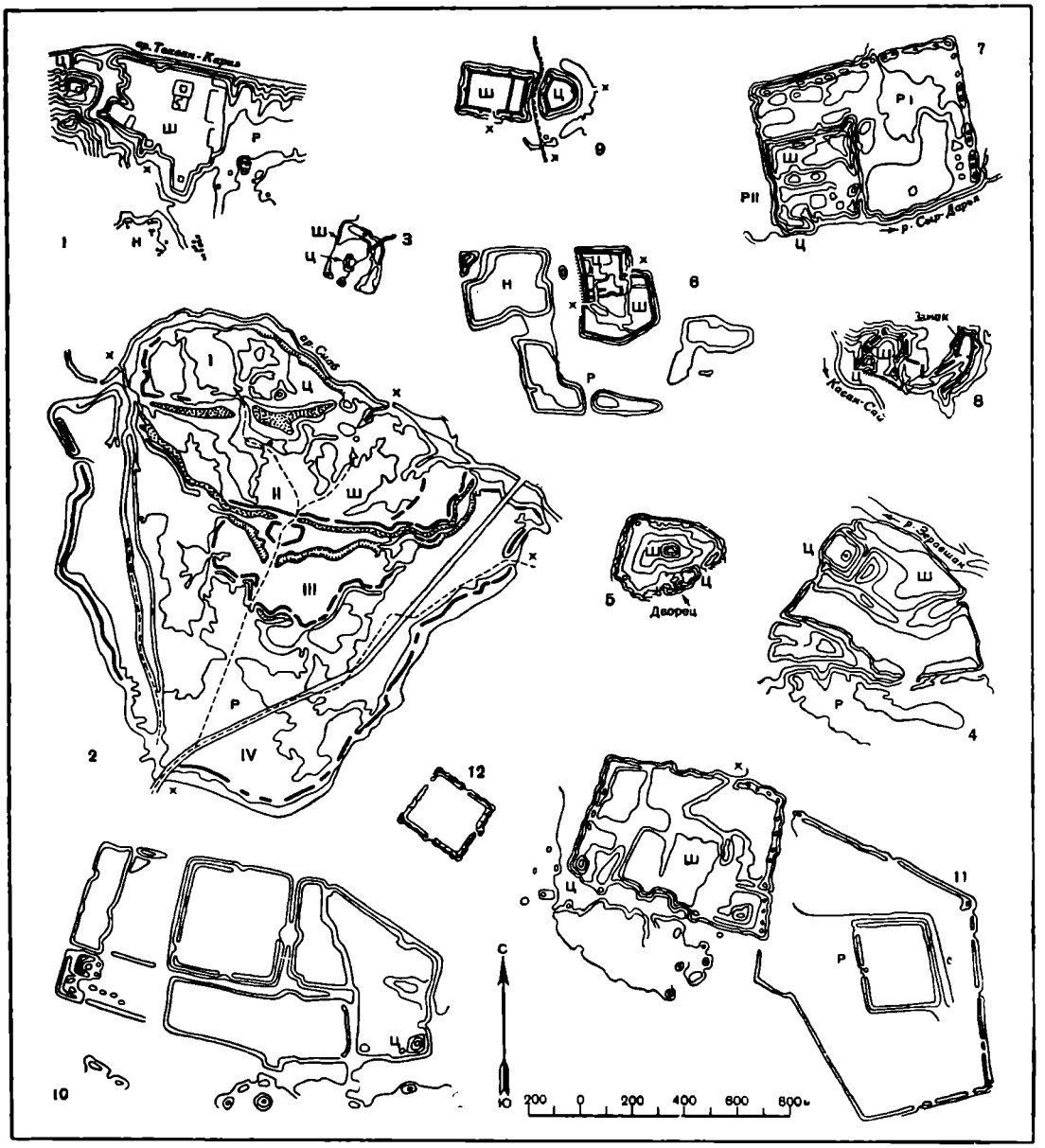


Рис. 1. Раннесредневековые городища Средней Азии

1 — древний Пенджикент (VI—VIII вв.); *2* — Самарканд (первые вв. до н. э.— XII в.); *3* — Тали-Барзу (II в. до н. э.— VIII в. н. э.); *4* — Дабусия (VII, X в. и позднее); *5* — Варахша (нач. н. э.— XI в.); *6* — Рамитан (VIII—XVII вв.); *7* — Ахси (V—VIII, IX—XII вв.); *8* — Касан (город I—VIII вв., замок VII—VIII вв.); *9* — Хосров-Кала (VIII, IX вв. и ранее); *10* — Сарыг (VIII—XII вв.); *11* — Баласагун (VIII в.); *12* — Кошой-Коргон (VIII—IX—XIV вв.); (Условные обозначения: ц — цитадель; ш — шахристан; р — рабад; н — некрополь; ворота отмечены крестом)

Планы заимствованы: *1*— из публикаций ТАЭ; *2*—по данным А. И. Тереножкина; *3*, *4* — из ТОВЭ II; *5*, *6* — из публикаций В. А. Шишкина; *9* — из Трудов ЮТАКЭ, т. II; *7*, *8*, *10*, *11*, *12* — из МИА №№ 14 и 26.

1. Формирование раннесредневековых городов

До последнего времени в литературе господствовала концепция образования средневековых городов Средней Азии при замке феодала. Предполагалось, что крепость-усадьба концентрировала вокруг себя торгово-ремесленный посад и вновь заселенная территория, окруженная со временем стенами, образовывала основное ядро среднеазиатского города — «шахристан»[4]. Эта концепция, сама по себе достаточно убедительная,

[4] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1933, стр. 4; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 38, 39; В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 50—52.

не может, однако, рассматриваться в качестве исчерпывающей и должна быть подвергнута коррективам в свете последних достижений советской археологии [5].

В действительности пути формирования феодальных городов Средней Азии гораздо многообразнее. Различные авторы касались этой темы в большинстве случаев лишь попутно. Однако если связать воедино соответствующие высказывания различных исследователей, мы получим следующую весьма интересную сводку, которая обогащает наши представления о сложении и развитии среднеазиатских городов.

а. Образование торгово-ремесленного посада при замке феодала (см. выше).

б. Возникновение города из суммы отдельных замков. По данным А. Н. Бернштама, именно таким путем образовался на месте крупной согдийской колонии город Сарыг [6].

в. Формирование торгово-ремесленного посада под защитой рабата или у стен караван-сарая. В качестве примеров можно указать средневековую Фераву, Куфен-Чугундор (Южная Туркмения) [7] и др.

г. Сложение городов на месте рынков. Как отмечает А. Ю. Якубовский, товарообмен между кочевой степью и оседлыми землями, несмотря на враждебные между ними отношения, никогда не прекращался; на этой почве в низовьях Сыр-Дарьи возникают рынки, многие из которых превращаются в настоящие города. Так вырос в IX—X вв. на границе степи и культурной полосы город Сыгнак [8].

д. Концентрация городского поселения при культовых ансамблях По мнению А. Ю. Якубовского, древний Пенджикент был главным образом религиозным центром, средоточием святынь целой округи [9]. В. А. Лавров указывает на средневековый Наринджан [10].

е. Образование городов-крепостей, ставок тюркских ханов на землях, где политическое и экономическое господство было в руках кочевников (Или, Тянь-Шань.). За стенами таких городов укрывалось во время войн население и скот, ставились шатры, следов же капитальных построек там нет. А. Н. Бернштам противопоставляет этот местный тип (Кошой-Коргон и др.) городам «согдийского типа» с цитаделью [11].

ж. Возрождение жизни в рамках античного города. В качестве примеров подобного рода С. П. Толстов называет хорезмийские Улу-Гульдурсун, Кават-Кала, Даудан-Кала [12]. Мараканда — Афрасиаб унаследовал огромную площадь города рабовладельческой формации [13].

[5] Вопрос о пересмотре этой точки зрения уже десять лет назад поднят в литературе С. П. Толстовым. См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 351; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 240.

[6] А. Н. Бернштам. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 62; его же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 55.

[7] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 48, 49.

[8] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. Сообщ. ГАИМК, вып. II, Л., 1929, стр. 124, 125.

[9] Его же. Древний Пянджикент. Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 219. Наличие крупного комплекса двух построенных рядом храмов, разумеется, говорит о большом значении религии в жизни города; однако, с нашей точки зрения, это обстоятельство явилось в данном случае следствием, а не причиной возникновения города. Главную роль играло его местоположение в качестве торгового пункта на стыке равнины и горных районов бассейна Зеравшана, что отмечено А. Ю. Якубовским в других его работах. См. А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, 1950, стр. 42; его же. Вопросы изучения пянджикентской живописи. Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 9, 10.

[10] В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 52.

[11] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 100 сл.; его же, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 85, 86.

[12] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 236.

[13] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 156.

з. Сложение городов в период оформившегося феодального строя, в X в. и позднее, протекавшее без образования цитадели «арка» [14].

Приведенные примеры показывают большое многообразие в сложении среднеазиатского феодального города.

Отсюда, однако, не следует, что в сложении среднеазиатского города не было закономерностей. Они были обусловлены рядом социальных и географических факторов, в первую очередь типом хозяйства. Но из сказанного видно, что при определении путей развития среднеазиатского города нельзя руководствоваться какой-либо одной предвзятой схемой. Пора поставить проблему сложения среднеазиатского города во всей ее многогранной сложности.

2. Структура раннесредневековых городов

Как известно, в работах В. В. Бартольда установлена трехчастная структура среднеазиатских городов раннего средневековья: дофеодальное городское ядро — «шахристан», цитадель — «диз» и нарастающий у их стен ремесленный пригород — «рабад» [15]. Открытия современной археологии дают повод оспаривать универсальность этой схемы [16].

Средневековый город Средней Азии в известных условиях мог быть одночастным. С другой стороны, число составных частей города могло увеличиваться путем введения или выделения некоторых дополнительных элементов. Известно, какую видную роль в жизни средневековых городов Средней Азии играл некрополь, который окружал Бухару, нарастал крупными массивами Шахи-Зинда в Самарканде и Султан-Саадат — в Термезе. Роль некрополя раннесредневековых городов также была значительной; правильно очерченный некрополь Рамитана по площади почти равен шахристану и цитадели вместе взятым. Поэтому мы вправе поставить вопрос о том, что некрополь должен учитываться в качестве обособленной части города. Структуру Рамитана и древнего Пенджикента можно рассматривать в этом случае как четырехчастную. В ряде случаев дворец правителя выносится за стены шахристана и рабада, по существу составляя самостоятельную часть города (Кеш) [17].

Следует также иметь в виду, что названные выше три части города определяются их социальным значением, но топографически каждая из них далеко не всегда представляет собой единое целое. Рабады нередко вырастали в количестве двух-трех одновременно или же постепенно, у разных ворот шахристана [18]. Обычны и расчлененные шахристаны; таким был по географическим условиям Узген [19], Ферава состояла из трех (или даже четырех) разделенных стенами крепостей [20] и т. д. Наконец, даже цитадель могла быть не единственной; по данным Б. А. Литвинского, в Шехр-Исламе их было две [21].

Таким образом, трехчастная структура не является непреложным законом для раннесредневековых городов Средней Азии. Сказанное, однако, не опровергает заключения В. В. Бартольда, которое явилось в свое

---

[14] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 240.

[15] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 12.

[16] Вопрос о пересмотре трехчастной схемы неоднократно поднимался в литературе. См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 240; М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения южного Туркменистана. ИАН Туркменской ССР, Ашхабад, 1951, № 1, стр. 95.

[17] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 134.

[18] Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II, стр. 259; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений Южного Казахстана. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. V, Алма-Ата, 1958, стр. 74.

[19] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., рис. 109.

[20] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 292.

[21] Там же, стр. 257.

время неизбежным результатом изучения письменных источников. А. Ю. Якубовский указывал, что обобщение В. В. Бартольда отнюдь не может быть распространено на все города Средней Азии, но закономерно для очагов земледельческой культуры Мавераннагра [22]. Изучение памятников Южной Туркмении, Казахстана и Киргизии показывает, что трехчастная схема городов фактически имела место далеко за пределами Мавераннагра.

Попытаемся охарактеризовать отдельные элементы трехчастного города и их взаимосвязи.

Шахристан. По В. А. Лаврову, для раннесредневековых городов Средней Азии в общем типичны: 1) неправильный план, 2) пересечение накрест главных улиц, 3) примыкание цитадели к одной из стен шахристана, 4) использование для фортификации природных условий местности [23].

Надо сказать, что эти признаки неодинаково точны. Одни из них, слишком общие, могут быть с равным успехом отнесены к более поздним городам Средней Азии и даже Руси и Западной Европы; другие более локальны, но тем не менее нуждаются в коррективах.

Неправильный план — следствие стихийного роста — отличает города раннефеодального времени от регулярных поселений рабовладельческого периода; но та же черта распространяется и на города позднего средневековья. Прилагаемая таблица к тому же показывает, что далеко не всегда шахристан и даже рабад отличались неправильной конфигурацией плана. Использование условий местности свойственно всякому укрепленному городу или поселению как на Востоке, так и на Западе [24]. В том и другом случае многое зависело от характера местности, и нетрудно заметить, что близкие условия порождали сходство в плане и приемах фортификации. В этом отношении древний Пенджикент, примыкающий одной стороной к обрыву плато, сближается с Термезом и Самаркандом того же времени. Пересечение накрест главных улиц характерно для городов, свободно лежащих на равнине при наличии четырех ворот (Хива, Кеш, Мерв и др.); но при меньшем числе ворот правильное скрещивание главных улиц отпадает и практически наблюдается довольно редко. Что касается связи цитадели с шахристаном, то, как видно на примере Пенджикента и других городов, она далеко не всегда имела место.

Попробуем, насколько позволяет материал, углубить характеристику шахристана. Отметим прежде всего упомянутую выше любопытную особенность разделения шахристанов на две и более частей. Если в некоторых случаях такое членение явилось естественным следствием постепенного расширения города (Афрасиаб, Пайкенд), а в других диктовалось топографией местности (Узген), то в ряде случаев правильное деление надвое прямоугольного городища заставляет подозревать преднамеренное дробление территории города. Согласно некоторым руководствам по фортификации, при разделении города стеной преследовалась цель постепенной его обороны [25]. Интересную мысль подсказывает нам трактат зодчего и теоретика итальянского ренессанса Альберти, который подчеркивает желательность расчленения города естественными или искусственными преградами с тем, чтобы было удобнее подавлять движение народных масс [26]. Легко себе представить, как было кстати это правило

---

[22] А. Ю. Якубовский. Итоги работ..., стр. 16.

[23] В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 51, 59, 61, 62.

[24] Так, умелое использование топографии не раз отмечалось для русских средневековых крепостей. См., например, В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв. СА, 1957, № 1, стр. 132, 140.

[25] Ц. Кюи. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1889, стр. 22, 24.

[26] Леон Батиста Альберти. Десять книг о зодчестве, т. I, М., 1935, стр. 134.

для Мавераннагра в пору восстания Муканны, да и при выборе места для Узгена раздробление природного массива, очевидно, рассматривалось именно с этой точки зрения как известное достоинство.

Ворот в раннесредневековых городах Средней Азии, если говорить о шахристане, было обычно четверо — по четырем сторонам города. Однако не следует считать это число твердо установленным; иногда в шахристане было по трое ворот (Бинкет), в небольших городах — по двое (Бунджикат, Рамитан) или даже всего одни (Данденакан, Сыгнак) [27]. Известен лишь один случай, когда число ворот было более четырех (в шахристане Бухары их было семь) [28].

Когда заходит речь о типе внутригородской застройки, принято цитировать следующий текст Наршахи: «Среди города были замки, и некоторые кварталы были отделены и удалены один от другого подобно селениям» [29]. Эти слова трактуются в том смысле, что внутри города были те же укрепленные усадьбы-кёшки, которые обычны для VII—VIII вв., например, в Хорезме, и различие сводилось главным образом к тому, что постройки эти были сосредоточены на небольшой площади и обнесены городской стеной [30]. Таким же образом истолковывается одно из мест в тексте Худуд ал-алем, касающееся раннесредневекового Мерва: «Внутри его много дворцов (кошк)» [31]. Мы считаем, однако, рискованным полагаться на приведенное отрывочное указание Худуд ал-алем, так как характер застройки из него не вытекает, а сам термин «кёшк» имеет довольно широкое значение: он мог означать просто «здание» или «богатое здание» [32]. Таким образом, краткое свидетельство Наршахи остается по существу единственной характеристикой особенностей городской застройки времени арабского завоевания в письменных источниках.

Раскопки древнего Пенджикента позволяют сопоставить свидетельства письменных источников и данные археологии. В шахристане городища выявляется ряд слитных жилых комплексов. Усадебный характер раннесредневекового городского жилища, на котором так настаивал А. Ю. Якубовский [33], должен быть в настоящее время решительно отвергнут: тип городской застройки древнего Пенджикента, образующей целые кварталы, более отвечает указанию Истахри на «дом рода» знатных горожан древнего Мерва [34]. Вместе с тем эта застройка обнаруживает известные регулярность и градостроительные начала, которые сказываются в ансамблевом решении храмовых комплексов с их площадями, в правильной фасадной линии здания III, в согласованной ориентации городских построек. В целом древний Пенджикент являет собою картину гораздо более зрелого феодального города, чем представляется из описания Наршахи.

Известно, что среднеазиатские города в пору раннего феодализма делились на кварталы по социальному и племенному признаку. О Мерве говорится, что он был разделен на четверти с определенными границами; примерно то же находим у Наршахи в отношении Бухары [35]. Вероятно, нечто подобное было в древнем Пенджикенте, где раскопки начаты с самого богатого городского квартала.

---

[27] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 165, 171; МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 188, 195; В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 35—38, рис. 17; А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака, стр. 142.

[28] В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 102.

[29] М. Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 69.

[30] А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения..., стр. 10; В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 53; История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 181, 182.

[31] МИТТ, т. I, стр. 213.

[32] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 35

[33] А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения..., стр. 13; История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, стр. 181, 182.

[34] МИТТ, т. I, стр. 173.

[35] Там же, стр. 173; М. Наршахи. Ук. соч., стр. 70.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о размерах городов раннего средневековья. Из них лишь некоторые занимали значительную площадь. По праву гигантом считается Мерв, шахристан которого достигал солидной цифры — 400 *га*. Самарканд, не считая рабада, покрывал площадь около 65 *га*, а в целом свыше 200 *га* с периметром стен до 6*км*. Шахристан Бухары занимал 30—35 *га*. К крупным городам можно отнести и Баласагун с шахристаном в 35 *га*. Но в большинстве города этого времени были невелики. Например, Пенджикент с площадью шахристана около 13 *га* был меньше Пайкенда, имевшего 2 *км* по контуру стен и площадь до 20 *га*, но больше крошечного Касана с периметром стен всего 600 *м* и приближался по размерам к Дабусии, где шахристан составлял примерно 400×480 *м* [36].

Цитадель. Цитадели были весьма различны по своему положению в плане города, по абсолютным и относительным размерам, а также, по-видимому, по своей структуре.

Существуют три варианта размещения цитадели относительно шахристана: 1) в системе городских стен, 2) внутри стен, 3) вне стен.

В первом варианте различают еще два случая: а) цитадель расположена на углу шахристана, б) на одной из его сторон. В приводимой таблице (см. рис. 1) первый случай (Ахзи, Баласагун, Сарыг и др.), пожалуй, преобладает; ко второму относятся Афрасиаб, Дабусия, Варахша. Связанная с оградой шахристана цитадель имела иногда двое ворот, открывавшихся в шахристан и в рабад (Бинкет, Бухара).

Ко второму варианту относятся городища Тали-Барзу и Кафыр-Кала под Самаркандом, Джуль и др.

Наконец, третий вариант городища с цитаделью, отделенной от шахристана, встречается довольно редко. К типу раздельных городищ принадлежат, насколько известно, лишь древний Пенджикент и Хосроу-Кала в Южной Туркмении. Однако, если судить по письменным источникам, для своего времени отделение цитадели от шахристана являлось отнюдь не исключительным, а скорее характерным явлением; такова была доарабская Бухара, раннесредневековые Бунджикат (отождествляемый в настоящее время с Ура-Тюбе) и Ахзи. Более того, по Мукаддаси, Узгенд, где цитадель входила в состав шахристана, именно этим отличался от прочих городов [37].

Отметим, что положение цитадели в плане города могло со временем меняться. Так, по мысли В. А. Шишкина, в центральной части городища Варахши лежат остатки более древней цитадели [38]. Предполагаемые две цитадели Шехр-Ислам могли возникнуть и функционировать разновременно.

Состав застройки самой цитадели был также неодинаков. Различаются следующие основные случаи: 1) цитадель сочетает жилую башню, донжон-«кёшк», со двором (все в целом можно назвать «кахом»), 2) цитадель представляет собой кёшк, лишенный двора, 3) цитадель состоит из двора без кёшка. В качестве примера первого рода можно назвать цитадель древнего Пенджикента, примером второго рода является варахшинская цитадель; цитадель Хосроу-Кала представляет собой полигон крепостных стен с башнями без следов донжона.

---

[36] Цифры заимствованы из следующих работ: В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, стр. 111; А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 52; его же. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. ТОВЭ, т. II, стр. 155; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 233; площадь Самарканда и Баласагуна — по планам.

[37] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 102, 157, 161, 167.

[38] В. А. Нильсен. Варахшская цитадель. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Ташкент, 1956, стр. 86.

Наконец, размеры цитадели, как абсолютные, так и относительные, также колеблются в широких пределах. Например, цитадель Баласагуна занимает сравнительно с шахристаном ничтожную площадь, тогда как в Хосроу-Кала цитадель равна примерно половине шахристана, а в Рамитане — по крайней мере двум третям последнего.

Чем же вызвано это многообразие форм?

Очевидно, расположение цитадели по отношению к шахристану не случайно и в каждом отдельном случае диктовалось определенными условиями. Возможно, что эти условия в какой-то мере зависели от путей формирования города и от функций цитадели.

Функции цитадели, разумеется, связаны с составом ее построек. Однако о них известно очень немного.

Письменные источники сообщают, что цитадель далеко не всегда была местопребыванием правителя [39]; зато почти всегда там помещалась тюрьма. Более точных сведений о характере построек цитадели древние авторы не дают; к тому же они рисуют цитадель на более позднем этапе развития, когда круг ее функций, очевидно, расширился.

К настоящему времени полностью изучена раскопками только одна цитадель VII—VIII вв., варахшская; раскрыты кёшк и часть двора пенджикентской цитадели [40]. Варахшская цитадель состоит из компактного гофрированного здания и более поздней пристройки. По мнению В. А. Нильсена, первая являлась резиденцией владетеля, вторая — казармой гарнизона [41]. Оригинальна структура пенджикентской цитадели. Расположенная на плече холма, она имеет в плане очертания четырехугольника, распадающегося на внешнюю и внутреннюю зоны; внешнюю зону составляют широкий подъемный пандус и двор, огибающие с трех сторон квадрата внутреннее укрепление, в углу которого высится кёшк. По высоте эта система расчленена на три яруса: естественная возвышенность, искусственная платформа внутреннего укрепления, глинобитный цоколь донжона (всего 25—30 *м* над уровнем современной грунтовой дороги, огибающей подножие цитадели). В целом цитадель с постепенно повышающимся кулуаром внешней зоны представляет собой подобие зиккурата, причем кёшк соответствует его вершине. Таким образом, пенджикентская цитадель, очевидно, является типом спирального сооружения, где кёшк занимает положение центра спирали или ее «глазка». Это аналогия джетыасарским «спиральным домам» (которую в свое время безуспешно искал на территории Средней Азии С. П. Толстов [42]) с тем небольшим отличием, что в основе построения лежат не плавные кривые и не многоугольник, а квадрат.

Но различие в структуре варахшинской и пенджикентской цитаделей не объясняет, почему первая заключена в кольцо стен городища, а вторая находится вне его. Скорее, напротив, такое различие является не причиной, а следствием неодинакового расположения цитадели в плане города: варахшинская представляет собой более лаконичный вариант организации, поскольку она находилась в системе шахристана, пенджикентская же должна была иметь самостоятельные дворы, укрепления и комплекс обслуживающих построек. Разумеется, в основном цитадель служила военным постом, помещением гарнизона, последним убежищем в случае осады. Однако этим не исчерпывается ее назначение.

---

[39] По мнению В. А. Лаврова (см. В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 61), посреди города находилась цитадель с дворцом правителя, что, однако, опровергается письменными источниками.

[40] В. А. Нильсен, Ук. соч.; А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, № 15, 1950, стр. 81—93; Б. Я. Ставиский. Раскопки жилой башни в кухендизе пянджикентского владетеля. МИА, № 15, стр. 94—99.

[41] В. А. Нильсен. Ук. соч., стр. 88.

[42] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 26—28.

Возможно, что кое-какие разъяснения мы найдем в уже упоминавшемся труде Альберти. Последний неоднократно подчеркивает зависимость характера городской фортификации от взаимоотношений основной массы горожан и правителя. Вот отрывок из его труда: «...крепость должна давать возможность беспрепятственных вылазок, чтобы можно было нападать на врагов, на граждан и на своих солдат, если того потребует мятеж или измена, и чтобы можно свободно вызвать подмогу от своих или извне...» [43]. Таким образом, назначение цитадели — противостоять не только чужеземному войску, но в случае надобности и народным восстаниям: она была оплотом феодальной власти не только против внешних, но и против внутренних врагов.

Нельзя ли в таком случае поставить в связь расположение цитадели в плане города и социальную обстановку данного времени? Не в этом ли ключ к решению вопроса?

Такое объяснение представляется веским. Три варианта цитаделей соответственно могут быть истолкованы следующим образом. Цитадель посреди города служила оплотом не только правящей верхушки, но в значительной части и массы горожан; отрезанная от внешнего пространства, она была мало приспособлена к борьбе с собственной «чернью» и оказалась бы западней в случае народного восстания. Цитадель в системе стен равно удобна для сопротивления внешнему и внутреннему врагу, принимает подкрепление извне и открывает путь к отступлению. Наконец, цитадель вне шахристана выявляет картину полного отчуждения власти и городского населения; это как бы эмблема обостренных социальных противоречий, которыми сопровождалось развитие феодального строя.

Приведенные соображения как будто находят подтверждение в археологической практике. Вспомним предположение о существовании более ранней цитадели Варахши, стоявшей посреди города, тогда как более поздняя возникла на его границе.

С этой точки зрения любопытны также руины Касана VII—VIII вв., где рядом с шахристаном стоял «замок правителя». Этот замок тюркских завоевателей, поставленный на командной точке по отношению к городу и прилежащей местности, возник позже самого города [44]. По существу касанский замок с его скалистым пандусом меж двух параллельных стен является наиболее близкой аналогией пенджикентской цитадели (там и здесь изолированное от шахристана командное положение, связующие стены, пандус). Случайно ли это сходство и нет ли каких-то сближающих моментов в судьбе обоих городов? Почему, например, в живописи Пенджикента изображены кое-где правители и военачальники с тюркским типом лица? Укажу также на любопытную особенность рельефа городища: современный уровень северо-западного угла шахристана не уступает цитадели. Не скрывается ли здесь более древняя цитадель, соответствующая ранним слоям застройки городища? Последующие раскопки должны раскрыть не одну загадку древнего города.

Рабад и окрестности города. Развитие рабада соответствовало укреплению феодальных отношений. Для VII—VIII вв. понятие рабада является довольно условным, поскольку он не всегда был ограничен стеной. Рабад Бухары был обнесен стеной уже после арабского завоевания [45]. А. Ю. Якубовский отмечает в системе бухарского Кампырдувала пять городов, некоторые довольно значительных размеров (как, например, Дабусия), но нигде не упоминает о стенах рабада [46]. Письменные источники, однако, указывают, что Кят во времена арабского завое-

---

[43] Л.-Б. Альберти. Ук. соч., стр. 140.
[44] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 236, рис. 94, 97.
[45] М. Наршахи. Ук. соч., стр. 47.
[46] А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция...

вания уже состоял из трех частей [47]. Рабады семиреченских городов Сарыга и Баласагуна в рассматриваемый период, очевидно, уже были окантурены стенами.

В раннее средневековье наряду с укрепленными городами существовали отдельные замки-усадьбы. Такие усадьбы, «кёшки», сконцентрированные вокруг определенного города и ему подчиненные, образовали населенный район — «рустак». Разведки и раскопки на землях Согда и Усрушаны показывают наличие в VII—VIII вв. множества таких замков; работы в Семиречье выявляют большое разнообразие внегородской застройки — кёшки, небольшие крепости «турткули» и т. д. [48]. Не только город с близлежащим пригородом, но и целый рустак окружался стеной. В Чуйской долине наблюдается характерный местный тип городищ, имеющих относительно небольшое центральное ядро (шахристан?) с цитаделью и два обширных кольца стен, из которых первое включало рассредоточенную застройку усадебного типа, второе, лишенное застройки, окружало, по-видимому, сады и пашни [49]. Районная стена Мерва ар-Рай охватывала «все городские поселки» на территории до 250 *км*^{2}. При наличии огороженного рустака, вероятно, отпадала необходимость защищать стеной ближайший пригород шахристана, и, таким образом, рабад как бы растворялся в пространстве рустака.

Итак, для раннего средневековья устанавливается целая система соподчинения городской и сельской застройки. В этом отношении не является исключением даже Хорезм, где в VII—VIII вв. преобладало усадебное расселение, но мелкие замки концентрировались вокруг более крупных, примером чему может служить рустак Беркут-Кала; закономерность соподчинения города и рустака выявляется здесь более рельефно в XI—XII вв. (например, рустак Кават-Кала).

3. Фортификация, застройка и благоустройство раннесредневекового города

Вопросы застройки раннесредневековых городов Средней Азии могут быть поставлены лишь в настоящее время и в основном благодаря раскопкам древнего Пенджикента. Здесь должен быть выделен в первую очередь малоизученный, но важный вопрос фортификации городов.

Фортификация являлась первым необходимым условием существования средневековых городов. При возведении города всегда стремились по возможности обеспечить хотя бы с одной стороны естественную преграду; города располагались на обрывистом берегу, на мысу. Практиковалось, кроме того, искусственное заболачивание местности [50]. Тип оборонительных сооружений был тесно связан с уровнем развития военной техники — видами оружия, приемами боя. Основным оружием полевого боя являлись лук и стрелы, большую роль играла конница, вооруженная луками, копьями, мечами. Из письменных источников известно, что при осаде крепостей применялись осадные машины, баллисты, подкопы, лестницы и, очевидно, зажженные стрелы [51].

Крепостные сооружения широко обследованы в Хорезме, но очень мало известны в восточных областях Средней Азии. Укрепления VII—VIII вв. остаются почти совсем неизученными. Но даже те немногие дан-

---

[47] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 143, 144.

[48] См. О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Тр. ТАЭ, т. II, МИА, № 37, 1953, стр. 189 и сл.; А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950.

[49] П. Н. Кожемяко. Из истории раннесредневековых поселений Чуйской долины. Тр. Ин-та истории АН КиргССР, вып. IV, Фрунзе, 1958, стр. 134, сл.

[50] А. Н. Бернштам. Памятники старины..., стр. 60.

[51] К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 49, 81; М. Нершахи. Ук. соч., стр. 92.

ные, какими мы располагаем, будучи приведены в известную систему, представляют значительный интерес.

Главным, почти повсеместным материалом при возведении оборонительных сооружений служили пахса и сырец. Основные элементы оборонительных сооружений — городские стены, башни, защита ворот и, наконец, цитадель.

Самый существенный элемент обороны — городские стены довольно хорошо изучены в Хорезме, где они имели во времена рабовладельческого строя массивное основание и галерею для стрелков в верхней части, крытую сводом или балочным потолком; галерея связывала между собой выступающие наружу крепостные башни. Это устройство в основном сохранилось у раннесредневековых Базар-Калы и Беркут-Калы, но оно заметно изменяется в XI—XII вв. Известные образцы крепостных стен

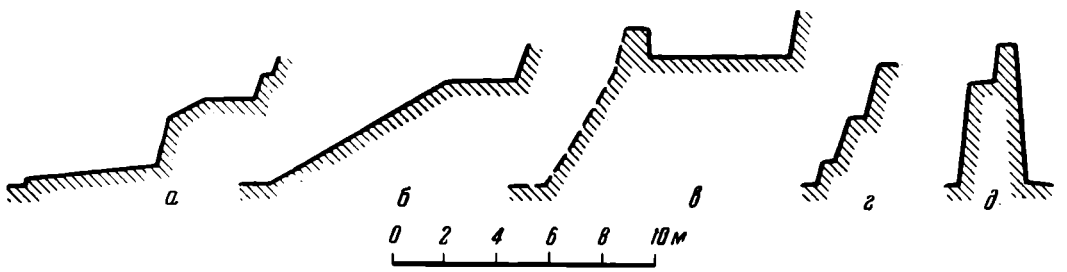


Рис. 2. Элементы фортификации раннесредневековых городищ Средней Азии

а — подножие городских стен Нисы; *б* — древнего Пенджикента; *в* — Улу-Гульдурсун; *г* — профиль стены древнего Пенджикента (внутренняя сторона); *д* — профиль стены Термеза XI—XII вв.

средневековых городов Мавераннахра отличаются весьма простым поперечным профилем (рис. 2). Термезские стены, отвесные с внутренней стороны, имели сверху открытый ход для стрелков, защищенный тонким брустверо м. Пенджикентские стены обрывались внутрь города тремя ступенями, подобное устройство давало возможность защитникам города подняться на стену в любом ее месте. Внешняя поверхность стен (в соответствии с обычными требованиями фортификации) была слегка покатой. Завершение стен не сохранилось; не исключено, что оно было зубчатым: стеновые зубцы не раз упоминаются в описаниях[52]; фигурируют они и в настенных росписях.

Помимо профиля крепостных стен, в разрезе следует обратить внимание на устройство их основания или цоколя, которое бывает вынесено наружу и образует нечто вроде ступеньки или бермы. Эта особенность наблюдается у южных стен пенджикентского шахристана, причем берма достигает высоты 4 *м* над уровнем прилегающей местности, а откос ее составляет около 30° (рис. 2). Таким образом, в Пенджикенте мы имеем, видимо, начальную фазу развития определенного элемента фортификации. Правда, в стенах Старой Нисы получил мощное выражение цоколь двускатного профиля, парализующий, по мнению Г. А. Пугаченковой, действие стенобитных машин[53]. Однако подобный цоколь независимо от его масштабов по своему назначению едва ли имеет что-нибудь общее с бермой, о которой идет речь. Напротив, можно без труда найти родственные черты в хорезмийских укреплениях XI—XII вв., где берма достигает своего наивысшего развития и образует вокруг городских стен широкую панель, обнесенную дополнительным брустверо м. В специальной военно-инженерной литературе эти дополнительные стенки

---

[52] Например, стены Самарканда. См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 86.

[53] Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. ИАН ТуркмССР, 1952, № 1, стр. 20.

оцениваются как противоштурмовые[54]. Однако эта краткая характеристика не дает конкретного понятия о назначении подобной системы. Может быть, пристенные бермы в комбинации с далеко вынесенными башнями служили для вылазок гарнизона во время атаки противника? Как бы то ни было, эти бермы были весьма существенным элементом обороны города. Весьма вероятно, что именно они фигурируют в летописях Рашид-ад-дина под термином фасил[55] (в переводе «гласис»).

В плане линия городских стен иногда образует изломы в соответствии с требованиями раннесредневековой фортификации; эта особенность отмечена А. И. Тереножкиным на Афрасиабе и Б. А. Литвинским в Шехр-Исламе[56].

Иногда одиночная линия укреплений казалась недостаточной, и в некоторых городищах мы находим двойную, даже тройную систему стен. Так, двойная линия стен наблюдается в старом Термезе, в городище Шахристан II в Шахристане, а в древних укреплениях Ура-Тюбе прослеживаются даже тройные стены[57]. По сообщению Бируни, цитадель Кята была обнесена тройной стеной; по-видимому, расстояние меж двойными стенами в некоторых случаях могло быть значительно расширено, так как о средневековом Бинкете говорится, что у него два ряда стен, из которых внешняя имеет семь, а внутренняя — десять ворот (если здесь не идет речь о двух разновременных стенах рабада)[58].

Городские стены дополнялись снаружи рвом, который мог располагаться также между двойными стенами.

Стены городов снабжались крепостными башнями, которые являлись основными узлами обороны в системе городских стен. Расстояние между башнями не должно было превышать двойного полета стрелы. Башни различались по формам (конфигурации плана), устройству, местоположению (угловые, стеновые и др.). Прямоугольные очертания плана башен античных городов вытесняются к VII в. круглыми и овальными. Закономерность этого перехода поясняется в трактатах Витрувия; выступающие углы были слишком уязвимы для стенобитных машин[59]. Главное отличие в устройстве — закрытый и открытый тип башен. К первому относились всегда башни античных городов, связанные стеновым ходом. Расчищенная башня пенджикентского шахристана открытого типа представляет собой как бы выступающую наружу кулису.

Кроме стеновых, существовали выносные башни, которые ставились на некотором расстоянии от стен и давали возможность усилить фланговый обстрел неприятельского авангарда. Выносные башни, очевидно, составляют особенность средневековой фортификации; по крайней мере, образцы такого рода в городищах более раннего времени нам не известны. Такие башни ставились в первую очередь там, где требовалось усиленное укрепление. Выносная башня защищала, например, подступ к южным воротам пенджикентского шахристана; в Кафир-Кале целая система выносных башен охраняла цитадель. Как свидетельствуют памятники Хорезма, выносные башни получили максимальную роль в среднеазиатской фортификации XI—XII вв., упраздняя в некоторых случаях систему стеновых башен, за исключением угловых. Великолепная крепость Улу-Гульдурсун была снабжена поставленными по одной оси

---

[54] В. Огородников. Фортификация древнего Хорезма. Военно-инженерный журнал, 1950, № 5, стр. 47.

[55] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М., 1952. Упоминается разрушение монголами крепостной стены и гласиса Самарканда (стр. 207), Балха (стр. 218) и т. д.

[56] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 255.

[57] О. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 198, 208.

[58] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. 11, стр. 143.

[59] Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского, М., 1936, стр. 33.

парными башнями (рис. 3), причем на углах получалась также двойная система башен. При этом если башни Улу-Гульдурсун могли соединяться со стеной посредством перекидных деревянных мостков, то выносные башни кафир-калинской цитадели были совершенно обособлены, и стрелки, находившиеся в них, были предоставлены самим себе; внешне эта особенность сказывалась в высоком пахсовом цоколе башен, в камеру которых можно было проникнуть лишь по приставной лестнице.

Система выносных башен Хорезма, связанных между собой лентой бермы, говорит о том, что противника стремились не допустить к самой

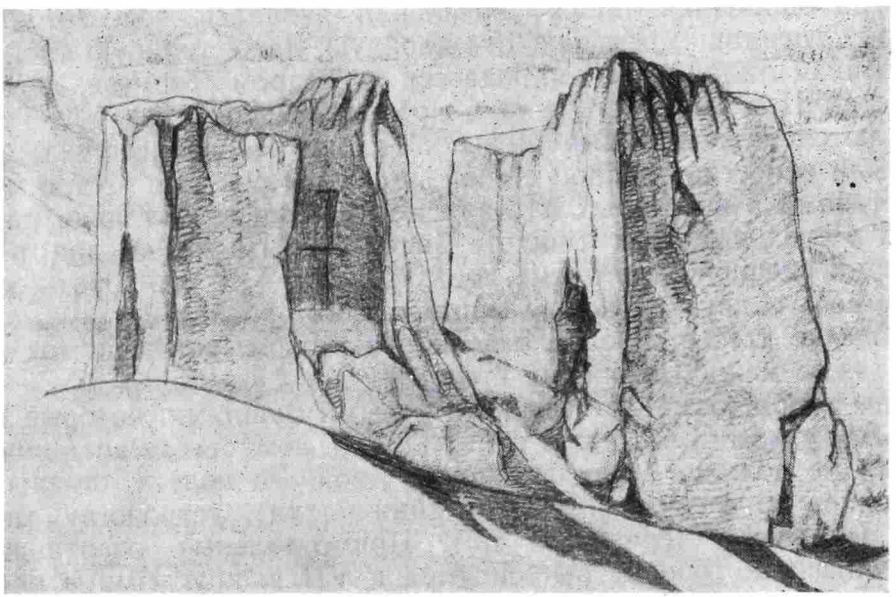


Рис. 3. Выносные башни Улу-Гульдурсун. Рисунок автора

городской стене. Такая система обороны находит близкую параллель в укреплениях средневекового Ирана, образцом чего могут служить городские стены Иезда XII—XIV вв. [60].

Для обороны ворот служили предвратные лабиринты, хорошо изученные в крепостях Хорезма. Подъезд к южным воротам пенджикентского шахристана начинался с запада от выносной башни и шел узким коридором между крепостной стеной и дополнительным валом. Попадая в город, неприятель встречал заслон высоких построек с поворотом вправо.

Важнейшим элементом городской обороны являлась цитадель, защищенная собственной системой стен и башен; о ее двойной функции говорилось выше.

В древних постройках Средней Азии обращает на себя внимание любопытная черта — так называемые «гофрированные стены». Отмеченные уже в античных крепостях, они весьма характерны для средневековых укреплений на всей территории Средней Азии. Известны и крепостные стены (например, Чалдывар), выполненные в этой манере, однако гофры составляют принадлежность главным образом, кёшков, цитаделей, башен. О роли и происхождении гофр было высказано в печати немало предположений. Одни исследователи полагают, что гофры являются трансформацией некоторых крепостных или архитектурных деталей — башен, бойниц, пилястров и т. д.[61]. Этому мнению противоречит сама распространенность гофр, которая показывает, что они вовсе не реминисценция,

[60] SPA, т. II, 1938—1939, рис. 442 *а*.

[61] А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме. СА, VI, 1937, стр. 184; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 139; В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 64.

а функционально важный элемент стены. Другие выдвигают версию конструктивного значения (пространственная жесткость стены, сопротивление выветриванию [62]). К этому склонялся в свое время и автор предлагаемой статьи [63]. Однако несмотря на явные конструктивные преимущества гофрированных стен, основное их назначение — оборонительное. Дело в том, что такая стена лучше противостоит каменным ядрам, которые скользят по ее ребрам и теряют часть ударной силы. Эту особенность конструкции открывает нам опять-таки трактат Альберти [64], а заимствованный из комментариев рисунок наглядно ее поясняет (рис. 4).

Наконец, необходимо сказать несколько слов о внегородских оборонительных сооружениях. Кроме упоминавшихся выше стен, ограждающих целый пригородный район, в систему оборонительных сооружений входили сторожевые башни; они размещались цепью вдоль дорог с расчетом взаимной видимости двух соседних башен и служили для сигнализации о приближении неприятеля.

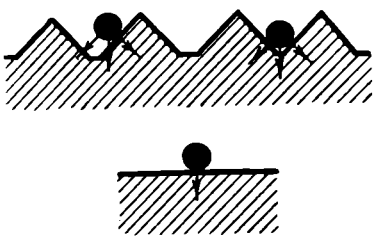


Рис. 4. Действие удара ядер на стены с гладкой и гофрированной поверхностью

Приемы средневековой среднеазиатской фортификации имеют много общего с западными. Можно указать на примеры тройной системы городских укреплений, употребление сигнальных башен [65], предвратных лабиринтов и т. д. Однако мы не можем указать на средневековом Западе чего-либо похожего на систему бермы с выносными башнями. Пограничные стены типа Кампыр-дувала находят аналогию в «змиевых валах» на территории Украины [66], а на Дальнем Востоке — в мощном поясе Великой китайской стены.

Городские постройки. В результате археологического изучения последних лет (особенно раскопок Пенджикента) раннесредневековый город открывается как сложный и многогранный организм, в корне отличный от «античных» среднеазиатских городов с их размеренной планировкой. План его сильно расчленен, а типология построек многообразна. Раскопки выявляют следующие типы зданий: 1) жилые, 2) культовые, 3) погребальные — наусы; кроме того, можно предполагать наличие в городах общественных сооружений типа общинных домов [67], а также — караван-сараев и бань.

Городские постройки возводились из битой глины и сырца, со сводчатыми сырцовыми или деревянными балочными покрытиями. Жженый кирпич играл в основном подсобную роль; лишь в исключительных случаях из него строились целые здания, которые неизменно привлекали внимание средневековых историков и отмечались ими особо [68].

В раскопках древнего Пенджикента впервые открывается возможность изучать не уникальные образцы, но подлинно массовые типы жилой застройки раннефеодального города Средней Азии. Жилые здания представлены различными формами: это крепостное жилище (цитадель), городской жилой дом, загородная усадьба. Городские жилища знати представляют собой большие комплексы с айванами и парадными залами,

---

[62] В. Пилявский. Гофрированные постройки Средней Азии. Архитектура СССР, 1941, № 5.

[63] В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурное наследство, 1953, № 3, стр. 15.

[64] Л.-Б. Альберти. Ук. соч., стр. 121.

[65] Ц. Кюи. Ук. соч., стр. 6, 24.

[66] Н. Н. Воронин. Крепостные сооружения. История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 441.

[67] В. Л. Воронина. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 83—92.

[68] Так, в описаниях Мерва говорится о «доме правления» из жженого кирпича и двух соборных мечетях, целиком «каменных».

украшенными настенной живописью и даже скульптурой, с резными деревянными потолками и колоннами. Вместе с тем на городище различаются дома средних слоев городского населения и дома бедняков. Городские дома строились в два-три этажа, сообщавшихся посредством пандусов и лестничных клеток. Стены помещений сохранились нередко на полную высоту, и видно внутреннее устройство комнат (рис. 5). Загородные усадьбы представляли собой скромные небольшие постройки, рассчитанные на одну семью, но имевшие тем не менее два этажа [69].

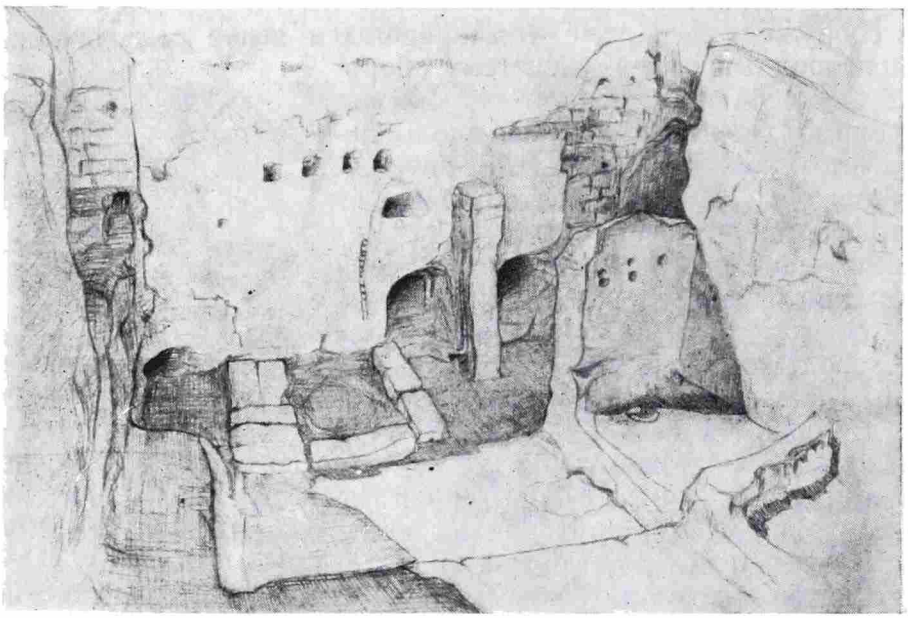


Рис. 5. Комната с очагом одного из домов древнего Пенджикента. Рисунок автора

Дворцы, согласно свидетельству письменных источников, располагались различно: в цитадели, в шахристане или в рабаде. Отмечены даже случаи выделения дворца за пределы города (см. выше). В Средней Азии открыт раскопками целый ряд великолепных дворцовых сооружений: в Нисе, Топрак-Кале, Варахше, Термезе. Из них к интересующему нас времени относится только варахшинский дворец, смежный с цитаделью. К сожалению, многочисленные перестройки не дают возможности восстановить первоначальный план здания; но его внушительные размеры, монументальный портик входа, богатство живописной и стуковой декорации вполне отвечают его назначению [70]. До сих пор еще не выяснено, где находился в Пенджикенте дворец Диваштича [71].

Самостоятельные здания общественного назначения пока не выявлены раскопками. Однако есть основания считать, что в жилую застройку вкраплялись комплексы общественного характера.

Многое сделано за последнее время для выяснения облика домусульманских культовых зданий. Предполагается, что на территории Средней

---

[69] О жилище в раскопках Пенджикента см. В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Архитектурное наследство, № 8, 1957.

[70] См. В. А. Шишкин. Варахша, СА, XXIII, 1955.

[71] А. Ю. Якубовский придерживался мнения, что дворцом Диваштича было на городище Пенджикента так называемое здание III. Этому противоречат два существенных обстоятельства: 1) здание VI отличается неменьшим богатством декорации, 2) в обоих указанных зданиях многократно повторяется группа помещений одинакового состава. См. А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент, стр. 258. А. М. Беленицкий разделяет мнение А. Ю. Якубовского. См. А. М. Беленицкий. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 19.

Азии соседствовали различные религии: местные формы зороастризма, манихейство, буддизм, несторианское христианство. Письменные источники сообщают о существовании «домов огня» и «домов идолов». Раскопками открыты храмы по крайней мере трех культов.

Храмы древнего Пенджикента, расположенные в шахристане, окруженные надворными постройками, высились на просторном дворе, их прекрасные четырехколонные залы свободно открывались на восток (рис. 6) [72]. Культовые сооружения, однако, не всегда находились в шахристане; буд-

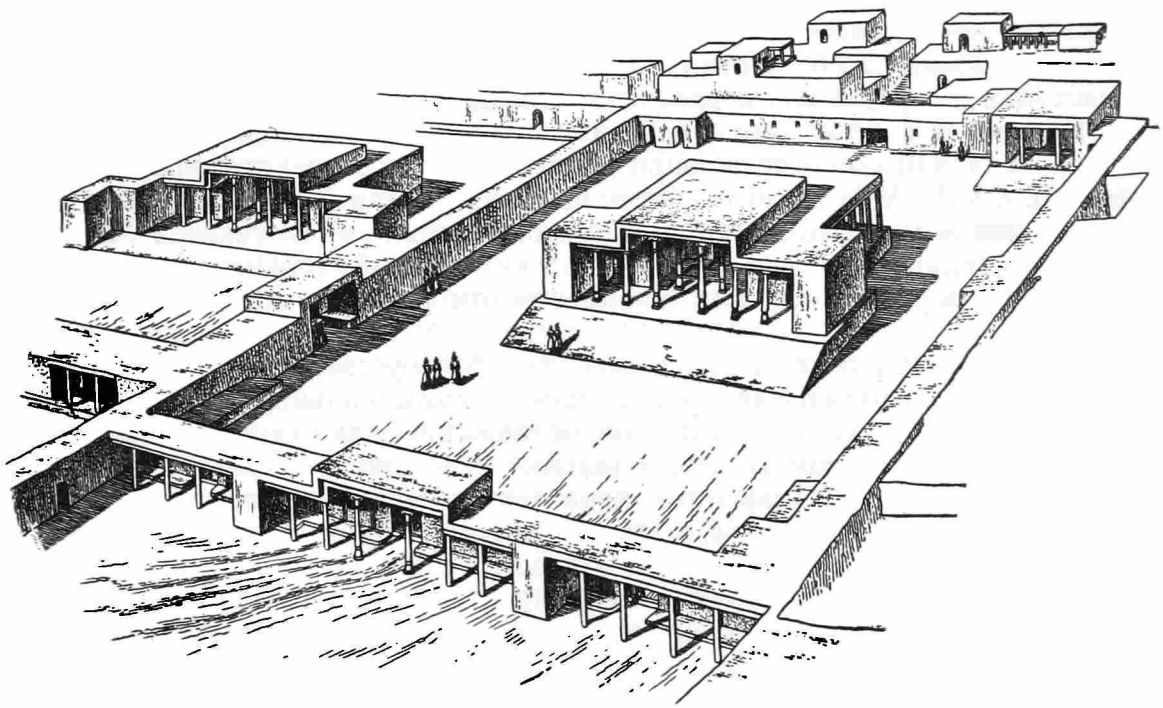


Рис. 6. Храм древнего Пенджикента. Реконструкция автора

дийские храмы, христианская часовня Баласагуна были построены в пригороде. В планировке храмовых зданий Баласагуна и Пенджикента намечаются общие черты, их украшали богатая живопись и скульптура.

Скромные небольшие наусы служили хранилищем глиняных гробиков с костями — астоданов. Они размещались вне шахристана в одиночку, группами или образовывали обширный некрополь.

Сведения о постройке бань в Средней Азии восходят ко времени Муканны [73]. Средневековые авторы упоминают о банях Мерва, Данденакана, Нузвара [74]. Самые ранние из открытых раскопками бани Афрасиаба и Тараза датируются X—IX вв. [75].

Перечень типов застройки раннесредневекового города может быть дополнен. Поскольку существовала караванная торговля и периодические ярмарки с большим стечением приезжих, были необходимы помещения для людей и скота. По письменным источникам, у стен города строились караван-сараи, которые отмечены в Гургенче и Данденакане. По Табари,

---

[72] Дискуссии по поводу местного культа пока не привели к какому-либо определенному заключению; предполагаются манихейство или некий вариант зороастризма (вероятно, синкретизированные и своеобразные). См. А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент, стр. 255 сл.; А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культуры Согда по материалам пенджикентской живописи. Живопись древнего Пенджикента.

[73] М. Наршахи. Ук. соч., 94.

[74] МИТТ, т. I, стр. 188, 194, 195.

[75] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1926, стр. 16; А. Н. Бернштам. Баня древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, т. II; его же. Памятники старины таласской долины, стр. 54—57.

у ворот Пайкенда каждая деревня имела свой «рабат»[76]. Действительно, близ стен Пайкенда сохранились остатки крупных зданий, расположенных главным образом вдоль дороги к воротам шахристана; В. А. Шишкин считает их «рабатами»[77]. Для более раннего времени можно указать одну из построек пенджикентского городища, расположенную у подножия цитадели. Это правильно очерченное крупное здание, помещения которого окружали, по-видимому, прямоугольный двор. Постройка не подвергалась раскопкам, но, судя по формату сырца, соответствует расцвету жизни города. Поставленная под защитой цитадели у истоков полноводного ключа, она именуется в устной традиции «бодж-хона» (таможня) — название, впрочем, по-видимому, позднее[78]. Мне кажется, постройка эта являлась караван-сараем; любопытно отметить при этом, что она расположена на подступах к городу, как и рабаты Пайкенда.

Возникает вопрос: строились ли в городах здания административного назначения или соответствующие функции были сосредоточены во дворцах? Для VII—VIII вв. этот вопрос не выяснен; для более позднего времени источники указывают монументальное «здание правления» в Мерве[79].

Приведенный перечень типов городских зданий (возможно, еще не полный) говорит о большом типологическом разнообразии городской застройки.

Благоустройство. Городское благоустройство (в широком смысле слова) охватывает ряд вопросов коммунального обслуживания населения. Сюда входят рынки, водоснабжение, канализация и т. д.

Торговля на первом этапе феодальных отношений, как видно из первоисточников, носила ярмарочный характер[80]. Рыночное место выделялось обычно вне стен шахристана, у его ворот. В. В. Бартольд отмечает, что базары были расположены главным образом в пригородах[81]. Однако вскоре торговля получает более постоянный характер; на торговой площади концентрируется и ремесленное производство. Например, в шахристане саманидской Бухары было не менее двух рынков, которые, по словам Наршахи, погибли при пожаре и, следовательно, представляли собой уже в то время комплекс специальных построек[82].

Местоположение пенджикентского рынка или рынков не выяснено; очень возможно, что обмен местных и привозных изделий совершался у стен (или внутри стен) упомянутого «караван-сарая». По словам старожилов, здесь происходили вплоть до недавнего времени ежегодные ярмарки.

Вода проводилась в город из ближайшей реки или же с гор, иногда за десятки километров, как открытыми, так и подземными каналами — кяризами. Известно, что система водоснабжения раннесредневековых Бухары, Самарканда и Мерва состояла главным образом из арычной сети и хаузов. При этом в Бухаре, как сообщает Истахри, шахристан был расположен на возвышенном месте, куда вода не могла быть проведена, и орошался лишь рабад[83]. В Самарканде вода поступала в город по свинцовому желобу и распределялась сетью арыков; помимо арычной системы, население пользовалось колодцами[84]. О Мерве средневековые географы сообщают, что там были хаузы и «пруды с воротами» (сардоба?), отлично

---

[76] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 121.
[77] См. А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции..., стр. 62.
[78] О. И. Смирнова. Археологические разведки в бассейне Заравшана в 1947 г., МИА, № 15, стр. 71.
[79] МИТТ, т. I, стр. 172.
[80] М. Наршахи. Ук. соч., стр. 30 и др.
[81] В. В. Бартольд. К истории Мерва. ЗВОРАО, т. XIX, СПб, 1910, вып. 4, стр. 136.
[82] М. Наршахи. Ук. соч., стр. 118.
[83] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 102.
[84] В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 13—16.

поставленное распределение воды по арычной сети, а в цитадель вода подавалась подземными каналами (кяризами) [85].

Открытая система арыков была, возможно, более распространенным, но не единственным способом городского водоснабжения. В городах Средней Азии издавна применялась подземная система водоснабжения с помощью гончарных труб, по местной современной терминологии — «кубуров».

Кубурами пользовались уже в глубокой древности: гончарные водопроводные трубы открыты в Айртаме, а в парфянской Нисе они выполняли функции канализации [86]. Для раннесредневекового города водопровод из гончарных труб in situ впервые отмечен в литературе по материалам раскопок древнего Пенджикента. Пенджикентский шахристан имел водопровод из кубуров, обнаруженный во дворе здания II [87]. Вероятно, вода поступала в бассейны, которые, как можно предположить, были на площадях перед храмами. Кубурная система водоснабжения была удобна и вполне удовлетворяла потребности небольших плотно заселенных городов, каким был Пенджикент.

Но пенджикентский водопровод, разумеется, был не единственным для своего времени, о чем говорят многочисленные повсеместные находки кубуров. На Афрасиабе арычная сеть дополнялась отводами из кубуров [88], фрагменты водопроводных труб найдены в Сарыге (VIII—X вв.) [89]. Еще более многочисленны находки такого рода для более поздних веков; к ним относятся водопровод Тараза и кубуры старого Термеза XI—XII вв. [90]; многокилометровые крытые каналы Языра того же времени [91], остатки домовых водопроводов предполагаемого города Хульбука на юге Таджикской ССР [92] и т. д.

Кубуры употреблялись не только для водопровода, но и для канализации местного типа. Образцы такого рода во множестве открыты на Варахше в слоях X—XI вв. Это были водосливы во дворах и помещениях жилых домов (аналогично современным «абриз», «ташнау»). Устройство состояло из нескольких элементов: 1) кирпичного ящика-коллектора, 2) водоотвода из положенных с небольшим уклоном кубуров, 3) поглощающего колодца из хума (корчаги), как правило, в опрокинутом виде. Трубы обычно образовывали над хумом отвесное колено и вставлялись в его разбитое днище; часто использовались разбитые или негодные сосуды, соединявшиеся по два-три вертикально. Один водослив, где хум стоит нормально, кверху горлом, датирован VIII в [93].

Впоследствии в городах Средней Азии применялась и магистральная канализация. В термезе XI—XII вв. обнаружена клоака в виде подземной сводчатой галереи из жженого кирпича; такие же клоаки —«тазары» были в Бухаре [94].

---

[85] МИТТ, т. I, стр. 172.

[86] М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени Кушанов. Тр. АН УзССР, сер. 1, история и археология, Ташкент, 1945, стр. 38; М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению истории Парфии, ИАН ТуркмССР, 1952, № 5, стр. 16.

[87] А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. Тр. ТАЭ, т. II, стр. 55.

[88] В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 13—16.

[89] А. Н. Бернштам. Чуйская долина, МИА, № 14, 1950, стр. 42.

[90] Там же, табл. XCIV; М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Тр. ТАКЭ, т. I, Ташкент, 1941, стр. 55.

[91] Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра, Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

[92] Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. Доклады АН ТаджССР, вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 41.

[93] С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзбССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 95, 102 сл., рис. 7, 9, 10; М. Х. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г., там же, стр. 128, рис. 4—6.

[94] М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, стр. 55.

Форма кубуров, как можно заметить, в VII—VIII вв. представляет собой попросту усеченный конус, причем узкий конец одного патрубка вставлялся в широкий конец последующего. В XI—XII вв. появляются более разнообразные формы кубуров с заострением на одном конце и муфтой-раструбом — на другом [95].

О других видах городского благоустройства можно сказать немногое. По сведениям арабских географов, улицы Бухары и Самарканда X в. были вымощены камнем [96], в Таразе XI—XII вв. открыты булыжные мостовые и тротуары из каменных плит [97]. Выгребных ям, столь характерных для XI—XII вв., на городищах VII—VIII вв., насколько мне известно, не обнаружено. Мукаддаси сообщает, что в Кяте «грязь собирают в ямах, потом отвозят на поля в мешках» [98].

В раннесредневековых Мерве и Самарканде были древесные насаждения [99], которые обычно сопровождают открытые водоемы.

В целом складывается определенное впечатление, что среднеазиатские города раннего средневековья не уступали по благоустройству городам XIX — начала XX в., а в некоторых случаях стояли даже выше (мощение улиц, подземный водопровод). Более того, среднеазиатские города VII—VIII вв. намного опередили в этом отношении города древней Руси и Западной Европы; так, вымощенный и снабженный водоотводами древний Новгород занимал по благоустройству первое место в Северной Европе; однако эти сооружения его относятся самое раннее к X—XI вв.

* * *

В заключение хотелось бы затронуть еще некоторые вопросы, связанные с раннесредневековым городом Средней Азии.

Прежде всего — о контингенте населения. В литературе установилась точка зрения, что основным населением раннефеодального города являлась крупная земельная аристократия, храмовое жречество, богатые купцы; из низшего сословия упоминаются военные, слуги, рабы, зависимые и свободные ремесленники. Раскопки древнего Пенджикента заставляют задуматься еще раз над этим вопросом. Где размещался основной земледельческий слой населения, который непосредственно кормил плодами своего труда массу горожан? За восточной стеной шахристана раскрыто около десятка домов, которые составляют единственные остатки жилья на значительном пространстве к востоку от города; к югу простирается некрополь. Если здесь и были другие постройки, то они, очевидно, в противоположность раскопанным, носили характер временных сооружений, так как не оставили никаких следов. Возможно, что известная часть земледельческого люда обитала также в стенах пенджикентского шахристана, чему не противоречит характер некоторых построек внутри городских стен (например, здания XII). Подобное заключение подтверждается этнографическими материалами, которые свидетельствуют о том, что и вплоть до XX в. земледельцы, имевшие собственные участки, а также батраки жили в стенах города, и нередко внегородская застройка ограничивалась только легкими сооружениями в виде навесов и шалашей. В этом смысле интересны небольшие укрепления в Фергане, которые население покидало лишь в период поле-

---

[95] Размеры средневековых кубуров, по данным различных публикаций, выражаются в следующих цифрах: длина — от 43 и примерно до 100 *см*, наибольший поперечник (включая стенку) — от 15 до 25 *см*, выводное отверстие — иногда всего 8 *см* в поперечнике.

[96] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 93, 115.

[97] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 57.

[98] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 145.

[99] МИТТ, т. I, стр. 174.

вых работ, с тем чтобы при малейшей тревоге укрыться снова в стенах города [100].

Интересно также рассмотреть средневековый город Средней Азии в исторической перспективе и сравнительно с градостроительством зарубежного Востока.

Если сопоставить формы градостроительства рабовладельческого и раннефеодального периодов Средней Азии и зарубежного (главным образом Ближнего) Востока, мы найдем, что города Средней Азии имели собственный путь развития, во многом отличный от градостроительства древнего Ирана и Месопотамии. В Двуречье сложился план круглого города с дворцовым комплексом посредине (Хатра). Этот тип был распространен на территории сасанидского Ирана (Фирузабад, Ктесифон) и унаследован аббасидским градостроительством (круглый город Багдад). Круглая планировка раннесредневековых городов нашла применение почти исключительно на землях Казахстана [101]. Идеалом планировки среднеазиатского города рабовладельческого и раннефеодального времени остается прямоугольник стен, впоследствии все более искажаемый стихийными градообразовательными процессами.

В современной историко-археологической литературе намечается некоторая тенденция представить развитие феодального города как процесс, начинающийся заново, при полном отрицании прежних градостроительных норм. Это далеко не так. А. Ю. Якубовский подчеркивал преемственность этого развития введением промежуточного термина «дофеодальный». Единовременная и подчиненная регулярному плану схема античных поселений определила в свое время тип города прямоугольного очертания и многие раннефеодальные города Средней Азии (древние Мерв, Термез, Ахзи, Баласагун, Исфиджаб-Сайрам) тяготеют к нему, но редко сохраняют прямоугольные контуры городского ядра в последующие века (примером последнего является Хива). Раннесредневековый город характеризуется бóльшим раскрытием внутреннего пространства; в его шахристане имелось трое или четверо ворот. Однако для небольших городов число ворот было меньшим. Цитадель составляет весьма характерный признак раннефеодального города, но не исключительную его принадлежность: она имелась и у городищ рабовладельческого периода (Топрак-Кала и Базар-Кала в Хорезме, кушанские городища юга Узбекской ССР и др.) [102]. Даже возникновение рабада не совершается скачкообразно. В работах С. П. Толстова неоднократно отмечается концентрация мелких усадеб вокруг значительных крепостей, а у крупной позднеантичной Топрак-Калы уже намечалась пригородная застройка. Парфянская Ниса заключала в себе собственно город (Новая Ниса), цитадель (Старая Ниса) и обширный пригород полусельского типа, обнесенный валом [103]. Таким образом, предпосылки планировки раннефеодального города Средней Азии складываются задолго до его формирования.

В ответственный момент созревания феодальных отношений основные части города Средней Азии, шахристан и цитадель, играли первенствующую роль. Шахристан был вместилищем основной массы городского населения, цитадель — тем феодальным оплотом, который регулировал эту жизнь, направляя удары не только против внешних врагов, но и против самих горожан в случае местных бунтов и смут. Со временем картина меняется. Вступают в силу узаконенные феодальные нормы,

---

[100] Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л., 1954, стр. 16—18.

[101] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 71.

[102] С. П. Толстов. Древний Хорезм, рис. 47, 62; Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.). Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 117, рис. 1; стр. 131, рис. 17.

[103] Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости южного Туркменистана, ВДИ, 1952, № 2, стр. 217.

создаются прочные государственные объединения (например, саманидское государство) с централизованным управлением, регулярным войском, налоговым аппаратом. В этих условиях цитадель отмирает; при Истахри грандиозную мервскую цитадель уже возделывали под бахчи, цитадели Кеша и Несефа при саманидах превратились в руины и т. д. [104]. Грозное могущество цитадели уже в прошлом, она превращается в рудимент [105]. Бурный рост торгово-ремесленного предместья, с трудом подчиняемый какому-либо регламенту, создает стихийный характер развития города. Контуры городских стен, которые периодически становятся слишком тесными для города, меняют очертания и усложняются. Складывающиеся общественные отношения способствуют возникновению внутри города различных узловых пунктов — общественных центров, площадей, рынков. Большинство городов Средней Азии, жизнь которых продолжалась до наших дней, представляет картину хаотической и запутанной планировки.

Кроме этого, следует заметить, что некоторые черты в плане среднеазиатских городов представляют собой пережиток глубокой древности и восходят ко времени формирования раннесредневекового города.

Группа дворов, населенных родственниками, образовывала самостоятельный квартал с собственной улочкой, отделенной от городской улицы воротами, которые запирались на ночь. Эти образования до сих пор отчетливо видны в городах Ферганы. Распад таких родовых ячеек был одним из формообразующих моментов в живом организме города, где то и дело возникали новые тупики, которые ветвились и врезались словно щупальцы в массивы городской застройки. Эти родовые гнезда живо напоминают указания арабских географов о четырех кварталах Мерва, а также слова Наршахи, который упоминает квартал Бухары, принадлежавший одному из дихкан и занимавший четвертую часть города [106].

Любопытен факт существования в Фергане вплоть до XX в. уже упомянутых выше небольших селений-крепостей, где земледельческое население проживало зимой и укрывалось от грабительских банд, которыми кишела Фергана в смутную пору Кокандского ханства. Такие крепости в свою очередь делились на кварталы [107].

Таков в основном комплекс вопросов, возникающих при изучении исторической топографии раннесредневековых городов Средней Азии. Если связать воедино материал по планировке городов и городских зданий, их конструкциям и убранству, если осмыслить функции отдельных частей города и его построек, наметить их исторические связи, мы приблизимся к пониманию социального содержания жизни города. Как правильно замечает А. Ю. Якубовский, историческая топография города является формой, заключающей в себе социально-экономическое содержание городской жизни [108]. Точно так же и городские постройки являются формой, несущей на себе отпечаток жизненных потребностей и условий жизни общества, иными словами — социального содержания. Выяснение этого содержания, т. е. вопросы классовой структуры общества, его экономики, идеологии, производительных сил, явится заключительной стадией исследования материальных памятников раннесредневековых городов Средней Азии.

---

[104] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 134, 136.

[105] Впрочем, это явление нельзя принять как абсолютную закономерность, так как в столичных городах цитадель существовала до последнего времени в форме «арка» — укрепленного дворца и средоточия административной власти.

[106] М. Наршахи. Ук. соч., стр. 70.

[107] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г., стр. 229; Культура и быт таджикского колхозного крестьянства.

[108] А. Ю. Якубовский. Главные вопросы..., стр. 4.

Л. Н. ГУМИЛЕВ

АЛТАЙСКАЯ ВЕТВЬ ТЮРОК-ТУГЮ

1. Появление тюрок в горном Алтае

630-й год. Борьба тюркского каганата и Китая закончилась. Китай победил, а восточный тюркский каганат перестал существовать. Разбитые тюрки[1] частью сдались китайцам, частью подчинились сиеянто и другим телеским племенам, но одна группа их, довольно многочисленная, вырвалась из окружения и скрылась в горных долинах Восточного Алтая[2]. Ими руководил один из удельных князей, по имени Хубо, принявший титул Ичжу-Чеби-хан[3].

Войско Чеби-хана, по китайским сведениям, исчислялось в 30 тысяч человек раздела тölöс[4], тогда как южное «ханство», составленное китайцами из захваченных тюркютов, насчитывало лишь «несколько сот разоренных юрт»[5]. Но необходимо отметить, что почти все члены ханского рода Ашина оказались на юге либо как китайские пленники, либо как перебежчики.

Чебин-хан сумел использовать Алтай как естественную цитадель и продолжал вести борьбу с исконными врагами тюркютов—сеянтосцами, с карлуками, обитавшими на Черном Иртыше, и с киргизами, жившими по склонам Западных Саянов. Успех сопутствовал ему до той поры, пока он не столкнулся с Китаем. Военное преимущество танской армии[6] определило в 650 г. легкую победу экспедиционного корпуса Гао-Кханя. Чеби-

---

[1] П. Пельо восстановил звучание слова, переданного иероглифами ту-цзиу, как тюркют, т. е. «тюрк» с суффиксом множественного числа монгольского языка. Ввиду того, что термин «тюрк» изменил свое значение, а двойное название «тюрки-тугю» очень громоздко, я считаю целесообразным ввести чтение «тюркют» для тюрок, основавших первый тюркский каганат. См. P. Pelliot. L'Origine de T'ou-kieu, nom chinois des turcs. T'oung Pao. 1915, отд. оттиск.

[2] В Таншу написано: «Чеби ушел на северную сторону Золотых гор (Алтая.— *Л. Г.*). Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов; только с четвертой есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные и Чеби занял их... Он покорил на западе Гэлолу (Карлуки.— *Л. Г.*), на севере Гегу (киргизы.— *Л. Г.*)». См. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950, т. I, стр. 22—263.

Указание на то, что местность была окружена со всех сторон горами, а «земли ровные», т. е. степные, доказывает, что Чеби-хан занял не северные склоны Алтая, покрытые лесом и неудобные для скотоводства, а долины внутреннего Алтая. Туда действительно ведет единственный проход — Сайлюгем. Основная часть владений Чеби-хана, очевидно, располагалась между Телецким озером и р. Катунь, а на востоке он, вероятно, владел частью бассейна Кобдо, как полагает Г. Е. Грумм-Гржимайло. См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, стр. 277.

[3] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 263—264, 397; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., стр. 277.

[4] Тölöсами называлось восточное крыло тюркютской военно-политической системы. См. Клюкин. Новые данные о племени телесов и тардушей. Вестник Дальневосточн. Отдела АН СССР, № 1—2, 1932, стр. 97.

[5] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 264.

[6] Л. Н. Гумилев. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара. Сб. МАЭ, XII, Л., 1949, стр. 232—253.

хан был взят в плен и отправлен в Китай, а его народ переведен на жительство в горы Юйдугюнь [7], т. е. в Восточный Хангай [8]. Рассказ о переводе народа Алтая в Хангай содержит несомненное преувеличение, хотя бы потому, что весь поход, включая переход из Китая, через Гоби и Западную Монголию до Алтая, укладывается в один год.

Поверить в то, что Гао-Кхань за это короткое время сумел пленить весь многотысячный народ тюркютов, могли лишь китайские придворные, никогда не видевшие Алтая. Горные долины, отделенные друг от друга высокими перевалами, представляют собой естественные тайники, где можно укрыться от любого врага. Но на Алтае скотоводство возможно лишь по степным склонам долин, а их не так уж много. Поэтому при увеличении поголовья скота и росте населения Чеби-хан должен был искать выхода в степь. Это его погубило, так как в степи танская конница не имела себе равных.

Возвращаясь к тексту источника, мы видим, что Чеби-хан был разбит на равнине и пойман в предгорьях Алтая, прежде чем успел укрыться в горах [9]. Очевидно, тогда Гао-Кхань и счел свою задачу выполненной, перевел захваченных пленников в Хангай и послал соответственное донесение в Чан-ань. В результате оказалось, что тюркюты, жившие в горах, уцелели, а жившие на равнине были уведены и впоследствии растворились среди своих соседей.

Алтайские тюркюты сохраняли самостоятельность до середины IX в., так как до этого времени от них приходили в Китай традиционные посольства. Но за 200 лет, проведенных в новой среде, народ не мог не измениться.

Тюркюты были издавна степным, скотоводческим народом. Загнанные в горы, они сохранили стада, но площадь пастбищ была ограничена северными склонами речных долин. Численность стад не могла не сократиться, и тюркюты вынуждены были заняться охотой, но не облавной, степной охотой, которая весьма эффективна, а трудоемкой, индивидуальной — лесной. Народ должен был приспособляться к новому типу хозяйства, которое к тому же обеспечивало его значительно хуже, чем прежнее. Не меньшей затраты сил требовала борьба с природными условиями алтайского нагорья, столь же суровыми, как и климат сибирского заполярья.

Так воинственные кочевые скотоводы со временем превратились в свободолюбивых оседлых скотоводов. Властители Халхи и Согдианы стали хозяевами Башкауса и Чулышмана. Короче говоря, тюркюты стали телесами, и переход этот падает на середину IX в. Однако небольшой народ телесов еще мог постоять за себя. Несмотря на то, что найманы охватили владения телесов с востока и запада, им не удалось овладеть восточной частью горного Алтая. Это видно из того, что в «Юан-чао-би-ши» телесы упоминаются в числе суверенных племен, покоренных в 1207 г. ханом Джучи [10]. На этом самостоятельность телесов прекратилась, но свою этнографическую самобытность они сохранили и под властью монголов, и под игом ойратов. Однако потеря самостоятельности не могла пройти бесследно, и с XIII в. начинается новый медленный процесс превращения телесов в теленгитов [11].

---

[7] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 264.
[8] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., стр. 277.
[9] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 263.
[10] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., стр. 417; С. А. Козин. Сокровенное сказание. Л., 1941, стр. 175.
[11] Теленгиты — потомки телеского племени доланьгэ, обитавшего в VII в. к западу от р. Орхона. На Алтай они попали при разгроме ойратов манчжурами и включили в свой состав остаток телесов, сохранившихся в их среде как «кость» (сёк) среди прочих сёков.

Таков ход событий, восстановленный по скудным и отрывочным данным письменных источников. Чтобы заполнить многочисленные пробелы последних, мы должны привлечь новый материал и таким, в первую очередь, будет материал археологический.

2. Тюркютские погребения горного Алтая как исторический источник

Несмотря на то, что горный Алтай служил пристанищем самым разнообразным племенам и народностям, не представляет никакой трудности выделить тюркютские погребения из числа прочих археологических памятников. Тюркютская культура весьма оригинальна и отлична от прочих кочевнических культур. Кроме того, китайские анналы сохранили нам весьма подробное описание тюркютского погребального обряда. Так как эти подробности позволят дать истолкование деталям погребений, то необходимо привести это описание полностью. «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются» [12]. В точности сведений китайского автора можно не сомневаться, так как этот обычай описан также мечником Валентином, который на похоронах Истеми-хана в 576 г. принужден был, «согласно обычаю», царапать себе лицо ножом [13]. Возвращаемся к китайскому тексту: «Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают, собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться. В день похорон, так же как в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжении жизни. Обыкновенно, если он убил человека, ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» [14].

И эти сведения находят подтверждение на этот раз в орхонских надписях. На высоком камне, в ряду камней, тянущихся от могилы Бильге-хана, обнаружена надпись: «Этот каменный балбал шада толосов» [15]. В самих надписях неоднократно встречаются упоминания именных балбалов (памятников); например, во главе ряда камней, поставленных на могилу Кутлугу Эльтерес-хану (Гудулу), был камень, изображающий токуз-огузского Баз-кагана [16], а на могилу его брата, Капаган-хана (Мочжо),— такой же камень, изображающий хана кыргызов [17]. Итак, мы вправе констатировать, что сообщение китайской летописи соответствовало истине, и принять его за основу при установлении даты и принадлежности памятника. Что же касается «нарисованного облика покойного», то точность китайского источника подтверждается параллельным известием тюркского историка XVII в. Абуль-Гази Багадур-хана, использовавшего для своей компилятивной работы 18 древних рукописей [18]. В первой главе «Родословия тюркского племени» он пишет о древних тюрках-язычн-

---

[12] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 230.
[13] Менандр. Византийские историки. Пер. Дестуниса. СПб., 1860, стр. 421—422.
[14] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 228, 229.
[15] В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. IV, СПб., 1899, стр. 68.
[16] П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899, стр. 68
[17] Там же, стр. 70.
[18] Н. И. Березин. Библиотека Восточных историков, т. III. Казань, 1854, стр. 34.

никах: «Когда у кого умирал любимый кто-либо, то сын, или дочь, или брат делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших ближних; оказывая к нему любовь, первую часть от кушанья клали перед ней, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей» [19].

(Любопытно, что память об установке изваяний сохранялась тюрками, уже свыше 500 лет исповедовавшими ислам).

Могильники, отвечающие вышеописанному погребальному обряду, на Алтае отысканы и изучены: в южной части, по р. Чуе — С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой в 1935 г., а в северной, по рекам Башкаусу и Улагану,— Н. М. Ядринцевым в 1878 и 1880 гг., Адриановым в 1881 г. и автором этих строк в 1948 г.

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. [20] провела большие разведочные и раскопочные работы по всему Чуйскому тракту и в Курайской степи обнаружила каменные курганы VII—VIII вв., что с полной несомненностью удостоверяется сосудами с орхонскими надписями. Однако трупы здесь не сожжены, и это заставляет отказаться от мысли, что захоронения принадлежат собственно тюркютам. Очевидно, их следует связывать с остатками племен Чуюе и Чуми, хотя и близких к тюркютам, но все же не тюркютов. Против отождествления каменных курганов VII—VIII вв. с тюркютскими говорит и факт нахождения их в долине Урсула, где теленгитов не было. Хотя в одном из урсульских курганов обнаружен сосуд с орхонской надписью, но содержание надписи объясняет нам этот факт.

На дне серебряного сосуда написано: «Тюрк-ша серебро подать (дар)» [21], т. е. сосуд попал в виде подарка, что свидетельствует только о связях аборигенов долины Урсула с тюрками.

Более соответствует вышеописанному тюркскому погребению другой тип памятников — «каменные площадки», или «оградки» [22]. С ними связаны как «каменные бабы», так и вереницы врытых вертикально необработанных камней. Под каменной насыпью всегда находится круглая яма, заполненная обожженной галькой, тленом от дерева и золой с углями. Из находок попадаются единичные кости лошади или барана. С. И. Руденко, копавший эти памятники, находил под насыпью железные ножи; те же находки были сделаны А. А. Гавриловой на р. Чулышмане в 1948 г.

Отсутствие в оградках человеческих костей заставило Л. А. Евтюхову (не сомневающуюся в тюркской принадлежности каменных изваяний) предположить, что эти площадки являются «местом поминальных жертв, своеобразными алтарями, сооруженными в память погребенных в соседних курганах» [23]. Однако это мнение кажется менее убедительным, чем мнение С. И. Руденко, считавшего их могилами с обрядом сожжения. Вместе с тем Л. А. Евтюхова затрудняется дать точную датировку вереницам необработанных камней и считает необходимыми дальнейшие исследования.

Поэтому будет вполне уместно перейти к анализу наблюдений, сделанных нами на реках Башкаус и Улаган во время работ Горно-алтайской экспедиции 1948 г.

Между Чуйской долиной, в которой проходили работы Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г., и Улаганским аймаком лежит высокий, длинный и труднопроходимый перевал.

---

[19] Н. И. Березин. Ук. соч., стр. 10.

[20] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941.

[21] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 113.

[22] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния северного Алтая. Тр. ГИМ., вып. XVI, стр. 130.

[23] Там же, стр. 131, 132.

За перевалом течет р. Башкаус, приток Чулышмана; в нее впадает небольшая речка Улаган. Обе реки текут в широких долинах, окаймленных пологими горами с травянистыми склонами. Но уже на 7 *км* выше и настолько же ниже Башкаус зажат лесистыми утесами. Долина Улагана широка и удобна для скотоводства. Лишь в 40 *км* выше устья начинается ущелье с крутыми берегами.

Летовки теленгитов находятся на водоразделе этих рек.

Примечательно, что древние могильники расположены лишь в тех местах, где ныне находятся или ранее находились теленгитские зимовья, т. е. по степным склонам речных долин. Ни в лесу, ни на горах, ни даже в лесостепных нагорьях нет ни одной могилы. С этим необходимо сопоставить то, что теленгиты и теперь хоронят только в районах своих зимовок; труп человека, умершего на летовке, обязательно перевозят в долину, хотя по алтайским дорогам это отнюдь не легко.

Очевидно, так же поступали и древние обитатели Алтая, населявшие те же районы, что и нынешние (как видно из распространения могильников).

Переходя к описанию самих могильников, отметим, что, кроме больших древних курганов (культуры Пазырык) и каменных кругов неизвестного назначения, в исследованном районе зафиксированы два типа памятников: небольшие круглые каменные курганы, содержащие единичные погребения с конем [24], и четырехугольные площадки, огороженные вертикально врытыми плитами. Круглые курганы имеют диаметр от 2 до 8 *м* (редко больше) и высоту от 0,1 до 0,6 *м*. По форме они повторяют в миниатюре большие курганы пазырыкской эпохи; расположены они так же, цепочками по пять-шесть курганов, вытянутыми в меридиональном направлении; наконец, материал, из которого они сложены, ломаный камень, точно такой, как и на больших пазырыкских курганах. Единственным отличием между ними могла бы являться величина, но в самой долине Пазырык имеются круглые курганы, значительно меньшие, чем основные, по вещам и обряду погребения, несомненно, принадлежащие к пазырыкской культуре.

Иначе говоря, у нас нет никаких оснований отрывать маленькие курганы от больших; скорее всего, они указывают на этапы развития того древнего народа, который в VII в. был покорен тюркютами.

Позволю себе высказать гипотетическое предположение, что это были бо-ма [25] китайских летописей, в первые века нашей эры обитавшие на Алтае. Остатки их были покорены западнотюркютским Иби-Дулу-ханом около 641 г. Поэтому нет ничего удивительного в том, что С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова обнаружили в круглых курганах комплекс вещей VI—VII вв. [26], так как насельники Южного Алтая всегда находились в тесном культурном взаимодействии со степью и не было никаких причин, мешавших им использовать достижения более высокой техники.

Короче говоря, хотя мы можем часть круглых курганов датировать тюркским временем, но, учитывая особенности погребального обряда, расположение на местности, внешний вид и прочие детали (о чем было сказано выше), мы вправе отказаться от мысли, что эти погребения принадлежат тюркютам.

Зато квадратные «оградки», или «площадки», в точности соответствуют китайскому описанию тюркского погребального обряда.

Во-первых, в них часто находят пепел и золу [27] — остатки сожжения трупа. Отсутствие человеческих костей не показательно, так как труп в про-

[24] Сообщено С. И. Руденко.

[25] Бо-ма (оло-чже или би-це) населяли Алтайско-Саянское нагорье (см. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., стр. 51). Они были народом смешанного динлинско-сяньбийского происхождения.

[26] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 114.

[27] Необходимо учесть, что при плохой или поврежденной засыпке дождевая вода выщелачивает золу.

должении полугода высушивался и сгорание, очевидно, было полным. Вереницы необработанных камней, врытые вертикально, балбалы и, наконец, каменные изваяния (открытые нами), связанные с квадратными площадками, дополняют картину.

Квадратные оградки распространены значительно шире, чем круглые курганы. В верховьях Улагана, выше аила Тушагар, на широкой террасе располагается целое кладбище из оградок, хотя ни одного круглого кургана нет. Любопытно, что там встречен вариант оградки — четыре плиты, с вереницей балбалов, но без каменной засыпки в середине. Этот факт весьма примечателен, так как он, с одной стороны, опровергает приведенное выше мнение Л. А. Евтюховой, будто квадратные площадки являются местом поминальных жертв в память погребенных в соседних курганах, а с другой стороны, указывает на то, что каменная наброска необязательна. В самом деле, когда площадка расположена вблизи кургана, то, чтобы закрыть ее, легче всего взять готовые камни и забросать ими пепел.

Ниже аила Тушагар, на высоко поднятой над Улаганом террасе, разведочным маршрутом обнаружен третий вариант квадратной могилы. В центре небольшой оградки (1,0 × 1,85 *м*) вместо каменной засыпки установлены два монолитных каменных обелиска высотой в 1,0 и 0,85 *м*. К ним примыкает еще меньший квадрат 1,0 × 1,0 *м*, в котором стоял один такой же обелиск, ныне поваленный. Разведкой обнаружено всего три таких погребения на Улагане и одно на Башкаусе, несколько выше слияния Башкауса с Улаганом. Башкаусское погребение несколько большего размера и засыпано камнями. Оно, собственно говоря, является промежуточным между обычными и вновь найденными оградками, что дает основание причислять те и другие к одному типу. Пристальное изучение обычных оградок установило, что на некоторых из них встречаются камни — остатки разбитого обелиска. Тюркюты, как мы знаем, имели родовую знать, наследственно занимавшую государственные должности [28], и вероятно, что социальное положение учитывалось при сооружении надгробного памятника. А если так, то понятно, почему эти могилы помещены отдельно: погребения знатных людей стремились отделить от остальных погребений. Необходимо отметить и четвертый вариант тюркютского погребения. К некоторым из круглых курганов поставлены балбалы. Мною отмечены 31 подобный случай и четыре случая, когда балбалы поставлены к большим курганам в долине Пазырык. Это, на первый взгляд, может говорить о принадлежности и круглых курганов тюркютам или о большой древности обычая выставления балбалов, однако внимательное рассмотрение этих курганов показало наличие там квадратов, выложенных на поверхности круглых курганов из того же камня. Следовательно, квадратные могилы перекрывают круглые, в насыпях которых следовало бы искать впускное погребение, если бы оно состояло не из одной золы. Необходимо также учесть, что современные теленгиты хоронят своих покойников в каменной кладке древних курганов, о значении которых они настолько не имеют представления, что обычно называют их просто «корум» (каменная россыпь).

Если наше предположение правильно и теленгиты действительно потомки тюркютов, то погребальный обряд должен был пережить следующую эволюцию.

1. Тюркюты раздела тӧлӧс в 631 г. приходят на Алтай как отступающая армия. Они лишены и имущества и рабов. Расположившись в долине Улагана, они, чтобы не заниматься тяжелой, непривычной работой (ломкой камня), используют для погребений готовый камень с древних курганов. Погребальные памятники этого времени — каменные площадки.

2. С середины IX в. тюркюты становятся телесами — алтайским народом. Древняя традиция постепенно становится анахронизмом, и сложный обряд погребения упрощается. Вместо того чтобы перетаскивать

[28] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 229.

камень, его просто перегруппировывают в древнем кургане над прахом умершего.

3. Монгольское завоевание 1207 г. не могло не вызвать интенсивного проникновения шаманской идеологии в среду телесов и ранее синкретичных. А это должно было повлечь за собой упадок древней религии и, следовательно, отразиться на обряде погребения. Самое сложное в последнем было полугодовое высушивание трупа и сожжение, ибо оно требует не только массы сухих дров, но и соответствующей вентиляции, иначе труп не сгорит. Сожжение заменяется обожжением трупа и последующим его захоронением в каменной россыпи.

4. Телесы окончательно растворились среди алтайских аборигенов и превратились в шаманистов-теленгитов, утративших даже память о своих предках, тюркютах.

Теленгиты лишь в небольшой мере потомки тюркютов, в значительно большей степени они потомки аборигенов Алтая, с которыми тюркюты-толосы смешались. Отсюда понятно, что теленгитское погребение с конем более сходно с погребением в каменных курганах, чем с тюркютским трупосожжением. Превращением телесов в теленгитов исчерпывается и наша тема.

В рассмотренной нами эволюции погребального обряда тюркютов только 1-й, 2-й и 4-й этапы нашли свое отражение во внешнем виде могил. Установить 3-й этап удалось благодаря раскопкам пазырыкского кургана № 3 (1948 г.). В центре насыпи под каменной кладкой, но на разной глубине обнаружены четыре скелета. Засыпанные тяжелыми камнями костяки деформированы, лишь самый нижний, лежавший на слое погребенного гумуса, в промерзшем песке, сохранился. Руки скелета закинуты на голову, ноги раздвинуты, под поясницей — большой камень, сломивший трупу позвоночник. От второго скелета сохранились лишь ноги, череп раздавлен камнями. Третий скелет сплющен наваленными на него глыбами, так что ноги находились рядом с головой. Последний лежал на спине, с руками, сложенными на животе. Все скелеты ориентированы в разные стороны, что указывает на небрежность захоронения. Полная обезжиренность и плохая сохранность костей говорят о их сравнительной древности (теленгитский период исключается), а то, что скелеты лежат на разных горизонтах, показывает разновременность их захоронения. Заполнение могильной ямы содержит большое количество углей и крупных головней. Кроме того, к кургану поставлены четыре балбала из серого песчаника.

Присутствие угля позволяет реконструировать обряд погребения следующим образом: трупы засыпались горящим углем и затем заваливались камнями из кладки кургана. Это захоронение вполне отвечает намеченному выше 3-му этапу (захоронение в чужом кургане с имитацией сожжения). Предположительно мы можем датировать это погребение XIII в., исходя из того, что в это время телесы уже утратили бо́льшую часть культурной традиции, но еще не усвоили новой.

Раскопками Алтайской экспедиции Эрмитажа в 1939 г. было открыто аналогичное, но более раннее погребение в пределах Усть-Канского аймака [29]. Там, под курганной насыпью, в небольшой ямке, лежал долбленый ящик с перегоревшими костями человека и предметами из железа.

Аккуратность захоронения при неполном сожжении заставляет отнести его к телесской эпохе (середина IX — начало XII в.), что вполне согласуется с датировкой, предложенной М. П. Грязновым.

Таким образом, мы вправе констатировать, что предложенная схема развития погребального обряда, отражающая постепенное изменение общественного устройства и культуры тюркютов-телесов, находит свое подтверждение в данных, полученных археологией.

[29] М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае. Сообщения Гос. Эрмитажа, Л., 1940, стр. 18.

3. Балбалы и каменные изваяния на реках Улаган и Башкаус

Балбалы, составляющие неотъемлемую часть тюркютских могил, на берегах Улагана и Башкауса весьма многочисленны и разнообразны. Высота их варьирует от 0,1 до 1,9 *м*, но подавляющее большинство — от 0,5 до 1,0 *м*. Детальному обследованию подверглись два скопления могил: 1) в старом русле Башкауса, около автомобильной дороги и 2) на правом берегу Улагана, от места впадения в него речки Балыктыюл до урочища Пазырык (см. рис. 1, 2).

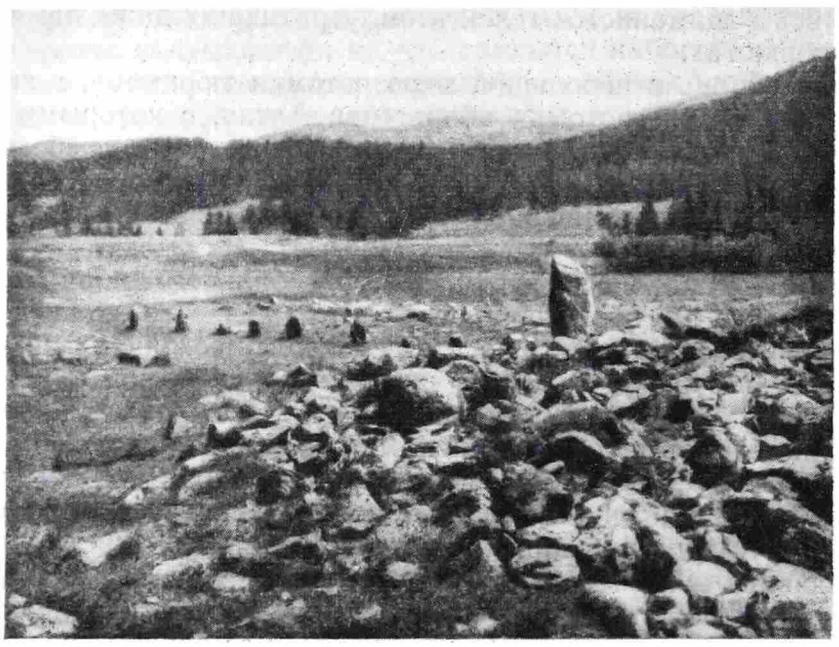


Рис. 1. Тюркютские могилы на берегу р. Улагана

Обследование дало следующие результаты. Башкаусский могильник содержит 55 оградок; из них 13 имеют балбалы; общее число балбалов — 87. Если верить китайскому источнику, отождествляющему число балбалов с количеством убитых покойным врагов, то на одного тюркютского воина в среднем приходится шесть-семь убитых врагов.

Могильник Усть-Балыктыюл содержит: 139 оградок без балбалов; 72 оградки с балбалами; 31 круглый курган (с впускным погребением) с балбалами и две цепочки балбалов без могил. Последние, видимо, либо вросли в землю и задерновались, либо камень с них растаскан на дорожное строительство. Общее количество балбалов — 486, т. е. на одного тюркютского воина — четыре-пять врагов. Если же откинуть редкие количества балбалов (например, у одной могилы 51 балбал), то наиболее частым числом будет три-четыре балбала. Могилы без балбалов, вероятно, содержат пепел женщин и детей; они многочисленнее мужских могил. Это вполне понятно, если учесть, что при поражении увезти труп павшего товарища очень трудно и далеко не все мужчины-воины попадали после смерти на приготовленные для них «оградки».

Балбалы имеют две резко отличные формы: островерхие и плоские, со стесанной верхушкой. Если учесть вышеприведенные свидетельства орхонских надписей о том, что каждый балбал изображал определенного человека, то такое деление нельзя считать случайным. Скорее здесь учтен важный этнографический признак — головной убор (островерхий малахай, характерный для степняков, и плоская, круглая шапочка алтайцев).

Когда тюркюты в VII в. пришли на Алтай, то их врагами были, с одной стороны, аборигены — алтайцы, а с другой — степные карлуки. Очевидно, тюркюты в VII—IX вв. вели борьбу на оба фронта, и это отразилось в изображении балбалов. Если это справедливо, то мы можем отметить, что борьба со степью была более удачной, так как из 486 балбалов 329 остроголовы, а 157 плоскоголовы.

Не менее важно расположение балбалов. Все они, как правило, вытянуты в восточную сторону, но азимут их колеблется: чаще всего это юго-восток, реже — восток и иногда северо-восток.

Разгадка этого имеется в той же китайской летописи.

В числе предметов, обоготворяемых тюркютами, названа «страна солнечного восхождения» [30].

Рис. 2. Тюркютские могилы на берегу р. Улагана

Очевидно, тюркюты, как и многие другие народы, ориентировались при совершении погребального обряда не на само солнце, а на первые лучи зари, которые весной, действительно, появляются на северо-востоке, а осенью и зимой — на юго-востоке.

При учете всех этих фактов установка балбалов в северо-восточном направлении становится понятной и закономерной.

Кроме балбалов, около квадратных могил обнаружены каменные изваяния, по-теленгитски «киши-таш», т. е. «человеческий камень».

Всего их найдено три-два на Башкаусе и одно на среднем Улагане.

Первое изваяние изображает мужчину с ярко выраженной, даже подчеркнутой монголоидностью. В правой руке он держит чашу, левая лежит на рукояти прямого меча. Материал — черный сланец. Второе изваяние — герма, сделано из серого песчаника. Изображению также приданы черты монголоида, что подтверждается узким разрезом глаз и прямой, но невысокой спинкой носа. Хорошо различим головной убор — клобук, характерный для азиатских степняков, но не горцев. Третья фигура — из красного мергеля, обладает теми же расовыми признаками. Она более похожа на юношу или молодую женщину. Оружия на ней нет. Чашу она держит в левой руке, а правая лежит на поясе.

В заключение необходимо отметить аналогичные статуи из Курайской степи и из Канской степи (фрагмент), хранящиеся в Бийском краеведче-

[30] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 230.

ском музее. Они также монголоидны, и курайская статуя снабжена традиционной чашей и мечом, характерными для всех фигур этого типа.

Литература о каменных изваяниях Алтая, Монголии и Восточного Казахстана очень обширна [31], но ныне уже не представляет интереса, так как вопрос о их назначении, принадлежности и эпохе разрешен. Они представляют собой портретные изображения тюркютов, пепел которых погребен в квадратных могилах, всегда находящихся при каменном изваянии [32]. Этот обычай также отмечен китайским описанием тюркютского погребального обряда, хотя там сказано, что ставится «нарисованный облик покойного» [33]. Это не только не противоречит данным современной науки, но, напротив, объясняет, почему на 1000 тюркютских погребений обнаружено только три каменных изваяния.

В китайском сообщении «нарисованный облик» фигурирует как обязательный аксессуар погребения, но везде и всегда каменные надгробья были достоянием людей состоятельных.

Надо думать, что тюркюты победнее ставили на могилах деревянные или глиняные раскрашенные изображения, которые, конечно, не сохранились. Таким образом, каменные изваяния следует считать исключениями из общего правила, и малое их количество не должно смущать или удивлять исследователя. Решающим аргументом в пользу этого соображения является положение статуи относительно могилы. Она всегда стоит спиной к «оградке» и смотрит на ряд балбалов. Если бы статуя сама являлась балбалом, то она смотрела бы на прах своего победителя. Кроме того, в китайском описании погребального обряда точно указано, что для обозначения убитого врага ставят просто камень, тогда как «нарисованный облик» принадлежит покойнику.

Обычай ставить портретный надгробный памятник сохранился у самой западной ветви древнейших тюрок — у чувашей. На могиле мужчины ставится дубовый столб, а женщины — липовый. Грубо вырезанный треугольник изображет лицо. Этот памятник носит название «юба»; его считают «домом покойника», т. е. вместилищем его души [34]. Очевидно, чуваши принесли этот обряд на Волгу из мест своего древнего обитания, когда их предки были соседями предков тюркютов [35].

Итак, каменные изваяния с чашей датируют квадратные могилы так же хорошо, как и сообщения письменных источников, и мы имеем возможность видеть тюркютов такими, какими они представлялись сами себе. Исследование надгробных памятников дало возможность восстановить общий ход истории алтайской ветви древних тюрок.

---

[31] Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915.

[32] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 133; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. СПб., 1897, стр. 19; Г. Е. Грумм-Гржимайло считает этот обычай заимствованным у динлинов (см. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., стр. 61—67. См. также М. Грязнов и Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Этнографический отдел Русского Музея, т. IV, вып. II, Л., 1929; А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 63 и табл. X; Wl. Kotwicz. Les tombeaux dits «Kereksur» en Mongolie. Rocznik Orientalistyczny, t. VII (1928), Lwów, 1929; его же. Quelques remarques sur les statues de pierre dites «baba», «femmes en pierre». Bulletin international de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres, 1928, Cracowie.

[33] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ук. соч., стр. 230.

[34] В. К. Магнитский. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881, стр. 180; Н. В. Никольский. Краткий конспект по этнографии чуваш. ИОАИЭ, т. XXVI, вып. 6, Казань, 1911, стр. 579.

[35] Т. А. Земляницкий. Чуваши и монголы. Доклад, прочитанный в Общ. Арх., Ист. и Этн. при Самарском Гос. Ун-те 20 января 1927 г. Гос. Архив ЧАССР, Опись 1, фонд 446, № 29, 1929.

П. А. РАППОПОРТ

КРУГЛЫЕ И ПОЛУКРУГЛЫЕ ГОРОДИЩА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Среди огромного количества городищ, являющихся остатками древнерусских укреплений, отчетливо выделяется тип круглых городищ, расположенных большей частью на плоской равнине и не связанных формой своего плана с естественными условиями рельефа местности, на которой они расположены. Круглая форма плана таких укреплений создана явно не случайно, а по замыслу их строителей. Долгое время исследователи считали, что круглые городища относятся к очень раннему периоду — ко времени до сложения Киевского государства. Однако археологическое обследование целого ряда круглых городищ показало, что такое предположение было ошибочным. Круглые городища, расположенные в районе Среднего Поднепровья, все оказались относящимися к XII—XIII вв. Впервые это удалось убедительно показать И. И. Ляпушкину на примере городищ Днепровского Левобережья, а позднее это было подтверждено и на ряде правобережных памятников [1].

Городища, имеющие в плане приблизительно круглую форму, известны не только в Среднем Поднепровье; они имеются и значительно севернее, на территории Северо-Восточной Руси. Вопрос о том, отличаются ли эти северные круглые городища от южных по своему устройству и времени сооружения, очень важен, так как с его решением связаны некоторые более общие вопросы о единстве и различиях в развитии военно-инженерного искусства древней Руси, а следовательно, и о локальных вариантах русской культуры периода феодальной раздробленности.

Одним из наиболее типичных и хорошо сохранившихся круглых городищ Северо-Восточной Руси является городище, представляющее собой остатки древнего Мстиславля.

Город Мстиславль упоминается в письменных источниках лишь один раз — в «Списке русских городов», где он отмечен среди Залесских городов между Юрьевом-Польским и Суздалем [2]. Позднее это название встречается в документах XVI и XVII вв., однако Мстиславль здесь всюду называется уже не городом, а селом. Так, в духовной Ивана IV среди городов и сел, завещанных царице Анне, указано: «в Юрьеве-Польском село Городище Мстиславле» [3].

В настоящее время в районе Юрьева-Польского нет ни одного селения, имеющего название, хоть чем-нибудь напоминающее Мстиславль. Поэтому и место древнего города оставалось не определенным. М. Н. Тихомиров, указывая, что Мстиславль должен был находиться между Юрьевом-Польским и с. Симой, далее писал, что «более точно указать его местоположение пока затруднительно» [4].

---

[1] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 63.

[2] М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки, № 40, М., 1952, стр. 225

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.—Л., 1950, стр. 443.

[4] М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 252.

Между тем городище, представляющее собой остатки Мстиславля, сохранилось очень хорошо. Оно расположено в 10 *км* к северу от Юрьева-Польского, в с. Городищи. В XIX в. село это называлось также Числовские городищи. О наименовании существовавшего здесь древнего города не помнили даже в XVIII в. Так, например, в «Топографических известиях» было указано: «В вотчине Володимера Шереметева селе Городищах находится из давних лет земляной вал» [5]. Однако еще в XVII в. село называлось Городище Мстиславское или Городище Мстиславле [6].

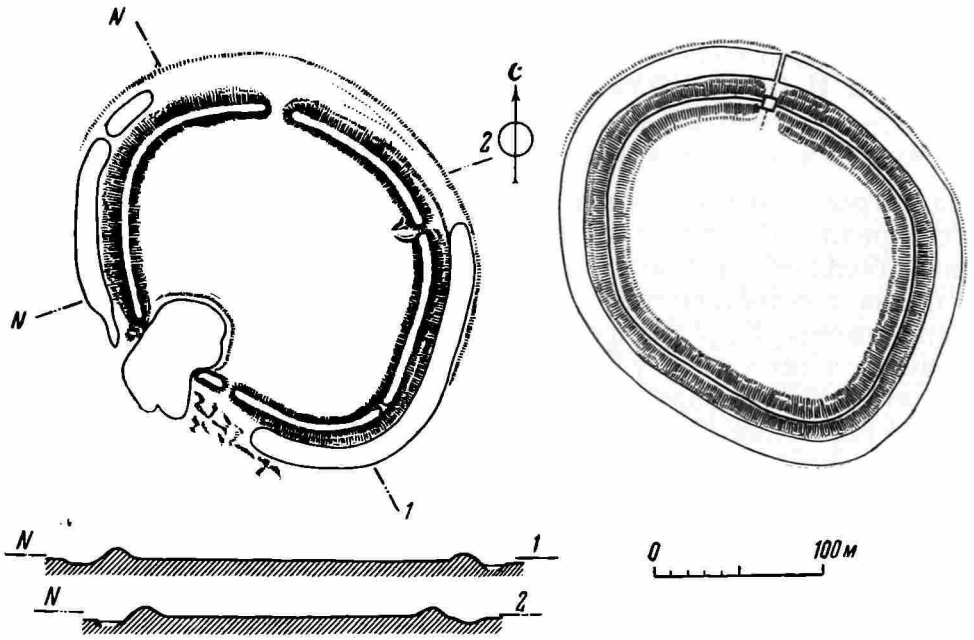


Рис. 1. План Мстиславля (слева — современный вид; справа — реконструкция)

В 60-х годах XIX в. А. Уваров провел на этом городище раскопки; однако он не пытался сопоставить городище с Мстиславлем или каким-либо другим летописным городом [7].

Городище расположено на плоской болотистой низине и имеет в плане форму несколько неправильного круга (рис. 1). Размер его площадки — около 190 × 145 *м*. По периметру городище окружено мощным валом, имеющим даже в настоящее время высоту около 5 *м* над уровнем площадки городища. Перед валом сохранился ров, кое-где и сейчас еще заполненный водой. Вал прорезан четырьмя проходами, из которых, повидимому, лишь один является древним, а остальные три прорыты в значительно более позднее время. В юго-западной части городища небольшой участок вала отсутствует, и здесь расположен пруд, также вырытый сравнительно недавно [8].

Таким образом, первоначально на территорию укрепления вел, очевидно, лишь один въезд, расположенный с северной стороны, т. е. как раз с той стороны, где почва слегка повышается и является менее болотистой.

---

[5] Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи, т. I, ч 2, СПб., 1772, стр. 151.

[6] Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, вып. 3. Составил В. Березин. Владимир, 1896, стр. 452.

[7] А. Уваров. Две битвы. Древности. Тр. Московского археологического общества, т. 2, вып. II, М., 1869, стр. 131.

[8] По словам местных жителей, при очистке пруда в начале XX в. в его северо-восточной части обнаружен дубовый сруб колодца. В настоящее время в этом месте на дне пруда имеется родник.

Культурный слой городища имеет толщину 0,3—0,6 *м* и содержит остатки, относящиеся в основном к двум различным эпохам — к XII—XIII вв. и к XVIII—XX вв. Здесь же были обнаружены единичные фрагменты керамики эпохи бронзы. Прорезка вала, исполненная в 1955 г., показала, что основу вала составляет срубная дубовая конструкция. Вал насыпан не на культурном слое, а на уровне древней поверхности, не имеющей культурных остатков. Не оказалось их и в насыпи вала. Лишь на одном из участков в лицевой части вала обнаружены несколько черепков, относящихся, по-видимому, к XI в.

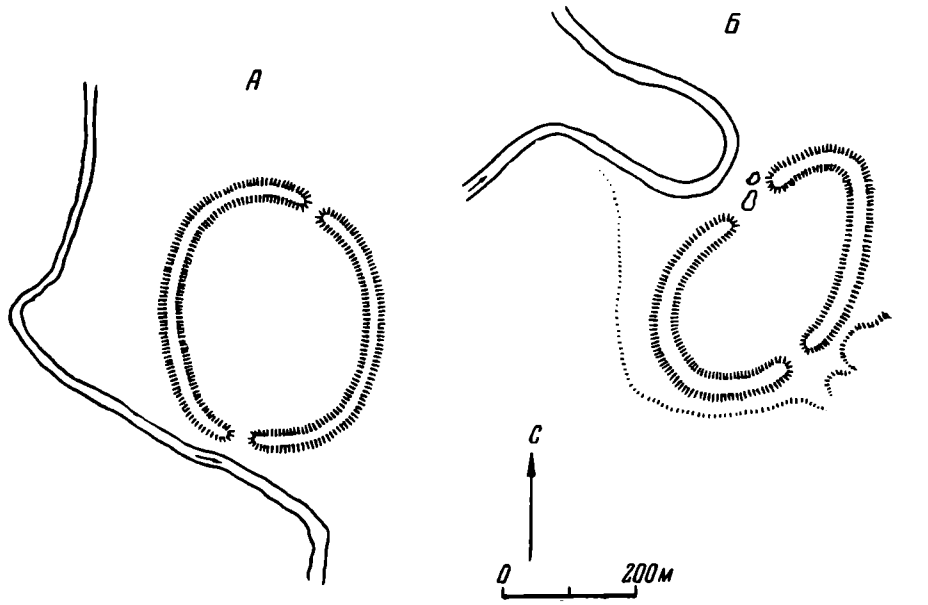


Рис. 2. Планы городищ
А — Юрьев-Польский; *Б* — Дмитров

Все эти данные позволяют прийти к выводу, что Мстиславль был основан в XII или XIII в., просуществовал сравнительно недолгое время (вероятно, до монгольского нашествия) и был заброшен до XVIII в., когда на территории древнего городища вновь размещаются постройки.

Само название города позволяет несколько уточнить его датировку. Несомненно, что город этот основан либо князем по имени Мстислав, либо в честь рождения у какого-либо князя сына, названного Мстиславом. Но среди владимиро-суздальских князей только четверо носили такое имя: это один из сыновей Юрия Долгорукого, сыновья Ростислава и Андрея Юрьевичей и сын Юрия Всеволодовича. Три первых Мстислава родились примерно в середине XII в., а их деятельность падает на 60—70-е годы этого века. Четвертый Мстислав жил несколько позже и был убит при взятии монголами Владимира в 1237 г. Не имея возможности связать основание города конкретно с кем-либо из перечисленных выше князей, мы можем все же отнести возникновение Мстиславля к середине или второй половине XII в. (не исключена, однако, возможность что город был основан немного позже, в начале XIII в.).

Другим хорошим образцом круглого городища может служить городище в Юрьеве-Польском (рис. 2, *А*). Город Юрьев-Польский был основан в середине XII в. Юрием Долгоруким и носит имя этого князя. Подобно Мстиславлю, город Юрьев-Польский расположен на совершенно плоской, низменной местности и имеет в плане форму, близкую к кругу. Размер его значительно больше Мстиславля, а именно около 280 × 340 *м*; длина вала по периметру несколько более 1 *км*. С южной стороны почти вплотную к укреплению подходит р. Колокша. Сквозь вал ведут три проезда; северный и южный, очевидно, древние, а юго-восточный проезд,

вероятно, прорыт позднее, поскольку он не отмечен еще на картах начала XIX в. Вал Юрьева-Польского хорошо сохранился и имеет высоту до 6 *м* от уровня земли внутри городища [9]. Перед валом в настоящее время едва прослеживаются следы рва; однако прорезка показала здесь резкое падение уровня материкового грунта, несомненно указывающее на то, что перед валом повсюду проходил ров.

Приблизительно одновременно с Юрьевом-Польским основан город Дмитров, названный в честь сына Юрия Долгорукого. По схеме своего

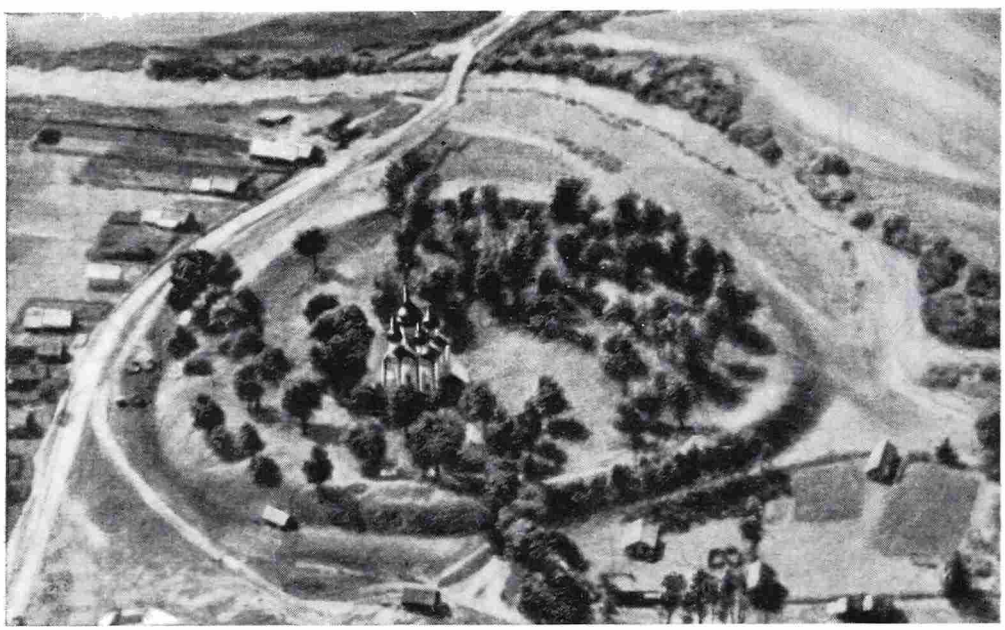


Рис. 3. Микулино-городище (вид с самолета)

плана Дмитров ничем не отличается от Мстиславля и Юрьева-Польского; он расположен на плоской болотистой местности, недалеко от берега реки и окружен по периметру мощным валом (рис. 2, *Б*) [10]. Перед валом с юго-западной стороны заметны следы заплывшего рва. Древние въезды в город располагались с юго-востока и северо-запада; третий, южный, проезд прорыт позднее.

Наконец, четвертым памятником, относящимся к тому же типу, является городище в с. Микулино-городище — остатки города Микулина. Это почти круглое в плане городище имеет размеры около 130 × 160 *м* и расположено на низменном берегу р. Шоши (рис. 3). Вал городища сохранился на высоту более 5 *м*; с северо-восточной стороны видны следы рва.

Если время сооружения укреплений в Юрьеве-Польском и Дмитрове хорошо засвидетельствовано письменными источниками, то датировка Микулина-городища несколько более сложна. В письменных источниках этот город начинает упоминаться лишь с середины XIV в. [11]. Однако археологические раскопки, проведенные здесь в 1937 г. Н. П. Милоновым, показали, что в основании культурного слоя Микулина городища лежит

---

[9] М. С. Померанцев. Город Юрьев-Польский. Тр. Владимирской ученой Архивной Комиссии, кн. VI, Владимир, 1904, стр. 81; Тр. Юрьев-Польского научного общества по изучению местного края, № 1, Юрьев-Польский, 1925, стр. 10.

[10] Н. П. Милонов. Дмитровское городище. СА, IV, 1937, стр. 147; М. Н. Тихомиров. Город Дмитров. Дмитров, 1925; М. С. Померанцев. Дмитровский край в его прошлом. Сб. «Дмитровский уезд Московской губернии». Дмитров, 1924.

[11] Микулинская летопись, составленная по древним актам. М., 1854, стр. 3—4.

прослойка, относящаяся к домонгольскому времени [12]. Таким образом, устройство укреплений города Микулина, по-видимому, следует относить к гораздо более раннему времени, чем первые упоминания об этом городе в русских летописях. Полная идентичность планового приема, примененного в Мстиславле, Юрьеве-Польском, Дмитрове и Микулине, дает основание полагать, что и время постройки всех перечисленных укреплений должно быть очень близким. Еще больше убеждает нас в этом само название города. Историки давно уже обратили внимание на то, что многие города, построенные князьями в Северно-Восточной Руси в XII в., носят названия, повторяющие названия южнорусских городов. Но более того, замечательно, что большинство этих названий относится не к Киевской земле, а к далекому Галицкому княжеству [13].

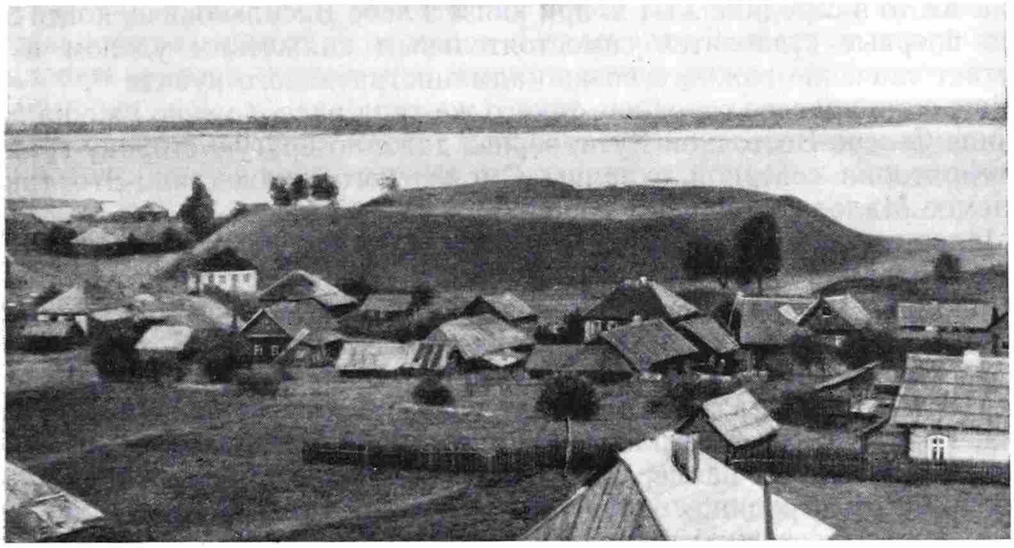


Рис. 4. Малое городище в Торопце (общий вид с юго-запада)

Анализ политической обстановки, сложившейся на Руси к середине XII в., полностью объясняет это явление. Юрий Долгорукий всю жизнь провел в борьбе за Киевский великокняжеский стол. В этой борьбе он опирался на поддержку войск Переяславского княжества, где обычно сидел один из его сыновей, и на тесный политический союз с Галицкими князьями. Для упрочения этого союза Юрий выдал свою дочь за сына Владимирка Галицкого — Ярослава Осмомысла. Совершенно естественно, что, перенося на север ранее сложившиеся традиции Южной Руси, Юрий Долгорукий обращался не к Киеву или Волыни, где княжили его противники, а к Переяславскому и Галицкому княжествам. Показательно, что именно в середине XII в. при Юрии Долгоруком в Северо-Восточную Русь были перенесены из Галича и приемы белокаменной архитектуры. Если при Мономахе в Северо-Восточной Руси появляются такие названия, как город Владимир и река Лыбедь, то при Юрии Долгоруком появляются город Переяславль-Залесский на реке Трубеж, а также города Галич, Звенигород, Перемышль и Микулин [14]. Правда, в письменных источниках мы не находим указаний на то, что эти города были построены при участии Юрия Долгорукого, но археологический материал подтверждает, что все они действительно основаны в XII в. [15].

---

[12] Отчет Н. П. Милонова. Архив ЛОИИМК, ф. 2, опись 1, д. 284 за 1937 г., л. 3, а также ф. 35, опись 2, д. 217.

[13] На это обстоятельство впервые обратил мое внимание М. К. Каргер.

[14] Город Микулин в Галиции упоминается в Ипатьевской летописи под 6652, 6677 и 6710 гг.

[15] Археологическая разведка в Галиче Мерьском проведена автором в 1957 г. Материал XII в. в Звенигороде был обнаружен раскопками Б. А. Рыбакова. См. Б. А. Ры-

К типу круглых городищ Северо-Восточной Руси относится также и городище в г. Белозерске — остатки древнего Белоозера. Городище, расположенное в 100—150 *м* от берега озера, имеет приблизительно круглую в плане форму; его диаметр несколько более 200 *м* [16]. По периметру городище окружено мощным валом, имеющим до 8 *м* высоты. Перед валом сохранился ров глубиной до 5 *м*.

Сооружение крепости в Белозерске обычно относят к 1488 г., когда летопись отмечает постройку здесь «нового города» [17]. Однако «новый город» в Белозерске, наряду со «старым городом», упоминается еще значительно раньше, в конце XIV в. [18]. Таким образом, известие 1488 г. следует, по-видимому, понимать лишь как свидетельство о капитальном обновлении укреплений Белозерского «нового города», а не об его основании. Первоначальная же постройка этой крепости, вероятнее всего, имела место в середине XIII в. при князе Глебе Васильковиче, когда Белоозеро впервые становится самостоятельным княжеским уделом и приобретает значение важного военно-административного пункта [19].

Еще одно круглое городище такого же типа расположено уже на самой границе Северо-Восточной Руси, вернее даже по другую сторону границы, на территории северной окраины Смоленского княжества. Это так называемое Малое городище в Торопце.

Малое городище, или, как его называют документы XVII в., «Высокое малое городище», расположено на плоской болотистой равнине на берегу оз. Соломено (рис. 4). С трех сторон городище было окружено рвом, слабые следы которого сохранились до настоящего времени. Ров этот, вырытый на болотистой низине, несомненно был в древности наполнен водой. С четвертой стороны вал городища почти вплотную подходит к берегу озера. Городище имеет в плане приблизительно овальную форму и сравнительно небольшие размеры; его площадка равна примерно 95 × 60 *м*. По периметру городище окружено мощным валом. На городище ведут два въезда — с северной и восточной сторон; оба въезда очень неглубоко врезаются в вал, т. е. проходят выше уровня площадки городища. Сама площадка лежит на высоте около 6,5—7,0 *м* над уровнем окружающей местности, но шурфы, заложенные на городище, показали, что толщина культурного слоя здесь около 2,7 *м*. Следовательно, в то время, когда эта территория первоначально заселялась, площадка возвышалась над окружающей низиной всего на 4 *м*.

Археологическая разведка, проведенная в Торопце в 1956 г., показала, что поселение здесь было основано в XI или, вернее, даже во второй половине X в. Однако при прорезке вала выяснилось, что в насыпи вала встречаются фрагменты керамики XII—XIII вв. Следовательно, вал был значительно увеличен (если даже не целиком построен) именно в это время, во всяком случае не раньше XII в. По-видимому, именно тогда поселение, расположенное первоначально на небольшом естественном бугре на берегу озера, приобрело более или менее правильную, округлую в плане форму.

баков. Раскопки в Звенигороде. МИА, № 12, 1949, стр. 128. Относительно Перемышля Московского см. П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 118.

[16] М. В. Фехнер. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской области. Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, стр. 127; см. также отчет П. А. Сухова в Архиве ЛОИИМК, ф. 35, опись I, д. № 41 за 1939 г., л. 29 и прилож. 9.

[17] Софийская 1 летопись под 6996 г. «О заложении города Белаозера» упоминается также в Софийской 2 летописи и в Воскресенской летописи.

[18] Новгородская 1 летопись под 6906 (1398) г. В «Списке русских народов» также упоминается «на Белеозере два городка». См. М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 252.

[19] См., например, А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. 2, СПб, 1891, стр. 154. Неизвестно, на основании каких данных автор статьи «Белозерское княжество» прямо приписывает постройку Белозерского вала князю Глебу Васильковичу. См. Энциклопедический словарь. Ф. Брокгауз и И. Ефрон, т. V, СПб., 1891, стр. 219.

Время создания Торопецкой крепости может быть пока определено лишь очень приблизительно. Наиболее вероятно, что это произошло в начале XIII в., когда Торопец выделился в самостоятельный княжеский удел и князем здесь стал знаменитый Мстислав Удалой [20]. Не исключена, однако, возможность, что крепость построена даже немного позже, в 30—40-х годах XIII в., когда Торопец, по-видимому, принадлежал Александру Невскому и приобрел большое военно-стратегическое значение в связи с усилением воинственной Литвы [21].

Еще один, хотя и несколько менее типичный, пример округлого в плане городища представляет собой Переславль-Залесский, основанный в 1152 г. [22]. Это укрепление, имеющее очень большие размеры (длина его равна почти 700 *м*), расположено при впадении ручья в р. Трубеж. В связи с конфигурацией рек городище имеет грушевидную в плане форму. Однако невысокие берега рек играют очень малую роль в организации обороны этого города, и в целом в Переславле-Залесском явно видно стремление придать укреплению искусственную округлую форму.

Таким образом, на территории Северо-Восточной Руси известно уже достаточно большое количество круглых городищ, чтобы можно было утверждать наличие здесь устойчивой традиции строительства подобного типа укреплений.

* * *

На территории Южной Руси, наряду с круглыми городищами, существует еще один тип, близкий, но не тождественный круглым городищам. Речь идет о городищах, имеющих в плане полукруглую форму.

Если круглые городища со всех сторон окружены искусственными земляными сооружениями — валами и рвами,— то полукруглые одной из своих сторон опираются на естественный оборонительный рубеж — берег реки или крутой склон оврага. С остальных же сторон эти городища окружены искусственным валом и рвом, имеющими в плане форму, близкую к полукругу. Изучение этих полукруглых городищ показало, что они представляют собой как бы переходный, компромиссный вариант между круглыми городищами и городищами, связанными своей формой с естественными условиями рельефа местности. Применялся такой тип укреплений исключительно в XII—XIII вв., т. е. одновременно с круглыми укреплениями.

Обследование городищ Северо-Восточной Руси показало, что и здесь, наряду с круглыми, имеются городища полукруглой формы, причем совершенно так же, как и в Южной Руси, все они относятся к тому же времени, что и круглые городища.

Одним из хороших примеров может служить Городок на р. Моче — остатки древнего города Перемышля [23]. Это городище расположено на высокой надпойменной террасе р. Мочи и одной стороной примыкает к краю этой террасы. С остальных сторон площадка городища окружена валом и рвом, имеющими в плане форму, близкую к полукругу. Площадка городища ровная; ее размер приблизительно 280 × 280 *м;* ров широкий и глубокий. С напольной стороны городища он целиком искусственный, а ближе к краю береговой террасы переходит в большие естественные овраги.

Другой хороший пример полукруглого городища — городище у Сунгиревского оврага, близ Боголюбова (рис. 5). Оно расположено на ровной,

---

[20] И. Побойнин. Торопецкая старина. М., 1902, стр. 42.

[21] Там же, стр. 45. О военном значении Торопца в середине XIII в. см. также В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956, стр. 174.

[22] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 63.

[23] П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г., стр. 118.

слегка понижающейся в сторону оврага площадке и примыкает одной стороной к краю этого оврага. С остальных сторон городище защищено полукруглым в плане валом. Невысокий вал проходит и по той стороне площадки городища, которая примыкает к краю оврага. Перед валом сохранились следы заплывшего рва, причем в части, примыкающей к оврагу, этот ров, видимо, не целиком искусственный, а является также небольшим овражком.

Сунгиревское городище невелико; его площадка занимает в длину около 120 *м* при наибольшей ширине 80 *м*. Однако известны городища такого же типа, имеющие и очень значительные размеры. Так, например, вал древнего Городца на Волге представляет собой характерный пример полукруглого городища огромного размера; его длина вдоль Волги равна приблизительно 1200 *м*.

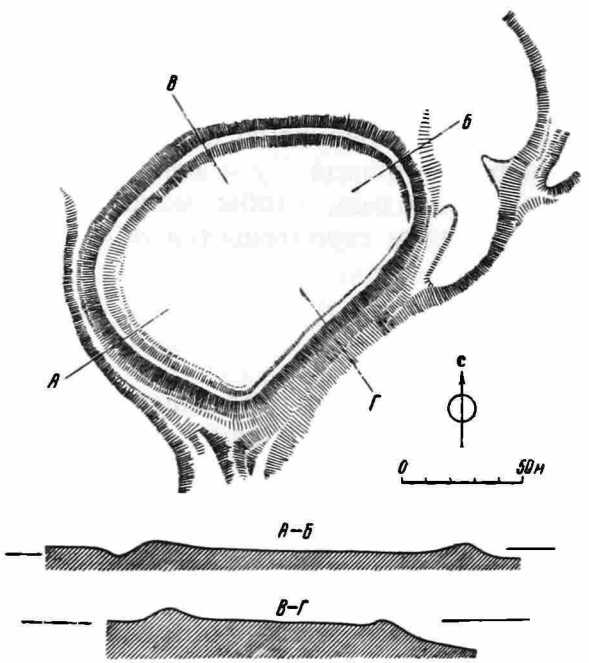


Рис. 5. Сунгиревское городище

В письменных источниках Городец упоминается начиная с 70-х годов XII в., а время его сооружения, по-видимому, следует относить к середине XII в. Поселение на Сунгиревском городище возникло значительно раньше, видимо в IX—X вв. [24]. Однако прорезка вала этого городища показала, что культурный слой, включающий остатки X, XI, а частично, быть может, даже XII в., уходит под основание вала, тогда как слой с находками XII—XIII в. заходит на тыльный склон вала. Таким образом, время сооружения укреплений здесь также XII в.

Можно привести еще один пример городищ того же типа, хотя и в очень своеобразном варианте,— это древнейшая часть укреплений Галича Мерьского, так называемое Нижнее городище на Балчуге. На первый взгляд это городище мало напоминает полукруглые городища; однако анализ его плановой структуры позволяет убедиться в том, что общая плановая схема здесь совершенно та же. Городище примыкает одной стороной к берегу Галичского озера, с остальных сторон его площадка защищена валами. В отличие от других полукруглых городищ площадка здесь расположена не на плоскости, а на довольно крутом склоне, валы же, защищающие эту площадку, на довольно большом протяжении идут по краям больших естественных оврагов. Эта связь с конфигурацией примыкающих к городищу оврагов и обусловливает отличие Галичского Нижнего городища от обычных городищ полукруглого типа. Построение крепости в Галиче, по-видимому, относится ко времени Юрия Долгорукого, т. е. к середине XII в. [25].

К полукруглому типу относится также Осовецкое городище на Клязьме, датируемое XII в., [26] и городище в Кидекше.

---

[24] Раскопки Н. Н. Воронина в 1954 г.

[25] Прорезка вала и шурфы, заложенные на площадке городища в 1957 г., подтверждают в общих чертах такую датировку.

[26] Отчет Н. Н. Воронина. Архив ЛОИИМК, ф. 2, опись 1, № 244 за 1937 г., лл. 32—33 и рис. 26; Н. Н. Воронин. Разведки Осовецкого городища. Газ. «Призыв» от 28 июля 1937 г.

Общее количество известных нам полукруглых городищ Северо-Восточной Руси очень невелико, но вместе с круглыми городищами они составляют все же группу памятников, достаточную для того, чтобы попытаться сделать некоторые, хотя бы предварительные выводы об этих своеобразных типах оборонительных сооружений древней Руси.

* * *

Прежде всего следует констатировать, что круглые и полукруглые в плане укрепления на территории Северо-Восточной Руси сооружаются примерно в то же время, как и на территории Среднего Поднепровья, т. е. в XII—XIII вв. Совершенно несомненно, что это совпадение не случайно; оно свидетельствует об общности военно-тактических приемов штурма и обороны крепостей, применявшихся в это время в Киевской земле и во Владимиро-Суздальском княжестве. Общие закономерности развития военно-инженерного искусства в период феодальной раздробленности были, очевидно, одни и те же на всей территории древней Руси.

Следует, однако, отметить, что на территории Северо-Восточной Руси тип круглых и полукруглых укреплений появляется, по-видимому, все же несколько позже, чем в Киевской земле. Наиболее ранние известные нам круглые или полукруглые городища севера относятся к середине XII в., тогда как на юге известны подобные памятники, возникшие уже в конце XI в. Время прекращения строительства круглых укреплений на юге связано с монгольским нашествием 1240 г. На севере, возможно, некоторые подобные крепости были созданы несколько позже этой даты — в середине XIII в. (например, Белоозеро).

Можно отметить, что и сами формы крепостей на севере и юге несколько отличаются. Круглые городища Среднего Поднепровья, как правило, небольших размеров — обычно не более 100—150 *м* в диаметре. Круглые городища севера, наоборот, имеют не менее 150 *м* в диаметре, обычно же их размер значительно больше. Очевидно, в связи с этим южные городища часто имеют гораздо более правильную геометрическую форму, в то время как северные городища никогда не бывают совершенно правильными и круглыми их можно назвать лишь условно.

В целом же сравнение круглых и полукруглых городищ Киевской и Владимиро-Суздальской земель показывает больше черт сходства, чем разницы, так как сходство имеется в основных, принципиальных чертах, а разница — в деталях.

Древнерусские городища до настоящего времени изучены еще совершенно недостаточно. В особенности это относится к городищам Северной Руси, многие из которых не подверглись еще даже самому поверхностному обследованию. Естественно поэтому, что и заключения о военно-тактической организации древнерусских крепостей, а особенно крепостей Северной Руси, могут иметь пока лишь самый общий и предварительный характер.

В. В. КОСТОЧКИН

СТРОИТЕЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ КРЕПОСТИ ИЗБОРСКА

Изборская крепость (рис. 1) — выдающийся памятник древнерусского оборонного зодчества. С начала XIX в. этому памятнику уделяли внимание А. Щекатов, Е. Болховитинов, Е. Ф. Канкрин, И. Годовиков, М. Красовский, В. Н. Талепоровский, К. К. Романов, Н. И. Репников, Н. Окулич-Казарин, В. Биркенберг, А. Туулзе и многие другие исследователи. Каждый из них внес в дело его изучения свой ценный вклад. Однако, несмотря на то, что все материалы по изучению Изборской крепости в настоящее время обобщены [1], а ее датировка уточнена [2], история ее строительства до сих пор остается неизвестной, а вопрос о ее первоначальном архитектурном облике не только не решен, но даже и не поставлен. Между тем строительная «биография» крепости Изборска значительно сложнее, чем это считалось до сих пор. Выявление основных этапов этой биографии имеет существенное значение не только для характеристики самого памятника, но и для всей истории русской крепостной архитектуры. Она дает возможность составить представление о совершенно неизвестном псковском военном зодчестве начала XIV в., которое в связи с отсутствием соответствующих памятников, до сих пор не могло быть представно в общем потоке развития русского архитектурно-строительного искусства.

Изборск относится к числу древнейших русских поселений. Летописи упоминают о нем уже под 862 г. в легендарном рассказе о призвании на Русь князей Рюрика, Синеуса и Трувора [3]. Остатком древнего Изборска является так называемое Труворово городище, расположенное на ровной треугольной площадке (около 9 500 $м^2$) остроконечной части высокого плато, вдающегося в примыкающую к нему широкую долину (рис. 2). Раскопки показали, что славянское поселение на месте городища появилось в VIII или IX в. [4]. В конце XIII в., когда ливонцы стали стремиться к захвату псковских земель, стратегическое значение Изборска резко увеличилось. Благодаря развитию ремесла и расширению торговых связей город к этому времени сильно вырос; автор летописного свода первой четверти XVI в. отметил, что Изборск «ныне пригородок пъсковскии, а тогда был в кривичех большии город» [5]. К началу XIV в., помимо Труворова городища, городские постройки распространялись и западнее по так на-

---

[1] См. П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. МИА, № 31, 1952, стр. 164—183. В этой работе П. А. Раппопорт пришел к выводу, что частей Изборской крепости 1330 г. не сохранилось и что существующие военно-оборонительные сооружения Изборска относятся не ранее, чем к середине XV, а то и к XVI в. (стр. 181—183). Однако, несмотря на то, что этот вывод был признан убедительным (см. рецензию Н. И. Брунова, П. Н. Максимова и А. Г. Чинякова в «Советской археологии», т. XX, 1954, стр. 404), он является ошибочным.

[2] Этому вопросу была посвящена специальная статья. См. В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 63—65.

[3] ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 9.

[4] С. А. Тараканова. Древний Изборск. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 89—96.

[5] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.—Л., 1950, стр. 20.

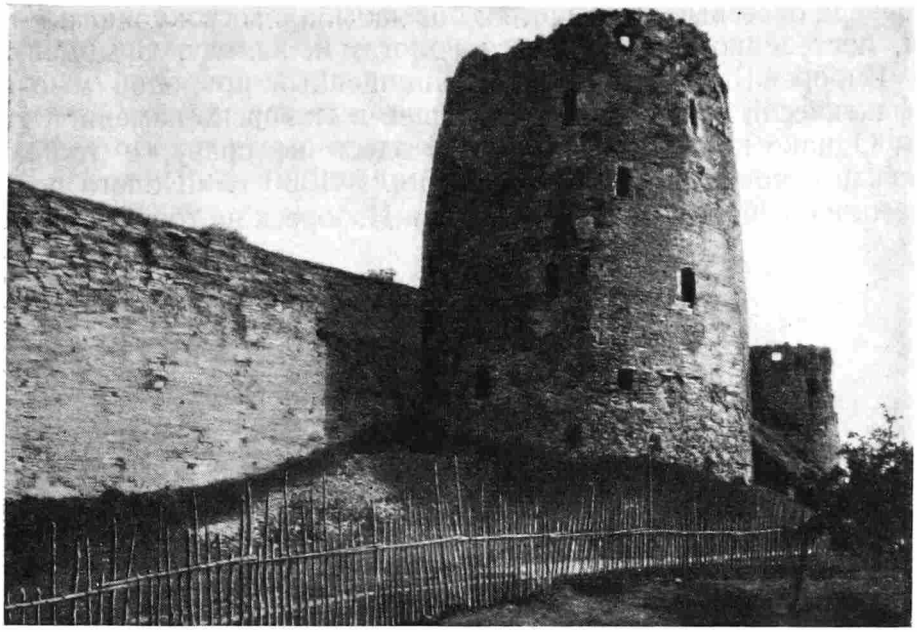


Рис. 1. Башни западной стороны Изборской крепости

зываемому Славянскому полю, где археологической разведкой 1953 г. обнаружен большой культурный слой X—XII вв. [6].

Но открытое и ровное Славянское поле не имело естественных рубежей с запада, которые способствовали бы обороне посада. Во время вражеских нападений не могла, очевидно, вместить всех посадских жителей и крепость Труворова городища; для нее нужно было подыскать другое место, более удобное в военном отношении, и в 1303 г. «Избореск поставлен

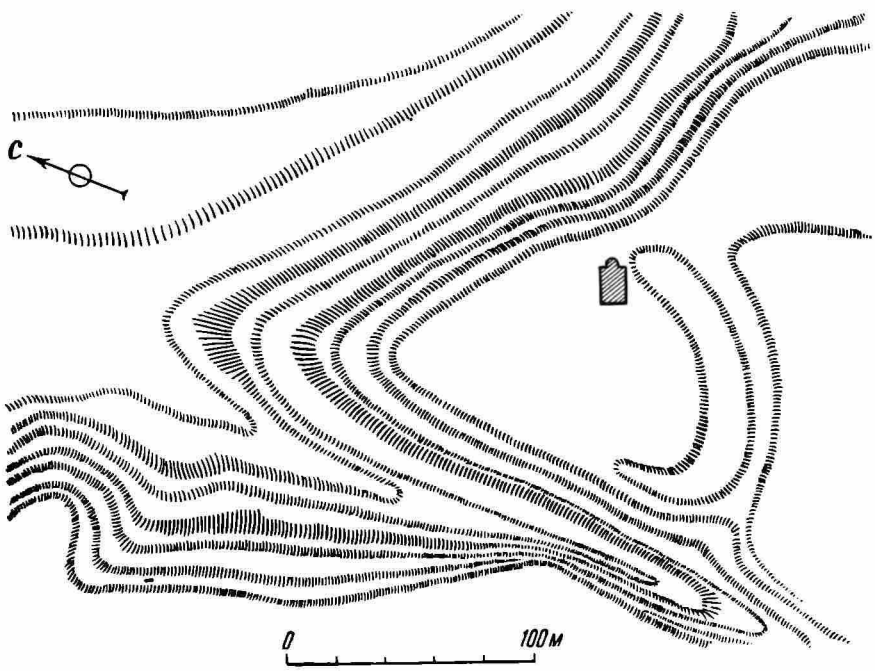


Рис. 2. План Труворова городища

бысть на новом месте» [7]. Он занял пространство каменистого мыса Жеравьей горы, сильно выступающего в долину р. Смолки [8]. Этот мыс огра-

[6] Разведка производилась экспедицией Государственного Эрмитажа и Печорского краеведческого музея.

[7] Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 14.

[8] Керамика XI—XII вв., найденная в крепости при разведке 1953 г., показывает, что Жеравья гора была обитаема и до 1303 г.

ничен с севера отвесным каменистым обрывом, а с востока и юга — крутым склоном, постепенно становящимся пологим к западу. С момента перенесения Изборска на этот хорошо защищенный природой мыс и начинается фактически история существующей в Изборске каменной крепости (рис. 3). Однако построена она была здесь не сразу, а только через 27 лет после основания нового поселения. В 1330 г. «Шолога посадник с псковичами и с изборяны поставиша град Избореск на горе на Жоравьи» [9].

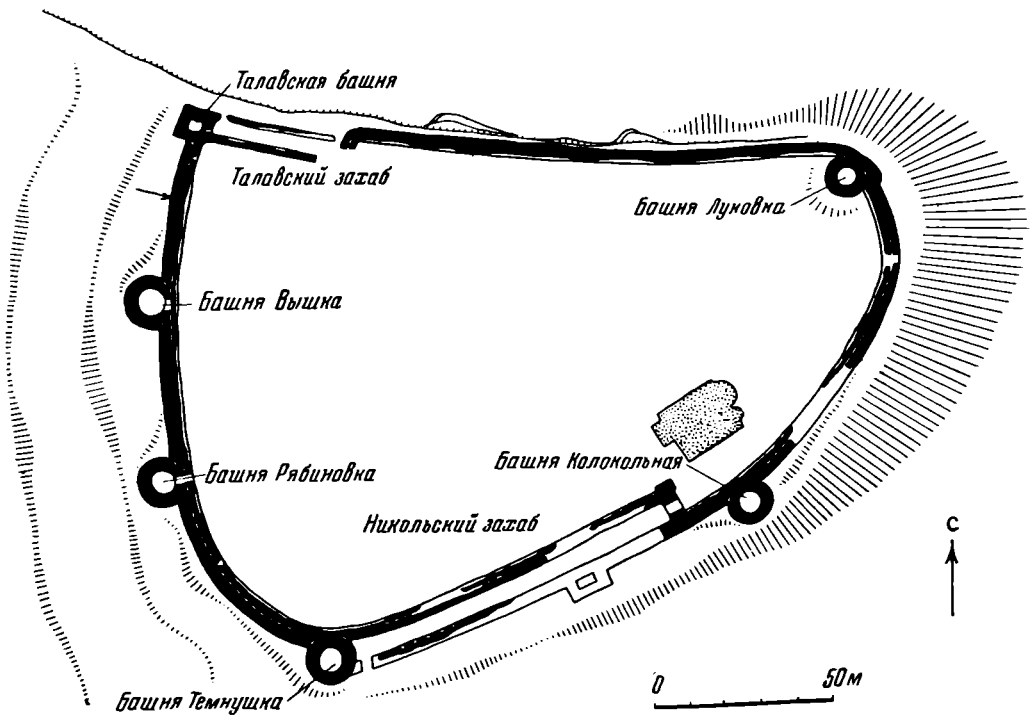


Рис. 3. План Изборской крепости (видимые швы отмечены пунктиром; стрелка— место нахождения железного наконечника немецкой стрелы XIV—XV вв.)

Этим исчерпываются летописные известия об Изборской крепости; каких-либо указаний на ее расширение или перестройку в последующее время в них нет. Между тем исследователи уже не раз указывали на слоистость изборских стен, что свидетельствует об усилении крепости на последующих этапах ее существования.

О позднейшей реконструкции Изборской крепости в литературе уже указывалось. А. Туулзе относил эту реконструкцию к концу XV в., а Н. И. Репников, К. К. Романов и П. А. Раппопорт — к концу XV в. и даже к XVI в. [10]. Мы же считали, что она произошла примерно во второй половине XV в. или, в крайнем случае, в самом начале XVI в. [11]. Говоря о слоистости изборских стен, исследователи обычно указывают, что они состоят из двух частей [12]. Наши исследования Изборска в 1949 и 1950 гг. показали, что стены крепости не только двухслойны, но также однослойны и трехслойны. Кроме того, они имеют и разную толщину [13]. Однослойна лишь внутренняя стена Таловского захаба [14], достигающая

[9] Псковские летописи, вып. 2, М., 1955, стр. 23. «Пьсковичи поставиша город Избореск камен на Жарове горе». (ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 218—219).

[10] В. В. Косточкин. Ук. соч., стр. 63.

[11] Там же, стр. 64.

[12] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 182.

[13] В 1957 г. исследовательскую работу в Изборске вел отряд экспедиции по изучению русских северо-западных городов ИИМК АН СССР под руководством автора настоящей статьи. Исследование сопровождалось расчистками, зондированием, обмерами и фотографированием. В нем принимали участие Л. В. Тыдман и Г. А. Коняев.

[14] Захабом называются въезды в Изборскую крепость, имеющие сложное устройство в виде коридора между двумя каменными стенами. В Изборске было два захаба: Талавский и Никольский.

шириной 2,04 *м*. Северная стена крепости имеет двуслойную структуру. Вертикальный шов, делящий эту стену на части, проходит по ее закругленному торцу, рядом с остатками Талавского захаба (рис. 4, *а*). Ширина слоев здесь разная: наружного — 2,46 *м*, внутреннего — около 1,6 *м* [15].

Двуслойна сейчас и юго-восточная стена крепости между башнями Луковкой и Колокольной. Деление ее на два слоя видно по краям полу-

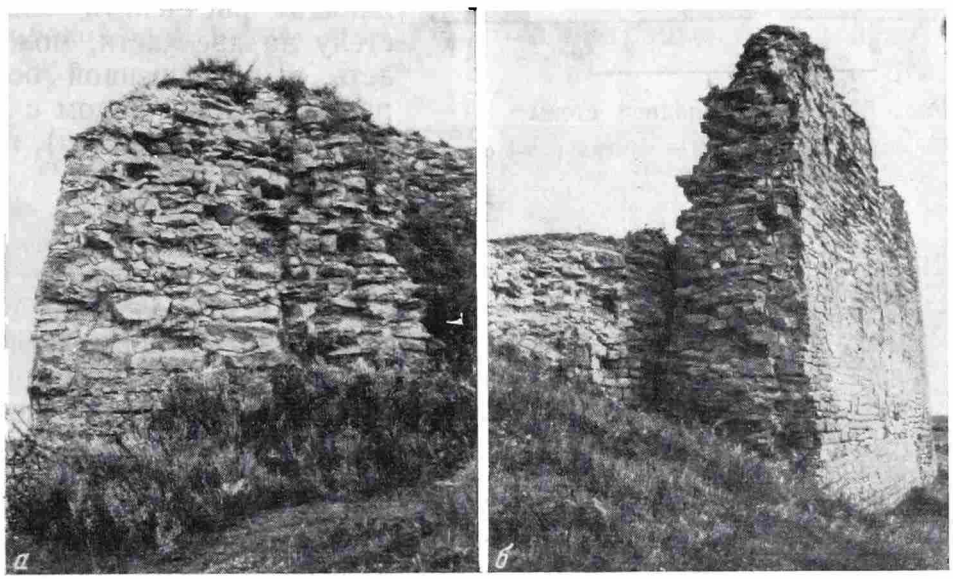


Рис. 4. Слои стен

а — западного торца северной стены; *б* — северной стороны пролома юго-восточной стены

разрушенного арочного вылаза [16] южнее башни Луковки и по обеим сторонам пролома северо-восточнее Колокольной башни (рис. 4,*б*).

К сожалению, особенно сильная разрушенность внутренней стороны стены между башнями Луковкой и Колокольной не дает возможности определить (даже приблизительно) ни общей ее толщины, ни толщины ее внутреннего слоя. Однако промер кладки в местах расположения швов показал, что ширина наружного слоя колеблется здесь от 1,78 до 1,9 *м*.

Из двух составных частей состоит и внутренняя стена Никольского захаба, остатки которого сохранились между башнями Колокольной и Темнушкой. Вертикальные швы, членящие эту стену на части, видны с северной стороны проезжей арки захаба и в местах разрушений юго-восточнее башни Темнушки. В связи с отсутствием перевязи между слоями последний из швов так разошелся, что образовалась щель шириной 30 *см*. Промер кладки внешнего слоя в местах расположения швов показал, что он имеет толщину 1,5—1,67 *м*. Общая же ширина стены рядом с башней Темнушкой — 3,84 *м*.

Совершенно иную структуру имеет западная стена крепости между башнями Талавской [17], Вышкой, Рябиновкой и Темнушкой. Считавшаяся

[15] Здесь и далее общая толщина стен и ширина их слоев указаны приблизительно. Промерить точно поперечные размеры стен крепости у основания из-за сильной разрушенности их внутренних поверхностей сейчас невозможно.

[16] Принадлежащий наружному слою, этот вылаз не был раньше виден снаружи крепости. Он имел тонкую стенку, выложенную вперевязь и заподлицо с кладкой его внешней поверхности. Остатки этой стенки сохранились. Пробив такую стенку, защитники осажденной крепости получали возможность совершить неожиданную для врага вылазку.

[17] Отметим кстати, что название «Талавская» весьма древнее, так как в самом начале XVI в. к западу от Изборска «под немецким рубежом» существовал Талов погост, вблизи которого в 1519 г. был основан Псково-Печерский монастырь (Псковские летописи, вып. I, стр. 101).

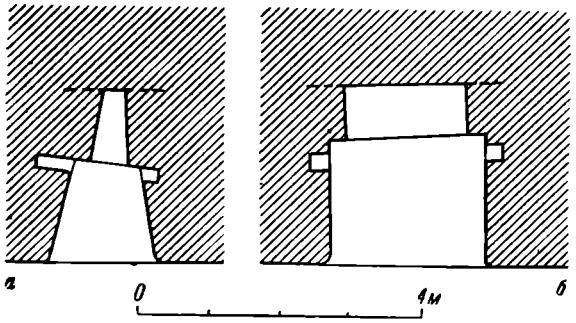


Рис. 5. Детали западной стены

а — подошвенная бойница; *б* — камера (швы отмечены пунктиром)

до сих пор двуслойной [18], она в действительности трехслойна. Впрочем разделим эту стену сперва только надвое, выделив при этом ее внутренний слой.

Вертикальные швы, позволяющие расчленить западную стену на две части, можно видеть в подошвенной бойнице, расположенной рядом с Талавской башней (рис. 5,*а*), по краям широкой камеры [19] между башнями Рябиновкой и Темнушкой (рис. 5,б), по сторонам глубокой и высокой ниши внутри башни Вышки (рис. 6*а*) и в проходе, ведущем в башню Рябиновку. На эти швы исследователи уже обращали внимание; некоторые из них были зафиксированы В. Н. Телепоровским при обмере памятника в 1910 г.

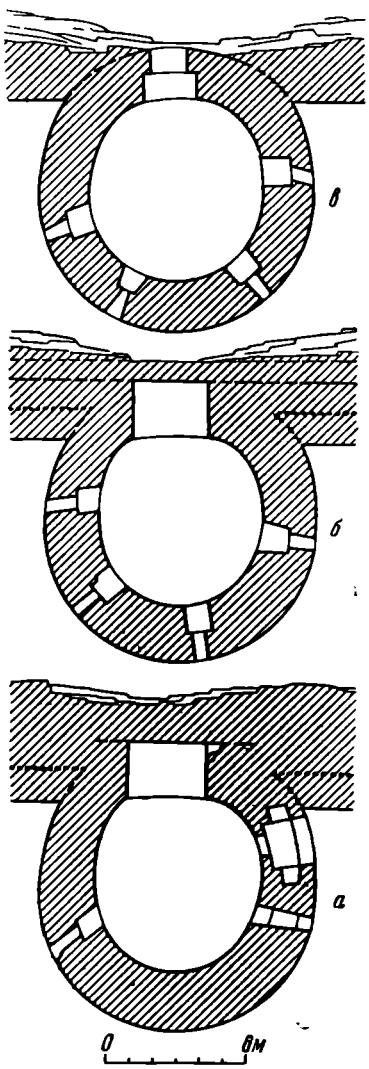


Рис. 6. Планы башни Вышки

а — первого яруса; *б* — второго яруса; *в* — третьего яруса (видимые швы отмечены пунктиром, предполагаемый — точками)

Промер внутреннего слоя западной стены по бойнице и камере показал, что в первом случае он имеет толщину 2,4 *м*, а во втором — 2,5 *м*, т. е. на 40—50 *см* больше, чем внутренняя стена Талавского захаба.

Разделить западную стену на две части и отделить ее внутренний слой позволяют также неизвестные ранее горизонтальные швы. Отрезок одного из них удалось расчистить на уровне боевого хода стены у Талавской башни. Участки второго обнаружены непосредственно за башнями Рябиновкой и Вышкой. В последнем случае шов идет от башни вдоль стены в обе стороны (рис. 6б) и является, по существу, швом, видимым по сторонам ниши этой башни. Горизонтальный шов имеется также на всем протяжении верха стены между башнями Рябиновкой и Темнушкой (см. рис. 3). Здесь он настолько разошелся, что между слоями образовалось пространство, достигающее местами ширины более 70 *см*.

Перечисленные выше горизонтальные швы находятся примерно на одинаковом расстоянии от тыльной стороны стены и, следовательно, являются участками одного шва. Вместе с вертикальными они составляют единое целое. Соединяя участки этого шва между собой на всем протяжении западной стены, мы выделим, таким образом, ее внутренний слой.

Конечно, при выделении внутреннего слоя западной стены одновременно с наружным слоем надо отделить и башни, которые составляют

[18] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 182.

[19] Примечательно, что бойница и камера, являвшаяся в свое время проходом, прикрывались специальными щитами. О их существовании свидетельствуют квадратные отверстия в их боковых стенках, служившие гнездами для заведения запоров.

неразрывное целое с наружным слоем. Перевязь кладки наружного слоя с кладкой башен хорошо видна со стороны пространства крепости, на уровне 2 *м* от верха западной стены, по бокам башен Вышки, Рябиновки и Темнушки. Это свидетельствует о том, что перечисленные башни и наружный слой сложены в одно время. Не составляет в этом отношении исключения и Талавская башня. Как и круглые башни, она, без сомнения, сложена вперевязь с наружным слоем; во всяком случае, она появилась позднее внутреннего. Об этом говорит вертикальный шов, проходящий в углу между восточной гранью башни и внутренней

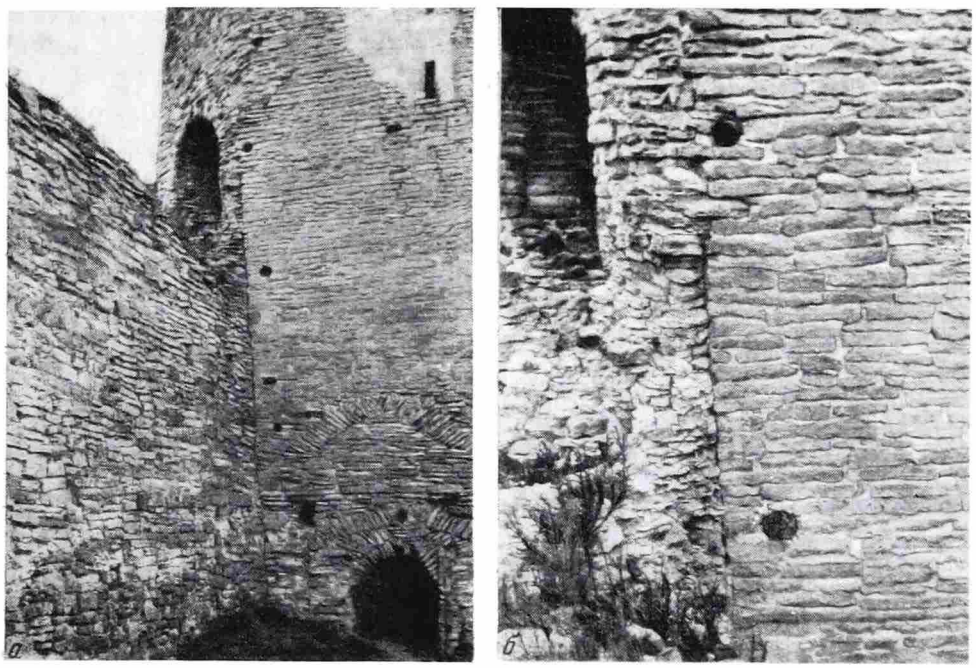


Рис. 7. Шов в углу между восточной гранью Талавской башни и внутренней стеной Талавского захаба

а — общий вид; *б* — деталь

стеной Талавского захаба (рис. 7*а,б*). Ознакомление с данным швом показало, что кладка упомянутой захабной стены подходит здесь под башню и, следовательно, Талавская башня приложена к внутренней стене Талавского захаба (рис. 8). Больше того, здесь хорошо видно также и то, что внутренний слой западной стены является непосредственным продолжением сохранившейся стены Талавского захаба и что тыльная сторона Талавской башни опирается на угол, образованный внутренним слоем западной стены и стеной захаба. Шов, позволяющий выявить этот угол, хорошо просматривается на пороге широкого проема, ведущего из башни на крепостные стены (рис. 8,*в*).

Пристройкой Талавской башни к углу, образованному внутренним слоем западной стены и стеной Талавского захаба, а также тем, что этот угол, послужив опорой для одной башенной грани, оказался заложенным в ее кладку, объясняются: неправильная форма плана Талавской башни, «срез» ее внутреннего угла (рис. 9) и несколько увеличенная толщина ее пятой, юго-восточной грани.

О том, что сохранившаяся стена Талавского захаба служит продолжением внутреннего слоя западной стены, свидетельствует и их кладка. В обоих случаях она почти одинакова и состоит из плоских колотых плит девонского известняка, сложенных плашмя на извест-

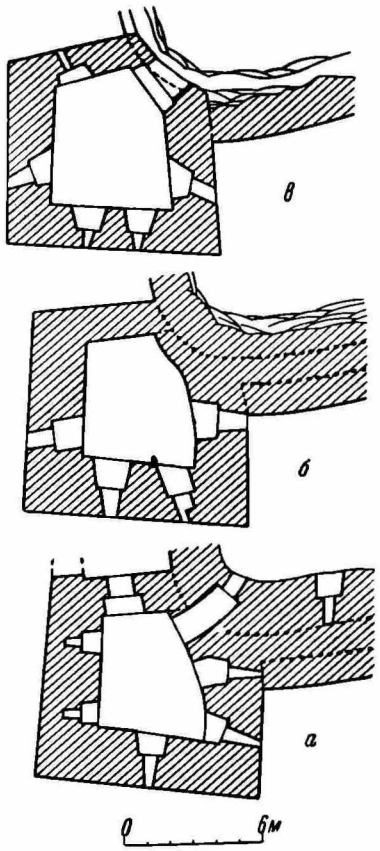


Рис. 8. Планы Талавской башни
а — первого яруса; *б* — второго яруса; *в* — четвертого яруса (видимые швы отмечены пунктиром, предполагаемые — точками)

ковом растворе. Разница заключается в том, что стена Талавского захаба несколько выветрилась и покрыта патиной времени, а внутренний слой западной стены сохранился лучше и патины почти не имеет. В первом случае это обусловлено постоянным действием на стену атмосферных осадков, а во втором — очень недолгим пребыванием лицевой поверхности внутреннего слоя стены на открытом воздухе. Эта стена после постройки слоя с башнями оказалась почти полностью закрытой, и только внутри башни Вышки сохранился ее небольшой участок. Этим участком является тыльная стенка ниши; она-то и дает возможность судить о характере кладки лицевой плоскости внутреннего безбашенного слоя западной стены.

Но если наружный слой западной стены сложен одновременно с башнями, то их кладки должны быть перевязаны между собой не только со стороны пространства крепости, но и со стороны поля. Между тем на южной грани Талавской башни существуют две бойницы, одна из которых полностью, а другая частично прикрыты торцовой частью внешнего слоя западной стены (см. рис. 8 *а*, *б*). Подобное явление крайне необычно: ведь Талавская башня сложена одновременно и вперевязь с этим слоем. Поскольку же мастера, возводившие слой с башнями, не могли делать боевых отверстий, непригодных для употребления, мы должны считать, что бойницы Талавской башни прикрыты третьим слоем.

Рис. 9. Юго-восточная грань Талавской башни

О существовании у западной стены третьего слоя говорит также и четкий вертикальный шов, проходящий в углу рядом с южной гранью Талавской башни (рис. 10,*а*). Отделяя башню от стены, он показывает, что кладка башни подходит под стену и что стена приложена к башне.

Аналогичные швы существуют с обеих сторон и у всех остальных башен западной стены — Вышки, Рябиновки и Темнушки (рис. 10,*б*). В свое время на них обратил внимание В. Н. Талепоровский. Не отдавая себе отчета в том, что это за швы, он соединил их со швом, который, проходя через бойницу у Талавской башни [20] и в других отмеченных выше местах, позволил нам выделить внутренний слой западной стены. Однако если наружный слой этой стены сложен вперевязь с башнями, то швов между

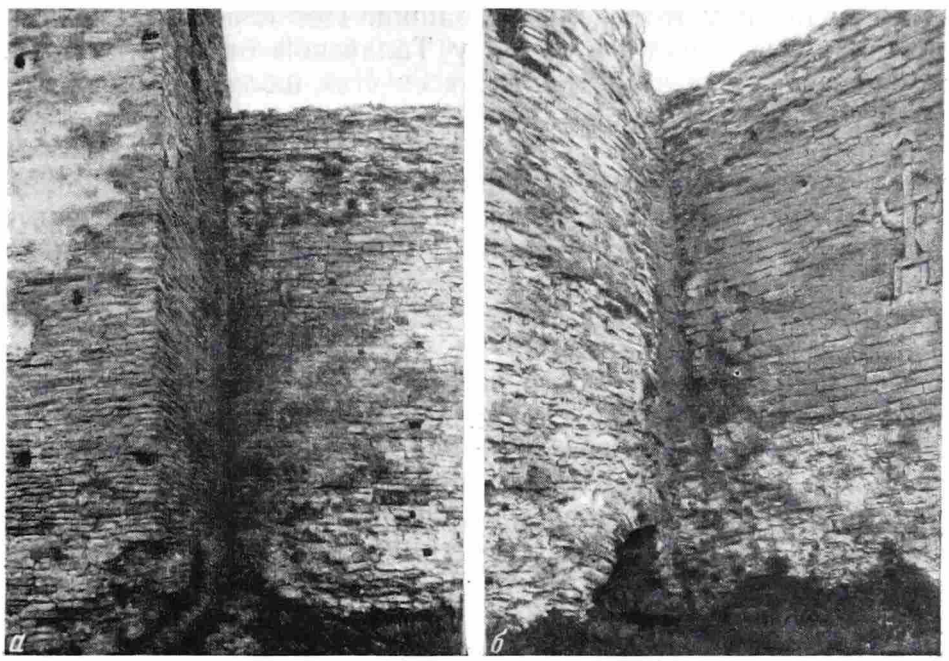


Рис. 10. Вертикальные швы западной стены

а — с южной стороны Талавской башни; *б* — с южной стороны башни Вышки

ним и башнями не должно было бы быть ни с тыльной, ни с наружной стороны. Поскольку же вертикальные швы с южной стороны Талавской башни, а также по обеим сторонам башен Вышки, Рябиновки и Темнушки проходят только снаружи, то они, без сомнения, принадлежат не слою с башнями, а отделяют от башен дополнительные прикладки, закрывающие этот слой (см. рис. 6 и 8). Следовательно, выделенный нами ранее наружный слой с башнями у западной стены сам по себе двуслоен, а вся стена в целом трехслойна. При этом наружным (третьим) слоем является прикладка, камни которой не перевязаны с кладкой башен, средним (вторым) слоем — слой, сложенный вперевязь с башнями, а внутренним (первым) — слой, не имеющий башен и составляющий со стеной Талавского захаба одно целое.

Примечательно, что вертикальные швы существуют и по обеим сторонам Колокольной башни. Как и в предыдущем случае, эти швы отделяют прикладки (т. е. третий слой) юго-восточной стены от среднего слоя, который сложен вперевязь с Колокольной башней. Поскольку же в настоящее время юго-восточная стена только двуслойна, то мы вправе считать, что раньше она, как и западная стена, была трехслойной и что ее внутренний (первый) не сохранившийся слой будет вскрыт раскопками. Это предположение подтверждается при сравнении лицевых поверхностей прикладок (т. е. третьих слоев) западной и юго-восточной стен. В обоих случаях эти

[20] См. П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 171, рис. 22. Обмер первого яруса Талавской башни, сделанный В. Н. Талепоровским в 1910 г. и опубликованный П. А. Раппопортом, не совсем точен. На нем почему-то изображено только четыре бойницы, когда на самом деле их пять (см. рис. 8, *а* в настоящей статье).

поверхности почти одинаковы — сложены из довольно больших камней девонского плитняка и по характеру кладки несколько отличаются от кладки сохранившейся стены Талавского захаба.

Важно отметить, что не везде кладка среднего слоя стен перевязана с кладкой башен. Если двумя метрами ниже верха западной стены этот слой еще составляет одно целое с башнями, то выше этого уровня такой цельности уже нет. Полукруглые в плане швы, разделяющие их кладки, имеются у башен Вышки, Рябиновки и Темнушки (см. рис. 6,*в*). Такой же шов проходит и у Колокольной башни. Нет перевязи кладки также и в верхней части западной стены у Талавской башни (см. рис. 8,*в*). Впрочем, внимательное исследование всех этих швов показало, что они появились вследствие надстройки стен. Надстройка эта была произведена тогда, когда строился третий слой, а слой с башнями уже существовал. Недаром с внешней стороны крепости нет границы между третьим слоем и надстройкой, а раствор надстройки очень близок раствору этого слоя. Судя по облому внутренней стены Никольского захаба, третий слой имеет форму глаголя; выкладывая его, строители не только сделали его выше существовавших стен, но и надложили последние.

К сожалению, точно определить толщину среднего слоя с башнями нигде не представляется возможным. Что же касается третьего (наружного) слоя, то он имеет толщину примерно 1,4 *м*, что определяется по облому стены Никольского захаба. Правда, эта стена только двуслойна и предполагать здесь существование третьего (по количеству, а не расположению) слоя не приходится. Однако тут перед нами не внутренний безбашенный слой и средний слой с башнями, а внутренний (первый) и наружный (третий) слои. Недаром вертикальный шов проходит не только с северной, но и с юго-восточной стороны башни Темнушки. Среднего слоя, перевязанного с этой башней, внутренняя стена Никольского захаба никогда не имела. Об этом говорит кладка обоих слоев стены. Со стороны пространства крепости ее сильно разрушенный внутренний слой не имеет границы с внутренним слоем западной стены и является его продолжением. Кроме того, если судить по общему характеру кладки и фрагментам лицевой поверхности ее тыльной стороны в районе башни Темнушки, то внутренний слой стены Никольского захаба подобен стене захаба Талавского. Кладка же лицевой стороны наружного слоя этой стены идентична лицевой кладке третьего слоя западной и юго-восточной стен и существенно отличается от кладки стены Талавского захаба. Не надо забывать при этом, что внутренняя стена Никольского захаба рядом с башней Темнушкой имеет общую толщину менее 4 *м*, в то время как западная стена у этой же башни превышает толщину 5 *м*. Это тоже свидетельствует о разном количестве слоев у интересующих нас стен.

Принимая во внимание, что внутренний слой западной стены достигает ширины 2,42 и 2,57 *м* и что внешний слой стены Никольского захаба имеет толщину 1,4 *м*, можно ориентировочно считать, что поперечный размер среднего слоя западной стены, сложенного вперевязь с башнями, составляет 1,03—1,18 *м*.

Следует особо отметить, что расположение слоев не везде одинаково. Если на западной и юго-восточной стенах третий слой прикрывает второй (т. е. слой с башнями, который в свою очередь в одном случае закрывает, а в другом закрывал первый безбашенный слой), а на внутренней стене Никольского захаба третьим слоем сразу прикрыт первый, то на двойной северной стене первым слоем является не внутренний, а наружный. Сохранивший лицевую поверхность почти на всем протяжении, этот слой по характеру кладки подобен однослойной стене Талавского захаба. Кроме того, он подходит под кладку наружного слоя юго-восточной стены; шов, разделяющий эти кладки, находится с наружной стороны стены, непосредственно за башней Луковкой (рис. 11). Надо учесть, наконец,

и то, что северная стена крепости стоит на обрыве. Пройти вдоль нее снаружи даже сейчас невозможно. Поэтому строителям усиливать северную стену изнутри было гораздо выгоднее и удобнее. В противном случае им нужно было бы возводить специальные леса, что значительно усложнило и затруднило бы проведение работ.

Естественно, что все три выявленных нами слоя не могут быть одновременными. Древнейшим из них является, бесспорно, первый слой, проходящий с северной стороны снаружи крепости, а в других местах — изнутри. Этот слой не что иное, как стена крепости, которую посадник Шелога построил на Жеравьей горе в 1330 г. Об этом свидетельствует его кладка, отличная от кладки других слоев, а также то, что даже Талавская башня приложена к нему.

Непосредственно у башен Вышки и Рябиновки сохранился парапет, ограждавший боевой ход стены 1330 г. с внешней стороны. Ширина его у первой из них 80 *см*, а высота — около 90 *см*. Тыльная сторона парапета гладкая, без бойниц (см. рис. 6, *б*). Из-под него торчат обломки плитняка, принадлежавшие боевому ходу. В других местах этот ход не прослеживается.

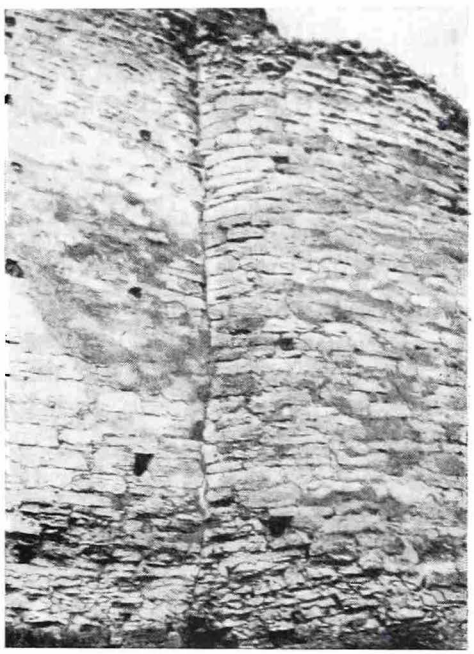


Рис. 11. Вертикальный шов восточной стены

В том, что первоначальная Изборская крепость 1330 г. после отделения усиливающих ее позднейших слоев предстает перед нами почти без башен, нет ничего удивительного. Основу ее в 1330 г. составляли не башни (хотя одна из них тогда и существовала), а стены. Об этом косвенно свидетельствуют сами летописи. Рассказывая, что в 1330 г. «Шолога посадник со псковичами и со изборяны поставиша град Изборек на горе на Жарави», они тут же разъясняют: «того же лета и стену учиниша камену (разрядка моя.— *В. К.*) и ровы изрыша под градом» [21]. Упоминание в этом сообщении о рвах, остатки одного из которых существуют перед крепостью еще и теперь, показывает, что лобовой приступной стеной крепости 1330 г. была ее западная стена, не прикрытая естественными преградами.

Малое количество башен Изборска не было исключением для Руси того времени. Небольшое число башен имели также крепость Острова, построенная в середине или третьей четверти XIV в. [22], и кремль Пскова, который, будучи укрепленным уже в XIII в., хотя и перестраивался не раз в позднейшее время, но после постройки Среднего «города» в XIV в. стал внутренним оборонительным сооружением и сохранил в связи с этим систему обороны, характерную для начала XV в. [23].

Примечательно, что в Изборске, Острове и Пскове наблюдается также общность внутренней планировки оборонительных сооружений. Их храмы (Троицкий собор Пскова, перестроенный в 1365—1367 и 1682—1699 гг. из храма XII в. [24], Никольский собор Изборска, упоминае-

---

[21] Псковские летописи, вып. 1, стр. 17; вып. 2, стр. 92.

[22] В. В. Косточкин. Ук. соч., стр. 59.

[23] Ниже показывается, что башни Псковского кремля были выстроены именно в это время.

[24] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества (Из истории

мый в летописях под 1341, 1349, 1369, 1480 и 1501 гг.[25], и Никольская церковь Острова, воздвигнутая в 1543 г.[26]), занимающие места более древних построек, расположены в непосредственной близости от въездов. Также расположена и Никольская церковь 1412 г. в Порхове[27]. Это свидетельствует, очевидно, что в защите укрепленных пунктов XIV в. храмы играли существенную роль. Они прикрывали въездные ворота и морально поддерживали защитников, скапливавшихся у входов, как у наиболее ответственных мест обороны города.

По-видимому, расположение храма рядом с въездом в крепость было весьма древним строительным приемом, ибо это характерно также для Ольгова городка на р. Оке, близ Рязани, упоминаемого в летописях с начала XIII в.[28]. Больше того, Никольская церковь XVI в. на Труворовом городище тоже стоит рядом с въездом в это древнейшее поселение. Следы последнего в виде сильно оплывшей земляной перемычки, соединяющей противоположные края рва между собой, и остатков довольно узкого прохода, огибающего восточную оконечность вала, сохранились с юго-восточной части городища, непосредственно у восточного склона мыса.

Но если первый безбашенный слой является первоначальным и составляет основу Изборской крепости, то когда же появился ее второй (средний), снабженный башнями слой?

В. Биркенберг, сравнивая изборские башни с Гремячей башней 1525 г. в Пскове, указывал на их близкое сходство[29]. Однако по характеру кладки, равно как по своим архитектурным и конструктивным формам, эта башня более близка к башням Орехова и Копорья и ничего общего с башнями Изборска не имеет. Сравнение их между собой — простое недоразумение.

О том, что башни Изборской крепости и слой, соединенный с ними, не могут относиться к первой четверти XVI в., свидетельствует и их кладка. Она состоит из тонких необработанных плит девонского известняка, сочетающихся иногда с крупными камнями, уложенными «лицевыми» (более ровными, но не отесанными) поверхностями наружу, и коренным образом отличается от кладки крепостей конца XV — начала XVI века в Копорье и Орехове. Последние сложены из блоков девонского известняка, которые после карьерной разработки были слегка отесаны и приобрели благодаря этому более или менее правильные четырехугольные формы.

Возможно, что пристройку усиливающего слоя с башнями к первоначальной Изборской крепости 1330 г. можно отнести ко второй половине XIV в. Известно, что новгородцы проводили в то время подобные работы[30].

Однако еще более вероятно, что изборские башни и соединенный с ними слой следует датировать концом XIV в.,

---

зодчества периода феодальной раздробленности XI—XV вв.). Ежегодник Института истории искусств АН СССР, М., 1952, стр. 284.

[25] ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 13, 14 и 15; Псковские летописи, вып. 1, стр. 78 и 86.

[26] Псковские летописи, вып. 1, стр. 111.

[27] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 403.

[28] Н. Н. Воронин. Крепостные сооружения. История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1951, стр. 452—453.

[29] В. Биркенберг. Изборск как памятник крепостного зодчества и Гремячья башня во Пскове. Тр. Псковского археологического общества, вып. 12, Псков, 1916, стр. 4.

[30] В 1352 г. «добиша челом новъгородци, бояре и черныи люди архиепископу новъгородьскому владыце Василию, чтобы «еси, господине, ехал нарядил костры во Орехове»; и он ехав, костры нарядил, и приеха в Новъгород» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 100); в 1364 г. «в Корельском городке посадник Яков постави костер камен» (ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стр. 90); в 1391 г. новгородцы «поставиша костры каменныи по обе стороне острога, оу всякои оулицы» (там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 370).

когда резко обостряется захватническая политика Ливонского ордена. В тот период псковичи вели особенно широкое «городовое» строительство, в ходе которого они утолщали крепостные стены родного города, и вместе с тем интенсивно укрепляли их башнями [31].

Во время этих работ прикладка с башнями была сделана, очевидно, и у стен Изборска. В жизни древнего города это событие было весьма значительным; в ознаменование его была вырезана даже свинцовая печать, в надписи которой упоминалось о построении изборских башен [32].

Пристройка в 1387 г. трех башен к новой приступной стене Пскова убеждает в том, что усиление этих стен башнями производилось в конце XIV в. не потому, что они были тонкими, слабыми или ветхими, а потому, что в обороне крепостей того времени они были наиболее ответственными. Факт пристройки Талавской башни к северо-западному углу крепости 1330 г. позволяет предполагать, что и в Изборске это усиление началось с ее возведения.

Нет сомнения, что пристройка башен к стенам псковских крепостей была связана с увеличением их лобовой мощи. Не случайно поэтому, что Порховская крепость, целиком выстроенная в 1387 г. [33], т. е. в год усиления новой приступной стены Пскова тремя «кострами», сразу же получила систему мощных башен на своей приступной стене.

Вероятно, вслед за слоем с башнями у Изборской крепости появились и прикладки, т. е. третий, наружный слой. Правда, в истории русского крепостного зодчества подобные прикладки стали сооружаться на исходе XIV в., еще в период усиления приступных стен башнями. Однако в основном прикладки строились в начале XV в. Так, например, в 1401 г. «весь Псков заложиша к старои стене новую, тлъще и выше, возле Великую реку, от Бурковых ворот от костра и до Крому». В 1404 г. псковичи, «заложиша стену каменую возле староую стену тлъще и выше от Псковы рекы от Крому и до Брод». Наконец, в 1407 г. псковичи «сделали стену взле Пскову против прьсеи от гребли до сторожовои избе, толще и выше» [34].

В первой половине XV в. таким же образом были реконструированы и некоторые новгородские твердыни; в 1430 г. к Порхову, выдержавшему за два года до этого (в 1428 г.) осаду войск литовского князя Витовта, «новгородци приставили... другую стену камену» [35], а вскоре после этого изменилась и древняя Ладожская крепость начала XII в.: в 1446 г. новгородский архиепископ Евфимий «в городке в Ладоге, стену камену поновы» [36].

---

[31] Так, заложив, в 1380 г. четвертую «стену каменоу, от Псковы рекы до Великои реки, по старой стенкы», псковичи в 1387 г. «поставиша три костры камены оу новыя стены на приступе» . В 1393 г. они начали, а на следующий год закончили строительством «перси оу Крома стену каменоу». В 1396 г. «посадник Ефрем и мужи псковичи поставиша костер на Василиеве горке». В 1397 г. «мужи псковичи поставиша три костры на приступнои стене: первои костер с Великои реки, другии костер на Лужищи, третии на Пскове на оугле». В 1399 г. «вси мужи псковичи оучиниша новую стену к старои стене на приступе, от Великой реки и до Пскова и поставиша три костры: первыи на Незнанове горке, а другии в Лужких ворот, а третии оу Куминых ворот», сделав до зимы «стеноу и костер». Наконец, в 1400 г. архиепископ Иван «повеле Захарии посаднику наняти наимиты ставити костер над Псковою на Крему», а «псковичи того же лета поставиша дроугии костер Коутекрому на стрелищи, от речного костра до перси и толще и выше, того же лета на пристоупе и стеноу покрыша» (Псковские летописи, вып. I, стр. 23—26; вып. 2, стр. 29—31 и 105—109).

[32] Печать была найдена на Труворовом городище еще до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сейчас место ее нахождения неизвестно. О находке этой печати мне сообщил Л. Ф. Зуров, который в 1935—1936 гг. вел реставрационные работы в Псково-Печерском монастыре. Приношу ему за это сообщение самую сердечную благодарность.

[33] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 381.

[34] Псковские летописи, вып. 1, стр. 26—27; вып. 2, стр. 31, 109—110 и 115.

[35] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 415—416.

[36] ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стб. 186. Ср. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 424.

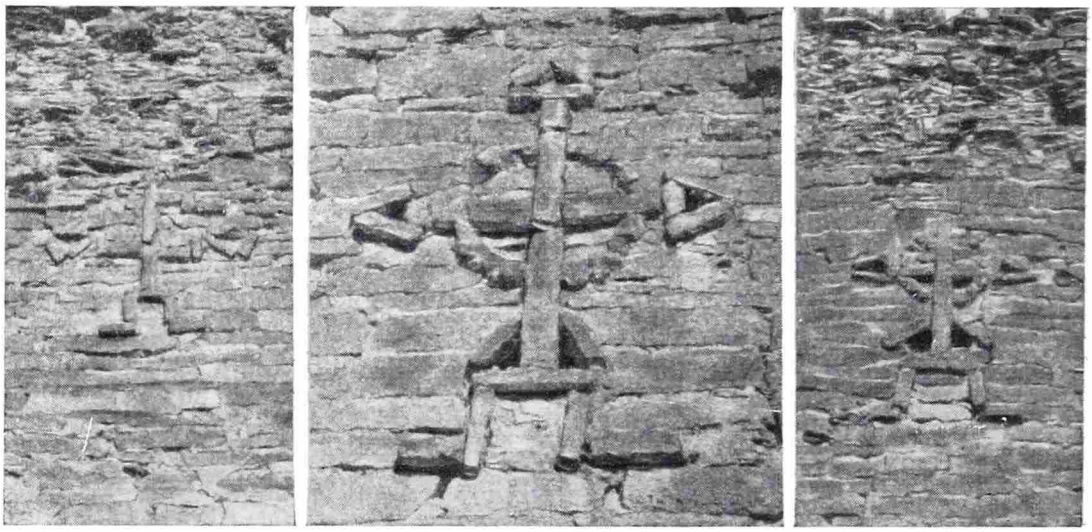


Рис. 12. Кресты прикладки западной стены между башнями Вышкой и Рябиновкой

О том, что прикладки изборских стен появились вскоре после пристройки слоя с башнями, свидетельствует и бледно-желтый, почти лишенный песчаной добавки, известковый раствор, скрепляющий их кладку. Взятый на глубине 1,5 *м* от внешней плоскости прикладки между башнями Рябиновкой и Темнушкой, он оказался почти подобным чуть более сероватому раствору, взятому на глубине 75 *см* от внутренней поверхности стены второго яруса башни Вышки.

О небольшом промежутке времени между появлением прикладок и слоя с башнями говорят также и имеющиеся на них декоративные детали — три креста на наружной стороне прикладки западной стены (рис. 12) и два отрезка треугольного орнамента на прикладке восточной стены (рис. 13).

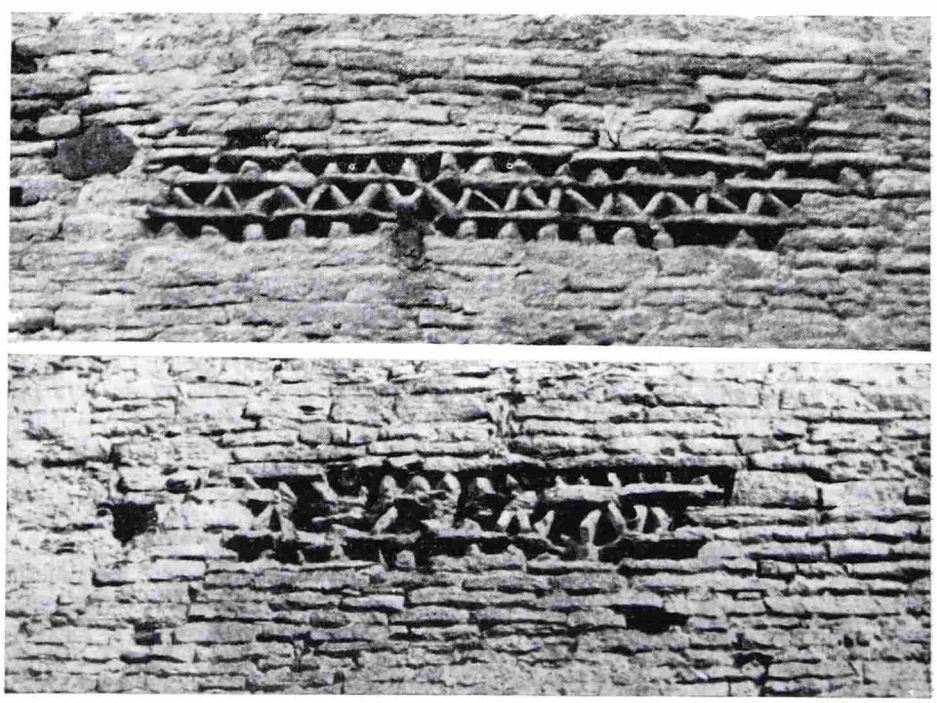


Рис. 13. Орнаменты прикладки восточной стены между башнями Луковкой и Колокольной

По своему характеру эти детали очень близки двум крестам и отрезку орнамента, выложенным из плиты в кладке юго-восточной стороны башни Вышки, принадлежащей, как уже отмечалось, слою с башнями (рис. 14). Важно также отметить, что кресты прикладки западной стены Изборска подобны крестам прикладок, сделанным в 1430 г. у западной и юго-восточной стен Порхова [37].

Определить время появления изборских прикладок позволяет, наконец, железный наконечник немецкой стрелы, торчавший в растворе стены между башнями Талавской и Вышкой на высоте около 2 *м* от современного уровня земли [38]. По определению А. Ф. Медведева, этот наконечник дати-

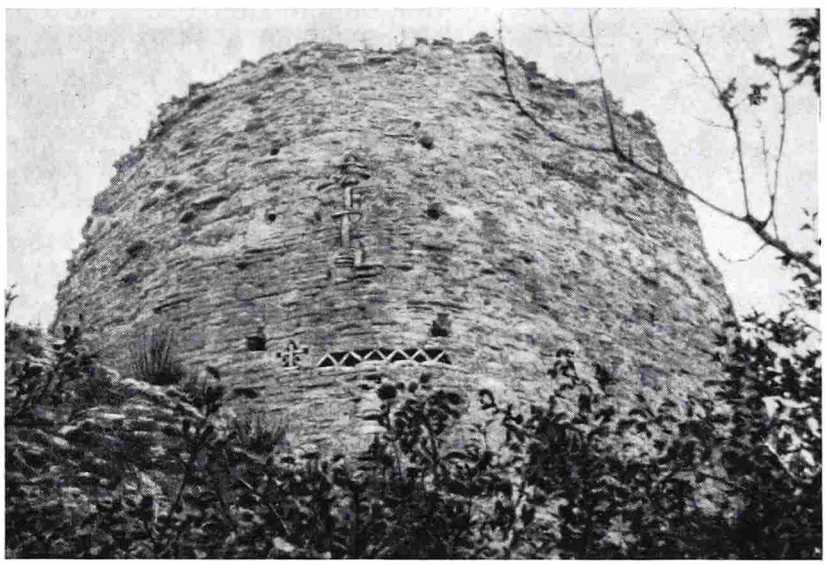


Рис. 14. Кресты и орнамент на юго-восточной стороне башни Вышки

руется XIV—XV вв. [39]. Не исключена возможность, что его можно связать с августовским событием 1406 г., когда «местерь събрав силы своея множество ратных вои» и «прииде к Изборску» [40].

Таким образом, не связанные с башнями прикладки западной и юго-восточной стен Изборской крепости надо отнести к началу XV в.; вряд ли можно считать, что в период интенсивного усиления псковских, а затем и новгородских крепостей дополнительными прикладками Изборск был обойден. Именно тогда его крепость и приобрела тот вид, который она имеет, в основном, в настоящее время. Считать же, что вторичное утолщение изборских стен произошло позднее, нет никакого основания. Правда, эпоха конца XV — начала XVI в. была насыщена крупными событиями в области развития военного дела, а напряженная обстановка на северо-западной границе Руси потребовала тогда коренной реорганизации всей оборонительной системы молодого Московского государства. Однако в тот период заново перестраивались старые и строились новые крепости, а частичные реконструкции имевшихся оборонительных сооружений уже не производились.

---

[37] Крепость Порхова обследовалась нами в 1956 г.

[38] Этот наконечник был вынут из раствора в 1953 г. Г. П. Гроздиловым. Место его нахождения на рис. 3 отмечено стрелкой. Приношу благодарность Г. П. Гроздилову за сообщение всех данных о наконечнике.

[39] Этим же временем датируются и другие наконечники немецких стрел, которые в настоящее время хранятся в библиотеке Дома культуры Изборска. Место их нахождения неизвестно.

[40] Псковские летописи, вып. 2, стр. 32.

Примечательно, что в 1430 г. при пристройке к первоначальным стенам Порхова новых стен одновременно подобным же образом были утолщены и стены порховских башен (за исключением Малой башни). В результате этого ширина их стен достигла 4,05—4,10 *м* [41]. Казалось бы, то же самое должно было произойти и с башнями Изборска. Однако при повторном утолщении изборских стен в первой трети XV в. ни одна из башен не была усилена прикладками. Все они однослойны и никаких признаков утолщения не имеют. Это произошло, очевидно, потому, что уже при возведении башен их стенам была придана значительная толщина (не 1,4 *м*, как Малой башне Порхова [42], которая осталась неусиленной в 1430 г., а значительно больше — 2,5, 2,8 и даже 3 *м*). Недаром, когда в Пскове в 1400 г. была построена новая башня, ее сразу, в отличие от старых башен, сделали «толще и выше».

Рис. 15. Разнохарактерные кладки слоев юго-восточной стены с южной стороны вылаза

Примечательно, что изборские прикладки не одинаковы. Если наружный слой западной стены между башнями Рябиновкой и Темнушкой целиком сложен на извести из крупных колотых плит девонского известняка [43] и подобен наружному слою внутренней стены Никольского захаба, то наружный слой юго-восточной стены между башнями Луковкой и Колокольной идентичен им лишь по характеру лицевой поверхности. Внутри же основная его масса, прикасающаяся к внутреннему слою, состоит из горизонтальных рядов кладки, перемежающихся с прослойками извести, причем кладка рядов произведена здесь насухо, и лишь сверху они пролиты раствором (рис. 15).

Подобная конструктивная разница объясняется, вероятно, расположением стен. Западная, наиболее ответственная, требовала более прочного усиления, нежели юго-восточная, стоящая на краю крутого склона, способствовавшего ее обороне.

Разделив стены Изборской крепости на три слоя и датировав каждый из них, мы не коснулись еще вопроса о наружной, теперь не существующей стене Никольского захаба, а вместе с ней и о ее прямоугольной в плане «Плоской» башне. Эти части явно поздние. Они появились уже после усиления крепости в первой трети XV в. Об этом говорит двойная структура внутренней стены Никольского захаба; утолщение ее могло произойти только тогда, когда она была наружной. В противном случае эту стену незачем было снабжать прикладкой; прикрытая наружной стеной захаба, она осталась бы в первоначальном состоянии, т. е. такой же по толщине, как и внутренняя, не утолщенная стена Талавского захаба.

Позднейшее происхождение наружной стены Никольского захаба подтверждается также многочисленными полуциркульными нишами-печурами, открытыми раскопками 1910 г. в нижней части ее тыльной стороны;

---

[41] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 162—164.

[42] Там же, стр. 155.

[43] Между этими башнями имеется глубокая артиллерийская выбоина, оставшаяся после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Она-то и дает возможность судить о характере кладки третьего слоя.

подобных печур нет в других частях крепости. Свидетельствует об этом и опись 1584—1585 гг., упоминающая о «новых приделках» и «новых застенках» [44]; такие упоминания могут относиться только к наружной стене главного захаба.

Вероятно, Никольский захаб появился немного позднее середины XV в. Правда, П. А. Раппопорт считает, что «новыми» в конце XVI в. могли называться лишь стены, выстроенные не ранее середины этого столетия [45]. Между тем «рукавчатые» захабы, т. е. захабы из двух параллельных стен, характерны только для военной архитектуры XIV — первой половины XV в. Кроме Изборска, они имелись в Пскове, Острове и Порхове. В летописи попало даже сообщение о расширении строителем Изборска Троицкого захаба Псковского кремля в 1337 г.: «Шолога посадник с мужи псковичи учиниша перси у детинца, и путь положиша пространен к святеи Троицы на город» [46]. Следы этого захаба прослеживаются и сейчас в Псковском кремле; он располагался на краю обрыва западного берега р. Псковы и шел от так называемых Темных ворот к Троицкому собору. В русском оборонном зодчестве последующего времени «рукавчатые» захабы не применялись; их нет в кремле Новгорода и крепостях Ладоги, Орехова и Копорья, выстроенных Москвой в конце XV — начале XVI в. Нет их и в более поздних военно-оборонительных сооружениях Русского государства. На смену им пришли так называемые захабные башни [47], имеющиеся, например, в Ладоге, Орехове и Псково-Печерском монастыре. Поэтому появление Никольского захаба Изборской крепости следует отнести ко времени более раннему, чем конец XV в.

Считая в итоге, что Никольский захаб был построен примерно в третьей четверти XV в., необходимо указать, что он сменил, очевидно, какое-то устройство, которое должно было существовать на его месте. Возможно, что известный нам, но не существующий теперь Никольский захаб был перестроен из другого, более старого. Последний мог оказаться непригодным к этому времени и подобно узкому Троицкому захабу Псковского кремля, расширенному в 1337 г., подвергся реконструкции в третьей четверти XV в. Эта реконструкция не была тогда единственной. В 1469 г. псковские мастера «прибавиша и сделаша новыи ворота Запсковскии, болши старых» (ПСРЛ, т. V, стр. 35).

На этом можно было бы закончить исследование Изборской крепости, но возникает вопрос: каким был Изборск до 1330 г.? Ведь после перенесения в 1303 г. с Труворова городища на Жеравью гору он не мог в течение 27 лет существовать без крепости.

Недаром «Остафий князь изборьскый» двинулся в 1323 г. с конными и пешими изборянами «за Великую реку» на помощь осажденному немцами Пскову (Псковские летописи, вып. 2, стр. 23 и 89). Войска могли оставить Изборск только при наличии в нем оборонительных сооружений.

О том, что на Жеравьей горе укрепления существовали и до 1330 г. свидетельствует башня Луковка (рис. 16). В отличие от других изборских башен эта башня стоит внутри крепости (см. рис. 3). Подобных внутренних башен в других древнерусских крепостях нет. Это настолько необычно, что еще М. Красовский высказал предположение о ее постройке «не одновременно со стенами и остальными башнями» [48]. На плане крепости он изобразил эту башню стоящей отдельно от стен. Это предположение недалеко от истины. Башня Луковка в настоящее время примыкает к тыльной стороне восточной стены; П. А. Раппопорт указал даже, что она «вплотную

---

[44] Сб. МАМЮ. т. 6, М., 1914, стр. 411.
[45] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 183.
[46] Псковские летописи, вып. 1, стр. 17.
[47] В. В. Косточкин. Русское крепостное зодчество XIV—XVII веков. Советская архитектура, № 8, 1957, стр. 95.
[48] М. Красовский. Изборск. «Зодчий», 1905, № 49, стр. 516, рис. 2.

соединена» с этой стеной [49]. Однако в первом и во втором ярусах башни имеются измененные переделками и растесками бойницы, которые направлены непосредственно в примыкающие к ней стены (рис. 17). Это доказывает, что башня Луковка действительно была когда-то самостоятельным сооружением, построенным раньше примыкающей к ней в настоящее время стены и, следовательно, раньше всей крепости в целом.

О более раннем появлении башни Луковки говорит также шов, проходящий между ней и восточной стеной. В связи с тем, что поверхность ство-

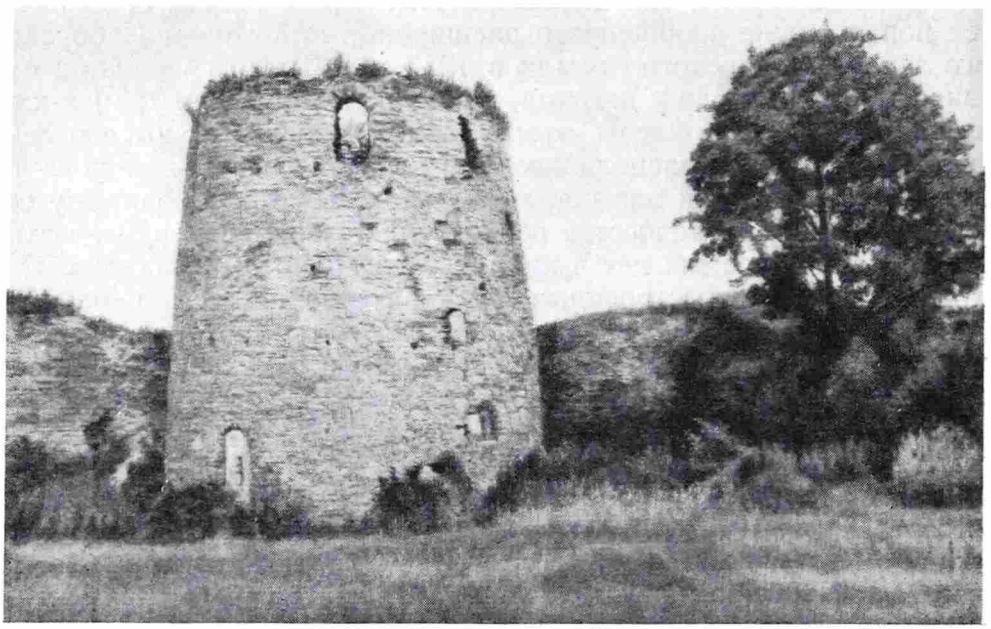


Рис. 16. Башня Луковка. Общий вид

ла башни к моменту постройки стены оказалась поврежденной, шов этот очень плотный. Однако его наличие подтверждает самостоятельное существование башни Луковки и ее появление до 1330 г. Очевидно, она была построена тогда, когда Изборск был только что перенесен на Жеравью гору.

Примечательно, что отличаясь от остальных изборских башен местом расположения, башня Луковка отличается от них и внутренним устройством. Если ярусы других башен отделялись друг от друга плоскими перекрытиями по деревянным балкам, то в башне Луковке существовал еще и каменный свод. Им был покрыт нижний (теперь как бы подвальный) этаж, который, в отличие от верхних, круглых, имеет четерехугольную форму. Наличие этого «подвала» и его иная плановая конфигурация наводят на мысль о постройке существующей башни либо на остатках более древней квадратной, либо (что более вероятно) на ее особое назначение. Возможно, что башня Луковка служила основным опорным пунктом деревянной крепости, окружавшей жилища изборских переселенцев в промежуток между 1303 и 1330 гг. Недаром эта башня, не имеющая внутренних лестниц [50] и разделенная на две неравные, изолированные каменным сводом части, снабжена также и входом, позволявшим попадать в ее верхние помещения. Заложенный древней плитняковой кладкой, этот вход расположен значительно ниже верха восточной стены и прикрыт ею. До появления восточной стены (а следовательно, и всей крепости в целом) к этому

---

[49] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 172.

[50] Таких лестниц нет и в остальных башнях крепости.

входу можно было подобраться только с помощью приставной, втягивавшейся наверх, лестницы, преодолев перед этим сухой ров, остатком которого может служить углубление, имеющееся с юго-западной стороны башни.

Существование отдельно стоящих каменных и деревянных башен известно в Гродно, Холме, Галиче [51]. В Каменец-Литовске, Белавине, Столпье и других местах Волыни такие башни относятся ко второй половине XIII в. [52].

Отдельно стоящие каменные башни в Северо-Западной Руси неизвестны, но в соседних прибалтийских землях они были, по-видимому, распространены в XIV в., а в Эстонии существовали даже в XV в. Подобная башня («костер») стояла, например, на берегу р. Амовжи; в 1480 г. она была взята псковичами [53].

Вполне возможно, что перенеся Изборск в 1303 г. на Жеравью гору, изборяне не смогли воздвигнуть на ней мощной каменной крепости сразу, а должны были ограничиться сперва созданием временных укреплений и постройкой одной каменной башни, используя при этом опыт своего непосредственного противника, за развитием военной техники которого в псковских землях следили, без сомнения, с особым вниманием.

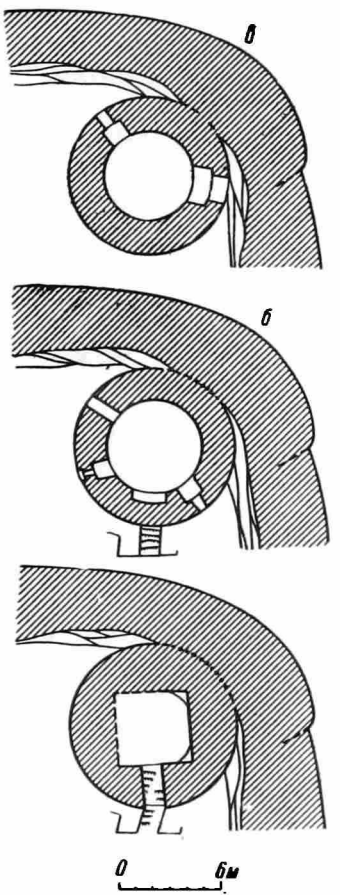


Рис. 17. Планы башни Луковки

а — подвальный этаж; *б* — первый ярус; *в* — второй ярус (видимый шов отмечен пунктиром, предполагаемый — точками)

Таким образом, история формирования Изборской крепости представляется нам в следующем виде (рис. 18). Вскоре после перенесения Изборска в 1303 г. на Жеравью гору, новое, еще не укрепленное поселение получило, вероятно, какие-то (может быть, деревянные) укрепления, в систему которых вошла одна каменная башня, служившая дозорной вышкой и последним оплотом «города». Постройка этих укреплений не отмечена в летописях. В 1330 г. псковичи и изборяне окружили Изборск каменными стенами (рис. 18, *б*). Они примыкали к существовавшей каменной башне, были относительно тонкими (шириной немного более 2 *м*) и имели боевой ход, огражденный с внешней стороны глухим парапетом. Сама же крепость имела в плане ту же форму, что и существующая. Она была снабжена двумя входами, расположенными на месте Талавского и Никольского захабов. Перед крепостью с наиболее открытой западной стороны были вырыты одновременно рвы. Они определили ее боевую направленность и наиболее ответственную сторону. Постройка этой крепости отмечена в летописях под 1330 г. Позднее, в конце XIV в., когда в Пскове приступные стены интенсивно укреплялись башнями, слой с башнями был пристроен и к наиболее ответственным стенам Изборска (рис. 18, *в*). С западной и юго-восточной сторон этот слой был сделан снаружи крепости, а с северной — изнутри. На последнем участке башен не сделали, так как северная стена и без них была недоступна для противника. Благодаря появлению дополнительного слоя, стены крепости достигли толщины около 4 *м*. Одно-

---

[51] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 153—154. ПСРЛ, т. II, стлб. 844; Я. Пастернак. Старый Галич. Краков — Львов, 1944, рис. 18.

[52] П. А Раппопорт. Волынские башни. МИА, № 31, 1952, стр. 202—223.

[53] Псковские летописи, вып. 1, стр. 77.

временно резко изменился и архитектурный облик крепости. Ее боевая направленность и наиболее ответственная сторона определялись теперь не столько земляными сооружениями, сколько скоплением башен, поставленных довольно близко одна от другой. Вслед за этим, уже в начале XV в., когда происходил процесс утолщения крепостных стен Пскова и Порхова, стены Изборской крепости были усилены дополнительными прикладками и стали еще более толстыми — 5 *м* и более. Это усиление было произведено почти на всем их протяжении (сохранила свою первоначальную толщину стена Талавского захаба, и северная стена осталась в том виде, какой она

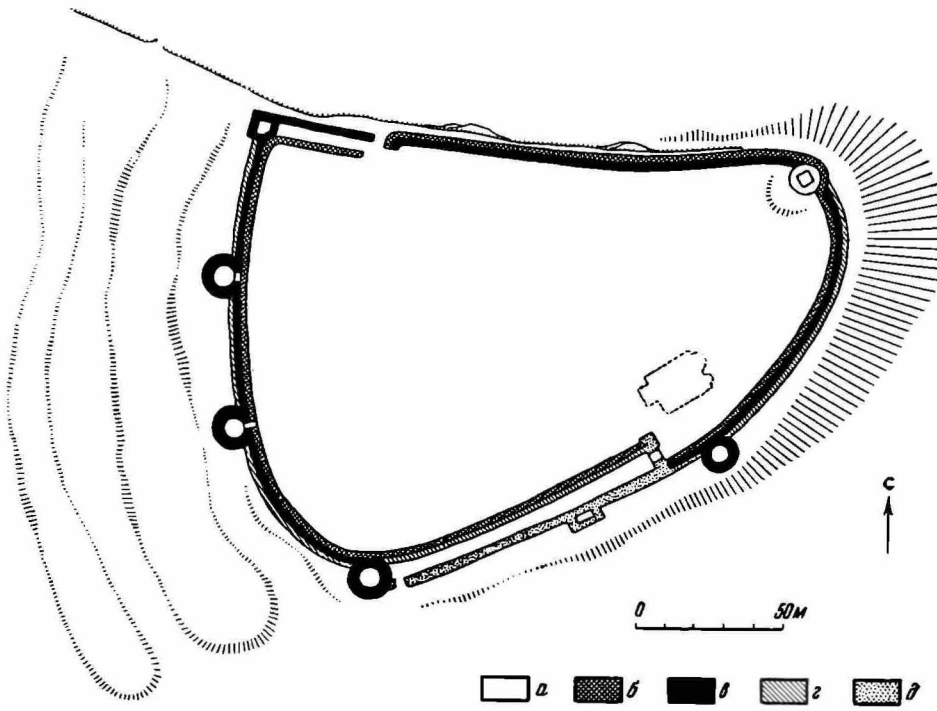


Рис. 18. Реконструкция плана Изборской крепости с разделением на этапы строительства

а — 1303—1330 гг.; *б* — 1330 г.; *в* — конец XIV в.; *г* — начало XV в.; *д* — третья четверть XV в.

приобрела после утолщения в конце XIV в.). Во время появления прикладок была утолщена и внутренняя стена южного въезда в крепость. Еще позднее, уже в третьей четверти XV в., этот въезд был реконструирован, в результате чего появился не сохранившийся теперь Никольский захаб (рис. 18, *д*). Создание последнего, вернее его наружной стены, названной в описях конца XVI в. «новыми приделками» и «новыми застенками» [54] — завершающий этап строительной «биографии» Изборской крепости. В начале XVI в., когда процесс включения псковских земель в состав централизованного Московского государства был завершен [55], Изборск, так же как и новгородский Порхов, оказался в стороне от русско-ливонской границы, вошел во вторую линию крепостей северо-западной окраины Руси и перестал в связи с этим играть первостепенную роль в ее обороне. Его боевые задачи перешли к основанному в 1519 г. Псково-Печерскому монастырю, мощная каменная крепость которого, выстроенная во время семи-

[54] В том, что источники конца XVI в. называют «новыми» части крепости столетней давности, удивительного ничего нет. Появившиеся в третьей четверти XV в., они, естественно, были названы новыми; закрепившись за ними, это название передавалось от отцов к сыновьям и внукам и не было забыто в конце XVI в. При этом надо учесть также и то, что поздние описи многих русских «городов» составлялись на основе более старых описей, откуда писцы брали и факты и названия.

[55] Разработку этого вопроса см. Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

летней войны 1558—1565 гг. с Лифляндией, прекрасно показала себя и в период польско-литовской интервенции начала XVII в. [56].

В связи с раскрытием этапов создания Изборской крепости и ее первоначальной структуры представляется возможным внести соответствующие коррективы в общую картину эволюции древнерусского оборонного зодчества. Если раньше мы считали, что для русской крепостной архитектуры XIV—XV вв. характерно скопление башен на одних сторонах оборонительных сооружений и отсутствие их на других [57], то теперь это становится справедливым только для конца XIV — третьей четверти XV в. Для крепостей более раннего периода (начала и середины XIV в.) было характерно наличие искусственных земляных сооружений перед вытянутыми стенами. Валы и рвы, а не концентрация башен определяли главные фасады оборонительных сооружений начала и середины XIV в.

Усиление «приступных» стен крепостей относительно большим количеством близко расположенных друг к другу башен, произведенное в конце XIV в., знаменовало собой новый и весьма существенный этап в развитии русского оборонного зодчества. Вместе с усилением крепостных стен каменными прикладками в первой трети XV в. этот этап был переходным моментом в эволюции отечественного градостроения. От безбашенных или малобашенных крепостей он позволил очень быстро перейти к оборонительным сооружениям с большим количеством башен, расставленных более или менее равномерно по всему периметру стен и связанных между собой перекрестным фланговым обстрелом. Естественно, что в связи с этим переходом русская крепость в течение одного столетия изменила не только свою боевую систему, но и внешний архитектурный облик.

---

[56] Героическая оборона этого монастыря красочно описана в источниках того времени. См. Сборник МАМЮ, т. 6, стр. 472—475.

[57] В. В. Косточкин. Крепостное зодчество конца XV — начала XVI века. История русского искусства, т. III, М., 1955, стр. 374—375; его же. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв. СА, 1957, № 1, стр. 133—136.

ПУБЛИКАЦИИ

О. Н. БАДЕР

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СУНГИРЬ НА р. КЛЯЗЬМЕ

Удачное открытие и исследование палеолитической стоянки у с. Карачарова на Оке в 1877 г.[1] надолго определило представление о северных границах расселения человечества в Европе в эпоху позднего палеолита. Лишь через шесть десятилетий, в 1938 г., на Чусовой была открыта стоянка Талицкого, занимающая еще более северное положение[2], что может быть объяснено более ограниченным распространением материковых льдов в восточных районах страны, создававших возможность и для более далекого проникновения на север палеолитических охотников[3]; в средней же полосе Европейской части России границы ойкумены на палеолитической карте продолжали оставаться прежними.

При этом есть основание полагать, что, несмотря на более южное положение, Карачаровская стоянка была ближе к пределам ледников своего времени, чем стоянка Талицкого.

Интересно в связи с этим открытие летом 1956 г. новой палеолитической стоянки в Средней России — у Доброго села близ г. Владимира на р. Клязьме, расположенной почти на 70 *км* севернее Карачаровской (рис. 1).

Стоянка расположена на высоком левом берегу Клязьмы, в 1 *км* от восточной окраины г. Владимира, между Добрым селом и Боголюбовым, у шоссе (справа) Москва — Горький — Казань, на 191 *км* от Москвы, в начале склона в сторону сел Суромна и Боголюбово, на территории карьеров Владимирского завода сухого прессования кирпича.

Обстоятельства открытия стоянки таковы. Машинист экскаватора завода А. Ф. Начаров в июне 1955 г. при разработке большого глиняного карьера заметил попадавшиеся в ковши экскаватора кости, залегавшие в глине. Находки попадались на глубине 2,80—3,20 *м* на протяжении около 20 *м*, преимущественно вдоль северо-восточной стенки карьера и на 20—30 *м* от нее в глубь карьера, хотя здесь, в юго-западной части карьера, экскаватор пускали не так глубоко и, возможно, едва достигали горизонта с костями.

Кости залегали ровным слоем толщиной около 15—20 *см*. Попадались скопления костей; в одном из них был отмечен очаг, разрезанный ковшом экскаватора на две части. Очаг, по словам А. Ф. Начарова, имел котлообразную форму, диаметр — около 0,5 *м*, глубину от краев — около 20 *см* и был заполнен черным углистым слоем; близ очага было много костей.

---

[1] А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, М., 1881, стр. 112—119; т. II, М., 1881, табл. 15.

[2] М. В. Талицкий. Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова. КСИИМК, вып. IV, 1940.

[3] О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Волгокамья человеком. Уч. зап. Молот. ун-та, т. V, вып. 2, 1947.

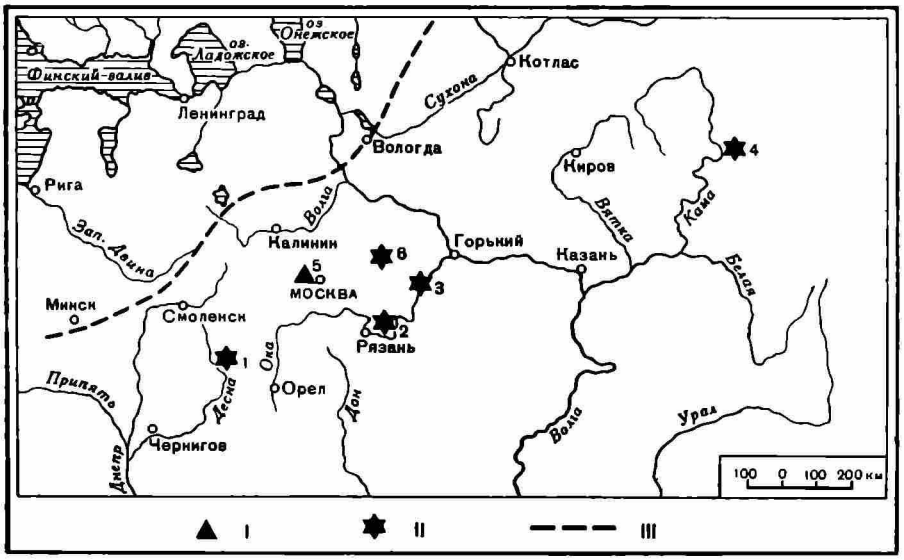


Рис. 1. Карта наиболее северных местонахождений позднепалеолитического возраста в Европе

I — местонахождения; *II* — стоянки; *III* — пределы вюрмского оледенения; *1* — Тимоновская стоянка; *2* — Ясаковская стоянка; *3* — Карачаровская стоянка; *4* — стоянка Талицкого; *5* — Сходненское местонахождение; *6* — стоянка Сунгирь

Среди находок были две якобы каменные подвески, плоские, со сквозным отверстием у края [4].

Владимирскому музею не удалось организовать научных наблюдений на месте находок, если не считать отдельных краеведческих экскурсий в карьер, совершенных в октябре и ноябре 1955 г. под руководством учителя

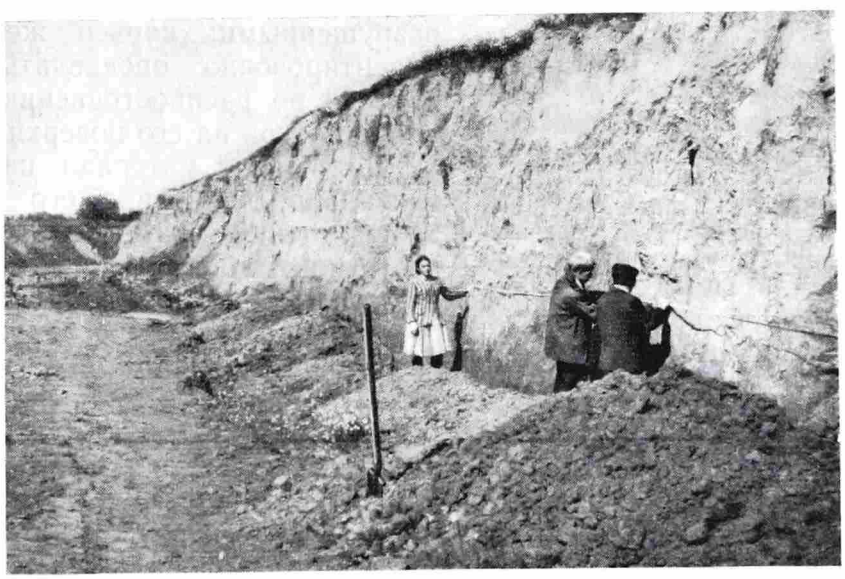


Рис. 2. Фиксация обнажения северо-восточной стенки карьера в районе наибольшей интенсивности культурного слоя

истории В. М. Маслова (из Владимира). Он собрал дополнительный материал в виде костей и нескольких десятков кремней без следов обработки и видел остатки кострища в стенке карьера.

Получив ориентировочные сведения о находках в карьере от начальника Средне-Русской экспедиции ИИМК Н. Н. Воронина, автор настоящей

[4] Находки, сделанные в карьере, сданы А. Ф. Начаровым во Владимирский областной краеведческий музей.

статьи в июне 1956 г. направил в Доброе село для предварительного обследования студентов-археологов С. Н. Астахова и Е. Н. Черных, не сделавших, впрочем, вполне определенных выводов относительно возраста находок.

В начале сентября 1956 г. мне при участии С. Н. Астахова удалось детально обследовать памятник. Помимо обычных работ по наружной фиксации, была сделана вертикальная зачистка сохранившейся северо-восточной стенки карьера на протяжении 37 *м* с пропуском 11 *м* в районе оползня и рядом с зачисткой вскрыта пробная площадь в 14 *м*^{2} на дне карьера (рис. 2). Этими работами установлено наличие здесь позднепалеолитической стоянки. Географические координаты стоянки 56°11′ северной широты и 40°30′ восточной долготы от Гринвича.

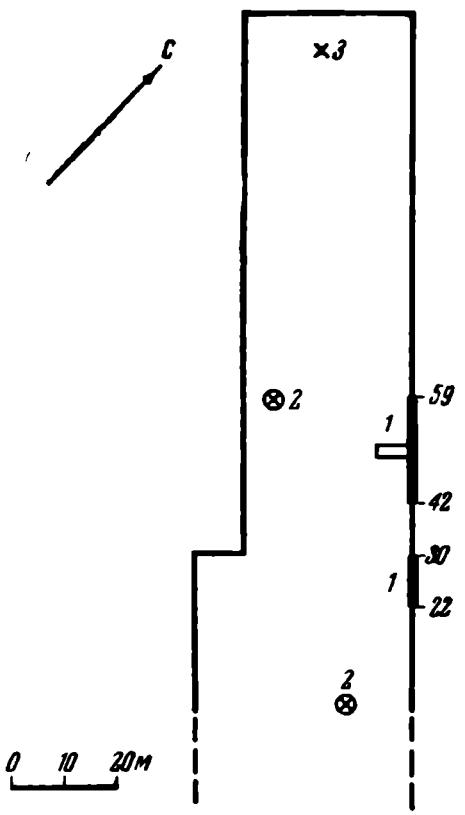


Рис. 3. Схематический план очертаний карьера в сентябре 1956 г. с обозначением раскопок (*1*), отдельных находок костей in situ (*2*) и на поверхности дна карьера (*3*)

С. Н. Астахов произвел графические работы, взял образцы для пыльцевого анализа; были поставлены охранные столбы с надписями, запрещающими дальнейшее разрушение памятника.

Карьер кирпичного завода (рис. 3), разрабатывавшийся с помощью многоковшового экскаватора несколькими забоями во всю длину карьера на глубину до 4 *м*, разрушил культурный слой несколькими неширокими (в 3—4 *м*) полосами вдоль забоев, в их наиболее углубленной части и, как это нам удалось установить рекогносцировочными вскрытиями, сохранил такие же полосы нетронутого культурного слоя между разрушенными; карьер же позволил ориентировочно определить площадь стоянки по распространению культурных остатков на его поверхности.

Подъемный материал на дне карьера вдоль обнажения его северо-восточной стенки и на дне первого, северо-восточного забоя тянется на 130 *м* до самого северо-западного конца карьера, где обнаружены кости в углублениях третьего забоя (рис. 3). Находки зафиксированы в карьере на расстоянии 35 *м* к западу от его северо-восточной стенки. Учитывая несомненность распространения культурного слоя как вверх по склону на юго-запад, так и в особенности вниз, в сторону долины, на северо-восток от обнажения первого забоя и определяя минимальную ширину его в 50 *м*, получаем минимальную площадь стоянки, равную 6500 *м*^{2}. Вернее, она достигает и превышает 10 000 *м*^{2}, ибо, по словам А. Ф. Начарова, к северо-восточной стенке число находок увеличивалось и центр стоянки, возможно, был к востоку от карьера, на еще не тронутой площади. По данным наших раскопок, наиболее богатый остатками отрезок культурного слоя располагается вдоль основного разреза (северо-восточной стенки) карьера между 42 и 54 *м* и имеет ширину около 13 *м*; в пределах этой полосы была ориентирована и наша пробная площадь, вскрытая рядом на дне карьера (рис. 3).

В разрезе северо-восточной стенки карьера культурный слой залегает под 3—4-метровой толщей делювиальных суглинков, которые могут быть подразделены на два примерно равных горизонта: сверху, под суглинистым почвенным слоем лежит суглинок коричневатый, тяжелый, столбча-

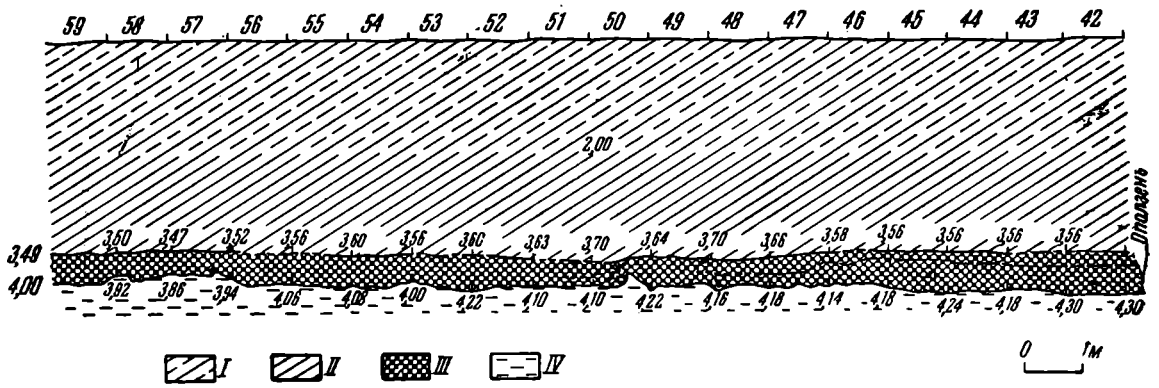


Рис. 4. Разрез по северо-восточной стенке карьера на участках Ю/59—42

I — суглинок коричневый; *II* — суглинок темно-желтый; *III* — культурный слой; *IV* — серо-желтая супесь

той структуры, заизвесткованный по вертикальным трещинам, с редкими, крупными порами (рис. 4, *I*). Под ним — слой суглинка темно-желтого, с редкими порами (рис. 4, *II*).

Культурный слой представляет собой бурый суглинок, плотный, неслоистый, с редкими порами и слабыми ортштейновыми прослойками посредине; верхняя половина, а местами треть его, часто имеет менее темную окраску, чем нижние горизонты. Мощность культурного слоя на зачищенных участках обнажения колеблется от 0,75 до 0,40 *см* (рис. 4, *III*). Слой содержит гумусные и зольные включения, мелкие древесные угольки, очажные линзы, кости животных, кремневые куски, отщепы и осколки, кремневые и костяные поделки.

Культурный слой подстилается серо-желтой, зеленоватой супесью (рис. 4, *IV*).

Значительная глубина залегания культурных остатков сама по себе уже говорит об их большой древности. Последняя подтверждается также геоморфологическими и геологическими данными, полученными автором как из личных наблюдений, так и из отчета геологов Института гипростройматериалов, обследовавших район стоянки.

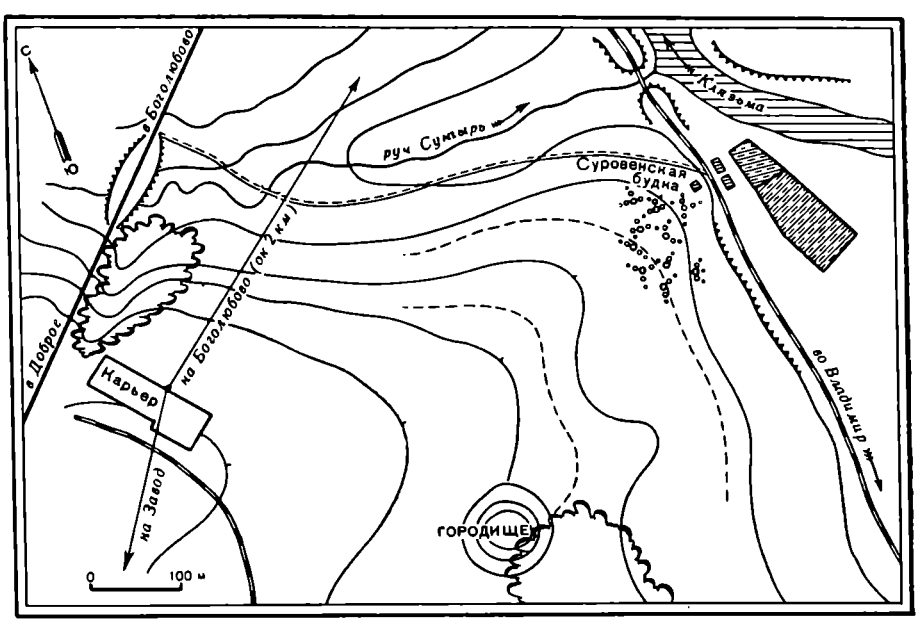


Рис. 5. Схематический план расположения стоянки на месте карьера у Доброго села

Стоянка расположена на высоте около 50 *м* над Клязьмой, на плато, повышающемся еще метров на десять в сторону от реки и служащем водоразделом между двумя левыми притоками Клязьмы — ручьем Рпень на западе и р. Нерлью на востоке. Долина Клязьмы, к которой тяготеет стоянка, вытянута здесь в направлении с юго-запада на северо-восток, хорошо выражена и имеет ширину в несколько километров, главным образом за счет поймы. Коренной берег между Добрым селом и Боголюбовым рассечен двумя глубокими оврагами, впадающими в долину Клязьмы. Стоянка находится в начале склона плато к северо-восточному оврагу, широкому и, несомненно, древнему, с пологими склонами, по дну которого протекает ручей Сунгирь (рис. 5). По-видимому, в период обитания

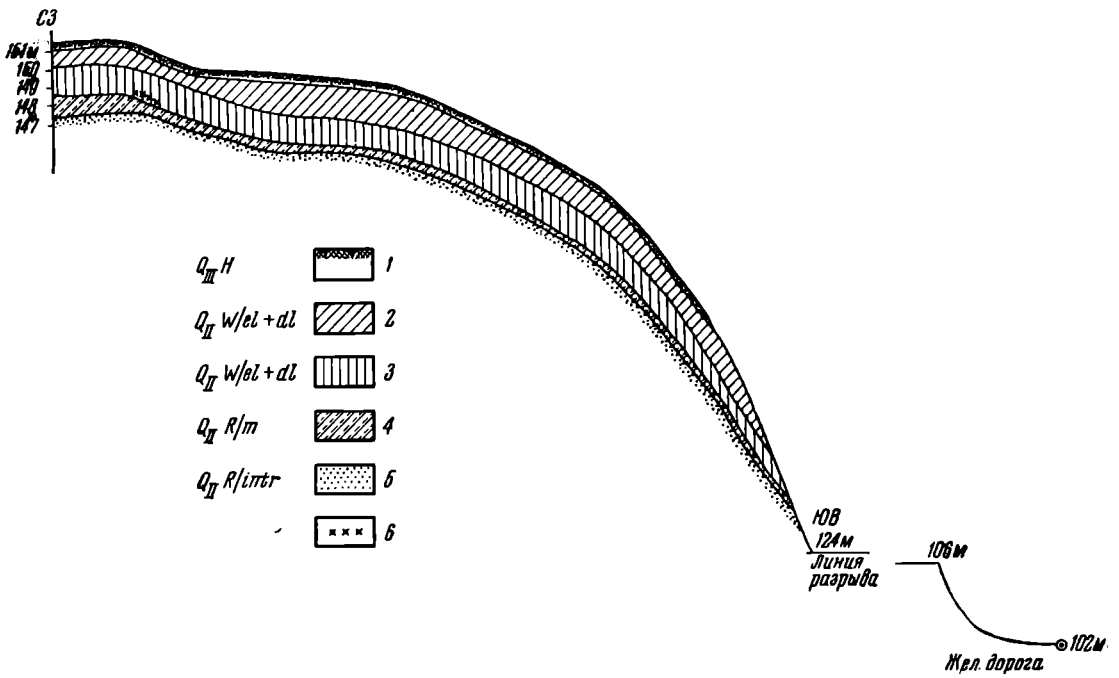


Рис. 6. Профиль четвертичных отложений у стоянки (по данным Института гипростройматериалов) с обозначением залегания палеолитических остатков

1 — почва; *2* — суглинок коричневый, средней пластичности, слегка оподзоленный, с редкими гумусными и охристыми точечными вкраплениями; *3* — суглинок желтовато-коричневый, тощий, слабо пластичный, без видимых включений; *4* — суглинок бурый, тяжелый, слабо пластичный, с редкими зернами известняка и известняковых конкреций размером до 3 *см*; *5* — песок желтый, мелкозернистый, кварцевый, глинистый; *6* — культурные остатки эпохи позднего палеолита

стоянки этот овраг с протекающим по нему ручьем уже существовал и сыграл роль в выборе места для стоянки — у стрелки между ручьем и долиной Клязьмы, имевшей тогда значительно меньшую глубину.

На левом берегу Клязьмы в районе стоянки хорошо выделяется пойма и местами над нею уступ первой надпойменной террасы; рельеф более древних террас здесь сильно сглажен, скрыт под плащом делювиальных отложений и требует специальных исследований.

Оба оврага имеют заметный уклон к Клязьме, благодаря чему течение ручья Сунгирь в Боголюбовском овраге быстрое; дно Добросельского оврага плоское, без тальвега, задернованное и заболоченное. Овраги имеют задернованные, местами крутые, реже обрывистые стенки; это в особенности относится к Добросельскому оврагу. В обнажениях видны гравийно-валунные моренные суглинки и другие отложения, что, наряду с прочими данными, помогает составить общее представление о геологии места расположения стоянки (рис. 6).

Наиболее древними породами, выходящими на поверхность в оврагах, являются, по данным Института гипростройматериалов, пестроцветные глины татарского яруса пермской системы; на них местами залегают се-

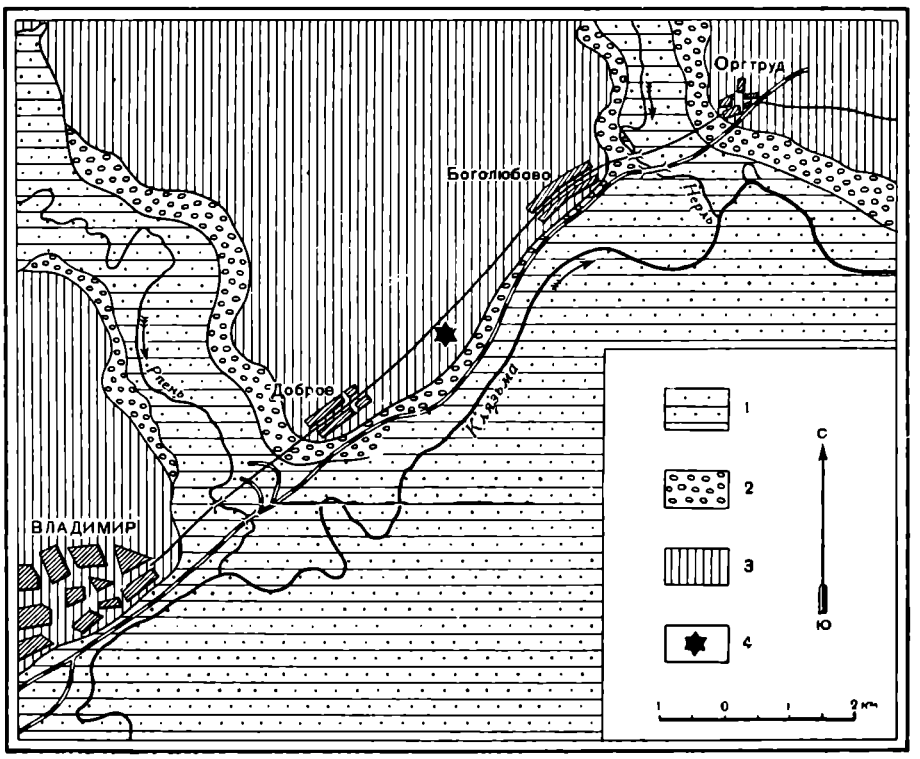


Рис. 7. Геологическая карта четвертичных отложений окрестностей палеолитической стоянки у Доброго села

1 — современные аллювиальные песчано-глинистые отложения; *2*— древнеаллювиальные отложения надпойменных террас; *3* — моренные глины и суглинки с гравием и валунами преимущественно осадочных пород, неповсеместно перекрываемые аллювиально-делювиальными отложениями — песками и суглинками; *4* — позднепалеолитическая стоянка

ровато-черные глины юры, серые песчанистые глины и кварцитовые пески меловой системы. Над ними лежит толща четвертичных отложений, представленная: 1) предледниковыми флювиогляциальными песками с гравием кристаллических и осадочных пород; 2) моренными суглинками и тяжелыми песчаными красно-бурыми глинами с гравием, галькой и валунами кристаллических и осадочных пород; 3) на высоких водоразделах, куда относится и место стоянки, ледниковые отложения перекрываются слоями покровных образований, представленных супесями, песками и суглинками. Покровные суглинки, перекрывающие и заключающие остатки палеолитической стоянки, залегают двумя ровными, выдержанными слоями в пределах, по-видимому, всего участка между Добросельским и Боголюбовским оврагами и имеют толщину в 2—3 *м*.

Произведенным здесь бурением под покровными суглинками также освещен верхний слой морены бурого цвета, с известняковыми конкрециями, до подстилающих его внутриморенных песков. По предположению геологов Института гипростройматериалов, ниже слоя интраморенных песков характер морены, очевидно, меняется, так как в небольшом обнажении по Добросельскому оврагу на глубине 5—7 *м* от его бровки обнажаются супеси и суглинки, обогащенные гравием и валунами кристаллических и осадочных пород.

Судя по заболоченности и наличию ручья в глубоком Боголюбовском овраге, ближайший к поверхности водоносный горизонт приурочен к подморенным флювиогляциальным пескам (Q_{II} R/fgl).

Описанная картина залегания четвертичных отложений у стоянки находится в соответствии с данными геологической карты четвертичных отложений этого района (рис. 7). Соотношение же культурного слоя с надморенными суглинками позволяет с уверенностью относить стоянку к послерисскому, т. е. к позднепалеолитическому времени; дальнейшее уточнение ее возраста требует привлечения фактов иного рода.

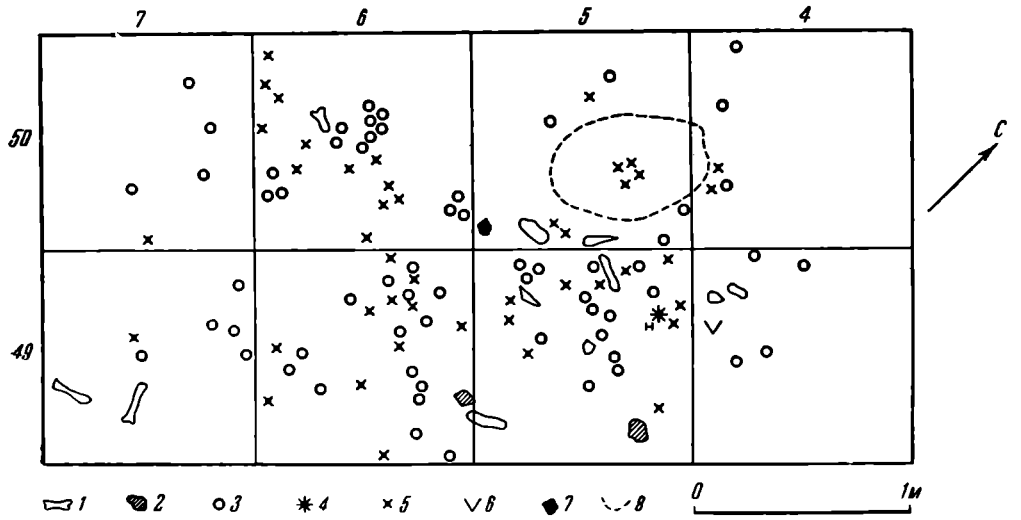


Рис. 8. Расположение материала на пробной площади

1 — крупные кости; *2* — крупные камни; *3* — мелкие кости; *4* — каменные орудия; *5* — кремневые и прочие каменные куски, отщепы, осколки без вторичной обработки; *6* — угольки; *7* — куски охры; *8* — контуры очажного пятна

Остатки собранной нами на стоянке фауны были определены Э. А. Вангенгейм и просмотрены В. И. Громовым (Институт геологии АН СССР). В ней представлены:

Elephas primigenius — мамонт;
Rangifer tarandus — северный олень;
Cervus sp. (Alces ?) — лось (?);
Equus caballus — лошадь;
Bos sp. aut Bison (?) — бизон(?);
Vulpes lagopus — песец;
Lepus sp. — заяц.

Особенно много оказалось костей северного оленя; за ним идет мамонт. Фауна стоянки у Доброго села, по мнению В. И. Громова, вполне типична для верхнепалеолитической, но для более узкого определения ее возраста пока нет оснований. Надо полагать, что большие раскопки стоянки позволят увеличить список животных, входивших в ее состав, а также с большей степенью достоверности определить их количественное соотношение. Отсутствие в приведенном списке некоторых типичных представителей верхнепалеолитической фауны, таких, например, как носорог, обсуждать преждевременно.

Более двух десятков проб на пыльцу, взятых через каждые 20 *см* из всех слоев описанного выше разреза (рис. 4), проанализированы Г. Н. Лисицыной (Камеральная лаборатория ИИМК), но они, к сожалению, почти не содержали пыльцы, что делает пока невозможной палеофитологическую характеристику памятника.

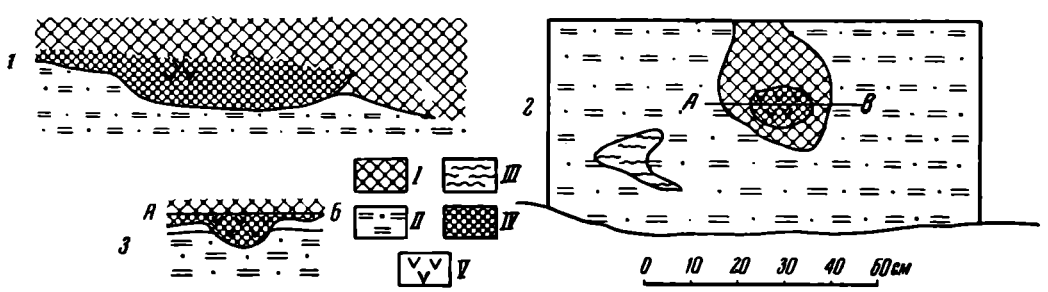


Рис. 9. Разрез очажной ямы на участке 50 стенки карьера (*1*); план смежного очажного углубления на дне того же участка (*2*) и его разрез по А—В (*3*)

I — культурный слой; *II* — суглинок; *III* — примесь золы; *IV* — очажный слой; *V* — угли

На площади пробного раскопа кремень и фауна располагались у очажного пятна, окрашенного углем и охрой (рис. 8). На обнажении северо-восточной стенки карьера была зафиксирована в разрезе небольшая очажная яма, также заполненная угольками и кусочками ярко-красной охры, мелкими обломками костей и осколками кремня (рис. 9, *1*). Тем самым получили подтверждение наблюдения А. Ф. Начарова, описавшего такую же очажную яму.

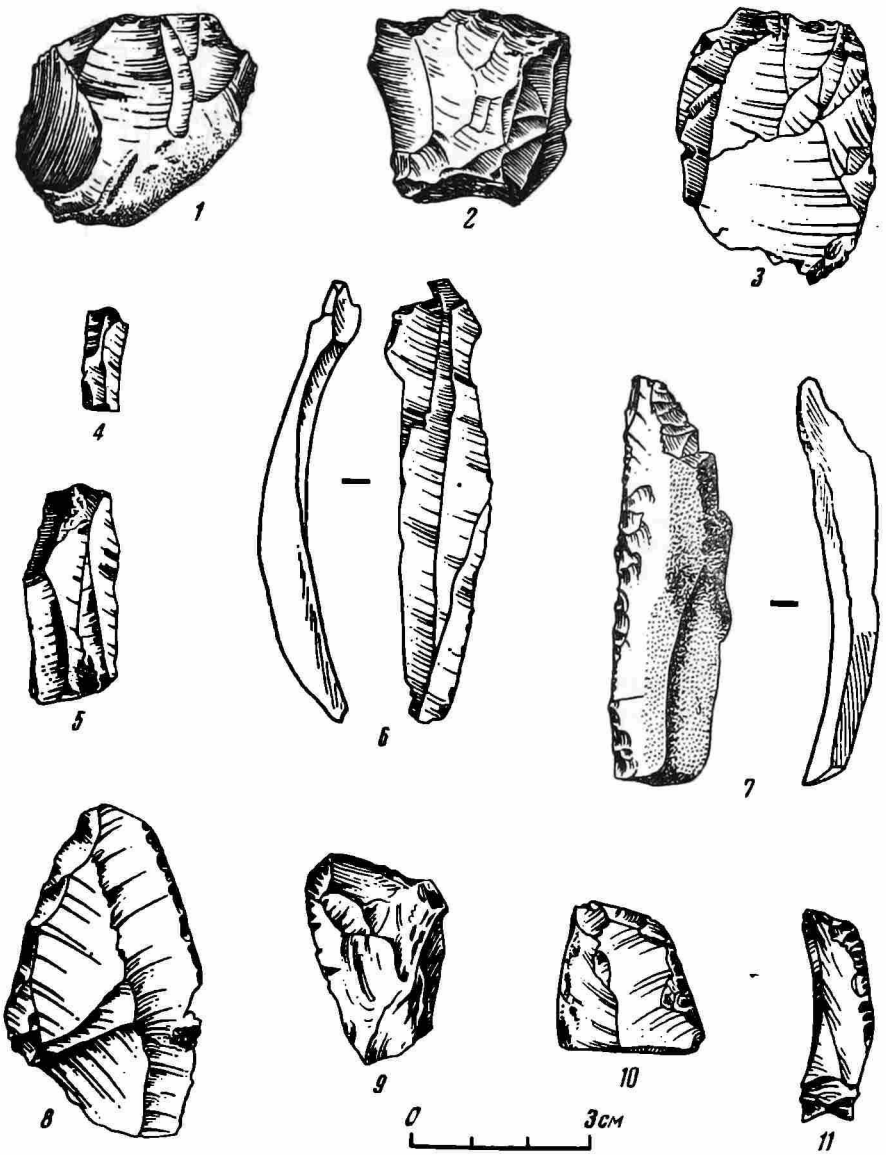


Рис. 10. Каменный инвентарь стоянки Сунгирь

Собранная при обследовании коллекция состоит из 219 отдельных номеров по коллекционной описи, не считая фауны. Наличие на памятнике лишь одного культурного горизонта дает основание при описании вещественных остатков объединить находки, взятые из культурного слоя, с подъемным материалом со дна карьера. Основной интерес представляет каменный инвентарь орудий, заготовок и отбросов производства; приводим его краткую характеристику.

Крупные и мелкие бесформенные куски пестрого валунного кремня (коричневых, желтых, красноватых, серых, лиловых оттенков) нередко с известковой коркой на поверхности, а также куски кварца, кварцита, слан-

цев и окремнелого известняка. Материал очень грубый и мало подходящий для поделок. Всего — 32 экз.

Куски и осколки того же каменного материала со следами дробления и раскалывания — 50 экз.

Нуклевидные куски и нуклеусы — грубые, короткие, плохо выраженные, что может быть поставлено в связь с плохим качеством кремневого материала — 6 экз.

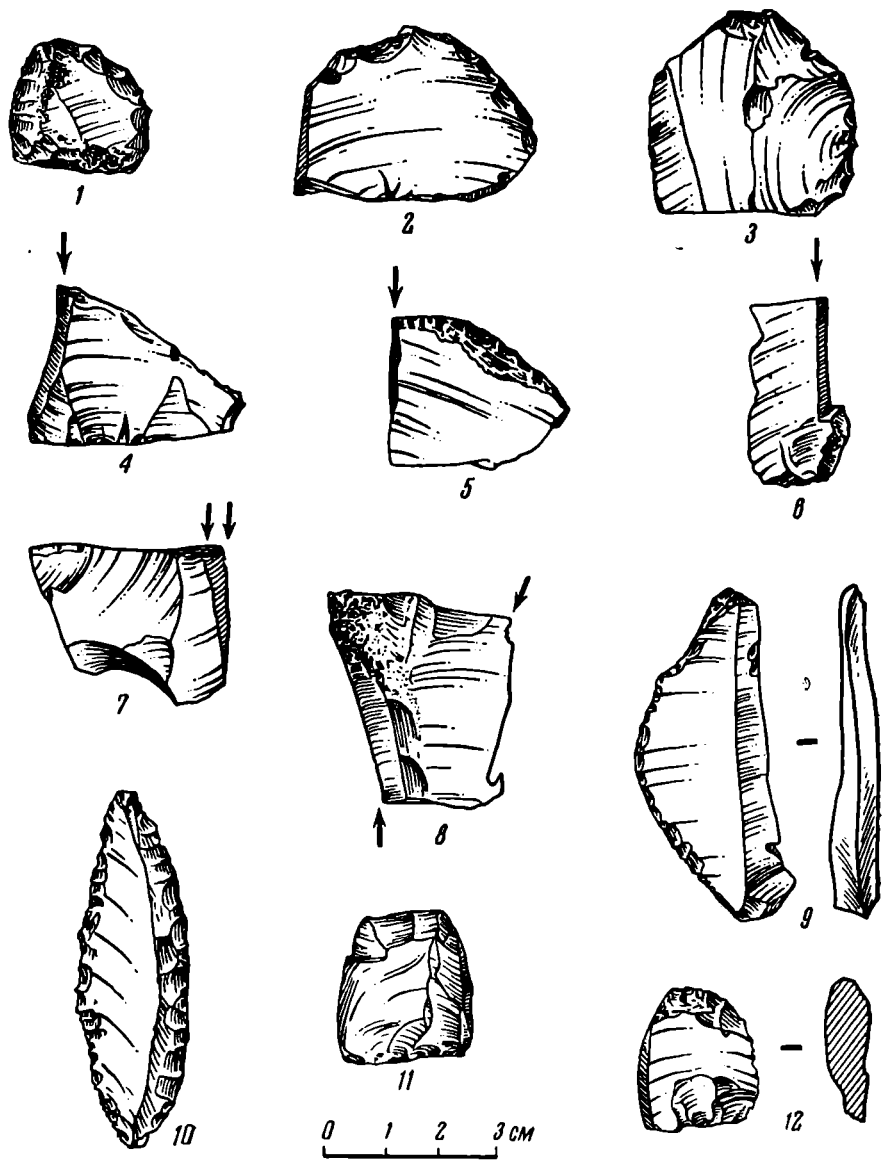


Рис. 11. Каменный инвентарь стоянки Сунгирь

Лучше других выражены некрупные нуклеусы; они имеют массивные пропорции, по две-три и более рабочих сторон, покрытых гранями коротких сколов; при этом одна ограненная сторона служила ударной площадкой для сколов другой стороны (рис. 10, *1*, *2*).

Отщепы крупные и мелкие, в большинстве грубые, массивные, бесформенные (рис. 10, *3*), с коркой на спинке — 90 экз. В тех случаях, когда устанавливается угол между раковистым изломом и ударной площадкой отщепа, он близок прямому. Следы предварительной подработки ударной площадки единичны.

Ударные камни, отбойники — 3 экз. Один из них — крупный, тяжелый, с сильно раздробленными, округленными ударными поверхностями. Дру-

гой представляет собой плоскую гальку серого сланца с одним из длинных ребер, мелко раздробленным ударами или сильным нажимом на твердую поверхность с острыми гранями (?).

Ножевидные пластинки неправильной формы, с плохо ограненной спинкой, относительно короткие (рис. 10, *5*); одна из них более длинная, изогнутая (рис. 10, *6*), другая миниатюрная (рис. 10, *4*); всего — 3 экз.

Орудия со вторичной обработкой пока очень немногочисленны; вот их перечень.

Массивный отщеп кремня с тонкой ретушью по крутому краю, полученной, видимо, в результате работы им (рис. 10, *8*).

Плоские удлиненные отщепы (4 экз.) с мелкой заостряющей ретушью по одному краю — режущие орудия (рис. 10, *7*, *9—11*).

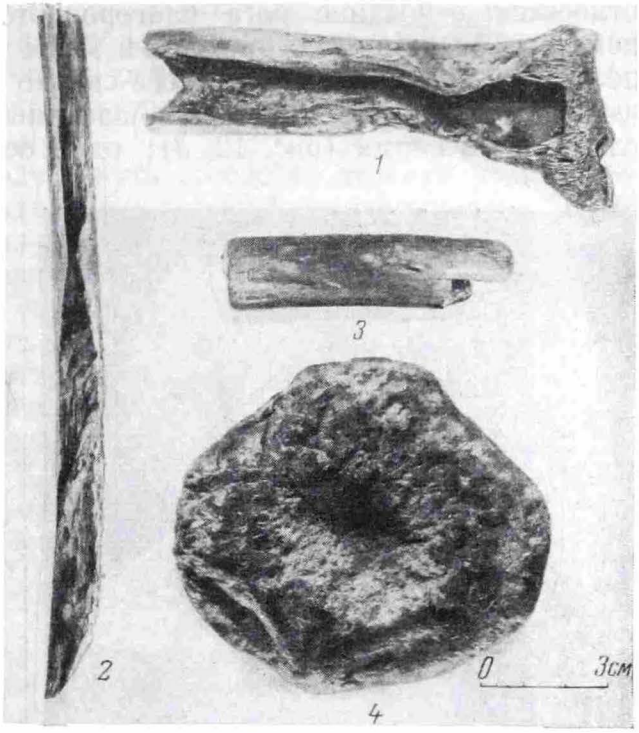


Рис. 12. Кость, разбитая ударами камня (*1*); расколотая кость (*2*); надрезанное и сломанное по надрезу ребро северного оленя (*3*); каменная наковаленка (*4*) со стоянки Сунгирь

Кремневые отщепы (3 экз.) с крутой скребковой ретушью по краю, образующей округлый рабочий край; два из них являются законченными скребками (рис. 11, *1*, *2*).

Один отщеп с тонкой ретушью на участке края (рис. 11, *3*).

Кремневые отщепы (5 экз.) с незначительными сколами резцового характера на углах (рис. 11, *4*, *5*, *6*). Один из них — многофасеточный (рис. 11, *7*), а один — хороший боковой резец (рис. 11, *8*).

Один крупный резцовый скол с отщепа.

Все резцы и резцовые сколы не имеют подретушированных площадок, сделаны на случайных отщепах.

Имеются два небольших нуклевидных орудия типа pièce ecaillée (рис. 11, *11, 12*).

Орудие на отщепе с тонкой, крутой ретушью по изогнутому краю (рис. 11, *9*).

Наконец, одним из наиболее типичных законченных орудий является листовидное острие, сделанное из массивной ножевидной пластинки (рис. 11, *10*).

Некоторые сорта кремня, преимущественно более светлых оттенков (например, только что описанное листовидное острие), подверглись довольно сильной патинизации; другие (коричневый кремень) вообще не затронуты ею.

К числу поделок относится также кусок серого песчаника, уплощенный, округлый в плане, диаметром 7,3×6,8 *см*, на более плоской стороне имеет выбитую многочисленными ударами лунку овальной формы, площадью 3,5 × 2,5 *см*, глубиною 0,5 *см* (рис. 12, *4*). Этот предмет, имеющий явные следы искусственной обработки, служил скорее всего в качестве наковаленки или подставки, на которой долгое время обрабатывался какой-то твердый материал, вероятно, кремень.

Явные следы обработки имеются и на нескольких костях. К таковым

относятся: основание рога благородного оленя, надрубленное кругом с помощью очень прочного лезвия и затем сломанное (рис. 13, *2*), противоположный, массивный конец рога сильно сглажен; ребро северного оленя, имеющее с одного конца хорошо заметные круговые надрезы и следы последующего слома (рис. 12, *3*); один осколок крупной кости мамонта, сохранивший на поверхности многочисленные надрезы (рис. 13, *1*); на вершине эпифиза бедра мамонта имеется выдолбленная большая лунка (рис. 13, *3*); на одной продолговатой и вогнутой пластине от бивня мамонта — следы ее использования и многочисленные выбоинки и царапины на наружной поверхности. Многие кости несут следы искусственного раскалывания с целью использования для костяных поделок (рис. 12, *2*) или разбивания для добычи костного мозга (например, разбитая лучевая кость северного оленя; рис. 12, *1*).

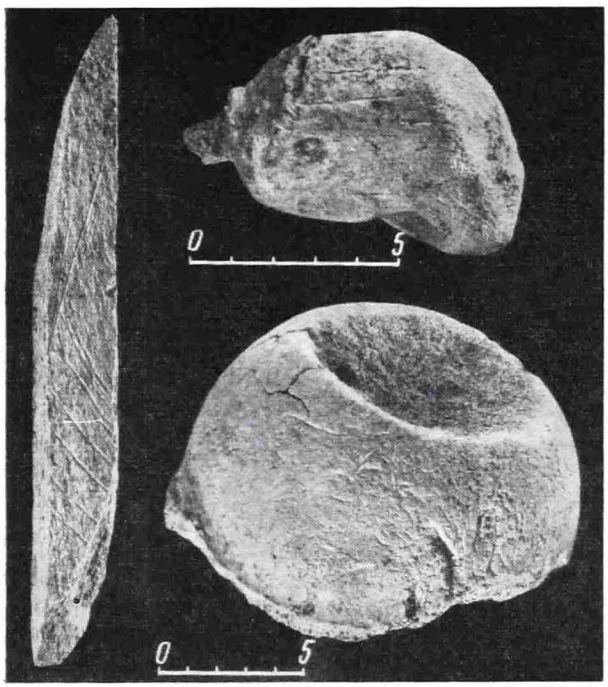


Рис. 13. Кости и рог со следами обработки (стоянка Сунгирь)

Столь обильные следы обработки кости и рога позволяют рассчитывать на находки законченных поделок из этих материалов при дальнейшем исследовании стоянки.

В коллекции имеются также обожженные кости, обломки крупных двустворчатых раковин, расколотых по продольной оси белемнитов, кусок охры.

Археологическая датировка стоянки у Доброго села пока затруднена бедностью каменного инвентаря. Однако уже сейчас последний обнаруживает некоторые общие черты с позднепалеолитическими стоянками донского и днепровского бассейнов, как, например, Костенки IV, Боршево II, Гонцы, Тимоновка. Так, листовидные острия, близкие нашему, особенно хорошо представлены в верхнем слое стоянки Костенки IV [5], а острия с затупленным краем — в нижнем слое Боршевской II стоянки [6]. Интересно, что на Боршевской II стоянке, как и на стоянке у Доброго села, отсутствуют кости носорога, а в Костенковской IV они встречены в очень небольшом количестве.

Все перечисленные стоянки относятся к верхнему палеолиту. По аналогии и стоянка у Доброго села может быть датирована верхнепалеолитическим временем. Данные геологии и фауны не противоречат этой датировке.

Необходимо отметить, что сходство нашей стоянки с упомянутыми донскими далеко не полно; так, например, на Клязьме не представлены вкладыши из микропластинок, столь многочисленные на Дону (например, в Костенках IV). Каменный инвентарь стоянки Сунгирь имеет несколько более архаичный облик, демонстрируя тем самым общее сходство со стоянками типа Стрелецкой и нижним слоем Костенок I.

---

[5] А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. МИА, № 45, 1955, рис. 19, табл. IV, V, IX, X.

[6] П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II (нижний культурный слой). МИА, № 2, 1941, табл. VII, *14* и др.

Научная ценность вновь открытой палеолитической стоянки на Клязьме велика не только для изучения проблемы первоначального продвижения первобытного населения Европы с юга на север, но и для освещения соотношения южных и восточных культурных элементов у первоначальных поселенцев Европейского Севера.

В заключение необходимо подчеркнуть соседство стоянки у Доброго села с устьем р. Нерли и, следовательно, с долиной древнего течения Нерли, представлявшей собою одну из основных древних речных артерий Русской равнины в среднечетвертичное время [7]. Последнее обстоятельство создает интересные перспективы для палеогеографических исследований в этом районе и для поисков здесь новых палеолитических памятников.

Первый шаг в этом направлении был предпринят ИИМК АН СССР непосредственно вслед за окончанием рекогносцировочных работ на стоянке у Доброго села: были организованы разведочные работы по правому берегу Клязьмы от Владимира до Коврова [8]. Древнейшими из обнаруженных памятников оказались стоянки бронзовой эпохи; палеолитических остатков по этому маршруту не встречено.

---

[7] Г. Ф. Мирчинк. Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи. Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода, т. IV, вып. 2, М., 1935.

[8] Разведка проведена Л. В. Греховой, Е. Н. Черных, Н. Б. Шведской.

Р. Б. АХМЕРОВ

НОВЫЙ УФИМСКИЙ МОГИЛЬНИК АНАНЬИНСКО-ПЬЯНОБОРСКОГО ВРЕМЕНИ

(По данным исследований 1952—1956 гг.)

На территории г. Уфы и в его окрестностях сохранились очень ценные археологические памятники. В 1952—1956 гг. во время земляных работ здесь обнаружены новые памятники, значительно дополняющие наши знания по древней истории Башкирии.

В настоящее время в самой Уфе и в ее окрестностях известно пять городищ и пять могильников различных эпох, начиная с бронзовой эпохи и кончая I тысячелетием н. э.

В этой работе мы останавливаемся на могильнике ананьинского и пьяноборского времени, открытом в Уфе в последние годы. Новый Уфимский могильник охватывает очень большой период времени — начиная от середины I тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия н. э.

Могильник обнаружен в юго-западной части города на возвышенном месте, близ правого берега р. Белой, в кварталах между улицами Карла Маркса, Фрунзе и Аксакова (рис. 1). Он открыт при рытье котлованов во дворе Башкирского пединститута и на соседних с ним дворах и улицах. В настоящее время мы еще не располагаем полными данными о могильнике.

Первые погребения на территории могильника были обследованы научными сотрудниками ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР П. Ф. Ищериковым и Г. В. Юсуповым. Студент пединститута Д. И. Богатырев собрал целую коллекцию предметов из нескольких разрушенных погребений[1]. В летние месяцы 1953—1956 гг. на территории могильника нами собраны подъемные материалы разрушенных экскаватором погребений. К сожалению, нам не удалось раскопать целой или частично сохранившейся могилы, кроме погребения № 1.

Можно полагать, что могильник занимал значительную территорию вдоль берега р. Белой. В настоящее время могильник, судя по расположению находок, занимает площадь 450 × 400 *м* (рис. 1). Глубину разрушенных могил определить трудно. Погребения и предметы, найденные в могильнике, могут быть отнесены к двум историческим эпохам: к ананьинской и пьяноборской.

1. Погребения и предметы ананьинского времени

Интересно погребение, обнаруженное на южном конце ул. Аксакова, около дома № 5-А (по Тубинской улице), на самом высоком месте берега р. Белой (рис. 1). Часть погребения у ног скелета разрушена. Костяк оказался на глубине 10—25 *см* от поверхности.

Никаких следов курганной насыпи нет. В засыпке могилы прослежен слой травы и жердей, вероятно покрывавший покойника; изредка попада-

---

[1] Материалы погребения переданы Башкирскому филиалу АН СССР.

лись мелкие угли, а с правой стороны костяка обнаружен небольшой очаг, заполненный древесными углями. Могильная яма имеет в плане форму суженного к ногам скелета неправильного прямоугольника с округлыми углами. Погребенный положен вытянуто на спину, ориентирован на север с небольшим отклонением на северо-запад; под черепом лежала толстая известковая плита. Длина костяка — около 1,7 *м*.

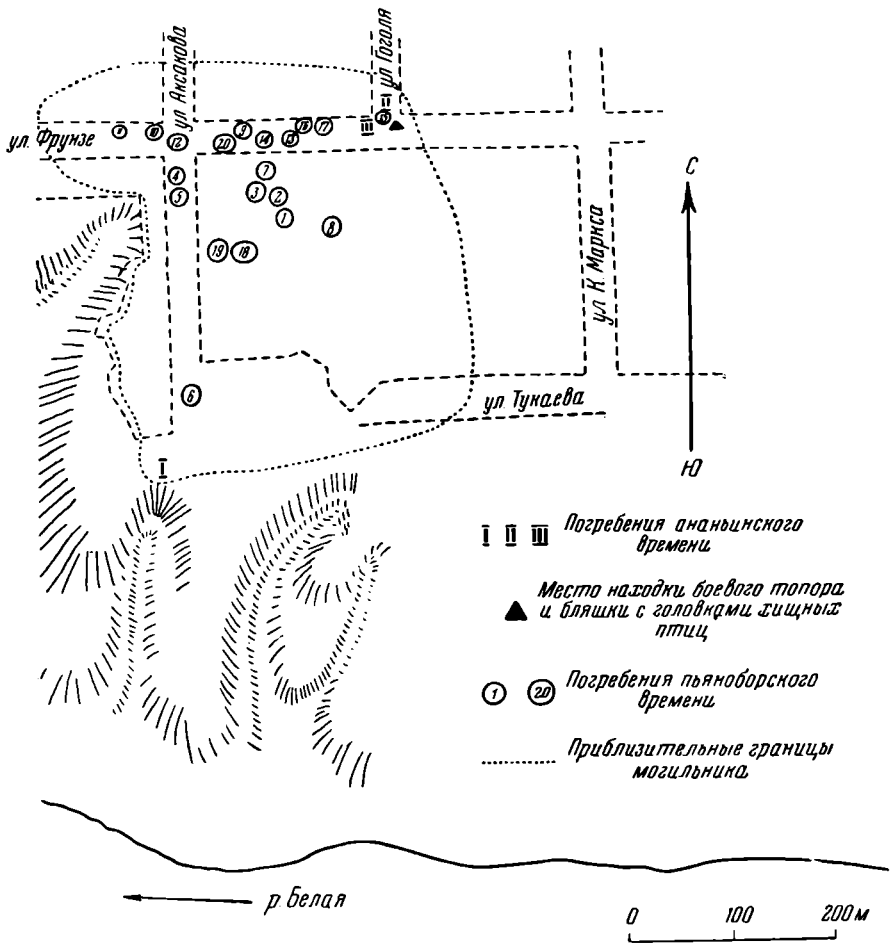


Рис. 1. План Уфимского могильника

Найдены наконечники стрел, рассыпанные вдоль левой ноги от таза до ступни. Мы собрали их в количестве 27 штук. По словам ребят, они нашли здесь около 20 штук стрел (но все ими потеряны). Следовательно, всего здесь было свыше 40 штук бронзовых наконечников стрел. Все они втульчатые, трехлопастные, с боковыми отверстиями на втулках. Аналогичные стрелы найдены в уфимских погребениях, раскопанных В. В. Гольмстен у Чортова городища, а также в Прохоровских курганах (рис. 2).

Вдоль левой ноги костяка лежал массивный железный меч. Сохранность меча плохая. Общая длина меча — около 0,75 *м*, длина рукоятки — 12 *см*, наибольшая ширина ниже крестовины — 8 *см*. Меч двулезвийный, спекся в одну сплошную массу с ножнами. Навершие слегка изогнуто кверху, крестовина имеет легкий изгиб книзу. По форме уфимский меч схож с мечами Прохоровских курганов (рис. 3). Такой же меч найден на горе Курман-Тау в Гафурийском районе Башкирии. Аналогичные мечи очень характерны для сарматской эпохи Южного Урала.

Рядом с мечом обнаружены еще обломки однолезвийного ножа (?), длинного, со следами деревянных ножен. В грудной части костяка, между

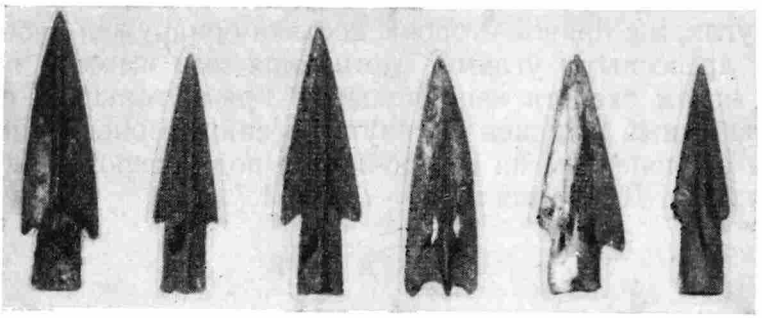


Рис. 2. Бронзовые стрелы из погр. № 1

ключицами, обнаружена бронзовая плоско-выпуклая пуговица, склепанная из двух пластинок. Пуговица имеет форму неправильного круга со сквозным отверстием в центре, диаметр — 1,8 *см*. Точно такая же пуговица найдена в женском погребении № 3, раскопанном В. В. Гольмстен у Чортова городища в окрестностях г. Уфы.

Самым интересным предметом из погребения оказалась шейная гривна из бронзовой проволоки, обернутая толстым золотым листом (рис. 4). Заходящие друг на друга концы гривны никаких изображений не имеют. Наибольший диаметр гривны — 14,8 см, вес гривны — 99 *г*. Точно такие же шейные гривны, обернутые золотыми листами, найдены в Прохоровских курганах [2].

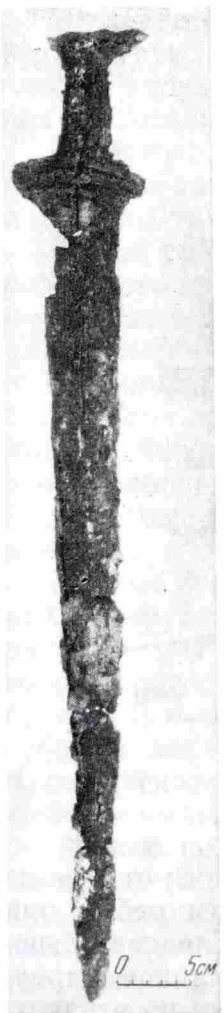


Рис. 3. Железный меч из погр. № 1

Идентичность уфимской и прохоровской находок позволяет думать, что они сделаны руками одного и того же мастера. Уфимская золотая гривна сходна также с гривнами, браслетами и серьгами, найденными в могильнике у Чортова городища. Все эти предметы, вероятно, местного производства.

Открытое нами погребение по инвентарю (железный меч, стрелы и шейная гривна) твердо датируется прохоровским временем, т. е. IV—III вв. до н. э. К. Ф. Смирнов считает, что их можно отнести даже к концу V в. до н. э. Ориентировка уфимского погребения (головой на север, ногами к реке) является характерной для обряда погребения ананьинской культуры Прикамья. Важно еще учесть, что описываемое нами погребение расположено на том участке территории г. Уфы, где нами выявлены погребения, относящиеся к пьяноборской культуре.

Еще два погребения ананьинского времени обнаружены на углу улиц Фрунзе и Гоголя. Первый костяк лежал на глубине 0,85 *м* на спине, вытянуто головой на запад, с некоторым отклонением на северо-запад. У бедра левой ноги с наружной стороны найдены в одном месте 20 штук бронзовых наконечников стрел, трехгранных, с остатками деревянных стержней во втулках. Здесь же найдены остатки бересты, очевидно, от колчана. Второе погребение вскрыто на глубине около 0,70 *м*. Костяк ориентирован головой на северо-восток. В земле, выброшенной из погребения, собрано 13 штук наконечников бронзовых стрел, трехгранных, с внутренними втулками и боковыми отверстиями.

[2] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, 1918, табл. IV.

Таким образом, пока нам известны только три погребения с ананьинским инвентарем, обнаруженные в двух противоположных концах могильника.

Кроме того, на территории могильника найдены отдельные предметы, типичные для ананьинского времени. Еще М. И. Касьянов в своем дневнике указывал, что на северо-восточном склоне Черкалихинского оврага в Уфе найдено множество бронзовых кельтов, теперь бесследно утерянных. Уникальной находкой этого времени является бронзовый боевой клевец (чекан), найденный нами на углу улиц Фрунзе и Гоголя (рис. 1). Клевец массивный с правильно круглым в поперечном разрезе клинком и обухом; обух и клинок суживаются книзу и несколько изогнуты в сторону рукояти. Овально-трубчатая втулка между обухом и клинком охвачена широким рельефным ободком. Между клинком и втулкой помещена рельефная головка, вероятно, хищной птицы (различаются длинный загнутый клюв и глаза). Головка птицы сделана отдельно, а потом прикреплена к клевцу на поперечной пластине. Длина топора — 21 *см,* длина втулки — 6,8 *см,* наибольший диаметр втулки — 3,5 *см* (рис. 5, *а*). Клевец, по-видимому, принадлежал к могильному инвентарю, так как тут же рядом обнаружены остатки погребения с трехгранными стрелами.

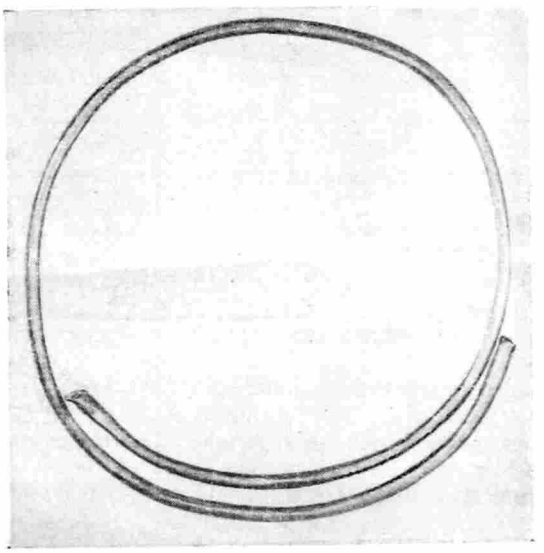


Рис. 4. Золотая гривна из погр. № 1

Железный клевец почти такой же формы найден вблизи городища Кара-Абыз в Благовещенском районе Башкирской АССР и приобретен археологической экспедицией АН СССР в 1928 г. [3]. Кара-абызовский клевец по величине и весу несколько меньше уфимского; он, в отличие от уфимского клевца, имеет круговые бороздки у основания обуха, клинок утолщается к нижнему концу и уменьшается у втулки; рельефный ободок вокруг втулки незначителен, птичья головка между втулкой и клинком мало заметна, и, наконец, клинок заостряется в виде четырехгранной пирамидки. Общая длина клевца — 19,8 *см*, длина втулки — 4,5 *см,* наибольший диаметр втулки — 4 *см* (рис. 5, *б*). Клевцы, найденные в Башкирии, по их специфическим особенностям и точному совпадению по форме можно считать изделиями местного производства.

Близ городища Кара-Абыз найдена также бронзовая секира с замечательным реалистическим изображением головки хищной птицы [4].

Таким образом, в пределах Башкирии найдено много предметов, характерных для ананьинской культуры Прикамья и Приуралья [5].

К раннему времени относится бронзовая бляшка с изображением одинаковых голов хищных птиц (быть может, грифонов). Середина бляшки сделана из выпуклого круга, а по краям сверху и снизу расположены головки хищных птиц с загнутыми в полукруг шейками, орнаментированными в виде конских грив поперечными насечками. Бляшка отлита в фор-

---

[3] А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Уфа, 1929, стр. 9

[4] Там же, табл. 1, *15.* (Вещь утеряна).

[5] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 88—135.

мочке и служила украшением ремня. На обороте бляшки сохранились два петлевидных ушка, служившие для прикрепления к ремню. Длина бляшки — 4,8 *см*, ширина — 1,8 *см*. Орнаментальный сюжет этой бляшки, несомненно, является своеобразным отражением орнаментальных традиций скифо-сарматского мира.

Все эти находки свидетельствуют о том, что в ранний железный век в районах среднего и нижнего течения р. Белой сложилась культура, почти

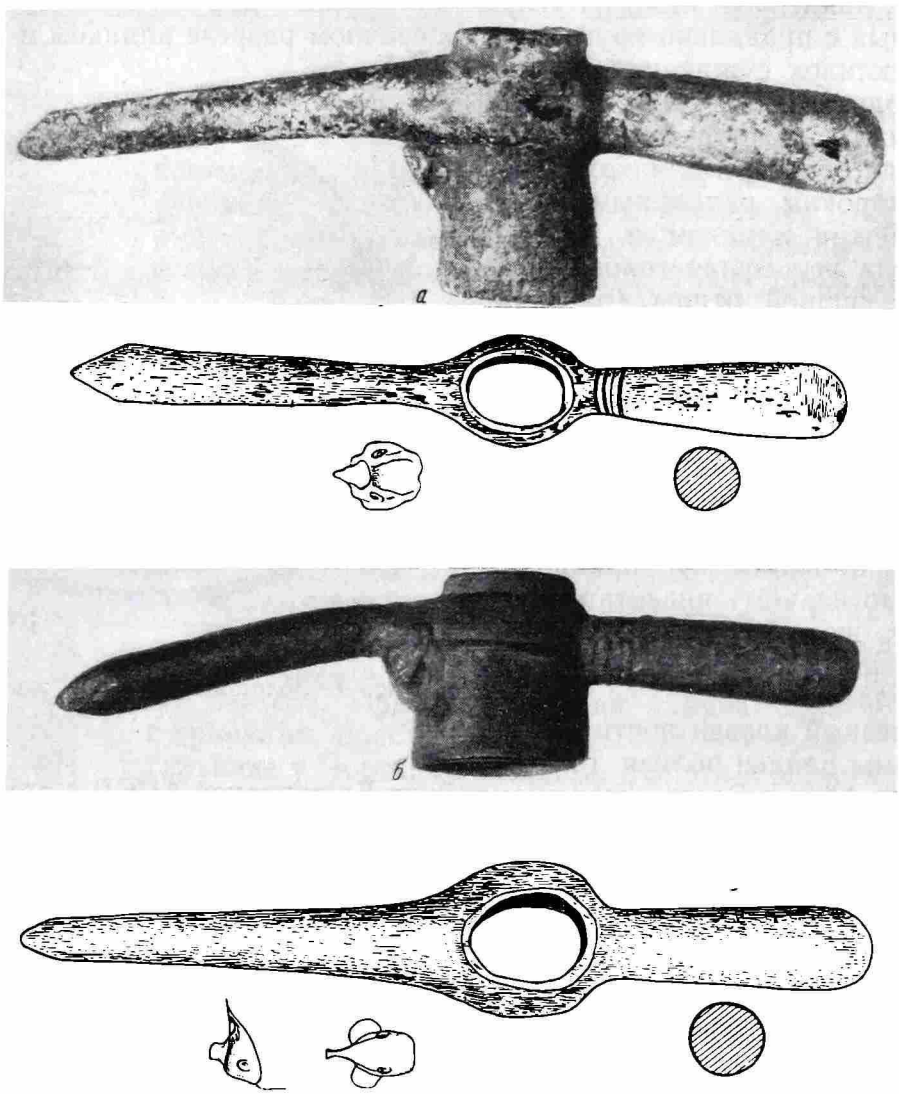


Рис. 5. Бронзовый и железный клевцы

а — из Уфимского могильника; *б* — находка вблизи городища Кара-Абыз

однотипная с ананьинской культурой Прикамья. Эта культура с самого начала была в тесном взаимодействии с южной сармато-аланской культурой, а с III—II вв. до н. э. настолько изменила свой облик в сторону сближения с южными культурами, что можно говорить о процессах перемещения и скрещивания культур северных районов Башкирии с южными культурами.

А. А. Иессен приходит к заключению, что общность культуры Предкавказья и Южного Урала свидетельствует не только об этнической близости различных племен сарматской группы, но и об оживленных прямых сношениях между Северным Кавказом и Южным Уралом [6].

---

[6] А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, 1952, стр. 226.

2. Погребения и предметы пьяноборского времени

Погребения этого времени обнаружены в различных участках могильника и в разное время (рис. 1). В таблице 1 они перечислены в порядке очередности открытия.

Во время рытья траншей котлованов на могильнике разрушены, по неполным данным, несколько десятков погребений. Кроме вышеперечисленных предметов, в земле, выброшенной экскаватором, нами найдены дисковидные нагрудные подвески, ажурные бляхи в виде колесика, наконечники копья, железный крючок, бусы бронзовые и другие мелкие предметы.

Таблица 1

№№ погребений	Размер могилы	Положение костяка и обряд	Инвентарь погребения
1	Глубина 1 *м*	На спине, ориентировка — С, кость животного	Обломки сосуда, нагрудная бляха
2	Глубина 1,40 *м*	Ориентировка — С, покрыт лубом	Бронзовые бляшки
3	—	На спине, ориентировка — С, покрыт лубом	Нагрудная бляха
4	Глубина 1,30 *м* (суживается книзу)	На спине, ориентировка — С — В	Нагрудная бляха
5	Глубина 1,20 *м*	На спине, ориентировка — С — З	Обломки глиняного сосуда и бляшки
6	Глубина 1,25 *м*	На спине, ориентировка — С, покрыт лубом	Нагрудная бляха и глиняный сосуд
7	Глубина 1,40 *м*	На спине, ориентировка — С	Нагрудная бляха, бляшки, копье и нож
8	Глубина 1,50 *м*, длина 2 *м*, ширина 0,90 *м*	На спине, правая рука на животе, ориентировка — С — В, остатки дерева и луба	Нагрудная бляха, шейная гривна, браслеты, перстень, бляшки, пряслице
9	Глубина 0,80 *м*	На спине, ориентировка — С, куски известняка, древесные угли, кость животного	Бронзовый предмет, бляшки, пряслице
10	Глубина 0,70 *м*, длина 2,40 *м*	На спине, ориентировка — С — З	Пряжка, бляшки, спираль, железный предмет, бусы
11	Глубина 0,50 *м*	На спине, ориентировка — С	Стеклянные бусы
12	Глубина 1 *м*	На спине, ориентировка — С — З, мелкие ракушки	Пряжки, бляшки, ножи, наконечник стрелы, обломок горшка
13	Глубина 0,80 *м*	На спине, ориентировка — С, челюсть лошади и ракушки	Височные кольца, бусы
14	Глубина 0,80 *м*	—	Нож, бляшки
15	Глубина 0,90 *м*	На спине, ориентировка — С — З	Бляшки
16	Глубина 0,80 *м*	На спине, ориентировка — С — В	Пряслице, подвески, бляшки, подвески с изображением львов
17	Глубина 0,75 *м*	На спине, ориентировка — С	Подвески, бляшки, подвески из птичьих костей
18	Глубина 1 *м*	На спине, ориентировка — С — З	Копье, наконечники стрел
19	—	На спине, ориентировка — С—В	Предметы из кости и железа
20	Глубина 0,70 *м*	—	Нагрудная бляха, пряжка

По имеющимся у нас данным, погребальный обряд могильника характеризуется следующими чертами: глубина погребений колеблется между 0,5—1,5 *м*, трупоположение — на спине, с вытянутыми конечностями, лицом вверх, ориентировка головы на север, северо-восток, северо-запад и редко на запад. В четырех случаях костяки покрыты лубом и в нескольких погребениях замечены следы дерева. В некоторых погребениях за черепами обнаружены глиняные сосуды или обломки сосудов и костей животных. В трех погребениях около костяков найдены ракушки улиток. В первом погребении ананьинского времени нами обнаружены следы очага, а в

насыпях погребений пьяноборского времени найдены мелкие древесные угли. Эти погребения по своему обряду могут быть сопоставлены с некоторыми могильниками пьяноборской культуры Прикамья и другими древними могильниками финских племен. Так, например, в Борковском и Кузьминском могильниках большинство погребений ориентировано головою на северо-восток с отклонением к северу и востоку; почти в пятой части всего числа погребений найдены остатки луба [7].

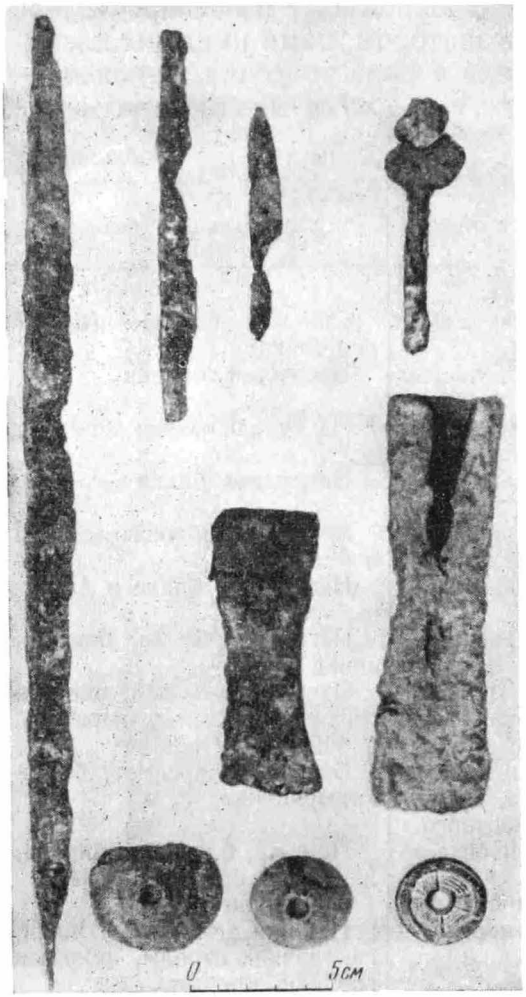


Рис. 6. Орудия труда и оружие

В Максимовском могильнике скелеты ориентированы на север [8], в Горбунятском, Бродовском и Гудятском могильниках на р. Ломоватке костяки покойников ориентированы головою на север, северо-восток и запад [9]. В Бахмутинском могильнике в двух случаях отмечены небольшие следы дерева на дне могилы, в одном случае прослежены остатки истлевшего гроба. Костяки Бахмутинского могильника в 19 случаях ориентированы на восток и в трех случаях — на запад; в погребениях обнаружены следы меха и мелкие угли [10]. Памятники типа Бахмутинского могильника в Башкирии мы считаем непосредственным продолжением типа Уфимского могильника пьяноборского времени. Уфимский могильник пьяноборского времени по некоторым признакам обряда сходен с Уфимским могильником V—VII вв. н. э. В частности, между ними имеется сходство в трупоположении, в ориентировке костяков; в погребениях первого и второго типов встречаются кости животных, горшки и древесные угли. Но в то же время следует отметить, что уфимские погребения V—VII вв. н. э. имеют такие новые черты, которые не присущи ни Уфимскому могильнику пьяноборского времени, ни Бахмутинскому. Проушный железный топор, найденный нами в 1950 г. во время раскопок могильника ананьинского времени у разъезда Правая Белая, по своей форме может быть отнесен ко времени пьяноборской культуры (рис. 6). Аналогичные топоры нам известны по материалам Бахмутинского могильника.

В погребении № 12 найден железный кинжал (нож), однолезвийный с острым концом и длинным черешком для деревянной ручки (рис. 6). Длина кинжала — 36 *см*. Встречены железные ножи двух видов — серповидные и прямые (рис. 6).

Наконечники копий нам известны трех форм: копья с листовидным пером, узко вытянутым в острых концах, ромбовидные с широким пером

[7] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, вып. 1. МАР, № 25, СПб., 1901, стр. 26.
[8] Там же, стр. 44.
[9] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 180.
[10] А. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 18.

и копья с узким ножевидным пером. Во всех случаях перья ребристо утолщаются посередине; широкие и круглые втулки постепенно суживаются к перьям, в трех случаях они не сомкнуты и в одном случае сомкнуты; и все они с отогнутыми краями (рис. 7).

Среди подъемного материала имеется железный крючок, характерный для памятников ананьинского и пьяноборского времени (рис. 6).

В погребениях №№ 12 и 18 найдено два железных и 14 костяных наконечников стрел (рис. 8). Железные — черешковые наконечники стрел (трехлопастной и листовидный). Трехлопастные наконечники датируются III—I вв. до н. э. [11].

Костяные стрелы — трехгранные черешковые, плоские черешковые, с утолщением посередине, четырехгранные и трехгранные с втулками — характерны для ананьинского и пьяноборского времени.

В женских погребениях №№ 8, 9 и 16 обнаружены глиняные пряслица, плоские или вогнутые снизу и выпуклые сверху (рис. 6).

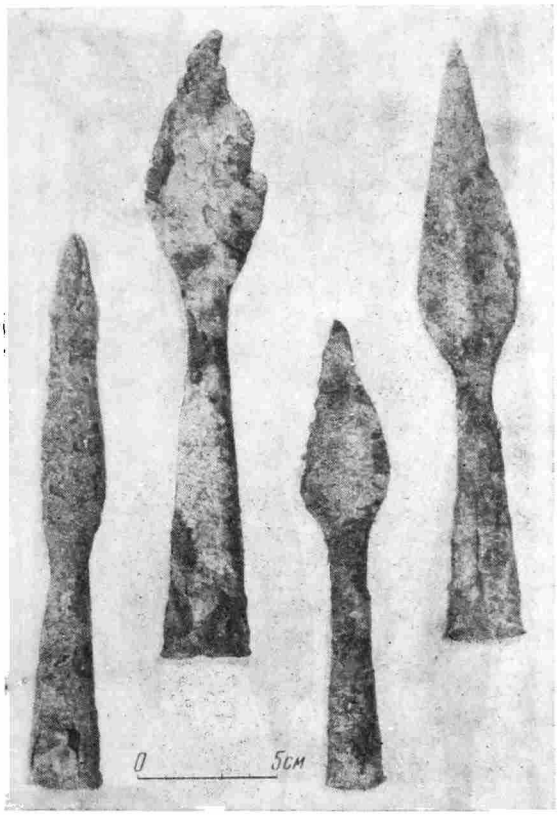


Рис. 7. Железные наконечники копий

Очень характерны для Уфимского могильника пьяноборского времени дисковидные нагрудные бляхи (погребения №№ 1—8, 17, 20). Пока нам известно 15 таких выпуклых блях. Встречаются большие и малые бляхи со сквозными отверстиями по краям или в центре. Большинство этих блях изготовлены при помощи ковки и затем очень хорошо отполированы. Хорошо заметные слои в изломах таких подвесок могут служить подтверждением того, что они сделаны при помощи ковки. Поверхность некоторых блях имеет ярко-золотистый блеск (возможно, в результате комбинированного литья бронзы с золотом). Некоторые имеют орнамент из концентрических кругов с шестилепестковой розеткой в центре. Районы распространения описанных блях общеизвестны. Они найдены в Маклашеевском, Луговском и Уфимском могильниках ананьинского времени [12]. Широкое распространение они имели в эпоху пьяноборской культуры [13].

В настоящее время едва ли можно согласиться с мнением А. А. Спицына о том, что в ранних памятниках такого типа бляхи не встречаются и что они не местного происхождения. Подобные бляхи встречаются еще с ананьинского времени, а в пьяноборскую эпоху они получают очень широкое распространение. Учитывая их специфические особенности в отдельных районах, надо полагать, что бляхи различных типов изготовлялись теми или иными родо-племенными группами, жившими по р. Белой и в Прикамье. Наиболее характерными предметами Прикамья были эполетообразные застежки, а для рек Белой и Уфимки наиболее характерными

[11] С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 12, рис. 2.

[12] А. В. Збруева. Маклашеевские могильники. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 25; ее же. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 33; Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 28, рис. 10.

[13] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 2.

являлись дисковидные подвески. Подобные бляхи и пряжки в древности были связаны с культом солнца и были племенными знаками [14].

В погребении № 10 найдена бронзовая пряжка, орнаментированная ложной зернью по краям и пирамидками в центре. Орнаментация ее состоит из трех полос: в центре глубокие круги, заполненные пастовой белой массой, вторая полоса состоит из пирамидок, сделанных ложной зернью, третья — ровная полоса, заключенная между рельефными кругами ложной зерни (рис. 9, *5*). В одном из разрушенных погребений найдена круглая бляха в виде колесика со спицами, орнаментированная крупной ложной зернью и имитацией филиграни; на обороте — два ушка (рис. 9, *3*). В погребении № 12 найдена фигурная бронзовая пряжка с пятью пуговицеобразными выпуклостями по краям и одной в центре; с одной стороны имеется изогнутый выступ (рис. 9, *1*). На территории могильника найдена еще бронзовая фигурная пряжка в виде колесика, с птичьими крыльями по бокам круга.

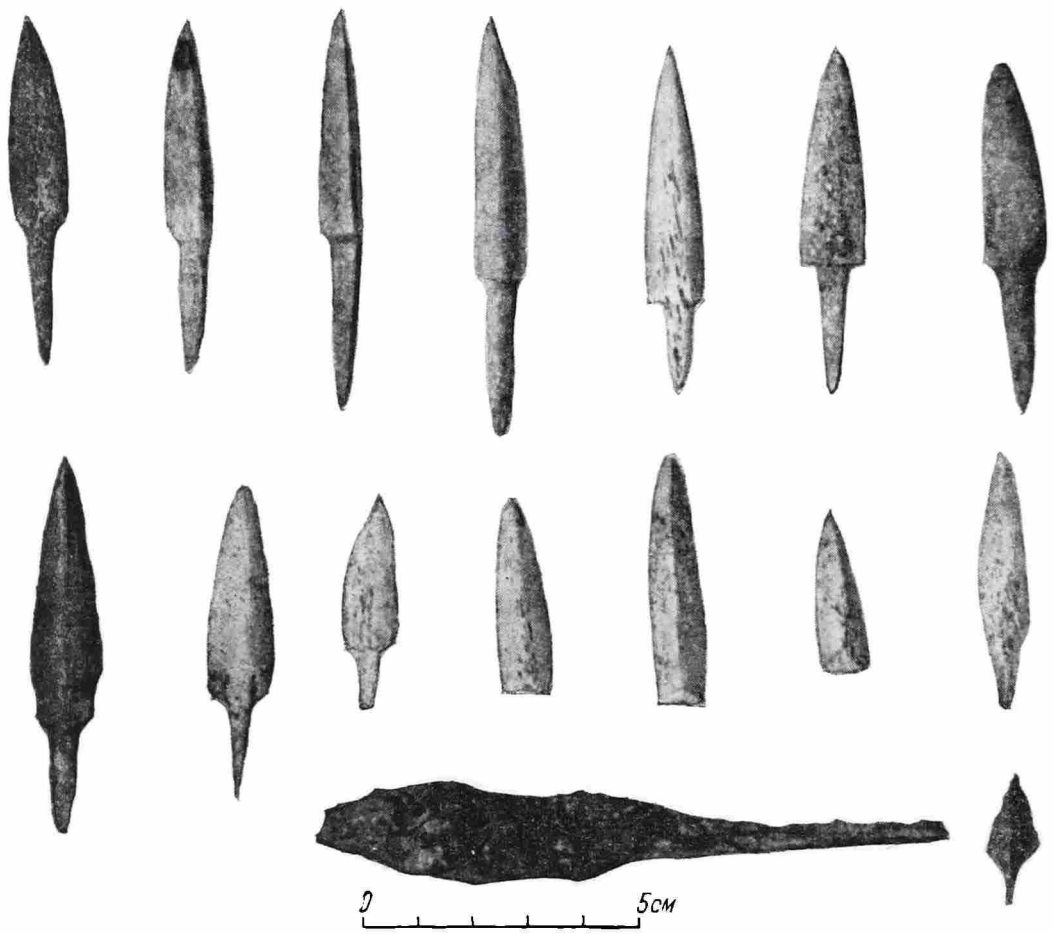


Рис. 8. Костяные и железные наконечники стрел из погр. №№ 12 и 18

Интересна бронзовая фигурная подвеска, имеющая вид полуовала с дугообразными решетками сверху и рядами колечек снизу; сверху имеется ушко (рис. 9, *4*).

Колесовидные подвески и пряжки нам известны из материалов Бахмутинского могильника, а также из материалов пьяноборской культуры. Фигурная подвеска Уфимского могильника в виде полуовала сходна с более поздней подвеской Бахмутинского могильника.

---

[14] В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, II, 1937, стр. 129.

В погребении № 17 и в некоторых других погребениях найдены бронзовые подвески в виде трапеции неправильной формы, орнаментированные рельефными линиями и точечками; сверху подвесок — по два или по одному сквозному отверстию. Подобные подвески нередко встречаются в материалах ананьинской и пьяноборской культур Прикамья.

Во многих погребениях могильника найдены круглые пуговкообразные бляшки различной величины с ушками на обороте. Лицевая сторона круглых бляшек выпуклая, оборотная сторона соответственно вогнутая.

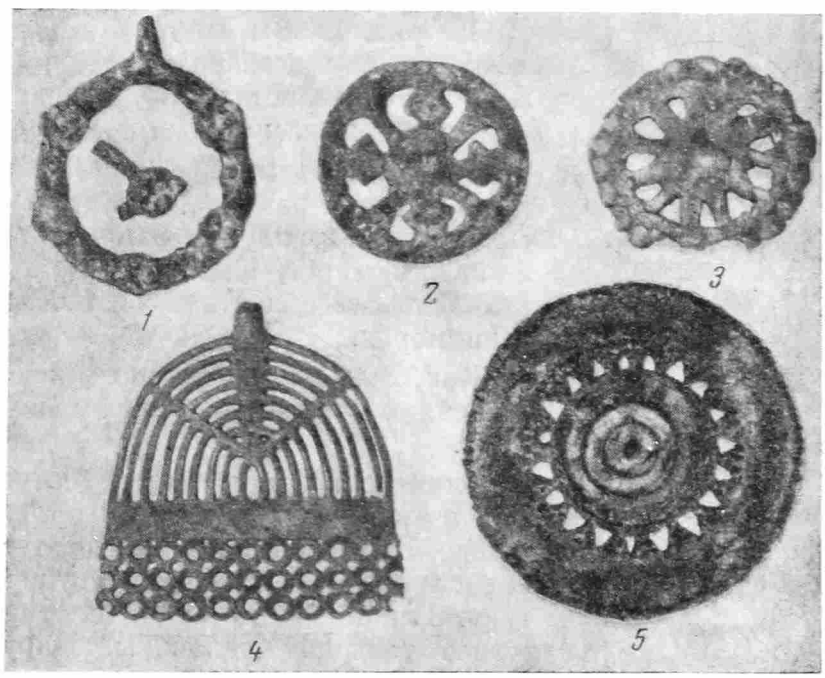


Рис. 9. Бронзовые фигурные бляхи и пряжки

Найдены прямоугольные бляшки двух форм: выпуклые с лицевой стороны с петлевидными перехватами по концам для прикрепления к ремню, и с зубчатым штампом вдоль середины и парными ушками на обороте. Имеются еще небольшие петлевидные бляшки от ремня и бляшки из трех выпуклых кругов, с ушками на обороте. На многих бляшках сохранились остатки кожи.

В погребении № 10 обнаружены обломки длинной спирали из бронзовой пластинки, служившей, очевидно, украшением ремня.

Бронзовая шейная гривна погребения № 8 состоит из тонких витых бронзовых проволочек. Бронзовый браслет, найденный в этом же погребении, сделан из пластинки, с расширением к концам. В земле, выброшенной экскаватором, найден бронзовый ажурный перстень с прямоугольным щитком (рис. 10, *2*). Пока нам известны три формы серег или височных подвесок: в виде спиральки из бронзовой проволоки (погребение № 13), конец у одной спиральки оформлен в виде головки змеи (подобные височные кольца известны из раскопок В. В. Гольмстен в окрестностях г. Уфы); золотая серьга в виде знака вопроса, характерная для могильников Прикамья пьяноборского времени[15] (рис. 10, *1*), и золотые кольцевидные серьги с грузиком в виде конуса из спирали[16] (аналогичные серьги найдены в могильнике в окрестностях г. Уфы[17]).

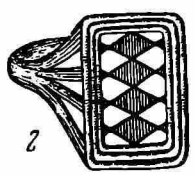
---

[15] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 2, рис. 1.

[16] Серьги переданы студентами П. Ф. Ищерикову.

[17] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 42, рис. 6.

В женских погребениях могильника (погребение № 17) найдены бронзовые бусы бочковидной формы. Имеются стеклянные бусы с ярко позолоченной поверхностью, круглые бусы из светло-синего, белого, коричневого и светло-голубого стекла и сердоликовые, а также очень мелкие бусы из желтой пасты, красная бусина с желобчатой поверхностью. Редкими находками являются бусы-подвески из египетской голубой пасты, с прекрасным изображением лежащих львов на плоских постаментах (погребение № 16; рис. 10, *3*). Таких бус-подвесок найдено три, и у всех на основаниях имеются сквозные отверстия. Основания у двух прямоугольные, у третьего — овальное.



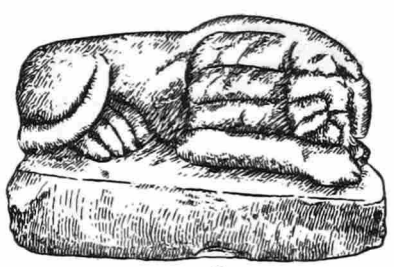


Рис. 10. Украшения
1 — золото; *2* — бронза; *3* — паста

Таким образом, инвентарь Уфимского могильника еще раз свидетельствует о тесных связях древних племен Башкирии с сарматоаланским миром Южного Урала и с более отдаленными областями Прикаспия и Причерноморья.

Как было сказано выше, в некоторых погребениях могильника найдены глиняные сосуды.

Глиняный чашеобразный сосуд, найденный в погребении № 4, имеет уплощенное днище; слегка округленный корпус его переходит к прямому и несколько суженному бортику. Глина темно-серая, плотная, с примесью толченой раковины. Наружная поверхность сосуда имеет светло-серый оттенок. Такого типа сосудики встречаются в погребениях позднепьяноборской культуры (рис. 11).

Большой интерес представляет глиняный сосуд полусферической или котлообразной формы, найденный П. Ф. Ищериковым в одном из погребений могильника.

Глина этого сосуда темно-серая с примесью толченой раковины; поверхность имеет светло-серый оттенок; по наружному краю, ниже бортика — круговой орнамент из ямочного накола. Характерно то обстоятельство, что подобные сосуды занимают доминирующее место во всех городищах ананьинского времени, расположенных по берегам рек Белой и Уфы. Точно такие же сосуды найдены на городище Воронки около г. Уфы и на городище Курман-Тау в Гайфурийском районе Башкирии.

Нами подобраны обломки еще одного глиняного сосуда — плоскодонного, с округлым корпусом; невысокое его горло слегка расширяется кверху и по верхнему краю орнаментировано поперечными рубчиками; глина — темно-серая с включением шамота, наружная и внутренняя поверхность светло-серая; диаметр горла — 13 *мм*, наибольший диаметр корпуса — 22 *см*.

Описанный нами могильник заполняет большой хронологический пробел в древней истории Башкирии и, таким образом, помогает воссоздать ее историю в неразрывной последовательности в течение двух тысячелетий. Теперь нетрудно установить генетические и хронологические взаимо-

связи археологических памятников рек Белой и Уфы с начала I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э.

Мы считаем, что памятники раннего железного века, расположенные по берегам рек Белой и Уфы, по своим основным признакам относятся к разновидности так называемой ананьинской культуры Прикамья, а описываемый нами могильник пьяноборского времени характеризует дальнейшее ее развитие. Высшим этапом этой культуры (уже в иных исторических условиях) являются чондаро-бахмутинские памятники. Таким образом, можно установить наличие генетической связи между памятниками первого, второго и третьего периодов.

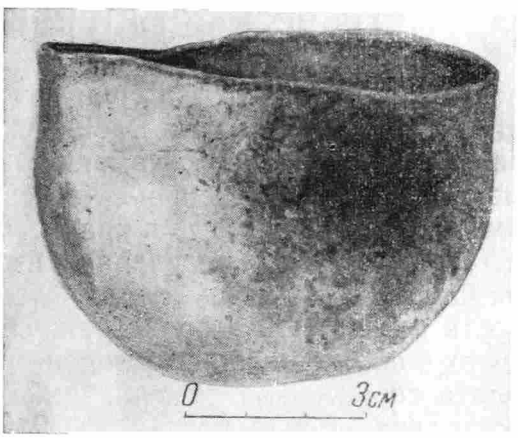


Рис. 11. Глиняный сосуд

Характерная особенность племен Северной и Северо-Западной Башкирии заключается в том, что они с самого начала находились под постоянным воздействием сармато-аланских племен южноуральских степей. Это подтверждается не только археологическими данными, но и языковым материалом [18].

Можно полагать, что племена, проживавшие в древности по среднему и нижнему течению рек Белой и Уфы, вследствие их близкого контакта с южными племенами по этническому составу в какой-то мере отличались от племен, проживавших тогда в более северных районах Прикамья и Приуралья, однако в материальной культуре прослежено очень близкое сходство с ними. Исходя из этого, памятники раннего железного века, расположенные в районах рек Белой и Уфы, можно отнести или к локальной разновидности ананьинской культуры Прикамья, или, учитывая некоторые различия в керамике и в этническом составе населения, можно отделить их в самостоятельную бельско-уфимскую культуру, очень сходную или даже родственную с ананьинской культурой Прикамья.

В начальном периоде развития, примерно в VII—IV вв. до н. э., как северные, так и южные племена по своим основным признакам выступают самостоятельно и более или менее обособленно, но примерно с III—II вв. до н. э. начинается перемещение родо-племенных групп, вызванное, очевидно, общими событиями, происходившими тогда в Юго-Восточной Европе и в Средней Азии. С этого времени племена Северной и Южной Башкирии претерпевают сильные изменения в сторону их сближения, сохраняя на первых порах свою культуру, язык и образ жизни. Второй этап перемещения племен падает примерно на IV—VII вв. н. э.— время великого переселения народов. Затем значительные сдвиги в перемещении племен происходили здесь в VIII—IX вв. н. э. Если в первом случае скрещивание происходило между угро-финскими и сармато-аланскими племенами, то во втором и третьем случаях сюда вливаются тюркские культурно-этнические элементы, культура и язык которых одержали окончательную победу только лишь в последующих столетиях I тысячелетия н. э. Таким образом, в сложении башкирского народа участвовали в основном местные, угро-финские и сармато-аланские племена и пришлые племена тюркского происхождения. Сложность этнического состава башкир дает себя чувствовать до настоящего времени как в физическом типе и в быту, так и в диалектах речи башкир различных районов.

---

[18] См. В. И. Лыткин. Из истории словарного состава пермских языков. ВЯ, 1953, № 5, стр. 58.

А. И. БОЛТУНОВА

ГРЕЧЕСКАЯ МЕТРИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ КЕРЧИ

В апреле 1955 г. в Керчи на Прямой улице против дома № 68 механик экскаватора Б. П. Васильев обнаружил лежащую на краю дороги разбитую на две части каменную плиту с древнегреческой надписью. Камень был доставлен в Керченский историко-археологический музей им. А. С. Пушкина, где и хранится в настоящее время.

Плита (рис. 1), сделанная из желтоватого плотного мелкозернистого песчаника, украшена тремя гладкими акротериями. Углубленная плоскость на лицевой стороне, покрытая надписью в 20 строк, закругленная сверху, обведена со всех сторон профилированным бортиком. Поверхность плиты тщательно сглажена, за исключением нижнего края шириной 0,05 *м*, вставлявшегося в постамент. Высота плиты — 0,99 *м*; ширина — 0,46—0,48 *м*; толщина — 0,09 *м*. Надпись вырезана по тонким, едва заметным линейкам, чередующимся через каждые две строки. Как линейки, так и буквы каждой второй строки окрашены красной краской. Высота букв — 0,02—0,025 *м*. Надпись прекрасно сохранилась: изломом уничтожены только три буквы в первом слове 9-й строки, однако поврежденное слово легко восстанавливается.

В начертании надписи использованы два различных шрифта. Первые девять строк характеризуются лунарной формой Е и Σ, скорописным начертанием М и Ω, К с укороченными ножками и маленьким размером О и головки Р; остальные одиннадцать строк — прямоугольным начертанием Е и Σ, лапидарными формами М и Ω, более крупным размером О и К, занимающих всю высоту строки, и более крупным размером головки Р. Лигатуры в надписи отсутствуют. Отметим также, что строки 19-я—20-я, вырезанные тем же шрифтом, что и строки 10-я—18-я, и, по-видимому, тем же резчиком, выполнены, однако, значительно более небрежно и более мелкими буквами.

Текст надписи:

Χαίρειν μὲν πρώτιστα/ παρ'ἀνδρῶν ἀνδράσιν· ἡδὺ
γνήσια ⟨ταυ⟩ταῦτα φίλοις/ ἐγνώκαμεν ὦ παροδεῖτα.
Πάντα λογιζόμενοι καθ' ἑ/αυτοὺς ταῦτ' ἐφρονοῦμεν·
τοῦ πρὶν ἀποθνήσκειν/—ψυχὴν ἰδίαν ἀναπαύειν,
τερπ[όμε]νοι νεκύων/ μνήμασι λαϊνέοις
τὴν στήλλην ἔθεμεν /ὁμόφρονες ὁμονοοῦντες·
Καλλιότερος Βασιλείδου/καὶ Συμφορος Φιλετέρο(υ)
καὶ Μυρωμένη Καλ(λ)ιοτέ/ρου ζήσασα φιλάνδρως·
ἀέναον μνήμην τοῖς/ παροδειτοφίλοις.
Ἔτους δκφ, μηνὸς Ὑπερ/βε[ρ]ετα[ίου] ⊆ι.

Перевод:

«Привет, прежде всего, мужам от мужей! Мы знаем, о прохожий, что родное это — приятно друзьям. Обдумывая все меж собой, мы решили следующее: прежде чем умереть,— упокоить собственную душу, мы поставили (эту) стелу единодушно, согласно: Каллиотер Басилидов и Симфор Филетеров и Миро-

Рис. 1. Стела с надписью

мена Каллиотерова, прожившая любя мужа, вечную память
тем, кто милы прохожим. Года 524 месяца Гиперберетея 16-го».

Надпись датируется 524 г. боспорской эры, т. е. 227 г. н. э.

Строка 9-я: τερπ[όμε]νοι. Сохранилась левая сторона буквы Π; дополненные буквы ομε вполне соответствуют размерам лакуны. Поэтому предложенное дополнение кажется мне бесспорным.

В надписи, вырезанной, в общем, тщательно и грамотно, все же есть ошибки, которые нужно отнести за счет небрежности резчика. Так, в строке 3-й в слове ταῦτα дважды вырезан слог ταυ; в строке 14-й в слове Φιλετέρου в конце вырезана Σ, по-видимому, вместо Υ, так как по смыслу имя Φιλέτερος должно служить патронимиком Симфора по аналогии с именами двух других лиц, упомянутых в надписи в общем контексте с Симфором. В строке 15-й в слове Καλ(λ)ιοτέρου пропущена вторая Λ.

Относительно удвоения Λ в слове στήλην в строке 11-й следует отметить, что написание этого слова с удвоенной ламбдой весьма обычно в греческих эпитафиях во всех областях Средиземноморья, особенно во II—III вв. н. э.[1]

В связи с грамматическими особенностями надписи из упоминаемых в ней имен заслуживают внимания Καλλιότερος и Φιλέτερος. Первое представляет собой, по-видимому, неправильное образование сравнительной степени от καλός — καλλι(ώ)τερος вместо καλλίων[2]. Второе, может быть, следует понимать как Φιλέταιρος[3], где дифтонг αι под влиянием живого произношения II — III вв. н. э. получил начертание ε. Однако не исключена возможность, что Φιλέτερος нашей надписи, по аналогии с Καλλι(ώ)τερος, также является образованием сравнительной степени от прилагательного φίλος — Φιλ(αί)τερος. Ни Καλλιώτερος, ни Φιλαίτερος (если понимать его как образование превосходной степени от φίλος) нигде до сих пор не встречались. Μυρ(ο)μένη, образованное как причастие страдательного залога от глагола μυρόω, в качестве имени собственного также неизвестно, но слово μυρομένα в значении «оплакиваемая» встречается неоднократно в метрических эпитафиях Восточного Средиземноморья[4].

Текст надписи — метрический. Каждый стих занимает на плите по две строки, но разделение его на две строки не всегда совпадает с цезурой стиха. Размер представляет собой сочетание гексаметра с пентаметром: первые восемь строк составляют четыре гексаметра, 9-я и 10-я строки — пентаметр; далее 11-я — 16-я строки снова составляют три гексаметра[5], а 17-я — 18-я завершают стихотворный текст эпитафии пентаметром. Таким образом, вместо обычного для стихотворных эпитафий элегического дистиха в нашей надписи наблюдается завершение нескольких гексаметров пентаметром. Нарушение правильного чередования гексаметра с пентаметром, составляющего элегический дистих, также является характерным для метрических эпитафий первых веков нашей эры[6].

Отметим наличие в нашей надписи архаизмов, выражений, заимствованных из словаря эпической поэзии, что вообще весьма характерно для мет-

---

[1] Ср., например, W. Peek, Griechische Versinschriften, т. I, Grabepigramme. Berlin, 1955, №№ 189, 262, 304, 480, 717, 861, 966, 1131, 1166, 1331, 1350, 1584, 1631.

[2] Имя Καλός (в форме Καλοῦς, род. пад. Καλοῦ и Καλοῦνος) часто встречается в надписях Боспора в первые века нашей эры. Ср. также имена в форме превосходной степени от καλός, например Κάλλιστος: IOSPE, IV, №№ 207, 435_{13}; Καλλίστη: IOSPE, II, № 92[1]; Καλίστη: IOSPE, II, № 114; Κα[λ]ιστον: Ю. Ю. Марти, А. И. Болтунова. Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей. ВДИ, 1950, № 4, стр. 76; Καλλιστω: В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. (Находки 1903—1905 гг.). ИАК, вып. 14, 1905, стр. 129, № 48.

[3] Ср. пантикапейскую метрическую эпитафию I в. до ч. э. IOSPE, IV, № 218.

[4] Ср. W. Peek. Ук. соч., №№ 675-а, 701 и 761.

[5] В 15-й строке правильность сочетания долгих и кратких слогов не выдержана

[6] Ср., например, W. Peek. Ук. соч., №№ 107, 285, 477, 674, 874, 966, 969, 985, 990, 994, 1015, 1157, 1404.

рических эпитафий: πρώτιστα[7] (наречие πρώτιστον встречается и в прозе); λάϊνεος[8]; древняя форма ἀέναος (вместо αἰέναος)[9]; ὁμόφρων[10].

Вступительная часть нашей надписи начинается с выражения привета (χαίρειν) «от мужей мужам». Здесь слово χαίρειν логически употреблено в значении существительного («привет»), подобно тому, как оно употреблялось в письмах. Выражение привета в надгробных надписях бывает обычно обращено к усопшим[11]. В том же значении встречается слово χαίρειν и в метрических эпитафиях[12]. Однако можно привести ряд случаев, когда слово привета обращено от лица умерших к посетителям могил («прохожим»)[13]. Приветствие это является источником радости и для живых и для умерших[14]. Во второй фразе нашей надписи слово ἡδύ относится к χαίρειν. Привет этот назван γνήσια, т. е. «родное» (здесь, по-видимому, γνήσια следует понимать как «обычное», «укоренившееся»), и это «родное» приятно друзьям. Из дальнейшего текста мы узнаем, что данную стелу поставили себе три поименованные в надписи лица еще при жизни (τοῦ πρὶν ἀποθνήσκειν — ψυχὴν ἰδίαν ἀναπαύειν)[15] «обдумав все меж собой», т. е., очевидно, неизбежность своей кончины. На эту мысль навели их памятники умершим, установленные на могилах (τερπ[όμε]νοι νεκύων μνήμασι λαϊνέοις). Таким образом, Каллиотер, Симфор и Миромена, будучи еще живыми, начертали надпись, где они как бы из могилы обращаются с приветом к друзьям, которые приходят к их памятнику и которым эти умершие дороги (παροδειτόφιλοι)[16].

Примеров сооружения в первые века нашей эры надгробных памятников при жизни самому себе, целой семье или умершему супругу, с тем чтобы и самому после смерти лечь в общую могилу, можно привести немало[17].

Обращение с приветом «прежде всего от мужей мужам» в нашей надписи при упоминании в конце текста Миромены, «прожившей в любви к мужу», говорит, скорее всего, о том, что в то время, когда было задумано изготовление стелы, установить ее предполагали на своей могиле лишь Каллиотер и Симфор. Однако ко времени ее установки на кладбище к их именам пришлось присоединить также и имя Миромены, которая, судя по отчеству, могла быть дочерью Каллиотера, сына Басилида и, может

---

[7] Ср. Il., 105; Od., III, 57, 412; H. Diels. Poëtarum philosophorum fragmenta. Berlin, 1901; Timon, 71, 1, стр. 204; W. Peek. Ук. соч., № 2048.

[8] Il., III, 57; Od., XIII, 106. В метрических эпитафиях это прилагательное встречается очень часто в применении к надгробному памятнику или могильному сооружению. Ср. W. Peek. Ук. соч., №№ 131, 230, 234, 380, 442, 535, 739, 985, 1130, 1166, 1616, 1935.

[9] Od., XIII, 109 и в стихотворных эпитафиях: W. Peek. Ук. соч., №№ 230, 451, 675-a, 1099, 1860; IOSPE, I², № 519.

[10] Il., XX, 263; W. Peek. Ук. соч., № 779.

[11] Ср. обычное χαῖρε, которое присоединяется к имени погребенного (поставленному в именит. или зват. падеже), и χαίρειν, где привет обращен к умершему от лица, поставившего ему памятник. См. В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. (Находки в 1903—1905 гг.). ИАК, вып. 14, 1905, стр. 121, № 44; В. В. Шкорпил. Новонайденные боспорские надписи. ИАК, вып. 63, стр. 113, № 4.

[12] W. Peek. Ук. соч., №№ 1343 и 1347.

[13] Например, IOSPE, I², №№ 485, 486, 538; II, №№ 367¹, 378; IV, № 330; В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 109, № 23; В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. (Находки 1905 г.). ИАК, вып. 18, 1906, стр. 132, № 49; W. Peek. Ук. соч., №№ 1216, 1219—1221. Ср. об этом В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 году. ИАК, вып. 54, 1914, стр. 80—81.

[14] Ср. W. Peek. Ук. соч., №№ 1343 и 1855.

[15] Представление о смерти и погребении как об упокоении души в античных эпитафиях ср., например, W. Peek. Ук. соч., № 777.

[16] Слово παροδειτόφιλος настоящего времени в греческих текстах не встречалось.

[17] В качестве примеров можно напомнить надписи: IOSPE, I², № 221; В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 84, № 98, и метрические надписи: W. Peek. Ук. соч., №№ 247—274, а также пантикапейское надгробие Клеопатры, поставленное пережившим ее мужем, изобразившим на стеле и самого себя в обществе умершей жены в сцене «загробной трапезы». В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1911 году. ИАК, вып. 45, 1912, стр. 15, № 7.

быть, женою Симфора. Употребление в надписи двух разных шрифтов также, возможно, говорит о том, что между изготовлением стелы с начертанием первых девяти строк и установкой ее на кладбище, когда скончались все трое и текст был дописан до конца, прошел известный срок. Дата («524 года, месяца Гиперберетея 16-го») указывает, несомненно, время, когда памятник был водружен на общей могиле в некрополе Пантикапея.

Публикуемая надпись заслуживает внимания во многих отношениях. Наряду с любопытными особенностями своего внешнего оформления, применением двух различных шрифтов при точной датировке, что ценно для истории эпиграфических шрифтов, она интересна еще и тем, что представляет собой самый поздний из всех известных до настоящего времени метрических эпиграфических текстов на Боспоре и единственный в своем роде по содержанию. Однако ряд соображений заставляет высказать сомнение в боспорском происхождении издаваемого памятника. Он мог быть изготовлен в каком-то другом, не боспорском, центре и завезен в Пантикапей переехавшими туда и погребенными там лицами, чем и следует объяснить вырезанную на стеле дату по боспорской эре. Соображения эти следующие: материал, из которого сделана стела,— песчаник, в то время как подавляющее большинство боспорских надгробий сделано из местного известняка и значительно меньшая часть — из привозного мрамора. Вообще надписи, вырезанные на песчанике, на Боспоре насчитываются единицами, из них пантикапейских — всего пять, причем лишь одно надгробие [18] может, вне всякого сомнения, считаться пантикапейским.

Оригинально и само оформление публикуемой стелы, также не имеющее аналогий среди надгробий Боспора и, тем более, совершенно не соответствующее надгробным памятникам Боспора III в. н. э. По своему оформлению наша стела скорее может быть сопоставлена с найденными в пантикапейском некрополе надгробиями уроженцев малоазийских городов, изготовленными на их родине и доставленными на Боспор к месту погребения. Таковы, например, мраморный памятник навклеру Тертию Руфу, тийцу [19], и сделанный, как и наша стела, из песчаника памятник Менуллиону синопцу [20], оба того же примерно времени, что и издаваемая стела. Метрический текст надписи отражает яркие, живые и в чистоте сохранившиеся традиции греческой культуры и тесно примыкает к многочисленным метрическим эпитафиям греческих городов Восточного Средиземноморья и Малой Азии поздней поры античности. В этом отношении характерным для него является не только отсутствие негреческих имен, но и полное отсутствие каких бы то ни было элементов «варваризации», так глубоко пронизавших всю культуру Боспора, особенно во II—III вв. н. э.

При постановке вопроса о месте изготовления стелы вспомним, что со времени Митридата Евпатора особенно интенсивными стали связи Боспора с городами Южного Причерноморья. Надгробия умерших в Пантикапее граждан малоазийских городов являются наглядным свидетельством

---

[18] IOSPE. II, № 243. Однако ввиду того, что камень утрачен, проверить, из какого материала он изготовлен, невозможно. Из остальных надписей Пантикапея надпись, опубликованная в IOSPE, IV, № 210, приобретена покупкой, и место ее находки точно не известно. Надпись, опубликованная в IOSPE, IV, № 231, извлечена из курганного погребения, где плита была использована для настила пола гробницы. Надпись эта давно обратила на себя внимание исследователей, как единственный образец применения курсивных форм букв в начале I в. н. э., не имеющий аналогий в эпиграфике Боспора этого времени, поэтому мы не можем выразить полной уверенности в ее боспорском происхождении. Что же касается надгробия синопца Менуллиона, о котором будет сказано ниже, то особенности стиля этого памятника вряд ли позволят нам предполагать его происхождение из пантикапейских мастерских.

[19] В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1914 году. ИАК, вып. 58, 1915, стр. 23, 24, № 9.

[20] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. (Находки 1905 г.). ИАК, вып. 18, стр. 132, № 49.

этих связей и не раз упоминались исследователями [21]. Большинство этих надгробий снабжено метрическими эпитафиями и относится к I в. до н. э. [22] Однако эпиграфические материалы, надгробия малоазийцев и надписи под статуями боспорских царей, воздвигнутые по инициативе малоазийских городских общин и отдельных граждан, подтверждают продолжение этих связей Боспора, экономических, политических и культурных, с городами Южного Причерноморья и в последующие времена, до III в. н. э. включительно [23]. Известные уже примеры доставки готовых надгробных памятников к месту их установки в Пантикапее [24] дают нам основания предполагать, что и издаваемый памятник был завезен поименованными в надписи лицами из какого-то малоазийского центра и после их кончины установлен в 227 г. н. э. на их могиле на пантикапейском некрополе в районе Глинища.

---

[21] Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 78, 79; Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1951, стр. 81; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949, стр. 367 и 383; М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 350—351.

[22] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. (Находки в 1903—1905 гг.), ИАК, вып. 14, стр. 124, № 47; IOSPE, II, №№ 286, 298, 299.

[23] Ю. Ю. Марти. Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора, сына Илиева. ИТОИАЭ, т. I, 1927, стр. 121. (Ср. его же. Новые эпиграфические памятники Боспора, стр. 78, 79, № 13). .IOSPE, II, № 285; ИАК, вып. 10, стр. 67, № 71; ИАК, вып. 18, стр. 132, № 49; ИАК, вып. 58, стр. 24, № 9; IOSPE, II, №№ 39, 42—44. Ср. В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 367.

[24] Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора, стр. 78, 79, № 13; ИАК, вып. 58, стр. 24, № 9; ИАК, вып. 18, стр. 132, № 49; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 384.

К. БЕЛЕНИН

ДРЕВНЯЯ МЕТАЛЛУРГИЯ ЖЕЛЕЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПОЛЬШЕ

На возвышенности между р. Каменной и северным склоном Лысогур и Еленевских гор в большом количестве встречается железный шлак. Он обнаружен на пахотных полях, в лесах, главным образом на склонах и вершинах холмов, и свидетельствует о весьма примитивной технике плавки. Шлак встречается в чурках цилиндрической формы (рис. 1) диаметром около 40 *см*, высотой около 30 *см* и весом приблизительно 80 *кг* и больше. Чаще всего этот шлак встречается в виде различных по величине бесформенных обломков разбитых чурок. Шлак этот сильно пористый, с большим количеством отпечатков древесного угля. Наиболее типичная и характерная черта этой техники — сосулеобразность. Сосульки в виде застывших натеков облепляют внешнюю или нижнюю часть чурок.

Произведенные исследования показали, что этот шлак содержит в среднем 50% железа. В связи с этим в период между двумя мировыми войнами металлургические заводы в Староховицах и Островце покупали этот шлак для повторной плавки.

В 1955 г. Краковский археологический музей в сотрудничестве со Свентокжиским музеем в Кельцах и металлургами Горнометаллургической академии в Кракове, по поручению Комитета истории науки Польской Академии наук, начали систематические археологические исследования в Свентокжиских горах. Цели этих исследований следующие: точно определить территорию распространения этого промысла; обследовать места, где в свое время работали печи; изучить технику и технологию металлургического процесса; установить хронологию этого промысла.

Исследования производились путем раскопок и регистрации находок шлака на поверхности и следов древних поселений.

Кроме того, проводился физический и химический анализ шлака с изучаемых мест и железных предметов, найденных на поселениях латенского, римского, раннесредневекового периодов в районах Малой Польши и Центральной Польши.

Осенью 1955 г. были получены первые положительные результаты. В Кунове Опатовского повета обнаружили три металлургических земляных печи. Это небольшие круглые ямы, слегка расширяющиеся книзу. Диаметр их дна — около 30 *см*, высота — около 45 *см*. Боковые стенки были обмазаны глиной, смешанной с мякиной и мелко нарезанной соломой. В печах находился сплавленный в чурки железный шлак, каким его оставил после варки металлург древнего времени. Однако самым важным открытием в Кунове была найденная рядом с печами керамика, которая и позволила впервые отнести свентокжиский железный шлак к периоду римского влияния.

Начатые весной 1956 г. раскопки дали повсюду совершенно неожиданные результаты. В Рудках около Новой Слупи на одном поле обнаружили три участка, на которых найдено 66 чурок шлака, являющихся остатками работы металлургических печей (рис. 2). Печи диаметром около 45 *см* не имели отделанных боковых стенок. Верхняя часть печей

была заполнена монолитными чурками железного шлака высотой 40 *см*. Вес одной чурки составлял примерно 80 *кг*. Большое количество чурок весило более 100 *кг*. Крестьянин, на поле которого была открыта древняя плавильня, рассказал, что его отец в довоенный период выкопал на этом поле и продал заводу в Островце около 50 *т* шлака.

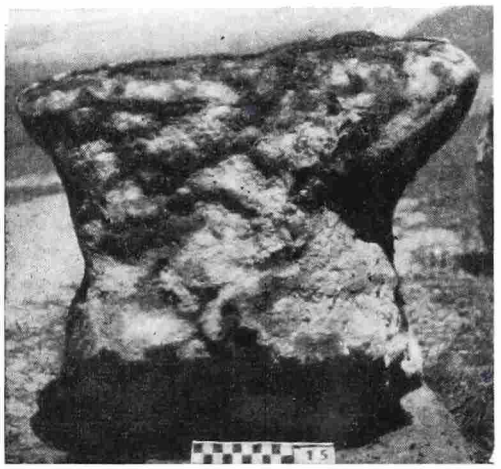


Рис. 1. Шлак из печи

Здесь, так же как и в Кунове, около печей были найдены небольшие обломки керамики, характерной для римского периода.

На перевале (Пшеленче) между Еленевской горой и Щитняком открыта большая плавильня, обследовано 13 земляных металлургических печей (рис. 3). Печи выкопаны в слое лёсса. Боковые стены были обмазаны илом (рис. 4). Диаметр печных котлованов равнялся примерно 45 *см*, высота — примерно 30 *см*. Шлак, наполняющий котлован, представлял собой единую пористую массу, плотно сплавившуюся со стенками печи. После исследования шлака, наполнявшего котлован, оказалось, что под шлаком на дне находится слой древесного угля толщиной около 4 *см*. Там, где не было угля, застывший шлак лежал прямо на дне.

В 3 *км* на север от Пшеленча обследовано еще одно местонахождение металлургических печей — Стара Слупя I. В одной части обследованного поселения открыто 55 земляных печей (рис. 5), отличающихся от печей на Пшеленче только по расположению — по три ряда печей в двух параллельных, отделенных друг от друга линиях.

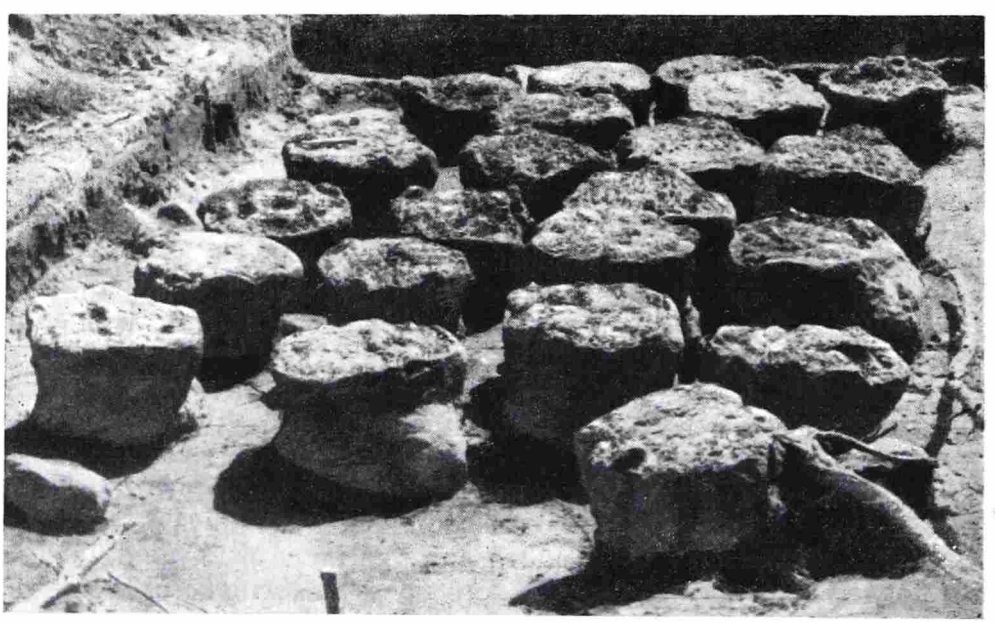


Рис. 2. Группа печей в Рудках

Следующая обследованная группа печей, Стара Слупя II, находится на расстоянии 300 *м* от Старой Слупи I. В результате обследования этого места всего открыто 112 земляных горнов. Как на раскопе № 1, так и

здесь эти печи расположены двумя параллельными линиями, с той лишь разницей, что каждая линия имеет не три, а четыре ряда печей.

На раскопе № 3 в Старой Слупе изучено 149 земляных плавильных печей. Так же как и в предыдущих случаях, печи здесь размещались двумя параллельными линиями по четыре ряда (рис. 6, *1*).

Около этих печей найдено несколько фрагментов разбитых глиняных сосудов, характерных для римского периода.

Продолжавшиеся в 1957 г. исследования обнаружили новые печи.

В Староховицах на раскопе № 1 обследована плавильня из 55 печей. В части раскопа № 2 изучено 10 печей. Также лишь частично откопанная плавильня в Покшивянке Гурной имеет около 69 печей. В Скошыне Опатского повета — 27 печей. В Еленеве изучены расположенные недалеко друг от друга три группы горнов. На раскопе № 1 открыты 124 земляные плавильные печи, на раскопе № 2 — 74 (рис. 6, *2*), а на раскопе № 3 — 139 (рис. 6, *4*). В результате дальнейших работ в Старой Слупе на раскопе № 1 открыто 53 (рис. 6, *3*), на раскопе № 2—45 печей. В Рудках на раскопе № 4 неподалеку от раскопов 1956 г. обнаружена 21 печь. На раскопе № 5 зарегистрировано 8 земляных печей.

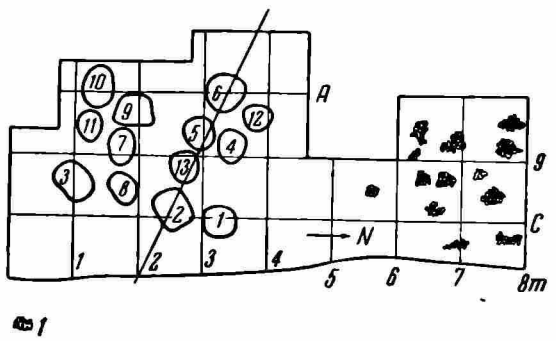


Рис. 3. План печей в Еленеве

Кроме того, изучены сыродутные горны в Тщянце, а также обнаружены следы поселений, связанных с металлургическим производством на раскопе № 3 в Новой Слупе и в поселке Дембняк в Старой Слупе.

В юго-западной части Старой Слупи на территории Лазы найдены следы раннесредневекового поселения, находившегося по соседству со скоплением шлаков. Железный шлак этой техники встречается также высоко на склонах гор; например, на южном склоне Лысицы на высоте 535 *м* над уровнем моря обследованы остатки пяти печей.

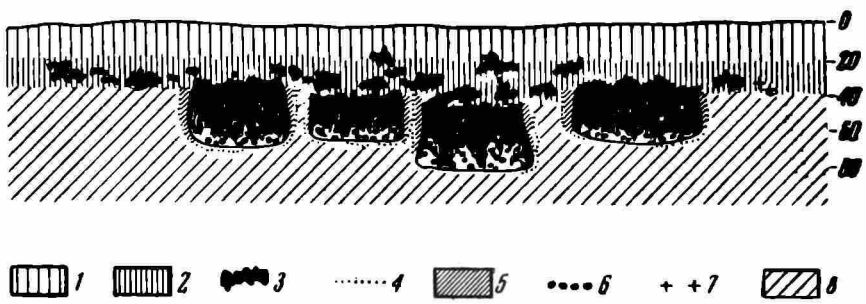


Рис. 4. Профиль печей в Еленеве

1 — вспаханный слой; *2* — слой с находками шлаков; *3* — шлаки; *4* — обожженная поверхность; *5* — стенки печей; *6* — древесный уголь; *7* — фрагменты керамики; *8* — лессовидный материк.

Таким образом, за два года в Свентокжиском районе исследованы частично или полностью 20 местонахождений шлака и обнаружены 1028 земляных печей.

Проведенные исследования во многих случаях дали совершенно новый материал, проливающий свет на слабо изученную до сих пор проблему древней варки железа.

Котлованы свентокжиских печей в горизонтальном разрезе имеют круглую форму диаметром около 40—50 *см*. В вертикальном разрезе они на-

поминают цилиндр или округленную трапецию. Глубина их, в зависимости от состояния, в котором они сохранились, колеблется в границах 30 *см*.

Типичным примером являются те печи, у которых боковые стены котлована обмазаны глиной. Исключение из этого составляют плавильни в Рудках и Староховицах, где стенки котлованов не обмазаны, в результате чего в вертикальном разрезе печей наблюдается значительная деформация.

Все котлованы полностью заполнены шлаком. В верхней части шлак более плотный, ниже — сильно пористый с большим количеством древесного угля. В самом низу шлак застыл в форме сосулек среди залегающего

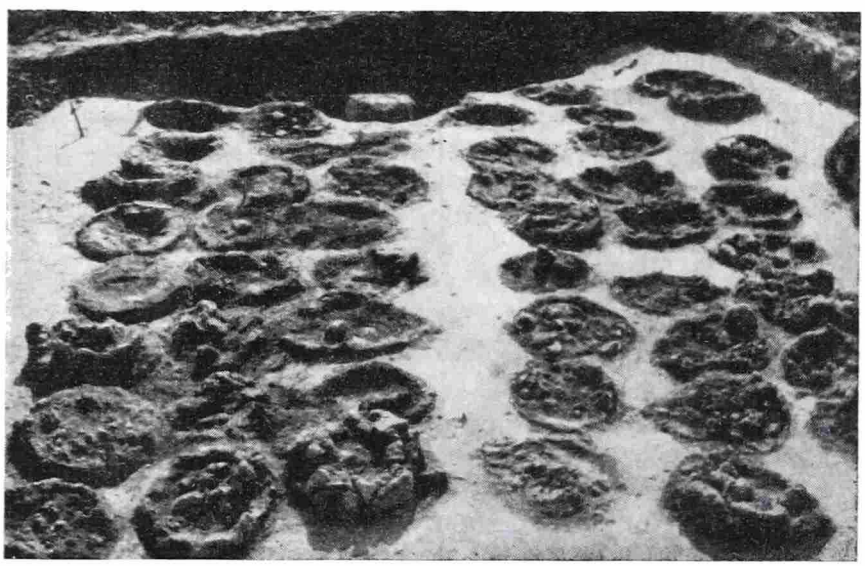


Рис. 5. Группа печей в Старой Слупе I

на дне слоя древесного угля. Шлак, наполняющий котлованы, несмотря на сильную пористость, составлял единую массу, прочно сплавленную с боковыми стенками котлована.

В ходе исследований было обращено особое внимание на следы поддувания при помощи мехов или естественного доступа воздуха, необходимого для металлургического процесса. В стенках котлована, а также в прилегающей к ним целине не встретилось никаких следов каналов, которые доставляли бы воздух естественным или искусственным путем.

В результате обследования содержимого котлованов, которое состоит из нетронутого шлака и просочившихся натеков перегноя, не обнаружено ничего, что можно было бы определить как продукт металлургического процесса. В котлованах, кроме спекшегося шлака и более или менее толстого слоя древесного угля на дне, не обнаружено никаких следов восстановленного железа.

Особого внимания заслуживает одна группа печей, где в расположении следующих одна за другой ям мы видим систему правильных продольных линий с тремя-четырьмя печами в ряду. Иногда случается, что в поперечном ряду имеются только две или даже одна яма. В этих случаях, как правило, обнаруживаются два параллельных ряда ям, отделенных друг от друга более или менее широким пространством, как бы тропинкой. Это пока еще не изученная в достаточной степени система расположения земляных плавильных печей в последовательности их сооружения. В самой системе двойных линий обнаружена интересная особенность, состоящая в том, что если в названных выше плавильнях имеется, как правило, по четыре печи в отдельном ряду, то на трех раскопках,

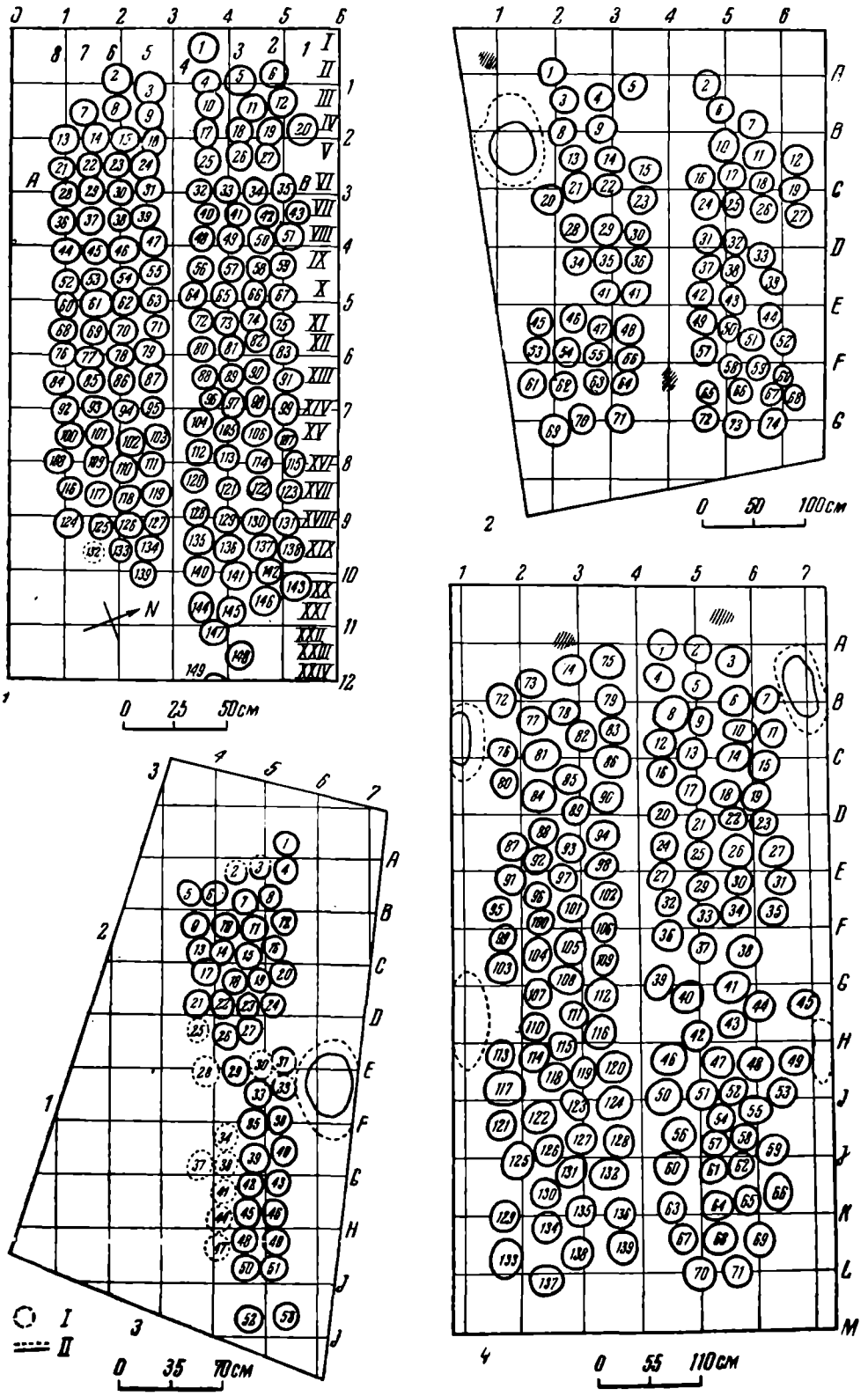


Рис. 6.

1 — план печей в Старой Слупе (раскоп № 3); *2* — план печей в Еленеве (раскоп № 2); *3* — план печей в Старой Слупе (раскоп № 1); *4* — план печей в Еленеве (раскоп № 1)

а именно в Старой Слупе I, в Скошине и Староховицах, обе параллельные линии имели по три печи в ряду. Явление другого порядка — раскоп № 1 в Новой Слупе, где имеется только одна линия из четырех печей.

Вторая группа печей не имеет столь правильной системы. Тем не менее и здесь сохраняется определенная закономерность. Сюда относятся

раскоп № 2 в Новой Слупе и на Пшеленчи Еленевской. Случайно расположены печи на раскопах №№ 3 и 4 в Рудках.

Неизвестно, какое расположение печей было в полностью разрушенных плавильнях в Тшцянце и на склоне Лисицы. Трудно также установить, произошло ли разрушение этих печей после окончания сыродутного процесса или в более позднее время во время полевых работ.

Здесь же рядом с горнами в Старой Слупе, Новой Слупе, в Еленеве открыли незначительно углубившийся в целину пласт небольшой наземной постройки. В этом пласте, кроме обломков шлака, глиняной обмазки, древесного угля, иногда попадаются обломки керамики. На плавильнях в Еленеве в углях печей, а на раскопе № 1 в конце тропинки открыты следы врытых столбов, что подтверждает более раннее предположение о каком-то строении, предохранявшем печи от изменяющихся атмосферных условий.

Весьма тщательные исследования, проводившиеся в окрестностях этих мастерских, не обнаружили поблизости следов культурного слоя. Зато неподалеку от них на вспаханных полях обнаруживаются следы костров для изготовления древесного угля.

На основе произведенных археологических и лабораторных исследований можно предполагать, что для значительной части территории распространения древнего шлака сырьем, которое использовалось в металлургическом процессе, был гематит из Рудок. Однако на основе анализа чурок шлака из Купова и Староховиц установлено, что употреблялся также ископаемый лимонит (бурый железняк), залежи которого тянутся вдоль р. Каменной почти до Островца.

Проведенные наблюдения показывают, что главной базой снабжения рудой широко развитого свентокжиского металлургического промысла была территория шахты «Сташиц». Уже в довоенный период во время разведовательных работ на этой шахте нападали на следы старых шахтных разработок, находили в завалах керамику, типичную для римского периода. В 1956 и 1957 гг. заново проложенные штреки шахты «Сташиц» дважды натолкнулись на глубине 20 *м* на старые шахтные разработки — завалы, возникшие после использования залегавших тут линз гематита. В завалах найдены в большом числе остатки грубо обработанных деревянных конструкций того времени. На поверхности шахты обнаружены в нескольких местах следы культурного слоя с большим количеством керамики, характерной для римской эпохи, а также монеты времен Веспасиана и Траяна.

Анализ найденного в том районе шлака показывает, что выделка железа производилась при температуре: минимальная 1155° С, максимальная 1250° С. Сумма Fe_2O_3 и FeO составляет в большинстве случаев от 50 до 70% (очень редко бывает ниже 50%). Содержание фосфора в шлаке указывает на происхождение руды. Шлак в районе Рудок содержит менее 0,2% фосфора, в то время как шлак над р. Каменной (Кунов) — более 1,0% фосфора.

С проблемой открытых горнов уже теперь связывают целый ряд неясных вопросов. Что означает система сооружения по три или четыре печи в один ряд? Установлено, что многие котлованы выкопаны один в другом, а это доказывает, что отдельные печи работали порознь для одной выделки железа в определенной временной последовательности. Чем обусловлено наличие двух систем расположения горнов? Возможно, что сосредоточение печей на небольшом пространстве было обусловлено наличием крыши (навеса), прикрывавшей все печи; тем не менее правильные тройки или четверки ям указывают также на какую-то систему расчетов.

До сих пор было непонятно отсутствие следов системы поддувания на всей глубине обнаруженных котлованов, а также отсутствие в застывшем шлаке не только на дне котлованов, но и на всей их глубине следов ка-

ких-либо брусков железа, иногда только в микроскоп видны крупинки железа в несколько микронов.

Теперь в результате произведенной пробной выплавки железа в земляной печи данного типа выяснилось, что здесь невозможно достичь необходимой температуры выше 1100° С. Самая высокая температура, которую можно было достичь без искусственного дутья или естественной тяги, составляет около 600° С.

В настоящий момент независимо от проведенных опытов существуют данные, свидетельствующие в пользу предположения о том, что открытые наполненные шлаком котлованы являются нижней частью печи, которая каким-то образом служила для выпуска шлака. Зато в верхней части, построенной над нынешним уровнем, находились воздушные отверстия. Принять этот вывод позволяют две чурки шлака, найденные на других стоянках — в Кунове и Лыжвах около Скаржиска.

Эти чурки имеют на боковой поверхности наросты, являющиеся отпечатком канала, по которому воздух поступает в печь. Имели ли многочисленные печи в окрестностях Старой Слупе устроенную таким образом тягу или здесь использовались какие-то меха, покажут, вероятно, дальнейшие исследования.

В верхней, надземной части печи еще тогда, когда шел технологический процесс, происходило слияние крупинок восстановленного железа в более крупные куски, которые сразу же извлекались через верх открытой печи. Подобную технику получения железа применяли древние металлурги в Тархалицах Волавского повета в Силезии, в Седлемине в Познаньском воеводстве. Аналогичные факты наблюдаются в западнобенгальской народной металлургии в Индии.

Верхняя часть свентокжиской печи после окончания плавильного процесса подвергалась уничтожению, а углубленную в землю и наполненную перемешанным с древесным углем тестообразным шлаком нижнюю часть печи, которую труднее было уничтожить, оставляли. Для следующей варки делали рядом новую яму.

На основе имеющегося в настоящее время материала трудно наметить точную хронологию свентокжиского железоделательного промысла. При обследованных горнах найдено сравнительно небольшое количество керамики. Не найдено в то же время ни одного железного орудия, кованой заготовки или каких-либо других предметов материальной культуры, которые позволили бы с точностью установить время. Кроме стоянки в Кунове, печи которой отличаются от печей Лысогорского района, где обнаружен большой культурный слой со значительным количеством керамики, на всех остальных раскопах найдено лишь около десятка черепков. Весьма тщательное исследование поверхности вокруг плавилен не обнаружило даже мельчайших следов культурного слоя.

Обломки лепной керамики, найденные до настоящего времени на обследованных раскопах, по составу теста сходны с сосудами, характерными для римского периода. Они обнаружены в слое шлакового мусора, залегающем на месте самих горнов, или в слое мелко сидящих наземных построек. Среди этого материала имеются также обломки черепков серой керамики иголомского типа, а также обломки сосудов большой величины с плоско отогнутым венчиком.

Интересен и тот факт, что существует сходство керамики с места рудной добычи в Рудках и керамики некоторых плавилен. Полное сходство мы обнаруживаем также между некоторыми деталями керамики в Новой Слупе (раскоп № 3) и керамикой находящейся на расстоянии около 1 *км* на запад от плавильни в Новой Слупе (раскоп № 2).

Интересна проблема связи свентокжиского железоделательного промысла с открытыми еще до войны поселениями римского периода в долине р. Каменной. Можно предположить, что открытые в массовом количестве железные изделия в погребениях римского периода над р. Ка-

менной в Хмелеве Пясковом, Староховицах, Вонхоцке, Марцинкове были изготовлены из железа, выплавленного свентокжискими металлургами.

Для исследования всей проблемы древней металлургии в северном районе Свентокжиских гор интересен факт находки в центре этого бассейна над р. Каменной кладов римских монет в Хмелеве, в Нетулиске Малом, Нетулиске Фабричном, в Покшивянке, а также единичных находок римских денариев в Рудках, Гжегожевицах или Горбаче.

Это только начало исследований древнего железоделательного производства, развивавшегося в далеком прошлом на большом пространстве между Лысогорами и р. Каменной. Ко многим названным выше и ожидающим своего решения техническим, технологическим вопросам следует причислить также исторические проблемы, такие, например, как организация свентокжиской металлургии, организация труда, социальные отношения производителей, вопрос о потребителях, проблемы собственности на продукцию, ее сбыта, обмена и т. д.

Литература

1. M. Radwan. Z dziejów wytopu. Hutnik, 1937, ч. 9, Katowice.
2. K. Bielenin. Staropolskie Zaglebie żelazne. Dawna Kultura 19, ч. 2, стр. 127—134; ч. 3, стр. 214—220.
3. Его же, Z badań nad starożytną produkcią żelaza w Malopolsce. Sprawozdania Archeologiczne, т. III, Wrocław, 1957, стр. 91—106.
4. Его же. Dotycczasowe wyniki badań nad żużlem starożytny w rejonie Gór Swiętokrzyskich. Wiadomości Archeologiczne, Warszawa, 1957, ч. 1—2, стр. 101—112.
5. M. Radwan i K. Bielenin. Tymczasowe sprawozdanie z badań nad dawnym hutnictwem w Górach Swiętokrzyskich w. r. 1956. Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. Warszawa, 1957, N 1, стр. 203—216.
6. St. Hołewiński. Wstępne badania starożytnych żużli hutniczyctw skupionych na niektórych terenach Polskich. Archiwum Hutnictwa, т. 1, ч. 2, 1956.
7. Włodzimierz Hołubowicz. Starożytny ośrodek hutniczy kolo Tarchalic na Sląsku. Wawna Kultura, ч. 3, Wroclaw, 1956, стр. 207.

В. В. КРОПОТКИН

МОГИЛЬНИК СУУК-СУ И ЕГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

(По данным погребального обряда)

Могильник Суук-Су находится на южном берегу Таврики, между современным Гурзуфом и западным склоном Медведь-горы. Он занимает значительную площадь на территории пионерского лагеря Артек (бывш. имение Суук-Су) и на южном склоне невысокого скалистого холма под названием «Лысый бугор». Урочище, где расположен могильник, на юге полого спускается к морю, на востоке ограничено балкой Суук-Су, на севере — вершиной Лысого бугра и на западе — седловиной и глубокой балкой.

Рядом с могильником находилось средневековое поселение — древние Горзувиты [1].

Первые раскопки могильника были осуществлены А. Н. Харузиным в 1889 г. [2].

В конце XIX в. на площади могильника начались большие земляные работы, связанные с проведением новой дороги из Гурзуфа в Артек и ломкой камня на территории Суук-Су. Эти работы разрушили значительное число могил, вещи из которых разошлись по рукам и пропали для науки почти бесследно. Отдельные находки позднее удалось приобрести Н. И. Репникову у местных жителей [3]. По-видимому, часть вещей из разрушенных могил или более поздних кладоискательских раскопок была продана торговцами древностей за границу [4].

Систематические раскопки Суук-Су начались в августе 1903 г. в северной части могильника на склоне «Лысого бугра», где было исследовано 87 различных могильных сооружений (склепов, грунтовых и плитовых могил, №№ 1—87) [5].

В сентябре 1905 г. Н. И. Репников раскопал пять могил в восточной части могильника у начала балки Суук-Су, в том месте, где кладоискатели обнаружили богатые погребения (№№ 88—93). Затем раскопки были перенесены на территорию усадьбы Суук-Су и в сентябре — октябре 1905 г. там было раскопано 95 могильных сооружений (склепов, подбойных, грунтовых и плитовых могил; №№ 94—188). Вещи из этих погребений поступили в собрание известного историка и нумизмата А. Л. Бертье-Делагарда, которое впоследствии было передано музею «Одесского общества истории и древностей». В этот же музей поступила

---

[1] Первое упоминание о Горзувитах у Прокопия, к сожалению, слишком кратко. По словам Прокопия, Юстиниан I восстановил стены Боспора и Херсона и «воздвиг там и два укрепления, так называемое Алуста и в Горзубитах» (Procop. De aedif., III, 7, 11).

[2] А. Н. Харузин. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша. ИОЛЕА, т. LXIV, 5.

[3] Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских готов, ч. I, ИАК, вып. 19, 1906, стр. 2.

[4] A. Götze. Gotische Schnallen. Berlin, 1907.

[5] Н. И. Репников. Ук. соч.

коллекция из раскопок осенью 1905 г., которые производились на средства А. Л. Бертье-Делагарда [6].

В 1907 г. Н. И. Репников продолжил раскопки южной части могильника в усадьбе Суук-Су, где зимой 1906 г. при перекопке земли был открыт земляной склеп у так называемого «Орлиного гнезда». Здесь им раскопано шесть погребений (№№ 189—195), а затем несколько могил исследовано у начала балки Суук-Су (№№ 196—200) [7].

За несколько археологических сезонов Н. И. Репников исследовал более 200 погребальных сооружений: восемь склепов [8], три подбойных могилы, 89 земляных могил с заплечиками, крытых деревом, шесть земляных могил с каменным или черепичным покрытием и 96 плитовых могил, сложенных из плит известняка или рваного камня.

Таким образом, на «Лысом бугре» было раскопано 87 могил, на усадьбе Суук-Су — 102 могилы, у начала балки Суук-Су — 10 могил.

1951 г. небольшие разведочные раскопки на территории могильника и поселения произвел А. Л. Якобсон [9].

К настоящему времени в Суук-Су археологически исследовано 217 могильных сооружений, которые по глубине залегания разделены Н. И. Репниковым на два горизонта, или слоя. К нижнему слою относятся склепы с земляными камерами (глубиной до 3,2 *м*), подбойные могилы (глубиной до 2,5 *м*) и грунтовые могилы (глубиной до 2,85 *м*). К верхнему слою относятся могилы, сложенные из плит известняка, рваного камня или черепицы и некоторые грунтовые могилы. Глубина могил верхнего слоя, как правило, не превышает 1,0 *м* и только одна плитовая могила найдена на глубине 1,8 *м*.

Переходным типом от могильных сооружений нижнего слоя к сооружениям верхнего слоя являются грунтовые могилы с покрытием из каменных плит или черепицы.

Большинство могил Суук-Су содержит по несколько погребений, что, может быть, является пережитком таврского или скифского погребальных обрядов (каменные ящики и мавзолей Неаполя) [10]. Так, например, плитовые могилы, обнаруженные Н. И. Репниковым внутри часовни, превращены в костницы, где костяки укладывались один на другой.

Обряд трупосожжения не характерен для средневековых могильников Юго-Западного Крыма. В Суук-Су обнаружено 334 трупоположения и ни одного трупосожжения [11]. В Эски-Кермене и Чуфут-Кале сожжений не найдено совершенно, нет их в Алуште и Планерском, нет их и в некрополе средневекового Боспора.

А. П. Смирнов сделал неудачную попытку связать появление обряда трупосожжения в некоторых могильниках Крыма и Северного Кавказа III—VII вв. н. э. с ранней славянской колонизацией Северного Причерноморья [12]. Несколько раньше тезис о ранней славянской колонизации

---

[6] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. II, ЗООИД, т. XXVII, стр. 101—140. В современной экспозиции Одесского археологического музея могильник Суук-Су переименован в могильник «Холодная вода» и назван славянским некрополем III—VII вв. н. э.

[7] Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 105—126.

[8] Возможно, что грунтовые могилы №№ 54 и 71 являлись склепами и определены Репниковым неправильно.

[9] А. Л. Якобсон. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа). КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 109—120.

[10] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского, М., 1953, стр. 21, 46.

[11] Погребение № 81, где на дне ямы обнаружена зола, считать трупосожжением, как, например, это делает А. П. Смирнов, нет достаточных оснований. См. Н. И. Репников. Некоторые могильники..., ч. I, стр. 24.

[12] А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 451; его же. К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, № 2, стр. 276 и сл. В этой статье А. П. Смирнов рассматривает могильник, раскопанный С. Ф. Стржелецким у совхоза № 10 близ Инкермана, уже как готский некрополь.

Таврики выдвинули Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий [13]. Их поддержали Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков [14], П. Н. Третьяков [15] и В. В. Мавродин [16].

«Особенно ощутимо наличие славян в Крыму и на Боспоре стало в III—IV вв. н. э.»,— писал Б. А. Рыбаков. «С этого времени уже определились надолго и два основных направления славянских походов: юго-западное и юго-восточное... Мы можем проследить проникновение славян в Крым и на Тамань почти за тысячу лет до образования Тмутараканского княжества» [17].

С резкой критикой гипотезы о ранней колонизации Крыма славянами выступил М. В. Левченко. «Утверждая,— писал М. В. Левченко,— что русские славяне составляли часть постоянного населения Крыма в раннем средневековье, Веймарн и Стржелецкий забывают ответить на вопрос, почему же ни один средневековый источник не говорит о русских, как о постоянном населении Крыма. По Веймарну и Стржелецкому, жившие много веков в Крыму русские держали себя так пассивно, что о них не упомянул ни один средневековый источник. Такое поведение не характерно для средневековых славян. В районах, которые они населяли в значительном количестве, они заставляли говорить о себе. Вспомним милингов и эзеритов, заброшенных в глубь Пелопоннеса. О них постоянно упоминают византийские и западноевропейские источники. Молчание источников свидетельствует о беспочвенности гипотезы Веймарна и Стржелецкого» [18]. Но молчат не только письменные источники. Как будет показано ниже, археологические материалы не дают сведений о славянской колонизации Юго-Западного Крыма не только в III—IV вв., но и в последующие столетия вплоть до XVIII в.

С некоторыми критическими замечаниями против указанных концепций выступили также М. А. Тиханова [19] и автор данной статьи [20], но их аргументы не были приняты во внимание А. П. Смирновым, который в своей последней статье «К вопросу об истоках Приазовской Руси» даже не упомянул об этих возражениях, считая их, по-видимому, совершенно несерьезными [21].

Основной аргумент А. П. Смирнова заключается в том, что обряд трупосожжения в I—III вв. н. э. был не характерен для античных некрополей Боспора и варварских могильников тавров, скифов и сарматов, т. е. он появился в Крыму внезапно в III—IV вв. н. э. Обряд трупосожжения, встреченный в Хараксе и в могильниках Инкерманской долины, по мнению А. П. Смирнова, занесен славянскими колонистами, поселившимися на южном берегу Крыма (Харакс, Суук-Су) и в окрестностях Херсонеса (Бельбек I, Инкерман, Черноречье). Кроме самого обряда трупосожжения, А. П. Смирнов привлекает для доказательства детали погребального обряда и инвентарь (погребение праха в амфорах, каменные обкладки могилы, сосуды черняховского типа в подбойной могиле № 37 в Инкермане и из раскопок 1940 г.).

---

[13] Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму, ВИ, 1952, № 4, стр. 94.

[14] Б. А. Рыбаков. Славяне в Крыму и на Тамани. Симферополь, 1952.

[15] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 141.

[16] В. В. Мавродин. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, стр. 9 и сл.

[17] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 13 и сл.

[18] М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., стр. 27—28.

[19] М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 322, прим. 3.

[20] В. В. Кропоткин. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореферат диссертации. М., 1953, стр. 13—14; его же. Топография находок римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 160—161.

[21] А. П. Смирнов. Ук. соч.

Близкие аналогии крымским погребениям с трупосожжением А. П. Смирнов находит в области известной черняховской культуры, которую он считает в основном славянской. Не касаясь дискуссионного вопроса об этнической принадлежности этой культуры, обратимся к аргументации А. П. Смирнова. Для обоснования этнического родства племен Поднепровья и Поднестровья и населения Таврики в III—IV вв. н. э. автор указывает погребения в урочище «Красный Кут» Верхнеднепровского уезда Херсонской губ., могильник в Виленской области, поля погребений у сс. Перлова и Корчага Житомирской области, трупосожжения в амфорах у с. Белоцерковцы, хут. Савинского и с. Билыки на Полтавщине и близ с. Бизюкова в Херсонской области, ссылаясь при этом на работы А. А. Спицына, М. Я. Рудинского, С. С. Гамченко и Ю. В. Кухаренко. Этот перечень случайных находок трупосожжений, которые очень плохо документированы и вызывают сомнения в своей достоверности, по-видимому, свидетельствует о том, что А. П. Смирнов строит свои заключения на отдельных примерах, а не исходит из анализа всей суммы известных науке материалов об этнической принадлежности черняховской культуры и территории ее распространения.

Во-первых, трупосожжения были широко распространены в Херсонесе в I—III вв. н. э., что отмечает А. П. Смирнов, но он, однако, отводит этот бесспорный факт на том основании, что погребения Херсонеса резко отличаются от Ай-Тодорских [22]. Нужно иметь в виду, что в городах Таврики с III в. н. э. довольно быстро распространяется христианство и обряд трупосожжения уступает место обычному христианскому погребению; новые раскопки С. Ф. Стржелецкого близ Инкермана, у совхоза № 10, на могильнике III—IV вв. н. э. открыли трупосожжения в амфорах, горшках и каменных урнах, имеющих поразительно точные аналогии в Херсонесе, Инкерманском и Чернореченском могильниках. Считать, что обряд трупосожжения принесен в Крым извне, из области черняховской культуры, оснований нет. Некоторое сходство погребального инвентаря, отмеченное А. П. Смирновым для крымских и поднепровских могильников, не может служить доказательством этнической близости и свидетельствует лишь о существовании торговых связей. По-видимому, серолощеные кувшины и миска с тремя ушками, найденная в Инкерманском могильнике III—IV вв. н. э., были привезены туда из области Нижнего Поднепровья или Поднестровья. Известно, что в Ольвии и Тире подобная посуда была очень широко распространена.

Во-вторых, аналогии А. П. Смирнова не убедительны. Памятники полей погребений в Виленской области, раскопанные В. А. Шукевичем, относятся ко времени позднего латена и не имеют отношения к черняховской культуре. Погребение в д. «Красный Кут» бывш. Верхнеднепровского уезда относится, по А. А. Спицыну, к бронзовому веку, а связь погребений в глубоких каменных ящиках у сс. Перлова и Корчага Житомирской области, раскопанных С. С. Гамченко, с черняховской культурой также весьма сомнительна [23].

Наконец, этническая принадлежность черняховской культуры в последние годы служит предметом дискуссии, причем многие советские археологи склоняются к тому, что эта культура не является этнически однородной, охватывая различные по своей этнической принадлежности племена: фрако-иллирийские, скифо-сарматские и славянские, объединенные в составе готского политического союза.

---

[22] ОАК за 1891 г., стр. 143, рис. 160; ОАК за 1892 г., погр. №№ 71, 76, 91, 95, 96, 202, 213, 243 и др.; ОАК за 1891 г., стр. 138; К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. ИАК, вып. 4, СПб., 1902, стр. 112, погр. №№ 1176, 1511, 1512, 1513, 1514; ИАК, вып. 9, 1904, погр. №№ 1227, 1232—1233, 1266—1272, 1307, 1334, 1392 и др.

[23] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 53 и сл.; А. С. Могильники с каменными кистами в Виленской губернии. ИАК, вып. 12, СПб., 1904, стр. 26—29.

Погребения с трупосожжением в Крыму, обнаруженные в Хараксе, Бельбеке, Инкермане, Черноречье и в могильнике у совхоза № 10 относятся к III—IV вв н. э.[24]. В Хараксе эти трупосожжения датируются по монетам и инвентарю второй половиной III—IV в. н. э. Позднейшая монета, найденная в погребениях, чеканена после смерти Константина I в 337 г.[25]. Датировка погребений с сожжением в Инкермане и Черноречье несколько сложнее, так как там в этих могилах монеты не обнаружены. Трупосожжения в Инкермане и Черноречье обнаружены в больших красноглиняных рифленых амфорах III—IV вв. н. э. и урнах, которые находились на небольшой глубине в верхнем слое могильника. В нижнем слое расположены склепы, большие подбойные могилы и грунтовые погребения. По аналогии с амфорами из Харакса, поздние амфоры из Инкерманских могильников с трупосожжениями можно относить к III—IV вв. н. э.[26]. Эта датировка вытекает из формы и пропорций амфор, из характера рифления и других особенностей выделки. Отмечу, что подобные амфоры обнаружены только в Хараксе и Инкерманской долине и не встречены в городах Боспорского царства, где амфоры III—IV вв. н. э. имеют другую форму[27].

Обряд трупосожжения и детали погребального обряда, малочисленный инвентарь, среди которого особое значение имеют лепные сосуды местного производства,— все имеющиеся в нашем распоряжении данные не содержат никаких указаний на то, что население, хоронившее своих покойников по этому обряду, пришло из области Среднего Поднепровья или Поднестровья. Этническое определение трупосожжений в Крыму, как и на территории черняховской культуры — вопрос трудный и еще далекий от своего разрешения, но некоторые детали погребального обряда, характер лепной посуды, обилие импортных изделий свидетельствуют о том, что эти погребения в Хараксе, Бельбеке I, у совхоза № 10, в Инкермане и Черноречье следует приписать, скорее всего, местному тавро-скифскому романизованному населению, многое заимствовавшему из соседнего Херсонеса.

В раннесредневековых могильниках горного Крыма VI—VII вв. н. э. обряд трупосожжения в связи с распространением христианства совершенно исчезает.

Земляные склепы Суук-Су представляют собой небольшие прямоугольные или овальные камеры, вырытые в плотной материковой глине на склонах «Лысого бугра» и соседних холмов.

Сохранность склепов очень плохая: своды шести камер рухнули и погребения засыпаны материковой глиной, камнями и землей из верхнего

---

[24] А. П Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму, стр. 32 сл. О распространении обряда трупосожжения в Крыму см. Г. И. Мосберг. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА, VIII, 1946, стр. 113. В последнее время обнаружены трупосожжения в амфорах и урнах в Инкерманском и Чернореченском могильниках. Все эти могильники, кроме погребений с трупосожжением у дер. Саблы близ Симферополя, связаны с побережьем Крыма. На Северном Кавказе трупосожжения встречены в Борисовском, Пашковском № 1 и Шапсугинском могильниках. О трупосожжениях в Бельбеке I см. Н. Печенкин. Раскопки в окрестностях г. Севастополя. ИТУАК, № 38, Симферополь, 1905, стр. 29—37.

[25] В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 291; Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 219—237; «Херсонес Таврический». Путеводитель по музею. Составитель С. Ф. Стржелецкий. Симферополь, 1956, стр. 71—74.

[26] Материал не опубликован. Отдельные вещи изданы. См. Э. И. Соломоник. Сессия по итогам археологических исследований в Крыму. ВДИ, 1951, № 4, стр. 227—234; В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ с. Планерское (Раскопки 1949—1951 гг.). КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 116, рис. 39, *6—7*.

[27] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 48 сл.; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 273, рис. 13, *1*; О. Э. Ланговая. Позднеримская амфора из Мирмекия. СА, VII, 1941, стр. 289—291, рис. 1; И. Б. Зеест. К вопросу о боспорских амфорах. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 157—165, рис. 2. Амфоры из Чернореченского могильника не изданы. Амфоры IV—V вв. имеют сужающееся кверху горло или узкое горло с раструбом. «Херсонес Таврический». Путеводитель по музею, стр. 72.

слоя (№№ 46, 54, 56, 59, 72 и 113). Склеп № 162 обрушился частично и только два склепа обнаружены в целом виде (№№ 153 и 169). Это обстоятельство не дает возможности выяснить основные размеры камер и входного колодца. Имеющиеся данные сведены в приведенную ниже таблицу.

Таблица 1

Основные размеры склепов могильника Суук-Су

№№ склепов	Форма склепа	Глубина от поверхности (в *м*)	Длина склепа (в *м*)	Ширина склепа (в *м*)	Высота склепа (в *м*)	Ширина дромоса (в *м*)	Кол-во костяков
46	Прямоугольный	2,84	—	—	—	—	3
54	»	2,84	—	—	—	—	2
56	»	3,16	—	—	—	—	5
59	»	3,16	—	—	—	—	3
72	»	2,50	—	—	—	0,70	3
131	»	2,50	1,85	1,90	?	0,80	3
153	»	3,20	2,30	2,45	1,20	0,92	3
162	»	3,20	2,65	2,45	2,30	1,10	2
169	Овальный	2,95	2,35	2,05	1,25	0,85	3

Как видно из таблицы, склепы Суук-Су имеют прямоугольные очертания (со скругленными углами) и только одна камера сделана овальной. Размеры этих склепов не превышают 2,65 *м* в длину, 2,45 *м* в ширину и 2,30 *м* в высоту. Размеры входного колодца в отчетах не указаны, в некоторых случаях приведена ширина дромоса, которая не превышает 1,10 *м*. Камеры имеют сводчатые или уплощенные потолки. Колодец соединен с камерой узким отверстием, которое после захоронения закрывалось закладной плитой из известняка. В некоторых у входа сооружены ступеньки. Костяки в склепах лежат всегда в одном и том же положении: ногами ко входу и головами внутрь склепа. Такая же ориентировка костяков отмечена в склепах Эски-Кермена [28]. Ориентировка костяков в склепах Чуфут-Кале всегда постоянна: умерших укладывали головами ко входу. Около костяков найдены следы истлевшего дерева и железные гвозди, вероятно, от гробов, в которых совершены захоронения.

В Инкерманском [29] и Чернореченском [30] могильниках положение костяков в склепах аналогично ориентировке умерших в камерах Подонья и Северного Кавказа (Салтово [31], Подгоровска [32], Чми [33], Песчанка [34] и т. д.), где костяки укладывались не вдоль, а поперек камеры, перпендикулярно ко входу. Земляные склепы Суук-Су, Эски-Кермен и Чуфут-Кале вырубались обычно близко один к другому в плотной материковой глине так, что они располагались ярусами по склону. Сооружение склепа было длительным и, по-видимому, нелегким делом, так как работать в камере мог только один человек. На стенах и потолках склепов сохранились следы железного инструмента — тесла с полукруглым лезвием [35]. Аналогичные тесла-мотыжки обнаружены в Салтовском могильнике, в Поволжье, в Прикубанье и на Северном Кавказе [36].

[28] Склеп № 153, раскопки 1933 г. Архив ИИМК, 1933, № 139-а.

[29] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, 1947, стр. 283 сл.

[30] Отчет Е. В. Веймарна. Архив ИИМК, 1950, № 557.

[31] Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово (Салтовская культура). Автореферат диссертации, М.— Л., 1949, стр. 5—6.

[32] Отчет С. Н. Замятнина. Архив ИИМК, 1927, № 147.

[33] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1909, стр. 11 сл.; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908.

[34] ОАК за 1898 г., стр. 124 сл.

[35] Чуфут-Кале, склепы №№ 32, 34 и 75. Ширина лезвия 4—8 *см*.

[36] Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово, стр. 10 сл.

Количество погребений в склепах различно и колеблется от двух до пяти. Склепы Суук-Су — это семейные усыпальницы с богатым и разнообразным инвентарем. Погребения, по-видимому, совершались разновременно, но даты захоронений охватывают небольшой промежуток времени. На поверхности земли над склепом или могилой устанавливали каменные антропоморфные надгробия с крестами или могилы отмечались какими-то знаками, так как склепы сравнительно редко врезаются один в другой (например, в Чуфут-Кале, рис. 1).

Обряд погребения в земляных склепах был широко распространен среди племен и народов Северного Причерноморья в античное и раннесредневековое время (табл. 4). Склепы известны в городских некрополях Пантикапея [37], Херсонеса [38], Ольвии [39], Фанагории [40] и других античных городов. Погребения в склепах встречаются у скифских племен, например в Неаполе [41] и на Нижнем Днепре, в Николаевке [42] и т. д. Земляные склепы обнаружены в сармато-аланских могильниках Инкерманской долины (Инкерман, Черноречье, «Сахарная головка») и средневековых могильниках горного Крыма и Северного Кавказа (Балаклава, Симеиз, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Баштановка, Верхоречье, Узень-Баш). Три склепа у с. Красногорское Зуйского района были раскопаны Симферопольским музеем в 1927 г. [43].

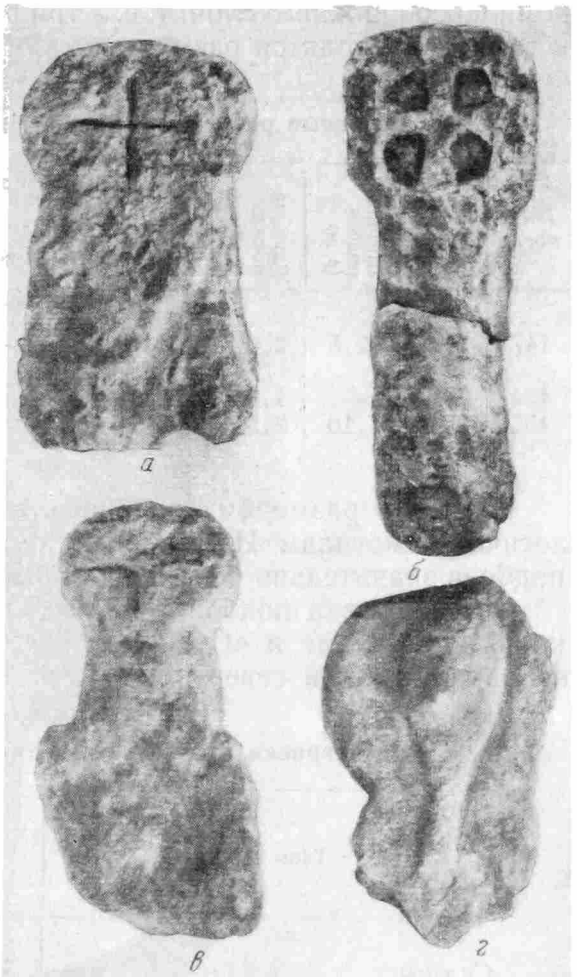


Рис. 1. Надгробия из могильника Чуфут-Кале

Неопровержимые факты свидетельствуют, что захоронения в склепах — древний, местный погребальный обряд, возникший в Северном Причерноморье задолго до начала нашей эры, за несколько столетий до появления там германских племен (готов, герулов и др.). Земляные склепы Суук-Су и других средневековых могильников Крыма являются прямым и закономерным продолжением склепов Неаполя, Инкер-

---

[37] Г. А. Цветаева. Грунтовый могильник Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1951, стр. 73 сл.

[38] Н. П. Репников. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. Херсонесский сборник, II стр. 147 сл.

[39] Б. А. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, 1903, стр. 11 сл.; стр. 70.

[40] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории. Тр. ГИМ, т. XVI, стр. 44 (склеп № 50).

[41] В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя скифского, стр. 118 сл.; его же. Некрополь Неаполя скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 94—141.

[42] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dniepr. Prähistorische Zeitschrift, V, 1913, стр. 80.

[43] Архив ИИМК, фонд 2, дело 146 за 1927 г.

мана, Черноречья и других скифо-сарматских некрополей первых веков нашей эры, генетическая связь ранних и поздних склепов не вызывает никаких сомнений.

Подбойные могилы в Суук-Су встречены в южной, наиболее ранней части могильника в очень небольшом числе. На 200 погребальных сооружений обнаружено только три подбойных могилы (№№ 147, 154 и 155), что составляет 1,5% к общему числу могил и 3% среди погребальных комплексов нижнего слоя, т. е. в три раза меньше, чем склепов (9%). Ниже в табл. 2 приводятся размеры подбойных могил Суук-Су.

Таблица 2

Основные размеры подбойных погребений могильника Суук-Су

№№ могил	Длина подбоя (в *м*)	Ширина подбоя (в *м*)	Глубина могилы (в *м*)	Высота подбоя (в *м*)	С какой стороны колодца устроен подбой	Характер заклада	Количество костяков в подбое	Ориентировка костяков	Число деформированных черепов
147	2,17	12,5	2,0	0,75	Южный	Плиты известняка	2	З	2
154	—	—	1,85	—	Западный	Плиты	2	С	—
155	2,45	1,10	2,5	—	Южный	Дерево	3	С	1

По своим размерам подбойные могилы Суук-Су приближаются к аналогичным могилам Инкерманского и Чернореченского могильников, где подбоев значительно больше, чем в Эски-Кермене, Чуфут-Кале и Неаполе.

Ориентировка подбойных могил в Суук-Су отличается от ориентировки в Чуфут-Кале и «Сахарной головке»[44]. Костяки положены головами на запад или на север (см. табл. 3). Глубина входной ямы не превышает 2,5 *м*. Подбои заложены плитами известняка или досками. По отношению к колодцу подбои сделаны с западной или южной стороны. Число костяков в подбойных могилах различно — от двух до трех (в одной могиле).

Таблица 3

Ориентировка погребений по типам могил в могильнике Суук-Су

Типы могил	Ориентировка					
	С	СЗ	З	ЮЗ	Ю	Не определено
Склепы	2	4	1	1	—	—
Подбойные могилы	1	—	2	—	—	—
Земляные могилы	20	31	34	—	1	3
Земляные могилы с покрытием	1	1	2	2	—	—
Плитовые могилы	1	18	61	12	1	3
Итого:	25	54	100	15	2	6

В горной части Таврики, за исключением Херсонеса, этот обряд появляется приблизительно в первые века нашей эры в Неаполе, в Инкермане и Черноречье, в могильнике у Панайотовой бухты близ Херсонеса и продолжает существовать в раннесредневековых могильниках (Суук-Су, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, могильник у «Сахарной головки», гора Митридат в Керчи и т. д.).

Если в Суук-Су подбойные могилы составляют только 3%, то в других могильниках юго-западного Крыма их процент значительно выше: в Чуфут-Кале — 18%, Эски-Кермене — 11%, Черноречье — 38%. Инкер-

[44] Ориентировка костяков в склепах всегда постоянна и не зависит от стран света. ногами ко входу и головой к дальней стене камеры.

Рис. 2. Серебряная пряжка из могильника Чуфут-Кале (1952 г., подбойная могила № 21)

Рис. 3. Бусы из могильника Чуфут-Кале, п. в. (склеп № 50)

мане — 43,5%, в могильнике у «Сахарной головки» — 56,5% (см. табл. 1). Эти цифры убеждают нас в неоднородности крымских могильников. По наблюдению Е. В. Веймарна, в могильнике «Сахарная головка» подбойные могилы частично разрушены или повреждены более поздними склепами. С другой стороны, в Чуфут-Кале удалось проследить, что две подбойные могилы (№№ 21 и 22) сооружены позже склепа, в который они врезались. Склеп был ограблен и рухнул, а подбойные могилы сохранились в полной неприкосновенности. В одной из могил была найдена пряжка и серебряная фибула (рис. 2). В Эски-Кермене подбойные могилы сосуществуют со склепами до VII в. н. э. Таким образом, подбойные могилы появились у населения горного Крыма в первые века нашей эры и бытовали до VII в. н. э.

Грунтовые могилы с заплечиками и перекрытием из деревянных плах или досок являются наиболее распространенным типом погребальных сооружений нижнего слоя могильника Суук-Су.

Н. И. Репников раскопал 88 грунтовых могил с обычным трупоположением, перекрытых, очевидно, досками, и шесть могил с трупоположением, перекрытых плитами известняка. Одна грунтовая могила имела перекрытие из обломков черепицы и пифосов (№ 175). Несколько грунтовых могил исследовал в 1951 г. А. Л. Якобсон [45]. Глубина грунтовых могил колеблется от 0,7 до 2,15 *м*. Размеры могильной ямы удалось установить только в одном случае (№ 124): длина — 1,85 *м*, ширина — 0,8 *м*, глубина — 1,0 *м*. Форма ямы прямоугольная.

Грунтовые могилы встречены на всей территории могильника как в южной, так и в северной части. Могилы содержат одно, два или три погребения, которые, как правило, лежат вытянуто на спине; в двух могилах (№№ 73, 140) найдены скорченные погребения на боку. В дневнике Н. И. Репникова отмечено, что две могилы (№№ 73, 92) имеют сырцовую обмазку над костяком, характер которой не вполне ясен. Применение сырца отмечено в пантикапейском некрополе [46].

Ориентировка погребений в грунтовых могилах различна и не отличается устойчивостью. Западная ориентировка обнаружена в 36 могилах, северо-западная — в 32 могилах, северная — в 21, юго-западная — в двух, южная — в одной могиле (см. табл. 2).

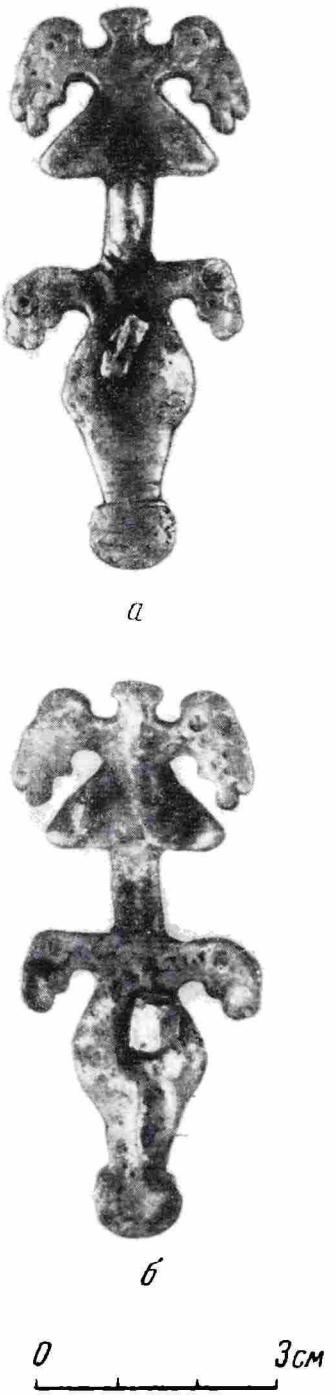


Рис. 4. Зооморфная бронзовая фибула из Чуфут-Кале (случайная находка 1955 г.)

Грунтовые могилы с заплечиками широко распространены в античных и средневековых могильниках Крыма (Пантикапее, Херсонесе, Неаполе, Заветном, Хараксе, Инкермане, Черноречье, Бельбеке I и II, «Сахарной

[45] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 110 сл.
[46] Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 66 сл.

головке», Эски-Кермене, Узень-Баше, Планерском и т. д.; см. табл. 4). Появляется этот обряд в могильниках Крыма задолго до III в. н. э.; например, в Пантикапее и Херсонесе такие грунтовые могилы относятся к VI—V вв. до н. э. [47].

Детали погребального ритуала в грунтовых могилах Суук-Су позволяют связывать эти погребения с тавро-скифским и сарматским населением горного Крыма: скорченность костяков, сырцовые «смазки», деформация черепов, перекрещивание голеней ног, положение кисти руки на тазовые кости, подсыпка из мелкого угля, куски румян или краски в могиле и, наконец, ритуальный обычай разбивать зеркало.

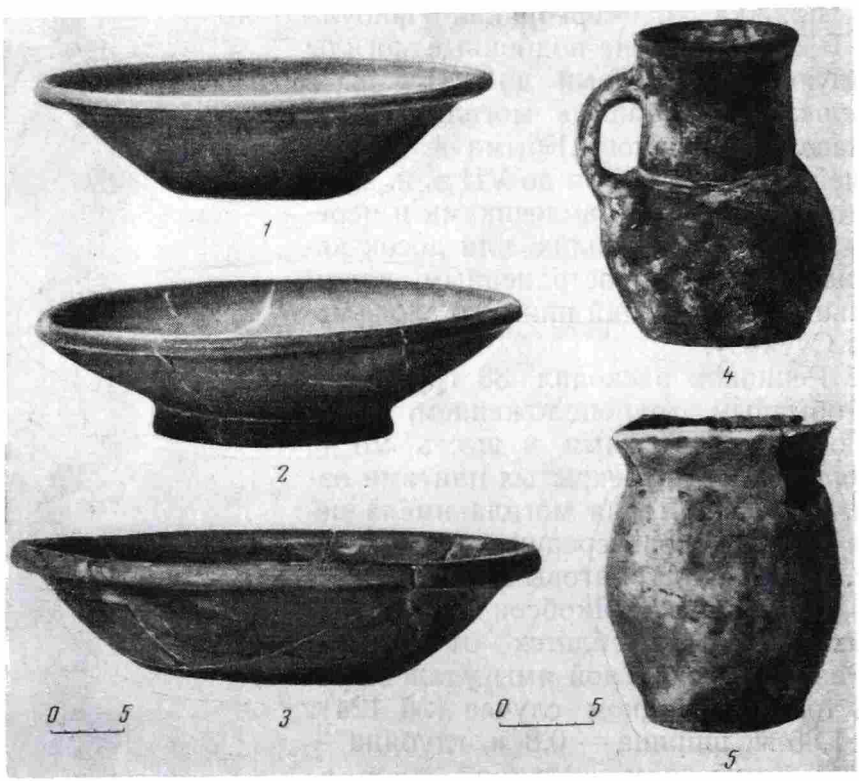


Рис. 5. Керамика из могильника Суук-Су

1 — краснолаковое блюдо (склеп № 131); *2* — красноглиняное блюдо (подбойная могила № 154); *3* — красноглиняное блюдо (грунтовая могила № 193); *4* — чернолощеный кувшин (могила № 193); *5* — лепной горшок (грунтовая могила № 118)

Эти погребальные обряды и типичный набор инвентаря характерны для сармато-аланских племен Северного Причерноморья, и связывать их с готами, даже учитывая их быструю ассимиляцию, оснований нет (рис. 3—4).

В погребениях Суук-Су, по-видимому, не встречены кости животных, скорлупа яиц и другие ритуальные приношения, но они известны в более древних Инкерманском и Чернореченском могильниках, в могильнике у совхоза № 10, где местное население еще сохраняло язычество.

Отмечу еще одну интересную деталь погребального ритуала: в могиле № 193 лощеный кувшин был накрыт красноглиняным блюдом (рис. 5).

Таким образом, грунтовые могилы с заплечиками известны в Крыму с VI—V вв. до н. э. и доживают до раннего средневековья, уступая затем место плитовым могилам.

Распространение христианства в юго-западной части Таврики в VI—VIII вв. н. э. повлекло за собой значительные перемены в погребальных

[47] Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 66.

Таблица 4

Погребальные обряды могильников Крыма и Северного Кавказа II—X вв.

№ № п/п	Типы погребений	Могильники																													
		Харакс		Бельбек I		Бельбек II		Инкерман		Черноречье		Сахарная головка		Совхоз № 10		Неаполь скифский		Суук-Су		Чуфут-Кале		Эски-Кермен		Узень-Баш		Бал-Гота		Керчь		Борисово		Агойский	
		число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%	число погреб.	%
1	Склепы							5	10,9	7	7	25	32,8			31	46,9	8	4,0	40	80	66	55,4	6	85,7								
2	Подбойные могилы							20	43,5	38	38	43	56,5			27	40,9	3	1,5	9	18	13	11					1	1,3				
3	Грунтовые могилы	2	6	2	9,2	4	100	18	39,1	8	8	7	9,2			1	1,5	95	47,5	1	2	40	33,6	1	14,3	5	45,5	29	36,9	18	21,6	24	100
4	Трупосожжение в амфоре	16	48,5					3	6,5	33	33			9	29																		
5	Трупосожжение в урне	5	15,2							12	12			8	25,9																		
6	Трупосожжение в могиле	10	30,3	3	13,6																									10	12,1		
7	Трупосожжение в каменном саркофаге													14	45,1																		
8	Плитовые могилы			17	77,2													94	47							6	54,5	45	57,7	55	66,3		
9	Конские погребения									2	2					5	9,0																
10	Грунтовые могилы с каменной обкладкой																											3	3,9				
11	Захоронение в амфоре											1	1,5			1	1,5																

обрядах. Постепенно исчезают склепы, подбойные и грунтовые могилы, и вместо них получает широкое распространение обряд погребения в плитовых могилах или в каменных гробницах внутри или рядом с церковью. Плитовые могилы, появляясь в некрополе Пантикапея еще в античную эпоху в VI—V вв. до н. э., становятся ведущим погребальным обрядом в ранневизантийское время в VI—VII вв. н. э. и доживают в Крыму до позднего средневековья (например, в Судаке, Алуште, Верхоречье и др.).

В Суук-Су гробницы, сложенные из плит известняка или рваных камней, находятся в верхнем слое по всей площади могильника, глубина их залегания не превышает 1,08 *м*; только одна могила найдена на глубине 1,8 *м*. Н. И. Репников раскопал 94 плитовых могилы, две гробницы исследованы А. Н. Харузиным и несколько могил раскопано А. Л. Якобсоном. Следует учесть, что значительное число гробниц разрушено при земляных работах в Суук-Су. По-видимому, христианский могильник был очень обширным и захоронения на нем производились в течение длительного времени.

По своей конструкции могилы верхнего слоя разделяются на три типа: 1) плитовые могилы различной формы и размера; 2) могилы, сложенные из камней без всякой обработки; 3) могилы, обложенные черепицей.

Плитовые могилы сложены из тонких плит известняка, поставленных на ребро и перекрытых несколькими плитами покрытия. Форма могил прямоугольная, овальная или в виде трапеции. Две могилы имеют заострение из двух плит в головах (№№ 4, 184). Для устойчивости плиты иногда обложены камнями.

Количество костяков в плитовых могилах различно — от одного до пятнадцати (в одной гробнице, находящейся в небольшой часовне, № 172). Покойник укладывался на предыдущее погребение, причем кости иногда сгребались в сторону. Ориентировка плитовых могил, как правило, западная с отклонением к северу и к югу в зависимости от времени года, когда совершено погребение. Южная и северная ориентировка встречены только по одному разу (см. табл. 2). Покойники укладывались на спине с вытянутыми конечностями; иногда руки лежат на тазовых костях.

Таблица 5

Распределение костяков с деформированными черепами по типам могил и ориентировке

Типы могил	Ориентировка					Общее количество исследованных погребений данного типа
	С	СЗ	З	ЮЗ	Ю	
Склепы	2	1	1	—	—	4
Подбойные могилы	—	—	3	—	—	3
Грунтовые могилы	2	6	9	—	—	17
Грунтовые могилы с покрытием	—	—	—	—	—	—
Плитовые могилы	—	—	—	—	—	—
Всего:	4	7	13	—	—	24

Плитовые могилы Суук-Су являются наиболее поздним типом погребений, но датировка и этническое определение их затруднены бедностью погребального инвентаря. Деформированные черепа в могилах верхнего слоя Суук-Су не встречаются (см. табл. 5 и 6).

По-видимому, распространение христианства среди жителей средневековых Горзувит привело к почти полному исчезновению этого языческого обряда, но в горной части Таврики, например, в Чуфут-Кале местное на-

селение еще долго придерживалось своих старых обычаев. Например, в Чуфут-Кале в некоторых склепах и подбойных могилах или рядом с ними найдены антропоморфные надгробия из известняка с крестами, а также надгробия в виде небольших одноапсидных часовен с крестами на лицевой или оборотной стороне. Несмотря на быстрое распространение христианства, обряд деформации черепов не исчезает, доживая в Крыму даже до XVI в.

Таблица 6

Распределение погребений с деформированными черепами по полу

Типы могил	Число могил	Число погребений	Деформированные черепа			В %%
			муж.	жен.	не опред.	
Склепы	8	25	2	2	—	16
Подбойные могилы	3	7	2	1	—	42,8
Грунтовые могилы	89	117	8	7	2	14,5
Грунтовые могилы с покрытием	6	6	—	—	—	—
Плитовые могилы	94	179	—	—	—	—
Всего:	200	334	12	10	2	7,1

Плитовые могилы встречаются во многих средневековых могильниках южного побережья (Кореиз, Бал-Гота, Суук-Су, Артек, Партенит, Алушта, Судак, Планерское, гора Митридат в Керчи), но известны и в горной части Таврики (Бельбек I, Качи-Кальон; см. табл. 1). В Партените и Планерском плитовые могилы связаны с церковными сооружениями — базиликами. Средневековые могилы на Митридате иногда сложены из камней, которые до этого служили надгробиями. Так, например, в Керчи в 1953 г. в закладке плитовой могилы № 37 обнаружено поврежденное надгробие в виде равноконечного креста с греческой фрагментарной надписью [48]. В 1952 г. средневековое надгробие с греческой надписью обнаружено на могильнике у «Сахарной головки», близ Инкермана, а в 1951 г. надгробия с равноконечным византийским крестом обнаружены в Планерском [49]. Девять каменных надгробий с крестами найдено при археологических раскопках на могильнике Чуфут-Кале в 1948—1957 гг. Надгробие с византийским равноконечным крестом найдено и в Суук-Су (могила № 121); такие же кресты высечены на головных плитах покрытия у двух плитовых могил (№№ 21, 70). Строительство христианских базилик, находки надгробий и других предметов христианского культа свидетельствуют об успехах византийской политики в деле распространения христианства в Таврике VI—VII вв. н. э.

Изучение погребальных обрядов средневекового Крыма позволяет установить, что значительная пестрота и смешанность погребальных обрядов в могильниках III—V вв. н. э. свидетельствуют, по-видимому, о неоднородности, разноплеменности средневекового населения Таврики. Распространение христианства в VI—VIII вв. н. э. приводит к унификации погребального обряда на территории Крыма.

Изучение ориентировки в погребениях могильника Суук-Су позволяет установить, что северная ориентировка, представленная в подбойных и

---

[48] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1953 г. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 117.

[49] Материалы не изданы. Надгробие из могильника близ высоты «Сахарная головка» хранится в Бахчисарайском историко-археологическом музее.

земляных могилах, исчезает и устанавливается полное господство западной ориентировки.

Изучение обряда деформации в различных типах погребений показывает, что наибольший процент деформированных черепов отмечен в подбойных могилах (42,8%), затем в склепах (16%) и, наконец, в грунтовых могилах (14,5%). В плитовых могилах деформированные черепа не обнаружены [50].

Таким образом, анализ погребальных обрядов свидетельствует о существенных отличиях древнего слоя могильника Суук-Су от могильников горной части Таврики (Эски-Кермен, Чуфут-Кале). В Суук-Су склепы и подбойные могилы составляют ничтожный процент от общего количества погребений (всего 5,5%), а в Чуфут-Кале они преобладают. По-видимому, это связано с быстрой христианизацией населения южного побережья Таврики в VI—VII вв. н. э.

Могильники горного Крыма — Суук-Су, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Узень-Баш, Артек и многие другие — до последнего времени было принято считать некрополями крымских готов, которые поселились в Таврике в III в. н. э. Это мнение господствовало как в западноевропейской, так и в русской исторической литературе [51].

Известно, что погребальные обряды, в особенности детали и специфические черты этих обрядов, являются стойкими и надежными этнографическими признаками. Перед исследователем возникает вопрос, какие же особенности погребальных обрядов Суук-Су свидетельствуют о готской принадлежности этого могильника? Какие изменения в погребальных обрядах Крыма происходят в III в. н. э. с приходом готов? Где находятся готские могильники в ранний период их обитания в Таврике в III—V вв. н. э.?

На эти вопросы теперь, в свете новых археологических данных, можно ответить с большей или меньшей определенностью. У нас нет никаких оснований считать Суук-Су и другие могильники горного Крыма исключительно готскими, так как погребальные обряды раннесредневековых некрополей типа Суук-Су и Чуфут-Кале возникают задолго до III в. н. э. и широко представлены в городских погребениях Пантикапея, Херсонеса и Неаполя, в могильниках Инкерманской долины. По нашему твердому убеждению, вторжение в Таврику готских, а затем гуннских племен не сопровождалось какими-либо заметными изменениями в погребальных обрядах. Установлено, что в III—IV вв. в некоторых крымских могильниках появляются погребения с трупосожжением (Харакс, Бельбек I, Инкерман, Черноречье, могильник у совхоза № 10 близ Инкермана) [52], но считать их могильниками крымских готов у нас пока нет достаточных оснований. Вопрос открыт, в нем еще много загадочного. Для решения его необходимы новые широкие археологические исследования.

---

[50] Два черепа из могильника Суук-Су сохранились в фондах Одесского археологического музея.

[51] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 17 сл.

[52] В. Д. Блаватский. Харакс. стр. 250—291; Н. Печенкин. Ук. соч., стр. 29—37; Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г., стр. 219—237; А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму, стр. 32—45; Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, Указ. соч., стр. 94; «Херсонес Таврический». Путеводитель по музею, стр. 71—74.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ДРЕВНИЙ ПЕНДЖИКЕНТ

(Основные итоги раскопок 1954—1957 гг.)[1]

В сравнительно многочисленных публикациях, посвященных древнему Пенджикенту, ставшему с 1946 г. стационарным пунктом систематически ведущихся археологических исследований, дана его общая характеристика. Результаты работ 1954—1957 гг., обзор которых является темой настоящей статьи, в основном вполне подтвердили те общие представления о Пенджикенте как о городе ранней поры сложения феодальных отношений в Средней Азии, вполне четко сформулированные покойным А. Ю. Якубовским. Лишь в одном отношении работы последних лет внесли существенную поправку. В результате наблюдений первых лет работ сложилось прочное убеждение в том, что городище древнего Пенджикента (во всяком случае, в пределах территории основной его части — шахристана) является памятником однослойным. Соответственно было признано, что характер культуры за период существования города, продолжавшийся, как предполагалось, в течение VII — первой половины VIII в., в основном не претерпел существенных изменений. Археологическая стратиграфия городища в действительности оказалась более сложной. Помимо верхнего слоя, для которого наиболее характерными памятниками являются прекрасно сохранившиеся остатки очень крупных строительных массивов, в 1955 г. обнаружен культурный слой, предварительная датировка которого удревняет историю города по крайней мере на столетие.

Слой этот, условно названный «Пенджикент I», был вскрыт при раскопках одного из строительных комплексов (объект XII), расположенного в юго-западной части шахристана, вблизи городской стены. В шурфе, заложенном на площадке дворика указанного объекта, обнаружена свалка пришедших в негодность предметов обихода. Дальнейшее исследование этого пункта в последние три сезона раскопок дало исключительно обильный и достаточно разнообразный материал. Как выяснилось, для свалки был использован ряд помещений, видимо, жилого комплекса, которые оказались также в относительно хорошей сохранности (рис. 1). Тем самым получена возможность изучить прежде всего характер строительного дела, что весьма важно для понимания особенностей архитектуры верхнего слоя.

Большая коллекция керамических изделий, содержащая очень много целых предметов, насчитывает не менее сотни различных типов и разновидностей сосудов. Наиболее характерной для этого слоя категорией керамики являются разнообразные сосуды-кувшины, горшки и чашки, орнаментированные широкими полосами обычно темно-красного ангоба (рис. 2). Среди керамических изделий встречаются чрезвычайно интересные и уникальные предметы. Особенно отметим разнообразные грузила от верти-

[1] Работы на городище древнего Пенджикента ведутся Таджикской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Института истории археологии и этнографии АН Таджикской ССР. В работах ТАЭ принимали также постоянное участие Государственный Эрмитаж и Сталинабадский республиканский музей (в 1956—1957 гг.).

кального ткацкого станка, вместе с многочисленными пряслицами от веретен дающие основание полагать, что данный район городской территории, вероятно, был заселен ткачами.

Среди находок имеются различные поделки из кости. Отметим, например, фрагменты гребня, применявшегося в ткацком ремесле.

Весьма значительна коллекция найденных терракотовых статуэток. Хотя в подавляющем большинстве случаев они в той или иной степени повреждены, тем не менее они представляют большой интерес благодаря

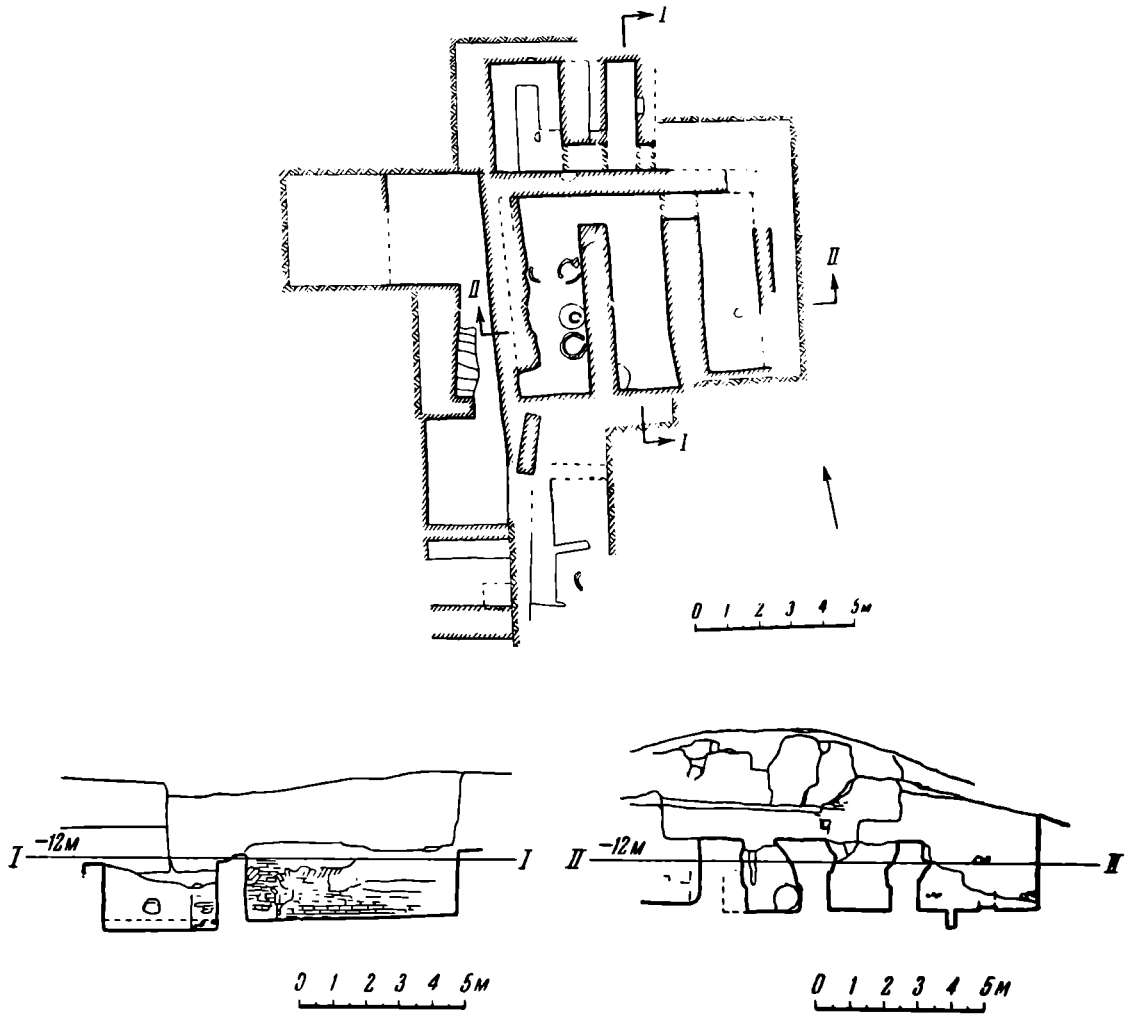


Рис 1. План и разрезы помещений нижнего слоя

ряду характерных стилистических и иконографических черт, отличающих их от терракот более позднего времени (рис. 3). Некоторые из них, изготовленные весьма грубо в виде столбиков с головкой животного, есть основание считать пешками для игры типа шахмат или нард (рис. 3, *4*, *5*). Замечательна головка лошади, реалистичность и выразительность выполнения которой отличает ее от многочисленных хорошо известных в археологии Средней Азии глиняных скульптур лошадей. Здесь же найден фрагмент глиняной формы для изготовления скульптурных налепов (рис. 3, *3*).

Открытие нижнего слоя VI в., имеющее большое значение для истории собственно Пенджикента, одновременно весьма важно для истории материальной культуры всего Согда, поскольку VI в. на других памятниках, как, например, на Афрасиабе, Тали-Барзу и др., изучен весьма слабо. Однако главной задачей археологических работ в Пенджикенте в 1954—1957 гг. оставалось изучение верхнего его слоя. То обстоятельство, что этот слой является ненарушенным, делает весьма заманчивой задачу

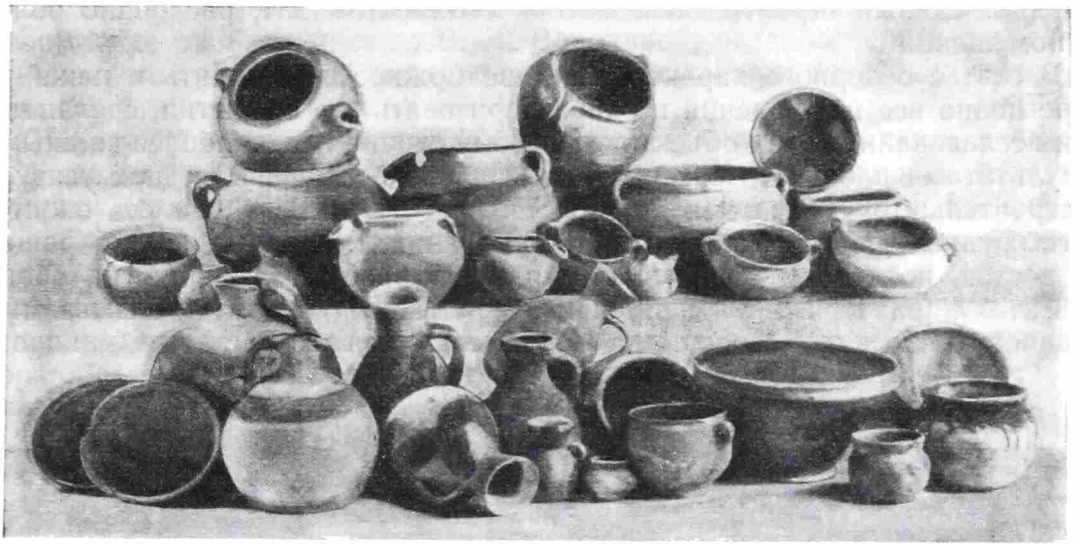


Рис. 2. Керамическая посуда из нижнего слоя

вскрытия по возможности крупной площади городской территории, что позволило бы выяснить ряд проблем внутригородской топографии. В связи с этим раскопки были сконцентрированы в основном в одной части городища, восточной, где одновременно раскапывались расположенные сравнительно близко один от другого четыре строительных массива — объекты III, VI, IX и XIII. Все они являются весьма сложными архитектурными комплексами, включающими в себя множество различных помещений. Укажу, например, что на III объекте вскрыто уже более 100 помещений. На объекте VI, который, как выяснилось в процессе работ, со-

Рис. 3. Терракоты из нижнего слоя

ставляет единый строительный массив с объектом XII, раскопано более 50 помещений.

В статье обзорного характера нет возможности изложить в какой-то мере полно все наблюдения и охарактеризовать все открытия, сделанные при исследованиях этих объектов. Поэтому ограничусь наиболее важными результатами работ. Интересные новые данные получены по архитектуре и строительному делу [2]. На двух объектах — III и IV — удалось оконтурить крупные участки фасадных сторон зданий. В первом фасад обращен на восток, во втором — на запад. Архитектурное оформление на обоих объектах характеризуется наличием открытых портиков, так называемых айванов, с плоскими перекрытиями, покоящимися на деревянных колон-

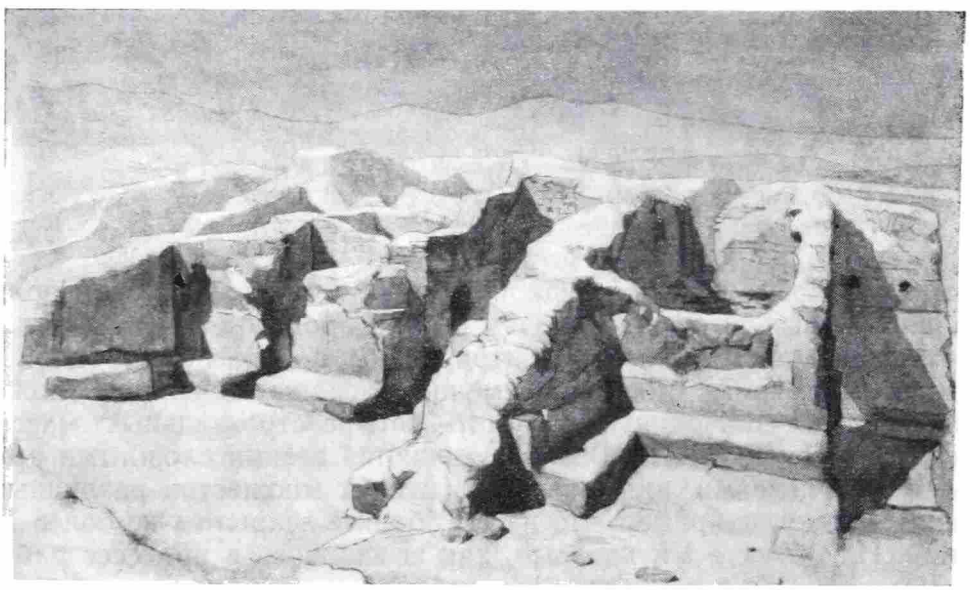


Рис. 4. Айван западной фасадной стены объекта III

нах (рис. 4). Однако в отличие от храмов, где айваны возведены вдоль всего фасада здания, на жилых объектах они занимают небольшую часть фасадной стороны, открытой раскопками. Имелись ли аналогичные айваны на других участках фасада наших строительных массивов, покажут работы ближайших лет. В значительной мере от этого зависит и окончательное решение вопроса об общем характере изучаемых строительных массивов — являются ли они кварталами, состоящими из отдельных, независимых один от другого комплексов помещений («секций», «квартир»), или же перед нами здания, как предполагал А. Ю. Якубовский, типа дворцов.

Работами последних лет убедительно подтверждено наблюдение о широком использовании в быту населения помещений верхних этажей, подвергшихся более сильным разрушениям, чем нижние, и вскрываемых при раскопках лишь на ограниченных участках. В связи с этим большой интерес представляет открытие на объекте VI в 1954 г. почти целого пола большого помещения второго этажа, вымощенного обожженными плитками (рис. 5).

Следует отметить открытие на объектах III и IX ряда новых однотипных помещений с весьма характерным оформлением одной из стен, центральную часть которой занимала неглубокая ниша, выполненная приставными стенками и лепными колонками. Перед нишей обычно имеется небольшая площадка, несколько приподнятая над уровнем пола. Куль-

[2] Систематическое изучение архитектуры Пенджикента проводится В. Л. Ворониной.

товое назначение этих помещений не вызывает сомнения. Архитектурное оформление ниш, по мнению В. Л. Ворониной, оказало непосредственное влияние на устройство михрабов в ранних мусульманских мечетях (рис. 6).

Важным достижением последних лет следует признать открытие в ряде погибших от пожаров помещений объекта III обуглившихся остатков многих деревянных конструкций, в том числе колонн. Их форму, включая базу, ствол и капитель, можно полностью реконструировать (рис. 7).

В целом раскопки 1954—1957 гг. на объектах восточной части городища подтвердили ранее сделанное наблюдение о том, что этот район города был населен представителями богатых слоев населения.

Рис. 5. Пол помещения второго этажа, вымощенный обожженными глиняными плитками, объект VI

Для выяснения вопроса о социальной принадлежности жителей других частей города, начиная с 1954 г. исследовались (правда, в ограниченном масштабе) два объекта в юго-западной части городища — XII и XIV. Вскрываемые здесь строительные комплексы при сопоставлении их с постройками восточной части вполне определенно свидетельствуют об ином социальном облике жителей этого района. На этих объектах, в частности, не встречен тип парадных зал, столь характерный для зданий восточной части городища. По всей вероятности, и во внешнем оформлении зданий имелись значительные отличия. Но вместе с тем по общей планировке, и в особенности по строительным приемам между теми и другими имеется много общего. Так, и в западной части города строительство велось также в два этапа. Наряду с коридорообразными сводчатыми помещениями, в нижних этажах имеются и вместительные квадратные, или близкие к квадрату в плане, комнаты с плоским перекрытием, вероятно также служившие своего рода гостиными. В технике строительства в применявшихся строительных материалах установить существенной разницы также невозможно.

Все это позволяет, очевидно, сделать вывод об относительном благосостоянии рядового городского населения, более точная социальная атрибутация которого пока затруднительна.

Общие обстоятельства, сопровождавшие запустение города (массовый уход жителей, пожары, наблюдаемые при раскопках, несомненные грабе-

Рис. 6. Приставная ниша помещ. № 18 объекта IX

жи во время военных действий), являются причинами того, что круг вещественных памятников, находимых во время раскопок верхнего слоя, несмотря на крупный объем работ, весьма ограничен. Наиболее массовой категорией находок являются, естественно, керамические изделия. Однако основные типы их были уже установлены по находкам предшествующих лет. Новые находки имеют значение в основном статистического порядка, позволяя выделить наиболее распространенные виды керамической посуды. Здесь отмечу лишь некоторые новые предметы. Так, интерес представляет найденная впервые на объекте VI фляга, в отличие от аналогичных сосудов, известных по находкам на кочевнических памятниках, имеющая горлышко, прикрепленное к тулову под углом с таким расчетом, чтобы из нее жидкость не выливалась, когда она поставлена на плоскость.

Ряд сосудов по своей форме подражает металлической посуде. В этом отношении особо интересна чаша с канелюрами и венчиком в виде крупных фестонов.

Железные изделия весьма многочисленны, но, к сожалению, как и в прошлые годы, металл настолько сильно коррозирован, что форма многих предметов едва поддается восстановлению.

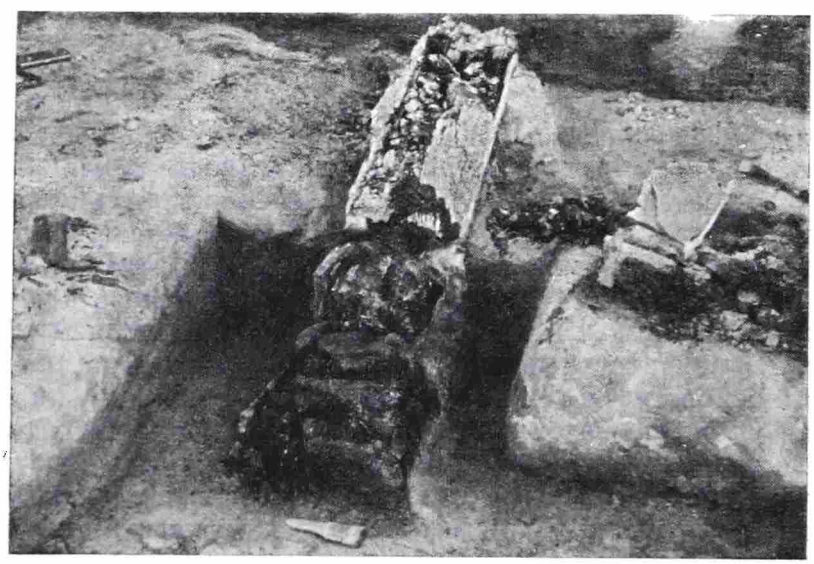


Рис. 7. Обугливщиеся остатки колонны. Объект VI, помещ. № 88

В лучшем состоянии изделия из бронзы. Это обычно мелкие предметы, различные украшения вроде перстней, серег, предметы поясного набора — пряжки и различные бляшки. Единичны изделия из серебра и золота.

Из числа названных вещей заслуживает особого упоминания ряд перстней из бронзы, серебра и золота, служивших печатками. Особо интересен перстень с вставкой из граната с резным изображением мужской головы в профиль, свидетельствующий о незаурядном мастерстве резчика по камню, создавшего замечательное произведение искусства. Другой камень, самоцвет с резным изображением крылатого коня, найден без оправы, но, очевидно, также служил печаткой.

За последние годы значительно пополнилась коллекция монет, ставших важнейшим источником для изучения истории как самого Пенджикента, так и всего Согда в течение полутора-двух столетий. Результаты изучения монетных находок Пенджикента систематически публикуются О. И. Смирновой. Можно отметить, что благодаря находкам в Пенджикенте фактически создана новая отрасль среднеазиатской нумизматики, согдийская. В частности, восстанавливаются имена целого ряда правителей и правительниц Пенджикентского княжества, ранее совершенно неизвестных. Можно, очевидно, говорить о существовании целой династии пенджикентских владетелей.

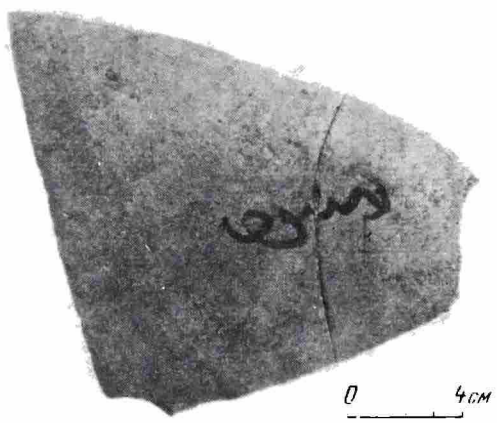


Рис. 8. Фрагмент сосуда с надписью на согдийском языке

Весьма важны и монеты с арабской легендой, количество которых также очень значительно. Эти монеты (в основном среднеазиатского чекана) позволяют выяснить основные этапы перехода к новой монетной системе, введенной наместниками арабского халифата.

То обстоятельство, что в подавляющем большинстве это медные, очевидно, мелкого номинала монеты, свидетельствует о весьма широком развитии денежных отношений не только в международном или междуобластном масштабах (что было достаточно хорошо известно и раньше), но и во внутригородском. Очевидно, и внутригородской обмен строился на основе денежного паритета.

Памятники письменности среди находок последних лет по-прежнему очень редки, что, однако, отнюдь не характеризует уровень культуры населения. Для письма в основном пользовались тканями, кожей или деревом — материалами, в условиях пенджикентского грунта недолговечными. Тем не менее единичные эпиграфические находки имеются. Так, найдено несколько черепков с новыми надписями, сделанными тушью (рис. 8). Уникальной для Средней Азии является найденная в 1956 г. на объекте XIII бронзовая печатка с надписью на согдийском (?) языке. К сожалению, эпиграфические материалы из Пенджикента, за исключением монет, с трудом поддаются расшифровке. Однако первый опыт прочтения уже сделан [3], и можно надеяться, что удастся прочесть и остальные надписи.

* * *

Большое историко-культурное значение городища древнего Пенджикента во многом обусловлено открытием на нем многочисленных памятников изобразительного искусства, из них особо большой интерес вызывают к себе произведения монументальной стенной живописи.

---

[3] См. В. А. Лившиц. Три согдийских надписи. Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 14, Сталинабад, 1957, стр. 101.

Данные о развитии скульптуры, особенно монументальной, до 1954 г. исчерпывались открытием в 1952 г. в одном из храмов остатков глиняной рельефной скульптуры [4]. Работами последних лет подтверждается мнение, что глиняная скульптура, очевидно, применялась только в храмах.

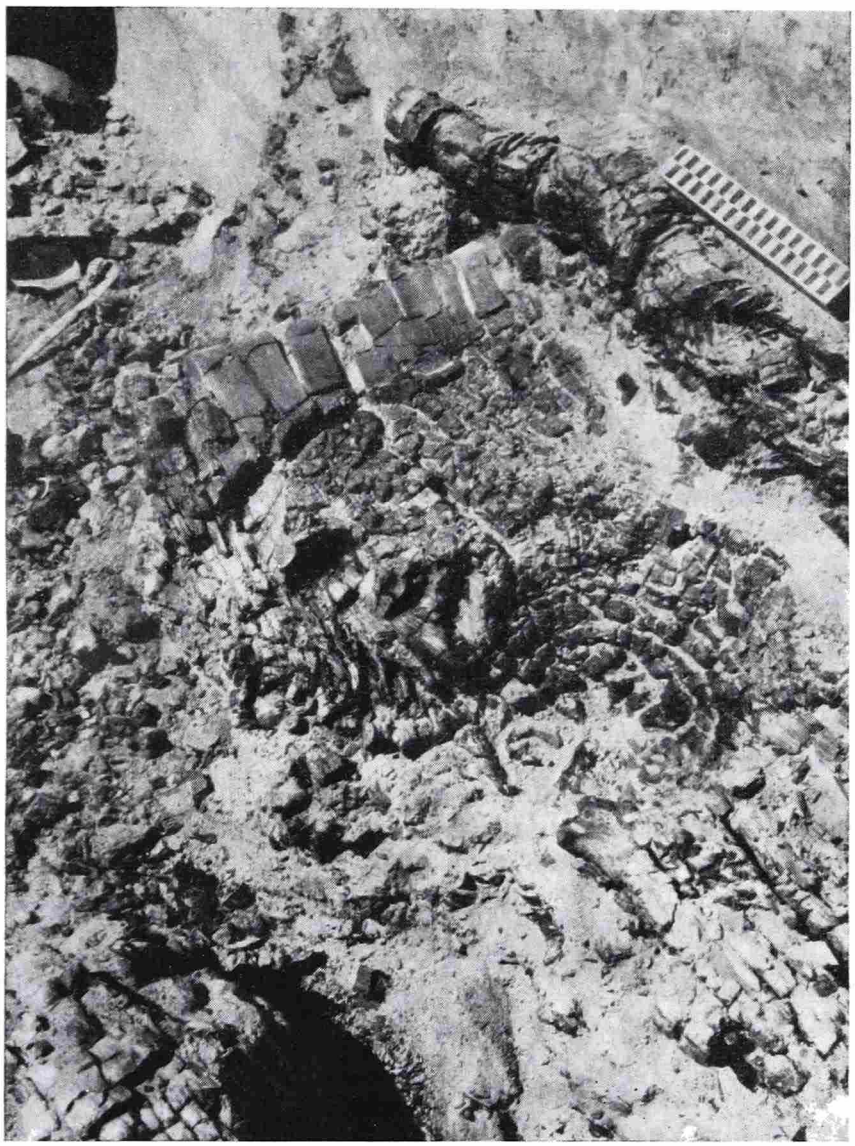


Рис. 9. Фрагмент обуглившегося дерева

Теперь установлено, что в качестве материала для скульптуры и архитектурной отделки интерьеров в широких масштабах пользовались другим материалом — деревом. Рельефная и объемная резьба по дереву являлась, по-видимому, второй по значимости отраслью изобразительного искусства в древнем Пенджикенте. Основные открытия в этой области сделаны в 1954 г.

Памятники резного дерева были обнаружены в обуглившемся состоянии, чему мы и обязаны их сохранностью. Покрытые резным орнаментом деревянные детали, естественно, оказались особо хрупкими (рис. 9). При

[4] А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 42 и сл.

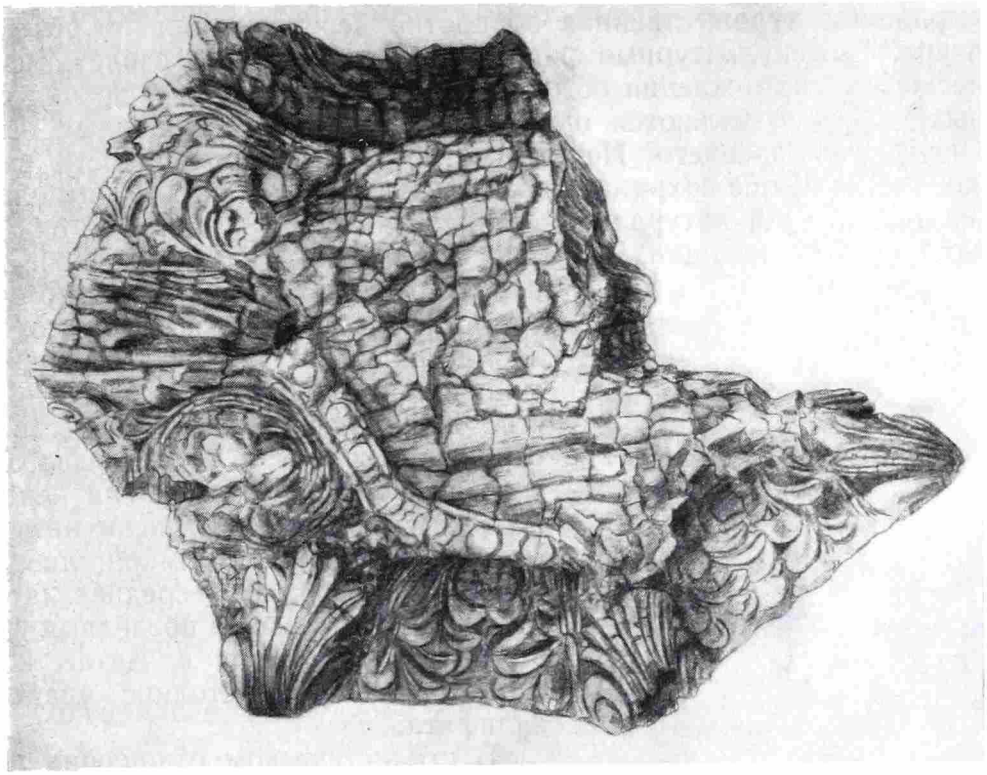


Рис. 10. Фрагмент обуглившейся капители от колонны

малейшем неосторожном прикосновении грозила опасность их полного распада на отдельные угольки. Несмотря на это, благодаря усилиям сотрудников экспедиции удалось закрепить и извлечь весьма большое количество фрагментов резного дерева. Это в основном архитектурные детали. Особенно интересны крупные фрагменты от многочисленных капителей (рис. 10) и наличники (рис. 11), украшавшие арки входов, позволяющие полностью восстановить как формы самих конструкций, так и характер орнамента (одинаково распространенными были как геометрические, так и растительные мотивы). Видимо, особо излюбленными орнаментами являлись чешуйчато-ромбический и лиственный; часто встречаются комбинированные орнаменты. Большую близость к натуре обнаруживают выполненные в крупном масштабе резные изображения виноградной лозы с листьями и гроздьями ягод (рис. 12). К сожалению, фрагменты с изображениями других растений (например, тюльпана), оказались в весьма плохой сохранности.

Эта категория памятников резьбы по дереву свидетельствует о незаурядном мастерстве художников — резчиков по дереву. Однако высшее

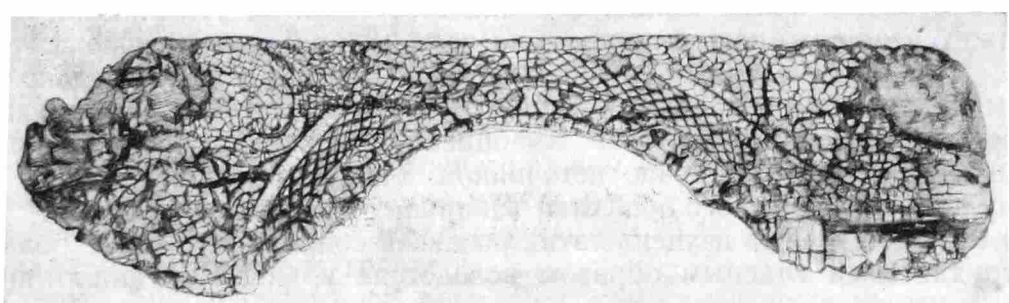


Рис. 11. Обугливший*ся* наличник арки дверного проема

свое выражение художественная обработка дерева нашла в объемной скульптуре. Три скульптурные фигуры, которые удалось извлечь из-под хаотического нагромождения обгорелых обломков дерева и прочих строительных остатков, являются одними из наиболее совершенных памятников искусства древнего Пенджикента. Степень сохранности их не одинакова. Две лучше сохранившиеся имеют 1,20 *м* в высоту, выполнены приблизительно в $^3/_4$ натуральной величины (рис. 13, 14). Обе они изображают молодых женщин, очевидно, танцовщиц, судя по их позе и по характеру одежды. По-видимому, и третья скульптура, от которой сохранилась верхняя часть, также изображала танцовщицу. Образ последней в искусстве Пенджикента засвидетельствован и раньше [5], в связи с чем было отмечено, что близкие по времени пенджикентским памятникам письменные источники сообщают о громкой славе, которой пользовались среднеазиатские танцовщицы далеко за пределами своей страны, в частности в Китае, а несколько позже и в столице арабского халифата.

Рис. 12. Фрагмент обуглившейся деревянной плахи с резным орнаментом

В стилистическом отношении пенджикентские скульптуры обнаруживают определенную близость с пластикой Северной Индии. Специальное их изучение, возможно, обнаружит в образе пенджикентской танцовщицы и отголоски эллинистического искусства, где сюжет танцовщицы получил широкое распространение. Однако в целом пенджикентские скульптуры, так же как и остальное резное дерево, являются произведениями искусства, созданными, несомненно, на основе местной художественной традиции. Лучшим свидетельством глубоко народных корней этого вида искусства является тот факт, что художественная резьба по дереву развивалась в Средней Азии, в том числе и в Согде, несмотря на многие неблагоприятные общеисторические условия, в течение всего средневековья, продолжая существовать до последнего времени, когда мы снова наблюдаем определенный его расцвет.

Безусловно не случайным является и то, что наиболее крупные современные мастера резьбы по дереву происходят из Ура-Тюбе — соседнего с Пенджикентом района Северного Таджикистана.

В настоящее время можно с полным основанием утверждать, что в Пенджикенте сложилась и процветала весьма продуктивная школа живописи с четко выраженными особенностями стиля и с замечательно широким диапазоном тематики, которая разрабатывалась ее художниками. Последняя особенность делает живопись Пенджикента исключительно важным по своему значению источником для исследования многих сторон культуры согдийского общества накануне арабского завоевания.

Вместе с тем само изучение этих росписей сопряжено с очень большими трудностями главным образом вследствие крайней скудности пись-

---

[5] А. М. Беленицкий. Из археологических работ в Пянджикенте СА, XVIII, 1953, стр. 338, рис. 9, *б*.

менных источников, где можно было бы найти данные для их разъяснения и истолкования; затрудняет также и фрагментарность росписей.

Учитывая вышеизложенное, попытки интерпретации вновь открытых росписей, сделанные ниже при их описании, следует рассматривать как сугубо предварительные.

Общее количество вновь открытых памятников стенной живописи за 1954—1957 гг. весьма значительно. Все они обнаружены на объекте VI, в помещениях №№ 26, 29 и 41. Живопись первых двух помещений в целом сильно пострадала и в основном представлена отдельными разрозненными фрагментами. Остановимся лишь на двух из них, по своему содержанию имеющих, как мне кажется, особенно большой интерес.

Первый из них открыт в помещении № 26 на южной торцовой стене, в верхней ее половине (рис. 15). В дошедшей до нас части росписи сохранилось погрудное изображение фигуры женщины, выполненное в крупном масштабе, значительно превосходящем натуральный человеческий рост. Верхняя часть головы до середины лба, к сожалению, отсутствует. От головного убора лишь частично сохранилась ниспадающая на плечи накидка из легкой голубоватой ткани, из-под которой видны толстые пряди черных волос. Голова была окружена красным нимбом, также не сохранившимся в верхней части, и языками пламени, подымающимися из-за плеч. Одежда, как и головная накидка,— из ткани светло-голубой окраски. Хорошо сохранились изображения богатых украшений — серег, ожерелий, нитей жемчуга в волосах и весьма интересных золотых наколенников, охватывающих пряди волос. Размеры фигуры, как и отмеченные иконографические особенности, говорят о том, что перед нами изображение, несомненно, какого-то божества. Это вполне подтверждается и теми атрибутами, которые она держит в руках, поднятых на уровень плеч. В правой руке у нее находится диск светло-голубой окраски, на нем голубой же краской изображена женская (?) голова с весьма необычной для пенджикентской живописи прической в виде кружка завитков-кудрей. Позади головы — светлый полумесяц. В левой руке фигура божества держит диск золотистого цвета, но от бывшего на нем изображения сохранились лишь отдельные штрихи. На нем, по-видимому, была также изображена человеческая голова.

Рис. 13. Обуглившаяся деревянная скульптура

Данный фрагмент росписи находится, как отмечено, в верхней части стены. Остатки красочных пятен, идущие до самого низа стены, к сожалению, разделены настолько крупными лакунами, что непосредственно по

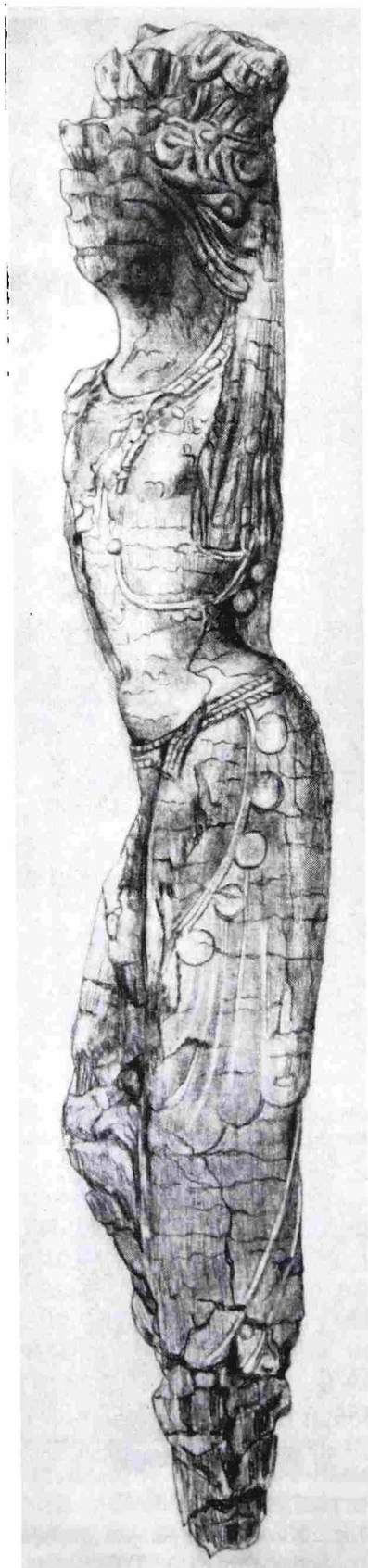


Рис. 14. Обуглившаяся деревянная скульптура (рис. худ. Ю. П. Гремячинской)

ним восстановить всю композицию невозможно. Сделать это, однако, мы вполне в состоянии благодаря наличию, как нам кажется, весьма близких к нашей росписи параллелей. Имеется в виду группа давно известных в науке памятников так называемой восточной торевтики, а именно три серебряные чаши, изданные Я. И. Смирновым в атласе «Восточное серебро» за №№ 42—44 [6], и недавно опубликованная О. Н. Бадером четвертая чаша, найденная вблизи с. Бартым Пермской области [7]. На трех из указанных чаш изображены сидящие четырехрукие женские божества, держащие в верхней паре поднятых рук эмблемы луны и солнца. Четвертая чаша (№ 43) в верхней части испорчена, однако, по всей вероятности, и на ней женщина сидела в той же позе, как и на остальных, т. е. держа в поднятых руках те же эмблемы. В нижней паре рук, чаще опущенных на колени, эти божества держат различные предметы. В отношении последних к мастеру-художнику, очевидно, не предъявлялось строгих требований. Во всяком случае, они не повторяются. Все четыре женские божества изображены сидящими: в трех случаях на спинах хищных зверей — львов (?) и лишь в одном — на сидении типа так называемого «тахта» (трона).

Представляется более чем вероятным, что и на нашей росписи фигура божества была изображена сидящей или на тахте, или на спине льва. В пользу последнего свидетельствует тот факт, что на пенджикентских росписях аналогичный сюжет, т. е. изображение сидящих на спине льва человеческих фигур, засвидетельствован неоднократно. Также важным является тот факт, что ранее открытые росписи сохранили изображения и четырехруких божеств. Уже эти последние иконографические особенности дали в свое время повод М. М. Дьяконову считать указанную группу памятников торевтики связанной с искусством Согда [8]. С открытием рассматриваемого нами фрагмента живописи помещения № 26 это мнение М. М. Дьяконова получило блестящее подтверждение.

Однако значение нашей росписи, естественно, не ограничивается тем, что она по-

---

[6] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVIII, XIX; ср. также табл. CX.

[7] О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, стр. 127, рис. 50.

[8] М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись Древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 139.

зволяет уверенно увеличить круг памятников согдийского искусства. Чрезвычайно выразительные иконографические черты в изображении божества, в особенности основные его атрибуты — символы главных светил, показывают, что наша роспись раскрывает, несомненно, важную сторону религиозных представлений согдийского общества накануне арабского за-

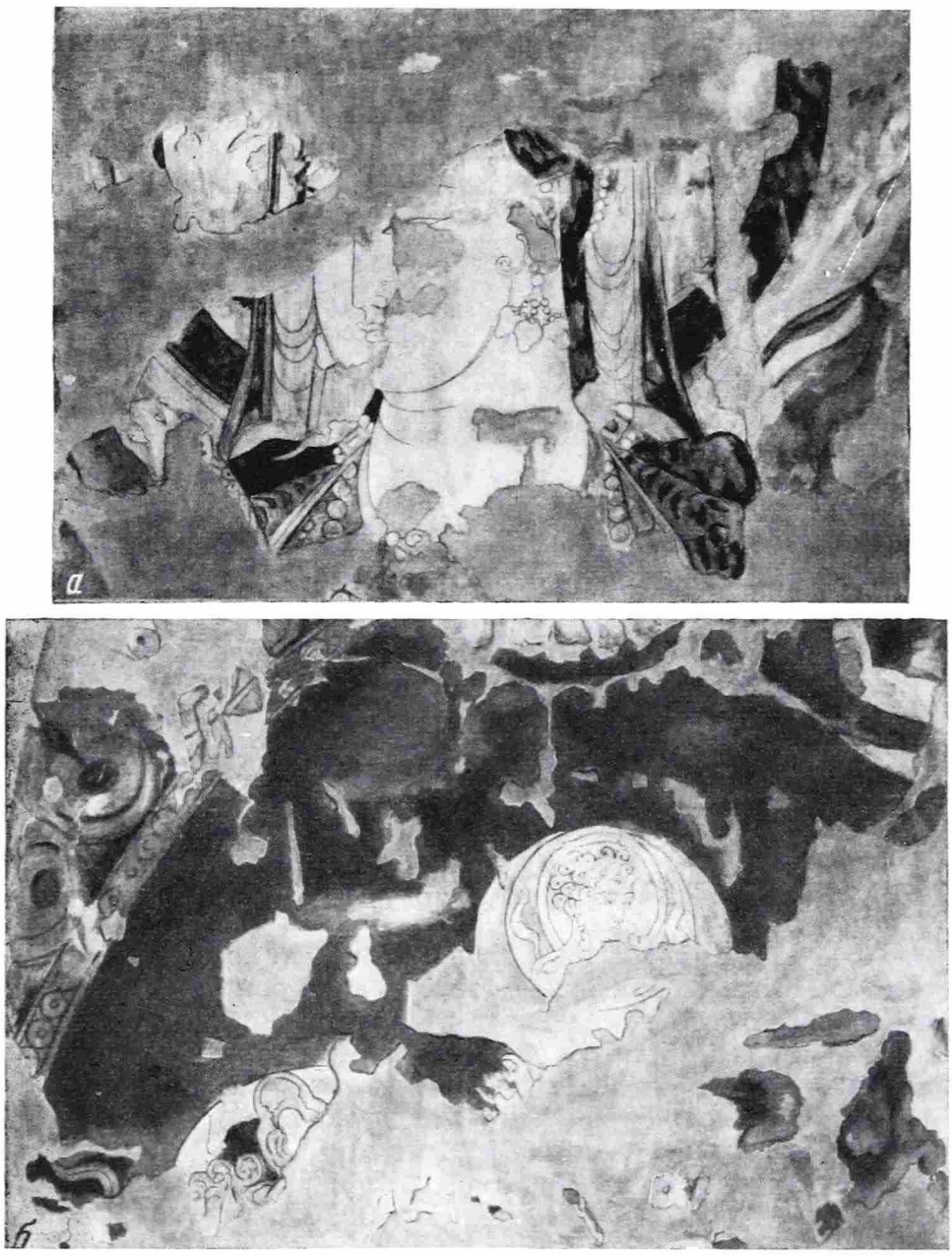


Рис. 15. Фрагменты живописи помещ. № 26 объекта VI (копия худ. Ю. П. Гремячинской)

воевания. Однако эта проблема должна стать предметом особого исследования. Здесь достаточно будет отметить, что в нашей живописи находят подтверждение имеющиеся данные письменных источников о большом значении астральных божеств в общей системе верований населения Средней Азии.

Иной характер имеет фрагмент живописи, открытой в другом из названных помещений — № 29, к сожалению, также весьма плохой сохранности (рис. 16). На нем прослеживаются изображения отдельных предметов, причем формы лишь двух из них могут быть восстановлены достаточно определенно. Тем не менее, как мы увидим, предметы эти представляют

незаурядный интерес. Первый из них изображает амфоровидную вазу на высоком поддоне с двумя ручками и разнообразно орнаментированным туловом. В вазу вставлен пучок веток гранатового дерева с плодами.

Другой предмет представляет собой трезубец на высоком стержне, выполненный голубой краской, возможно передающей материал, из которого он был изготовлен (серебро или белый сплав). К основаниям зубцов по обе стороны от среднего стержня подвешено по одному колокольчику.

В связи с открытием этой росписи чрезвычайно интересна находка в нижнем слое в Пенджикенте в 1957 г. уникальной глиняной вазы, поразительно сходной с изображением вазы на нашем фрагменте. Ваза эта

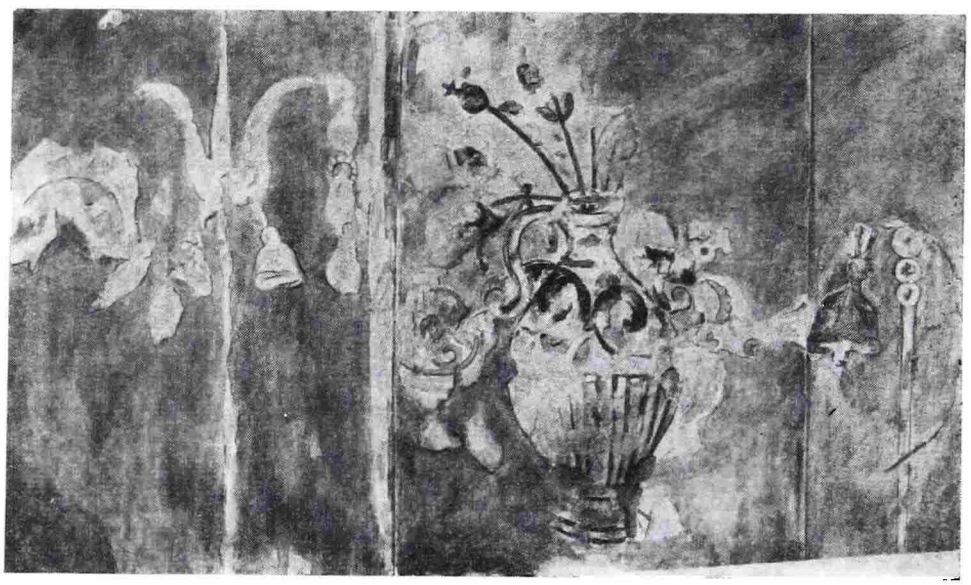


Рис. 16. Фрагмент живописи помещ. № 29 объекта VI (копия худ. Ю. П. Гремячинской)

настолько отличается от обычных глиняных изделий, что об утилитарном назначении ее едва ли приходится говорить. Вероятно, эта ваза имела определенное культовое применение; во время соответствующих празднеств такие орнаментированные вазы с ветками гранатового дерева могли применяться в качестве обрядового предмета. Нельзя при этом не отметить повсеместное распространение в среднеазиатском искусстве изображения плода граната в качестве бесспорно культового символа, в частности многочисленные изображения терракот, на которых женское божество, обычно именуемое исследователями Анахитой, держит этот плод в правой руке.

Что касается трезубца, то среди среднеазиатских находок аналогичные предметы, насколько мне известно, не отмечены. Однако изображения трезубцев часто встречаются на монетах греко-бактрийского [9] и кушанского времени [10]. На греко-бактрийских монетах оно, безусловно, связано с трезубцем — символом античного божества Посейдона. От них оно перешло, очевидно, и на монеты кушанских царей. Однако ни на одном таком изображении мы не можем установить наличия колокольчиков. Важно отметить, что в Пенджикенте при раскопках храмовых помещений найдены бронзовые колокольчики, само местонахождение последних говорит об их культовом назначении.

---

[9] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, табл. 36.

[10] P. Gardner. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886, табл. XXV/11—14 и др.

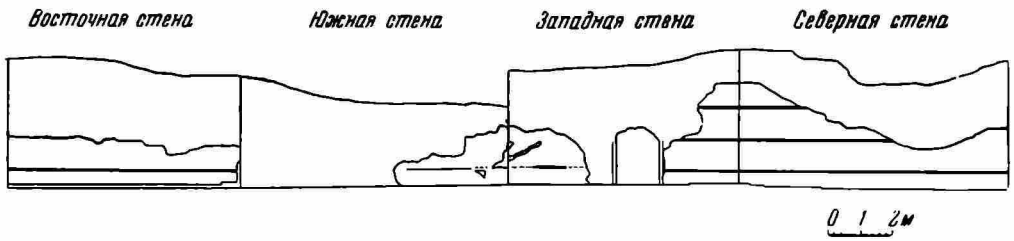


Рис. 17. Расположение остатков живописи на стенах помещ. № 41 объекта VI

Таким образом, названные предметы на нашей росписи, очевидно, входили в состав аксессуаров определенных обрядов. Вазы с растениями, в том числе с ветками граната, являются орнаментальным мотивом, получившим широкое распространение в народном искусстве Средней Азии. Ваза пенджикентской росписи едва ли не самый ранний образец художественного воплощения этого сюжета.

К числу наиболее важных результатов работ на городище древнего Пенджикента за последние годы следует отнести открытие крупных участков стенной росписи в помещении № 41 объекта VI. Стечение ряда обстоятельств обусловило их относительно хорошую сохранность.

Само помещение, представляющее собой прямоугольный в плане зал (8,50 × 7,35 *м*), принадлежит к типу хорошо изученных в Пенджикенте парадных, так называемых гостиных. Остатки живописи сохранились на всех стенах. Однако на южной стене и прилегающей к ней (приблизительно до половины) западной стене сохранность их плохая. На восточной половине южной стены роспись целиком отсутствует (рис. 17). В северо-западном углу на сравнительно большом участке живопись, впервые за все время исследования городища, сохранилась почти на всю высоту стены. Судя по этому участку, живописные композиции располагались четырьмя горизонтальными ярусами, каждый из них был отделен от другого поясом крупных перлов. Верхние три яруса имеют в высоту приблизительно по 1 *м* (рис. 18), высота нижнего яруса — 0,60 *м*. Росписи всех ярусов выполнены на одинаковом ультрамариновом, светло-синем

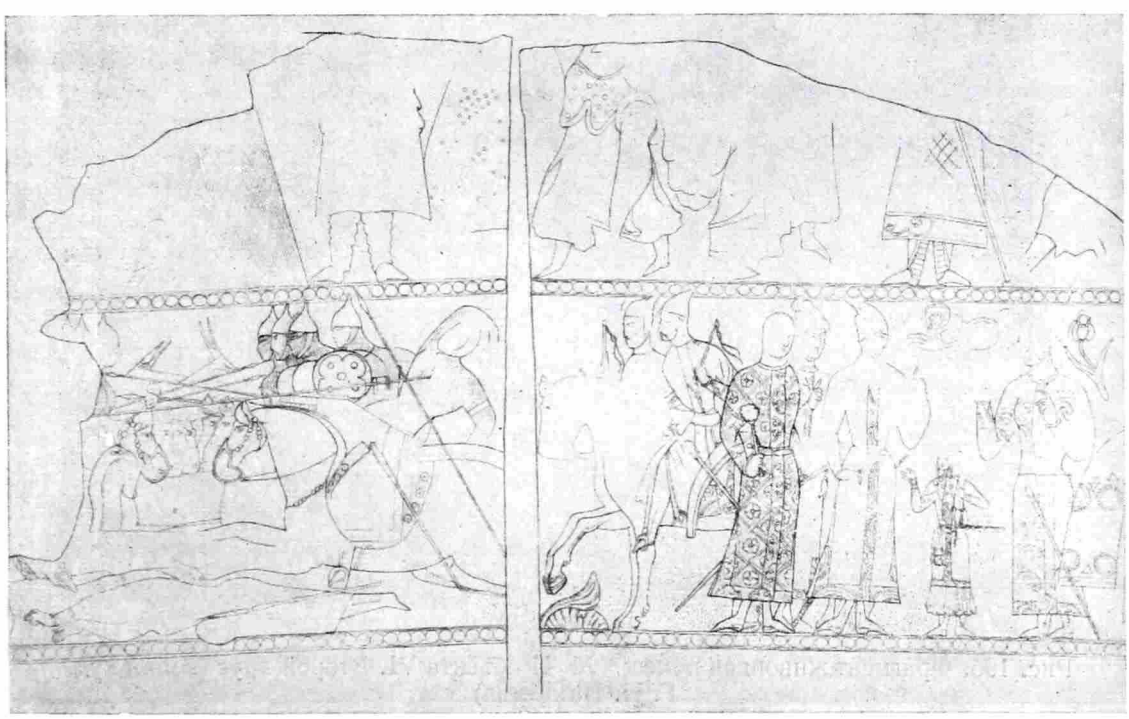


Рис. 18. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Третий и четвертый ярусы (прорись худ. П. И. Кострова)

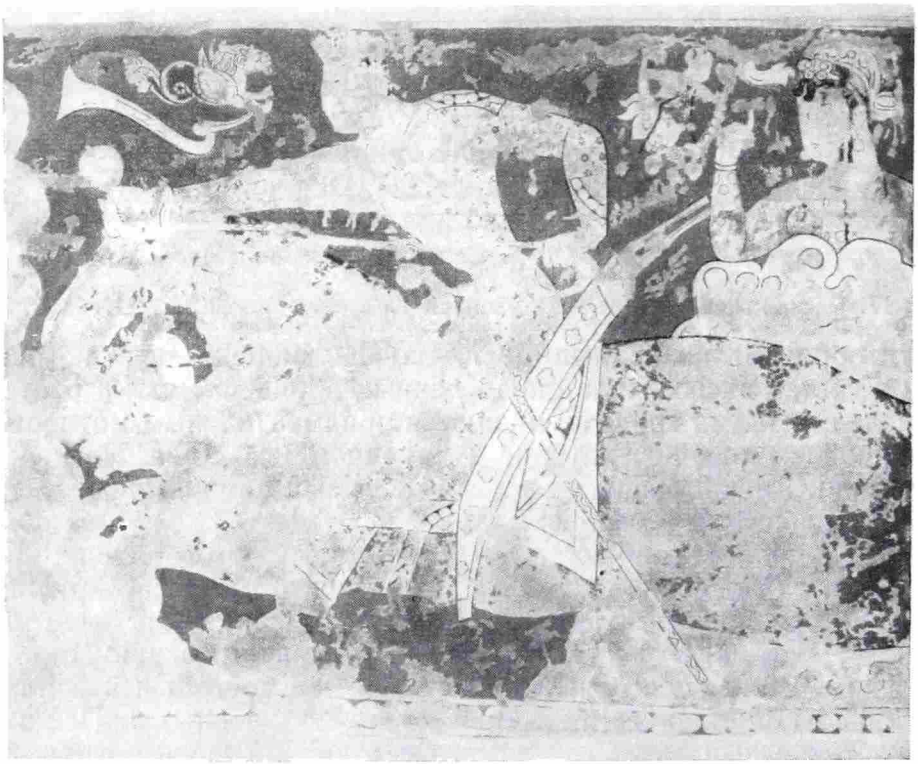


Рис. 19а. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Второй ярус (копия худ. Г. Н. Никитина)

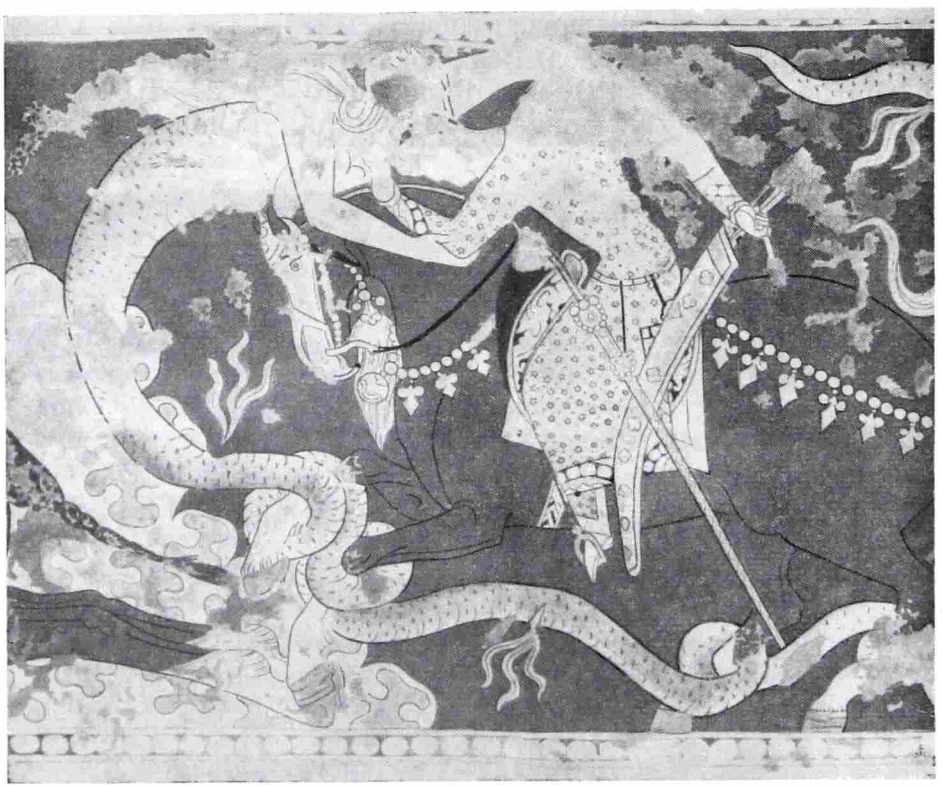


Рис. 19б. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Второй ярус (копия худ. Г. Н. Никитина)

Рис. 19в. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Второй ярус (копия худ. Г. Н. Никитина)

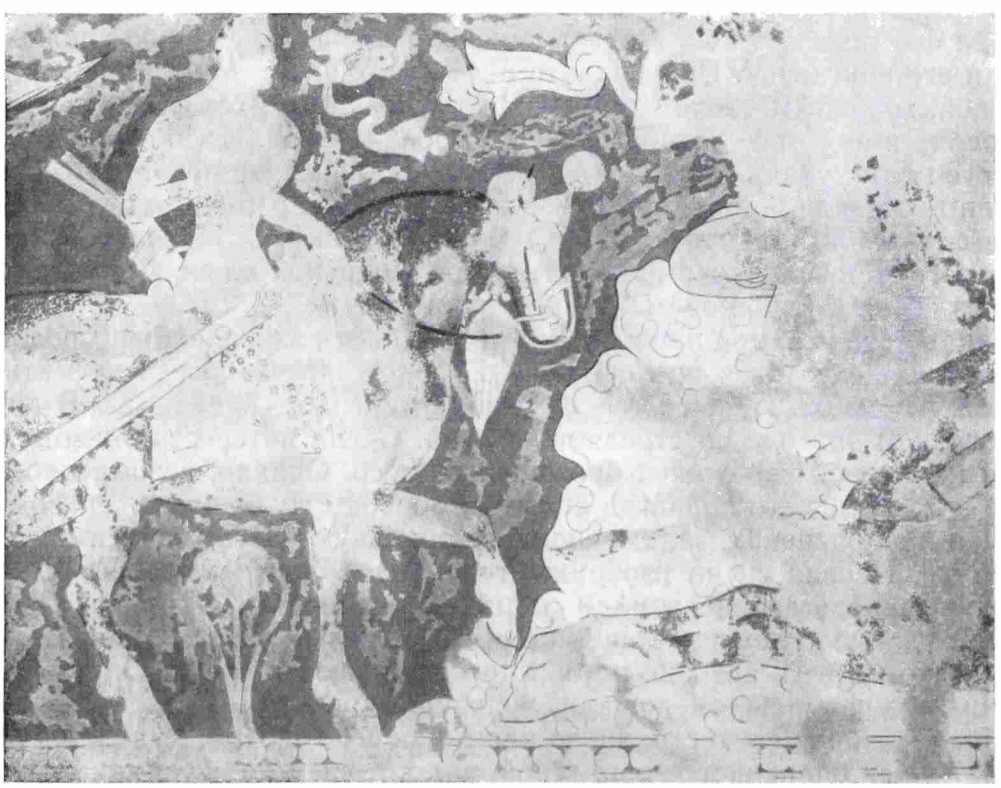


Рис. 19г. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Второй ярус (копия худ. Г. Н. Никитина)

фоне. Верхний ярус, четвертый снизу, естественно, пострадал больше других. На нем прослеживаются лишь контуры нижних частей одежды и ноги стоящих человеческих фигур. Третий снизу ярус сохранился на протяжении около 7,30 *м*. На нем изображены две многофигурные композиции. На одной представлена батальная сцена — бой между двумя группами воинов-всадников. Здесь хорошо прослеживаются многие детали вооружения воинов — копья, кольчуги, шлемы, щиты. Характерно, что ни в облике сражающихся воинов обеих групп, ни в характере их вооружения не заметно различия.

На другой композиции, условно названной «сценой проводов», на первом плане изображена группа мужчин в узорчатых кафтанах, стоящих во весь рост. В одном ряду с ними стоит, кажущаяся миниатюрной, женская фигура с музыкальным инструментом, подвешенным на плече. Позади этой группы два всадника в одежде такого же покроя, как и у стоящих фигур, направляются влево от зрителя. Над ними неясное из-за дефектности росписи изображение, очевидно, фантастического существа типа сэнмурва (рис. 18).

Бесспорно, наибольший интерес представляет роспись второго снизу яруса (рис. 19). Живопись сохранилась на протяжении около 18 *м*, что составляет больше половины периметра всех стен помещения. Несмотря на наличие некоторых попорченных участков, роспись этого яруса должна быть признана едва ли не лучшей по сохранности на всем городище. Исключительно большой интерес представляет и ее содержание. Вкратце сюжет росписи этого яруса сводится к следующему: группа, состоящая из четырех воинов-всадников, выступающая во главе с предводителем, совершает ряд подвигов. На сохранившейся росписи мы можем установить, по крайней мере, шесть эпизодов, содержание которых вполне четко читается. Главное место в этих подвигах отводится, очевидно, предводителю. В четырех эпизодах он один вступает в единоборство со своими противниками, а фактически лишь в одном эпизоде мы видим активно сражающимися и его спутников. Подчеркнуто отличается он от других воинов своей одеждой, головным убором, богатым вооружением, мастью своей лошади (красной) и ее великолепной сбруей. Особенно выделяется его кафтан — желтого цвета, украшенный мелкими черными пятнами-розетками; кафтан его сшит, очевидно, не из обычной ткани. Вполне возможно, что в данном случае художник изобразил одежду героя из шкуры какого-то хищного животного, тем более что никакой другой защитной одежды он не имеет. Трое из его спутников одеты в кольчуги и шлемы.

Как отмечено, герой наш изображен в четырех эпизодах непосредственно в момент схватки с противником. В одном эпизоде из-за дефектности росписи невозможно разобрать оружие, которым он сражается. В другом аналогичном эпизоде он стреляет из лука. Очень интересен эпизод, в котором наш герой изображен бросающим лассо. Однако, несомненно, наиболее важным из его подвигов является борьба с чудовищем. Эпизод этот передан в двух сценах, занимающих центральную часть росписи на северной стене. Первая сцена изображает наиболее опасный момент схватки. Чудовище представлено в виде гибридного существа с головой львицы, верхней частью туловища женщины и громадным хвостом змея. Возможно, что оно имеет и крылья, но они прослеживаются слабо. Опутав своим хвостом все четыре ноги лошади, чудовище руками схватило за плечи всадника, разинув свою страшную пасть над его головой. Художник не показывает, как обороняется наш герой, над которым нависла как будто неминуемая опасность. О том, что он не пассивен, говорят лишь раны на теле чудовища, из которых вырываются языки пламени. Сцена эта в целом, однако, создает впечатление, что положение героя почти безнадежно. Тем не менее окончательная победа все же осталась за ним. В следующей сцене мы видим нашего героя едущим во главе своих спутников, причем у ног их лошадей лежит чудовище, видимо, уже при последнем издыхании.

Лишь из многих ран на его высоко поднятом хвосте продолжают вырываться громадные языки пламени. Эти подвиги главного героя дополняет не менее интересная сцена, на которой изображены сражающимися его спутники. Воины изображены также сражающимися с чудовищами, но совершенно другого облика чем то, с которым боролся главный герой. Это— демоны, представленные в виде прямостоящих двуногих парнокопытных

Рис. 20. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Второй ярус (копия худ. Ю. П. Гремячинской)

существ с человеческими туловищами и лицами, также похожими на человеческие. У всех у них на головах рога, козлиные или бычьи. У некоторых изо рта торчат клыки. На голове одного изображен человеческий череп. Все эти, и некоторые другие черты в их изображениях, должны подчеркивать, очевидно, их свирепость. Сцена передает самый разгар схватки, причем сражение ведется с обеих сторон одними и теми же видами оружия — стрелами, пускаемыми из луков, и копьями.

Наиболее замечательной деталью сцены является изображение колесницы с находящимися в ней двумя демонами, стреляющими из луков (рис. 20). Колесница снабжена крыльями, которыми заканчиваются ее боковые стенки. Она явно изображена летящей по воздуху, хотя крылья

не расправлены. Над колесницей летит какая-то птица. Изображен самый разгар битвы. Однако и здесь исход ее, очевидно, предрешен, так как ряд демонов тут же лежит с отрубленными головами или пронзенные стрелами и копьями, в то время как всадники никакого урона не понесли.

Помимо указанных участников батальных эпизодов, мы видим на этом ярусе три других персонажа, но связь их с основной темой росписи для нас не совсем ясна, тем более, что изображения двух фигур весьма плохой сохранности. О них можно лишь сказать, что они изображены сидящими на вершинах гор, которые переданы весьма условно. Третья фигура изображает женщину, поднимающуюся над горой только до груди; женщина, очевидно, стоит во весь рост с протянутой рукой и поднятым вверх указательным пальцем. В ее сторону направляется в полете миниатюрная фигура полуженщины-полуцветка с ожерельем в руках.

Кроме того, на определенном расстоянии один от другого изображены в полете одинаковые гибридные существа, похожие на сэнмурвов, но с головами львов, держащие в передних лапах развевающиеся ленты. Отметим также изображение на одном из участков этого яруса филина, переданного вполне реалистично.

Благодаря новизне и сложности рассмотренной композиции мы не можем дать в настоящей статье развернутый ее анализ. Однако сделать попытку объяснить основное ее содержание представляется все же необходимым. Уже тот очевидный факт, что перед нами целый цикл подвигов одного и того же героя, заставляет полагать, что мы имеем дело с эпической темой.

При таком предположении, естественно, прежде всего нам придется обратиться к знаменитой поэме Фирдоуси «Шахнаме», в героической части которой среднеазиатские элементы, несомненно, занимают большое место. Особенно нас привлекает, едва ли не наиболее яркий, герой поэмы Рустем, одно имя родины которого Сакастан («страна саков»), говорит о его среднеазиатском происхождении. Обращаясь непосредственно к тексту «Шахнаме», мы действительно, как мне кажется, обнаруживаем весьма определенные точки соприкосновения с содержанием пенджикентской росписи. Наиболее выдающиеся подвиги Рустема собраны в отдельный раздел, названный «Хафт хон» [11], т. е. семь сказов, где в каждом излагается один эпизод. Иначе говоря, перед нами также цикл подвигов. Обнаруживается определенная общность и в характере самих подвигов. В качестве противников Рустема выступают наряду с такими же витязями, как он сам, и чудовища в виде драконов (аждахо), демонов (дэвы) и прочих фантастических существ.

Также весьма интересен для нас и ряд деталей в обрисовке самого героя. Так, он одет в кафтан из шкуры леопарда (палангина джома). Не является ли и кафтан героя пенджикентской росписи также сшитым из шкуры леопарда (хотя передачу ее художником следует признать весьма условной)? Имя коня Рустема — Рахш — означает «красный». Красным изображен конь героя и на росписи. Рустем арканом неоднократно побеждает своих противников. В пенджикентской живописи изображение этого оружия мы встречаем впервые. Возможно, аркан воспринимался и тогда, как архаическое оружие.

Все это позволяет констатировать в росписи наличие моментов, перекликающихся с характеристикой Рустема и его подвигов в «Шахнаме». Вместе с тем, мы едва ли сможем найти здесь разъяснение всех деталей нашей росписи. Нельзя забывать, что между временем, когда была создана пенджикентская живопись, и теми годами, когда Фирдоуси писал свою поэму, прошло не менее двух с половиной столетий. За это время

[11] Le livre des rois par Abou'lkasim Firdousi. Traduit... par J. Mohl, Paris, 1878, т. I, стр. 510.

имели место такие важные общественные и идеологические перевороты, которые не могли не отразиться и на трактовке героев древности.

Нельзя также при сопоставлении текста поэмы с росписями не учитывать и несомненное существование локальных вариантов одних и тех же эпических преданий.

В этом отношении исключительно большой интерес для нас представляет сравнительно недавно опубликованный отрывок на согдийском язы-

Рис. 21. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Первый ярус (прорись худ. П. И. Кострова)

ке, где излагается один из эпизодов эпопеи, связанной с именем Рустема. Отрывок происходит из Восточного Туркестана и датируется временем, близким к пенджикентским росписям. Отрывок этот, хотя и небольшой, весьма характерен по своему содержанию. В нем передан один из эпизодов, воспетый и в «Шахнаме», а именно борьба Рустема с полчищем дэвов. Вместе с тем текстуально перед нами совершенно иной вариант.

В еще большей степени кажется важным то, что в этом случайном отрывке мы находим одну деталь, отсутствующую в «Шахнаме», но очень ярко отраженную в пенджикентской росписи. Так, в описании выступле-

ния дэвов против Рустема в отрывке говорится, что среди них было «много едущих на колесницах..., много таких, которые так летят, будто бы ястреб» [12]. Едва ли возможно предположить, что изображение на пенджикентской росписи дэвов в колеснице с крыльями является случайным совпадением с данным текстом.

Все сказанное, таким образом, подтверждает предположение о том, что в рассматриваемой живописи следует видеть передачу сюжета, связанного с местным вариантом эпопеи о Рустеме.

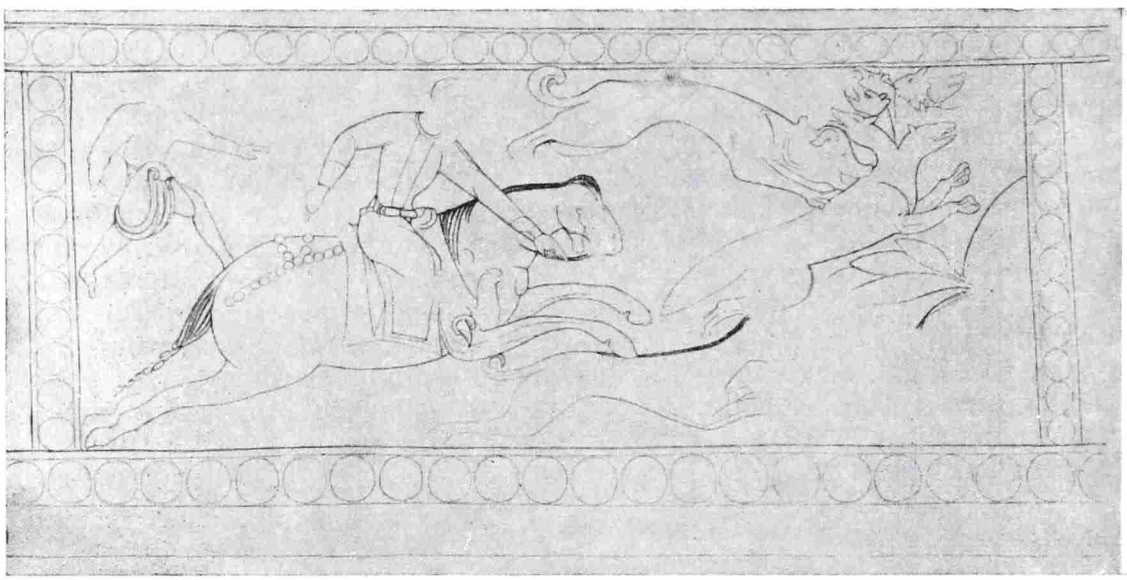


Рис. 22. Фрагмент живописи помещ. № 41 объекта VI. Первый ярус (прорись худ. П. И. Кострова)

Остается охарактеризовать остатки росписей первого, самого нижнего яруса. Общая длина дошедших до нас росписей на нем достигает примерно 22 *м*. По степени сохранности красочного покрова живопись этого яруса уступает вышележащим двум ярусам. Как указывалось, высота этого яруса меньше последних, и соответственно росписи выполнены в меньшем масштабе. В отношении композиционном этот ярус отличается от верхних тем, что он разделен на сравнительно небольшие участки вертикальными полосами овов таким образом, что каждая композиция оказывается заключенной как бы в отдельную рамку. Размеры каждого участка и, соответственно, отдельных сцен весьма различны. По приблизительным подсчетам первоначальное количество таких сцен на этом ярусе было не менее 30. Сохранилось около 20. Однако часть их требует сложной обработки в реставрационных мастерских, прежде чем сможет быть выявлено с большей или меньшей полнотой их содержание.

Судя по сохранившимся в лучшем состоянии росписям, содержание сцен отличается разнообразием. Так, на одной из них изображен эпизод подношения цветка (рис. 21). На другой изображена группа пирующих. Большой интерес представляют сцены с изображениями домашних и диких животных. В числе их мы видим львов, слонов, горбатого быка — зебу, лисиц или шакалов. Такой состав животных дает основание полагать, что в данном случае мы имеем дело со сценами, отражающими сюжеты звериного эпоса, типа рассказов известного индийского сборника Панчатантры, ставшего позже известным под именем Калилы и Димны. В связи с этим небезынтересно, что именно этот сборник был одним из первых индийских

[12] E. Benveniste. Textes Sogdiens. Paris, 1940, стр. 50.

сочинений, переведенных знаменитым поэтом Рудаки на таджикский язык уже в X в. Наряду с указанными сюжетами имеются и более сложные по содержанию сцены. Так, очень интересна сцена охоты, объектом которой является фантастический семиголовый зверь (волк?). Всадник травит этого зверя при помощи двух громадных гончих собак. Здесь же изображен и пеший охотник, по-видимому, егерь или слуга охотника, специально приставленный к собачьей своре (рис. 22).

Весьма любопытна композиция, изображающая льва и львицу (?) стоящими на холме, очевидно, после удачной охоты, так как здесь же лежат убитые животные в неестественно скорченных положениях. Породу затравленных животных трудно определить. Ноги у них, как у копытных животных, но туловища как будто кошачьей породы. Крупное фантастическое животное (голова не сохранилась), кроме того, изображено, видимо, висящим в воздухе. Загадочным является присутствие на этой сцене двух фигур юношей (?), сидящих, опустив ноги, на высоких сидениях типа алтарей, расположенных по краям композиции.

Исключительно большой интерес представляют две сцены, также не до конца поддающиеся истолкованию, но в них ясно отражен любопытный сюжет, в настоящее время известный по народной сказке. Так, на одной из них (не полностью скопированной) мы видим четырех персонажей. Двое из них (мужские фигуры) стоят на коленях с чашами в руках перед сидящей на ковре женщиной с характерным жестом правой руки — с поднятым вверх указательным пальцем. Четвертая фигура изображает юношу стоящим также коленопреклоненным перед (или под) деревом в молитвенной позе и с чашей в руках. Характерно изображение дерева. Оно представлено в виде трех стволов, растущих из одного пня, причем два боковых ствола обрублены. Крона центрального ствола (с условной передачей листвы) резко согнута в сторону фигуры молящегося, как бы осеняя его. Аналогичное изображение дерева с обрубленными боковыми стволами занимает центральное место и на другой сцене, расположенной рядом с предыдущей.

Участниками данной сцены являются три фигуры: две мужские и одна женская. К сожалению, роль одной из мужских фигур не совсем ясна, так как изображение ее сохранилось не полностью. Главный интерес, однако, заключается в двух других участниках сцены. Один из них, молодой человек, держит топорик на левом плече, одновременно правой рукой поддерживает под локоть руку молодой женщины, нижняя часть туловища которой скрыта внутри обрубленного ствола дерева. Вполне очевидно, что юноша помогает девушке высвободиться из дерева. Топорик в его руках указывает на то, что в поисках девушки он обрубил оба ствола дерева, в одном из них была обнаружена им героиня этой сцены.

В современном фольклоре мы без труда обнаруживаем параллели к основному мотиву этих сцен — освобождение юношей девушки, заключенной или превращенной в дерево. Являлся ли этот сюжет, когда художник Пенджикента расписывал стены нашего помещения, также в прямом смысле сказочно-фольклорным или же ему следует придать другое значение, сказать трудно.

Одновременно, как мне представляется, в этой композиции вполне возможно усмотреть отголоски и античных мифологических представлений, хотя бы в той форме, как они изложены в «Метаморфозах» Овидия. Однако все эти вопросы должны явиться предметом более специального исследования.

В целом, как видно из изложенного, новые памятники изобразительного искусства Пенджикента, как и открытые в предшествующие годы, знакомят нас с целым миром образов, о которых до этих открытий мы едва ли имели какое-либо представление. Правда, мы еще далеки от точного их истолкования, однако можно надеяться, что дальнейшие исследования городища принесут материалы для должного их определения.

М. Ф. ЖИГАНОВ

СТАРШИЙ КУЖЕНДЕЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК В ДОЛИНЕ р. ТЕША

Археологическими экспедициями Мордовского научно-исследовательского института и Мордовского краеведческого музея в бассейне р. Теша в последние годы открыт ряд мордовских памятников I тысячелетия н. э. Исследования таких памятников, как Саконовское городище IX—X вв., селище VIII—IX вв. Саконы I, Хохловское городище с верхним слоем IX—X вв., дали новые ценные материалы для изучения хозяйства и быта мордовских племен в период распада первобытно-общинных отношений.

Для выяснения этнической карты северных районов расселения мордовских племен в I тысячелетии н. э. большой интерес представляет открытый в 1955 г. новый мордовский могильник конца VI—VII вв. Могильник расположен в 500 *м* к северу от с. Кужендеево, Ардатовского района Горьковской области, на правом, высоком берегу речки Леметь, притока р. Теша. Рядом с ним, в западной части плато, находится мордовский могильник XII—XIII вв. [1].

Значительная часть территории могильника разрушена глубокими водосточными канавами и парниковыми траншеями. Много погребений было потревожено еще до войны при посадке фруктового сада. На площади раскопа было много отдельных ям, из которых ежегодно выбирали чернозем для парников.

За два года работ нашей экспедицией выявлено 20 погребений (семь женских, девять мужских, одно детское, три неопределенных) и одно ритуальное захоронение домашнего животного. Обряд погребения в 19 захоронениях — трупоположение на спине, а в одном — трупосожжение (погребение № 12). Устойчива ориентировка погребенных — головой на север, с незначительными отклонениями на запад или восток. Лишь в одном случае (погребение № 13) встречена ориентировка головой на юг. Покойников хоронили в сравнительно неглубокой могиле, преимущественно на глубине 0,6 — 0,7 *м*, в слое плотной желтой глины. В отдельных погребениях прослежены следы подстилки из древесной коры.

Из 20 погребений обилием вещей отличаются лишь мужское погребение № 2 и женские №№ 3 и 5. В мужском погребении найдено более 20 предметов. Среди них — железный плотничий скобель, железная мотыжка, коса-горбуша, наконечник копья, железный втульчатый топор, нож, четыре трехлопастных и один плоский наконечники стрел, железные удила, глиняный сосуд и другие вещи. Кроме того, на грудь и шею покойника было положено значительное количество женских украшений: ожерелье из красных пастовых бус, «усатая» сюльгама кольца от серповидной гривны. В женских погребениях №№ 3 и 5 найдено до 50 вещей в каждом: ожерелья из бус, серповидные гривны, браслеты, сюльгама и другие украшения, а также бытовые предметы.

В остальных погребениях найдены единичные предметы. Очевидно, обилие вещей в некоторых погребениях и бедность инвентаря боль-

---

[1] Раскопки А. Е. Алиховой в 1927 г. Материалы хранятся в Горьковском краеведческом музее.

шинства погребений вряд ли следует объяснять лишь возрастными различиями.

В исследованных погребениях могильника найдено сравнительно много женских украшений, а также отдельных деталей одежды.

Головным украшением женщины являлся венчик, состоящий из четырех рядов бронзовых спиралей, нанизанных на кожаные ремешки и перемежающихся с четырехугольными бронзовыми обоймами (рис. 1). В мордовских могильниках I тысячелетия н. э. такие украшения чрезвычайно

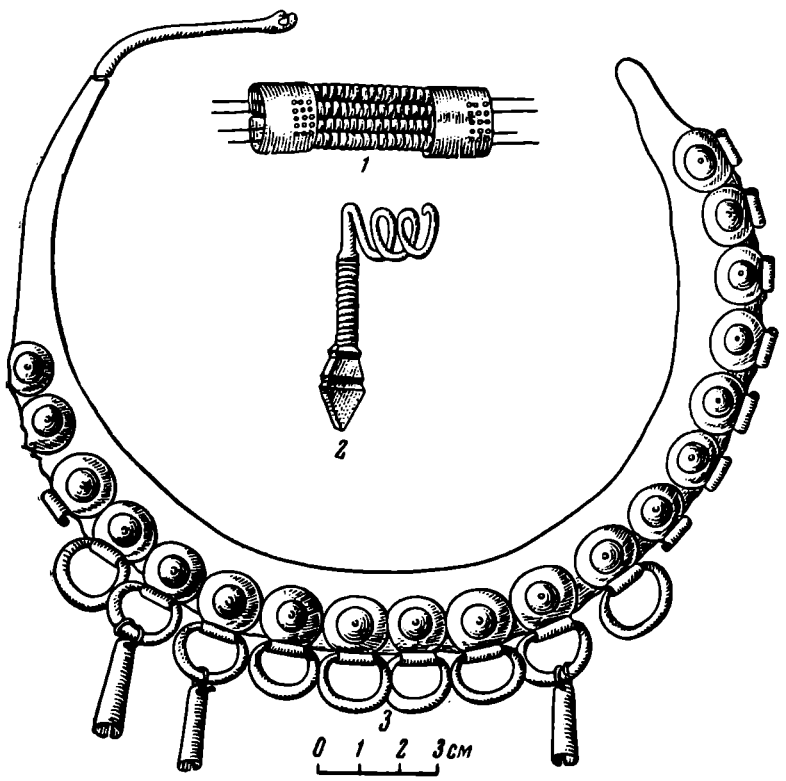


Рис. 1. Бронзовые украшения

1 — часть венчика из погр. № 5; *2* — спиральная привеска из погр. № 3; *3* — серповидная гривна из погр. № 3

редки [2]. Между тем позднее венчик являлся составной частью головного убора мордовской женщины, и вплоть до недавнего времени мордовские женщины носили матерчатые вышитые и бисерные налобники [3].

Важной частью головного украшения была височная привеска в виде стержня, в верхней части оканчивающегося завитком, а в нижней — многогранным грузиком (рис. 1, *2*). Такие привески встречены во многих женских погребениях могильника, они являются характернейшим мордовским украшением и широко распространены в мордовских памятниках до XI—XII вв. [4].

Привески из Старшего Кужендеевского могильника представляют собой более развитый тип этих украшений. Данный тип височных привесок детально повторяет привески VII в. из Серповского могильника (раскопанного еще в прошлом веке А. А. Спицыным), где они встречены более

---

[2] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, стр. 7.

[3] Древности мордовского народа. Саранск, 1941, стр. 46.

[4] П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 9, табл. II, *8*; М. Р. Полесских. В недрах времен. Пенза, 1956, стр. 48, рис. 19.

чем в семи погребениях [5]. Они имеются также в поздних комплексах Армиевского [6] и Селиксенского [7] могильников, а также в могильнике у колхоза «Красный Восток» [8].

Большое место в инвентаре женских погребений Старшего Кужендеевского могильника занимают ожерелья; некоторые из них содержат до 500 бус. В большинстве случаев это красные пастовые бусы средних размеров, неправильной округлой формы. В рязанских могильниках, по данным П. П. Ефименко, красные пастовые бусы такой формы появились в VI в., после исчезновения «рубленых» пастовых бус, и бытовали в VII—VIII вв. [9].

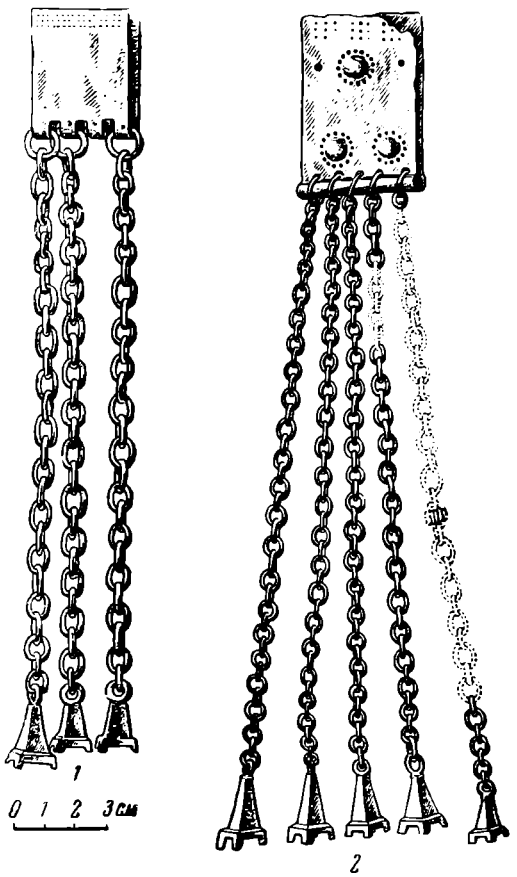


Рис. 2. Бронзовые привески (погр. №№ 3 и 5)

В составе ожерелий Старшего Кужендеевского могильника имеются также бусы, синие матовые довольно крупные граненые, синие шаровидные мелкие и стеклянные прозрачные в виде четковидных палочек (погребение № 5). Все эти бусы также имеют аналогии в материалах поздних погребений Армиевского могильника [10].

Бронзовые пластинчатые серповидные гривны (рис. 1, *3*) обнаружены в двух погребениях (№№ 3 и 5). На конце одной из гривен сохранилась часть застежки в виде пластинки с отверстием.

Эти гривны очень близко напоминают гривны, обнаруженные в двух погребениях Серповского могильника [11].

Следует отметить, что такие гривны (мы называем их гривнами серповского типа) не имеют близких аналогий в могильниках «Красный Восток» и Селиксенском, синхронных Серповскому и Старшему Кужендеевскому могильникам и связываемых с мордвой-мокшей. Пластинчатые гривны из этих могильников, как правило, не имеют прикрепленных выпуклых кружков с петельками, и привески подвешивались к этим гривнам с помощью отверстий, сделанных в пластине гривен.

К серповскому же типу относятся три нагрудные украшения, найденные в погребениях №№ 3 и 5 Старшего Кужендеевского могильника. Это привески с цепочками и пирамидальными подвесками. В погребении № 3 они располагались по двум сторонам груди. Подобное же украшение из погребения № 5 (рис. 2, *2*) имело на верхней пластине три круглых бугорка с точечными вдавлениями по краям. К одежде пластинка прикреплялась с помощью двух бронзовых гвоздиков-заклепок.

---

[5] А. А. Спицын. Серповский могильник. Архив ИИМК АН СССР, 1892 г., № 94. Вещи хранятся в ГИМ.

[6] П. С. Рыков. Ук. соч., табл. II, *6*.

[7] М. Р. Полесских. Ук. соч., стр. 53, рис. 22, *9*.

[8] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 79, рис. 15, *1*.

[9] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. I, Л., 1926, стр. 78—79.

[10] П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 14, табл. V, *23*.

[11] Коллекции ГИМ, погребения №№ 11 и 22 (№№ 36 и 82).

Эти привески детально повторяют украшения, найденные в погребениях №№ 21 и 27 Серповского могильника [12].

Почти во всех погребениях Старшего Кужендеевского могильника найдены бронзовые кольцевые застежки-сюльгамы «с усами». Эти предметы служили для прикрепления к одежде отдельных украшений и скрепления ткани. По размерам и форме кольцевые сюльгамы Старшего Кужендеевского могильника можно разделить на четыре типа.

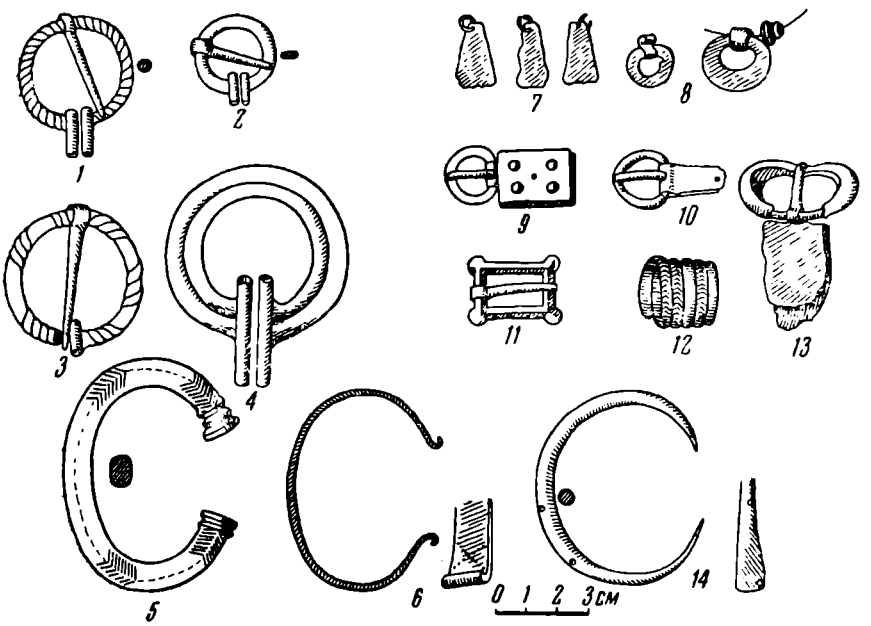


Рис. 3. Бронзовые украшения

1—4 — застежки; *5, 6* и *14* — браслеты; *7—8* — подвески; *9, 10, 11, 13* — пряжки; *12* — спиральный перстень

1. Небольшие проволочные сюльгамы, найденные в погребениях №№ 3 (№ 13), 5 (№ 23), 10 (№№ 3 и 4) (рис. 3, *1*). На некоторых из них имеется орнамент в виде косых насечек.

2. Небольшие пластинчатые сюльгамы почти таких же размеров встречены в погребениях №№ 5 (№ 23), 6 (№ 8), 12 (№ 6) 15 (№№ 1 и 16) и 21 (№ 9). Эти сюльгамы чаще всего имеют по внешнему и внутреннему краям короткие насечки (рис. 3, *2*). Подобные сюльгамы с насечками по обоим краям П. П. Ефименко датирует V веком [13].

3. Крупные круглые в сечении сюльгамы диаметром до 4,5 *см*. Они найдены в погребениях №№ 3 (№ 9), 4 (№ 14), 5 и 7. На поверхности они обычно имеют орнамент в виде косых насечек (рис. 3, *3*).

4. Крупная бронзовая почти плоская в сечении сюльгама диаметром 5,8 *см* обнаружена в погребении № 2 (рис. 3, *4*). Она близко напоминает серебряную застежку с крылатой иглой и длинными «усами», найденную в погребении № 1 могильника у колхоза «Красный Восток» [14]. В рязанских могильниках такие застежки датируются VII в. [15]. Крупные же застежки хорошо датированы в погребении № 16 Серповского могильника, где они встречены вместе с 12 золотыми византийскими монетами 638—641 и 663—695 гг. [16]

---

[12] Коллекция ГИМ, №№ 79 и 110.

[13] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 73, рис. 3, *7*.

[14] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 81, рис. 16, *2*.

[15] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 76, рис. 5, *13*.

[16] А. А. Спицын. Дневник раскопок Серповского могильника. Архив ИИМК АН СССР, 1892 г., № 94.

К числу нагрудных украшений относятся и бронзовые пластинчатые трапециевидные подвески в виде плоских округлых колец с ушками, обнаруженные в погребениях №№ 3, 5, 7 и 21 (рис. 3, *7—8*). Эти подвески являлись частью ожерелья. В погребении № 21, например, эти подвески найдены в одном ряду с красными пастовыми бусами, с которыми были скреплены с помощью ниток.

Сравнительно полно представлены в Старшем Кужендеевском могильнике поясные пряжки. По форме они делятся на округлые и четырехугольные. Характерной особенностью всех пряжек является их клювообразный длинный язычок, загнутый и как бы облегающий кольцо пряжки. Округлые пряжки имеют кольца арочной формы с четырехугольными бронзовыми обоймами (рис. 3, *9*, *10*, *13*). На некоторых обоймах имеется по четыре выпуклых бугорка. Особый интерес представляет бронзовая пряжка из погребения № 15. Она сделана в виде широко вытянутого кольца с сильным изгибом в середине для конца язычка. К ремню она прикреплялась с помощью четырехугольной бронзовой обоймы (рис. 3, *13*).

Все указанные округлые пряжки имеют аналогии в Армиевском могильнике, где они встречены более чем в 20 погребениях и датированы П. С. Рыковым временем не позднее V—VI вв. н. э.[17]. Эти пряжки характерны для позднесарматского времени. Они имеются и в рязанских могильниках — Борковском, Кузьминском и др.[18]. Пряжка из погребения № 15 аналогична пряжкам I группы Борисовского могильника на Северном Кавказе, где они относятся к VI в.[19].

Четырехугольные бронзовые пряжки (рис. 3, *11*) обнаружены в двух погребениях могильника (№№ 2 и 15). Эти пряжки также имеют аналогии в мордовских могильниках VII в.[20].

Браслеты, найденные в погребениях Старшего Кужендеевского могильника, довольно разнообразны. Все они бронзовые и делятся в основном на три типа: массивные, пластинчатые и круглопроволочные.

1. В двух погребениях (№№ 3 и 5) найдены совершенно одинаковые массивные подчетырехугольные в сечении браслеты с расширенными концами в виде шляпки гвоздя (рис. 3, *5*). На поверхности браслетов имеется орнамент в виде зигзагообразных линий. Эти браслеты близки к некоторым браслетам из Серповского могильника[21].

2. Пластинчатые браслеты (погребения №№ 3, 10 и 15) в средней части имеют ширину до 1 *см*, концы расширены до 1,5 *см* и свернуты в трубочку (рис. 3, *6*). На концах имеется орнамент в виде двух перекрещивающихся линий из точек. Такие же перекрещивающиеся линии расположены ближе к середине браслета, на расстоянии 3 *см* от концов. В средней части, между перекрещивающимися линиями, идут две параллельные линии точек длиной 4 *см*.

3. Круглые в сечении браслеты найдены в погребениях №№ 6 и 15. Первый из них, с расплющенными концами, сделан из толстой проволоки диаметром 4 *мм*. На поверхности браслета припаяно шесть острых шипов (рис. 3, *14*). Второй браслет без шипов. Расширенные концы его свернуты в трубочку.

Перстни обнаружены в трех погребениях могильника (№№ 3, 5 и 20). Все они спиральные, сделаны из полукруглой в сечении проволоки в пять-шесть оборотов (рис. 3, *12*). Поверхность отдельных спиралей покрыта нарезным елочным орнаментом. Эти перстни совершенно идентичны перстням из Серповского могильника[22].

---

[17] П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 19—22, табл. VI, *58*; VII, *60—64*; VIII, *66*.

[18] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, вып. 25, СПб., 1901.

[19] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, Петроград, 1914, стр. 160.

[20] Коллекция ГИМ, погребения №№ 33, 137 Серповского могильника.

[21] Коллекция ГИМ, погребение № 25 (№ 101).

[22] Коллекция ГИМ, погребение № 12.

Бытовой и производственный инвентарь в Старшем Кужендеевском могильнике также представлен достаточно широко.

Обычным почти для всех погребений является наличие глиняных сосудов. Чаще всего их ставили в головах (иногда по два сосуда) и реже — в ногах покойного. Все сосуды лепные, сделаны от руки и не имеют орнамента. Обжиг сосудов неравномерный. Глина, как правило, содержит примеси песка. Лепные сосуды из семи погребений (№№ 2, 7, 12, 13, 16, 17 и 21) имели исключительно ритуальное значение и отличаются очень миниатюрными размерами (рис. 4, *1*).

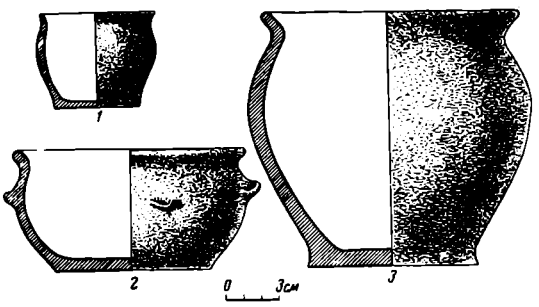


Рис. 4. Глиняные сосуды

В четырех погребениях найдены более крупные лепные сосуды (погребения №№ 5, 6, 15 и 20) горшкообразной формы со вздутыми боками и сильно отогнутым венчиком (рис. 4, *3*). Они отличаются более тщательной отделкой. Формы сосудов более правильны, поверхность хорошо сглажена. Интересен сосуд из погребения № 15 (рис. 4, *2*). На поверхности сосуда, чуть выше линии изгиба боков, имеется пять небольших налепных валиков — выступов.

Многие из указанных выше сосудов имеют аналогии в других синхронных памятниках мордвы [23], а также в рязанских могильниках [24].

Железные черешковые ножи найдены в восьми погребениях (№№ 1, 2, 3, 4, 12, 14, 15 и 16). Все они довольно массивны, длиной от 12 до 18 *см* (рис. 5, *3*).

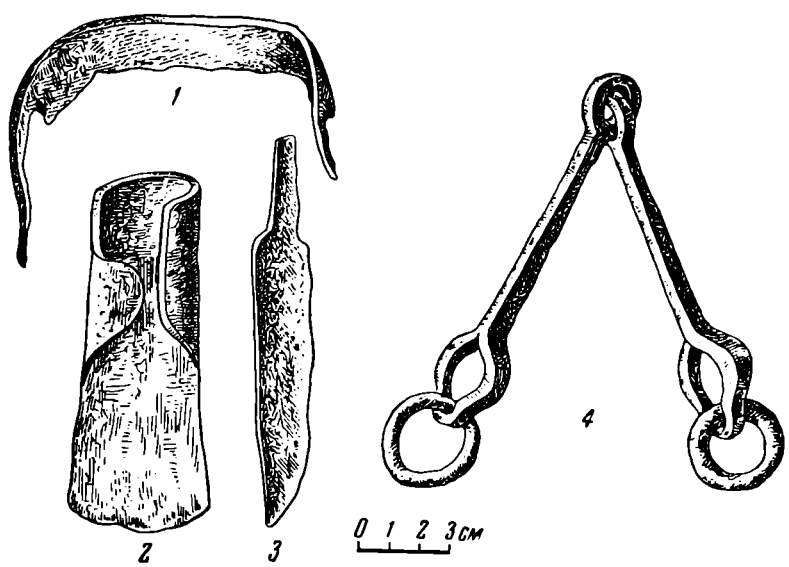


Рис. 5. Железные предметы

1 — скобель; *2* — топор; *3* — нож; *4* — удила

В двух погребениях (№№ 2 и 4) найдены кованые двусоставные железные кольчатые удила подчетырехугольные в сечении (рис. 5, *4*).

Из оружия в Старшем Кужендеевском могильнике имеются железные наконечники копий (погребения №№ 2, 4, 10 и 12) и стрел (погребение

---

[23] П. С. Рыков. Ук. соч., табл. XVIII.

[24] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XII.

№ 2). По форме пера наконечники копий делятся на два типа: 1) наконечники с листовидным пером, имеющим слабую грань посредине (рис. 6, *1*), в сечении они дают ромб; как правило, втулки этих наконечников длиннее пера; близкий по форме и пропорциям наконечник найден в могильнике у колхоза «Красный Восток»[25]; 2) наконечники из погребений №№ 4 (№ 3) и 10 (№ 2); они резко отличаются от наконечников первого типа очень незначительной длиной пера и двумя выступами в нижней части пера (рис. 6, *2—3*). В Прикамье такие копья встречаются начиная с пьяноборского времени[26], а в памятниках мордвы бытуют вплоть до VIII—X вв.[27].

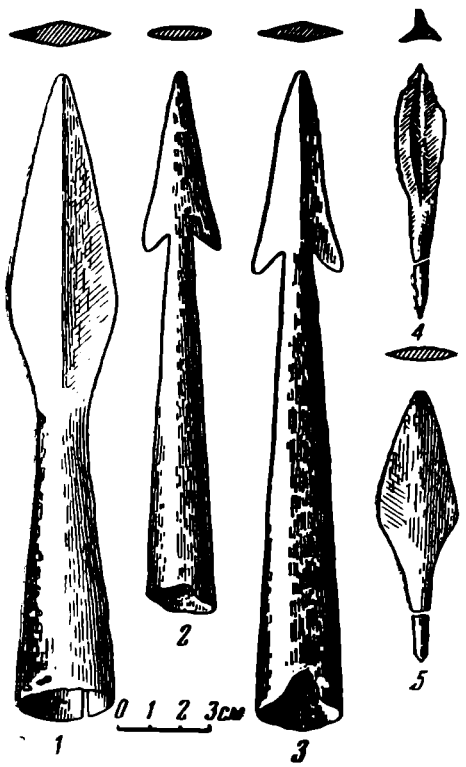


Рис. 6. Железные предметы

1—3 — наконечники копий; *4—5* — наконечники стрел

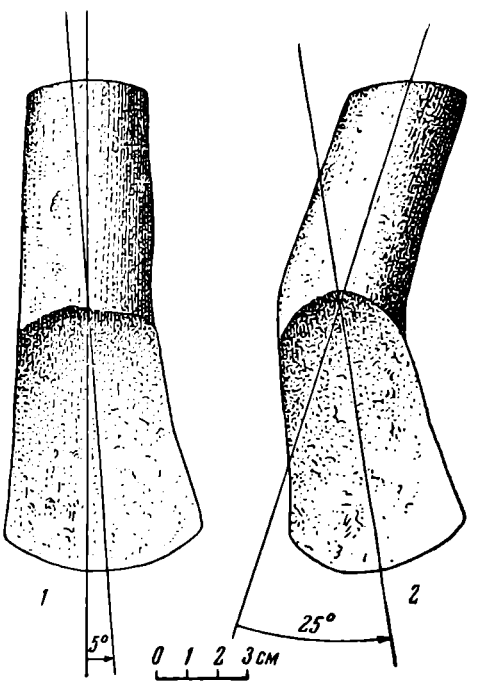


Рис. 7. Железные топоры

Из пяти железных наконечников стрел четыре трехперые (рис. 6, *4*) и один с плоским пером, несколько утолщенным в середине (рис. 6, *5*). Все эти стрелы имеют широкие аналоги в памятниках VI—VIII вв.[28].

Все топоры, обнаруженные в Старшем Кужендеевском могильнике (погребения №№ 1, 2 и 4), представляют собой древний тип железных втульчатых топоров (рис. 7). Как по своим размерам, так и по конструктивным особенностям они ближе всего стоят к топорам Армиевского могильника и несколько отличаются от топоров из могильников «лядинского типа» (IX—X вв.). Угол наклона оси втулки топора к оси лезвия не превышает 10°, тогда как в топорах лядинского времени этот угол нередко

---

[25] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 78, рис. 14, *4*.

[26] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 98, табл. XXII, *2*.

[27] Там же, стр. 123; Древности мордовского народа, табл. X, *5* и *11*; П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1953, табл. XXXVIII, *8, 10*.

[28] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 78—80, рис. 14, *12*; В. В. Саханев. Ук. соч., табл. III, *9*; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941, стр. 111, рис. 54.

превышает 20°. Угол же наклона втулки имеет существенное значение при скреплении ее с рукоятью.

Из орудий труда, найденных в могильнике, следует отметить плотничный инструмент — скобель (рис. 5, *1*).

Большой интерес представляют две литейные формочки из белого камня, найденные в женском погребении № 6. Первая формочка имеет в верхней части глубокий воронкообразный вырез, от которого вниз идут два параллельных выреза — канальцы (рис. 8, *1*). Канальцы завершаются четырьмя вырезами в виде связанных друг с другом точек. На другой стороне такой же глубокий полуворонкообразный вырез. От него идут пять

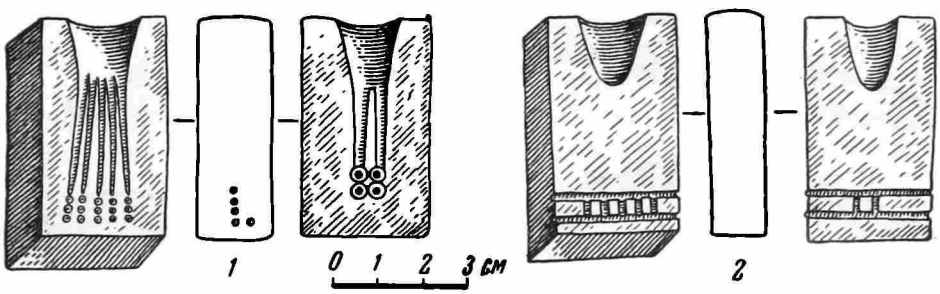


Рис. 8. Каменные литейные формы

канальцев, каждый из которых завершается вырезными тремя точками, расположенными по линии продолжения канальцев. Эта формочка во многих деталях совпадает с формочками, обнаруженными в Сарском городище, в слое VII—VIII вв. [29], и Сарском могильнике, датированном тем же временем [30]. По мнению П. Н. Третьякова, такие формочки служили для изготовления мелких частей бронзовых ажурных украшений [31].

Другая формочка, найденная в погребении № 6 Старшего Кужендеевского могильника, по-видимому, является полуфабрикатом (рис. 8, *2*). Возможно, что в то время существовал обычай класть в могилу подобные незавершенные предметы. Совершенно аналогичные заготовки для формочек найдены в Сарском могильнике [32]. Подобная же заготовка имеется среди материалов Кармалейского городища Пензенской области (конец I тысячелетия н. э.) [33].

Следует отметить, что в мордовских могильниках обычным является наличие принадлежностей литейного дела в женских погребениях. Так, в Армиевском могильнике принадлежности литейного дела найдены в женском погребении № 56 [34], в Крюковско-Кужновском могильнике — в женских погребениях №№ 7, 58, 68, 73, 82, 187, 193, 241 [35], в Лядинском — в женских погребениях №№ 134, 163, 182, 183 [36] и т. д. Эта традиция соблюдается мордвой и в последующее время. Так, например, в Ефаевском могильнике (XII—XIV вв.) глиняная льячка обнаружена в женском погребении № 13 [37]. Характерно, что такая же картина наблюдается и в памятниках муромы, близкой к мордве. В Подболотьевском могильнике льячки и литейные формы были обнаружены преимущественно в женских погребениях (№№ 69, 95, 143, 149 и др.). То же самое имеется и в му-

[29] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э., МИА, № 5, 1941, стр. 93, рис. 50, *5*.

[30] Там же, стр. 94, рис. 52, *5* и *7*.

[31] Там же, стр. 94.

[32] Там же, стр. 94, рис. 52, *4* и *6*.

[33] М. Р. Полесских. Ук. соч., стр. 68, рис. 29, *5*.

[34] П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 61.

[35] П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 14 и слл.

[36] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, № 10, СПб., 1893.

[37] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник. Археологический сборник, т. I, Саранск, 1948, стр. 117.

ромском Малышевском могильнике VIII—IX вв. (погребения №№ 5, 17, 33, 61) [38].

Все это говорит о том, что женщине сравнительно долго принадлежало ведущее место в литейном производстве, что женщины сами изготавливали металлические украшения, так же как сами вышивали узоры на одежде. Однако все это не значит, что это производство было всегда домашним, свойственным каждой семье. Б. А. Рыбаков, анализируя материалы большого количества памятников I тысячелетия н. э., в том числе и памятников финно-угорских народов, пришел к выводу, что «появление в VIII веке

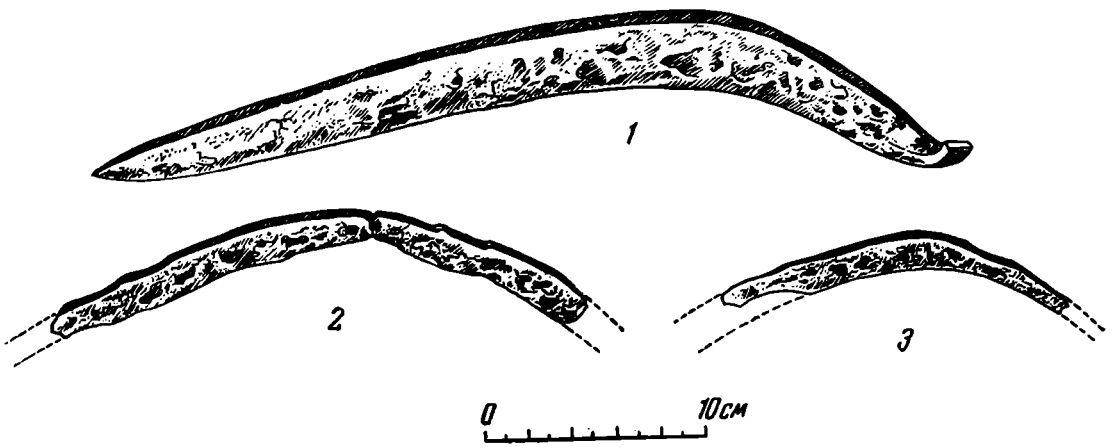


Рис. 9. Железные предметы
1 — коса-горбуша; *2*, *3* — серпы

специальных погребений женщин-литейщиц ставит нас перед началом интереснейшего процесса выделения женского ремесла» [39]. Изготовление очень разнообразных и довольно сложных украшений требовало специального технического оборудования, умения и опыта. Как отмечает П. П. Ефименко, стандартность и устойчивость типов изделий, находимых в могильниках Западного Поволжья, вполне доказывает выделение здесь ремесленников-специалистов уже в I тысячелетии н. э. [40].

Особый интерес представляют найденные в Старшем Кужендеевском могильнике сельскохозяйственные орудия: мотыжка, коса-горбуша и два серпа.

Мотыжка представляет собой небольшое железное орудие (рис. 5, *2*). Такие мотыжки сравнительно широко известны и в других мордовских памятниках I тысячелетия н. э.: в Теньгушевском городище (I в. н. э.) [41], Серповском [42], Лядинском [43], Куликовском [44] и Крюковско-Кужновском [45] могильниках.

Коса-горбуша, найденная в мужском погребении № 2, представляет собой развитый тип этого рода орудий (рис. 9, *1*). Для скрепления с деревянной рукоятью горбуша имеет пятку в виде четырехгранного выступа. Эта горбуша мало чем отличается от горбуш мордовских памятников более позднего периода [46].

[38] А. Ф. Дубынин. Малышевский могильник (к истории Нижней Оки в I тыс. н. э.). Диссертационная работа. Иваново, 1946, стр. 227.

[39] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 92.

[40] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тыс. н. э. по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 45.

[41] Е. И. Горюнова. Теньгушевское городище. Зап. МНИИЯЛИ, вып. 9. 1947, табл. VII, *5*.

[42] Коллекции ГИМ, погребение № 1.

[43] Древности мордовского народа, табл. X, *19*.

[44] А. Е. Алихова. Куликовский могильник. СА, X, 1948, стр. 227, рис. 5, *9*.

[45] П. П. Иванов. Ук. соч., табл. XXIV, *8*; табл. XXXVII, *4*.

[46] Ефаевский могильник. Раскопки В. М. Терехина. Коллекции ГИМ, инв. № 34612, опись № 764.

Железные серпы, обнаруженные в двух женских погребениях могильника (№№ 5 и 6), сохранились не полностью (рис. 9, *2*, *3*). К пяточной части серпы утолщены; признаков черешкового крепления их с рукоятью не имеется. Это дает основание говорить, что серпы прикреплялись к рукояти с помощью пятки. Именно такой способ крепления имели подобные же серпы VI—IX вв. из мордовского городища Ош-Пандо [47].

В литературе высказывалось мнение, что серпы ошпандинского типа не являлись серпами в полном смысле этого слова и в функциональном отношении были близки к косам, являясь «больше ударным, чем режущим орудием» [48]. Между тем данные серпы мало чем напоминают косу-горбушу. Во-первых, лезвия этих орудий имели характерную для серпа насечку, сделанную зубилом с наклоном по направлению к ручке. Серп же с насечкой мог быть только режущим орудием и применялся для уборки хлебов. Во-вторых, серпы имеют по сравнению с известными косами-горбушами того же периода очень незначительные размеры. Что же касается способа скрепления этих серпов с рукоятью, то известно, что древние серпы начиная с эпохи бронзы прикреплялись к рукояти с помощью пятки.

Наличие в погребениях красных пастовых бус типа, распространенного в рязанских могильниках, позволяет наметить дату — конец VI—VII в. н. э. Эта дата подтверждается сюльгамами «с усами», встреченными в Серповском могильнике вместе с монетами VII в., а также многими другими украшениями, найденными в других синхронных памятниках.

Важным является вопрос о племенной принадлежности могильника. Известно, что в мордовских памятниках I тысячелетия пока не удается четко выделить племенные (мокшанские или эрзянские) признаки по украшениям. В этом вопросе важную роль должно играть изучение обряда погребения. Характерной особенностью Кужендеевского могильника (в отличие от могильников «армиевского типа», относимых к мокше) является преобладание в обряде погребения северной ориентировки. По ориентировке покойников головой на север (с незначительными отклонениями на запад или восток) Старший Кужендеевский могильник связывается с эрзянскими могильниками II тысячелетия н. э. Такая ориентировка господствует у эрзи в XII—XIV вв. (Младший Кужендеевский, Гагинский могильники) и в XV—XVII вв. (могильники «Торжок», Коринский, Сарлейский); она бытует параллельно с христианским обрядом даже в XVIII — начале XIX в.

Выше уже отмечалась большая близость инвентаря Старшего Кужендеевского могильника к инвентарю Серповского могильника. Такие украшения не характерны для могильников «армиевского типа». Важно подчеркнуть то, что оба могильника очень близки и по обряду погребения. В Серповском могильнике 34 погребения из 37 имеют характерную эрзянскую, северную (с незначительными отклонениями) ориентировку.

Следовательно, в районе, расположенном сравнительно далеко к востоку от нижнего течения р. Оки, стал известен могильник конца VI—VII вв. н. э. с характерными племенными чертами мордвы-эрзи. Материалы исследованного могильника не подтверждают высказанное недавно П. Д. Степановым мнение о том, что мордва-эрзя вплоть до XI в. не жила в районах восточнее р. Оки [49]. Вместе с тем могильник дал вещевой комплекс, отличающийся от памятников муромы того же времени.

---

[47] П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии у древней мордвы. СЭ, № 3, 1950, рис. 2.

[48] В. И. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тыс. н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР, т. I, М., 1952, стр. 141.

[49] П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи. Уч. зап. Саратовского государственного педагогического ин-та и Государственного университета, вып. XXII, Саратов, 1956, стр. 158—159.

А. А. БОБРИНСКИЙ

ГОНЧАРЫ-ПИДЬБЛЯНЕ

В 1954 г. группой участников Новгородской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 5 *км* северо-восточнее Новгорода, близ устья р. Пидьбы [1], были открыты следы древнерусского поселения (рис. 1). Поселение занимало ровную площадку в юго-восточной части мыса, образованного слиянием рек Пидьбы и Волхова. Площадка возвышается над уровнем Волхова в летнюю межень более чем на 4 *м* (во время паводков уровень воды повышается на 1,5—2 *м*). Западная граница селища находилась примерно в 100—120 *м* от устья. Восточную границу определить не удалось. С юга площадка ограничена руслом Волхова, а на север и северо-восток она постепенно понижается.

В настоящее время местность в устье реки частично занята жилыми и хозяйственными постройками рабочих кирпичного завода № 3. От территории, примыкающей к древнему поселению, заводские постройки отделены широким котлованом старого карьера, по краю которого и вдоль р. Пидьбы расположены огороды.

При обследовании поверхности вспаханных участков [2] близ старого карьера собраны обломки чернолощеной керамики XVI—XVII вв., несколько монет XVII—XVIII вв. и обломки поздних сосудов. Ни одного обломка древнерусской керамики здесь не встречено. Ко времени обследования поверхность памятника была плотно задернована. По краю берега вдоль Волхова (очень крутого на этом участке реки и периодически разрушаемого паводками) водою смыта прибрежная полоса селища шириною около 5—7 *м*. На одном из участков берегового обрыва произведена зачистка и снят профиль, давший следующую картину напластований: сверху — плотный дерновый слой, проросший корнями деревьев, под ним — прослойка плотной глины коричнево-красного цвета. Толщина этой прослойки колеблется от 5 до 25 *см*, под нею культурный слой мощностью 40—45 *см*. Такая же мощность древних напластований отмечена и при раскопках поселения, но дальше от берега они нигде не перекрыты глиняной прослойкой. Происхождение этой прослойки осталось невыясненным.

Во время обследования памятника заложено пять шурфов. Двумя из них (№№ 1 и 2) вскрыты древние напластования. Культурный слой состоит из темно-серой супеси средней плотности; включений угля, глиняной обмазки или следов истлевшего дерева, которые могли бы указывать на близость жилых построек, раскопками не обнаружено. Не оказалось следов жилищ (в виде ям от столбов или остатков дерева) и в материке, который всюду на поселении представлен плотной глиной коричневых тонов.

---

[1] В географические указатели ПСРЛ, т. 25 (М.—Л., 1949, стр. 411) и Иосафовой летописи (М., 1957, стр. 228) вкралась неточность: Пидьба именуется в них ручьем, протекающим в самом Новгороде.

[2] Работами по археологическому обследованию территории в устье Пидьбы, а затем и рекогносцировочными раскопками памятника руководил В. В. Седов, которому приношу глубокую благодарность за помощь, оказанную при подготовке к печати данной статьи.

При раскопках найдены: один обломок слабо обожженного глиняного пряслица [3], глиняный шарик неизвестного назначения и огромное количество обломков круговой керамики. Например, только в шурфе № 1 (1 × 3 *м*) их собрано более 300 штук. Правда, около 90% этих обломков мелкие, каждый из них составляет лишь $^1/_{20}$—$^1/_{30}$ часть сосуда, но выяснено, что в шурфе оказались обломки венчиков от 48 сосудов. Необычайно большое количество керамики найдено и в другом шурфе, удаленном от первого на 10—12 *м* (рис. 2).

Такое скопление разбитых сосудов на небольшой площади — явление чрезвычайное даже для Новгорода, где редко в пласте на площади квадрата (2 × 2 *м*) можно встретить более 50 обломков. Обычно количество их колеблется ниже указанной цифры. Иногда, конечно, и здесь на небольшом участке можно встретить скопление обломков от многих сосудов сразу. Например, в колодце-погребе 60—70-х годов XI в. (раскоп VII, ярус 22), использовавшемся после пожара в качестве выгребной ямы, вместе с выброшенными костями животных, обрезками кожи

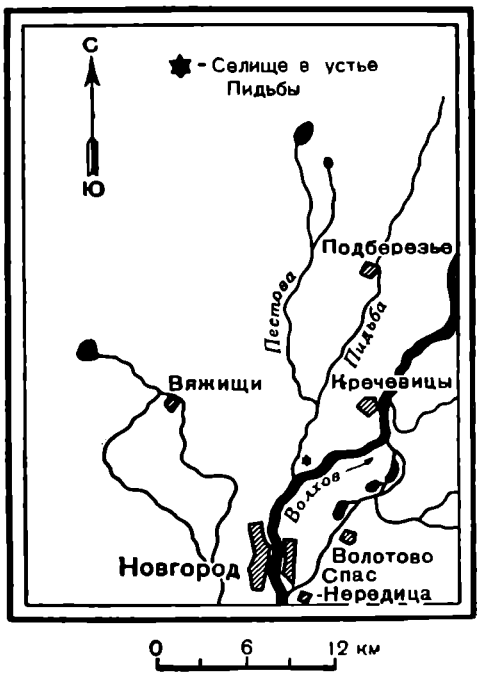


Рис. 1. Карта местонахождения селища в устье Пидьбы (обозначено звездочкой)

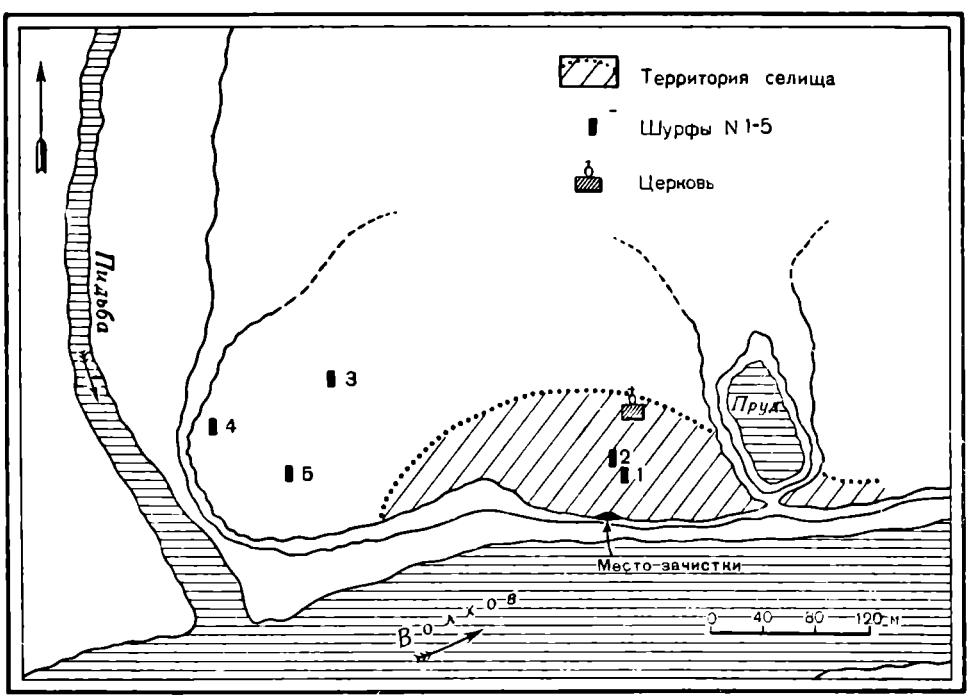


Рис. 2. План селища в устье Пидьбы (глазомерная съемка)

и т. д. оказались обломки более чем от 30 сосудов. Но такие случаи все же редки. При изучении найденных обломков с какой-нибудь небольшой площади раскопа чаще выясняется, что они всего от нескольких сосудов, хотя самих обломков может быть и много. Так, при анализе нескольких

[3] При смачивании водой пластические свойства глины восстанавливаются.

сотен керамических обломков, связанных с жилой постройкой одного из новгородских ремесленников рубежа XIII—XIV вв., установлено, что за все время существования жилища в нем пребывало около 50 сосудов, обломки которых выбрасывались хозяевами дома во двор. К моменту пожара, уничтожившего постройку, в домашнем обиходе семьи ремесленника было 16 глиняных сосудов различных форм и размеров [4].

Разведывательными раскопками на Пидьбе следы жилищ еще не обнаружены. Нет оснований предполагать, что необычайно большое скопление обломков сосудов здесь такого же образования, что и в случае с остатками колодца-погреба. Причины необычайно большого скопления обломков глиняных сосудов на Пидьбе объясняются, по-видимому, не плотностью населения поселка, а характером занятий части его жителей. Такое предположение целиком подтверждается результатами анализа пидебского керамического материала.

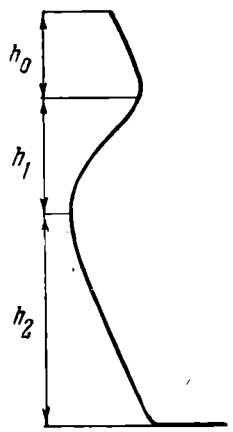


Рис. 3. Чертеж к пояснению о формуле высоты

Добытая раскопками глиняная посуда представлена обломками сосудов горшкообразных форм различных размеров. Самые маленькие из них имеют высоту [5] 6—8 *см* и диаметр горла 5—6 *см*, а самые крупные — высоту до 30 *см* и диаметр горла 24—26 *см*. Однако и тех и других сравнительно немного. Маленькие сосуды составили около 8% определимых обломков [6], а крупные около 12%. Преобладающими оказались сосуды средних размеров — высотой 15—20 *см* и диаметром горла 14—18 *см*. Стенки пидебских сосудов в изломе трехслойные с более светлыми четкими краевыми прослойками (обычно цвет их розоватый или желтый) и серой или пепельно-серой средней частью глиняного черепка. Изготовлены сосуды из жирной глины коричневых тонов, для которой в качестве отощителя использовалась дресва.

По принципу построения венчиков посуда Пидьбы разделена на две группы. Сосуды каждой группы характеризуются следующими признаками: группа I — венчики короткие, высота их наклоненных стеблей обычно равна $^1/_9$—$^1/_{10}$ части общей высоты сосуда, угол отгиба стебля колеблется в пределах 30—50°; группа II — венчики высокие, слабо отогнуты, высота наклоненных стеблей равна $^1/_5$—$^1/_6$ части общей высоты сосуда, угол отгиба стебля колеблется в пределах 70—90°.

---

[4] Здесь имеется в виду сруб № 20, открывшийся в 9-м строительном ярусе на участке «Д» (раскоп XVII). Четкая стратиграфия перекрывающих и подстилающих слоев позволила выявить слой, относящийся именно к этому срубу. Вся керамика подверглась особому изучению в лабораторных условиях.

[5] Определение высоты сосудов производилось по формуле, выведенной опытным путем в 1954 г. во время работы над круговой керамикой древнего Новгорода. Позднее формула была проверена на материалах других памятников — Гнездовского могильника, Смоленска и т. д. Вывод формулы и наблюдения, сделанные при этом над керамикой различных памятников, будут изложены в специальной статье, которая готовится к печати. Здесь же отметим только, что восстановление высоты сосуда по обломку венчика производилось лишь в случае, когда сохранился профиль шейки и плечика и, следовательно, можно было определить диаметр шейки и плечика сосуда. В таком случае нахождение общей высоты сосуда «Н» сводится к решению выражения:

$$\frac{(d_п + d_ш)\cdot(d_п + T_с)}{2h} + (h_0 + h_1) = H,$$

где h_0 — высота наклоненного стебля венчика в *мм* (см. рис. 3); h_1 — высота наклоненного плечика; $d_п$ — внутренний диаметр плечика в *мм*; $d_ш$ — внутренний диаметр шейки в *мм*; $T_с$ — толщина стенки сосуда в *мм*.

[6] Т. е. пригодных по своей сохранности для изучения особенностей формы венчика, орнамента и т. д. Таких обломков оказалось немного — всего 79 штук.

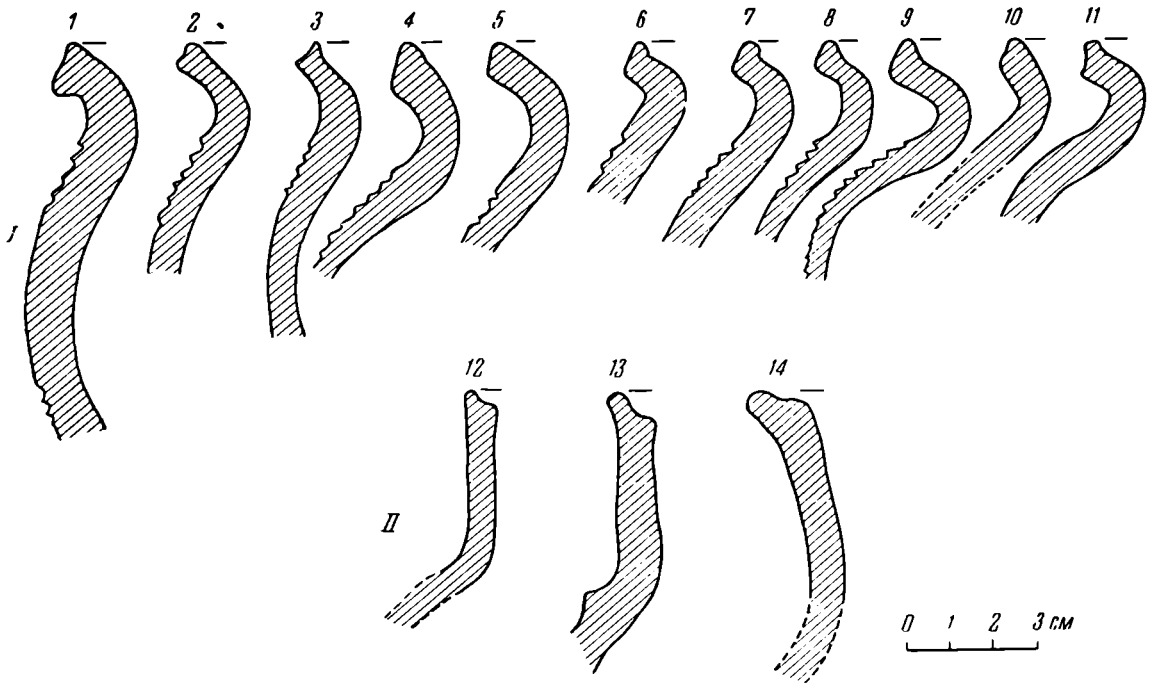


Рис. 4. Формы венчиков пидебской керамики

По особенностям очертаний формы венчика и шейки внутри каждой группы сосуды разделены на виды. В группе I таких видов оказалось 11 , а в группе II—три (рис. 4).

Ниже даны стратиграфическое положение и краткая характеристика каждого вида.

Таблица 1

Стратиграфия видов пидебской керамики

Пласт	Вид														Общ. кол-во	%%
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
I	—	2	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	1	8	15	18,9
II	—	2	3*	6	1	1	—	—	14	—	—	—	—	—	28	35,5
III	3	1	—	—	1	—	12	6	—	2	3	5	3	—	36	45,6

* Еще один (четвертый) найден при зачистке профиля берегового обрыва.

1-й вид. На плечиках обломков толстый (до 1,5 *мм*) слой печной копоти, на внутренней стороне венчиков пористая корка нагара, образовавшаяся из сгоревших частиц пищи. Конечная температура обжига поверхностных слоев около 600—650° [7]. Два сосуда украшены по плечику ямочно-линейно-волнистым орнаментом (рис. 5, *1*), один — линейным (рис. 5, *4*).

2-й вид. Один обломок со следами печной копоти, поверхности пятнистого цвета (розово-серые). Конечная температура обжига этого сосуда 650°; на сохранившейся части плечика орнамента нет. Поверхно-

[7] Определение конечных температур обжига производилось по цветовой шкале температур окислительного пламени, выведенной для пидебской и части новгородской керамики специально поставленными опытами. Пользуясь случаем, выражаю признательность сотрудникам лаборатории Новгородского кирпичного завода № 1 и инженеру-силикатчику Т. В. Веселовой, которые приняли активное участие в проведении этих опытов в своей лаборатории.

сти у двух других обломков бледно-желтого цвета, у одного бледно-розового и у одного розового цвета. Конечная температура обжига 450, 500, 600—700°. Места сколов обломка светло-розовой окраски однотонны с цветом поверхностей, но излом такой же трехслойный, как и у остальных обломков. На сохранившихся частях плечиков двух обломков имеется линейный орнамент. Эти два обломка найдены в верхней части культурного слоя, остальные — в нижней (1 экз.) и в средней части. Обломок со следами печной копоти найден в нижней части вместе с обломком светло-розового цвета.

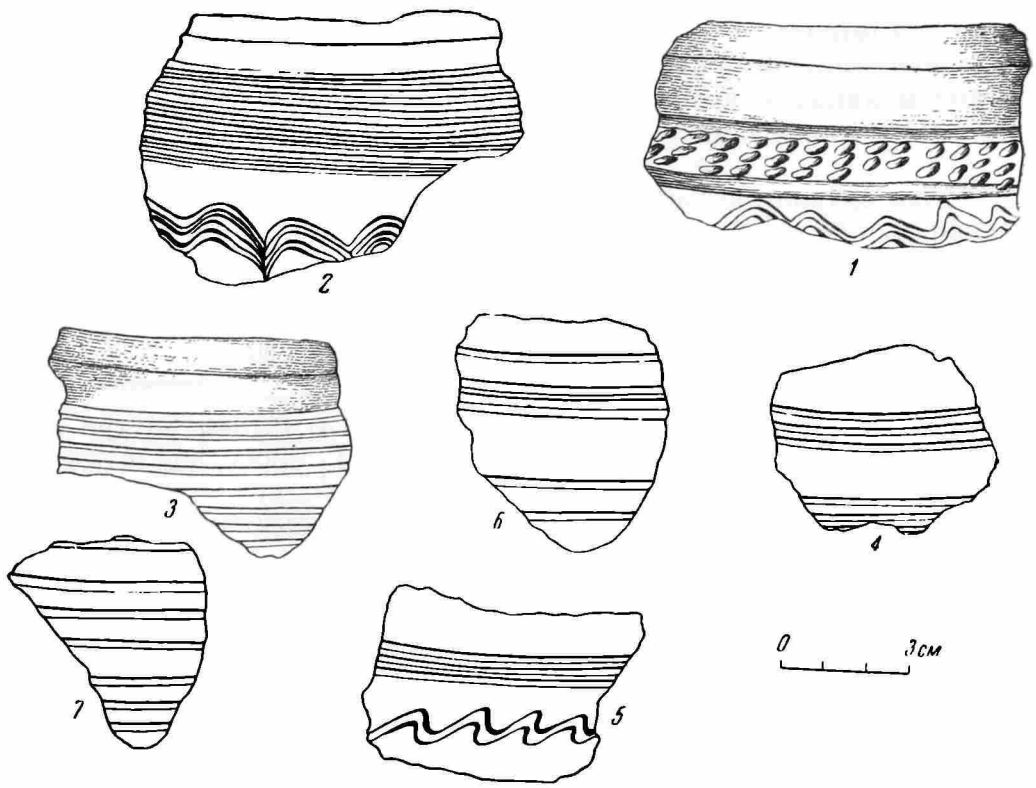


Рис. 5. Орнаментика пидебской керамики

3-й вид. Один из обломков найден при зачистке профиля берегового обрыва. Этот обломок со следами печной копоти на внешних поверхностях и тонкой пленкой нагара от сгоревшей пищи на внутренней стороне венчика. Температура обжига поверхностных слоев около 500° (точно определить не удалось ввиду изменения цвета поверхностей под влиянием восстановительного пламени печи). Цвет поверхностей серый, на сохранившейся части плечика проходит линейно-волнистый орнамент. Все найденные при раскопках венчики без следов печной копоти, окрашены в бледно-желтый (1 экз.), бледно-розовый цвет (2 экз.). Конечная температура обжига 450—600, 700°. Места сколов обломков бледно-розового цвета однотонны с цветом поверхностей, но в изломе все они трехслойные. Сосуды орнаментированы: один линейным (рис. 5, *3*) и два линейно-волнистым орнаментом (рис. 5, *2*).

4-й вид. Все обломки без следов печной копоти. Цвет поверхностей серо-бледно-желтый (1 экз.), бледно-розовый (3 экз.), розовый (1 экз.). Конечная температура обжига 400—450, 600, 700—750°. На плечике обломка бледно-желтого цвета пластинчатый скол овальной формы, окрашенный, как и средняя часть излома стенки, в серый цвет; на срезе венчика розового цвета также пластинчатый скол, но место скола такого же цвета, как и поверхности.

5-й вид. Без следов печной копоти, цвет одного черепка розовый, другого красно-розовый (т. е. более густой). Конечная температура обжига 650—750°, орнамент линейный (рис. 5, *4*). Обломок, обожженный при 750°, найден в средней части культурного слоя.

6-й вид. Обломок со следами печной копоти на плечиках. Конечная температура обжига 550—600°, орнамент линейно-волнистый (рис. 5, *5*).

7-й вид. Один из обломков со следами печной копоти на поверхности плечиков, цвет его серо-коричневый, конечная температура обжига 600—650°, орнамент линейный (рис. 5, *4*). Остальные обломки окрашены в бледно-желтый (7 экз.), желтый (1 экз.) и бледно-розовый цвет (3 экз.). Обломок желтого цвета и два обломка бледно-розового цвета имеют однотонную окраску поверхностей и мест сколов; один обломок бледно-розового цвета деформирован (искривление венчика). Конечная температура обжига 450—500, 650°. Орнамент линейный (рис. 5, *3*, *4*).

8-й вид. Все обломки без следов печной копоти, окрашены в светло-желтый (4 экз.) и желто-розовый цвет (2 экз.). Конечная температура обжига 450—500, 650°. Обломок желто-розового цвета деформирован. Орнамент линейный (рис. 5, *4*).

9-й вид. Все обломки без следов печной копоти, окрашены в серо-желтый цвет (2 экз.), желтый (9 экз.), желто-розовый (5 экз.) и розовый (2 экз.). Конечная температура обжига 400—450, 500—550, 600—750°. Места сколов нескольких обломков желтого цвета имеют однотонную окраску с поверхностями; эта же особенность у одного обломка желто-розового цвета. Орнамент линейный (рис. 5, *3*) и линейно-волнистый (2 экз.), причем последние встречены только в верхней части культурного слоя (рис. 5, *5*).

10-й вид. Один венчик со следами печной копоти на поверхности; окрашен в серо-красно-коричневый цвет; конечная температура обжига 550—600°; на сохранившейся части плечика орнамента нет. Другой окрашен в желто-розовый цвет, конечная температура 550—600°. Поверхности и места сколов обломка желто-розового цвета имеют однотонную окраску. На сохранившейся части плечика орнамента нет.

11-й вид. Все обломки без следов печной копоти, поверхности окрашены в желто-розовый цвет, конечная температура обжига 500°. Один обломок деформирован (искривление части плечика и венчика). Места сколов этого обломка такого же цвета, как и поверхности. Орнамент линейный (рис. 5, *3*) и линейно-волнистый (рис. 5, *5*).

12-й вид. Все венчики без следов печной копоти. Поверхности окрашены в серо-желтый (2 экз.), желто-розовый (1 экз.) и бледно-розовый цвет (2 экз.). Конечная температура обжига 400—450, 500, 550°. Венчики желто-розового и бледно-розового цвета; на поверхности плечиков имеются пластинчатые сколы овальных очертаний, которые однотонны по окраске с остальной частью поверхностей обломков. Места сколов бледно-розового обломка также имеют однотонную с поверхностями окраску. Все обломки, исключая один, мелкие; на сохранившихся частях плечиков орнамента нет.

13-й вид. Один обломок с сильно закопченными поверхностями с внутренней стороны венчика; на стебле и канавке «среза», обращенной внутрь,— тонкая пористая корка нагара (около 0,5 *мм*). Поверхности его серо-коричневые; конечная температура обжига около 600°. Орнамент в виде валиков (на обломке их два), опоясывающих сосуд сразу под венчиком. Остальные обломки окрашены в серо-желтый (2 экз.) и светло-желтый цвет (1 экз.). Конечная температура обжига 400—450, 500°. Места сколов венчика серо-желтого и светло-желтого цвета, однотонны с окраской поверхностей. На сохранившейся части плечика-обломка светло-желтого цвета орнамент в виде трех валиков. Этот последний найден в самой нижней части культурного слоя, а в верхней части найден только один обломок светло-желтого цвета.

14-й вид. Один из венчиков найден близ места зачистки берегового обрыва, на прибрежном песке; поверхности его серо-коричневые; конечная температура обжига около 600°. Остальные без следов печной копоти; поверхности окрашены в желто-розовый (1 экз.), бледно-розовый (3 экз.) и розовый цвета (2 экз.). Конечная температура обжига 450—600, 750°. Места сколов обломков бледно-розового цвета (2 экз.) имеют окраску однотонную с поверхностями. Найдены только стебли венчиков; орнамент неясен.

Особенности обломков пидебской керамики (однотонность окраски сколов и поверхностей, деформация некоторых венчиков, пластинчатые сколы и некоторые другие) позволили определить, что перед нами остатки производственного брака глиняных сосудов. Большая часть их погибла во время обжига из-за нарушения температурного режима ведения этого процесса. По-видимому, многие из обломков лопнули при температуре 450—600°. Именно при этих температурах внутри обжигаемых изделий начинаются сложные физико-химические превращения [8]. Уже при 400—450° глина окончательно теряет пластические свойства и в ней начинаются (при 400°) химические реакции: глинистое вещество разлагается на $Al_2O_3 \cdot 2SiO_2$ и воду. Это разложение, развиваясь вначале медленно, достигает наибольшей скорости при 450—500°. При этих же температурах начинается выделение влаги из органических включений и минеральных примесей, входящих в состав глины (например, из слюды, соединений железа). Продолжает также выделяться вода затворения и гигроскопическая влага (испарение их началось еще при начальных температурах ведения процесса). Такое бурное выделение влаги в условиях быстро нарастающей температуры обжигательной камеры [9] неизменно приводит к тому, что температура прогрева изделий намного отстает от температуры камеры. Процессы, идущие внутри изделий, «не успевают» закончиться, а быстро нарастающая в камере температура вызывает в глине все новые и новые превращения. Создается положение, когда в поверхностных слоях стенок сосуда начинаются уже структурные и другие изменения в молекуле глинистого вещества, во время которых становится очень низкой механическая прочность изделий [10], а из сердцевины черепка все еще бурно выделяется влага. Она по тысячам тонких капилляров-пор, пронизывающих весь глиняный черепок, устремляется к поверхности изделия. Огибая твердые частицы, такие, как зерна кварцита и др., эти тонкие «струйки» водяных паров наталкиваются на более мягкие стенки капилляров, разрушают их, укорачивая путь к поверхности. Если на пути к ней какая-нибудь струйка паров соединяется с несколькими другими капиллярами, то в результате в условиях незначительной механической прочности глиняного черепка происходит взрыв, водяные пары разрывают стенки сосуда целиком или в виде пластинчатых сколов. Наиболее благоприятные условия для разрыва сосудов складываются в случаях, когда толщина их стенок неодинакова; например, толщина у плечика равна 3 *мм*, у днища 8 *мм*, а сама донная часть 3 *мм* [11].

---

[8] В. И. Привалов. Технология огнеупоров. М., 1944, стр. 377—380.

[9] Это одна из характерных особенностей температурного режима ведения обжига основной части древнерусской керамики и в том числе пидебской и новгородской (определена экспериментально).

[10] В. И. Привалов. Ук. соч., стр. 377—380.

[11] Во время проведения опытов по обжигу изделий с разницей в толщине стенок не более 3 *мм* и сосудов с большей разницей в толщине последние оказались более восприимчивыми к быстрому изменению (повышению) температурного режима и лопались частично или целиком на мелкие осколки. В связи с этим интересно упомянуть, что измерения толщин стенок и днищ керамики Новгорода и Пидьбы дали следующие результаты: в слоях X—XII вв. 87% городской керамики имеет разность толщин стенок и днища, не превышающую 3,5 *мм*, а в слоях XIV—XVI вв. такая разность толщин оказалась у 75% сосудов. Среди пидебской керамики менее 50% сосудов имеют разность толщин, не превышающую 3,5 *мм*. Остальные с разностью 4—6 *мм*.

Разбившиеся сосуды некоторое время оставались в зоне действия пламени (очевидно, до конца обжига), в результате чего места сколов и поверхности их окрасились в один цвет. Примечательно, что подавляющая часть обломков пидебской керамики имеет такой же измельченный характер, как и найденная около остатков поздних горнов, обнаруженных при обследовании окрестностей древнего поселения [12].

Почти вся пидебская керамика орнаментирована. Основной мотив рисунка — параллельные бороздки-линии, опоясывающие сосуд по плечику в виде небольших групп (по три, четыре в каждой) или одной большой группы (из десяти и более бороздок-линий). Линейным орнаментом украшено более 70% керамики группы I. Около 20% украшено линейно-волнистым орнаментом. Совсем мало сосудов с ямочно-линейно-волнистым рисунком, и вовсе нет сосудов, украшенных только ямочным орнаментом, различные виды которого хорошо известны на керамике Новгорода. Широко распространенный в Новгороде, Смоленске и других древнерусских городах ногтевой серповидный орнамент также ни разу не встречен на пидебской керамике. На керамике группы II удалось проследить один элемент орнаментального рисунка — выпуклые валики, опоясывающие сосуд сразу под шейкой (обычно их два или три).

Неорнаментированная керамика Пидьбы представлена очень немногими обломками — всего 3—5% от общего количества. В Новгороде, особенно в ранних слоях, сосуды без орнамента также редки. В целом здесь наблюдается увеличение процента неорнаментированной керамики по мере приближения к слоям XV—XVI вв. Так, если в слоях X в. неорнаментированные сосуды горшкообразной формы составляют всего 0,4—2,1% (раскоп VII), то уже к середине XI в. количество их увеличивается до 16—18% (раскоп VII), а в слоях XVI в. до 40% (раскоп XIII). Процентное соотношение, полученное для пидебской керамики в городских слоях, отмечено только для 26—25 строительных ярусов (раскоп VII), которые датируются последними десятилетиями X — первой четвертью XI в. Ямочный орнамент (указанного здесь типа) на новгородской керамике встречается обычно в слоях 28—27-го строительных ярусов, относящихся к середине X — 70—80-м годам X в. Ногтевой орнамент в виде серповидных вдавлений появляется на городской керамике главным образом XII в. В более ранних слоях хорошо известен лишь орнамент в виде частой насечки, как правило, чуть наклоненной и выполненной ножом или ножевидной пластиной.

Находки многочисленных обломков брака — убедительное свидетельство существования ремесленного гончарного производства на Пидьбе, а особенности распространения отдельных видов орнаментов в городских слоях интересны для хронологии этого производства. Поставляли ли пидебские ремесленники свои изделия в Новгород и возможны ли находки их в городских слоях? Эти вопросы не вызывали особых сомнений.

Но как узнать среди многих тысяч обломков глиняных сосудов, встречающихся в культурном слое Новгорода, те из них, которые сделаны руками пидебских мастеров?

Современные гончары среди многих сосудов, изготовленных разными мастерами, умеют отыскать свои. Например, по словам П. Новицкого (дер. Мшага Новгородского района), «работавшего» горшки более 60 лет, он узнавал свои изделия даже через 10—15 лет. Одни гончары узнают «свою работу» по особенностям формы, другие — по форме и глине, третьи — по каким-то только им понятным признакам (затрудняясь определить их точно), но так или иначе, а всегда узнают. Намного труднее

---

[12] Несколько горнов найдены на территории дер. Кречно (правый берег р. Пидьбы) и близ нее. Около горнов обнаружено аналогичное описанному скопление большого количества сильно измельченных керамических обломков. По особенностям керамических форм горны, найденные близ деревни, датируются XVII—XIX вв., а горны, расположенные в деревне,— современные (действовали до 1941 г.).

Таблица 2

Статистическое распределение сходной керамики по данным раскопа VII (без мостовой) *

Номер строительного яруса	Дата	Вид														Общее колич.	То же %
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
27	70—80-е годы X в.	2**	5	1	1	2	1	1	2	3	2	—	—	—	—	20	44,4
27—26	70—80-е годы X в.— последние десятилетия X в.	—	1	1	—	—	—	2	—	1	—	—	1	—	1	7	15,5
26—25	Последние десятилетия X в.— первая четверть XI в.	—	1	2	—	—	—	1	—	3	—	—	—	—	—	7	15,5
25—24	Первая четверть XI в.— вторая четверть XI в.	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3	6,6
24—23	Вторая четверть XI в.— середина XI в.	—	—	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—	—	—	4	9,0
23—22	Середина — 60 — 70-е годы XI в.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	3	6,6
22—21	60—70-е — 70—80-е годы XI в.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21—20	70—80-е годы XI — конец XI в. — 10-е годы XII в.—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	4,4

* Номера по описи: 1-й вид—№№ 180, 249; 2-й—№№ 208, 48, 97, 599, б/н пл. 28, кв. 471; 123, 596, 913, 1712; 3-й—№№ 265, 234, 510, 408; 4-й—№ 538; 5-й —№№ 294, 568, 1126, 1286, 1104; 6-й — № 607; 7-й — №№ 525, 733, 955, 550, 959; 8-й — № 272, б/н, б/кв, пл. 26; 9-й — №№ 126, 316, 418, 630, 703, 1268, 564, 1423, 1046, 1469, б/н, кв. 503; 10-й — №№ 52, 60; 11-й — встречены сходные только по форме (ярус 26 — 25); 12-й — № 404; 13-й — № 1374; 14-й — №№ 508, 1619.

** Этот и некоторые другие виды, сходные по орнаментике и форме, известны и в 28 строительном ярусе раскопа II.

такая задача для археолога. Сложность ее не только в том, что обычно приходится иметь дело с изделиями не одного или нескольких ремесленников, а десятков и даже сотен, живших в разное время, в разных местностях и т. д., но и в том, что, как правило, эти изделия доходят до нас в виде обломков, зачастую настолько мелких, что бывает трудно установить специфику формы, размера, технических приемов выполнения формы, орнамента и т. п., т. е. всех тех элементов, которые делают возможным выделение каких-то характерных особенностей для той или иной группы керамики.

Дополнительные трудности возникают, когда эту задачу приходится решать на материалах, близких по своей технике выполнения, т. е. в случае сравнительной однородности внешнего вида керамических обломков.

В нашем случае для решения такой задачи надежным оказалось изучение внешних особенностей керамических обломков Пидьбы и Новгорода в сочетании с анализом самих глин, из которых сделаны сосуды. Изучением внешних особенностей керамического материала Пидьбы и Новгорода установлено, что в городских слоях X—начала XII в. содержится определенный процент керамики, сходной с обломками бракованных сосудов, найденных в культурном слое селища. Статистическое распределение этой керамики дано в табл. 2. Заключение о сходстве делалось только в случае, когда обломки, найденные в городских слоях, совпадали с пидебской керамикой по цвету поверхностей, краевых прослоек, особенно-

стям цветового перехода краевых прослоек к среднему слою, их толщине, степени выгорания углерода [13], а также по примесям, орнаментике и форме венчиков. В случае, если какой-нибудь из учитываемых показателей не совпадал с материалами, добытыми на Пидьбе, то обломок не учитывался.

Для изучения особенностей качественного состава глин, из которых изготовлены сходные по своим внешним признакам сосуды, был применен метод спектрального анализа. Использование его основано на хорошо известном в специальной литературе положении о том, что плотность (почернение) спектральных линий прямо пропорциональна концентрации элементов. Изучение этим методом особенностей состава керамических находок в сочетании с анализом местных залежей глин помогает решить вопрос о месте производства найденных в Новгороде сосудов, сходных по своим внешним признакам с керамикой Пидьбы. Такое заключение позволяет сделать следующие наблюдения. Как правило, современные гончары используют залежи сырья, расположенные в непосредственной близости от места производства, скажем, в 1—0,5 *км* или (что гораздо чаще) даже ближе. Об этом же свидетельствуют многочисленные описания гончарного промысла России XIX в. Древнерусские гончары вряд ли отличались в этом отношении от своих коллег XIX в. В этой связи можно вспомнить хотя бы о специальном приказе, запрещавшем копать глину «приказным... и всем черным людем» по обочинам дороги и в городском рву, о котором упоминают Лавочные книги Великого Новгорода 1583 г. в связи с постройкой «проезда» «от Олексеевских ворот возли ров... до Волхова» [14]. Уже из этого приказа ясно, что использование именно местных залежей глин в черте города (особенно в ранний период его истории) или во рву жителями древнего Новгорода — явление самое обычное и широко распространенное. Первые (правда, немногочисленные) данные изучения особенностей спектров новгородских глин, найденных при раскопках, и глин материкового слоя не противоречат такому выводу.

На анализ были взяты следующие образцы глин и керамики.

П и д ь б а. 1. Глина. Из старого карьера (с глубины около 1 *м* от дневной поверхности) — жирная, густо-коричневых тонов; из нового карьера, расположенного в 700—800 *м* от устья (с глубины около 3—4 *м*),— средняя, более светлых коричневых тонов.

2. Керамика. По одному обломку от бракованных сосудов 7-го, 9-го, 13-го видов и один обломок со следами печного нагара 6-го вида.

Н о в г о р о д. 1. Глина. Из развала печи (раскоп XIII, ярус 6) — жирная, серо-пепельного цвета, быстро потемневшая на воздухе до серо-коричневого цвета; из верхней части материкового слоя (с глубины 0,2—0,3 *м*) — жирная, густо-коричневых тонов, по своим пластическим свойствам и окраске аналогичная образцу из старого карьера.

2. Керамика. Обломок сосуда, сходного по своим внешним признакам с пидебской керамикой 7-го вида (раскоп III. пласт 28, б/кв), следы печного нагара отсутствуют. По одному обломку со следами печного нагара от сосудов, сходных с пидебской керамикой 7-го (раскоп II, пл. 27) и 13-го видов (там же, пл. 28). Причем в орнаментике последнего, кроме известных по пидебской керамике выпуклых валиков, опоясывающих сосуд

---

[13] Перечисленные признаки указывают на те или иные особенности ведения обжига: цвет поверхностей и краевых прослоек — на атмосферу камеры, в которой происходил процесс; цветовой переход краевых прослоек к среднему слою и цвет самого среднего слоя — на особенности температурного режима обжига; толщина краевых прослоек — на продолжительность ведения обжига при температурах выгорания углерода (выгорание начинается при 450—500°); степень выгорания углерода — на один из признаков, характеризующих качество обжига. (Эту степень можно учитывать, пользуясь формулой $\frac{m_1 + m_2}{T} = C$, где $m_1 + m_2$ — сумма толщин краевых прослоек, T — общая толщина черепка в *мм*.)

[14] Лавочные книги Новгорода-Великого 1583 г. М., 1930, стр. 181.

сразу под шейкой, этот сосуд украшен ямочным орнаментом такого же типа, что и пидебская керамика 1-го вида. Четвертый обломок, взятый на анализ (раскоп II, пласт 28, б/кв), близок по форме и орнаменту 2-му виду, но не имеет четких признаков сходства по остальным показателям: поверхности очень сильно прокопчены, черепок пористый, тесто с примесью песка, излом серо-бурого цвета.

Дер. Кречно. Образцы глины и керамики из этой деревни, расположенной, как уже отмечалось, на правом берегу р. Пидьбы, близ устья, взяты для сравнения с показаниями спектров глин и керамики Пидьбы и Новгорода. Образцы глины взяты из места современных разработок сырья гончаром дер. Кречно В. И. Стальковым (на краю деревни, ближе к устью реки) с глубины 0,5 и 1 *м*. По своим пластическим свойствам и окраске она близка новгородской материковой глине и пидебской из старого карьера. Образец керамики (брак производства), взятый на анализ, найден среди обломков бракованных сосудов, скопление которых обнаружено за дер. Кречно, близ остатков горнов XVII—XIX вв. Окрестное население называет место, где расположены эти горны, «Черепьей полосой».

Для проведения опыта небольшая часть (не более 1 *г*) от каждого образца глины и керамики была тщательно истолчена в яшмовой ступке фарфоровым пестом до порошкообразного состояния. Особое внимание при этом обращалось на то, чтобы не произошло даже самого незначительного смешения пыльцы разных образцов. Затем порошки высушивались некоторое время при температуре 100—120°.

Сжигание порошков производилось в угольных электродах в обычных лабораторных условиях, измерение почернений — на микрофотометре МФ-2 по следующим линиям спектра:

Железо — 2600 Å (ангстрем)	Титан — 3088 Å
Марганец — 2982 Å	Магний — 3044 Å
Кремний — 2516 Å	Алюминий — 3092 Å

Результаты измерения почернения (табл. 3) выражены в относительных единицах в сравнении с показаниями спектра железа ($\lambda = 2600$ Å). Показания по кальцию определены визуально [15].

Сопоставление показаний почернения линий спектра по каждому образцу позволяет сделать предварительный вывод, что найденные в Новгороде обломки сосудов 7-го вида (со следами печной копоти) и 13-го вида, сходные по своим внешним признакам с обломками брака пидебской керамики, действительно изготовлены пидебскими мастерами, использовавшими для этого глину местных залежей (возможно, добытую на правом берегу Пидьбы; ср. показания глин и сосуда из Кречно и пидебские сосуды 6-го и 9-го видов). Показания спектра другого сосуда 7-го вида (также сходного, но без следов печной копоти) не дают оснований для подобного заключения.

Результаты измерения почернения линий Mn оказались наиболее интересными: во всех образцах глин и керамики Пидьбы и Кречно они меньше показаний эталонного спектра железа ($\lambda = 2600$Å). К числу необъяснимых относился только результат показаний по марганцу, полученный для бракованного сосуда 7-го вида (+0,28). Повторный анализ тех же образцов, но уже в другой спектральной лаборатории, подтвердил особенности показаний по Mn, полученные первыми опытами, для в с е й керамики и глин Пидьбы и Кречно [16]. По-видимому, в измерения плотности спек-

[15] Опыты поставлены в спектральной лаборатории одного из научно-исследовательских институтов под руководством старшего научного сотрудника лаборатории Т. А. Измановой.

[16] Повторные опыты поставлены в спектральной лаборатории Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков под руководством научного сотрудника лаборатории В. М. Бернак. К сожалению, результаты опытов были изложены суммарно по всем образцам из Пидьбы, Кречно и Новгорода.

Таблица 3

Результаты измерения почернения спектральных линий

Образец	Ca	Si	Fe	Al	Mn	Mg	Ti
Пидьба							
Глина старого карьера	1	0,58	0,26	0,45	—0,19	0,75	0,45
Глина нового карьера	1	0,82	0,35	0,43	—0,25	1,02	0,39
Сосуд 7-го вида	4	0,85	0,42	0,52	+0,28	0,68	0,26
Сосуд 9-го вида	2	0,55	0,57	0,55	—0,10	0,75	0,43
Сосуд 13-го вида	3	0,57	0,59	0,42	—0,28	0,55	0,47
Сосуд 6-го вида	5	0,55	0,46	0,64	—0,14	0,99	0,23
Дер. Кречно							
Глина (с глубины 0,5 *м*)	1	0,37	0,14	0,75	—0,10	0,99	0,13
Глина (с глубины 1 *м*)	1,5	0,39	0,05	0,75	—0,03	0,99	0,13
Сосуд с Черепьей Полосы	1,5	0,35	0,15	0,80	—0,03	0,90	0,23
Новгород							
Глина из развала печи	1	0,46	0,59	0,35	+0,03	0,81	0,26
Материковая глина	1	0,54	0,56	0,54	+0,14	0,84	0,22
Сосуд 7-го вида со следами печной копоти	2	0,38	0,22	0,61	—0,06	0,96	0,28
Сосуд 7-го вида без следов копоти	3	0,66	0,48	0,65	+0,13	0,70	0,50
Сосуд 13-го вида	1,5	0,39	0,13	0,71	—0,05	0,94	0,25
Сосуд 2-го вида	2,5	0,69	0,41	0,69	+0,20	0,85	0,45

тральных линий образца глины от сосуда 7-го вида вкралась ошибка или, что более вероятно, произошло случайное смешение пыльцы во время проведения опыта.

В спектральной лаборатории Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков, где были поставлены вторичные опыты, рассмотрены показания по Si, Fe, Mg, Ti еще двух керамических находок, ранее не изучавшихся: обломка днища с клеймом от бракованного сосуда из Новгорода (лопнул во время обжига; раскоп II, пл. 26) и обломка днища бракованного сосуда, найденного в культурном слое селища (пл. 2). Изделие из Новгорода оказалось одного состава с материковой глиной города (раскоп X), а обломок днища из селища — одного состава с глиной старого карьера на Пидьбе.

Применение спектрального анализа при изучении древней керамики, в частности при решении вопроса о месте производства тех или иных керамических находок, как видим, дало обнадеживающие результаты. Однако, располагая небольшим числом образцов, повторяем, что предложенную интерпретацию результатов измерения почернения спектральных линий следует рассматривать только как предварительную, так как методика использования спектрального анализа при изучении керамики разработана еще недостаточно четко. Необходимо провести еще не одну серию опытов, чтобы установить, например, какие колебания в показаниях спектра изделий, изготовленных из одной глины, происходят в случае их обжига в разной среде (окислительной или восстановительной), при разной степени выгорания углерода и т. д. Несомненно, что в результате более широкого использования спектрального анализа при изучении древней керамики возможно будет не только разработать четкую методику определения места производства тех или иных керамических находок, но и вплотную подойти к решению многих вопросов истории, спорных или вовсе недоступных для изучения сегодня. Например, установив особенности спектров для самых ранних глиняных изделий Новгорода и таких памятников, как Старая Руса, Старая Ладога и др., можно будет, наконец, решить давний

спор о том, откуда пришли основатели Новгорода, так как несомненно, что первые поселенцы принесли с собой и глиняные сосуды (в которых первое время приготовляли пищу), сделанные еще где-то ранее.

Результаты археологического изучения древнего селища на Пидьбе дают основание заключить, что поселение в устье Пидьбы возникло, по-видимому, в 50—60-х годах X в. (обломки сосудов 1-го вида).

Было ли оно с самого начала основано как поселок ремесленников-гончаров, или местное производство возникло позже, остается пока загадкой. Добытые материалы позволяют относить первые признаки появления гончарного производства на Пидьбе к 60—70-м годам X в. (обломки сосудов 2-го и 3-го видов).

Пидебские ремесленники поставляли на городской рынок сосуды горшкообразных форм («горънци» — по древнерусской терминологии), обычно украшенные линейным или линейно-волнистым орнаментом. Это были главным образом сосуды средних размеров. Они пользовались наибольшим спросом у жителей Новгорода, как, впрочем, и других древнерусских городов. Например, в новгородских слоях X—XI вв. сосуды горшкообразных форм средних размеров (высотой около 16—20 *см* и диаметром горла 14—18 *см*) преобладают. Здесь их около 80%. Наибольшее употребление таких сосудов сохранилось и позднее. Интересно, что в России XIX в. они даже получили в связи с этим характерное название — «угодники», т. е. наиболее часто употребляющиеся для приготовления пищи [17].

На Пидьбе работали ремесленники-гончары нескольких поколений. Самые поздние находки бракованных сосудов, известные сегодня, относятся к 70—80-м годам XI—10-м годам XII в. (обломки 21—20-го ярусов). Существовало ли здесь поселение после этого в XII, а затем и в XIII—XV веках, раскопками не выяснено. Подъемный материал, собранный при обследовании территории в устье реки, позволяет первые его следы после XII в. относить лишь к XVI—XVII вв. (монеты, обломки чернолощеной керамики).

Сопоставление приведенных выше данных о распространении в слоях X — самого начала XII в. керамики, сходной с обломками бракованных сосудов, найденных на Пидьбе (табл. 2), с общим количеством сосудов, обнаруженных в этих слоях, показывает, что обломки сходной керамики составляют не более 5—6%. Такой небольшой процент изделий пидебских мастеров, по-видимому, следует объяснить тем, что мы рассмотрели данные, характеризующие степень использования продукции пидебских мастеров жителями лишь очень небольшого участка города (раскоп VII). К тому же есть основание предполагать, что главными поставщиками глиняной посуды для жителей этого участка были местные гончары, работавшие тут же по соседству. Признаки их деятельности удалось проследить в нескольких случаях.

Среди находок из дерева (раскопки 1955 г.), например, впервые за всю историю археологической науки в Новгороде удалось обнаружить верхнюю часть гончарного круга легкого типа, который стратиграфически датируется концом XI — самым началом XII в. (раскоп XIV, пл. 26, кв. 1108). Диаметр круга 24 *см*. Обнаружен также и остальной несложный инструментарий древнего гончара: подставки с вырезанными клеймами, ножи и т. д.

При изучении и сопоставлении глиняных «пятен», которые встречаются во всех слоях древнего Новгорода, и сопровождающих их находок в трех случаях установлено, что этим «пятнам» сопутствуют находки бракованной посуды (раскоп II, ярус 27; раскоп XIV, ярусы 25—26; раскоп I, ярус 22), причем с обломками брака в одном случае обнаружен деревянный нож (раскоп II), а в другом случае — нож и гончарный круг (раскоп XIV). Возможно также, что небольшое количество пидебской кера-

[17] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, стр. 237.

мики следует объяснить рыночной формой сбыта продукции этих ремесленников. Не случайно, что среди огромного количества обломков, найденных на Пидьбе, не оказалось ни одного сосуда с клеймом. Древнерусские гончарные клейма, по нашему предположению, можно считать признаком ремесленного гончарного производства в его переходный период от работы на заказ к производству на рынок, когда и та и другая форма производства сосуществовали. Этот процесс на территории древней Руси в основном закончился только в XIV—XV вв. Специфические особенности гончарного производства и условия, в которых оно развивалось, привели к тому, что ко второй половине XIX в. в России основной экономической формой гончарства оставалось ремесленное производство с рыночным сбытом, а в отдельных районах (например, севера России) — ремесленное производство на заказ, дожившее до нашего времени.

В Новгороде, как известно, клейм вообще меньше, чем в других городах [18]; очевидно, здесь работа ремесленников-гончаров на заказ не получила сколько-нибудь широкого распространения даже в период XI—XII вв. (В это время сосуды с клеймами, встречаясь наиболее часто, составляют не более 2—3% от общего числа найденных обломков), а в XIV в. клейменые сосуды почти вовсе исчезают. Пидебские мастера, снабжая своей продукцией многотысячное население древнего Новгорода, уже в конце X в., по-видимому, работали на широкий рынок.

Располагая сравнительно небольшим керамическим материалом, пригодным для изучения историко-технических проблем гончарного производства на Пидьбе, оставляем их рассмотрение до новых, широких и более тщательных археологических изысканий.

Открытое в устье р. Пидьбы поселение представляет особый научный интерес. Его топографическое положение и отсутствие других древних селищ на расстоянии до 1,5 *км* выше устья по обоим берегам реки позволили определить, что именно здесь, в этом поселке, жил ремесленник-гончар, о котором упомянул летописец, сообщая о событиях бурного 989 г.

«В лето 6497,— читаем мы в летописи,—...прииде къ Новуграду архиепископъ Аким Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелъ влещи въ Волохово; и поверзъше ужи, влечаху его по калу, бьюще жезлѣем; и заповѣда никому же нигдѣ же не прияти. И иде пидьблянин рано на рѣку, хотя горѣнци вести в город; сице Перунъ приплы къ берви и отрину и шистомъ: „ты, рече, Перушице, досыти еси пилъ и ялъ, а ныне поплови прочь"; и плы съ свѣта окошьное» [19].

Е. А. Болохвитинов [20] и другие исследователи, обращавшиеся к тексту о пидьблянине-гончаре, считали, что встреча ремесленника с идолом вчерашних язычников-новгородцев произошла близ устья р. Пидьбы. По мнению гидрологов, изучающих особенности русловых процессов, причины, по которым идол Перуна оказался прибитым именно к левому берегу близ устья Пидьбы, следует искать в особенностях течения на этом участке Волхова [21]. В этой связи небезынтересно вспомнить, что летопись дважды упоминает Пидьбу как место, к которому прибивает течением в 989 г.— идола, а в 1288 г.— городни разрушенного в Новгороде «великаго моста» [22]. Долгое время в литературе удерживалось мнение, что запись о гончаре — позднейшая вставка в летописный текст. Такое предположение дало основание, например, Н. Н. Муравьеву поставить под сомнение историчность фигуры летописного ремесленника. Указывая, что жители с

---

[18] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне. МИА, № 11, 1949, стр. 137.

[19] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, стр. 159—160.

[20] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. СПб., 1808, стр. 31.

[21] Пользуясь случаем, выражаю признательность младшему научному сотруднику Лаборатории русловых процессов АН СССР Н. С. Шарашкиной за консультации по вопросам, связанным с особенностями течения Волхова в районе впадения в него р. Пидьбы.

[22] Новгородская летопись..., стр. 67.

устья Пидьбы занимались гончарством до 1815 г., он считал, что существование здесь этого производства уже в X в. вряд ли можно предполагать [23]. В свое время Б. А. Рыбаков также полагал, что отнесение эпизода с ремесленником-гончаром к столь раннему времени едва ли возможно [24].

В свете результатов, полученных при изучении керамики с устья Пидьбы, древность рассказа летописи о гончаре-пидьблянине вряд ли нуждается в дополнительных подтверждениях. В заключение хочется лишь обратить внимание на одну любопытную подробность в эпизоде с гончаром. По словам летописи, идол Перуна оказался прибитым «к берви». В древнерусском языке, а затем и позднее, вплоть до XIX в., словом «бервь» обозначалась деревянная пристань, мостки [25]. Например, в купчей Кириллова монастыря «на торговый анбар» на р. Онеге (документ 1544 г.) упоминается, что вместе со стоящим на речном островке амбаром монастырем были куплены и «две берви у анбара, да от анбара мост плавучей к берегу, да третья бервь с берегу» [26].

Очевидно, на Пидьбе еще в X в. существовала лодочная пристань, с которой отправлялись в город со своим хрупким товаром местные гончары.

Из текста устава Ярослава князя «о мостех» (документ XI в.) можно заключить, что поселок был связан с Новгородом и дорогой [27]. О так называемой Пидебской дороге за Гзенью упоминает и Переписная книга 1686 г. [28], но где проходила эта дорога — еще не установлено.

---

[23] Н. Н. Муравьев. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828, стр. 65.

[24] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 439.

[25] См., например, А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1910—1914, стр. 43; К. П. Берында. Лексикон славенороссий (в кн. И. Сахарова «Сказания русского народа», том второй, книга пятая. СПб., 1849, стр. 18); В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, т. I, СПб., 1903, столб. 199—200.

[26] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838, док. № 81, стр. 123.

[27] «...мостити... нередичяномъ до вережанъ, а вережаномъ до пидьблян, а пидьбляномъ до Чюдинчевѣ улицѣ, а Чюдинчевѣ улицѣ с загородци до городьнихъ воротъ». См. «Новгородская летопись...», приложение второе, стр. 507.

[28] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I, М., 1860, стр. 125.

ЗАМЕТКИ

Ф. ПРОШЕК

НОВЫЙ ТИП ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОЧАГА ИЗ СТОЯНКИ ШАНОВ-КОУТ II у с. ГОСТИМ

Одним из весьма интересных палеолитических объектов, открытых на территории Чехословакии, является очаг с канавками, раскопанный в 1942 г. на стоянке Шанов-Коут II.

Стоянка Шанов-Коут расположена в 1 *км* к юго-востоку от с. Гостим, в 3,5 *км* к востоку от г. Бероуна и приблизительно в 30 *км* от Праги, на известняковой возвышенности, которая с южной стороны спускается в долину р. Бероунки скалистым обрывом высотою 40—50 *м*. Палеолит на этой возвышенности открыт Ф. Прошеком в 1942 г. Здесь известны четыре пункта находок каменных орудий. Три из них можно отнести к палеолиту, а одно — к мезолиту. Из этих четырех местонахождений пока подверглось раскопкам лишь одно — Шанов-Коут II.

Палеолитическое поселение Шанов-Коут II расположено на высоте около 45 *м* над уровнем р. Бероунки, на небольшой площадке размером 7×4 *м*. Площадка образовалась в результате разрушения передней части узкой коридорообразной пещеры. Древние следы этой пещеры хорошо заметны на дне площадки в виде заполненных суглинком борозд глубиной 0,20—0,60 *м* и шириной 1,00—1,20 *м*.

С северной и с восточной сторон площадка ограничена крутыми каменными стенами, поднимающимися на 2,20—3,00 *м* над уровнем палеолитического культурного слоя (западная половина северной стены является относительно менее крутой). В северо-восточном углу площадки сохранился пещерный коридор шириной 1,50 *м* и высотой 0,60—1,50 *м*. В тот период, когда расположенная здесь пещера была заселена палеолитическими людьми, этот коридор был почти совершенно засорен, так что в него можно было проникнуть лишь на расстояние не больше 3—4 *м*. Следующая часть коридора, ведущая дальше в пещеру, была пробита в XVI—XVII вв. При этом был поврежден палеолитический культурный слой, лежащий в передней части коридора.

С западной и южной сторон площадка также ограничена отвесными каменными стенами высотой 3—5 *м*. По дну площадки проходят две древние борозды, пересекающиеся в виде буквы X (рис. 1); как мы уже указали, они являются остатками древнего обвалившегося пещерного коридора. Первая борозда проходит вдоль северной стены площадки по направлению к пещере. Вторая же борозда, идущая в направлении с юго-востока на северо-запад, разделяет площадку на две части и соединяется с небольшим (0,46 *м* высоты и до 0,40 *м* ширины) пещерным коридорчиком в северной стене, идущим в глубь скалы. Обе эти древние борозды заполнены буро-серым суглинком, в нижней части которого залегает палеолитический культурной слой.

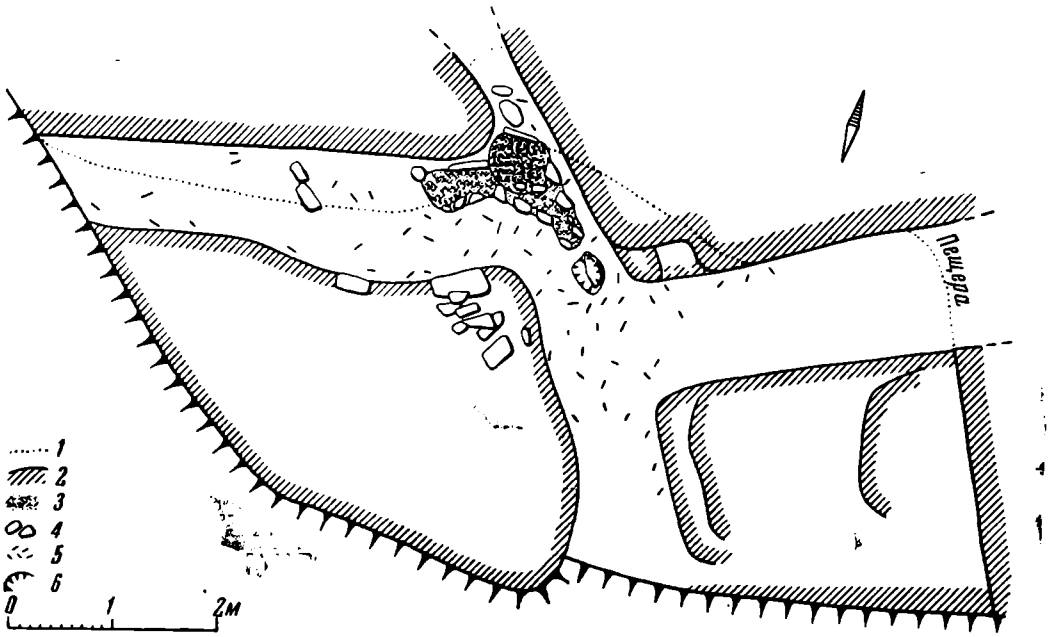


Рис. 1. План палеолитической стоянки Шанов-Коут II

1 — навес; *2* — скала; *3* — очаг с примыкающими к нему двумя канавками; *4* — камни; *5* — кремни; *6* — ямка

В южной части площадки, между бороздами, выходит на поверхность глыба известняка, возвышающаяся на 0,20—0,60 *м* над уровнем палеолитического культурного слоя. На этой известняковой скале, на юго-западной стороне площадки, разделяющей борозды, открыты остатки стенки, сооруженной из плит известняка. В своей сохранившейся части стенка имела 1 *м* в длину и 0,40 *м* в высоту. Первоначально она, очевидно, была длиннее; об этом свидетельствуют плиты известняка, сползшие со стороны стенки на поверхность культурного слоя.

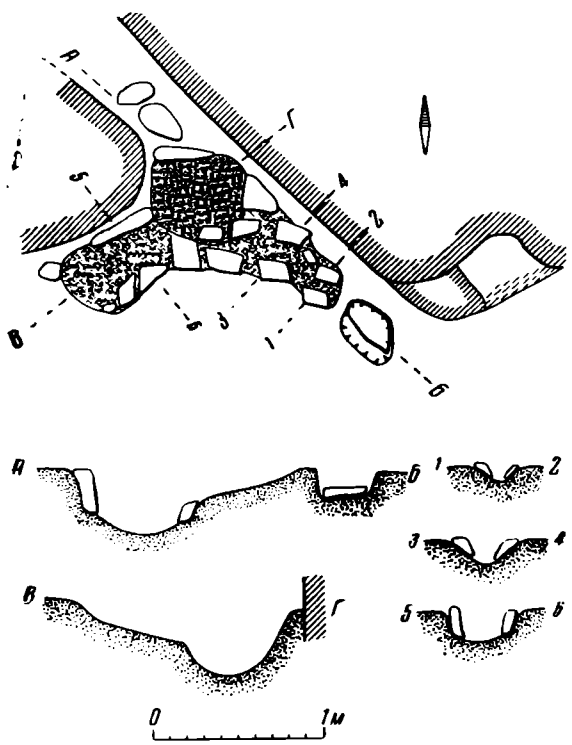


Рис. 2. План и профили очага и примыкающих к нему двух канавок (условные знаки те же, что и на рис. 1)

Вся площадка, на которой располагалось палеолитическое поселение, была, очевидно, очищена и выровнена палеолитическим человеком. Нигде не найдены обломки обвалившегося потолка пещеры или камни, упавшие с отвесных стен, окружающих площадку.

На центральной части площадки, близ ее северной стены, в суглинке, заполнявшем борозды, обнаружен весьма интересный палеолитический очаг. Он представлял собой яму, в которую входили две канавки, вымощенные плитками известняка (рис. 2). Яма была почти круглой в плане, с котлообразным дном. Диаметр ямы — 0,60 *м*; глубина ее, по сравнению с полом окружающих участков палеолитического культурного слоя,— 0,40 м. С юго-востока и северо-запада яму ограждали плиты известняка. Одна канавка входила в очажную яму с северо-востока. Она имела 0,65 *м* в длину, 0,40 *м* в ширину, 0,10—0,25 *м* в глубину и с обеих сторон

была выложена плитками известняка. Вследствие облицовки ширина ее уменьшилась до 0,20 *м*. Вторая подобная канавка входила в очажную яму с юго-запада. Она также имела 0,65 *м* в длину. В части, примыкающей к очажной яме, она достигла 0,50 *м* ширины и 0,20 *м* глубины; на противоположном конце ширина канавки была 0,20 *м*. Вторая канавка с обеих сторон также была облицована плитками известняка, в результате чего ее ширина уменьшилась до 0,15—0,25 *м*. Обе эти канавки, вероятно, служили для притока воздуха в сравнительно глубокую очажную яму.

Заполнение очажной ямы и обеих канавок было в общем одинаковым: серый суглинок, в изобилии смешанный с древесными угольками. Но заполнение очажной ямы было более темного цвета, в нем встречены обломки докрасна обожженных и потрескавшихся в результате сильного жара кварцевых и кварцитовых булыжников, а также сильно пережженный отщеп кремня.

К юго-востоку от очага, на расстоянии лишь 0,10 *м* от конца второй канавки, обнаружена ямка, в плане примерно овальных очертаний (диаметр — 0,25—0,30 *м*, глубина — 0,15 *м*). На дне ее лежала большая плита известняка. В материале, заполнявшем эту яму, найдено несколько кремневых отщепов и мелких обломков костей.

На стоянке Шанов-Коут II найдено очень мало остатков фауны; большей частью это мелкие обломки. Те из них, которые поддаются определению, принадлежат лошади.

Кремневый инвентарь стоянки Шанов-Коут II немногочислен. Здесь найдено около 80 кремней; главным образом это отщепы и осколки.

Большая часть орудий располагалась около очага, в сравнительно тонком (5—7 *см* толщины) палеолитическом культурном слое. Но некоторые кремни залегали в трещинах скалы в северной стене, на высоте 1,20 *м* над культурным слоем. Вероятно, палеолитический человек спрятал здесь в трещинах эти кремни.

Из кремневых орудий найдено четыре скребка на концах удлиненных пластинок, один нуклевидный скребок, два боковых резца, три пластинки с затупленным краем, три пластинки с ретушью по краям, одна трапециевидная пластинка с наискось отретушированными концами, одна пластинка с выемкой на конце, один отщеп с пологой ретушью по краям и одна большая пластина с пологой ретушью на конце и с жальцем боковой проколки.

По археологической классификации, принятой в странах Центральной Европы, этот кремневый инвентарь можно отнести к граветтиену, что соответствует мадлену по классификации советских исследователей.

Общий характер стоянки Шанов-Коут II и открытые в ней следы деятельности палеолитического человека в виде очажной ямы, каменной стенки, следов выравнивания площадки позволяют говорить о наличии здесь палеолитического жилого комплекса с одним очагом. При устройстве жилища палеолитический человек использовал природные каменные стены и доступную часть пещерного коридора. Судя по небольшому количеству находок, можно предполагать, что поселение было обитаемо сравнительно недолго.

Особый интерес представляет описанный выше очаг с канавками. Очаги такого типа не были до сих пор известны ни в одной из палеолитических стоянок Чехословакии, да и всей Центральной Европы. Самую близкую аналогию наш очаг имеет пока что в очаге с канавкой, исследованном П. И. Борисковским на стоянке Валукинского (Костенки XIX) в СССР. Обе эти находки представляют собой неизвестный до сих пор тип очагов эпохи позднего палеолита.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ОЧАГ НА СТОЯНКЕ ВАЛУКИНСКОГО (КОСТЕНКИ XIX)

В 1956 г. в отложениях первой надпойменной террасы правого берега Дона нами открыто новое палеолитическое поселение, названное в память выдающегося исследователя археологических памятников Воронежской области Николая Васильевича Валукинского стоянкой Валукинского (Костенки XIX). В результате производившихся Костенковским палеолитическим отрядом ИИМК АН СССР раскопок в 1956 и 1957 гг. здесь вскрыто сплошной площадью 217 $м^2$.

Стоянка Валукинского расположена всего в 200 *м* к северо-северо-западу от стоянки Костенки III, раскапывавшейся в 1923 и 1927 гг. П. П. Ефименко и С. Н. Замятниным, и близко ее напоминает. Фаунистические остатки, происходящие из культурного слоя, принадлежат, по определению Н. К. Верещагина, мамонту, лошади, сайге, волку, песцу, тушканчику, степной пеструшке, полевке экономке, полевке обыкновенной и полевке узкочерепной. Палеолитическими обитателями стоянки обрабатывался главным образом валунный кремень светло-желтого и коричневого цвета. Темного мелового кремня немного. В кремневом инвентаре решительно преобладают массивные, грубые срединные и многофасеточные резцы (боковые резцы отсутствуют), а также массивные нуклевидные орудия, изготовленные из призматических нуклеусов, кусков и плиток валунного кремня. Лишь несколькими экземплярами представлены концевые скребки, пластинки с подтеской с брюшка и пластинки с ретушью по

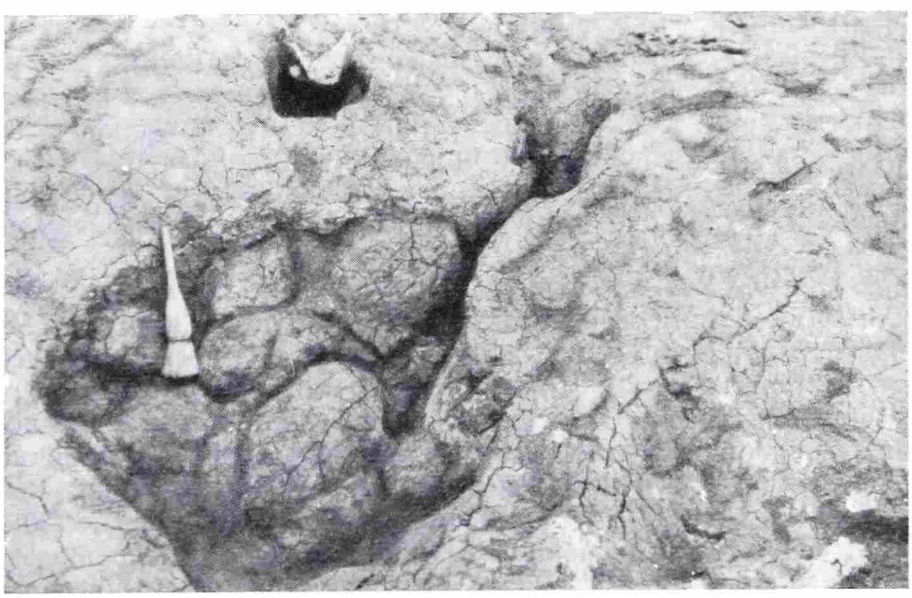


Рис. 1. Стоянка Валукинского. Очаг с выпуклостями и желобками на дне и с канавкой для притока воздуха

краям. Обращает на себя внимание крупное, отесанное с двух сторон рубящее орудие из кварцита, достигающее 21 *см* длины и в точности напоминающее шелльские ручные рубила. Другие типы кремневых орудий отсутствуют.

На вскрытой площади обнаружены четыре скопления палеолитических культурных остатков. Эти скопления довольно сильно различались между собой. Три из них, судя по строгой локализации находок, представляют

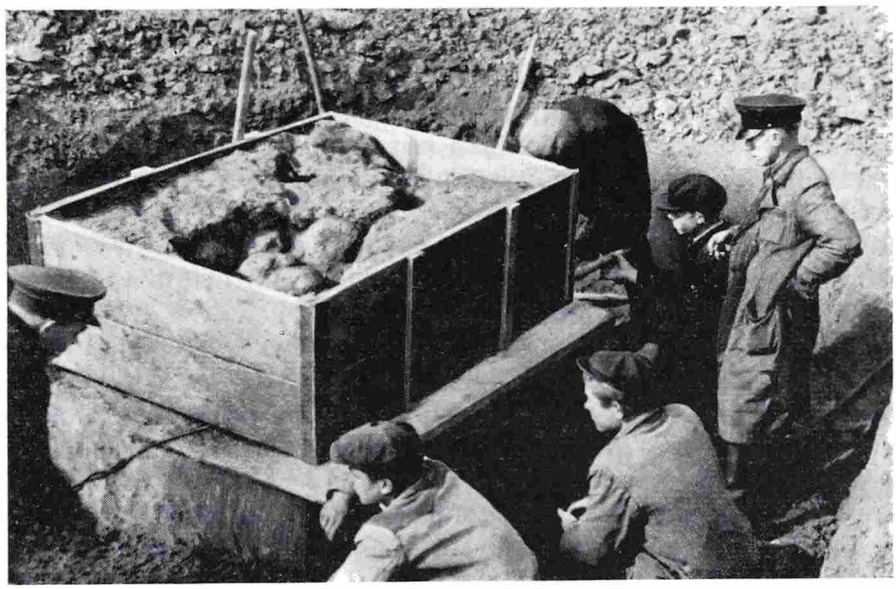


Рис. 2. Стоянка Валукинского. Выемка палеолитического очага в виде монолита

собой остатки каких-то легких наземных жилищ типа шалашей. Значительный интерес представляет четвертое скопление, являющееся остатками кремневой мастерской. Здесь на площади около 16 $м^2$ найдено свыше 17 тысяч кремней. Не менее интересно первое скопление, в котором обнаружена уникальная очажная яма.

Очажная яма, вырытая в суглинке, в котором залегал палеолитический культурный слой стоянки, в плане была неправильных округлых очертаний. Диаметр ее — 0,60—0,70 *м*, глубина — около 0,25 *м* (рис. 1, 2, 3). Стенки ямы были довольно крутыми; ее верхний край в одном месте даже на-

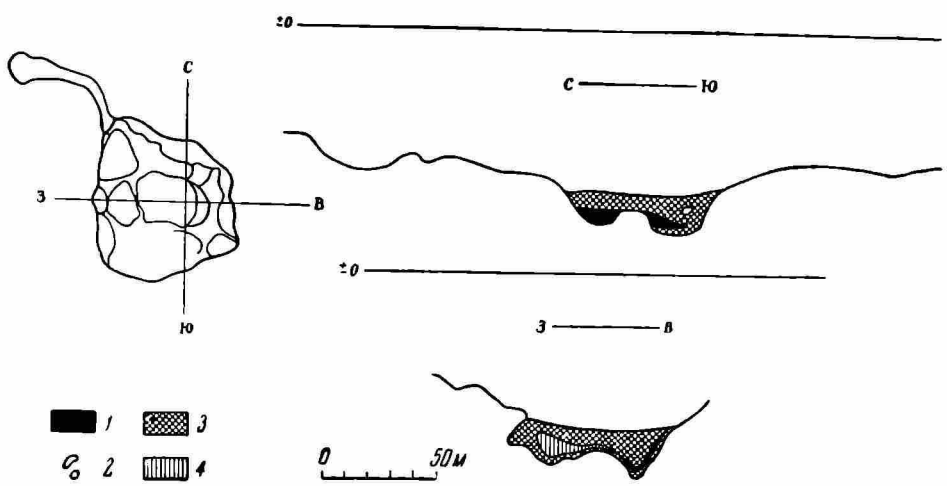


Рис. 3. Стоянка Валукинского. План и разрез палеолитического очага

1 — черная зольная масса; *2* — комочки желтого суглинка; *3* — углистое заполнение очага; *4* — комок обожженного суглинка

висал над дном. На дне ямы располагался ряд выпуклостей, разделенных желобками. Стенки и дно ямы докрасна обожжены, что довольно редко наблюдается в палеолитических очагах. Очажная яма заполнена черным зольным слоем с пережженными костями и угольками. В этом заполнении встречен комок обожженного суглинка, достигающий 0,20 *м* в диаметре и,

возможно, представляющий собой часть обвалившегося перекрытия очага. От очажной ямы в северо-западном направлении отходит узкая глубокая изогнутая канавка, также заполненная обломками пережженных костей, угольками и золой. Стенки канавки вертикальные и, в отличие от стенок очажной ямы, не обожжены. Канавка примыкает не к выпуклости, а к одному из желобков, располагающихся на дне очага. За пределами очага канавка выходит на поверхность полого.

Таким образом, мы имеем здесь дело с настоящей печью довольно сложного устройства, выкопанной, вероятно, не на открытом воздухе, а в каком-то помещении вроде шалаша.

Очаг был обнаружен во время раскопок 1956 г. [1] Первоначально оставалось неясным, служила ли канавка для притока воздуха в очаг или в качестве дымохода. В 1957 г. исследование очага было продолжено [2]. Для того чтобы ответить на вопрос о назначении канавки, был поставлен эксперимент. В таком же суглинке, в нескольких метрах от палеолитического очага, на участке, где палеолитический культурный слой уже был разобран, выкопали две очажные ямы. Обе они представляли собой точную копию палеолитической, с выпуклостями и желобками на дне, но одна имела точно такую же изогнутую канавку, а другая была без канавки. В обеих ямах было разожжено по костру. Оказалось, что костер в очажной яме с канавкой горит значительно лучше, чем в очажной яме без канавки. Выяснилось также, что по канавке в горящий костер поступает воздух. Когда в канавку поместили тлеющую головню, ток воздуха по направлению к очагу был в канавке отчетливо заметен, хотя ветер в это время дул в противоположном направлении. Таким образом, устройство очага было разъяснено. Что же касается желобков на дне, то они, вероятно, облегчали приток воздуха к горевшим в очаге костям. Сходное явление отмечено П. П. Ефименко в некоторых очагах Костенок I. Но, в отличие от очагов, изученных П. П. Ефименко, к одному из желобков на дне нашего очага примыкала канавка.

Стоянку Валукинского предположительно можно датировать средней порой позднего палеолита, тем же временем, что Костенки II и Костенки III. В ее кремневом инвентаре уже отсутствуют элементы солютрейской техники, представленные в таких стоянках, как Костенки I и Тельманская, но еще не появились элементы микролитизации, представленные в Боршево II.

Сложный очаг, открытый на стоянке Валукинского, является уникальным для позднего палеолита. Единственную известную мне аналогию ему представляет очаг из позднепалеолитической стоянки Шанов-Коут II в Чехословакии, раскопанной Ф. Прошеком. Оба эти очага свидетельствуют о том, что позднепалеолитические печи в ряде случаев были достаточно совершенного устройства.

---

[1] В расчистке очага ближайшее участие принимали магистр В. Хмелевский (Лодзь), Н. Д. Праслов и Г. В. Григорьева.

[2] По окончании раскопок 1957 г. очаг был взят в виде монолита (рис. 2) и передан в Воронежский областной краеведческий музей.

Ю. А. КРАСНОВ, Н. А. КРАСНОВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Льяловская культура, изучение которой имеет огромное значение для истории всей средней и северной части Европейской территории СССР, до сих пор значительно менее известна, чем культуры соседних с ней окских неолитических племен. В частности, недостаточно ясны характерные для данной культуры типы орудий, неясен ареал ее распространения, ориентировочно определяемый как верхнее и среднее течение р. Клязьмы.

В 1954—1957 гг. авторами настоящей статьи при археологических разведках в бассейне верхнего течения Москвы-реки и ее притоков были обнаружены относящиеся к льяловской культуре три неолитические стоянки и ряд местонахождений неолитической керамики, иногда сопровождаемой отщепами и отдельными орудиями (рис. 1).

Рис. 1. Карта расположения памятников льяловской культуры в бассейне верхнего течения Москвы-реки

1 — неолитические стоянки; *2* — места находок неолитической керамики

Наиболее интересный материал собран на 1-й Звенигородской стоянке, расположенной на южной окраине г. Звенигорода, на склоне левого берега Москвы-реки. Здесь, на высоте от 1 до 1,5 *м* от уровня реки, обнаружены выходы культурного слоя мощностью 0,10—0,35 *м*. Стоянка сильно разрушается во время дождей и половодий. Культурный слой, состоящий из гумированной глины черного цвета, включал большое количество угля, золы, обожженной скорлупы лесных орехов, костей животных и рыб, раковин моллюсков. Определены кости лося, бобра, кабана, водоплавающей птицы, крупных рыб. Находки на стоянке представлены более чем 300 фрагментами керамики, 200 каменными и 12 костяными орудиями, рядом заготовок и нуклеусов, шлифовальными плитами и большим количеством (свыше 2000) кремневых отщепов.

Керамика 1-й Звенигородской стоянки представлена обломками круглодонных сосудов диаметром от 15 до 40 *см*, с прямыми или слегка отогнутыми венчиками. Характерными элементами орнамента являются глубокие округлые ямки и оттиски гребенчатого штампа. Ямочный орнамент встречен на 46,4% фрагментов керамики, ямочно-гребенчатый — на 46,6%. Из других видов орнамента встречается ямочно-лунчатый (3%), ромбический (2%), из ямок овальной и квадратной формы (2%).

Бóльшая часть сосудов изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью песка или мелкой дресвы. Толщина стенок сосудов 0,3—0,6 *см*. Ямочный орнамент представлен здесь глубокими ямками, расположенными строго в шахматном порядке. Гребенчатый элемент представлен широкими и короткими оттисками гребенчатого штампа, расположенного наклонно (рис. 2, *1, 2*). По технике изготовления к этому типу керамики принадлежат также фрагменты с ромбическим (рис. 2, *4*) и ямочно-лунчатым орнаментом (рис. 2, *3*). Обломки сосудов этой группы, составляющие около 75% всей керамики стоянки, аналогичны керамике Льяловской [1] и Гридинской [2] стоянок.

---

[1] Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда. Тр. Антропологического ин-та МГУ, вып. I, М., 1925, стр. 63 сл.

[2] В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 10.

Остальная керамика отличается более грубой выделкой, несколько хуже обожжена, имеет большое количество примесей в виде дресвы, толщина ее стенок доходит до 1 *см*. В орнаментации этой группы керамики замечается отсутствие четкости нанесения узора, нарушается шахматный порядок расположения ямочного орнамента. Сами ямки теряют правильность очертаний, гребенчатый штамп здесь более узкий и длинный и имеет ряд вариантов (рис. 2, *5—8*). Этот тип керамики встречает аналогии среди материалов более поздних стоянок льяловской культуры (например, Святозерской стоянки) [3].

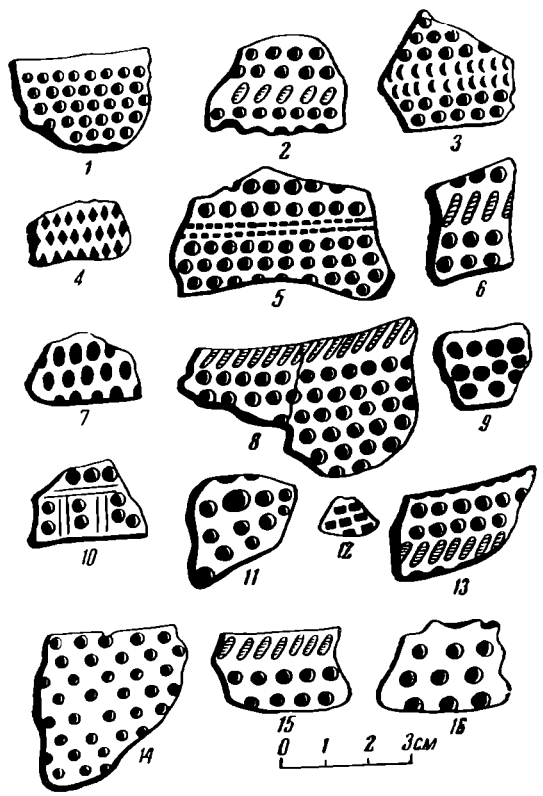


Рис. 2. Керамика неолитических памятников верхнего течения Москвы-реки

1—8, 12 — 1-я Звенигородская стоянка; *9—11, 13* — Бережковская стоянка; *14* — нижнее течение р. Рузы; *15* — оз. Тростенское; *16* — с. Каринское

Среди каменного инвентаря следует отметить прежде всего небольшую по числу группу орудий, грубо обработанных сколами и лишь иногда слегка подправленных ретушью по рабочему краю. Сюда относятся массивные рубящие орудия и массивные скобели овальной формы, рабочим краем которых является длинная боковая сторона, слегка подправленная ретушью. Рубящие орудия 1-й Звенигородской стоянки, среди которых имеются близкие к «пикам», аналогичны подобным орудиям Льяловской стоянки [4] и ряда стоянок белевской культуры, как, например, стоянки Турынинские Дворики [5] (рис. 3).

Гораздо бо́льшую по числу и формам группу составляют орудия, обработанные с помощью отжимной техники. Сюда относятся наконечники копий, дротиков и стрел, обычных для неолита лесной полосы Европейской части СССР форм (рис. 4, *1—4, 7—8, 10—12*).

Среди наконечников стрел следует отметить несколько наконечников из ножевидных пластин с необработанным пером и слегка обработанным ретушью коротким черенком (рис. 4, *5, 6*). Наконечники подобного типа, восходящего к мезолиту, долгое время удерживались на стоянках белевской культуры [6].

Большое разнообразие форм дают скребки, изготовлявшиеся из массивных подтреугольной формы отщепов или пластин (рис. 5, *1—3*). Встречаются концевые, поперечные, двухсторонние и другие скребки. Близки к скребкам миниатюрные скобели, имеющие вогнутый рабочий край (рис. 5, *8*). Резцы 1-й Звенигородской стоянки очень немногочисленны и невелики по размерам (рис. 5, *19, 20*).

Ножи изготовлялись из широких и длинных пластин (рис. 5, *5—7, 9, 10*). Некоторые из них, изготовленные из толстых пластин, имеют одностороннюю ретушь (рис. 5, *5, 6*). Подобные ножи известны из стоянок бе-

---

[3] В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 13, 14.

[4] Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 51 сл.

[5] С. И. Успенский. Верхнеокская неолитическая стоянка Турынинские Дворики. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 131.

[6] А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 16.

левской культуры [7]. Встречены ножи с изогнутым лезвием и прямой спинкой (рис. 5, *9*).

Проколки и сверла 1-й Звенигородской стоянки изготовлялись из камня (рис. 5, *16—18*) и кости (рис. 5, *23—25*). Некоторые из костяных орудий этого типа украшены несложным орнаментом (рис. 5, *23*).

Из шлифованных орудий встречены лишь два миниатюрных тесла (рис. 4, *13*, *14*). Обработка их одинакова: одна сторона зашлифована полностью, у другой — лишь рабочий край.

Примечательной особенностью стоянки является наличие среди кремневого инвентаря большого количества ножевидных пластин (около 30% общего числа кремневых орудий). Большинство из них носит следы работы, некоторые слегка ретушированы. Некоторые пластины могли быть вкладышами (рис. 5, *11—15*).

Из других материалов стоянки следует отметить рыболовный крючок, выточенный из целого куска кости (рис. 5, *22*), и ромбовидный костяной предмет с желобком для привязывания, подобный приспособлениям для наживки, употреблявшимся в эпоху неолита в Италии и свайных поселениях Швейцарии [8].

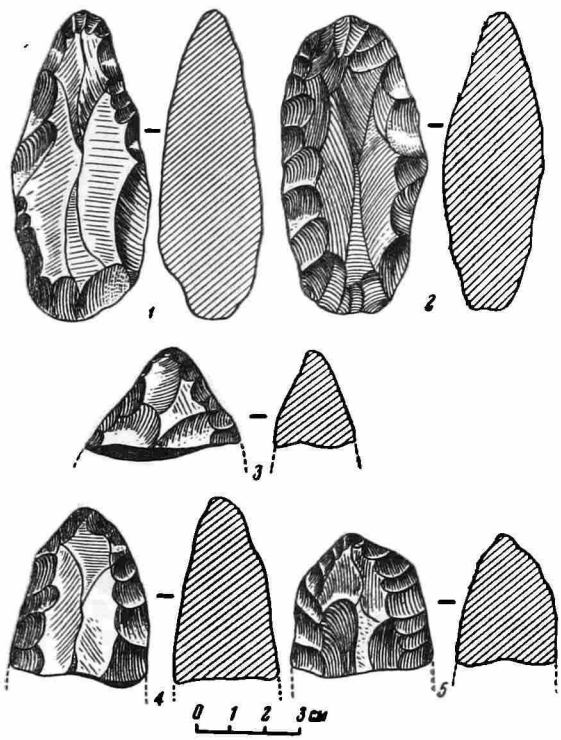


Рис. 3. Рубящие орудия 1-й Звенигородской стоянки

Следы 2-й Звенигородской стоянки обнаружены на огородах по ул. Калинина на Верхнем Посаде г. Звенигорода, на расстоянии около 200 *м* от правого берега современного русла Москвы-реки, на первой надпойменной террасе. Территория стоянки в настоящее время занята огородами и строениями. Находки неолитического времени залегали частично на поверхности, частично в пахотном слое, на глубине до 0,40 *м*, и сопровождались поздней славянской керамикой, что указывает на сильную перемешанность слоя.

На стоянке найдены один наконечник копья удлиненной листовидной формы, ряд скребков, сделанных из массивных отщепов подтреугольной формы или на концах толстых пластин, ножевидные пластины, отщепы и нуклеус. К сожалению, не обнаружено ни одного фрагмента неолитической керамики.

Третья из обследованных нами стоянок расположена в 1 *км* к югу от дер. Бережки Рузского района, на невысоком всхолмлении первой надпойменной террасы левого берега Москвы-реки, на высоте около 8 *м* от уровня реки. Площадь стоянки в настоящее время занята пашней, и культурный слой, залегавший здесь на очень небольшой глубине и имевший, вероятно, незначительную мощность, полностью распахан и смешался с почвенным слоем. Находки концентрировались на небольшой площади, двумя скоплениями овальной в плане формы, размером около 10 × 10 *м*, расположенными на расстоянии около 15 *м* друг от друга. Найденный на стоянке материал очень невелик и исчерпывается несколькими десятками фрагментов керамики, 10 каменными орудиями, костями животных.

---

[7] А. Я. Брюсов. Ук. соч., стр. 15.

[8] Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 42, рис. 10.

Стоянка, вероятно, представляла собой очень небольшое поселение, существовавшее короткое время.

Керамика Бережковской стоянки выглядит несколько грубее керамики 1-й Звенигородской стоянки; она весьма толстостенна, имеет большое количество примесей, в том числе и органических, выгоревших при обжиге и образовавших пустоты в стенках сосудов, благодаря чему они пористы и легки. Внутренняя поверхность сосудов носит следы заглаживания

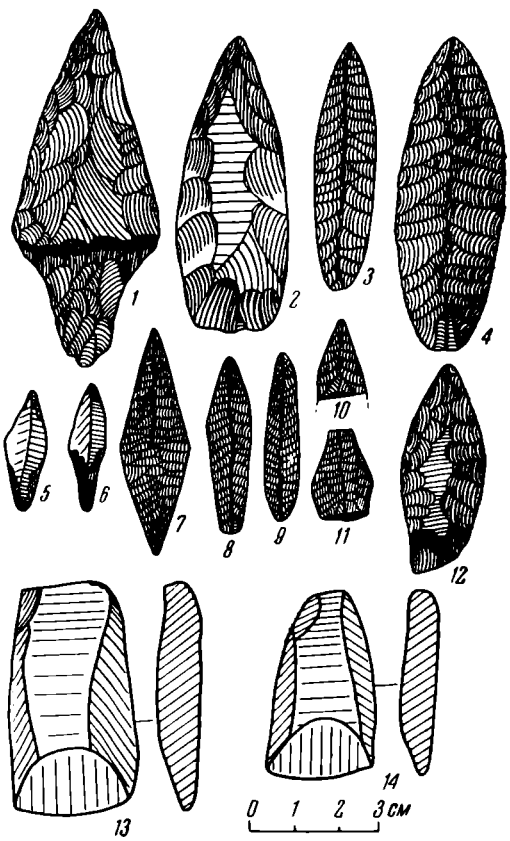


Рис. 4. Каменный инвентарь неолитических памятников верхнего течения Москвы-реки

1—8, 10 — 14 — 1-я Звенигородская стоянка; *9* — Бережковская стоянка

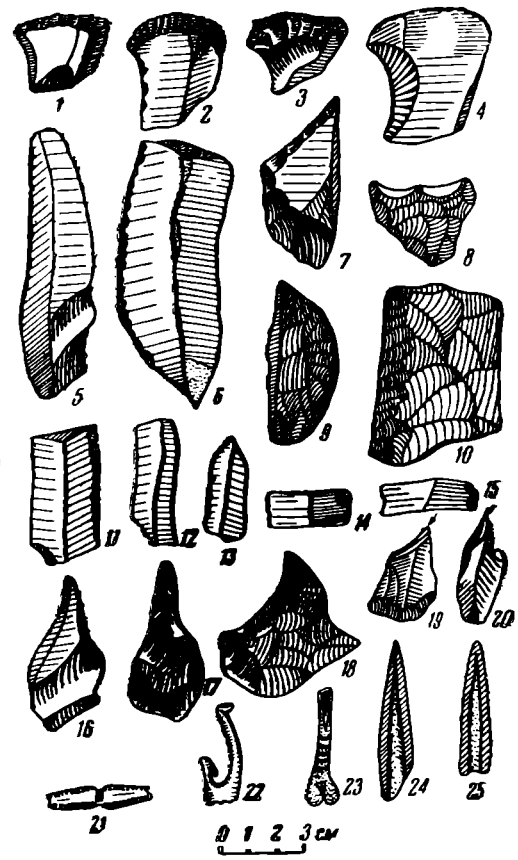


Рис. 5. Каменный и костяной инвентарь неолитических памятников верхнего течения Москвы-реки

1—3, 5 — 25 — 1-я Звенигородская стоянка; *4* — Бережковская стоянка

щепочкой. Орнамент преимущественно ямочный и ямочно-гребенчатый, но он нанесен небрежно, ямки крупные и неглубокие (рис. 2, *9*, *11*, *13*). На одном из фрагментов керамики имеется орнамент из нарезок в сочетании с ямками (рис. 2, *10*).

Кремневые орудия Бережковской стоянки представлены наконечниками стрел (рис. 4, *9*), скребками и ножевидными пластинами. Один из скребков имеет добавочный вогнутый рабочий край, что делает это орудие комбинированным — скребком-скобелем (рис. 5, *4*). Скребки Бережковской стоянки изготовлялись из массивных отщепов и тонких и широких пластин.

Материал других неолитических местонахождений в бассейне верхнего течения Москвы-реки представлен преимущественно отдельными фрагментами керамики, по технике изготовления и орнаментации не отличающейся от керамики 1-й Звенигородской стоянки (рис. 2, *8*, *14—16*). Можно предположить, что в этих пунктах также имелись неолитические стоянки, в настоящее время частично или полностью разрушенные.

Керамический материал 1-й Звенигородской и Бережковской стоянок и из других пунктов обследованного района позволяет отнести указанные памятники к памятникам льяловской культуры. Датировать 1-ю Звенигородскую стоянку следует концом III— началом II тысячелетия до н. э. На сравнительную древность стоянки указывает большой процент классической ямочно-гребенчатой керамики типа Льялова и Гридина, уменьшающийся в поздних стоянках льяловской культуры (например, на Буньковской стоянке такой керамики лишь 25%) [9]. Этому не противоречит и наличие в инвентаре стоянки таких древних типов орудий, как рубящие орудия и скребла макролитического облика, наконечники стрел, близкие к мезолитическим. Однако, наряду с этими древними типами орудий, на 1-й Звенигородской стоянке встречены и другие, бытовавшие в более позднее время, в первой половине II тысячелетия до н. э. 2-ю Звенигородскую и Бережковскую стоянки следует отнести, вероятно, к несколько более позднему времени, чем 1-ю Звенигородскую.

Следует отметить ряд черт, отличающих стоянки верхнего течения Москвы-реки от других стоянок льяловской культуры и выражающихся в широком распространении ножевидных пластин и некоторых типов орудий, близких к орудиям белевской культуры. Небезынтересно отметить и тот факт, что указанные стоянки располагаются в непосредственной близости от фатьяновских могильников и ряда мест находок фатьяновских боевых топоров.

Обследование неолитических памятников верхнего течения Москвы-реки дает возможность значительно расширить на запад территорию распространения льяловской культуры и обогащает наши сведения об инвентаре стоянок этой культуры, вообще весьма бедных находками.

[9] В. М. Раушенбах. Неолитическая стоянка у д. Б. Буньково. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

Э. Р. РЫГДЫЛОН, П. П. ХОРОШИХ

КОЛЛЕКЦИЯ БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ ИРКУТСКОГО МУЗЕЯ

Северо-восточной периферией области распространения так называемых «скифских котлов» является Прибайкалье. В 1924 г. Г. П. Сосновский, описавший один из котлов Иркутского музея, справедливо отметил это обстоятельство [1].

В настоящее время в Иркутском областном музее имеется пять котлов разных размеров и два миниатюрных (вотивных) сосудика. Обломки бронзовых котлов найдены на песках в Тункинской котловине и в г. Иркутске на территории бывш. Глазковского предместья (ныне Свердловский район).

Прежде чем приступить к описанию бронзовых котлов Иркутского музея, необходимо сказать несколько слов о термине «скифские котлы». Мы находим, что широко употребляемое в археологии название «скифские котлы» слишком условно. Пока, до производства качественного анализа бронзы, обещающего много нового в изучении «скифских котлов», по форме и некоторым другим признакам можно наметить четыре области

[1] Г. П. Сосновский. Заметка об одной археологической находке. Этнограф. бюллетень ВСОРГО, № 3, Иркутск, 1923, стр. 18.

Таблица 1

Область распространения	Детали котлов				
	Ручки	Корпус	Поддон	Узор	Литье
Степи Европейской части СССР (собственно скифо-сарматская территория)	В виде вертикальных дужек, с одним или тремя отростками в верхней части; концы дужек слиты с краем сосуда	В плане овальный; бока более раздутые, чем у минусинских котлов	Усеченно-конический, сильно расширяющийся книзу	Рельефные горизонтальные волнистые линии; изредка фигурный орнамент	Хорошее, в один прием
Семиречье (Средняя Азия и Казахстан)	На раздутой части сосуда, по две пары — горизонтальные и вертикальные; есть и обычные вертикальные ручки с выступами, расположенные на крае сосуда	Бока раздуты, край сосуда выделен	Конический, массивный; иногда заменен ножками	Весьма скромный	Хорошее
Сибирь (Минусинская котловина)	В виде почти замкнутого круга, нижняя часть которого слита с краем сосуда. В верхней части — одна или три гвоздевидные шишечки	В плане овальный; край сосуда немного отогнут наружу; стенки тонкие	Высокий, усеченно-конический, массивный	Горизонтальные незамкнутые шнуровидные валики, опоясывающие сосуд два — четыре раза	Хорошее, художественное
Северный Китай (Маньчжурия и Монголия)	Вертикальные дужки, иногда не слитые с краем, а приклепанные	Корпус слегка вытянут, кверху суживается	Относительно высокий, прорезной; иногда приспособлен для подставки	Рельефный, часто в виде зигзагов	Посредственное

распространения бронзовых котлов: 1) степи Европейской части СССР; 2) Семиречье; 3) Сибирь; 4) Северный Китай (менее известный нам по археологическим материалам) [2].

Характерные черты бронзовых котлов для этих областей сводятся к признакам, указанным на табл. 1.

Переходим к описанию семи котлов, хранящихся в Иркутском музее.

1. Большой котел из красной меди (рис. 1, *1*), найденный в 1904 г. на берегу р. Кутуллаки (в бывш. Подкаменской волости Киренского у. Иркутской губ.); доставлен в Иркутский музей В. В. Поповым [3]. Вес котла — 10 *кг*. Котел литой, корпус в плане овальной формы, поддон имеет вид

Рис. 1. Бронзовые котлы минусинского типа (коллекция Иркутского музея)
1 — киренский; *2* — щукинский; *3* — минусинский

полого усеченного конуса. По краям котла симметрично расположены две вертикальные ручки в виде полукруглых дужек с тремя шишечками. На стенках сосуда имеется шнуровой орнамент, состоящий из трех горизонтальных поясков. Внешняя поверхность ручек покрыта линиями по краям и по середине. Три выступа, соединяющие поддон с корпусом, несколько отличают данный котел от типичных минусинских котлов.

2. Бронзовый котел (рис. 1, *2*), найденный на Щукинском острове на р. Ангаре, напротив дер. Щукиной, примерно в 13 *км* выше г. Иркутска. В музей доставлен в 1953 г.[4]

Сосуд несколько отличается от минусинских котлов. Корпус сильно раздут, венчик выражен резче. Ниже раздутой части котел опоясывает валик, дважды поднимающийся вверх между ручками. Техника литья хорошая, поверхность сосуда гладкая, ручки четырехгранные и имеют по три гвоздевидные шишечки. На внутренней стороне довольно массивного поддона имеется выступ, образовавшийся на месте «выхлопного» отверстия для выхода газа при литье. Возможно, что данный сосуд местного производства, но по типу он относится к минусинской группе.

---

[2] В. П. Левашева, Э. Р. Рыгдылон. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 135.

[3] Инв. № 7593—2. Архив ЛОИИМК, фонд 42, № 162, л. 5.

[4] Инв. № 8541.

3. Бронзовый сосуд небольшого размера (рис. 1, *3*), найденный в Минусинском крае. Поступил в Иркутский музей в 1920 г.[5] На стенках сосуда имеются заклепки. Котел украшен тремя симметрично расположенными замкнутыми валиками, опоясывающими его в раздутой части. Особый интерес вызывают литые фигурки горных козлов, заменяющие обычные вертикальные ручки (рис. 2). На дне сосуда сохранились следы нагара. Возможно, что этот котел употреблялся в качестве курильницы. Он находит параллели в семиреченских курильницах с фигурками горных козлов.

Рис. 2. Деталь ручки бронзового котла из Минусинского края

4. Бронзовый сосуд (рис. 3, *1*), доставленный в музей в 1921 г. А. Н. Ивановым из окрестностей Нижнеудинска[6]. Корпус слегка раздут и составлен из двух половин. Ясно видны следы швов (спайки). Край сосуда слегка отогнут. В верхней части котел опоясан двумя валиками. Немного ниже проходят аналогичные валики, которые под ручками опускаются, образуя почти прямые углы. Еще ниже сосуд опоясывает неровная линия в виде следов спайки. На дне котла заметен выступ — следы «выхлопа», или «литника». Необходимо отметить, что поддон и края сосуда оббиты специально. Скобообразные вертикальные ручки не отлиты, как обычно, а приклепаны. Грубая спайка и заклепка котла говорят о низком уровне техники литья по сравнению с превосходно изготовленными минусинскими котлами. По своей форме, типу ручек и орнаменту данной сосуд напоминает бронзовый

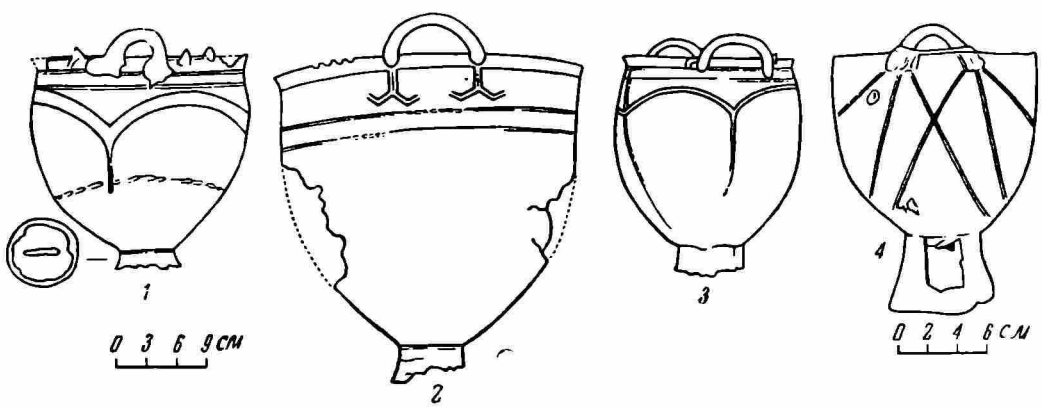


Рис. 3. Бронзовые котлы северокитайского типа

1, *2* — нижнеудинские; *3* — киранский (по Г. П. Сосновскому); *4* — хубиларский (по В. Я. Толмачеву)

котел, найденный в русле р. Киран (Северная Монголия). Г. П. Сосновский отмечает, что у киранского котла подставка сделана из железа и является, по-видимому, более поздним дополнением, заменившим поломанный поддон (рис. 3, *3*) [7].

---

[5] Инв. № 7486—36.

[6] Инв. № 7540—171.

[7] Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье). КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 39, рис. 28.

5. Бронзовый сосуд (рис. 3, *2*), найденный в окрестностях г. Нижнеудинска и доставленный в музей в 1921 г. А. Н. Ивановым [8]. У сосуда специально пробиты бока, отбит поддон и сломана одна ручка. В отличие от предыдущего котла, полукруглые вертикальные ручки этого сосуда слиты с корпусом. Ниже венчика котел украшен двумя параллельными шнуровидными валиками. От места присоединения ручек идут рельефные линии, концы которых раздваиваются и загибаются вверх.

Орнаментальные детали двух бронзовых котлов, доставленных из г. Нижнеудинска, а также котла с р. Кирана (Сев. Монголия) дают нам основание отнести их к четвертой группе котлов, которую мы условно называем северокитайской.

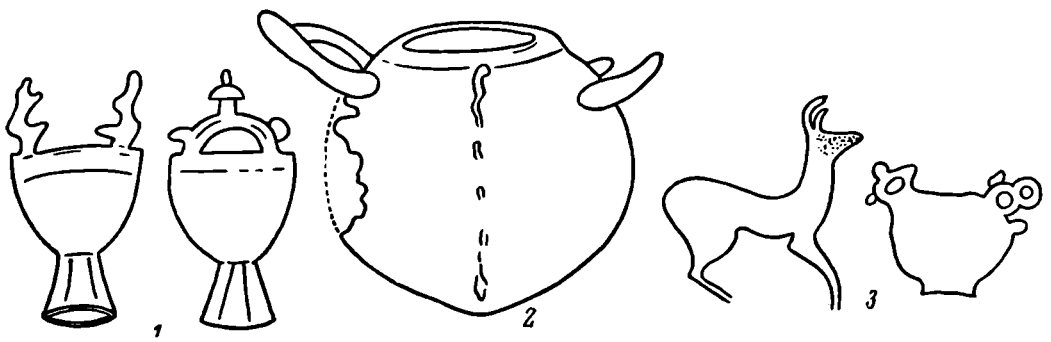


Рис. 4.

1 — миниатюрный бронзовый сосуд из Абаканской степи; *2* — сосуд неизвестного происхождения; *3* — писаница в местности Кизех-Тах (по Г. П. Сосновскому)

К этой же группе, по-видимому, следует отнести «полушаровидной формы сосуд», найденный Н. Н. Агапитовым в 1881 г. около Курмы на территории Ольхонского края. Высота этого сосуда — 20 *см*, диаметр — 23 *см*, поддон отломан. По верхнему краю сосуда, между двумя опоясывающими его параллельными линиями, проходила зигзагообразная линия [9].

Под названием «северокитайские котлы» мы подразумеваем бронзовые котлы, встречающиеся не только в Маньчжурии и Северной Монголии, но и в Восточной Сибири. Котлы, известные нам из этих мест, сходны между собой по форме ручек и по орнаменту. Кроме того, они имеют либо прорезной, либо наставной поддон. Металлический обруч на ножках, устанавливаемый на открытый огонь для варки пищи («таган»), имеет, по-видимому, генетическую связь с прорезным поддоном бронзового котла.

Г. П. Сосновский допускает возможность увязки киранского котла с ноин-улинскими находками. Мы относим киранский и нижнеудинские котлы к более позднему времени.

Аналогичный котел с прорезным поддоном (рис. 3, *4*) найден на городище Хубилар (VIII—XII вв.) в Северной Маньчжурии [10]. Ручки вертикальны и полукруглы. Поддон имеет вид усеченного конуса с четырьмя прорезями на боках (частично отломаны). Сосуд орнаментирован тремя расходящимися от каждого конца ручек рельефными линиями, две из которых перекрещиваются под ручками. На котле имеются следы дефекта литья — небольшие отверстия, заделанные впоследствии; ручки прикреплены. На поддоне сохранились следы заливки (рубцы) и кусок заваренного железа. Таким образом, как по технике литья, так и по форме данный котел является полной аналогией нижнеудинским.

---

[8] Инв. № 7540—170.

[9] Н. Н. Агапитов. Прибайкальские древности. ИВСОРГО, т. XII, № 4—5, 1881, стр. 18.

[10] В. Я. Толмачев. Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии. Вестник Маньчжурии, № 6, Харбин, 1929.

6. Миниатюрный бронзовый сосудик «скифского типа» (рис. 4, *1*), доставленный из Абаканской степи в 1897 г. Ераковым [11]. Он почти ничем не отличается от сосудиков, найденных в Минусинской котловине, которые С. В. Киселев датирует таштыкским временем (II—I вв. до н. э.—I—II вв. н. э.) [12].

7. Миниатюрный бронзовый сосудик шарообразной формы, без поддона; место находки неизвестно (рис. 4, *2*). Одна сторона сосуда отбита. Такие сосуды по литературе нам неизвестны.

Большой интерес представляют изображения бронзовых котлов на скалах Прибайкалья. Некоторые из котлов нарисованы красной краской и на ручках показаны шишечки. Изображение чаши, напоминающей по своей форме скифский котел, известно также на скалах на р. Селенге [13].

Судя по рисункам на скалах, в некоторых случаях бронзовые котлы употреблялись и для ритуальных целей: в них варили жертвенное мясо. Такие грубо высеченные и нарисованные котлы известны в Хакассии на реках Черный Июс, Уйбат (Кизил-Кая), у улуса Сулек и в других местах [14]. Большой интерес для сравнительного изучения представляют изображения котлов с ручками и коническим поддоном, высеченным на горе Кизех-Тах в Хакассии (рис. 4, *3*), где вместе с котлами показаны сцены охоты и различные животные [15].

Бронзовые котлы южного происхождения обнаружены в различных местах Восточной и Западной Сибири (верховья р. Мархи, на р. Вилюе [16], у Красной Горки на р. Чулыме [17], у г. Ачинска и в других местах). Это показывает, что находки таких же котлов в окрестностях Нижнеудинска и Иркутска вполне закономерны. По-видимому, по лесостепной полосе Сибири проходил стык двух культур — степной и таежной. Выявление котлов южного происхождения в наскальных рисунках на р. Ангаре, как и в наскальных рисунках Минусинской котловины (где они имеют максимальное распространение), также свидетельствует о широком бытовании в лесостепной части Восточной Сибири бронзовых котлов и указывает на тесную связь между жителями степи и тайги.

Говоря о степном происхождении бронзовых котлов, нельзя отрицать наличия в Восточной Сибири котлов, отличных от минусинского типа. Нижнеудинские котлы и котлы, описанные Г. П. Сосновским и другими, изготовлялись в Сибири грубо, поспешно, но в них нельзя не видеть традицию, идущую от северокитайских котлов с прорезным поддоном и слегка вытянутым корпусом. Первобытный художник, оставивший рисунки котлов на скалах, безусловно, воспроизводил только то, что он видел неоднократно.

Дать точную датировку описанным нами котлам затруднительно, так как котлы, хранящиеся в Иркутском музее, найдены случайно. Котлы минусинского типа обычно датируются концом тагарской эпохи. Миниатюрные экземпляры котлов минусинского типа бытовали еще в таштыкскую эпоху.

---

[11] Инв. № 733—20.

[12] С. В Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949, стр. 236.

[13] А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. ВДИ, 1948, № 3, стр. 162.

[14] И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на р. Енисее. М., 1910, табл. VIII, рис. X, XVI.

[15] Г. П. Сосновский. Писаница на горе Кизех-Тах. КСИИМК, вып. VI, 1940. стр. 56, 57, рис. 7.

[16] А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 46; его же. История Якутии, т. I, Якутск, 1949, стр. 166, 177.

[17] А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники и проблема происхождения чулымских татар. Уч. зап. Томского пед. ин-та, т. X, 1953, стр. 222.

Б. Н. ГРАКОВ

ГРЕЧЕСКОЕ ГРАФФИТО ИЗ НЕМИРОВСКОГО ГОРОДИЩА

Среди вещей из раскопок А. А. Спицына в 1909 г. на Немировском городище есть один черный лощеный сосуд со светло-коричневыми подпалинами, высотой около 40 *см* (рис. 1). На границе горла и плечиков этого сосуда проходит вертикально поставленный опоясывающий валик. Над этим валиком нацарапана крупно, но небрежно коротенькая надпись на греческом языке (рис. 2 и 3). Она читается легко и не вызывает сомнения в понимании: Λάχε με, т. е. «получи меня по жребию» или, что менее вероятно, просто «получи меня». Глагол λαγχάνω имеет, хотя и не часто, и это последнее значение. Надпись сделана шрифтом малоазиатским. Скорее всего в нем можно видеть милетский или древнейший самосский шрифт, обычный до 56-й олимпиады, т. е. до 556 г. до н. э. Эта дата вполне отвечает тому обстоятельству, что Немировское городище в основном дает материалы, относящиеся ко времени начиная с середины VII в. и, по-видимому, до половины VI в. до н. э. За раннюю дату этой надписи, помимо шрифта, говорит и уверенная манера письма справа налево, свойственная его ранней стадии и относящаяся, скорее всего, к концу VII в. до н. э. Дата самого сосуда приблизительна.

Рис. 1. Местный сосуд с греческим граффито

Таким образом, мы, во-первых, приобретаем еще одно неоспоримое доказательство ранней даты Немировского городища. Во-вторых, это граффито важно тем, что свидетельствует о столь раннем появлении греков в таком глубоком тылу Черноморского побережья (может быть, в землях невров; впрочем, некоторые считают жителей этого города скифами-пахарями).

Хорошо известна дальность проникновения греческих товаров к северу от греческих городов Причерноморья. Это проникновение начинается еще до эпохи колонизации. В VI в. до н. э. оно достигает г. Орска, свидетельством чего служит находка здесь ольвийского бронзового зеркала.

Менее ясным является вопрос о том, куда проникали в эту раннюю пору сами греки. Если не считать полулегендарного Аристея, то, судя по автопсии Геродота, он доходил до Эксампея, где ему самому показывали огромный медный котел (Her., IV, 81). Но уже до порогов греки сами едва ли добирались: дважды упоминаемая Геродотом граница, до которой доходят суда, не описывается как пороги (IV, 53 и 71). Однако проникновение туда греков возможно. В самом деле, описание похорон скифского царя (IV, 71—73), хотя и выдается автором за типическое, но носит вместе с тем много индивидуальных черт.

При чтении торгового скифского итинерария (IV, 16—27) следует помнить, что Геродот, по его собственным словам, не мог достать очевидцев дальних племен. Он пишет по рассказам. Однако из контекста можно заключить, что до Эксампея в земли скифов-пахарей, а также на некоторое пространство вверх по Днепру греческие купцы проникали. Но этого нельзя предположить уже для бассейна Танаиса. В землях савроматов,

Рис. 2. Греческое граффито на сосуде

будинов и т. д. бывали, однако, скифские купцы, доходившие до таинственных аргиппеев, причем этим купцам приходилось пользоваться семью переводчиками. От этих купцов и слышали греки рассказы о затанаисских и еще более далеких странах и племенах.

В конце V в. до н. э. савроматы передвинулись на правый берег Дона. Позднее, как можно судить по археологическим данным, торговый путь от Черного моря заглох, и в эпоху раннесарматской прохоровской культуры, т. е. в III—II вв. до н. э., заволжские сарматы были связаны торговлей со Средней Азией. С тех пор и до возобновления старого торгового пути в II—I вв. до н. э. сарматы владели этими путями. Да и когда товары снова пошли вверх по Танаису, то придонские сарматы предпочитали сами вести торговлю. Страбон (XI, II, 2) прямо говорит об этом.

Рис. 3. Греческое граффито на сосуде (прорись)

Итак, с самого начала греки проникали больше всего в область Днепра и Буга, причем не вполне ясно, до каких пунктов они доходили. В одном из Журовских курганов был найден чернолаковый килик с нацарапанным на нем посвящением Дельфинию и Врачу[1]. Он попал к скифу, вероятно, из рук грека, сделавшего эту надпись. Возможно, что до продажи его ски-

[1] И. Толстой. Врач и Дельфиний. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 44—53.

фу килик находился какое-то время в Ольвии, где и могло быть сделано это граффито.

Граффито же, которому посвящена эта заметка, сделано на местном, достаточно типичном для Немировского городища сосуде. Самая надпись вполне греческая не только по языку, но и по содержанию. Сосуды у греков часто как бы от своего лица обращались к окружающим. Содержание надписи тоже соответствует греческим застольным нравам. Либо это был разыгранный на счастье по жребию сосуд с пиршественным напитком, либо (при втором понимании глагола) приз за победу в каком-то застольном состязании. Надпись сделана перед игрою и носит, следовательно, смысл магического призыва.

Итак, это граффито позволяет установить, что греки проникали от Ольвии или от Березани вверх по Бугу более чем на 300 *км*. Проникновение это было не одиночным, так как сосуд должен был достаться одному из нескольких игравших. Вероятно, это были купцы. Трудно предположить других лиц. Это были милетцы или, может быть, недавние милетские колонисты, т. е. ольвиополиты или березанцы. Пребывание их было довольно длительным, так как они, судя по этой надписи, имели возможность жить, соблюдая свои обычаи и развлечения. Это не могли быть местные варвары. Рассказ о Скиле говорит об усвоении этим последним греческой грамоты от матери как об единичном для его времени, т. е. для середины V в. до н. э., явлении. Между тем Скил был царем и жил в близких к Ольвии степных пространствах.

На Немировском городище нет обломков амфор. Но в это время амфоры не достигали даже и тех мест на Днепре, где они были обычными позднее. Раньше середины VI в. до н. э. они и там не появлялись, так как не было, очевидно, приспособлений для перевозки их на телегах или соответствующих лодок. Однако вино могло уже проникать и на Днепр, судя по тому, что здесь известны родосские энохои, кратер и обломки киликов или канфаров (правда, немногочисленные). Вино могло транспортироваться в бурдюках. Значит, премией мог быть этот сосуд с вином.

Не исключено и пиво. Известны железные инструменты (на городище Кузина Гора и в одном из Мастюгинских курганов), предназначенные, вероятно, для изготовления бочечных клепок. По В. И. Абаеву, основа слова «пиво», свойственная многим индоевропейским языкам, звучит в ольвийском имени Ἀλούθαγος иранского (в лингвистическом смысле) происхождения [2]. Наименее вероятен кумыс, судя по исключительно земледельческому хозяйству городища.

---

[2] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 196.

Е. К. МАКСИМОВ

МЕЧ И КОПЬЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ САРАТОВСКОГО МУЗЕЯ

В Саратовском областном музее краеведения хранится коллекция, состоящая из меча и копья [1]. Оба предмета найдены в 1894 г. в 4 верстах от с. Озерки (бывш. Саратовского уезда), близ г. Аткарска.

Железный меч (рис. 1, *1*) имеет сердцевидное перекрестие и антеннновидное навершие. Длина меча 53,5 *см*. Лезвия почти параллельны, клинок

---

[1] Инв. № 601. Обстоятельства находки неизвестны.

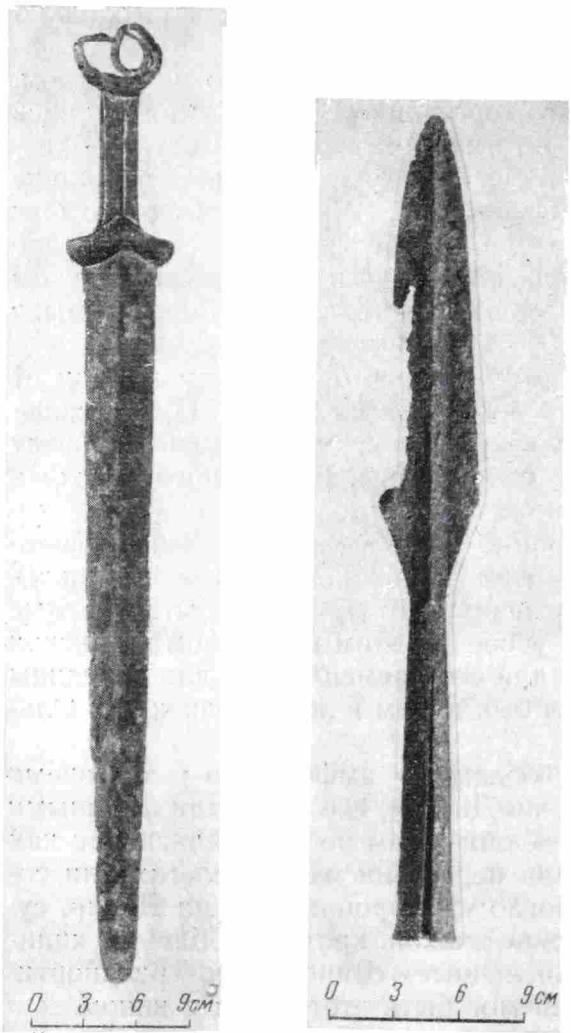


Рис. 1.

1 — железный меч из Озерок близ Аткарска; *2* — железное копье оттуда же

плавно суживается к концу. Посередине клинка с обеих сторон проходят небольшие ребра. Длина клинка — 42 *см*, ширина у перекрестия — 4,5 *см*. Перекрестие меча сердцевидной формы и наварено на полосу клинка [2]. Рукоять плоская, с одной продольной бороздкой на каждой стороне. Навершие рукояти (рис. 2, *1*) типично антенновидное и состоит из двух завитков, направленных внутрь. Один завиток имеет вид когтя, второй завернут в спираль. У основания завитков видно изображение глаз — вписанные одна в другую окружности. Между основаниями завитков — небольшое прямоугольное поле с мелкими косыми насечками.

Подобного типа мечи имеют широкое распространение. На севере они известны в Кировской [3] и Оренбургской [4] областях. Два меча найдены в центральных областях — один у с. Пиликовки, Елецкого района, Орловской области [5], другой — около Татарского моста в г. Пензе (рис. 2, *2*) [6].

Особенно многочисленны находки акинаков с когтевидным навершием на территории Северного Причерноморья в скифское время: в урочище «Стайкин Верх» у с. Аксютинцы [7], у Осняг близ Бельского городища [8], в кургане № 2 у г. Ромен Киевской области [9], в кургане Солоха [10] и т. д. Встречаются такие мечи и на Кубани [11]. Железный акинак подобного типа найден И. В. Сини-

---

[2] Подобная техника изготовления и у меча, найденного в окрестностях г. Вольска. См. Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 123, рис. 39.

[3] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XXI, *21*.

[4] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской губернии. МАР, № 37, 1918, табл. VII, *14, 15*.

[5] Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 77, рис. 22, *2*.

[6] Пензенский музей, № 8397/1. См. М. Р. Полесских. В недрах времен. Пенза, 1956, стр. 43, рис. 16, *3*.

[7] Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, стр. 31, № 1517.

[8] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губ. в 1908 г. Тр. XIV АС, т. III, табл. III, *4*.

[9] А. А. Бобринской. Курганы и отдельные находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1894, стр. 164, табл. VII.

[10] W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, табл. 20, *c*.

[11] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 115, табл. V, *23-б*.

цыным в погребении № 1 кургана № 10 Кара-Обского могильника близ с. Новая Казанка (Западный Казахстан) [12].

Н. Я. Мерперт довольно подробно разбирает схему навершия подобных мечей [13]. Он отмечает, что мы имеем здесь распространенный мотив когтя, который связывается с колюще-режущей функцией меча. С ним связан и мотив глаза, олицетворяющего зоркость и меткость.

Нам кажется, что подобная трактовка вполне согласуется с назначением меча. На навершии рукояти меча из Пензы отчетливо видно изображение когтя, хотя М. И. Ростовцев, А. А. Бобринский, А. А. Миллер [14] пытались объяснить схемы наверший как стилизацию голов грифонов или птиц.

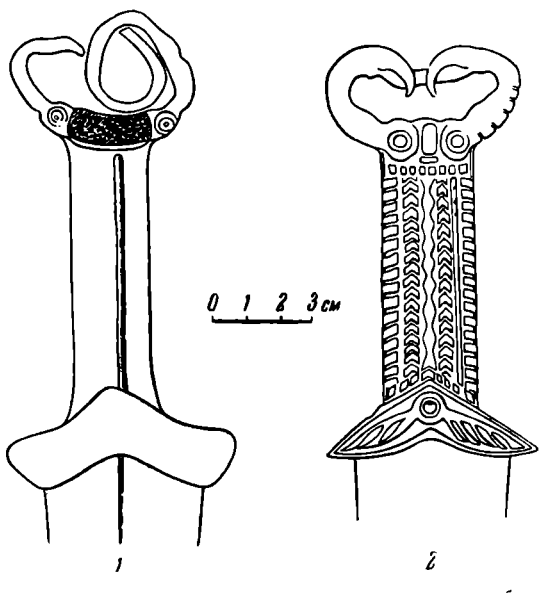


Рис. 2. Рукоятки мечей

1 — рукоятка меча из Озерок; *2* — рукоятка меча из Пензы

Форма мечей с когтевидным навершием и глазом появляется в V в. до н. э. и получает широкое распространение в IV в. до н. э. (мечи из Осняг, Ромен, урочища «Стайкин Верх», ст. Елизаветовской). Этим же временем следует датировать и меч из Озерок, который аналогичен указанным выше мечам, отличаясь от них лишь исполнением деталей навершия.

Такой датировке не противоречит и найденное вместе с мечом железное копье. Наконечник копья (рис. 1, *2*) имеет лавролистную форму. Втулка полая, коническая, с вертикальной щелью, переходящей на пере в продольное ребро. У основания втулки — два диаметрально расположенных отверстия для прикрепления к древку. Длина копья — 38 *см,* длина пера — 23 *см,* диаметр втулки у основания — 2,9 *см.*

На территории Нижнего Поволжья известен еще ряд находок копий, близких к нашему. Три железных наконечника копий, датируемых временем V—IV вв. до н. э., найдены в погребении кургана А 12 у с. Цветочное (бывш. Блюменфельд) Сталинградской области [15]. У с. Бережновки в кургане № 5 (погребение 9) также найдено железное копье лавролистной формы [16]. В нескольких савроматских погребениях Поволжья сохранились полые втулки наконечников копий. Подобные копья широко распространены не только в Поволжье, но и в Северном Причерноморье, в Прикубанье, на Кавказе [17]. Все наконечники копий датируются VI—V вв. до н. э. Копье из Озерок в комплексе с железным мечом следует датировать V—IV вв. до н. э. Находка у с. Озерки дополняет сведения о савроматских памятниках Саратовского Правобережья.

[12] И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. I, Алма-Ата, 1956, стр. 93, рис. 3.

[13] Н. Я. Мерперт. Ук. соч.

[14] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пгр., 1925, стр. 419; А. А. Бобринской. Ук. соч., стр. 164; А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 115.

[15] B Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, т. III, 1928, стр. 29, 31, рис. 16.

[16] Раскопки И. В. Синицына в 1954 г.

[17] См., например, Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 99; В. А. Іллінська. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 199, 204, табл. I, *2, 4, 5;* А. А. Бобринской. Ук. соч., т. II, табл. XXV, *6, 7;* его же. Раскопки в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1903 г. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 29 сл.; О. Н. Мельниковская. Могильник у села Долинское, Черниговской области. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 71, рис. 19, *4.*

Е. В. ПУЗАКОВ

СЕРП ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ СЕРДЮКОВО II В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1956 г. археологическая экспедиция Харьковского государственного исторического музея при активном участии школьников г. Харькова и области производила исследование поселения Сердюково II, находящегося на левом берегу р. Северского Донца, южнее г. Змиева, Змиевского района Харьковской области. При исследовании данного поселения обнаружены четыре культурных горизонта с многочисленными находками керамики, кремня, поделок из кости, погребениями, жилыми комплексами, начиная от позднего неолита и кончая памятниками салтовской культуры.

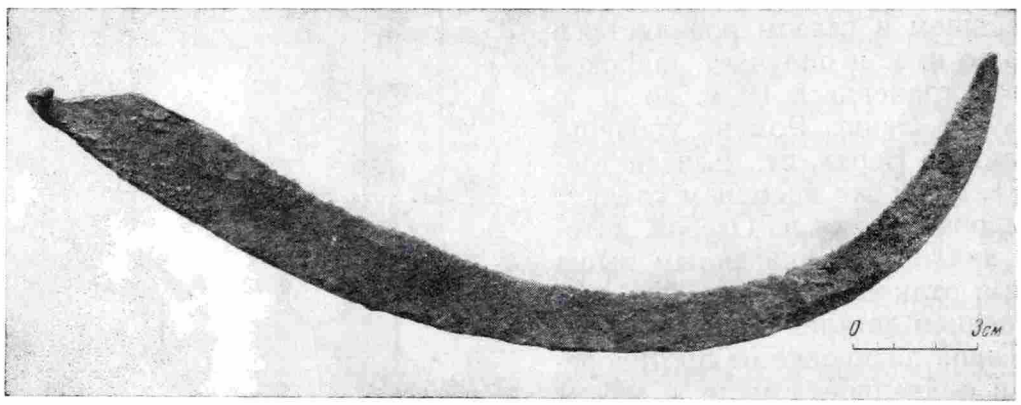


Рис. 1. Серп из поселения Сердюково II

Среди находок особый интерес представляет железный серп (рис. 1) [1]. Он слабо искривлен и имеет длину по хорде в 21,7 *см*. Передний конец его несколько округлен. Максимальная ширина серпа близ черешка — 2,1 *см*, ширина конца — 0,5 *см*. В разрезе лезвие серпа представляет собой клин. Рабочий край лезвия покрыт множеством обращенных назад зазубрин, которые создают ряд довольно острых режущих углов — своеобразных зубьев. Черешок серпа близок к прямоугольной форме и загнут кверху почти перпендикулярно лезвию серпа. Толщина его — 0,6 *см*.

Серп обнаружен на глубине 1 *м* от поверхности, в скифском хозяйственном помещении-полуземлянке. Здесь же встречены многочисленные обломки лепной керамики с защипами по обрезу венчика и сквозными отверстиями [2], а также фрагменты греческих красноглиняных амфор, биконические и конические глиняные пряслица, обломки зернотерок из кварцита, куски глиняной обмазки. Близ полуземлянки найдены остатки глинобитной кричной печи и связанной с ней ямы.

Подобные комплексы хозяйственного назначения вскрыты на Каменском городище [3]. Особенно интересно, что там в 1949—1950 гг. обнаружены шесть железных серпов, из них пять в обломках и один целый [4], представляющий собой близкую аналогию публикуемому серпу. Но серп из Сердюково II имеет более массивную черешковую часть, более длинный

[1] Серп обнаружил ученик 10 класса Чугуевской школы № 5 В. Бормотов.

[2] Ср. В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, рис. 2 и 3; Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца. КСИИМК, вып. 54, 1954, рис. 47.

[3] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 120.

[4] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 140, рис. 14; П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. Материалы по истории земледелия СССР, сб. I, М., 1952, стр. 81—83, рис. I.

перпендикулярно загнутый шпенек и лучшей сохранности зазубрины на рабочем лезвии. Серпы такого типа (с черешком, перпендикулярным к плоскости лезвия) были распространены и на территории лесостепи. В конце прошлого века подобный серп был встречен в городище Галущино б. Чигиринского уезда Киевской губернии [5] и фрагмент серпа — близ с. Лихачевки бывшего Богодуховского уезда Харьковской губернии [6].

Следует отметить, что серпы подобного типа в бассейне р. Северского Донца получили дальнейшее развитие у раннеславянских племен.

---

[5] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. II. Киев, 1899, табл. IV, *84*.

[6] И. А. Зарецкий. Заметка о древностях Харьковской губернии, Богодуховского уезда, слободы Лихачевки. Харьковский сб., вып. 2, Харьков, 1888, стр. 237. Обломок серпа из сборов И. А. Зарецкого в Лихачевке хранится в ГИМ (планшет 71/15 а).

К. В. ГОЛЕНКО

НАХОДКИ РИМСКИХ ДЕНАРИЕВ В КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТЯХ

В нумизматическом собрании ГМИИ хранятся восемь римских денариев, имеющих точное указание на место их находки [1].

Одна из этих монет, чеканенная при Антонине Пии в 140—144 гг., принадлежит типу [2]:

Л. с. [AN]TONINVSAVGPI VST[RPCOS III]. Голова Антонина Пия в лавровом венке вправо.

О. с. [ANNONAAV]G. Модиус с четырьмя колосьями, между которыми головка мака.

Денарий. Серебро. 18 *мм*. 3,14 *г*. Соотношение осей ↑↓. Инв. № 20421/4264 (рис. 1, *8*).

Эта монета была прислана в Музей в 1937 г. из редакции газеты «Колхозные ребята». В письме, куда была вложена монета, сообщалось, что она найдена П. Т. Хлыстовым в дер. Рахманино Воронежской обл. при рытье колодца, на глубине около 1 *м*. В письме сообщалось также, что найдены две разные монеты; однако вторая монета, высланная отдельно, музеем получена не была.

Семь остальных монет, составляющих часть одной находки, чеканены от имени Антонина Пия, Марка Аврелия и Коммода и принадлежат следующим типам:

1. Л. с. ANTONINVSAVGPI VSPPTRP [COS III]. Голова Антонина Пия в лавровом венке вправо.

О. с. C[LEMEN T]IAAVG. Символическое изображение Clementia (Скромности) в виде стоящей влево задрапированной женской фигуры, в правой руке которой патера, в левой — длинный жезл.

Чеканена при Антонине Пии в 140—144 гг. Денарий. Серебро. 18 *мм*. 2,91 *г*. Соотношение осей ↑↓ Инв. № 14 864 (рис. 1, *1*) [3].

2. Л. с. ANTONINVSAVG [PIVSPPIMPII]. Голова Антонина Пия в лавровом венке вправо.

---

[1] На публикуемые монеты и относящиеся к ним документы обратил наше внимание Л. П. Харко.

[2] H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, т. IV, London, 1940, стр. 29, № 181; H. Mattingly, E. A. Sydenham. The Roman Imperial Coinage, т. III, London, 1930, стр. 33, № 62.

[3] H. Mattingly. Ук. соч., стр. 30, № 194; H. Mattingly, E. A. Sydenham. Ук. соч., стр. 33, № 64.

О. с. TR [POTXIX C]OSIIII или TR[POTXX C]OSIIII. Символическое изображение Salus (Здоровья) в виде сидящей на ложе задрапированной женской фигуры, в правой руке держащей патеру, из которой она кормит выползающую из алтаря змею.

Чеканена при Антонине Пии в 155—156 или 156—157 гг. Денарий, Серебро. 16,5 *мм*. 2,42 *г*. Соотношение осей ↑/. Инв. № 14863 (рис. 1, *2*) [4].

3. Л. с. DIVVS ANTONINVS. Голова Антонина Пия вправо.

О. с. CONSECR [ATIO]. Сидящий в три четверти вправо орел, голова его повернута назад.

Чеканена при Марке Аврелии на смерть Антонина Пия (161 г.) Денарий. Серебро. 18,5 *мм*. 2,91 *г*. Соотношение осей ↑↑. Инв. № 14866 (рис. 1, *3*) [5].

4. Л. с. [IMPCAESL]AVRELCOM MODVSGERM[SARM]. Голова Коммода в лавровом венке вправо.

О. с. TRP[OT] II [COS]. Символическое изображение Salus (Здоровья) в виде стоящей задрапированной женской фигуры влево, в левой руке которой жезл, в правой — патера, из которой она к мит выползающую из алтаря змею.

Чеканена в правление Марка Аврелия в 177 г. Денарий. Серебро. 18,5 *мм*. 2,79 *г*. Соотношение осей ↑↘. Инв. № 14869 (рис. 1, *4*) [6].

5. Л. с. [M]COMMANT PFELAVGBRIT. Голова Коммода в лавровом венке вправо.

О. с. NOBILITAVGPMTRPXIIIPVII'COSVPP. Символическое изображение Nobilitas (Благородства) в виде стоящей влево задрапированной женской фигуры, в правой руке которой жезл, в левой — статуэтка (Минервы?).

Чеканена при Коммоде в 186—187 гг. Денарий. Серебро. 18 *мм*. 2,49 *г*. Соотношение осей ↑↑. Инв. № 14867 (рис. 1, *5*) [7].

6. Л. с. MCOMMANTP FELAVGBRIT. Голова Коммода в лавровом венке вправо.

О. с. VIRTVTAVGPMTRPXIIIMPVIIICOSVPP. Символическое изображение Virtus (Доблести) в виде стоящей влево мужской фигуры в доспехах и в шлеме, в правой руке статуэтка Виктории, левая опирается на щит, к которому прислонено копье.

Чеканена при Коммоде в 186—187 гг. Денарий. Серебро. 17 *мм*. 1,71 *г*. Соотношение осей ↑/. Инв. № 14865 (рис. 1, *6*) [8].

7. Л. с. [MCOMM]ANT PFELAVGBRIT. Голова Коммода в лавровом венке вправо.

О. с. [PMTR]PXIIIIMPVIIICOSVPP. Символическое изображение Libertas (Свободы) в виде стоящей женской задрапированной фигуры влево, в правой руке которой пилос, в левой — жезл.

Чеканена при Коммоде в 187—188 гг. Денарий. Серебро. 17,5 *мм*. 1,96 *г*. Соотношение осей ↑↖. Инв. № 14868 (рис. 1, 7) [9].

Описанные монеты принадлежат к старым музейным поступлениям 1897 г. В архиве ГМИИ имеется заявление студента Н. Б. Домбровского на имя заведующего кабинетом изящных искусств при Московском университете, подробно излагающее обстоятельства находки указанных монет. Мы позволим себе привести его ввиду важности документа.

---

[4] H. Mattingly. Ук. соч., стр. 129, № 882; H. Mattingly, E. A. Sydenham. Ук. соч., стр. 56, № 254, стр. 57, № 264.

[5] H. Mattingly. Ук. соч., стр. 392, № 41; H. Mattingly, E. A. Sydenham. Ук. соч., стр. 247, № 429.

[6] H. Mattingly. Ук. соч., стр. 496, № 478; H. Mattingly, E. A. Sydenham. Ук. соч., стр. 264, № 626.

[7] H. Mattingly. Ук. соч., стр. 728, № 218; H. Mattingly, E. A. Sydenham. Ук. соч., стр. 383, № 155.

[8] H. Mattingly. Ук. соч., стр. 730, № 227; H. Mattingly, E. A. Sydenham. Ук. соч., стр. 383, № 160.

[9] H. Mattingly. Ук. соч., стр. 734, № 249; H. Mattingly, E. A. Sydenham. Ук. соч., стр. 384, № 168.

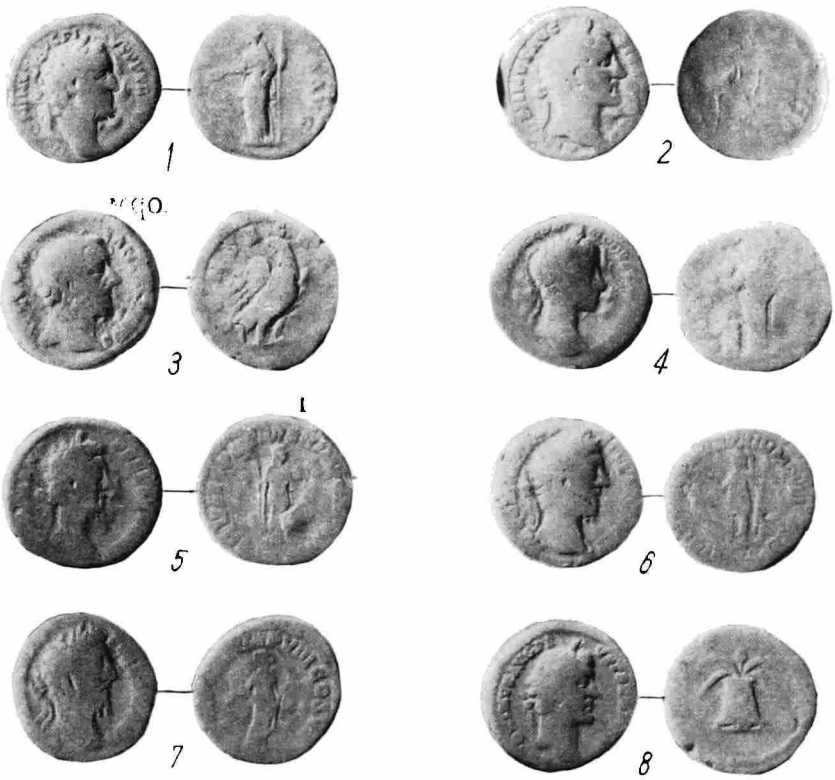


Рис. 1. Римские денарии, найденные в Курской (*1*—*7*) и Воронежской (*8*) областях

К ст. А. М. Гилевич

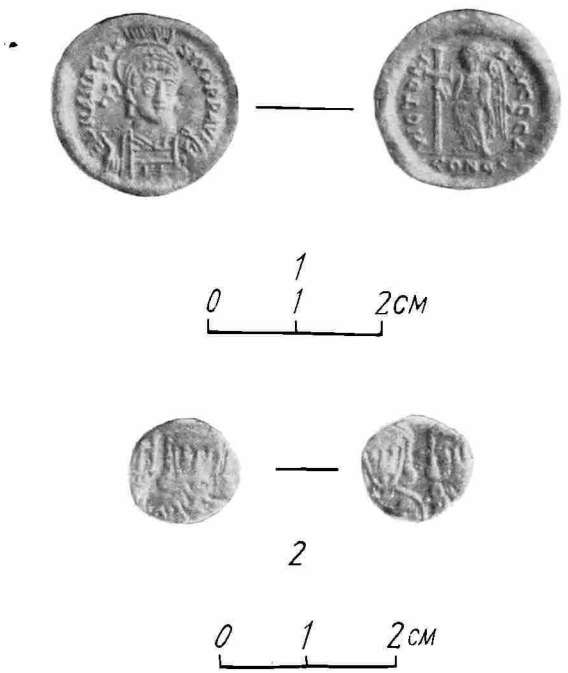


Рис. 1. Золотые монеты из Херсонеса

1 — солид Анастасия; *2* — солид Константина V

«Прошу принять в дар для кабинета изящных искусств Императорского Московского Университета прилагаемые при сем семь древнеримских монет. Они найдены весной 1876 г. крестьянином при пахоте в Рыльском уезде Курской губернии, в трех верстах от города Рыльска. Лежали они, вероятно, в земле или завернутые в тряпки, так как никаких обломков сосуда не оказалось. Всего найдено было около 50 монет, но только семь из них попали к землевладельцу Рыльского у. М. В. Борзенкову, который и посылает их через меня. Стерты монеты оттого, что мужик чистил их кирпичом, чтобы они блестели».

Таким образом, публикуемые семь монет составляют часть клада. Наиболее ранняя из наших монет относится к 140—144 гг., а наиболее поздние — к 186—187 гг. Следовательно, монеты доступной нам части клада охватывают период в 45—50 лет, причем экземпляры поздних годов преобладают.

Серебряные монеты (денарии) Антонина Пия, Марка Аврелия и Коммода являются наиболее обычными римскими монетами, находимыми в Европейской части СССР, и составляют в количественном отношении основное ядро большинства кладов [10]. Подобные монеты довольно обычны и для Курской области [11], где они известны как в качестве отдельных находок, так и в качестве кладов, чего нельзя сказать в отношении Воронежской области. Характерно, что находка римских монет именно под г. Рыльском не является первой [12].

Публикуемые монеты представляют особый интерес в связи с тем, что они издаются по оригиналам, в отличие от многих римских монет, находимых в СССР, сведения о которых поступают зачастую через третьи руки и, как правило, очень суммарны.

---

[10] В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, стр. 241 слл.; его же. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 152 слл.

[11] В. В. Кропоткин. Клады римских монет..., №№ 24, 37, 48, 51, 96, 286, 447, 568.

[12] Там же, № 467.

А. М. ГИЛЕВИЧ

ЗОЛОТЫЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В фонды Херсонесского государственного историко-археологического музея поступили две золотые византийские монеты: Анастасия I (491—518 гг.) и Константина V Копронима (741—775 гг.).

1. Солид Анастасия (рис. 1,*1*).

Монета найдена в 1957 г. случайно, при земляных работах на берегу Карантинной бухты, на территории херсонесского некрополя, к востоку от башни Зенона. Сохранность монеты отличная.

Л. с. DNANASTA/SIVSPPAVC. Погрудное изображение императора в кирасе впрямь. Голова слегка повернута вправо. На голове шлем и диадема, развевающиеся завязки которой видны у правого уха. В правой руке копье, положенное на плечо. Конец копья выступает из-за головы с левой стороны. В левой руке щит. Все изображение в выпуклом ободке.

О. с. VICTOPI/AAVGGGA. Крылатая Виктория в хитоне и плаще, обращенная влево. В правой руке держит крест с расширенными концами. Справа от фигуры звезда.

Под обрезом: CONOB.

Выпуклый ободок обрамлен полукруглыми зубчиками.

Золото. Соотношение осей ↑↓ . Диаметр 20 *мм*. Вес 4,47 *г*.

И. И. Толстой подразделяет солиды Анастасия на четыре типа. Публикуемая монета может быть отнесена к третьему типу, который чеканился в Италии (возможно, в Милане) между 479 и 493 гг. [1]

2. Солид Константина V Копронима (рис. 1, *2*).

Монета найдена в декабре 1954 г. одним из посетителей музея на берегу моря, после шторма, около так называемой «базилики 1935 г.» [2]. Монета обрезана по краям, сильно окатана морем. Надписи на обеих сторонах не сохранились.

Л. с. Погрудное изображение императора в лоране, впрямь, в правой руке напрестольный крест.

О. с. Погрудное изображение впрямь Константина и его сына Льва в коронах и плащах.

Золото. Соотношение осей ↑↓ . Диаметр 12 *мм*. Вес 1,46 *г*.

Монеты этого типа чеканились в Константинополе [3].

При раскопках Херсонеса и в подъемном материале в разное время было найдено около двух десятков золотых византийских монет, преимущественно X—XII вв. Из ранних выпусков имели место находки золотых монет: Юстиниана I (527—565 гг.) — одна монета; Маврикия (582—602 гг.) — одна монета; Фоки (602—610 гг.) — две монеты [4]. Золотые монеты Анастасия I и Константина V найдены в Херсонесе впервые. Представляется интересным тот факт, что публикуемая монета Анастасия чеканена в Италии, в то время как почти все найденные в Херсонесе ранние византийские монеты, в том числе и бронза Анастасия, чеканились на монетных дворах восточной части империи.

---

[1] И. И. Толстой. Византийские монеты. СПб., 1913, стр. 178, табл. 14, *70*.

[2] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Симферополь, 1938; его же. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. СА, XXIV, 1955, стр. 273.

[3] И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 957, табл. 67, *39*.

[4] Инвентарная книга монет Херсонесского музея. Инв. №№ 78, 85, 86, 6899. Монеты в настоящее время находятся в Гос. Историческом музее, куда они вместе с другими экспонатами из золота были переданы Херсонесским музеем в 1941 г.

Г. Е. ТРАПЕЗНИКОВ

МАТЕРИАЛЫ С ГОРОДИЩА ДРЕВНЕГО ЧАРДЖОУ (АМУЛЯ)

(Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции)

Городище древнего Чарджоу (Амуля) находится в 9 *км* к северо-западу от современной железнодорожной станции Чарджоу. Как уже сообщалось в отчете о раскопках [1], для выяснения времени возникновения Амуля на городище было заложено три стратиграфических шурфа: №№ 2 и 3 — в юго-восточной части площади III и № 1 — в 150 *м* севернее (рис. 1).

Шурф № 1 [2] был доведен до глубины 7,09 *м*. В нем прослежена следующая стратиграфия (рис. 2). Начиная с нижнего уровня (7,09—5,10 *м*) идут два глинистых слоя разной плотности: темно-коричневый (плотный) и светло-коричневый (менее плотный), в них найдены фрагменты посуды

---

[1] Г. Е. Трапезников. Городище древнего Чарджоу (Амуль). СА, 1957, № 4, стр. 161. По не зависящим от автора причинам таблицы керамики и терракоты не были помещены в статью. Настоящая статья является дополнением предыдущей.

[2] Шурф не был доведен до материка.

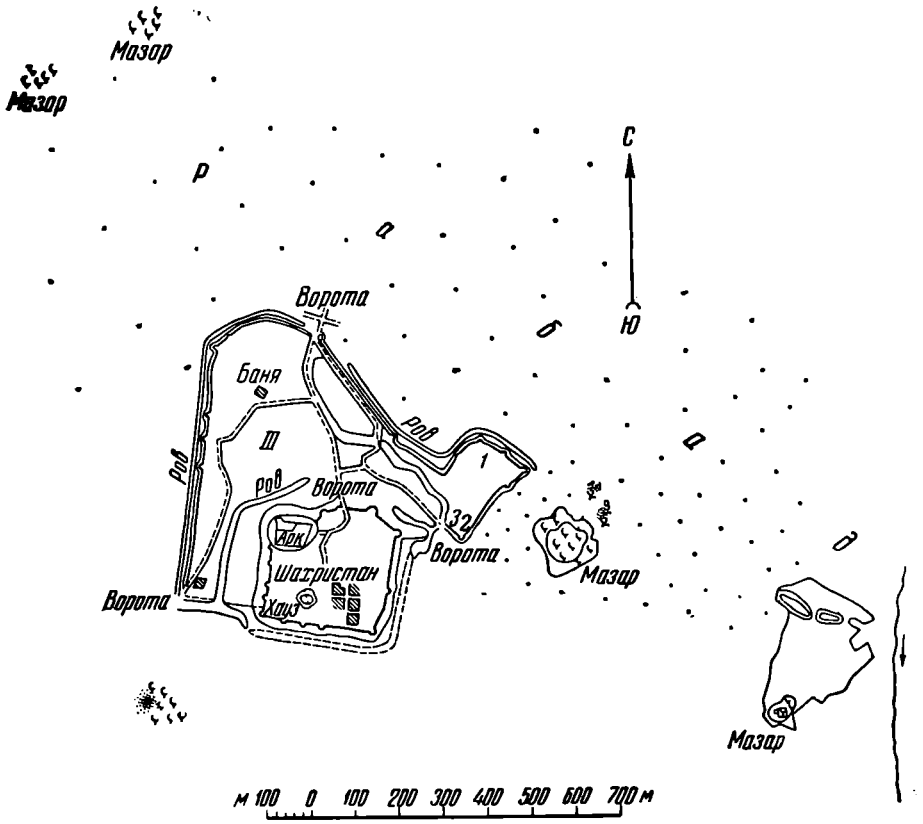


Рис. 1. План городища древнего Чарджоу (Амуля) (*1* — *3* — шурфы)

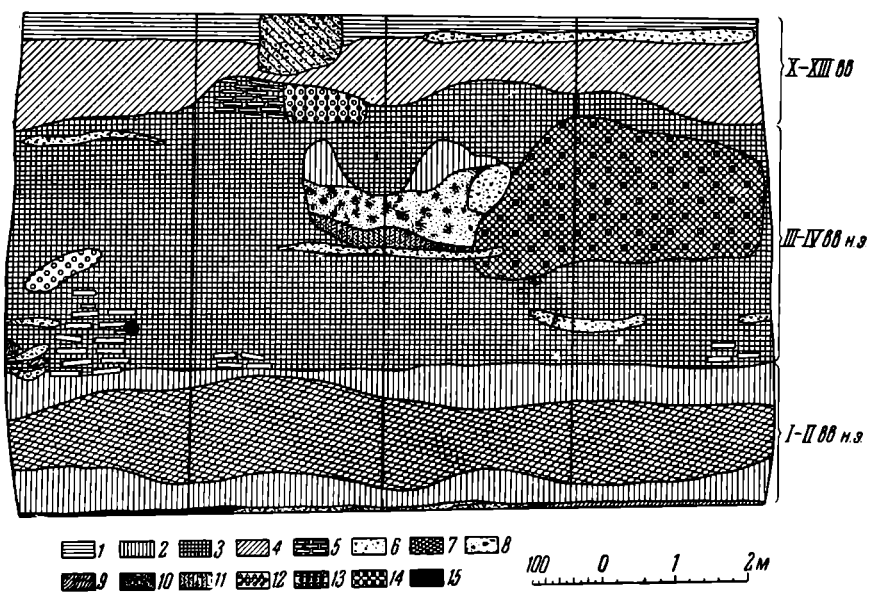


Рис. 2. Таблица стратиграфического разреза шурфа № 1

1 — почвенный слой, *2* — глина средней плотности с фрагментами кирпича-сырца и керамики, *3* — слой очень плотной желтой глины, *4* — пахса, *5* — кладка из кирпича-сырца, *6* — слой зеленой глины с угольками, *7* — слой очень плотной глины с кусочками глины шоколадного цвета, *8* — серый мелкий песок, *9*—горелый слой красного оттенка, *10* —слой суглинка с золой, костями и керамикой, *11* — песок серого цвета с кусочками зеленой глины и керамикой, *12* — рыхлый сероватый глинозем, *13*— рыхлый серый глинозем с костями, *14*—слой рыхлого желтоватого суглинка с фрагментами керамики, *15* — черный горелый слой

с красным и коричневым ангобом, а также головка от терракотовой фигурки. Эти слои хронологически едины. По керамике они датируются I—II вв. н. э. С глубины 5,10 *м* до 1,70 *м* идет суглинок коричневатого оттенка с включением линз из песка и рыхлой серой гумированной земли. В слое попадались фрагменты керамики с красным ангобом, угольки, кости, а также медные кушанские монеты III—IV вв. Здесь встречены остатки постройки из кирпича-сырца (размерами 38 × 38 × 7 *см*; 39 × 39 × 9 *см*; 40 × 40 × 10 *см*). Следующий вышележащий слой (1,70—0,40 *м*) менее плотен, чем предыдущие, сероватого оттенка, с включением кирпича-сырца (размерами 28 × 28 × 4 *см*; 32 × 32 × 5 *см*) и фрагментов толстостенных сосудов, костей, угольков. От уровня 0,40 *м* до дневной поверхности идет слой рыхлой серой земли с кусками кирпича-сырца, жженого кирпича, керамики поливной и неполивной.

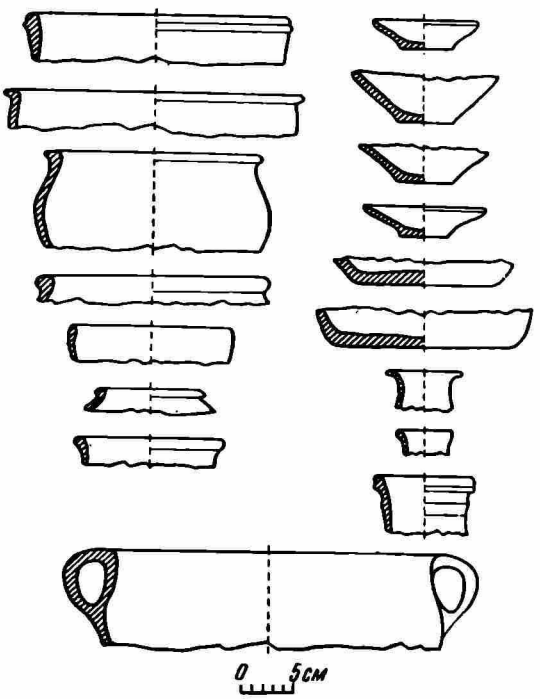


Рис. 3. Керамика Амуля I—II вв. н. э.

В шурфе № 1 было обнаружено 10 медных монет. Суглинистому слою соответствуют две монетные находки на глубине 3,95 *м*, относящиеся к позднекушанскому чекану. На лицевой стороне — царь перед жертвенником, на оборотной — Шива с быком, справа монограмма 𐨨. Монеты датируются III—IV вв. н. э. [3].

На глубине 4,89 *м* была обнаружена монета Васудевы III в. н. э. На лицевой стороне изображено божество на троне, на оборотной — Шива с быком, справа монограмма 𐨨.

Керамика разделяется на четыре хронологические группы.

1. Керамика XVIII—XIX вв. Сюда относятся фрагменты посуды, покрытые грязно-голубой и темно-коричневой поливой; черепок в изломе светло-желтого цвета.

2. Керамика XII — начала XIII в. Это по преимуществу венчики хумов, слабо отогнутые, с различным орнаментом [4]. Среди керамики этого времени была обнаружена терракотовая фигурка коня из серой глины.

3а. Керамика III—IV вв. н. э. Характерен плотный черепок из хорошо отмученной глины, имеющий в изломе красный цвет (рис. 5).

Кувшины имеют ряд вариантов. Переход от горла к тулову плавный, иногда венчик по верхней плоскости имеет несколько желобков. Диаметры горловин от 8 до 12 *см*. Ближайшие аналогии наблюдаются в керамике Айртама [5] и Термеза I—III вв. н. э. [6].

Кринкообразные сосуды. Венчик отогнут наружу. Диаметр верхней части сосуда — от 16 до 25 *см*. Переход от венчика к стенкам плавный или под углом.

---

[3] М. Е. Массон. Нумизматика Средней Азии. Курс лекций, прочитанный на кафедре археологии Средней Азии САГУ. Ташкент, 1953.

[4] Аналогичные фрагменты хумов были обнаружены ЮТАКЭ в 1954 г. в 60—70 *км* севернее Амуля. М. Е. Массон датирует их концом XII — началом XIII в.

[5] М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 59, рис. 20.

[6] В. А. Шишкин. Курган и мечеть «Чор Сутун» в развалинах старого Термеза. Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 125, 126, рис. 27.

Чаши. Диаметр по верхнему краю — от 14 до 16 *см*. Венчик плавно округлен, переход к стенкам — с легким изгибом. Чаши имеют коническую форму. Аналогичная посуда III—IV вв. н. э. встречается на Варахше, причем наблюдается сходство не только форм, но и ангоба, который, как и на керамике Амуля, имеет темно-коричневый цвет [7]. Датировка данного типа керамики подтверждается обнаружением в шурфе монет Васудевы III в. н. э.

Тарелки характеризуются тщательной обработкой стенок, покрытых красным и коричневым ангобом. Венчик тонкий, прямой. Диаметры верхней части — от 16 до 24 *см*.

3б. Керамика I—II вв. н. э. (рис. 3). Она характеризуется более тщательной отделкой и изяществом форм, тонкостью черепка. Стенки сосудов в изломе имеют красный, иногда — сероватый цвет; поверхность покрыта красным или коричневым ангобом.

Чашечки. Диаметр — от 6 до 11 *см*. Венчики имеют загиб внутрь, переход от венчика к стенкам сосуда плавный. Подобные чашечки были обнаружены в слоях Кобадиан IV [8].

Кувшины. Диаметр горла — от 4 до 8 *см*. Венчик резко отогнут или утолщен. Встречается и рифление поверхности горла. Аналогию дает керамика кушанского времени I—V вв. н. э. из Термеза и Айртама [9]. Подобная профилировка горла кувшинов была зафиксирована в Мерве в слоях I—II вв. н. э.

а *б*

Рис. 4. Головка терракотовой статуэтки I—II вв. н. э.

Котел. Диаметр верхней части — 34 *см*. Венчик слегка отогнут наружу. К закраинам прикреплены две маленькие ручки с желобками посредине.

На глубине 7,09 *м* обнаружена головка терракотовой фигурки (рис. 4). Лоб низкий, брови не обозначены. Нос длинный с горбинкой. Рот небольшой, губы пухлые. Волосы волнообразно спускаются из-под короны, имеющей форму двух зубцов. Сохранность головки хорошая. Фигурка была оттиснута в высокорельефной форме. Аналогий ей нет ни в терракотах Мерва, ни Хорезма [10], хотя тип головного убора в виде зубчатой короны известен и там. Обнаруженная в Амуле головка имеет ближайшие аналогии на Афрасиабе [11] и особенно на Варахше [12].

Шурф № 2 был заложен на обрыве высотой 2,32 *м*, затем у основания его продолжен до глубины 5,56 *м* и не был доведен до материка из-за выхода подпочвенных вод. Стратиграфически он представлен следующими напластованиями. С 5,56 *м* до 2,32 *м* — суглинок, плотный, темно-желтого

---

[7] Сведения о керамике Варахши и датировка ее III—IV вв. н. э. были любезно сообщены Д. Зильпер, причем ею было замечено большое сходство форм и ангоба с керамикой Амуля III—IV вв. н. э. Автор приносит ей благодарность.

[8] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, № 37, 1953, стр. 283, 289.

[9] М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 59.

[10] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 73.

[11] C. Trever. Terracotas from Afrasiab. M.—L., 1934, стр. 34, 50; табл. III, *38*; табл. XIII, *190*.

[12] В. А. Шишкин. Археологические работы в 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 19; его же. Новые данные по искусству Согдианы. Искусство, 1938, № 5, стр. 148.

цвета, с керамикой, покрытой красным и коричневым ангобом. Здесь найдены остатки стены из кирпича-сырца (размером 38 × 37 × 9 *см;* 39 × 28 × 9 *см*; 39 × 39 × 10 *см*). Промежутки между кирпичами заполнены глиной. Слой датируется монетами и керамикой III—IV вв. н. э.

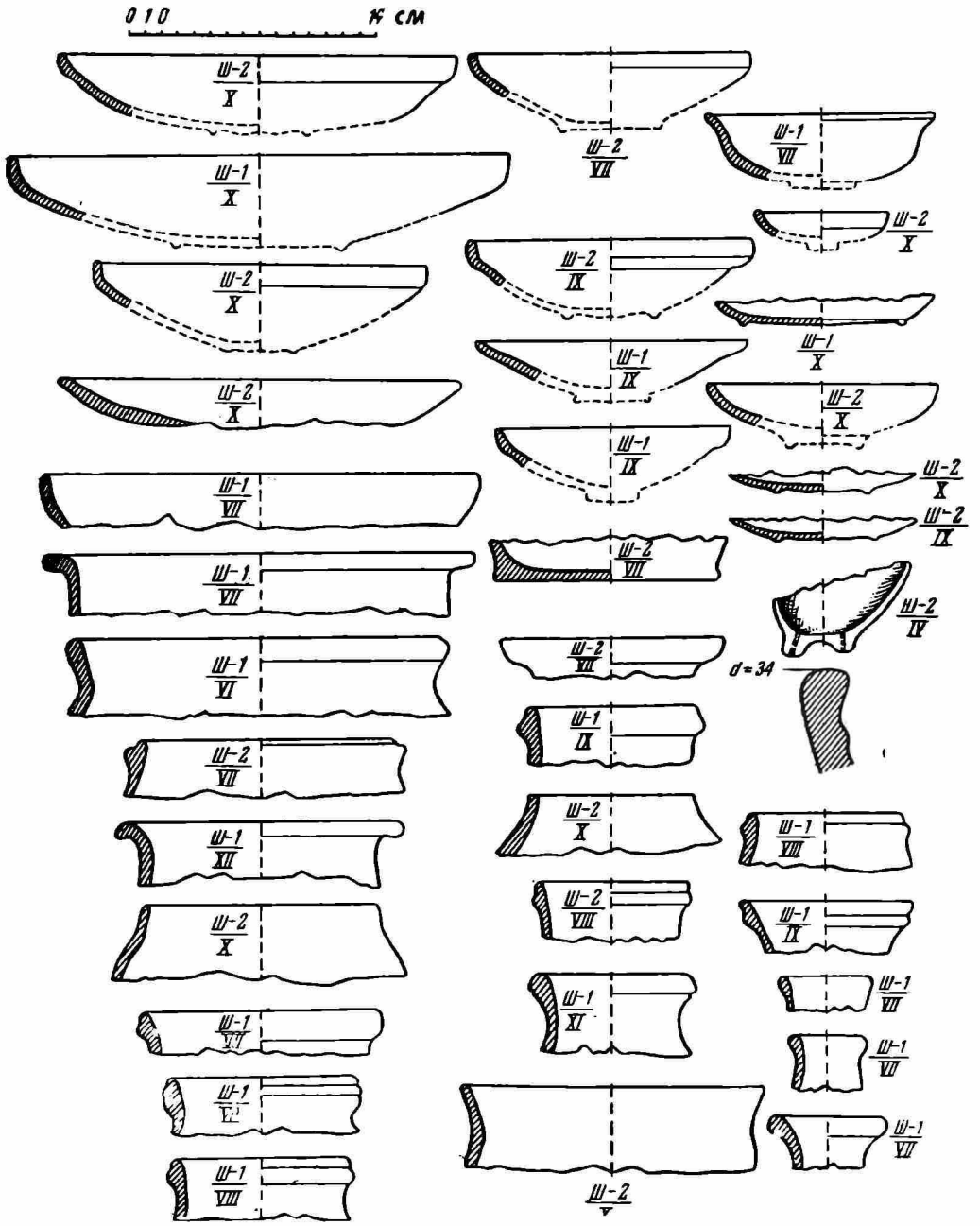


Рис. 5. Керамика III—IV вв. н. э.

Вышележащие слои (2,32—0,50 *м*) средней плотности, желтовато-серого цвета, с фрагментами поливной и неполивной керамики, костей, угольков, жженого кирпича. Датируется керамикой IX—X вв. От глубины 0,50 *м* до уровня дневной поверхности — прослойка рыхлого серого глинозема с угольками и фрагментами кирпича-сырца.

Медные монеты, найденные на глубине от 2,50 до 3,50 *м*, а также 4,46 *м*, определены М. Е. Массоном как относящиеся к позднекушанскому чекану III—IV вв. н. э.

Первая хронологическая группа керамики из шурфа № 2 относится к IX—X вв. Здесь имеются фрагменты посуды, на внутренней и наружной поверхности которой по светлому ангобу был нанесен орнамент черной и

коричневой красками, и покрытые щелочной глазурью. Аналогичные фрагменты поливной посуды этого времени найдены в Бухарском оазисе В. А. Шишкиным [13].

Вторая группа керамики датируется III—IV вв. н. э. и повторяет формы керамики того же времени из шурфа № 1. Добавляется форма хумчи. Диаметр горла — 34 *см*. Венчик со следами рифления слегка отогнут наружу. Найден также сосуд с двумя сосковидными налепами, через которые проходят сквозные отверстия.

Материал из шурфа № 3, при соответствующей стратиграфии, представлен керамикой, датируемой XI—XII вв. Обнаружено множество фрагментов поливной и неполивной посуды. Характерны кольцевой поддон и свинцовая полива преимущественно на внутренней стороне. Глазурованная керамика представлена фрагментами с ярко-зеленой краской и черепками, на которых по белому ангобу нанесен орнамент черной, зеленоватой и красной красками, поверх которых наносилась свинцовая полива. Иногда по этому фону нанесен растительный или геометрический орнамент темно-коричневой краской. Керамика из шурфа № 3 близка к материалу Испаст-Калы, которую М. Е. Массон датирует XI — началом XII в., и аналогична керамике Афрасиаба и Бухарского оазиса того же периода.

[13] В. А. Шишкин. Археологические работы..., стр. 18.

С. А. ВЫСОЦКИЙ

ГРАФФИТО XI в. В СОФИИ КИЕВСКОЙ

В киевском Софийском соборе на протяжении ряда лет ведутся большие реставрационные работы, в результате которых открыты значительные площади первичной штукатурки XI в. с фресковой росписью и рядом разнообразных надписей-граффити, сделанных в XI в. и в последующие столетия.

Надписи встречены во всех частях собора — и в ризнице, и в жертвеннике, и на хорах, и в средних нефах, и в боковых галереях. Содержание надписей очень интересно и многообразно [1].

К опубликованным Б. А. Рыбаковым надписям исторического содержания можно добавить еще одну крайне интересную надпись-граффито

Рис. 1. Граффито из Софии Киевской

(рис. 1). Она выцарапана острым предметом на древней штукатурке южного, второго от алтаря, крещатого столба на плоскости, обращенной к алтарю. Надпись расположена на высоте 1,55 *м* от уровня пола XI в.

[1] Б. Рибаков. Іменні надписи XII ст. в Київському Софійському соборі. Археологія, т. I, 1947, стр. 53—64. Пользуюсь случаем выразить благодарность Б. А. Рыбакову за консультации по летописям.

Длина ее — 0,45 *м*. Высота букв — около 2 *см;* надпись относится к разряду крупных, явных надписей, вроде той, которая условно связывается с именем Владимира Мономаха [2].

Надпись читается так:

Д҃ ЛЄТА КЪНѦЖИЛЪСВАТОСЛАВЪ

Так как древняя штукатурка влево от надписи не сохранилась, то трудно сказать, каково было начало надписи, но и в этом виде она представляет собой законченное целое с интересным историческим содержанием.

Дата надписи довольно хорошо определяется палеографически. Аналогии ряду начертаний мы находим в Остромировом Евангелии (1057 г.), Изборнике Святослава 1073 г., Тмутараканском камне 1068 г. и в таких рукописях XI в., как Туровское Евангелие, Супрасльские и Хиландарские листы. В рукописях XII в. только изредка встречаются начертания Ѧ и Ꙁ, близкие к буквам этой надписи. Противовесом этим элементам XII в. является буква Ж, написанная здесь очень архаично, в духе начертаний X—XI вв., и совершенно неизвестная в XII в. Сопоставление с берестяными грамотами не позволяет вынести дату нашей надписи за пределы XI—XII вв.

Любопытно отметить, что начертания Ж, Ꙁ, Ѧ не имеют полных аналогий в новгородских берестяных грамотах, но именно эти буквы находят соответствия в балканских рукописях (Супрасльская, Хиландарская)[3].

Возможно, что в будущем, с накоплением большого областного материала, удастся поставить вопрос о локальных палеографических особенностях и сопоставить их с особенностями диалектологическими.

В публикуемой надписи следует отметить замену Ѣ простым Є и замену малого юса (в имени Святослава) буквой Ѧ, что нехарактерно для русских памятников XI века и выражает какие-то местные особенности.

Очень важным является определение того князя, годы княжения которого здесь указаны. Естественно допустить, что в киевском кафедральном соборе упомянут киевский князь. На киевском «золотом столе» сидели в разное время четыре князя Святослава. Святослав Игоревич княжил 28 лет и был убит в 972 г.[4], задолго до постройки собора. Святослав Ольгович княжил в Киеве только две недели (с 1-го по 13-е августа 1146 г.)[5]. Святослав Всеволодович княжил 14 лет (1180—1194 гг.)[6], но цифра 14 не может быть принята, так как по-древнерусски она писалась Д҃Т и независимо от сохранности левой стороны надписи цифра десятков должна была бы быть видна. Кроме того, слово «лета» может быть отнесено только к цифре 4, но не к 14.

Только один киевский князь Святослав удовлетворяет условию надписи — князь Святослав Ярославич, севший на престол 22 марта 1073 г. и умерший 27 декабря 1076 г.[7]. Он княжил действительно почти четыре года. За это время с именем Святослава были связаны два знаменитых изборника — 1073 г. и 1076 г.,— палеография которых близка к палеографии нашей надписи.

Вокняжение Святослава летописец XII в. связывает с началом усобиц: «Святослав же бе начало выгнанью братню, желая болшее власти... А Святослав седе Кыеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отню, паче же божью»[8]. Так сурово осудил позднейший историк родоначальника воинственных Ольговичей.

---

[2] Там же, стр. 62 сл.

[3] Я. И. Трусевич. Изборник 1905 г., вып. I, СПб., 1905, лл. I и II, №№ 10 и 12.

[4] Повесть временных лет. М.— Л., 1950, т. I, стр. 53.

[5] ПСРЛ, т. II, стр. 22—24.

[6] Там же, стр. 122 и 144.

[7] Повесть временных лет, стр. 121, 131.

[8] Там же, стр. 121, 122.

Умер Святослав после операции — «от резанья желве», и по его смерти все его богатство, которым он хвастал перед иностранцами, «расыпася разно» [9].

Лаконичная надпись «4 лета княжил Святослав» сделана, по всей вероятности, вскоре после его смерти, когда еще имело смысл подведение такого скупого хронологического итога его княжения.

Стены Софийского собора могут дать при пристальном изучении еще много интересных и неожиданных записей, которые в своей совокупности несомненно пополнят наши сведения о Киеве и киевлянах XI в.

[9] Там же, стр. 131.

В. В. СЕДОВ

КАМЕННЫЙ КРЕСТИК С НАДПИСЬЮ ИЗ ПИРОВА СЕЛИЩА

В 5 *км* от г. Вязники Владимирской области, на правом берегу р. Клязьмы находятся два городища [1]. Расположенное близ этих городищ с. Пировы Городищи своим названием обязано этим памятникам. В 1928—1929 гг. городища обследовал О. Н. Бадер. Разведывательной шурфовкой установлено, что небольшая по площади более высокая площадка, отделенная неглубоким рвом от остальной части берега, является городищем дьякова типа. Второе городище, обнесенное высоким земляным валом, относится к древнерусскому времени.

У подножья городища дьякова типа, в том месте, где в р. Клязьму впадает безымянный ручей, в 1951 г. вязниковский краевед К. М. Большаков обнаружил несколько предметов XI—XIII вв. Обследование этой местности в 1956 г. показало, что на обоих берегах ручья расположено древнерусское селище, названное Пировым селищем [2]. Площадка селища вытянута вдоль берега р. Клязьмы на 150 *м*, ширина ее — от 25 до 50 *м*, площадь селища — около 5500 $м^2$. В том же году на правобережной части селища был заложен раскоп площадью 516 $м^2$. В результате раскопок было установлено, что поселение на этом месте существовало с начала XI в. до середины XIII в. и погибло в период татаро-монгольского нашествия [3].

Среди большого количества разнообразных предметов, найденных при раскопках селища, одной из самых интересных находок является каменный крестик с надписью (рис. 1). Крест-тельник найден на глубине 30 *см* от поверхности (при общей толщине древнерусского культурного слоя в 0,80—0,90 *м*), в темно-сером аморфном слое около развала глинобитной печи. По ряду находок и керамическому материалу глинобитная печь датируется первой третью XIII в. Однако эта дата не может быть распространена на все предметы, обнаруженные в слое вблизи печного развала, так как здесь же были найдены фрагменты керамики XII в. Кроме того, стратиграфическая датировка дает время потери описываемого предмета, а не

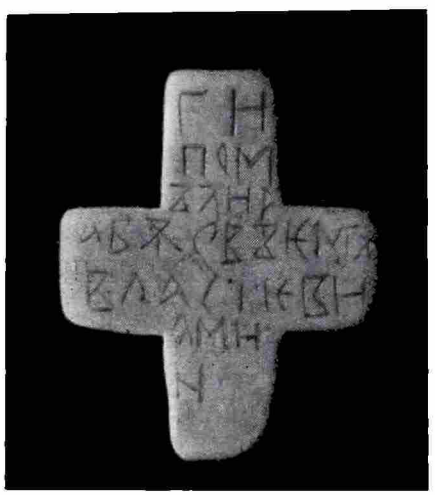
[1] Впервые городища были обследованы в начале XIX в. Д. Ходаковским (см. Д. Ходаковский. Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских. Вестник Европы, 1820, № 18, стр. 108), а в середине XIX в. описаны К. Веселовским (К. Веселовский. Пировы-Городищи близ г. Вязников. Владимирские губернские ведомости, 1868, № 51, часть неофициальная, стр. 2).

[2] Экспедиция была организована Владимирским областным краеведческим музеем.

[3] Нижние горизонты культурного слоя этого памятника относятся к бронзовому веку. Кремневый инвентарь и керамика (характерны оттиски зубчатого штампа, расположенные в виде сетки или елочного узора) свидетельствуют о принадлежности этой стоянки к волосовской культуре.

время его изготовления. При осмотре крестика нельзя не обратить внимание на его значительную изношенность, свидетельствующую о длительности его употребления.

Вырезан крестик из местной (владимирской) породы серого шифера, его размеры 23—24 × 19—20 *мм*. На лицевой стороне крестика имеется пять углублений (четыре — подчетырехугольные и одно в середине — круглое, воронкообразное), предназначавшихся для цветных пастовых вставок. Вставки эти позднее выпали и при раскопках не найдены. На оборотной, гладкой, стороне крестика сделана надпись. Отверстий для продевания нити, при помощи которой носился крестик, оказалось два. Одно, внизу надписи, было, вероятно, проделано при изготовлении крестика. От длительного ношения нить прорезала



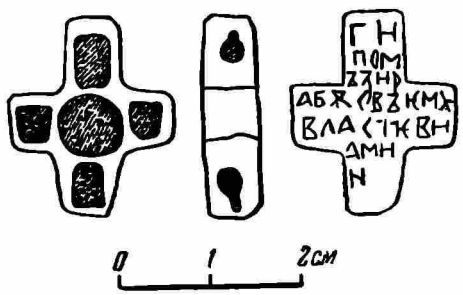


Рис. 1. Крестик из Пирова селища

это отверстие почти до самого края предмета. Пришлось сделать новое отверстие на противоположном конце крестика. Вполне вероятно предположение, что именно в это время и была сделана надпись, так как при ношении крестика первым способом надпись оказалась бы в перевернутом состоянии. После ремонта крестик носился также длительное время: нитка успела прорезать и новое отверстие (правда, в меньшей степени), крайние буквы надписи наполовину стерлись.

Надпись процарапана острием и читается: «ГИ ПОМЪЗИ РАБЖ СВЪЕМУ ВЛАСИЕВИ АМИН». Уже общий характер письма, ширина отдельных букв и интервалы между ними указывают на то, что надпись сделана в XI — первой половине XII в. Сравнение же написания отдельных букв этой надписи с рядом датированных русских надписей XI—XII вв. дает возможность относить ее к рубежу XI—XII вв., а скорее всего, к концу XI в.

В этом отношении характерно написание буквы «З». Большой горизонтальный навес, уклон основной линии вправо, длинный хвост, опущенный прямо вниз, свидетельствуют о древнейшем начертании этой буквы. Наиболее близкие аналогии написанию этой буквы имеются в Изборниках Святослава 1073 и 1076 гг.[4], в новгородской грамоте № 9, написанной на бересте[5], в надписях на стенах Новгородского Софийского собора[6].

Все три буквы «А» на крестике остроугольны сверху, с петлей, заостренной внизу. И. А. Шляпкин считает подобное «А» характерным для памятников русской письменности XI в., так как в начале XII в. появляется

---

[4] И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 113 и 117.

[5] Стратиграфически и палеографически грамота датируется XI в. А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 40—42.

[6] В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti. Древности, т. 19, вып. 3. М., 1902, стр. 35.

крышка над этой буквой [7]. Такое написание «А» на киевской глиняной амфоре XI в. [8], на пряслице конца XI — начала XII в. из Витебского музея [9], на рязанской амфоре того же времени [10], на некоторых новгородских граффити [11]. Написание «Р» с маленькой остроконечной головкой и с основной линией, выходящей за строку, и написание «Ъ» с треугольной петлей, целиком стоящего в строке, находят аналогии в памятниках XI в., в том числе в упомянутой выше новгородской грамоте № 9.

Написание Ж на крестике из Пирова селища находит аналогии в памятниках русской письменности второй половины XI в. [12] «Юс большой» употреблен здесь вместо «ОУ». Подобное написание встречается в русских памятниках второй половины XI и начала XII в. [13]. В. Н. Щепкин отмечает, что к середине XII в. «юс большой» всюду заменяется написанием «ОУ» или «У» [14].

Написание остальных букв на крестике из Пирова селища не противоречит предложенной дате: остроугольные «Л» и «М», сравнительно узкое «О», заостренное сверху и снизу [15], широкое «И» с горизонтальной перекладиной посередине, «Н» с перекладиной, не доходящей до самого низа правой мачты [16], иотированное «Е» с горизонтальной чертой, проходящей по середине буквы. Такой датировке не мешает и острая середина буквы «М». Е. Ф. Карский отмечает, что «М» с острой серединой появляется в памятниках XI в., причем в крупном уставе середина этой буквы иногда не достигает основания строки, как на крестике из Пирова селища [17].

Оригинально написано иотированное «И». Две точки помещены не над основной линией этой буквы, а раздвинуты по ее сторонам, но не выступают за линию строки. Аналогичное написание этой буквы имеется на одном из новгородских граффити [18], но здесь подобное положение точек, может быть, объясняется наличием титла.

Наконец, такая фонетическая особенность надписи крестика, как сохранение «Ъ» там, где этот звук со временем перешел в «О» (в словах «помъзи» и «свъему»), является признаком древнего написания. Отсутствие «О» и «Е» на месте сильных редуцированных отмечает В. Н. Щепкин в ряде надписей на стенах Новгородского Софийского собора [19]. Такая же черта древнерусской фонетики отмечена Р. И. Аванесовым [20] в древнейшей новгородской грамоте (№ 9), которая стратиграфически и по данным палеографии относится к XI в.

---

[7] И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 42, 43.

[8] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 367—371, рис. 101.

[9] Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 129, 130.

[10] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 187 и рис. 145.

[11] В. Н. Щепкин. Ук. соч., табл. IV, *21*.

[12] Например, в Изборнике Святослава 1073 г. (И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 114) и на черниговской гривне конца XI в. (И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. ЗРАО, т. III, 1888, табл. XV, *1*). Написание этой буквы в памятниках начала XII в. уже отличается от ее написания в XI в. (например, в Мстиславовом и Юрьевском Евангелиях), хотя спорадически встречается и старое начертание.

[13] Остромирово Евангелие, Изборник Святослава 1073 г., Мстиславово и Юрьевское Евангелия (И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 110, 114, 115, 145 и 147), на одной из надписей в Новгородском Софийском соборе (также в слове «РАБЖ»). См. В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 42 и табл. IV, 21.

[14] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 101.

[15] Подобное «О» встречается в памятниках русской письменности конца XI в. (например, в Месячной Минее 1096 г. И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 120), такое же «О» — в новгородской берестяной грамоте № 9 (А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 40—42).

[16] См. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 102, 103.

[17] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 195.

[18] В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti, табл. I, *1*.

[19] Там же, стр. 42.

[20] Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 81. Р. И. Аванесов, исходя из лингвистических соображений, считает возможным отнести эту грамоту к первой половине XII в.

А. К. АНТЕЙН

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ ИЗ ДАМАССКОЙ СТАЛИ

В Историческом музее Латвийской ССР находится более 2000 изделий (мечи, наконечники копий, топоры, браслеты и пр.), извлеченных 20—30 лет тому назад из оз. Вилкумуйжа у г. Талсы. Типологически они относятся к XIII—XIV вв. [1]

При очистке поверхностей и травлении реактивами Гейна (медный травитель) этих изделий среди них обнаружено шесть наконечников копий, изготовленных из дамасской стали. На произведенных в конце прошлого столетия раскопках Путельского могильника (погребение № 24) в Турайде были найдены еще два наконечника такого же типа, XI в. [2] В 1957 г. на городище Тервете обнаружен еще один наконечник, который сходен с наконечником из Турайда (рис. 1).

Рис. 1. Наконечник копья из Тервете

В зависимости от очертаний и узора дамаска можно распределить эти наконечники по трем группам: 1) плоские наконечники с широкими сплетенными полосками дамасского рисунка (рис. 2) — 3 шт.; 2) ромбической формы наконечники с узкими сплетенными полосками дамасского рисунка — 2 шт.; 3) ромбической формы наконечники с тонкой вваренной продольной железной полоской (рис. 1) — 4 шт.

Из рис. 2 и 3 видно, что наконечники состоят из нескольких стальных и железных слоев и стальные лезвия приварены по зигзагообразной линии.

Поперечный разрез плоского наконечника, представленного на рис. 2, со слоями различного содержания углерода, показан на рис. 3. На рис. 3

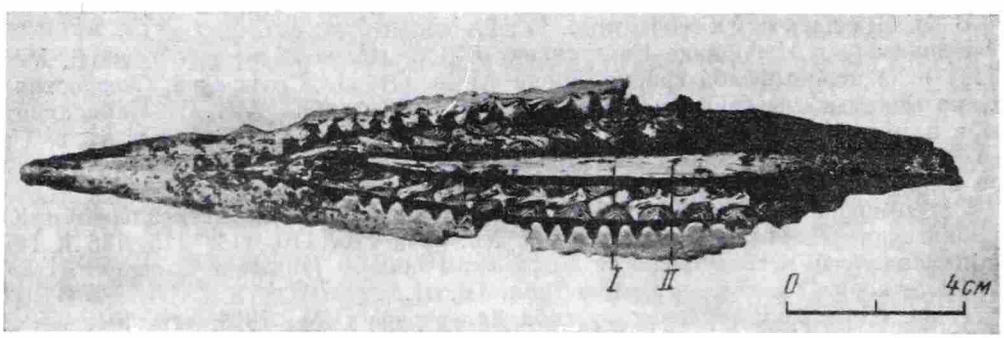


Рис. 2. Плоский наконечник с широкими сплетенными полосками дамасского рисунка

[1] H. Moora. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952, стр. 126 (Л. В. Ванкина датирует их XII—XIV веками).

[2] В погребении № 24, кроме того, найдены топор, поясная пряжка и др. О подобных бронзовых поясных пряжках (датированных XI в.) см. A. M. Tallgren Zur Archäologie Eestis. Dorpat, 1925, стр. 108.

видно, что средняя часть наконечника железная и к ней приварены следующие слои: первый слой — стальной (0,1—0,3% углерода), затем широкий дамасский слой (состоит из сплетения железа и стали), затем слой стали зигзагообразной формы (0,1—0,3% углерода) и, наконец, стальное лезвие (0,8—0,9% углерода).

Подобные же четыре наконечника, одинаковые с изображенными на рис. 2, и еще один, отличный от него, найдены в Финляндии [3].

Кроме того, в Новгороде найден похожий на описанные наконечник, у которого лезвия приварены по трапецоидальной линии [4].

Рис. 3. Макроструктура поперечных разрезов плоского наконечника

[3] Ella Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, т. II, Helsinki, 1951, рис. 1105.

[4] Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. I. М., 1956, стр. 35, рис. 17, *1*.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

НОВЫЕ НАХОДКИ КЕРАМИЧЕСКИХ ГОРНОВ НА ЯУЗСКОЙ ГОНЧАРНОЙ СЛОБОДЕ В МОСКВЕ

В 1954 г. при земляных работах во время строительства на месте московской гончарной слободы на северо-западном склоне холма в устье р. Яузы обнаружены три керамических горна. Эти сооружения были нами расчищены и зафиксированы.

Все три керамических горна располагались в верхней части холма, в центре современного квартала города, ограниченного с юга улицей Володарского (бывш. Гончарная), с востока — Рюминым переулком (бывш. Гончарный), с запада — Большим Ватиным переулком и с севера — Интернациональной улицей. В этом районе гончарной слободы горны найдены не впервые. В юго-западном углу того же квартала в 1946 г. Московской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Музея истории и реконструкции г. Москвы был раскопан сильно разрушенный керамический горн [1]. Другой горн был случайно обнаружен в 1952 г. при земляных работах в южной части квартала, во дворе дома № 5 по ул. Володарского [2].

Таким образом, из девяти открытых в устье Яузы горнов пять найдены в упомянутом районе гончарной слободы, а четыре других — к западу от них [3].

Из сказанного выше, однако, не следует, что изученный нами район Яузской гончарной слободы был наиболее плотно заселен гончарами и яв-

[1] М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА, № 12, 1949, стр. 5—43.

[2] Сведения о находке горна сообщены автору настоящей статьи жителями этого дома. Судя по описаниям, конструкция этого керамического горна сходна с конструкциями горнов, открытых в 1954 г.

[3] В. А. Мальм. Горны московских гончаров XV—XVII вв. (По материалам раскопок ГИМ 1946 г.). МИА. № 12, 1949, стр. 44—51; М. Г. Рабинович. Ук. соч., рис. 2.

лялся основным в гончарной слободе. Проведенные здесь большие земляные работы, при которых и обнаружено большинство горнов, привели к почти полному исследованию этого района слободы и выявлению почти всех имевшихся здесь керамических горнов.

Все три найденных в 1954 г. керамических горна располагались неподалеку друг от друга. Горн № 1 находился на расстоянии 2 *м* от горна № 2; горн № 3 — в 18—25 *м* от горнов №№ 1 и 2.

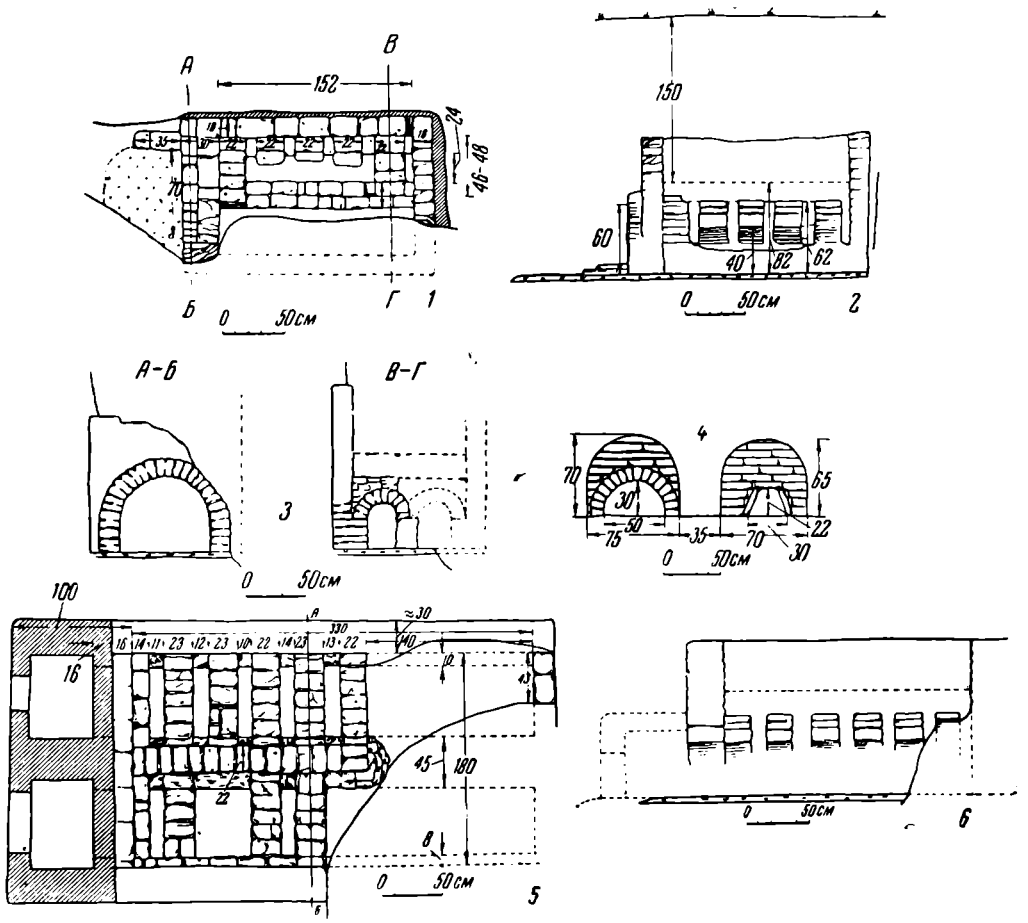


Рис. 1

1 — горн № 1, план; *2* — горн № 1, вид с запада; *3* — горн № 1, сечение по А—Б и В—Г; *4* — горн № 2, чело топок; *5* — горн № 2, план; *6* — горн № 3, продольный разрез

Конструкция всех трех горнов в общих чертах сходна, так же как сходны и строительные материалы, употребленные для их сооружения. Отмечается также сходство этих горнов с керамическим горном, обнаруженным в 1952 г., и с горном, раскопанным Московской экспедицией в 1946 г. Все это говорит за возможную одновременность всех вышеназванных горнов.

Горн № 1 (рис. 1, *1—3*; рис. 2, *1*) — прямоугольный двухъярусный, с выносной топкой. Он был сооружен на глиняной подушке толщиной около 0,10 *м*, в специально для него вырытой в пологом склоне холма яме, где занимал ее южную, более глубокую часть. Глубина ямы от современной поверхности — 2,4—2,6 *м*; на глубину 2,00—2,20 *м* она была вырыта в материковом песке. Мощность культурного слоя на месте нахождения горнов—0,40—0,60 *м*; в нем встречается керамика в основном XVII—XVIII вв. В обрезах культурного слоя видны вырытые в материке ямы, заполненные бракованной посудой, большая часть которой относится к XVI в. Ширина ямы, вырытой для горна № 1,—1,50—1,60 *м*; длина — не менее 3,50—4,00 *м* (северная стенка была разрушена при устройстве горна № 2). Яма и горн ориентированы в направлении север — юг, с отклонением северного конца горна к востоку на 10—15°. Топка горна находилась с север-

ной стороны. Стенки горна вертикальные и сложены из большемерного кирпича на глине. Формат кирпича 30 × 16 × 7 *см* устойчив, без заметных отклонений. Кирпич хорошо обожжен и имеет повышенное содержание песка в глиняном тесте, что, по-видимому, говорит о его огнеупорности. Клейм на кирпиче нет. Пространство между стенами горновой ямы и горном забито глиной. Кирпичи, глина и стенки ямы прокалены до ярко-красного цвета. Нижняя часть боковых стенок горна на высоту примерно в 0,25 *м* сложена толщиной в кирпич. Толщина стенок обжигательной камеры, расположенной наверху,— полкирпича. За счет разницы в толщине стенок горна на внутренней стороне боковых стенок горна имеется выступ шириной в полкирпича.

Длина горна № 1 (без топки) — около 2 *м,* ширина — 1,3 *м*. Высота, на которую сохранились стенки горна,— около 1,20 *м*. Количество рядов кирпича проследить не удалось в силу плохой сохранности их в стенках горна. Топка горна № 1 была выносная и примыкала к горну с севера. Боковые стенки топки и свод также были выложены из большемерного кирпича того же формата, что и в стенках горна. Свод топки разрушен почти целиком. Однако высоту топки установить удалось: она была около 0,60 *м;* ширина топки — 0,70 *м*. Устье топки разрушено, но, судя по аналогиям с другими горнами, о которых говорится ниже, оно имело вид невысокой арочки. Топка примыкала к расположенным в нижней части горна двум параллельным изолированным топочным проходам, разделявшимся козлом. Поды топки и топочных проходов располагались на одном уровне. Протяженность проходов равнялась длине обжигательной камеры. Перекрытие топочных проходов являлось одновременно и основанием пода обжигательной камеры. Оно состояло из пяти двойных арочек, помещенных поперек топочных проходов и опирающихся своими средними пятами на козел, а крайними — на выступы с внутренней стороны боковых стенок горна. Арочки и козел сложены из маломерного кирпича (формата 22 × 11 × × 5*см*). В арочках кирпич был положен на ребро, и ширина их равнялась длине кирпича. Между арочками имелись щели в 0,10—0,12 *м*. Высота арочек (высота топочных проходов) — 0,40—0,45 *м*. Ширина топочных проходов — 0,24—0,25 *м*. Выше арочек, перекрывавших топочные проходы, находился под обжигательной камеры горна, также выложенный из маломерного кирпича. Он сохранился плохо, его толщина 15—17 *см* прослеживалась лишь с внутренней стороны на месте его смыкания с боковыми стенками горна. Обжигательная камера горна № 1 — прямоугольная, с вертикальными стенками. Длина ее — около 1,50 *м,* ширина — 0,90—0,95 *м*; высота сохранившейся части (от уровня пода) — 0,45 *м*. У нас нет данных, чтобы судить о характере перекрытия обжигательной камеры; возможно, она имела коробовое перекрытие и отверстие для загрузки с южной стороны. Известны и горны с обжигательными камерами без перекрытия, у которых временное перекрытие делалось после загрузки их посудой.

В топке горна № 1, и особенно в восточном топочном проходе, мы обнаружили крупные обломки сосудов и раздавленные шлакированные сосуды.

В топочном проходе найдены два красноглиняных лощеных кувшина, изготовленных на ручном круге. Они имеют яйцевидное тулово и хорошо выделенное цилиндрическое горло со сливом. Лощение нанесено на верхнюю часть тулова сосуда. Сосуды этого типа принадлежат к поздним разновидностям краснолощеной керамики и по аналогии с подобными кувшинами из раскопок Московской экспедиции в Зарядье могут быть датированы первой половиной XVI в.[4]. В том же топочном проходе были обнаружены четыре раздавленные чернолощеные миски со сферическими стенками. По аналогии с материалами из Зарядья и эти миски датируются

[4] А. Ф. Дубынин. Раскопки Московской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 72, рис. 21; М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 63.

первой половиной XVI в. Рядом найдена в обломках чернолощеная кубышка XVI в. В том же топочном проходе найдены в виде обломков три белоглиняных горшка средних размеров. Один из них — с линейным орнаментом, другой — с волнистым и третий — без орнамента. Горшки тонкостенные и имеют одинаковые профили венчиков, характерные для начала XVI в. Наконец, в том же топочном проходе найден кувшин-кружка из красной

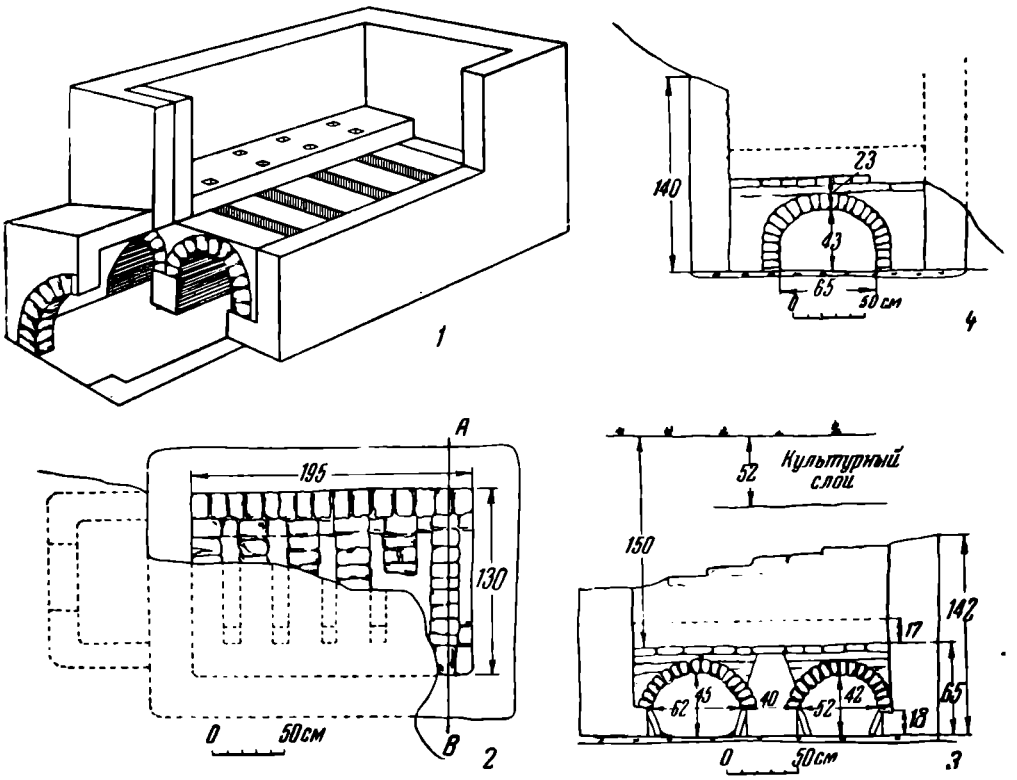


Рис. 2

1 — горн № 1, реконструкция; *2* — горн № 3, план; *3* — горн № 3, сечение по А—Б; *4* — горн № 2, сечение по А—Б.

глины с округлым туловом и коротким горлом; сосуд покрыт круглыми пятнами белого ангоба. В культурном слое древней Москвы посуда, выполненная такой техникой, датируется XV—XVI вв. По своей форме сосуд более характерен для XVI в. Все найденные в горне сосуды одновременны и позволяют датировать его первой половиной XVI в. К этой же дате приводит нас и маломерный кирпич, употребленный при постройке горна: его формат указывает на то, что горн может относиться ко второй четверти XVI в.

В северной части ямы, рядом с разрушенной топкой, найдены железные светец и подсвечник.

Горн № 2 (рис. 1, *4*, *5*; рис. 2, *4*) стоял в 2 *м* к северу от горна № 1. Судя по стратиграфии, он мог функционировать только после прекращения деятельности горна № 1; расстояние между задней стенкой горна № 2 и топкой горна № 1 равнялось 1 *м*, что исключало возможность одновременной эксплуатации обоих горнов. Очевидно, горн № 2 заменил горн № 1. Горн № 2 больше горна № 1 и технически более совершенен. Так же, как и горн № 1, он прямоугольный, двухъярусный, с выносной топкой. Он помещался в горновой яме. Глубина ямы — 2,60 *м*; длина — не менее 6 *м*, ширина — 2,30 *м*. Горн и горновая яма также ориентированы в направлении с севера на юг. Стенки горна вертикальны, они сложены из большемерного кирпича того же формата, что и в горне № 1. Нижняя часть стенок горна № 2 возведена в полтора кирпича; верхняя часть стенок обжигательной камеры сделана в один кирпич. Толщину задней стенки горна проследить не удалось. На боковых стенках горна,

с внутренней стороны на высоте 0,18—0,20 *м* от основания горна, которым служила глиняная подушка толщиной около 0,10 *м*, имелся выступ, образованный за счет перехода от кладки в полтора кирпича к кладке в один кирпич. В отличие от горна № 1, у горна № 2 имелись две смежные выносные топки, расположенные с северной стороны. Лицевая стенка топки общая и имела два чела. Чело западной топки сделано в виде пологой арочки из маломерного кирпича, поставленного на ребро (такого же, как и в горне № 1). Высота чела — 0,30 *м*, ширина — 0,50 *м*. Чело восточной топки, в виде небольшого трапециевидного отверстия, было перекрыто сверху большемерным кирпичом. Оно больше напоминало поддувало, чем отверстие топки. Высота его — 0,22 *м*; максимальная ширина — 0,30 *м*. Западная топка имела большие размеры: ширину — 0,75 *м*, высоту—0,70 *м*, ширина восточной топки — 0,70 *м* при высоте топочного чела в 0,65 *м*. Длина обеих топок одинаковая — 0,50 *м*. Обе топки имели коробовое перекрытие из большемерных кирпичей. Из топок жар попадал в топочные проходы, идущие в нижней части горна и разделенные козлом. Перекрытие их, так же как и в горне № 1, было образовано поперечными арочками из маломерного кирпича форматом 22 × 11 × 5 *см*, поставленного на ребро. Средней пятой эти арочки опирались на козел, сложенный из маломерного кирпича, а крайними пятами — на выступы боковых стенок горна. Ширина арочек — 0,22 *м*. В горне сохранились шесть таких арочек, всего же их насчитывалось не менее десяти. Поверх них был настлан под обжигательной камеры, также из маломерного кирпича. При одинаковой длине топочные проходы различались прочими размерами: западный имел ширину 0,64 *м* и высоту 0,45 *м*, восточный — 0,52 *м* при высоте в 0,42 *м*. Ширина козла в горне — 0,40 *м*. Стенки топочных ходов были обложены вертикально поставленными маломерными кирпичами. Из-за разрушенности юго-западного горна нам не удалось установить наличие или отсутствие перемычки между козлом и задней стенкой горна, и, таким образом, не выяснена изолированность или связанность топочных ходов; поэтому ряд вопросов, касающихся теплового режима горна, остался открытым. Обжигательная камера горна № 2 прямоугольная, располагалась над топочными проходами и козлом; ширина ее — 1,75 *м*, длина — 3,50 *м*. Лучше всего сохранилась северная стенка, ее высота от уровня пода — 0,70 *м*. Под горна сильно разрушен. Общая длина горна № 2 вместе с топками составляет около 4,5 *м*, ширина — 2,40 *м*.

У нас нет данных о системе перекрытия обжигательной камеры. В западном топочном проходе найдено несколько обломков чернолощеной посуды такого же типа, что и в горне № 1. Судя по материалу, из которого сооружен горн № 2 (маломерный кирпич форматом 22 × 11 × 5 *см*), а также по расположению горна № 2 по отношению к горну № 1, указывающему на его несколько более позднее время, горн № 2 можно датировать серединой XVI в.

Горн № 3 (рис. 1, *6*, рис. 2, *2*, *4*) находился в 18 *м* к юго-западу от горна № 1. Его сохранность хуже всех остальных. У него отсутствовали топка, северо-восточный угол, большая часть пода и перекрытия топочных ходов. Так же как и горны №№ 1 и 2, горн № 3 прямоугольный в плане, двухъярусный, с выносной топкой. Он размещался в горновой яме глубиной 2,50 *м*, шириной 2,20 *м* и длиной не менее 4 *м*. Горн был ориентирован в направлении с востока на запад, топка находилась с восточной стороны. В отличие от горнов №№ 1 и 2, в этом горне не имелось козла. Стенки горна были сложены в один кирпич из большемерного кирпича форматом 30 × 16 × 7 *см*. В нижней части горна имелся один топочный проход, перекрытый арочками из маломерного кирпича, расположенными поперек прохода. Таких арочек было шесть. В них маломерный кирпич поставлен на ребро. Длина топочного прохода — 1,95 *м* , высота — 0,43 *м*, ширина — 0,65 *м*. Арочки, перекрывавшие топочный проход, опирались на его стенки. Размер обжигательной камеры горна 1,95 × 1,30 *м*. Длина горна без

топки — 2,60 *м*, ширина — около 2 *м*. Под обжигательной камеры горна сильно разрушен; он также был сложен из маломерного кирпича. Стенки обжигательной камеры горна прослеживались в высоту на 0,40 *м* от уровня условного пода. О характере перекрытия обжигательной камеры горна № 3 данных нет. В горне не найдено посуды, однако неподалеку от разрушенной топки находилось несколько ям, вырытых в материке и заполненных бракованной посудой. В ближайшей из них, расположенной в 4—5 *м* от горна, находилась главным образом красноглиняная и краснолощеная посуда, которую можно датировать началом XVI в. В значительном количестве здесь попадались обломки ангобированных сосудов того же времени. Таким образом, и этот горн можно отнести к середине XVI в.

Если с исследованными нами горнами сопоставить горн, открытый Московской экспедицией ИИМК АН СССР в 1946 г., то станет совершенно ясным, что данная ему трактовка нуждается в известных исправлениях. То, что его исследователи приняли за топки, на самом деле является топочными проходами. Как мы видели, в горнах с одной топкой встречается и по два топочных прохода (горн № 1). Также подлежит пересмотру и дата горна, определенная как XVII в.[5] Просмотр посуды, найденной вместе с горном, убеждает в том, что дата горна не может выходить за пределы XVI в. и что горн, открытый в 1946 г. (так же как и горны, исследованные нами), относится к началу или середине XVI в.

Все перечисленные горны, расположенные в этом районе,— кирпичные, прямоугольные в плане, двухъярусные, с выносной топкой. Очевидно, этот район гончарной слободы в XVI в. занимался исключительно производством бытовой посуды. Она выделывалась из разного сырья, различной техникой, при различной степени обжига. Этот район, судя по всем данным, был заселен гончарами сравнительно короткое время. Изучение культурного слоя на территории квартала, а также материала, собранного при раскопках 1946 г., позволило установить, что здесь не встречается ни посуды, ни вещей, связанных с гончарным производством ранее начала XVI в.

С другой стороны, писцовые книги XVII в. говорят о том, что в это время район начинает осваиваться людьми, не имеющими отношения к гончарному делу (кольчужники, дворяне, церковники). Характерно, что на территории квартала не найдено ни одного горна XVII в. Очевидно, в это время гончарный район Яузской слободы перемещается далее к востоку, где и следует искать горны и следы деятельности гончаров этого времени.

---

[5] М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 102.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

ЧЕРНОЛОЩЕНЫЙ КУВШИН XVII в. С НАДПИСЬЮ

Во время строительных работ в Москве в Казарменном переулке у дома № 4 был обнаружен древний колодец. При его расчистке на дне, на глубине 14 *м* рабочие нашли большой совершенно целый чернолощеный кувшин (рис. 1). Как говорят, на его ручке сохранился даже обрывок веревки.

Высота кувшина — 37 *см*, наибольшая ширина — 35 *см*; вместимость — около 13 *л*. Видимо, это один из самых крупных экземпляров древней московской посуды подобного типа [1].

---

[1] А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена». Л., 1936, стр. 134.

Орнамент кувшина состоит из 28 линий на верхней части тулова. На горле сосуда имеется надпись (рис. 2), процарапанная каким-то острым предметом. Она гласит: «Кувшин добра человека Григория Офонасева».

Надпись была сделана уже после лощения и обжига, что, естественно, усложнило процесс письма и отразилось на форме букв: они получились угловатые, с удлиненными палочками. Тем не менее надпись читается довольно легко. Большинство букв изображено четко и ясно; высота их от 5 до 15 *мм*. По характеру начертания — это скоропись. Она относится ко второй половине XVI — началу XVII в.[2]. Автор надписи был, несомненно, хорошо грамотным человеком.

Рис. 1. Чернолощеный кувшин с надписью

Из особенностей надписи следует отметить, во-первых, интересную лигатуру из трех букв — «р», «и», «я» — в слове «Григория», по типу вязи; и, во-вторых, не совсем обычный вынос буквы «а» в слове «Офонасева» — над строкой, под титлом. Впрочем, это, возможно, результат исправления описки.

В остальном транскрипция соответствует здесь обычаям и правилам русского письма того времени. Это относится, в частности, и к написанию упомянутого уже слова «Офонасева» через «о» в начале и без мягкого знака после «с».

Место находки — Казарменный переулок — бывшая Барашевская слобода, заселенная в XVII в. в основном ремесленниками. Жили там люди и другого звания — мелкие торговцы, подьячие и т. д.[3].

В переписных книгах Москвы XVII в. (первая из них относится к 1638 г.) имя Григория Афанасьева не встречается, но в «Книге об устройстве торговых городских рядов»[4] за 1626 г. в числе прочих торговцев упоминается некий Гришка Офонасьев, плативший за свою лавку в Китай-городе 1 рубль, 11 алтын, 4 денги пошлины.

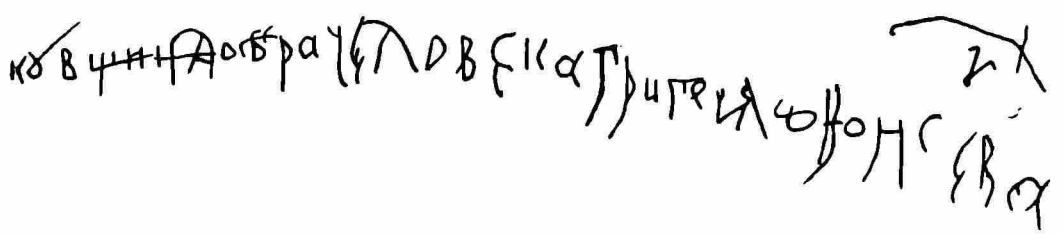


Рис. 2. Надпись на кувшине (прорись)

Возможно, что это и есть хозяин найденного кувшина. Если это так, то он, судя по размеру пошлины, был довольно состоятельным человеком и принадлежал, вероятно, к средним слоям посадского населения. Кто же

---

[2] И. С. Беляев. Практический курс изучения древнерусской скорописи для чтения рукописей XV—XVIII столетий. М., 1911, табл. VII и X.

[3] Тр. Московского отдела Русского военно-исторического общества, т. I. Росписной список города Москвы 1638 г. М., 1911, стр. 223 сл.

[4] И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891, стр. 1126.

сделал надпись? Скорее всего, сам хозяин сосуда Григорий Афанасьев или кто-нибудь из близких ему людей. Так или иначе, эта надпись, несомненно, принадлежит руке посадского человека, что для нас особенно интересно.

Обычай отмечать подписями предметы домашнего обихода, в том числе и посуду, известен у нас с X в.[5] Как видим, эта традиция дожила до позднего времени. Весьма распространенным был также обычай именовать хозяина сосуда «добрым человеком» и желать ему в жизни всяческого благополучия и здравия[6].

Находка из Казарменного переулка в Москве пополняет коллекцию надписей на древних сосудах и, кроме того, еще раз говорит о широком применении глиняных кувшинов в качестве посуды для ношения воды[7].

---

[5] Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН. 1950, т. IV; Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI века. КСИИМК, вып. XII, 1946; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 187; Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, вып. 70, 1957.

[6] М. М. Постникова-Лосева. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты. Сб. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 167—169; С. К. Просвиркина. Русская деревянная посуда. М., 1957, стр. 32, 36.

[7] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 190, 191.

Р. В. ФЕДОРОВА

ПРИМЕНЕНИЕ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРИКАСПИЯ И ПРЕДКАВКАЗЬЯ

В настоящее время имеется целый ряд археологических работ, в которых показано, что для установления абсолютного возраста древних поселений и характеристики окружающих их природных условий довольно успешно применяется метод спорово-пыльцевого анализа. Мы также предпринимали попытки сочетать спорово-пыльцевой анализ с исследованиями археологов. Некоторые результаты этого были получены для района Ергеней и ближайших к ним территорий[1], а также для юго-западной части Прикаспийской низменности[2]. Так, для района сс. Ачикулак и Бажигон Чечено-Ингушской АССР по сборам образцов, представленных Е. И. Крупновым, нам удалось получить некоторые новые сведения о природе, окружавшей человека в эпоху бронзы и в средневековье. Эти сведения вполне совпадают с теми, которые были получены по исследованиям археологов, и благодаря проверке двумя методами могут считаться достаточно достоверными. Таким образом, научное содружество археологов с палеоботаниками обеспечивает возможность создания более полной исторической характеристики районов[3].

---

[1] Р. В. Федорова. Лесные фазы в растительном покрове Ергеней и Ставрополья в позднем голоцене. (По данным спорово-пыльцевого анализа). Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. 63, т. 13, 1955.

[2] Ее же. Результаты исследования спорово-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. Изв. Грозненского обл. краеведч. музея, вып. 5, 1953.

[3] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954.

Для настоящей статьи использованы материалы раскопок Е. И. Крупнова у с. Ачикулак и у с. Луговое в Ассинском ущелье (могильник) [4].

Из района Ачикулака анализировались погребенные почвы, образование которых, по сообщению Е. И. Крупнова, относится к различным периодам: к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.), к I тысячелетию до н. э. и к средневековью. Из могильника близ с. Лугового для анализа было взято содержимое сосудов (земля — сцементированные ожелезненные суглинки, иногда достаточно гумифицированные). Могильник датируется Е. И. Крупновым серединой I тысячелетия до н. э.

Приводим список датированных Е. И. Крупновым образцов, поступивших на спорово-пыльцевой анализ (табл. 1).

Несмотря на то, что в образцах содержится крайне малое количество пыльцы и спор растений (табл. 1), все же общий комплекс их состава позволяет, хотя и с осторожностью, сделать некоторые обобщения. Прежде всего следует отметить, что анализы показывают довольно четкое подразделение их на две группы: Луговой могильник со спектрами, близкими к типу лесостепных, и ачикулакские погребенные почвы со степными или полустепными спектрами.

Остановимся на данных спорово-пыльцевого анализа образцов из района Ачикулака, некоторые результаты которого уже были нами опубликованы в 1953 г.

В них преобладает пыльца травянистых растений, типичных для полупустыни (лебедовые и полыни). По составу входящих в них компонентов они довольно однообразны и бедны видами, за исключением одного образца погребенной почвы периода средневековья (X—XV вв.).

Для эпохи бронзы вследствие малого содержания в образцах пыльцы (образцы №№ 9 и 10) не представилось возможности сделать какой-либо вывод о растительности ближайших местностей.

По другим образцам, относящимся к I тысячелетию до н. э. (середина или вторая его половина), отмечается обилие полупустынных растений (лебедовых и полыней) и отсутствие более северных или лесных растений. Пыльца древесных пород представлена формами дальнего заноса (сосна и береза) в виде единичных зерен этих пород.

В периоды, более близкие к современному, погребенные почвы имеют некоторые элементы, указывающие на наступление несколько иных, чем теперь, условий при их формировании. Так, образец № 12 (II в. до н. э.) из четырех зерен содержит три споры папоротников и одно пыльцевое зерно злака. Образец № 11 (средневековье), несмотря на ничтожное количество пыльцы древесных пород (1% от общего состава пыльцы и спор) и обилие пыльцы полыней и лебедовых, выделяется в ачикулакской группе образцов большим видовым разнообразием, наличием зерен орешника, папоротника, а также большим обилием пыльцы злаков. В 1953 г. в погребенной почве этого периода нами отмечены пыльцы орешника, липы, граба, споры плауна и сфагнового мха. В современных спектрах поверхностного слоя почв пыльца этих растений вблизи с. Ачикулака не встречается. Кроме того, следует учесть, что в образцах ачикулакской группы обилие пыльцы полыней и лебедовых отчасти может быть объяснено тем, что эти растения росли вблизи тех мест, где производился отбор образцов для анализа. Об этом можно судить по тому, что почти во всех образцах при анализе отмечено наличие пыльцы этих растений в виде комочков, иногда включающих более 50 пыльцевых зерен, что наблюдается вблизи растений, являющихся источником этой пыльцы. Возможно, что в силу этого относительная встречаемость пыльцы лесных или более северных растений в спектрах района с. Ачикулак имеет более низкие значения.

[4] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948; его же. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

Таблица 1

Результаты спорово-пыльцевых анализов образцов погребенных почв и содержимого сосудов из погребений

	Объект	Луговой могильник. Содержимое сосудов								Район с. Ачикулак. Погребенные почвы							
	Дата	Середина I тысячелетия до н. э.								Середина или 2-я половина I тысячелетия до н. э.				II в. до н. э.	II тысячелетие до н. э.		X—XV вв. н. э.
	№№ образцов	1а	1б	1в	2	3	4	5	6	7а	7б	8а	8б	12	9	10	11
	Сумма подсчитанных пыльцевых зерен и спор	56	69	150	14	33	50	15	—	—	—	62	26	4	13	18	131
Общий состав	Пыльца древесных пород	11%	23%	20%	4*	3*	10*	3*	—	—	—	5%	2*	—	1*	—	1%
	Пыльца травянистых растений	41%	33%	49%	7*	20*	32*	6*	—	—	—	94%	24*	1*	12*	18*	99%
	Споры	48%	44%	31%	3*	10*	8*	6*	—	—	—	1%	—	3*	—	—	—
Состав пыльцы древесных пород	Picea (ель)	—	1*	1*	—	—	1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Pinus (сосна)	4*	5*	10*	4*	1*	5*	1*	—	—	—	2*	2*	—	—	—	7*
	Acer (клен)	—	—	—	—	—	—	1(?)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Betula (береза)	1*	1*	—	—	1*	—	—	—	—	—	1*	—	—	—	—	—
	Alnus (ольха)	—	4*	7*	—	—	—	1*	—	—	—	—	—	—	1*	—	1*
	Tilia (липа)	1*	—	4*	—	—	2*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Fagus (бук)	—	3*	2*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Corylus (орешник)	—	2*	6*	—	1*	1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1*
Состав пыльцы травянистых растений	Gramineae (злаковые)	3*	1*	12%	1*	3*	—	—	—	—	—	3%	—	1*	—	—	10%
	Chenopodiaceae (лебедовые)	3*	1*	5%	1*	—	2*	—	—	—	—	54%	3*	—	5*	10*	38%
	Artemisia (полыни)	—	—	2%	—	1*	2*	—	—	—	—	29%	14*	—	4*	5*	44″%
	Проч. Compositae (сложноцветные)	11*	18*	54%	3*	10*	21*	2*	—	—	—	2%	2*	—	1*	—	5″%
	Plumbaginaceae (свинчатковые)	—	—	3%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Caryophyllaceae (гвоздичные)	—	—	4%	—	—	—	—	—	—	—	—	1*	—	1*	—	—
	Polygonaceae (гречишные)	—	—	3%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
	Malvaceae (мальвовые)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
	Umbelliferae (зонтичные)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Ephedra (эфедра)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1%
	Typhaceae (рогозовые)	1(?)	—	—	1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Nymphaeaceae (кувшинковые)	2*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Неопределенные	3*	3*	17%	1*	6*	7*	4*	—	—	—	12%	4*	—	1*	3*	2%
Споры	Polypodiaceae (папоротниковые)	24*	30*	41*	3*	10*	8*	6*	—	—	—	1*	—	3*	—	—	1*

Примечания. * — абсолютные цифры; + — присутствие пыльцы в количестве менее 1%. Вычисления в процентах произведены только для анализов, в которых подсчитано более 50 пыльцевых зерен и спор.

Вторая группа образцов — содержимое сосудов Лугового могильника. В настоящее время оно представляет собой сцементированные в прочную массу ожелезненные суглинки. Что находилось в сосудах при погребении, нами не установлено. Можно предполагать, что в одном из них (образец № 1) могла быть поставлена вода или пища, приготовленная с водою местных водоемов, так как в придонном слое анализируемого материала найдена пыльца кувшинковых и рогоза, что отмечено также в другом сосуде из этого могильника.

Спектры этой группы образцов, хотя они также содержат немного пыльцы, отличаются от образцов ачикулакской группы значительно бóльшим содержанием пыльцы древесных пород и спор папоротников. По общему составу пыльцы и спор они могут быть причислены к лесостепному спектру. Все семь анализированных образцов имеют очень похожие друг на друга спектры. Пыльца древесных пород в них составляет 11—23%, пыльца травянистых растений — 33—49% и споры (исключительно папоротники) — 31—48%. Кроме пыльцы, которая может здесь присутствовать вследствие дальнего заноса, образцы содержат пыльцу древесных пород местного происхождения: липу, бук и орешник. Этим представлениям об облесенности ближайшей к могильнику местности соответствует также состав пыльцы травянистых растений и наличие спор папоротника в сравнительно большом количестве. Пыльца полыней и лебедовых здесь отсутствует или представлена 1—5%, встречается пыльца злаков, относительно большое количество пыльцы сложноцветных и некоторых других растений.

Однородность спектров содержимого сосудов вполне соответствует их одновозрастности. Луговой могильник Е. И. Крупнов относит к середине I тысячелетия до н. э. (VI—V вв. до н. э.). Спорово-пыльцевые спектры констатируют неизменность растительного покрова по анализам образцов из различных погребений этого могильника. В этот период в местности, окружающей могильник, имелись условия, допускающие произрастание лесной и водной флоры.

Для сопоставления ископаемых спектров с современными обращаемся к современному растительному покрову исследованных районов. Район с. Ачикулак в настоящее время находится в области полупустыни. Спорово-пыльцевой анализ поверхностного слоя почвы из района с. Ачикулак показывает следующий состав.

Количество подсчитанных пыльцевых зерен и спор 367

Общий состав пыльцы и спор

Пыльца древесных пород 1%
Пыльца травянистых растений 99%
Споры +

Пыльца древесных пород

Picea (ель) 2%
Pinus (сосна) 93%
Betula (береза) 1%
Alnus (ольха) 4%
Carpinus (граб) +
Cornaceae (деренные) +

Пыльца травянистых растений

Gramineae (злаковые) 1%
Chenopodiaceae (лебедовые) 68%
Artemisia (полыни) 23%
Проч. Compositae (сложноцветные) 7%
Ephedra (эфедра) +
Umbelliferae (зонтичные) +
Polygonaceae (гречишные) +
Неопределенные 3%

Споры

Polypodiaceae (папоротниковые) 6*

Примечание: Нами приводится один из типичных спектров поверхностного слоя почвы с. Ачикулак. * — абсолютные цифры. + — присутствие пыльцы в количестве менее 1%.

Как видно из сопоставления этих результатов с таблицей 1, особо существенных изменений в Ачикулакском районе за исследованные периоды

не произошло. Можно лишь отметить, что в средневековье произошло значительное сокращение в травяном покрове роли лебедовых по сравнению с I тысячелетием до н. э., что говорит о меньшей ксерофильности этого периода по сравнению с современностью. В районе г. Грозного и ближайших к нему окрестностей, в радиусе до 50 *км*, растительный покров имеет большое разнообразие, которое отражено на карте растительности 1950 г.[5] Так, на карте выделены: 1) разнотравно-типчаковые ковыльные степи; 2) борадачевые и ковыльно-борадачевые луга; 3) луговые степи и остепненные луга; 4) поемные луга с кустарниками и лесами; 5) дубовые мезофильные леса (в верховье р. Ассы); 6) широколиственные леса; 7) буковые леса с Fagus orientalis.

В исследованном районе, имеющем горный характер, распределение растительного покрова связано с вертикальной зональностью и может оказать влияние как на современные, так и на ископаемые спорово-пыльцевые спектры. Однако в районе могильника близ с. Лугового в середине I тысячелетия до н. э. можно предполагать главным образом распространение лесостепи с наличием участков мезофильных лесов, имеющих в своем составе бук, липу и орешник, с обилием в напочвенном покрове папоротников и с несколько большим, чем в Ачикулакском районе, разнообразием травянистого покрова.

В районе расположения могильника особых изменений в растительном покрове, по данным анализа содержимого сосудов и современного его состояния, не наблюдается. Это соответствует тем представлениям, которые возникли у М. И. Нейштадта[6] об истории растительности района, ближайшего к Луговому могильнику,— северного склона Большого Кавказа — в голоцене. По М. И. Нейштадту, спорово-пыльцевые спектры торфяника, находящегося в Северной Осетии (к юго-востоку от г. Орджоникидзе, на правом берегу р. Терека), датируют его нижнюю часть средним голоценом, а верхнюю — поздним голоценом. По абсолютной хронологии, образование нижней части торфяных отложений относится к давности в 5000—6000 лет. За это время в Северной Осетии преобладали леса с неизменным составом — господствовали буковые леса со значительным участием граба.

Точно так же мы не находим существенных изменений в растительном покрове района могильника у с. Луговое за время с середины I тысячелетия до н. э. и до настоящего времени. За весь этот период вблизи могильника существовали лесостепные ландшафты.

---

[5] Карта растительности Европейской части СССР. М., 1950.

[6] М. И. Нейштадт. К истории лесов северного склона Большого Кавказа в голоцене. ДАН, т. 102, № 3, 1955.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МЕРСИН

(К вопросу о первых земледельческих поселениях Древнего Востока)

В ранней истории человеческого общества можно указать немного событий, которые имели бы такое значение для его последующих судеб, как переход от собирательства к производящим формам хозяйства, от периода дикости к варварству (по терминологии Моргана). Однако до сих пор еще недостаточно выяснены место и время возникновения первых оседлых поселений, сменяющих первобытные стойбища мезолитических собирателей, охотников и рыболовов, не выяснены также историческая среда и природная обстановка, в которых должны были складываться новые, прогрессивные формы хозяйства. Это вопросы, на которые наша наука пока не в состоянии дать вполне удовлетворительного ответа. Здесь возможны лишь те или иные предположения.

Нет оснований сомневаться, что культивирование древнейших злаков — ячменя и пшеницы,— а также первые опыты разведения наиболее важных домашних животных производились прежде всего на территории, лежащей где-то между побережьем Средиземного моря (включая Сирию и Палестину) и районами Закавказья, Советской Туркмении и Афганистана. Здесь соответствующие дикие формы животных и растений издавна были представлены в местной фауне и флоре, поэтому естественно, что именно в условиях Среднего Востока такой переход к земледелию и связанному с ним скотоводству мог произойти очень рано.

Уже в эпоху раннего неолита в странах, лежащих вокруг Иордана и Мертвого моря (на территории современных Ливана, Иордании, Израиля), на основе позднемезолитической культуры натуфийского склада появляется культура типа тахуне[1], носители которой были знакомы с примитивным земледелием и разведением домашних животных. Однако поскольку наши сведения о культуре тахуне ограничиваются почти исключительно материалом, полученным из сборов случайного характера, а не путем систематических, научно поставленных раскопок, трудно сказать что-либо определенное о том, когда и как именно, в какой конкретной исторической обстановке должен был проходить здесь процесс сложения новых форм хозяйства и культуры.

Известные нам стоянки раннего этапа этой культуры (тахуне I) еще не очень отличаются от предшествующих им первобытных лагерей натуфийцев. Однако на каком-то этапе такие стоянки сменяются совершенно новым типом поселений, так называемыми жилыми холмами, или теллями, которые с этого времени становятся основным видом археологических памятников для всего Древнего Востока, за исключением Египта.

Появление и быстрое распространение теллей можно рассматривать как следующий важнейший этап в развитии и упрочении уже вполне оседлой и достаточно зрелой в техническом отношении культуры земледельческих общин эпохи неолита.

С точки зрения проблемы происхождения земледельческого хозяйства особенно важно, что древнейшие известные в настоящее время телли (вроде неолитического Иерихона в Иордании или Калат-Джармо в предгорьях Курдистана) раскрывают яркую картину жизни больших, цветущих и прекрасно организованных неолитических поселений. Вместе с тем на начальных этапах своего существования, в частности в изделиях из кремня, эти телли как будто обнаруживают еще явственные черты культуры тахуне (тахуне II). Их ранние докерамические горизонты восходят, как думают наиболее авторитетные исследователи, по крайней мере, к первой половине V тысячелетия до н. э. Интересно, что присущие им особенности во многом повторяются затем в памятниках более поздних эпох.

---

[1] Некоторые авторы, например М. Беркитт (см. M. Burkitt. The Earlier Cultures at Mersin. Annals of Archaeology and Anthropology, т. XXVI, № 1—2, Liverpool, 1939, стр. 51), высказывают сомнение в исторической реальности тахуне; однако вряд ли это обоснованно. Ср. R. Neuville. Le Paléolithique et le Mésolithique du Désert de Judée. Paris, 1951, стр. 166; П. Ефименко. К вопросу о стадиях каменного века в Палестине. Ежегодник Русск. Антропол. об-ва, т. V, 1915, стр. 77—83.

Телли с культурными остатками неолитического времени открыты сейчас в довольно большом числе не только в Палестине и пограничной полосе между Месопотамией и Ираном, но и несколько дальше на северо-запад, отчасти на территории Северного Ирака, затем в Сирии и на юге Малой Азии — в древней Киликии. Однако здесь только в Мерсине, на южном побережье Малой Азии, культурные отложения, относящиеся к эпохе неолита, были подвергнуты раскопкам, во всех остальных местах их исследования не выходили за рамки зондажей. Раскопки в Мерсине существенно дополняют то, что известно для неолита долины Иордана и Северо-Восточного Ирака [2]. В этом их особое значение для древнейшей истории Среднего Востока. Они дают хорошее представление о характерных особенностях неолитической культуры Леванта, которая, насколько можно судить, еще в V тысячелетии до н. э. оказывала большое влияние не только на островной мир Эгеиды, но и на все Восточное Средиземноморье.

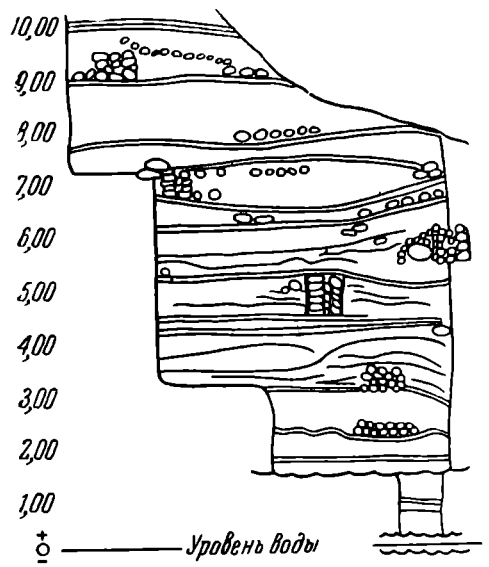


Рис. 1. Разрез неолитических наслоений Мерсина

Холм Юмюк-Тепе находится в окрестностях небольшой гавани Мерсин, в 3 *км* от нее на северо-запад, на берегу небольшой речки Согук-Су («холодная вода»), питающейся осадками, выпадающими в горах Киликийского Тавра.

Как и многие телли Месопотамии, Юмюк-Тепе расположен на низменной равнине, сложенной из аллювиальных осадков, и имеет вид одиноко стоящего огромного искусственного холма, подошва которого местами подмывается рекой.

Толща культурных наслоений Юмюк-Тепе достигает огромной высоты. Даже в самом низу, на глубине 25 *м*, на уровне реки (принятом за нулевую горизонталь) находки продолжались и шли еще ниже. Таким образом, горизонт древней почвы не мог быть обнаружен исследователем из-за выступания грунтовых вод, и он находится, очевидно, значительно глубже современного уровня реки. Это само по себе заслуживает особого внимания, поскольку такой любопытный факт не единичен: он находит многочисленные параллели в древнейших теллях междуречья Тигра и Ефрата [3].

В напластованиях Юмюк-Тепе Д. Гарстанг различает 32 или 33 отдельных культурных горизонта; из них собственно к неолиту, по его мнению, следует отнести восемь или девять горизонтов в основании телля — начиная с XXV и ниже. Эти восемь-девять горизонтов соответствуют такому же числу строительных периодов в истории неолитических поселений Мерсина. Что же касается прослеживаемых здесь отдельных «уровней обитания»», то их Гарстанг насчитывает в неолитическом Мерсине, по крайней мере, в два раза больше. Во всяком случае, общая мощность неолитических отложений Юмюк-Тепе составляет в целом вряд ли меньше 10 *м*, что вполне позволяет сопоставить этот памятник с таким замечательным теллем, каким является неолитический Иерихон.

Только два верхних горизонта неолитических напластований Мерсина (XXVI и XXV — от 7,80 до 8,60 *м* выше 0) раскрыты на сравнительно значительной площади (15 × 10 *м*; в углу главного раскопа). Это хотя и составляет очень небольшую часть неолитического поселения, но все же может дать определенное представление, по крайней мере, о некоторых особенностях и об общем характере строительных остатков интересующей нас эпохи.

Что касается наиболее глубоких слоев телля, то они были просто прорезаны до уровня воды узкой разведочной траншеей, заложенной Гарстангом еще перед началом

---

[2] J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, стр. I—XVIII, 1—271. В этой монографии автор подводит итоги многолетним раскопкам и наблюдениям в Мерсине, имевшим место в 1936—1939 гг. и затем после длительного перерыва, вызванного второй мировой войной, продолженным в 1946 и 1947 гг. Предварительные отчеты по этим раскопкам печатались в свое время главным образом в ливерпульских «Annals of Archaeology and Anthropology», (тт. XXIV—XXVI; 1937—1940), а также в «Antiquity», (т. XIII, 1939).

[3] Интересно отметить, что в шумерском Кише в Нижней Месопотамии остатки неолитического поселения, видимо близкого по времени к древнейшим слоям Мерсина, залегали на целых 9 *м* ниже поверхности окружающей телль аллювиальной низины. Д. Гарстанг считает, что остатки первоначального обитания в Мерсине могут лежать метра на полтора ниже уровня реки, поскольку, по геологическим данным, глубже древние речные отложения здесь подстилаются третичными пластами эпохи миоцена (см. J. Garstang. Ук. соч., стр. 11).

систематических раскопок на размытом склоне холма, обращенном к реке, почти у самой его подошвы (вышележащие слои здесь не сохранились).

В условиях зондажа чисто разведочного характера было бы трудно, конечно, сделать сколько-нибудь широкие и законченные наблюдения даже над характером отдельных жилищ, их архитектуры или планировки. Все же полученный разрез древнейших наслоений Мерсина (рис. 1) освещает важную сторону жизни неолитического телля, которая может объяснить не только причины и условия его возникновения, но и необыкновенно быстрый рост культурных наслоений в последующее время.

С этой точки зрения весьма показательно также, что во всей многометровой толще неолитических наслоений общий характер неолитической культуры Мерсина в ее основных, наиболее существенных чертах и особенностях, как признает сам исследователь, остается совершенно одним и тем же. Никаких признаков перерыва в обитании телля им также не отмечается. Не прослеживается сколько-нибудь заметных отличий и в общем облике культуры нижних горизонтов по сравнению с верхним. Предлагаемое Гарстангом разделение соответствующих культурных наслоений на нижний (горизонт XXXI—XXVII) и верхний (горизонты XXVI и XXV) неолит остается поэтому по существу ничем не оправданным и совершенно условным. Нетрудно убедиться, следя за ходом рассуждений автора, что отмечаемые им различия носят внешний и случайный характер. Все неолитические горизонты телля характеризует одна и та же «монохромная» посуда, одинаковые изделия из обсидиана и кремнистой породы (шерт) [4]. Что же касается строительных остатков, то говоря об их исключительной примитивности для древнейших горизонтов Мерсина, исследователь, как это нетрудно показать, просто оказывается во власти явно предвзятых, ни на чем серьезном не основанных представлений. Заложенная в основании телля узкая разведочная траншея не дает, естественно, возможности судить о характере жилищ в эпоху образования древнейших горизонтов (XXXII—XXVII), их размерах или устройстве внутренних помещений. И все же, хотя строительные остатки по существу представлены тут только отдельными частями каменных кладок, с полной уверенностью можно утверждать, что они едва ли могли иметь что-нибудь общее с примитивными ветровыми заслонами дикарей, какие в них склонен усматривать Гарстанг [5].

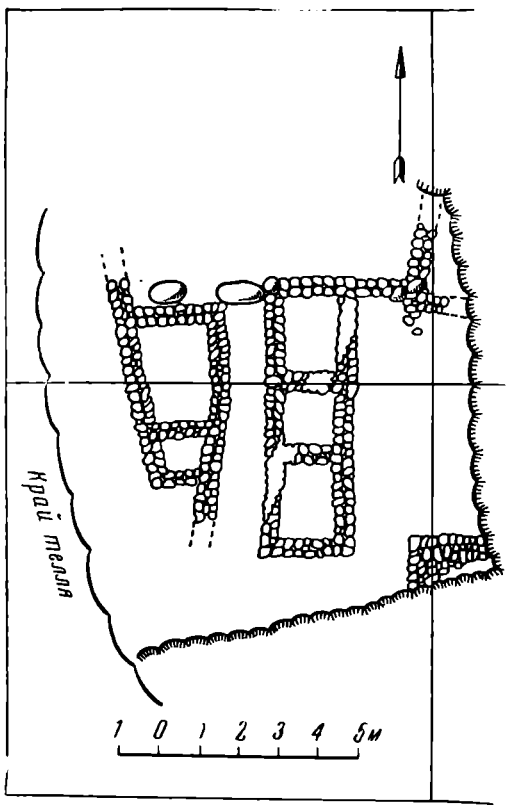


Рис. 2. Горизонт XXVI (план)

В монографии Д. Гарстанга полностью обойден вопрос о характере хозяйства неолитического населения Мерсина. Эта важнейшая сторона жизни древних обитателей телля остается им совершенно не освещенной, собственно, даже и для более поздних эпох, чем неолитическое время. Только в раннехалколитическом горизонте (XXII) упоминаются находки зерен ячменя. Но из того, что известно о неолитической культуре Мерсина и близких к нему в этом смысле культур Иерихона, Қалат-Джармо и других подобных неолитических памятников Передней Азии, можно утверждать с полной уверенностью, что Мерсин с самого начала представлял собой поселение большой земледельческо-скотоводческой общины, стоявшей на относительно высоком уровне развития хозяйства и культуры. Об этом свидетельствует уже сам раскрытый здесь тип поселения, без которого нельзя было представить себе образование телля.

Те шесть — семь горизонтов, соответствующих строительным периодам, и в два раза большее число уровней, отвечающих последовательным этапам обитания — со следами жизни в виде значительных прослоек золы и угля, которые прослеживаются в нижних наслоениях телля, рисуют картину, вполне типичную для оседлых земледельческих поселений эпохи неолита на всей территории Древнего Востока, где в соответствующий период наблюдается образование теллей. Для приемов подобной строительной техники вполне характерны, в частности, раскрытые на разных уровнях правильные кладки из речных или морских валунов в виде хорошо выровненных невысоких стен, выложенных двумя — шестью слоями камней. Толщина таких кладок обычно около 0,5 *м*; высота никогда не превышает 0,75 *м*.

---

[4] См. описание каменной индустрии Мерсина у М. Беркитта. (M. Burkitt. Ук. соч., стр. 108).

[5] Там же, стр. 14 сл.

В несколько более поздних культурных слоях, с 4 *м* и выше, начинает применяться новый прием: стенки теперь строятся из более крупных камней таким образом, что внутреннее пространство между кладками (в один ряд камней) заполняется мелкой галькой. Подобные каменные кладки, как это имело место во всем Восточном Средиземноморье, очевидно, должны были служить опорой для глинобитных стен, предохраняя их от размывания, в особенности в сезоны обильных зимних дождей.

Быстрое нарастание жилого холма вообще, очевидно, было бы невозможным, если бы оставившие его поселения не состояли из большого числа тесно скученных жилых сооружений, для которых в качестве основного, важнейшего строительного материала должны были использоваться речной ил или глина. Если в нижних горизонтах телля полы помещений, видимо, не обнаруживают признаков какой-либо вымостки или облицовки, то на шестом метре (горизонт XXVII) у остатков стен сохранились участки, выложенные мелкой галькой.

Гораздо яснее все эти детали все же выступают в верхних неолитических горизонтах Мерсина (XXVI и XXV) в раскопе «С», в той же юго-западной части телля, обращенной к реке, где строительные остатки были обнаружены на значительно большей площади, чем в узкой разведочной траншее «А». Открытые здесь архитектурные остатки относятся к периферии телля и срезаны его современным склоном. Размыв и оползание холма не дают, к сожалению, возможности судить, имел ли неолитический Мерсин какую-нибудь систему защитных ограждений, подобную той, например, какая открыта в Иерихоне. Нам же это представляется не только возможным, но и более чем вероятным.

Следует отметить, вопреки мнению Гарстанга, что строительные остатки этих верхних, лучше исследованных неолитических горизонтов, XXVI и XXV, в том виде, как они описаны в его книге[6], по своей технике в действительности мало отличаются от того, что мы имеем для нижележащих горизонтов.

Архитектурный комплекс, обнаруженный в горизонте XXVI, дает хорошо сохранившуюся каменную кладку нижней, опорной части стен многокомнатной постройки, общий вид которой трудно восстановить из-за ограниченности площади раскопа (рис. 2) В исследованной части какого-то большого жилища явственно прослеживаются два длинных прямоугольных помещения, расположенных по сторонам коридора. Помещения разделены поперечными перегородками на две-три отдельные небольшие камеры. Учитывая небольшие размеры пяти лучше сохранившихся помещений, отсутствие в них дверных проемов и, таким образом, очевидно, не вполне обычное устройство входа или очень высокий порог, можно предполагать, что они имели скорее хозяйственное назначение и представляли собой нечто вроде кладовок. Эти комнатки составляли только часть какого-то большого жилища. На это указывает тот факт, что их внешние стены имеют какое-то дальнейшее продолжение вдоль края телля в направлении на север и юг.

Такой же характер имеют остатки каменных кладок от каких-то больших построек в вышележащем, последнем неолитическом горизонте — XXV. Гарстанг вряд ли с достаточным основанием считает их овечьими загонами вроде тех, которые можно встретить в селах современной Турции.

Как ни отрывочна картина домостроительства неолитического Мерсина, все же в ней отчетливо выступают черты, сближающие древнейший Мерсин с неолитическими поселениями типа Иерихона и Калат-Джармо, с их вполне сложившейся системой больших многокомнатных построек из глины, узаконенной давней традицией. Такое домостроительство отражает, по-видимому, уже вполне зрелый и сравнительно усложненный хозяйственный уклад живших здесь земледельческих общин.

Для изготовления орудий труда неолитическими обитателями Мерсина широко использовался черный обсидиан, значительные залежи которого известны не так далеко на север, за горной цепью, в пределах уже анатолийского плато. Наряду с ним для тех же целей служила кремнистая порода (шерт). В составе инвентаря из обсидиана и шерта имеются изделия различных категорий. В значительном числе здесь встречаются правильные небольшие пластинки и изготовленные из них орудьица небольших размеров, что свидетельствует о широком применении неолитическим населением Мерсина характерных маленьких, хорошо ограненных нуклеусов. В этом нельзя не усматривать пережиток мезолитической техники, в эпоху расцвета которой подобные микропластинки, как известно, повсеместно использовались в виде вставных лезвий для различных орудий из дерева и кости.

В качестве очень любопытной особенности каменного инвентаря Мерсина следует отметить обилие маленьких проколок с тончайшим жальцем на рабочем конце (рис. 3, 2). Назначение таких орудий не вполне ясно. Подобные орудия дает и единственный известный нам несомненно неолитический памятник Южной Месопотамии — нижний горизонт Киша[7]. Однако поскольку настоящие геометрические микролиты полностью

---

[6] J. Garstang. Ук. соч., стр. 27 сл., рис. 12.

[7] «Микролиты» Киша представляют собой почти исключительно маленькие проколки срединного типа. Ср. L. Watelin. Notes sur l'industrie lithique de Kish (Iraq). L'Anthropologie, XXXIX, № 1—3, 1929, стр. 74. Интересно, что обилие проколок составляет также любопытную особенность ряда тахунийских стоянок Палестины (ср. R. Neuville. Ук. соч., стр. 161).

отсутствуют в соответствующих горизонтах Мерсина, их каменную индустрию, пользуясь терминологией, принятой для Палестины, можно определить как позднее тахуне или тахуне II, т. е. как индустрию еще все же вполне неолитическую.

Значительно реже в неолитических горизонтах Мерсина встречаются орудия более крупных размеров: это обычные скребки, то округлые, то концевые, затем сверла, часто изготовлявшиеся с применением отжимной ретуши, вкладыши для составных лезвий серпов в виде фрагментов небольших пластинок из шерта и некоторые другие.

Особую группу находок в неолитическом Мерсине составляют наконечники стрел в форме ивового листа с хорошо выраженным черешком. Такие наконечники изготовлялись из соответственно подобранных, подходящих для этой цели правильно ограненных пластинок. Отдельные участки поверхности (иногда довольно большие, особенно с нижней, плоской, стороны) нередко остаются без всякой отделки (рис. 3, *1*). Таким образом, и здесь наблюдается несомненная близость к типическим формам культуры тахуне. Крупные экземпляры того же характера, очевидно, играли роль наконечников дротиков или копий.

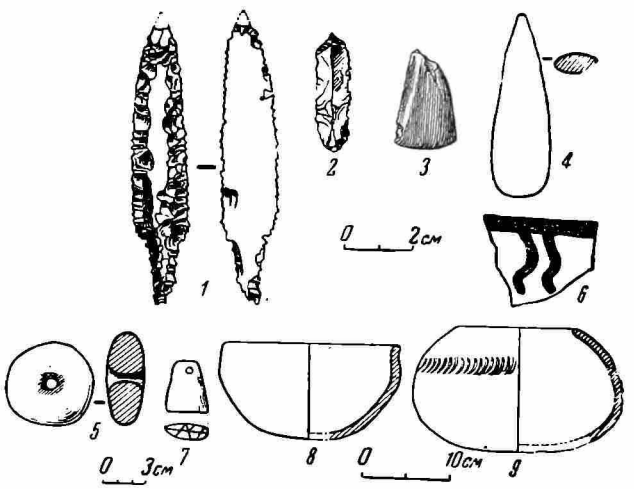


Рис. 3. Изделия из камня и глины

1 — наконечник стрелы; *2* — проколка; *3* — долотце; *4* — долото; *5* — пряслице; *6* — фрагмент с росписью; *7* — печатка; *8*, *9* — посуда

Что касается орудий, близко напоминающих по внешнему виду обычный неолитический топорик, то они в Мерсине, как правило, отличаются крайне малыми размерами (не более 3,5—4,5 *см*) и использовались, вероятно, в качестве долотец (рис. 3, *3*). Они изготовлены из плотной мелкозернистой породы зеленого или серого цвета и бывают прекрасно отполированы.

Настоящий каменный топор здесь, видимо, был почти неизвестен или очень редок, чаще встречаются сходные орудия типа долот (рис. 3, *4*), что также дает основание для сопоставления Мерсина с неолитическим Иерихоном. Однако в Мерсине представлено орудие, в известной мере напоминающее неолитический топор: оно крупнее по размерам (5,5—11,2 *см* в длину) и своим массивным округлым в сечении телом и узким скошенным лезвием несколько приближается к так называемым колодчатым топорам бассейна Дуная.

Среди изделий из кости часто встречаются простые острия или проколки из осколков трубчатых костей, тщательно изготовленные костяные иглы и т. п. Попадаются небольшие сосуды, выдолбленные из подходящего по форме валуна. Найден фрагмент каменной светильни, печатка в виде маленькой плитки трапециевидных очертаний с отверстием для подвешивания и простым узором из нескольких пересекающихся черт на грани основания (рис. 3, *7*), каменный плоский маховичок, очень напоминающий обычное прясло, но со сравнительно маленьким отверстием в центре (рис. 3, *5*).

Значительную часть находок в неолитических отложениях Мерсина составляют черепки глиняной посуды, среди которых можно различить образцы более нарядного и более простого, грубого типа. Лучшая по качеству посуда имеет преимущественно черную окраску, но встречаются и красные и коричневые сосуды, причем поверхность их обычно хорошо заполирована, иногда до металлического блеска. Сосуды второго типа (очевидно, кухонные) имеют коричневую окраску разных оттенков; в их тесте заметна растительная примесь.

Наиболее распространенным видом посуды, судя по многочисленным фрагментам, здесь можно считать широко раскрытую полушаровидную чашу с округлым или слегка уплощенным дном, несколько выпуклыми стенками, иногда загнутыми внутрь (рис. 3, *8*, *9*). Этот тип чаще встречается в более ранних отложениях Мерсина. В меньшем числе представлены неглубокие, широкие миски, напоминающие тарелки. Сосуды с округлым телом и хорошо выраженным, суженным горлом, близкие уже к кувшинам, появляются, видимо, только в вышележащих слоях, в конце неолитического времени.

Такую посуду иногда украшает несложный узор. Чаще всего это короткие, в один-два ряда, черточки, то изогнутые, то прямые, расположенные под венчиком сосуда. Иногда это просто отпечатки ногтя. Часто краем раковины наносился зигзагообразный, так называемый шагающий орнамент. Попадаются столь же простые узоры из одного или нескольких рядов довольно неправильных небольших округлых или овальных вдавлений. Встречаются узкие ленты из оттисков мелкого гребенчатого штампа.

В самом верхнем неолитическом горизонте (XXV) при том же характере керамических изделий, наряду с обычной, описанной выше орнаментацией, появляются сосуды, украшенные росписью, а иногда и небольшими налепными ушками. Этим как будто

намечается переход к следующей, халколитической эпохе. Сосуды с маленькими ушками характерны также для верхнего неолитического горизонта Иерихона, где впервые становится известна глиняная посуда. В эпоху раннего металла такие ушки, так же как и роспись сосудов, распространены на широкой территории Древнего Востока.

Подобное совпадение трудно рассматривать как простую случайность, тем более что этого рода сосуды в горизонте IX Иерихона появляются неожиданно, без каких-либо предшествующих более простых форм керамики, как это мы видим в Мерсине. Встает вопрос о возможности параллельного сосуществования в одну и ту же эпоху в более северных районах — неолитической культуры Леванта, представленной в Мерсине, а в более южных — бескерамического неолита типа Иерихона и Калат-Джармо.

Однако одновременность существования в первой половине V тысячелетия до н. э. этих двух неолитических культур пока все же довольно трудно доказать из-за отсутствия необходимых наблюдений.

Насколько мы знаем, поселениями обоих указанных типов на данной территории начинается впервые образование теллей.

Показательно, что роспись, появляющаяся в том же XXV горизонте Мерсина, который Д. Гарстанг рассматривает как заключительную фазу неолита, имеет еще вполне архаический характер. Она весьма проста и по существу сводится к горизонтальной полосе коричневого, иногда красного, розового цвета в верхней части сосуда; от этой полосы спускаются вниз такие же вертикальные ленты, большей частью несколько изогнутые или извивающиеся (рис. 3, *б*). Такой орнамент бывает нанесен по более светлому кремовому или коричневому фону.

Интересно, что по простоте и характеру орнаментальных узоров (а также по краскам росписи и фона) древнейшая расписная посуда Мерсина, проникшая сюда, очевидно, откуда-то извне, пока находит себе ближайшие параллели, видимо, только в самой ранней расписной керамике Советской Туркмении типа Джейтун[8].

В более поздних памятниках типа Анау I-А[9] роспись на подобной посуде, сохраняя старые элементы, заметно усложняется за счет появления в ней новых, геометризированных мотивов — решетчатых узоров и треугольников. То же можно сказать и о вышележащем XXIV горизонте Мерсина, который Д. Гарстанг относит к раннему халколиту, т. е. к самому началу эпохи появления металла. На этом этапе развития такая роспись появляется и в горизонте I-В телля Хассуна в Северном Ираке.

Близость красочной росписи сосудов и системы их орнаментации, которая находит свое подкрепление, например, в женских статуэтках определенного типа, для столь взаимно удаленных районов Древнего Востока заслуживает большого внимания. И если этот факт близости культур подтвердится наблюдениями на промежуточных территориях, то он, очевидно, может служить показателем какого-то широкого исторического процесса. Этот процесс может быть поставлен в непосредственную связь с переходом на новую ступень развития, ознаменованную первым распространением металла.

На более раннем этапе о таких же исторических связях как будто говорит уже самый факт появления и распространения характерных оседлых земледельческих поселений, многослойные отложения которых дают начало возникновению первых жилых холмов-теллей.

Культурные остатки, подобные раннему Мерсину, были обнаружены в свое время при зондажных раскопках на территории Киликии, недалеко от Юмюк-Тепе, в другом телле — Тарсе (примерно в 20 *км* к северу от Мерсинского залива). По имеющимся данным, здесь, как и в Мерсине, отмечены находки отдельных фрагментов хорошо отполированной стенной штукатурки[10], что перебрасывает еще один мостик между неолитом Киликии и загадочной высокой докерамической культурой Иерихона. К сожалению, более подробных сведений о находках в неолитических слоях Тарса мы не имеем.

* * *

Трудно приблизиться к пониманию неолитического периода в истории Древнего Востока без уяснения вопросов, связанных со временем и причинами образования огромной толщи древнейших отложений в теллях, подобных Мерсину или Иерихону. К сожалению, ни в монографии Д. Гарстанга, ни в большинстве других публикаций этого рода они не находят себе сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

Для эпохи металла в условиях Среднего Востока процесс возникновения жилых холмов, иногда достигающих огромных размеров, сам по себе не представляет, казалось бы, особых затруднений для его понимания и объяснения. Благодаря скученности жилых кварталов легко разрушающиеся глинобитные хижины или такие же постройки из сырца, нередко с основанием, сложенным из камней, оставляли после себя

[8] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 309.

[9] Там же, стр. 322.

[10] H. Goldman. The Relative. Chronology of South-Eastern Anatolia. Relative Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1954, стр. 70.

массу строительного мусора, главным образом глины. Легко себе представить, как на протяжении столетий, особенно после катастроф или при перепланировках, образовались те мощные слои культурных отложений, которые и составляют специфическую особенность всех древневосточных теллей. В исторически известных городах такие холмы нередко превращались позже в центры городской жизни — в акрополи, где сосредоточивались дворцы и храмы. Однако вопрос о наиболее ранних, неолитических наслоениях теллей, как это видно на примере того же Мерсина, Иерихона или, например, неолитического Кносса на Крите, не решается так просто.

В Кноссе холм в 7 *м* высотой из культурных слоев неолитического и, может быть, халколитического времени, на котором в эпоху бронзы был воздвигнут Кносский дворец, должен был, как считает исследовавший его А. Эванс, потребовать на свое образование не менее 5000 лет. Это само по себе представляется абсолютно неправдоподобным. Столь же мало реален и ни на чем не основан период в 3000—4000 лет, принимаемый для неолитического Кносса другими авторами. Что касается Мерсина, то если учесть отсутствие сколько-нибудь заметных изменений как в производственном инвентаре, так и в керамике его неолитических горизонтов (за исключением, может быть, самого верхнего), то время образования этого телля никак не может быть растянуто на 2000 или 3000 лет, как это считается обычно[11]. То же, очевидно, можно сказать и о других неолитических теллях.

Приведенные выше расчеты исходят из совершенно неправильных представлений о самом процессе образования доисторических теллей. В действительности их нарастание происходило не путем медленного, но непрерывно продолжавшегося из года в год, более или менее равномерного накопления культурных отбросов, а, наоборот, как бы толчками, через некоторые промежутки времени, вероятно, с интервалом в среднем не более чем в несколько десятков лет. Об этом определеннее всего свидетельствует строение самих неолитических теллей.

Если говорить о Мерсине, то на разрезе (рис. 1) легко различить семь или восемь неолитических горизонтов, которым отвечает столько же более или менее хорошо сохранившихся каменных кладок, некогда составлявших основание глинобитных стен. Приуроченные иногда к ним углистые прослойки, очевидно, можно рассматривать как следы пожаров, для которых особенно хороший материал могли давать деревянные перекрытия и камышовые кровли жилищ. Такие горизонты, как правило, бывают разделены в среднем полуметровым глинистым слоем, который мог образоваться, очевидно, только за счет глинобитных или сырцовых стен при подготовке площадки для новой постройки.

Замечательно яркая и убедительная картина подобной практики систематических перестроек жилищ наблюдается в разрезе культурных отложений неолитического Иерихона, где раскопками вскрыта значительная площадь[12]. Но и в Мерсине прекрасная сохранность большинства каменных кладок из валунов, высота которых достигает 0,5—0,75 *м*, достаточно убедительно свидетельствует, что при подобных перестройках нижняя часть стен всегда оставлялась на месте. Вероятно, таким образом обеспечивалась большая прочность и устойчивость грунта на участке, предназначенном для возведения нового жилья.

Х. Фрэнкфорт указывает, что и до самого последнего времени в поселениях на Востоке, например в Курдистане, где в строительстве прочно удерживаются многие древние черты, легко подверженные разрушению жилые постройки из сырца перестраиваются всегда по определенному, твердо установленному правилу[13]. Такие жилища постоянно требуют починки. Когда дом строится заново, пишет Х. Фрэнкфорт, хозяин расчищает площадку на месте старого жилья, но не до уровня улицы, а на метр или около этого выше. Используя остатки старых стен, заполненные забутовкой от разрушенного здания, он получает необходимый солидный фундамент. Таким образом уровень усадьбы, улицы, квартала и целого города постоянно растет. Наслаивающиеся одни на другие остатки нижних частей стен, говорит автор, дают возможность в ходе раскопок прочесть историю города иной раз на протяжении многих и многих столетий. Нужно еще раз повторить, что основной причиной, вызвавшей к жизни подобные строительные приемы, было, как это нетрудно представить, отсутствие свободной площади и отсюда крайняя скученность построек, лепившихся в тесных кварталах по сторонам узких, кривых улочек внутри городских укреплений.

Лучше исследованные неолитические памятники описанного выше типа доказывают — и это очень интересно,— что подобная практика берет свое начало на Древнем Востоке чрезвычайно рано, по крайней мере в V тысячелетии до н. э., вероятнее всего, уже вместе с первым появлением теллей[14].

---

[11] М. Беркитт считает, что 9 *м* неолитических отложений Мерсина не могло накопиться меньше чем за 1500 лет. См. M. Burkitt. Ук. соч., стр. 57.

[12] К. Кенyon. Jericho and Its Setting in Near Eastern History. Antiquity, т. XXX, № 120, стр. 184.

[13] H. Frankfort. Town Planning in Ancient Mesopotamia. Town Planning Review, Liverpool, 1950, т. XXI, стр. 99.

[14] Возражая против попыток К. Кеньон отнести исследованные ею остатки древнейшего Иерихона к очень раннему времени (VIII тысячелетие до н. э.), на основании, в частности, большой толщи неолитических отложений Иерихона, известный исследователь Калат-Джармо Р. Брэдвуд сообщает, что, по его наблюдениям, глинобитная

Вполне возможно, что не только в Иерихоне, где это прослеживается достаточно ясно, но и в других теллях оставившие их неолитические поселения с их тесно сближенными жилищами были окружены защитными сооружениями того или иного вида. Глубина залегания неолитических горизонтов и трудность их исследования пока не дают возможности внести полную ясность в этот вопрос, однако следует согласиться с Остеном, что одной из главных причин появления теллей и их быстрого роста уже с момента возникновения могло быть именно стремление обеспечить безопасность оседлой родовой общины [15].

Представляется вполне вероятным, что уже очень рано строительный опыт неолитических племен выработал не только основные технические приемы, типы и планировку жилых сооружений, но и создал определенные обычаи и нормы, регулировавшие периодическую перестройку, возможно, сразу целых кварталов подобных поселений.

Если исходить из приведенных выше соображений, то семь или восемь насчитываемых Д. Гарстангом наиболее ранних строительных горизонтов Мерсина, даже если их число было в действительности и вдвое больше, легко могли уложиться в значительно более короткие отрезки времени, чем это предполагается обычно. Это представляется и более правдоподобным и более соответствующим характеру культурных отложений неолитического Мерсина.

Уже само положение Мерсина в ближайшем соседстве с морем, как и других неолитических теллей Леванта (Рас-Шамра, Библ и др.), говорит в пользу того, что такие поселения должны были быть оставлены первыми прибрежными общинами мореходов. В частности, в Мерсин их, очевидно, привлекало наличие удобной стоянки. О том, как могли выглядеть неолитические ладьи, можно составить известное представление по изображениям так называемых чужеземных судов на памятниках додинастического Египта.

Факт появления на Крите, Кипре и некоторых других островах в восточной части Средиземного моря неолитических поселков, в культуре которых обнаруживаются явные признаки близости с неолитической культурой Сирии и Киликии, сам по себе достаточно показателен. Он свидетельствует, очевидно, о каких-то очень давних морских связях Леванта с другими районами. Древнейшая, еще, вероятно, довольно ограниченная по своим масштабам волна переселений береговых племен Передней Азии на запад, на соседние острова, восходит, таким образом, к сравнительно ранней поре неолита — времени первого появления теллей вдоль восточного побережья Средиземного моря.

* * *

Как ни скудны наши сведения о других памятниках, подобных Мерсину, все же их карта показывает, что мы здесь имеем дело с очень характерной, хорошо выраженной культурой, носители которой должны были играть важную роль в начальный период истории Древнего Востока.

Отличительную особенность оседлой земледельческой культуры Сирии и Киликии эпохи неолита составляет характерная керамика с черной, реже коричневой или красноватой поверхностью, то залощенной, то заполированной до сильного блеска; иногда при этом она бывает украшена еще простым вдавленным или нарезным узором. Типичную форму ее составляет полушаровидная чаша.

В Рас-Шамре (древний Угарит), в Северной Сирии неолитические отложения залегают на глубине 17—18 м от поверхности телля (Рас-Шамра V), причем в самом их основании глиняная посуда, видимо, отсутствует [16]. Немного выше, где керамика появляется, она носит тот же характер, что и в Мерсине. Простой нарезной узор нередко бывает здесь заполнен белой массой. Непосредственно выше (с уровня 16 *м*; Рас-Шамра IV) к ней присоединяется, как и в Мерсине, посуда, украшенная росписью. Это совпадает здесь, как полагают, с началом эпохи металла (халколитом).

Далее к югу остатки неолитического поселения со сходной посудой открыты в самых нижних слоях жилого холма Джебел, образовавшегося на месте знаменитого финикийского торгового города Библа (Библ I). Такая посуда бывает украшена нарезными фигурами в виде лент и треугольников, внутреннее поле которых заполнено точечным наколом. Это говорит как будто о сравнительно более позднем возрасте неолитических отложений Библа. Здесь встречаются, кроме того, отпечатки веревочки или сетки. Подобная керамика сопровождается в Библе I топориками из кремня, изготовленными с помощью техники обтесывания, но с пришлифованным лезвием, листовидными наконечниками стрел и другими орудиями.

Интересно, что среди сравнительно разнообразной керамики из неолитических отложений Библа один из ее типов — с нарезным узором в елочку — находит себе

хижина поселянина в Иракском Курдистане в среднем стоит обычно не более 15 лет. Она оставляет слой строительных остатков (глины) около двух футов толщиной. Судя по этому, неолитические наслоения Иерихона в 45 футов высоты вполне могли накопиться, по его мнению, за 350 лет. Такие цифры весьма показательны (Antiquity, № 122, 1957, стр. 75).

[15] Von der Osten. The Alishar Hüyük, т. III, Chicago, 1937, стр. 402.

[16] G. Gontenau. Manuel d'archéologie orientale, т. IV, Paris, 1947, стр. 2286.

соответствие в поздненеолитических поселениях типа Ярмук и Иерихон VIII в соседней Палестине. Это, очевидно, может также свидетельствовать о сравнительно позднем возрасте неолита Библа.

Некоторые сведения о строительных остатках для памятников сиро-киликийского неолита имеются (помимо Мерсина и отчасти Тарса) только для Библа I. Здесь отмечены находки оштукатуренных полов, очевидно, от небольших прямоугольных помещений, глинобитные или сырцовые стены которых подверглись, как и в Мерсине, полному разрушению[17]. В других теллях этого района ограниченность раскопок (что частично объясняется залеганием соответствующих горизонтов ниже уровня грунтовых вод) не дает возможности судить о характере жилищ и самих поселений.

Неподалеку от Библа при шурфовке в основании телля Таббат-Эль-Хаммам собраны обломки обычной полированной черной керамики, украшенной нарезкой и вдавлениями, иногда несколько напоминающими отпечатки рогожи. Фрагменты такой же посуды встречаются в основании культурных отложений телля Джудейде (горизонт XIV) в низовьях Оронта. В разведочных колодцах телля Хама у города того же названия, выше по течению р. Оронта, подобная же светло-коричневая и черная керамика вместе с орудиями из кремня и обсидиана, несколько напоминающими позднее тахуне, залегает в нижних слоях культурных отложений (горизонт М) непосредственно на скалистом грунте, на глубине 16 *м*. Вообще такую керамику в долине Оронта можно считать характерной для древнейших горизонтов теллей, известных под именем культуры Амук.

Севернее посуда с заполированной наружной, а иногда и внутренней поверхностью и с нарезным узором, заполненным белой инкрустацией, известна в нижних слоях телля Сакче-Гёзи. В вышележащих горизонтах к ней присоединяется, как и в других названных выше теллях (кроме Библа и Таббат-Эль-Хаммам), архаическая расписная керамика, близкая к северомесопотамским типам переходного к металлу времени.

По ту сторону Евфрата, к востоку от Телль-Халафа, в Чагар-Базаре, в бассейне Хабура, где проходит древняя караванная дорога, связывающая Северную Сирию и Малую Азию с Верхней Месопотамией, районом Ниневии, «монохромная» серо-коричневая керамика обнаружена в нижнем горизонте телля, в основании 21-метровой толщи культурных отложений, однако уже в сопровождении некоторого количества расписной посуды.

Подобная керамика известна, по утверждению Брэдвуда, также в Телль-Халафе и Кархемише, но уже в сочетании со значительными элементами поздненеолитической северомесопотамской культуры Хассуны. В самой Хассуне на правом берегу Тигра, к югу от Мосула, в наиболее раннем ее горизонте (I а), на древней поверхности почвы находки черной и коричневой полированной посуды типа чаш, наряду с обычными хассунскими формами, говорят о каких-то ранних контактах Хассуны с неолитической культурой Сирии и Киликии.

Характерная темная полированная неолитическая посуда имеет, таким образом, довольно широкое распространение во всем этом районе, достигая на востоке Курдской возвышенности за Мосулом (раскопки Перкинс, 1949 г.); однако она тут представляет собой скорее более поздний, пришлый элемент. Первоначальную область ее распространения следует, очевидно, искать, как мы видели, к западу от Евфрата, в Сирии и Киликии.

Здесь на почве более примитивной культуры типа раннего тахуне где-то еще, вероятно, на рубеже VI и V тысячелетий до н. э. возникает очаг сравнительно высокой неолитической культуры Леванта. А непосредственно к югу отсюда еще раньше складываются близкие ей неолитические культуры типа Иерихона и Калат-Джармо, которые почти до конца неолита не знают употребления глиняной посуды.

Было бы очень соблазнительно попытаться связать названные культуры с большими этническими образованиями этого района: с одной стороны — с предками различных семитических групп, а с другой — с их северными соседями, хурритами и субарейцами и рядом иных народностей, которые становятся известны здесь с III тысячелетия до н. э. С возникновением и широким распространением поселений типа жилых холмов, теллей, знаменующих значительный рост материального производства и укрепляющуюся оседлость, окончательная выкристаллизация и историческое обособление подобных языковых и этнических общностей должны были идти особенно быстрым темпом. Однако ничего определенного, ничего более или менее достоверного в этом смысле для неолита Передней Азии историческая наука, к сожалению, сказать пока не в состоянии.

Севернее, на большей части Анатолии, памятники неолитического (как и мезолитического) времени остаются до сих пор совершенно неизвестными. Здесь все исследованные жилые холмы, вроде Трои, Алишара, Аладжа-Хейюк и ряда других, в своих нижних, наиболее древних слоях не восходят ранее эпохи халколита. Лишь отдельные случайные находки (вроде отмеченных Остеном в 1937 г. находок в окрестностях Анкары на склоне холма) многочисленных пластинок кремня и халцедона в сопровождении грубой лепной посуды могут относиться к какой-то ранней поре, но время этих и других подобных остатков на территории Малой Азии все еще остается недостаточно определенным и требует дальнейшего выяснения.

П. П. Ефименко

[17] H. Goldman. Ук. соч., стр. 70.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, РАСПОЛОЖЕННЫХ У МЕСТ ДОБЫЧИ КРЕМНЕВОГО СЫРЬЯ

В 1950 г. в «Записках Пибодийского музея» вышла книга К. Брайана, посвященная исследованию каменоломен, принадлежащих индейцам Америки до прихода европейцев [1].

Автор подвергает критике господствующую в американской литературе точку зрения на памятники этого типа, разработанную В. Холмсом, и предлагает новую их интерпретацию.

Точка зрения Холмса сводится к тому, что в каменоломнях, помимо извлечения сырья из недр, производился лишь один процесс — процесс изготовления единственного типа заготовок (пластин или дисков) путем двусторонней отеси ядрища и постепенного утоньшения толстых бифасов. Холмс полагает, что заготовки в этом виде уносились из каменоломен в места поселений, где и продолжалась их обработка и производство из них различных орудий.

Многочисленные культурные остатки каменоломен и расположенных около них мастерских автор рассматривает поэтому как отбросы этих заготовок, оставленные в различных фазах изготовления, а сами каменоломни — лишь как место добычи и экспорта сырья [2].

К. Брайан повторно исследовал каменоломни индейцев Америки и, опубликовав три из них, выступил с критикой так называемой «теории заготовок» Холмса. В своей работе он приводит некоторые данные, свидетельствующие о том, что Холмс подходил к решению вопроса о назначении мастерских с заранее выработанной схемой, служившей ему препятствием для всестороннего анализа материала. Брайан справедливо отмечает, что отеска бифаса не является способом изготовления пластин, и термин «пластина» употребляется Холмсом не в общеевропейском смысле его, а для обозначения тонкого бифаса.

Из работ Брайана мы впервые узнаем о наличии в американских мастерских нуклеусов и сколотых с них пластин, а также о том, что в инвентаре этих местонахождений широко представлены орудия — различной формы скребки, ножи и топоры.

Брайан весьма убедительно доказал, что крупные бифасы являются не пластинами в первой стадии их изготовления, а грубо обработанными топорами, на которых автор даже замечает следы от употребления. Брайан полагает, что зилом топоров, судя по его характеру (большинство найденных топоров сломано пополам), произошел не в процессе изготовления, а в процессе использования этих орудий, при неудачных попытках произвести раскол дерева.

Брайан пишет, что многие из так называемых «заготовок» или «отбросов» являются орудиями, пригодными для употребления, поэтому карьеры служат не только источником получения кремня для экспорта, но также «промышленными поселками», или мастерскими, куда доставлялись для обработки дерево и кость [3].

Автор считает, что в первобытном обществе связь поселений с водными путями, наличие большого количества лодок-каноэ делали перевозки по воде легкими и доступными. Проще поэтому было подвозить в мастерские, к месту изготовления топоров, легкие дерево и кость, чем увозить из мастерских тяжелые каменные заготовки для обработки дерева и кости в местах поселений. Подтверждение своей теории К. Брайан видит в наличии среди культурных остатков мастерских таких орудий, как топоры, ножи и скребки.

Новая интерпретация каменоломен, предложенная К. Брайаном, встречает, на наш взгляд, ряд возражений, которые, однако, не касаются основного тезиса автора о том, что около каменоломен находились своеобразные поселения.

Прежде всего, трудно предположить, чтобы такое повседневное занятие, как изготовление орудий из дерева или их деревянных частей происходило не в местах постоянных поселений. Добыча камня, связанная с местами его залегания, естественно была удалена от мест обитания. Но массовое изготовление орудий как деревянных, так и костяных и мелких каменных производилось там же, где люди занимались своим основным производством — добычей средств существования. Гипотеза Брайана в этой части не находит аналогий ни в археологическом, ни в этнографическом материале.

Кроме того, нам кажется, что К. Брайан недостаточно уделяет внимания основному назначению мастерских, которое, безусловно, состояло в изготовлении топоров (как это имело место в подавляющем большинстве мастерских подобного типа в Европе [4]). Среди массы бифасов из американских каменоломен легко можно выделить серии, оставленные на разных ступенях обработки, в том числе и на самых ранних, воспро-

---

[1] K. Bryan. Flint-Quarries — the Sources of Tools and at the Same Time the Factories of the American Indians. Papers of the Peabody Museum, т. XVII, № 3, Cambridge, 1950.

[2] W. H. Holmes. An Ancient Quarry of Indian Territory. Washington, 1894; его же. A Quarry Workshop of the Flaked-Stone Implement Makers of the District of Columbia. American Anthropologist, 1890, т. 3, стр. 1—26.

[3] K. Bryan. Ук. соч., стр. 3.

[4] J. G. D. Clark. Prehistoric Europe. London, 1952, стр. 174.

изводящие последовательные ступени изготовления топоров. Распространение их и другой продукции мастерских в поселениях широко известно. Так, еще Сан-Венану удалось проследить в различных районах Франции распространение нуклеусов и пластин из Гран-Прессиньи [5]. Нельзя не отметить также заслуг Холмса в этой области. Основывая свои заключения на большом материале, свидетельствующем об идентичности изделий из кремня в каменоломнях и поселениях, он показал значение каменоломен для развития обмена [6]. И в настоящее время вопросу обмена в неолитическую эпоху уделяется много внимания [7]. По-видимому, необходимость в топорах и заготовках орудий на местах поселений была все же сильнее, чем трудности их транспортировки.

Нам представляется также недостаточно убедительной аргументация некоторых положений К. Брайана. Так, решая вопрос о назначении тех или иных орудий, автор не приводит никаких данных о следах их употребления, дающих возможность более точно определить функции орудий. В то же время рисунки их являются крайне невыразительными и не убеждают читателя в том, что перед ним действительно орудия, а не отбросы. Отсутствуют также цифровые данные, указывающие на соотношение отдельных групп орудий.

Итак, в настоящее время существуют две точки зрения на назначение мест поселений у каменоломен. Одна, представленная В. Холмсом, сводится к тому, что каменоломни — это пункты добычи сырья и подготовки его для экспорта в места поселений. Вторая, представленная К. Брайаном, заключается в утверждении, что около мест добычи камня существовали поселения, где занимались массовым изготовлением орудий из дерева и кости.

Мы обратились к работе К. Брайана в связи с исследованиями, произведенными на северо-востоке Башкирии. В течение трех полевых сезонов (1951, 1954 и 1955 гг.) неолитическим отрядом Башкирской экспедиции раскапывалось аналогичное местонахождение, относящееся к неолитическому времени. Это местонахождение, расположенное на левом берегу р. Уфы в 1 *км* выше устья р. Юрюзани, у коренных известняков, чрезвычайно богатых кремнистыми сланцами, залегающими близко к поверхности, имеет весьма своеобразный комплекс кремневого инвентаря, резко делящийся на две части.

Одна часть его содержит около трехсот заготовок орудий, предназначенных преимущественно для обработки дерева, такое же количество нуклеусов, свыше тысячи пластин, полсотни отжимников и отбойников, свыше 18 тысяч различных отбросов производства от мельчайших чешуек до очень крупных (16—18 *см* длины) отщепов и всевозможных сколов, а также много необработанных плиток кремня. Здесь, таким образом, происходил процесс изготовления топоров, который начинался с первичной отески кремневого желвака и доводился до совершенства, какое только может дать техника скалывания и ретуши без применения шлифовки.

Кроме топоров, здесь же подготовлялись нуклеусы, часть которых предельно использовалась для получения тонких пластин правильной огранки. В коллекции преобладают конусовидные нуклеусы от 3—7 *см* высоты и соответствующие им по размерам пластины. Часть нуклеусов имеет бо́льшие размеры, достигая 12—13 *см* высоты; встречаются прекрасно отжатые тонкие пластины такой же длины. Наряду с предельно использованными нуклеусами имеются заготовки их, причем с некоторых из них не было снято ни одной пластины.

Основными орудиями для обработки кремня служили отбойники и каменные отжимники-ретушеры.

Весь этот «набор» изделий вместе с большим количеством разнообразных отбросов не оставляет сомнений в том, что данное местонахождение, связанное с наличием большого количества подходящего и легкодоступного сырья, является местом первичной его обработки и широкого, массового изготовления полуфабрикатов и крупных орудий для обработки дерева.

Вторую часть инвентаря составляют орудия бытового назначения, подавляющее большинство которых является скребками, скреблами и разнообразными по форме ножами. В то время как скребки и скребла представлены здесь сотнями экземпляров (195 экз.), а ножи десятками экземпляров (50 экз.), наконечников стрел найдено всего восемь штук.

Форма ножей весьма разнообразна. Большую группу составляют крупные ножи с широким слегка выпуклым лезвием. Встречаются также ножи аналогичной формы, но меньших размеров. Один нож с подобным лезвием имеет редко встречающуюся форму, напоминающую в профиле башмачную колодку. Такие ножи чрезвычайно сходны с широко распространенными среди народов Севера эскимосскими женскими ножами «ulu», имевшими, как известно, универсальное назначение скребка и ножа. Кроме них,

---

[5] J. de S. Venant. Dessemination des produits des ateliers du Grand-Pressigny aux temps prehistorique. CIA, Paris, 1900, стр. 280—285.

[6] W. H. Holmes. The Obsidian Mines of Hidalgo, Mexico. American Anthropologist, n. s. 1900, т. 2, стр. 405—416.

[7] См., например I. G. D. Clark. Ук. соч.; B. Bunch, C. Fell. A Stone Axe Factory at Pike of Stickle, Westmorland. Proceeding of the Prehistoric Society, London. 1949, т. XV, стр. 1—21.

имеются ножи из пластин, небольшие ножи с округлым лезвием и несколько ножей своеобразных форм.

Скребки весьма разнообразны по форме и характеру лезвия. Преобладают концевые скребки из ножевидных пластин. Кроме того, имеются концевые скребки из удлиненных отщепов, округлые, квадратные, полулунные и двойные. Форма лезвия различна: от очень тонкого, миниатюрного до массивного, высокой формы. Для скребков характерна тщательная обработка рабочего края тонкой отжимной ретушью.

Скребла имеют округлую и овальную формы. Рабочий край либо тщательно обработан тонкой мелкой ретушью, либо имеет весьма грубую обработку. Все скребки, скребла и ножи имеют на рабочем крае тонкие параллельные линии, расположенные в поперечном к лезвию направлении, хорошо заметные в лупу. Это следы употребления орудия. Такие следы обычно остаются на скребущих орудиях, употреблявшихся для обработки шкур и кожи [8].

Таким образом, очевидно, что наряду с добычей и первичной обработкой сырья обитатели поселения занимались трудовой деятельностью, не имеющей прямого отношения к добыче камня. В этой связи нельзя не отметить аналогии с каменоломнями, описанными К. Брайаном.

Однако комплекс орудий исследованной нами мастерской не типичен для охотничье-рыболовческого поселения лесной полосы, где обычно многочисленны наконечники стрел и копий, указывающие на основное занятие населения. Здесь же орудия говорят о том, что основным занятием населения являлась массовая обработка шкур животных, а не их добыча. Об этом свидетельствуют в первую очередь следы употребления на орудиях, а также многочисленный весьма яркий и выразительный «набор» ножей, идентичный эскимосским «ulu». Последние применялись у народов Севера преимущественно для обработки шкур и расчленения туш животных [9].

Почему же именно у каменоломен могло сосредоточиться такое большое количество шкур? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к этнографическим источникам.

Исследователи каменоломен индейцев Калифорнии Р. Хейцер и А. Треганца, так же как и А. Хоуитт, изучавший племена Юго-Восточной Австралии, отмечают, что каменоломни представляли собой места, где происходил межплеменной обмен. Племена, не имевшие на своей территории залежей подходящего камня, приходили к соседним дружественным племенам, чтобы получить его в обмен на продукты. Самым распространенным и часто обмениваемым продуктом являлись шкуры животных [10].

По-видимому, такого рода обмен происходил и в нашей мастерской: она служила местом обмена, куда в обмен на камень в большом количестве поступали шкуры. Обитатели мастерской тут же на месте обрабатывали эти продукты обмена, для чего и служили многочисленные и разнообразные ножи, скребки и скребла.

При дальнейших исследованиях мест добычи каменного сырья интересно обратить внимание на то, насколько закономерно возникновение около них в неолитическую эпоху пунктов обмена, обусловливающих характер занятий населения, повторяется ли наблюдаемое нами соотношение групп орудий, всегда ли присутствуют орудия для обработки шкур в кремнеобрабатывающих мастерских и не представляет ли описываемый нами памятник явление исключительное. Имеются основания полагать, что в других кремнеобрабатывающих мастерских мы встретим аналогичную картину. Так, например, в мастерских Верхнего Поволжья скребки и скребловидные формы составляют большой процент к обшему количеству орудий. В этом отношении чрезвычайно существенны выводы К. Брайана о наличии подобных орудий в мастерских американских индейцев. Однако с его интерпретацией их как орудий для обработки дерева мы не можем согласиться по вышеизложенным мотивам.

Л. Я. Крижевская.

---

[8] Просмотрено выборочно 25 орудий; исследование произведено С. А. Семеновым, за что приношу ему свою благодарность.

[9] С. И. Руденко. Древние культуры Берингова моря и эскимосская проблема. Л., 1947, стр. 89—91.

[10] R. F. Heizer and A. E. Treganza. Mines and Quarries of the Indians of California. California Journal of Mines and Geology, 1944, т. 40, № 4, стр. 291—359; A W. Howitt. The Native Tribes of South-East Australia. London, 1904, гл. VI.

ЗАМЕТКИ О ТРИПОЛЬСКОЙ ПЛАСТИКЕ

К вопросам, затронутым в книге С. Н. Бибикова «Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре», МИА, № 38, М.—Л., 1953

В разносторонней и обширной монографии С. Н. Бибикова глава V «Некоторые идеологические представления древних земледельческо-скотоводческих племен юго-востока Европы» затрагивает вопросы трипольской пластики и представляет собой, в сущности, отдельное научное исследование, в котором автор выходит далеко за пределы изучения пластики Луки-Врублевецкой.

На стр. 219—220 С. Н. Бибиков подробно излагает свои выводы, относящиеся к происхождению и развитию стилей в трипольской пластике. Затем на стр. 220 он пишет о том, что я ошибочно утверждал, что человеческие фигурки с отдельно моделированными ногами появляются лишь в позднетрипольской пластике, а также ошибочно относил это явление к натуралистической тенденции. К сожалению, мне незнакомы многочисленные образцы, схожие с кошиловецкими, датированные раннетрипольским периодом; следовательно, я не могу переменить свое убеждение. Во всяком случае, трипольская пластика, которая мне знакома, в том числе фигурки из Луки-Врублевецкой, пока не побуждает меня к переоценке моих взглядов. Возможно, что существуют какие-нибудь новые открытия, которые мне неизвестны; но могли ли бы они переменить столь существенным образом наши представления о трипольской пластике?

С. Н. Бибиков в своих выводах (стр. 226 сл.) в общих чертах согласен с моим выделением в трипольской пластике схематического и натуралистического стилей [1]. До сих пор в своих исследованиях я не рассматривал специально вопрос о тематике трипольской пластики. В связи с этим, прежде чем определить свою точку зрения по отношению к выводам С. Н. Бибикова, мне хотелось бы предварительно высказать несколько замечаний.

Тематически-идейную интерпретацию трипольской пластики следует анализировать, прежде всего на основе привлечения более широкого круга материала. Пластика эта существенно связана с пластикой всех земледельческих племен, населявших Юго-Восточную Европу и Переднюю Азию в эпоху неолита и раннего бронзового века. Поэтому мне представляется необходимым принять во внимание различные взгляды, старые и новые, по этим вопросам. Неправильность той или иной интерпретации необходимо доказать аргументами. Следовательно, нужно было бы доказать прежде всего неправильность взглядов, высказываемых Блинкенбергом, Хадачеком, Козловским, Губертом, Шмидтом, Сартори, Хагортом, Першоном. Далее, С. Н. Бибикову следовало бы определить собственную точку зрения по отношению к попыткам сопоставления этих фигурок с шумерской Богиней-Матерью [2], с Афродитой [3], с Великой Матерью [4], не говоря о еще более давних идеях Герхарда [5] и Кёлера [6] о финикийской Астарте или вавилонской Иштар. Нельзя умолчать и о мнении Л. Франца [7]. Следует также отметить интерпретацию, изложенную много лет тому назад Айлио [8], а именно, что всякие фигурки, так же как и миниатюрные сосудики, образцы мебели и жилищ, которые были найдены на поселениях трипольской культуры,— это игрушки. Интерпретация эта была справедливо отклонена еще В. Козловской [9].

Идейно-тематическая интерпретация неолитических фигурок иногда проводится совместно с интерпретацией палеолитических женских фигурок. Здесь нельзя обойти работы такого рода, как, например, этюд Л. Пассемар [10]. Эта книга дает обзор всех палеолитических женских фигурок, известных до того времени. Она рассматривает различные мнения об их назначении и приводит почти полностью литературу по этому предмету. Достоинством эрудиции по данному вопросу обладает также работа И. Неуступного [11], вышедшая из печати после книги С. Н. Бибикова, в особенности глава о «культах доисторического времени» [12].

Прежде чем высказать соответствующее мнение об идейно-тематическом значении женских фигурок в Восточной Европе в течение III и II тысячелетий до н. э., необходимо сличить взгляды таких исследователей, как, например, Бернульи, Дюссо, Пикар, Смит Сесиль, Мейер. Все они, несмотря на различия в деталях, склонны видеть в этих фигурках изображение божества плодородия.

Если мы придем к достаточно обоснованному убеждению, что балканские, придунайские и трипольские женские фигурки энеолитического времени изображали женское божество плодородия и урожая, близкое к представлению о Великой Богине (как считают, между прочим, В. Мюллер, Г. Чайлд, Хансен), то нам необходимо будет пойти еще дальше. Я имею в виду широкие исследования в области религиозных верований, которые по отношению к более отдаленным эпохам пользуются все чаще археологическими источниками. Обратим, например, внимание на исследования, проведен-

---

[1] K. Majewski. Chronologia i styl plastiki figuralnej zachodniotrypilskej. Archeologia, т. II, Wrocław, 1948, стр. 1 сл.

[2] G. Childe. The Down of European Civilisation. London, 1925, стр. 47.

[3] Mc. K. Elderkin. Aphrodite-worship on a Minoan Gem. AJA, XXIX, 1925, стр. 54.

[4] O. Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931, стр. 448.

[5] Gerhard. Kunst der Phönikier. Akad. Abhandlungen, II, табл. 44.

[6] Köhler. Prähistorisches von den griechischen Inseln. Ath. Mitt., IX, 1884, стр. 158—160.

[7] L. Franz. Archäologische Studien in China. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, т. LVI, 1926, стр. 404 сл.

[8] J. Ailio. Fragen der russischen Steinzeit. Helsingfors, 1922, стр. 106 сл.

[9] В. Козловська. Трипільська культура, ч. I, Київ, 1926, стр. 63—64.

[10] L. Passemard. Les statuettes féminines paléolithiques dites Vénus stéatopyges. Nîmes, 1938.

[11] J. Neustupný. Studie o eneolické plastice. Sbornik Národniho Musea v Praze, ч. X-A, Historia, № 1—2, Praha, 1956.

[12] Там же, стр. 80 сл.

ные И. Пжилуским, который исследовал проблему Великой Богини-Матери на основании археологического и литературного материала в пределах обширного пространства от Юго-Восточной Европы до Индии включительно [13].

Отдельный и очень важный вопрос — это обнаженность фигурок, распространенных на этой территории. Можно, конечно, предполагать с известной вероятностью, что у некоторых фигурок были на бедрах какие-то повязки из листьев, пояса и т. п., как это бывает у фигурок современных первобытных племен, что на фигурках часто были изображены красками повязки на бедрах, ожерелья (это иногда хорошо видно на женских фигурках из Кошиловцев). Тем не менее существуют весьма многочисленные фигурки, (как, например, в Луке-Врублевецкой), изображающие совершенно нагую женщину. О наготе в первобытной пластике было написано много и иногда правильно. Думаю, что для древних людей эти фигурки были не только культовым предметом, но и произведениями искусства, на чем убедительно, хотя немного преувеличенно, настаивает Ф. Паульсен [14].

С. Н. Бибиков правильно замечает (стр. 235), что небольшие отверстия по сторонам головы, на выступах плеч и на бедрах чаще всего появляются в антропоморфной трипольской пластике, что они характерны для нее и составляют ее отличительное свойство по отношению к пластике Юго-Восточной Европы. Человеческие фигурки с небольшими отверстиями действительно не часто встречаются на других территориях. Нам известны, например, фигурки с отверстиями в Кумассе на Крите [15], на Кикладских островах в Кимолосе [16], в Наксосе [17]. За исключением одной, фигурки эти имеют по два небольших отверстия на шее. Мраморская фигурка (вероятно, импорт из Киклад) в Агиос-Космасе в Греции [18] снабжена крупным отверстием на груди, ниже шеи. На фрагменте фигурки из Хероней в Беотии [19] видны два отверстия между плечами и туловищем, а у фигурки сидящей женщины из Мальти в Мессении — небольшое отверстие на спине [20].

У каменных фигурок из Сескло [21] и из Тсани-Магуля [22] видны небольшие отверстия в области живота. В местности Портоферро в Сардинии найдена фигурка, у которой, так же как у только что приведенных кикладских фигурок, видны на шее два небольших отверстия [23].

В Сербии нам известны фигурки из Ябляницы с небольшими отверстиями на бедрах [24]. В Болгарии часто встречаются фигурки с отверстиями по краям головы и на выступах сбоку плеча [25]. Такие отверстия видны также у фигурки из Разграда [26]. Хороший обзор наиболее древней болгарской пластики дает Ю. Зёмецкий [27].

Конечно, я не привожу здесь примеров фигурок с отверстиями из Передней Азии, где их тоже известно немало. Тем не менее, замечание о том, что такое количество антропоморфных фигурок с отверстиями, какое можно наблюдать в трипольской пластике Украины и Румынии, не встречается нигде более на рассматриваемой территории, по-видимому, правильно.

Объяснить наличие этих небольших отверстий на бедрах, на выступах плеч и по краям головы действительно трудно. Тем не менее нельзя категорически отвергать все прежние объяснения. Отверстия эти — различных размеров и могли, как уже писали об этом многие, выполнять различные функции. Двумя отверстиями обозначены глаза, двумя другими — уши, причем к отверстиям, обозначающим уши, могли быть подвешены серьги, сделанные из материала, который не сохранился до нашего времени. Позволю себе напомнить о фигурках с Кипра, у которых в ушах продеты глиняные кольца [28]. Предположение, что в миниатюрные отверстия, размещенные по краям голо-

---

[13] J. Przyluski. The Great Goddes in India and Iran. Indian Historical Quarterly, X, Calcutta, 1934, стр. 406 и сл.

[14] F. Paulsen. Zur Typenbildung in der archaischen Plastik. JDAI, т. XXI, 1906, стр. 176 и сл.; см. K. Majewski. Figuralna plastyka cykladzka. Lwów, 1935, стр. 15 и сл.

[15] K. Majewski. Figuralna... Katalog, №№ 112, 114, 134.

[16] Там же, № 38.

[17] Хранится в Национальном музее в Афинах, шк. 104, № 4959.

[18] K. Majewski. Figuralna..., № 222.

[19] IPEK, 1932/1933, стр. 43.

[20] N. Valmin. Rapport préliminaire de l'expédition en Messénie 1933. Lund, 1934, табл. II *4*

[21] A. Wace, M. Thompson. Prehistoric Thessaly. Cambridge, 1912, стр. 10.

[22] Там же, стр. 147, рис. 91-с.

[23] P. Mingazzini. Archäologische Grabungen und Funde in Italien. JDAI, т. 65/66, Archäologischer Anzeiger, 1952, стр. 267.

[24] M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 289, рис. 7 и 8.

[25] IPEK, 1932/1933, табл. 14, № 2.

[26] IPEK, 1927, табл. 51, рис. d.

[27] I. Ziomecki. Plastyka figuralna z Bulgarii w okresie neolitu i eneolitu. Zródla i węzłowa problematyka. Place Zacladu Archeologii Antycznej Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk, ч. 4, Warszawa; фигурки с отверстиями: табл. I, II, *15*, *19*; табл. II, *41*, *43*; табл. III, *59*; табл. IV, *72*, *75*, *77*, *84*; табл. V, *93*, *98*; табл. VI, *102*, *103*, *107*, *109—113*, *124*.

[28] R. Dussaud. Civilisation préhellénique. Paris, 1914, стр. 299, рис. 216.

вы, могли быть воткнуты перья, цветы и т. п., как это наблюдается в пластике некоторых современных племен, кажется вероятным. Наконец, отверстия на бедрах могли быть предназначены для того, чтобы сквозь них продеть нитку, к которой прикреплялась повязка; этнографический материал наводит на такую интерпретацию.

Следует также вспомнить попытку, сделанную Ш. Дельвуа [29] при выяснении значения отверстий в трипольских фигурках. Интерпретируя тематику фигурной сцены на оттиске печати из Закро [30], Ш. Дельвуа приводит как сравнительный материал трипольские фигурки, у которых отверстия на выступе плеча и на бедрах связаны были, по его мнению, с балансирующим божеством магических обрядов, совершаемых для достижения урожая; в оправдание своей идеи Ш. Дельвуа ссылается на афинские культовые обряды (айора), являвшиеся эгейским пережитком. Вопрос этот был затронут еще раньше Ш. Пикаром [31] при попытке объяснить терракоту из Агии Триады, изображающую женскую фигуру на качелях как Критскую Богиню. Объяснение это, пожалуй, недостаточно документировано источниками как по отношению к эгейской, так и к трипольской культуре [32].

Я вполне согласен с С. Н. Бибиковым (стр. 237) и писал уже, что не только пластика фигурок, но и антропоморфные трипольские сосуды, несмотря на их местное производство, заимствованы из восточной части бассейна Средиземного моря и с Древнего Востока, а также (что очень важно), что они были первоначально натуралистичны, а лишь со временем схематизировались.

С. Н. Бибиков (стр. 225, 236) ясно высказывается в пользу тезиса о местном производстве раннетрипольской пластики, что не означает еще, что тематика или функция ее не были заимствованы из каких-нибудь крупных центров земледельческих племен. С этой точкой зрения я тоже вполне согласен и считаю ее исходной для дискуссии. Я вполне согласен также и с тем, что трипольская пластика, особенно же раннетрипольская, в основе своей схематична и что натуралистические экземпляры ее встречаются не слишком часто (стр. 226).

С. Н. Бибиков рассматривает (стр. 226—229) на широком сравнительном фоне тип женской фигурки с руками, сложенными под грудью, после чего переходит к обсуждению тематики женских фигурок. Он исходит из правильного положения, что ни возникновение, ни развитие трипольской пластики нельзя исследовать полностью, не рассмотрев ее стиль, тематику, идейное содержание, назначение и функции. С. Н. Бибиков связывает трипольские женские фигурки с культом божества плодородия, распространенным среди древних земледельческих народов (стр. 229). В связи с этим он приходит к ряду убедительных выводов, солидно обоснованных различными материалами из широкого круга культур древнеземледельческих племен. Так, на стр. 237 и 251 С. Н. Бибиков констатирует, что глиняная масса, из которой сделаны фигурки из Луки-Врублевецкой, содержит зерна хлебных растений (пшеницы). Желая ответить на вопрос, имеем ли мы здесь дело с обособленным или же с более распространенным явлением, он исследовал пластику на других стоянках трипольской культуры, а не найдя в них случая для сравнительных наблюдений, обратился к территориям Румынии и Болгарии, где нашел экземпляры глиняных фигурок с оттисками зерен. Кроме того, С. Н. Бибиков исследовал также сравнительный этнографический материал, надеясь найти в нем указания для разъяснения интересующего его вопроса.

В связи с анализом пластики из Луки-Врублевецкой С. Н. Бибиков дает обширный этюд о культе божества плодородия, особенно обращая при этом внимание на трипольскую культуру. Автор прав, склоняясь к мнению Т. С. Пассек, которая считает, что женские фигурки имели различные магические значения (фигурки, находимые в жилищах), а также, что они в течение позднетрипольского периода играли значительную роль и в погребальном культе (фигурки, найденные в погребениях, например в курганах у дер. Усатово близ Одессы, у дер. Серезлеевка, бывш. Херсонского уезда, и в могильнике у с. Выхватинцы).

Культовый характер глиняных фигурок распространяется и на миниатюрную мебель, находимую преимущественно на балканских стоянках. Недавно, например, подобные вещи были найдены в холме Баньята вблизи местности Капитан Димитриево в Болгарии [33]. Я здесь в особенности имею в виду миниатюрные троны, на которые, вероятно, сажали женские фигурки; у трипольских женских фигурок положение тела часто сидячее — ноги сильно согнуты в коленях, туловище сильно откинуто назад. На территории трипольской культуры нам известно сравнительно немного миниатюрных образцов мебели, их больше в Румынии и в Болгарии.

Вопрос, почему пластика Юго-Восточной Европы в III и II тысячелетиях до н. э. более натуралистична в фигурах животных, а в человеческих фигурках преобладает

---

[29] Ch. Delvoye. Rites de fécondité dans les religions préhelléniques. BCH, LXX, 1946 (1947), стр. 120—131.

[30] JHS, XXII, 1902, стр. 77, рис. 1.

[31] RA, 1928, т. II, стр. 47 и сл.; Ch. Picard. Les religions préhelléniques (Crète et Mycènes). Paris, 1948, стр. 76, 196 и сл.

[32] К такому же объяснению пришел недавно и М. Т. Гембарович (см. его статью «Вопрос о значении трипольских женских статуэток», СА, XXVI, 1956).

[33] П. Детев. Селищната могила Банята пре Капитан Димитриево. Годишник на Народния Археологически музей Пловдив, т. II, 1950, стр. 15, рис. 27.

схематизм, остается открытым. Впрочем, можно проследить это явление также и в архаической Греции, в так называемой геометрической пластике.

Не выяснен также вопрос о стеатопигии. Женские фигурки с сильно развитой стеатопигией почти неизвестны в трипольской и придунайской пластике; зато они появляются в неолитической пластике Крита, Эллады и Киклад [34].

С. Н. Бибиков, как и все исследователи трипольской пластики, несомненно, считает, что мы находимся лишь у начала исследований этого вопроса. Идейно-художественное содержание и социальные функции трипольской пластики будут тем более понятны, чем шире будет привлекаться сравнительный материал. Этот широкий фон должна составлять не только пластика народов Юго-Восточной Европы и Передней Азии III и II тысячелетий до н. э., но также и этнографические материалы.

В качестве примера следует вспомнить работы Г. Гиммельхебера [35]. Г. Гиммельхебер жил среди жителей Берега Слоновой Кости, изучал их скульптуру, знакомясь с их художниками. Для этих племен искусство лишено религиозного значения, а имеет лишь значение эстетическое. Художники ценятся у них высоко. Красоту они видят не в природе, а в произведениях человеческих рук. Тот же автор в другом своем труде [36] описывает свои исследования эскимосского искусства. Он установил, что все художественное творчество эскимосов связано с праздником зимы, а сущность их искусства составляют живописные рассказы. Эскимосский художник посредством картин передает события и различные приключения.

Можно было бы привести больше примеров «примитивного» художественного творчества, связанного не с магическим ритуалом, а лишь с верованиями и погребальными обрядами. Я вспоминаю об этом потому, что некоторые археологи, интерпретируя древнейшее искусство, не всегда надлежащим образом оценивали эстетические вопросы.

С. Н. Бибиков, как я уже говорил, широко привлекает сравнительный материал в своем исследовании. Рассматривая, например, глиняные мужские фигурки из Болгарии (стр. 265, рис. 78), он ищет в них аналогии для интерпретации трипольской пластики. Этнографическим сравнительным материалом пользуются исследователи не только при изучении энеолитической пластики Юго-Восточной Европы, но также и при анализе пластики Средиземноморья. Позволю себе напомнить, что Дж. Томсон в своем замечательном труде [37] пользовался этнографическим сравнительным материалом с Филиппинских островов, с Каролинских островов и Нигерии, чтобы раскрыть функциональное содержание женских средиземноморских фигурок эпохи бронзы. Он подчеркивает важное магическое значение женских средиземноморских фигурок, связанных с культом плодородия, но устанавливает, однако, что значение это меняется в зависимости от эпохи. Известны ведь женские фигурки из разных мест, датированные от палеолита до железного века, причем среди фигурок, принадлежащих к одной и той же культуре, одни были найдены в погребениях, другие — на поселениях, третьи, наконец, в местах, посвященных культу. Это, несомненно, свидетельствует о том, что они имели различное назначение и исполняли различные функции.

К. Маевский

---

[34] См. S. Weinberg. Neolithic Figurines and Aegean Interrelations. AJA, т. 55, 1951, № 2, стр. 121—133.

[35] H. Himmelheber. Negerkünstler. Ethnographische Studien über den Schnitzkünstler bei den Stämmen der Atuto und Guro im Innern der Elfenbeinküste (Ergebnisse einer Forschungsexpedition). Stuttgart, 1935.

[36] H. Himmelheber. Eskimokünstler. Stuttgart, 1938.

[37] Studies in Ancient Greek Society. The Prehistoric Aegean, London, 1949, стр. 237.

Труды Института истории, археологии и этнографии, т. II. Материалы по археологии Туркмении. Изд-во АН Туркменской ССР, Ашхабад, 1956

Рецензируемый том «Трудов» посвящен публикации нового материала, полученного в результате исследования археологических памятников в основном южных районов Туркменской ССР и относящегося ко времени от энеолита до средневековья включительно. В пяти статьях поставлен ряд вопросов, касающихся развития так называемых «анауских» культур.

Статьи С. А. Ершова «Холм Чопан-тепе» (стр. 11—23) и «Северный холм Анау» (стр. 24—36) посвящены ранним этапам развития древнеземледельческой культуры с расписной керамикой Южной Туркмении. Исходя из того, что при шурфовке Чопан-Тепе не были зафиксированы стены домов, автор считает, что древнейшие земледельцы сооружали жилые постройки «какого-то легкого типа» (очевидно, имеются в виду каркасные строения с глиняной обмазкой стен). Однако мощность культурных слоев холма (6,4 *м*) уже сама по себе опровергает это предположение. Более того, в 1956 г. при осмотре стенок шурфа на Чопан-Тепе XIV отрядом ЮТАКЭ обнаружена стена, сложен-

ная из овальных в разрезе глиняных «булок», предшественников сырцового кирпича [1]. На основании этого можно с уверенностью заключить, что ни одна из трех «глинобитных прослоек» (ярусы V, IX и XII) не является по существу «нивелировочной площадкой». Это — остатки по меньшей мере трех строительных комплексов, представляющих собой постоянные жилища.

В статье А. Ф. Ганялина «К стратиграфии Намазга-тепе» (стр. 37—66) дается стратиграфическая характеристика одного из важнейших первобытных памятников Южной Туркмении, культурные слои которого охватывают длительный период времени — от энеолита до поздней бронзы включительно. Автор устанавливает ряд этапов в жизни поселения, рассматривает керамические формы, детали орнамента и на основе этого выделяет керамические группы внутри каждого этапа. Классификация археологического материала имеет большое значение для дальнейшего изучения «анауских» культур юга Средней Азии.

А. Ф. Ганялин выделяет семь основных культурно-исторических периодов жизни поселения, в отличие от Б. А. Куфтина, который, опираясь в основном на тот же материал, выделил не семь, а шесть периодов [2]. В самостоятельный этап автор выделяет полуметровый слой (XXII ярус), расположенный между периодами Намазга I и II (по периодизации Б. А. Куфтина), хотя остальные периоды этого памятника дают слои мощностью в 5—6 *м*. Слои с аналогичными находками толщиной в несколько метров имеются на других памятниках (Илгынлы-Тепе и Геоксюр); на которых выделение этого материала в отдельный этап вполне закономерно, но в свите культурных слоев Намазга-Тепе керамику из XXII яруса нужно рассматривать лишь как результат влияния восточного, геоксюрского, варианта «раннеанауских» культур эпохи позднего Анау I. Нам представляется, что выделение этого яруса в самостоятельный культурно-исторический этап не оправдывается материалами холма, не говоря уже о том, что такое подразделение приводит лишь к путанице в деле изучения этих культур.

В статье совершенно правильно отмечено, что в эпоху Намазга III (по Куфтину) геометрический орнамент на керамике приобретает много черт восточного, геоксюрского, варианта культуры с расписной керамикой, но объяснения этому интересному явлению в статье не дается. По-видимому, для этого периода времени следует говорить если не о крупных передвижениях населения в подгорной полосе, то, во всяком случае, об усилении межобщинных связей.

В другой статье А. Ф. Ганялина, «Теккем-тепе» (стр. 67—86), приводится отчет о раскопках однослойного поселения времени Намазга VI. Кроме раскопа в 170 $м^2$, на котором обнаружены остатки жилых помещений, были заложены шурфы, при помощи которых было выяснено, что это поселение, как и «вышка» холма Намазга-Тепе, не имело оборонительных укреплений.

Анализируя керамический материал, относящийся к этапу Намазга VI, А. Ф. Ганялин выделяет в особую группу керамику андроновского облика. Исходя из ограниченного количества подобной керамики, найденной на Намазга-Тепе, Анау, Серманча-Тепе и др. и характерной, по-видимому, для скотоводческих племен (но не кочевников), он связывает гибель поселений «теккемовского времени» с вторжением носителей этой керамики из сопредельных областей. Однако для такого вывода пока еще нет достаточно веских оснований, тем более, что на самом Теккем-Тепе найдено не более полутора десятков фрагментов подобной керамики. Вместе с тем наличие этой керамики на ряде памятников эпохи поздней бронзы Южной Туркмении указывает на какие-то определенные формы сосуществования оседлых земледельцев и степных скотоводов в середине II тысячелетия до н. э.

Утверждение автора о том, что новая археологическая культура явилась «синтезом местной земледельческой и пришлой скотоводческой» культур (стр. 84), звучит несколько неопределенно, так как читателю остается неизвестным, о какой «новой археологической культуре» идет речь.

Античным памятником Ташаузской области Туркменской ССР посвящена статья Д. Д. Дурдыева (стр. 87—106), в которой дается общая характеристика археологических раскопок на городищах Кюзели-Гыр, Калалы-Гыр I и Куня-Уаз, относящихся, соответственно, к архаическому, кангюйскому и кушанскому периодам хорезмской «античности». В качестве параллелей привлекаются и другие синхронные им памятники этой области.

По данным предварительного обследования, городища Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр I были отнесены к типу «городищ с жилыми стенами» [3]. Однако в результате этих работ Хорезмской экспедиции выяснено, что внутреннее пространство городищ было застроено многочисленными домами и помещениями, назначение которых еще не ясно. Этот факт ставит под сомнение существование «городищ с жилыми стенами» вообще как типа археологических памятников.

---

[1] В. М. Массон. Джейтун и Кара-тепе. СА, 1957, № 1, стр. 145.

[2] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, стр. 266—270.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77—81.

В двух статьях А. А. Марущенко — «Хосров-кала» (107—160) и «Старый Серахс» (стр. 161—217) — приводится последовательная стратиграфия культурных слоев, полученная в результате археологических работ на обоих памятниках. Свита культурных слоев Хосров-Кала подразделяется автором на шесть этапов, начиная с Хосров-Кала I (VII—VI вв. до н. э.) и кончая Хосров-Кала VI (XI—XII вв. н. э.), причем для обоснования датировок используется синхронный материал не только Туркмении и Средней Азии, но и сопредельных стран. Однако при использовании этого материала автор недостаточно внимательно отнесся к уже имеющимся для юга Средней Азии стратиграфическим колонкам, тем более, что на городище Хосров-Кала не найдено точно датирующих слои монет. Сопоставляя слой Хосров-Кала III с Кобадианом IV, автор без особых оснований изменил дату Кобадиана IV со II в. н. э. на III в. н. э. Эта передатировка Кобадиана IV послужила в свою очередь поводом для определения керамики слоя Кобадиан IV как сасанидской. Этому выводу противоречит, во-первых, дата слоя Кобадиана V, который датируется золотой монетой не позднее середины III в. н. э., и, во-вторых, получаемый вследствие этой передатировки искусственный разрыв между этапами Хосров-Кала II и III, в которых выпадает весь II в. н. э. Это вряд ли возможно, так как найденный материал не свидетельствует о какой-либо прерывности в стратиграфии памятника.

Недостаточно убедительной является датировка конца IV слоя Хосров-Кала VI—VII вв. н. э., так как для ее обоснования привлечен керамический материал, по существу, только с южнотуркменских памятников, которые в настоящее время еще не могут служить сколько-нибудь надежным хронологическим эталоном. С другой стороны, надо отметить, что отдельные элементы этой керамики имеют параллели в так называемой «эфталитской» керамике Самаркандской области.

В заключение автор отождествляет Хосров-Калу с парфянской Апаварктикой, а городище Куня-Каахка — с Рагав. Однако это в настоящее время еще не может быть признано бесспорным.

Шурф, заложенный на шахристане Старого Серахса, выявил в нижних слоях городища керамику типа «эпохи варварской оккупации» (так называет ее Р. Пампелли) · следующий слой синхроничен Анау IV или Хосров-Кала I, т. е. относится к VII—VI вв. до н. э.; раннеантичной керамике из шурфа сопутствуют сделанные от руки сосуды с росписью типа так называемого «псевдотриполья»; верхние слои Старого Серахса могут быть отнесены к XVI—XIX вв. Для выяснения возраста цитадели автором была заложена горизонтальная 18-метровая штольня [4] (стр. 193), которая установила синхронность цитадели и шахристана. Также было выяснено, что уже в ахеменидское время Старый Серахс был городом, окруженным небольшим количеством селений.

Краткие итоги полевых работ сотрудников института в 1953 г. подводятся в статье А. А. Марущенко «Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР» (стр. 5—10). В ней делается попытка разрешить ряд узловых вопросов древней истории Южной Туркмении. Однако это сделано без приведения веских и научно обоснованных аргументов.

Оформление рецензируемого тома оставляет желать лучшего. Иллюстрации, как правило, очень низкого качества, техника печати также плоха. Значительную часть фотографий, особенно те, на которых представлены орнаменты и формы сосудов, следовало бы заменить чертежами. Часть иллюстраций не соответствует ссылкам в тексте. Так, на рис. 19 (стр. 102) вместо сторожевой башни (стр. 99) изображено парадное помещение, а на рис. 21 (стр. 103) вместо парадного зала (стр. 104) приведено погребальное помещение.

Особое внимание следует обратить на небрежное составление чертежей. Так, на чертеже 3 (стр. 30) не указаны страны света; чертеж развертки стенок основного шурфа 1952 г. на Намазга-Тепе (стр. 39) отличается большой схематичностью: кроме нескольких полов и кирпичных стенок, на разной высоте, больше по существу ничего нет. Трудно представить, что толща холма в 11,5 *м* так бедно насыщена строительными комплексами.

Несмотря на эти недостатки, выход в свет рецензируемого тома следует рассматривать как положительное явление. В следующем томе «Трудов Института истории, археологии и этнографии АН ТССР» хотелось бы наряду с публикациями увидеть и исследовательские статьи, посвященные главным вопросам древней истории Туркменской ССР. Нельзя также не пожелать улучшения техники печати. В целом рассмотренный II том «Трудов» является хорошим вкладом в дело изучения далекого прошлого народов юга Средней Азии и нельзя не пожелать коллективу его авторов успехов в дальнейшей плодотворной работе.

В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин

---

[4] Такая методика археологических раскопок, осуждаемая в настоящее время, широко применялась в работах Р. Пампелли в Анау и Ж. де Морганом в Сузах в начале XX в.

Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. Пер. с китайского Л. С. Переломова и М. Г. Прядохина. Изд-во иностранной литературы. М., 1956, 268 стр. Цена 9 руб. 95 коп.

Рецензируемая книга представляет собой сборник из 15 статей, написанных в 1950—1952 гг., и пяти писем различным китайским ученым, принадлежащих перу крупного китайского ученого и писателя Го Мо-жо. Центральной статьей — центральной и по значению, и по объему — является статья, давшая имя всему сборнику. Остальные статьи затрагивают более мелкие вопросы древней эпиграфики, филологии, археологии и подкрепляют основные положения ведущей статьи, которой мы и уделяем основное внимание.

Го Мо-жо предполагает, что рабовладельческий способ производства в Китае сложился на рубеже III и II тысячелетий до н. э. Но современная наука еще не располагает достаточными сведениями об этом периоде. Раскопки иньского городища в Аньяне и изучение письменных источников дали богатый материал для выяснения классовой структуры общества более позднего периода. Остатки царских дворцов, богатые погребения, изобилующие бронзовой утварью и украшениями и, что главное, содержащие останки людей, погребенных вместе с умершими богатыми людьми,— все это указывает на то, что в эпоху Инь-Шан, к которой относятся эти погребения, уже существовало классовое общество и государство. Основой всех отраслей хозяйства — земледелия, скотоводства, ремесел — являлся рабский труд, причем преобладало государственное рабовладение. Го Мо-жо показывает тесную связь между так называемой «колодезной системой» (системой надельного землепользования древнего Китая) и рабовладением. На наделах, раздаваемых царем своим приближенным в пользование, трудилось огромное число рабов (до 20 тысяч одновременно на отдельных участках в разгар полевых работ). Именно с упадком «колодезной системы» и с ростом частнособственнического земледелия связывает Го Мо-жо начавшийся в VIII—VII вв. до н. э. упадок рабовладельческой системы. Однако автор несколько упрощает этот процесс, придавая чрезмерную важность факту использования рабов в междоусобных войнах и некоторому улучшению их положения.

В статье отражена эволюция взглядов автора на хронологические границы рабовладельческого строя в Китае. Если первоначально он считал, что рабовладение отмерло к концу VIII в. до н. э., а позднее относил к периоду рабовладения и время правления династии Цинь (III в. до н. э.), то ныне он относит конец рабовладельческой эпохи к третьей четверти V в. до н. э., когда, по его мнению, рабский труд в земледелии был вытеснен наемным, а правительство начало ограничивать права рабовладельцев. Однако следует отметить, что в других областях хозяйства (в ремесле и торговле) рабство продолжало существовать до начала I в. н. э., все более и более превращаясь из государственного в частное.

Перемены в характере рабовладения повлекли за собой изменения в идеологии. Идея единого «верховного владыки» и его наместника на земле — «сына неба» — приходит в столкновение с идеями «естественного пути» — дао (Лао Цзы), идеи безудержного гнета — с идеями гуманности к рабам и «справедливости» к частной собственности (Конфуций), идей традиции и обычаев — с идеями государственной законности (школа фацзя).

Семь статей рецензируемого сборника написаны на основании сообщений, сделанных Го Бао-цзюнем о новых археологических материалах, добытых в Аньяне и увезенных на Тайвань. В этих статьях Го Мо-жо рассматривает вопросы человеческих жертвоприношений при погребении знати и древние литературные памятники, дающие материал для понимания социально-экономической структуры древнего Китая. Одна эпиграфическая заметка, шесть филологических статей и упомянутые выше письма заключают сборник.

Сборник представляет чрезвычайно большой интерес для всех интересующихся древней историей Китая, и в особенности проблемами ее периодизации.

М. В. Воробьев

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ЭГЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. F. Matz. Kreta, Mykene, Troja. Die minoische und die homerische Welt. «Grosse Kulturen der Frühzeit». Herausg. v. H. Th. Bossert. Изд. 2-е, Stuttgart, 1956, 281 стр., из них 114 стр. илл. на таблицах.

2. F. Schachermeyr. Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955. 300 стр. с илл.

3. G. Mylonas. Ancient Mycenae. The Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957, 201 стр.+ 87 рис. на таблицах.

4. Ch. Zervos. L'art de la Crète néolithique et minoenne. Paris, 1956, 524 стр. +807 рис. на таблицах.

Раскопки древнего Пилоса (в Пелопоннесе), приведшие к открытию большого количества глиняных табличек с надписями, исполненными так называемым критским линейным письмом В, послужили толчком к интенсивному изучению, а вскоре и к про-

чтению (В. Георгиевым и еще более успешно М. Вентрисом и Дж. Чадвиком) крито-микенской письменности. Уже то обстоятельство, что язык этого письма оказался греческим, приобрело значение научного факта огромной важности и положило конец многочисленным спорам об этнической принадлежности носителей крито-микенской культуры.

Это открытие, а также пересмотр в последние годы древневосточной хронологии в сторону ее значительного укорочения послужили толчком к почти одновременному появлению нескольких обобщающих работ, рассматривающих кардинальные вопросы истории эгейской культуры в свете этих новых данных, а также в свете нового археологического материала, полученного преимущественно исследованиями послевоенных лет в Малой Азии и Западном Средиземноморье.

Первая из рассматриваемых нами книг, вошедшая в редактируемую Г. Т. Боссертом серию «Великие культуры древности» и подчиненная ее общему плану, представляет собой альбом фототипий, воспроизводящих наиболее выразительный археологический материал, добытый в Трое, на Крите и в Микенах; сопровождающий таблицы текст представляет собой компактный, весьма обстоятельный очерк, мало касающийся археологических частностей, но затрагивающий многие из наиболее общих и существенных вопросов истории древней Эгеиды от возникновения ее культуры и до конца эпохи бронзы. Его изложение аподиктично и предполагает знакомство читателя с книгой Дж. Пендлбери, подводящей итоги изучению древнего Крита [1], а также с работой Ф. Матца, посвященной археологии Эгеиды [2].

Из рецензируемых нами книг очерк Ф. Матца наиболее глубоко использует результаты расшифровки крито-микенской письменности — не только для решения вопроса о происхождении эгейской культуры, но также и для социальной характеристики крито-микенского общества. Автор привлекает данные критских, пилосских и микенских табличек о рабах в дворцовом хозяйстве, документы имущественной отчетности, перечни вооружения и т. п. для установления исторических параллелей, сближающих политический и хозяйственный строй на о. Крите и в микенской Греции с общественными установлениями древневосточных центров. Ему, однако, не удается при этом избежать значительных искажений и модернизации общей картины политического и социального строя эгейского общества. И хотя в одном месте автор оговаривает условность позднейших политических терминов и норм применительно к древнему Криту (стр. 94), все же, поскольку он не предлагает ничего взамен, у читателя невольно создается впечатление, будто он имеет дело на Крите с государством феодально-абсолютистского типа. И это при обилии данных (преподносимых автором вне определенной связи с вышеуказанными политическими характеристиками), свидетельствующих о значительных пережитках матриархально-родовых учреждений в общественном быту, особенно же в религиозных установлениях. Подобные искажения исторической перспективы и противоречия значительно снижают научную ценность рецензируемой книги.

Автор воздерживается от столь модной еще в недавнее время для буржуазной науки миграционистской теории происхождения эгейской культуры посредством привнесения ее с севера, из Центральной Европы, путем переселения на юг Балканского полуострова, на острова Эгейского моря и в Малую Азию «индогерманских» племен. Он признает самобытность эгейской культуры, но не всегда сохраняет в этом отношении последовательность. Так, он говорит, что некоторые элементы (древнейшая орнаментированная керамика) принесены в нее с севера Балканского полуострова и из Венгрии носителями культуры ленточной керамики, переселившимися в Грецию (стр. 12 сл.), а прародину критского энеолита он усматривает соответственно (на основании определенных аналогий в керамике и изделиях из камня) в Северной Африке, откуда культура пришла на Крит опять-таки за счет ливийских переселенцев. Это соскальзывание на миграционистские позиции также не может не снижать научного достоинства книги. Но материал книги позволяет все же внимательному читателю определить самому, что если в южной части Центрального Крита сильно, естественным образом, североафриканское влияние, то, наоборот, на северном его побережье ощутимо влияние энеолитической культуры Балкан и Малой Азии, а на восточном — преимущественно Сирии. Находясь на приблизительно равном расстоянии от Африки, Азии и Европы, Крит испытывал на себе культурное воздействие этих стран. Вероятно, от их берегов к нему приплывали не только торговцы, но и переселенцы.

Весьма отрадным представляется понимание Ф. Матцем значения для развития эгейской культуры ее западноанатолийского элемента. Он характеризует культуру Троады в тесной связи с культурой островов (Лесбоса, Лемноса, Хиоса) и западного побережья Эгеиды, в отличие от В. Дёрпфельда [3] и Бледжина (руководителя последних раскопок Трои) [4]. Эти исследователи считали материальную культуру Троады явно анатолийской, резко отличной от современных ей балканских культур, равно как и от культуры Крита и от центрально- и восточноанатолийской дохеттской и хеттской культуры. Более тщательное сравнительное изучение эгейского материала, с одной стороны, и новые данные в отношении анатолийской культуры, с другой, все более определенно свидетельствуют в последние годы о значительном родстве древнейших культур Балкан-

[1] Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950.
[2] F. Matz. Aegeis. Handbuch der Archäologie, т. II, München, 1950.
[3] W. Dörpfeld. Troja und Ilion, тт. I и II, Athen, 1902.
[4] C. Blegen. Troy, т. I—III, Princeton, 1951—1953.

ского полуострова, Эгейских островов и Малоазийского побережья. Родство это выражается прежде всего в общности форм и технических приемов архитектуры (повсеместные в Эгеиде мегаронообразные сооружения, каменная кладка «в елочку», известная из Трои I и встречающаяся на Балканах, строительство из сырцового кирпича на каменном фундаменте с деревянными прокладками, повсеместно распространенное в Анатолии и довольно широко представленное на Балканах, в Микенах и других пунктах, начиная с раннеэлладийской эпохи). Эта общность прослеживается по формам металлических сосудов и на большом числе подражающих металлическим керамических форм. При этом на основании данных последних раскопок Трои нужно констатировать проникновение в ее наиболее ранние слои (начиная с верхнего горизонта города I) характерной для материка раннеэлладийской расписной керамики. Это свидетельствует о наличии определенных отношений между восточными берегами материковой Греции и западноанатолийским побережьем, отношений, документированных в эпоху средней бронзы распространением так называемой «минийской» керамики, выявленной на западе Анатолии. Матц подчеркивает при этом непричастность о. Крита к этим сношениям в раннеминойскую эпоху, что верно только отчасти. Если на западе Малой Азии (в частности в Трое) отсутствуют образцы критской (раннеминойской) керамики, то металл, глиптика и архитектура свидетельствуют о значительном участии о. Крита в общении материковой и островной Эгеиды с западом и юго-востоком Малой Азии. Раскопки городища Бейчесултан на Верхнем Меандре, производившиеся в недавние годы, открыли остатки сооружения дворцового типа, совершенно подобного в плане критским «дворцам» Кносса, Феста и Маллии. Раскопщики (С. Ллойд и Дж. Милаарт [5]) готовы отнести возникновение этого сооружения даже к несколько более раннему времени, чем начало соответствующей архитектуры на о. Крите (около 2000 г. до н. э.).

Отмечая широкую экспансию критской культуры в северном направлении, автор подчеркивает значение ее в первую очередь для Кикладских островов, где (в Филакопи на о. Мелосе) в среднеминойскую эпоху возникает полное подобие критской цивилизации, с ее архитектурой, фресковой живописью и расписной керамикой. Распространение культуры Крита к северо-востоку отмечается им для более позднего времени также на о. Родосе (Трианда) и на юго-западе Малой Азии (Милет), где, судя по наличию находок позднеминойской керамики, могут быть предположены критские «колонии». Автор, впрочем, говорит обо всем этом в довольно нерешительной и предположительной форме и не использует всего того материала, который позволяет проследить связи древнего Крита далее на восток по побережью Киликии (Мерсин, Тарс) вплоть до Северной Сирии (Рас-Шамра). В последнем из названных пунктов, судя по обилию позднеминойского материала, также следует предполагать критскую торговую факторию. В связи с этим и имя Кефтиу (библейский Кафтор), засвидетельствованное в древнеегипетских и сирийских источниках в качестве обозначения для эгейских этнических элементов, автор ограничивает лишь о. Критом, не распространяя этот термин, как делают многие другие новейшие исследователи, также и на киликийское побережье [6]. Не использует автор и традиционные данные — предания и мифы, сообщающие о переселении потомков Миноса, Сарпедона и Радаманта в Грецию, на острова и в Малую Азию, увязывающиеся ныне с обильным археологическим материалом.

При характеристике критского влияния в Малой Азии Ф. Матц не использует полностью и того материала, который содержится в его же альбоме. Для подтверждения распространения минойской культуры в Северной Эгеиде очень существенна воспроизводимая им (на табл. 58) позднеминойская бронзовая женская статуэтка, найденная близ Трои, где столь определенные и монументальные предметы критского искусства не были ранее засвидетельствованы.

Более детально характеризуются автором крито-египетские связи, с достаточно подробным перечислением находок египетских предметов на о. Крите и критских — в Египте. Однако и здесь им не используются данные древнеегипетских текстов о гелу небут — эгейском этническом наименовании, в котором (в связи с признанием греческого языка языком древних критян) следует видеть наиболее древнее свидетельство об эллинском племени, прослеживающемся, возможно, начиная с эпохи Древнего царства [7].

Распространение влияния критской культуры на территории материковой Греции Ф. Матц также рассматривает в плане культурной экспансии Крита, хотя и не отрицает известного первоначального родства обеих культур, подтвержденного открытием М. Вентриса и Дж. Чадвика. Он отрицает принимаемый большинством исследователей факт захвата ахейцами Крита в XV в. до н. э. (когда прекратили существование критские дворцы, за исключением кносского) и считает, что распространение микенского влияния на Крит произошло в результате мирного сосуществования обеих культур и постепенного перевеса микенско-ахейской культуры над критской. В противоречии со всем этим греческий язык на о. Крите появляется, по мнению Ф. Матца, лишь с приходом туда микенских ахейцев. И линейное письмо В толкуется им как приспособле-

---

[5] S. Lloyd, G. Milaart. Beycesultan Excavations. Anatolian Studies, т. V, 1955, стр. 39 сл.

[6] G. A. Wainwright. Keftiu and Karamania. Anatolian Studies, т. IV, 1954, стр. 33 сл.

[7] J. Vercoutter. Essai sur les relations entre Egyptiens et Préhellènes. Paris, 1954.

ние критского линейного письма А (негреческого) к особенностям греческого языка. В последнем случае он, однако, по-видимому, прав: если попытки чтения К. Г. Гордоном кносских табличек линейного письма А по-аккадски [8] оказались бы успешными и плодотворными, то это послужило бы новым доказательством огромного значения сиро-месопотамских связей Крита, первоначально воспользовавшегося для своей письменности «дипломатическим» и торговым языком того времени. Это, однако, не исключает предположения, что родным языком критян, как и языком эгейцев вообще, был греческий.

Мнение Ф. Матца о мирном объединении Крита и Микен могло бы быть более аргументированным, если бы он при этом обратил внимание еще на одну сторону отмеченного им процесса. Мы имеем в виду значительную и, по-видимому, довольно внезапную политическую централизацию на о. Крите, когда Кносс подчинил себе все остальные пункты, обладавшие ранее своими собственными «дворцовыми» сооружениями. В связи с этим автором мог бы быть выяснен и самый характер этих «дворцовых» комплексов, вероятнее всего являвшихся резиденциями племенных или родовых вождей-царей и окружавшей их родо-племенной аристократии.

Однако для Ф. Матца (хотя он нигде и не говорит этого прямо) Крит представляется изначально объединенным под властью кносского царя и единым культурным целым, чему противоречит целый ряд несовпадений (по абсолютно-хронологической шкале) между стратиграфически корреспондирующими археологическими горизонтами различных пунктов на о. Крите. Например, в Фесте констатируется продолжение существования среднеминойского I периода, в то время как в Кноссе ему на смену приходят среднеминойские II и III периоды [9]. При значительном культурном единстве Крита эти хронологические несовпадения могут служить важным указателем известной политической обособленности различных его пунктов друг от друга.

Хронологическая схема эгейской истории, предлагаемая Ф. Матцем, соответствует его представлениям о малоазийском культурном приоритете, все более выясняющемся из наблюдений над новыми данными западноанатолийской археологии. Поэтому, в противоречии с тем, что он сам писал по этому поводу в 1950 г. [10] (когда ему представлялось, что древнетроянская культура возникла и развивалась под влиянием предшествовавшей ей древнеэлладийской культуры), он датирует ныне начало Трои I на столетие раньше (около 2600 г. до н. э.), чем начало древнеэлладийского периода на греческом материке. Начало же культурного прогресса на Кикладских островах и на о. Крите Ф. Матц относит примерно к тому же времени, что и начало Трои I, считая древнейшую стадию критской культуры развивавшейся независимо от Малой Азии, но в контакте с культурой североафриканского побережья и под ее влиянием. Разрушение Трои II Матц датирует около 2200 г. до н. э., связывая это событие с началом экспансии критской культуры на северо-восток. Впрочем, он не считает (в противоречии с им же самим приводимыми данными) Трою важным промышленным пунктом и центром культурной области, получившей в несколько более позднее время у хеттов наименование Ашшува [11], а настаивает на ее военном и сторожевом значении в качестве форпоста эгейской культуры против варварского мира внутрианатолийских областей.

Мы принуждены констатировать, таким образом, довольно большую непоследовательность в изложении Ф. Матца, а также наличие в его очерке истории эгейской культуры целого ряда лакун. Используя новейший материал, он не всегда делает из него необходимые выводы, в некоторых же случаях использует и самый материал неполностью. Проблема происхождения эгейской культуры и взаимосвязь локальных ее элементов представлена у него далеко не отчетливо. Отчасти, впрочем, этот недостаток необходимо отнести за счет краткости изложения.

Значительно более подробно этих последних вопросов касается вторая из рецензируемых книг, посвященная раннему периоду истории Эгеиды и рассматривающая ее проблемы на более широком материале, нежели очерк Ф. Матца.

Книга Ф. Шахермейра, озаглавленная «Древнейшие культуры Греции», посвящена установлению взаимоотношения культур эпохи энеолита и ранней бронзы в Эгейском бассейне и Малой Азии. Ф. Шахермейр демонстративно отказывается от предвзятой и, в конечном счете, проистекавшей из шовинистических тенденций буржуазной науки точки зрения на эгейскую культуру как на порождение гения «нордической» расы, принесшей в результате миграции из Европы в Средиземноморье основные формы материальной культуры (мегарон, керамическую орнаментику и т. п.; см. стр. 17 сл.). Однако автор оказался не в состоянии сойти со своих прежних миграционистских позиций: по-прежнему эгейская культура эволюционирует у него в результате перемещений этнических элементов, перемещений весьма сложных, многосторонних и многостепенных. В лице Ф. Шахермейра мы сталкиваемся ныне с наиболее ретивым сторонником восточного происхождения эгейской культуры. Представление это невольно связывается с господствовавшим в прошлом столетии мнением о восточном происхождении всей человеческой культуры вообще. Восточные культурные влияния, неся с собой технику

---

[8] Archaeology, т. X, 1957, № 4, стр. 281 сл. (хроника).

[9] Ср. ВДИ, 1956, № 3, стр. 97.

[10] F. Matz. Zur ägäischen Chronologie der früheren Bronzezeit. Historia, т. I, 1950, № 2, стр. 192 сл.

[11] G. Bossert. Alt-Anatolien. Berlin, 1942, стр. 57 сл.

мотыжного земледелия и изготовления керамики, распространились, по его мнению, с юго-востока Малой Азии на ее западное побережье, а оттуда — на Балканы и к бассейну Дуная. Крит подвергался к тому же через Ливию влиянию, шедшему из энеолитического Египта. Культура Димини, распространившаяся из Фессалии также и в Северный Пелопоннес, возникла в результате обратной миграции придунайских культур Бюкка, Тиссы и Винчи через Македонию и Северную Фессалию к югу. Названные же северные энеолитические культуры испытали на себе предварительно влияние сирийско-малоазийского Востока, в особенности культура Винчи, имеющая весьма широкие параллели в Западной и Центральной Анатолии [12].

Подобного же рода «обратные» толчки и устремления отмечает автор для культуры Бутмира, определившей, по его мнению, многие черты культуры Гвара, недавно открытой на Адриатическом побережье, а также и черты кикладской культуры. Таким же точно образом энеолит древней Македонии и Халкидики оказался под влиянием гумельницкой культуры (Болгария), а культура Рахмани в Фессалии обнаруживает влияние Ленгиеля и Винчи (стр. 150). Влияние придунайских энеолитических культур автор отмечает также и в Западном Средиземноморье, на примере процарапанной и расписной керамики Сицилии и Апулии.

Так же как и Ф. Матцу, Ф. Шахермейру не удается отойти полностью от прежних «нордических» позиций; все-таки на рубеже ранней и средней бронзы и в Малой Азии, и на Балканах появляются носители культуры шнуровой керамики и «боевых топоров» (каменных и металлических) — индоевропейцы, приведшие с собой из северных стран лошадь, боевую колесницу и т. д. Это и был тот основной этнический и культурный элемент, который послужил для создания эллинства в смысле языка и материального быта, хотя автор и не отрицает смешанного характера этнических и культурных элементов греческой культуры. Настойчивое подчеркивание многократности и значительности внедрения анатолийских культурных и этнических элементов на Балканы (для создания сначала эгейской, а затем и греческой культуры) сближает представления Ф. Шахермейра с точкой зрения на происхождение греческого языка и этноса, высказанной недавно одним из наиболее передовых современных зарубежных ученых, работающих в этой области,— Г. Кордатосом [13], предполагающим расселение эллинских племен с западноанатолийского побережья, где они и возникли на ахейском субстрате, на европейское побережье Эгеиды. Однако ни тот, ни другой не привлекают данных киликийской эпиграфики [14] об исторической и топографической локализации имени данауна (или дануна), известного также и из египетских источников и отожествляемого с именем данайцев и данаидов, в качестве племенных и родовых имен у ахейцев Пелопоннеса. Эти же данные связывают греческого мифического героя и провидца Мопсоса с киликийской Мопсуэстией — факты, имеющие первенствующее значение для оценки роли малоазийского этнического элемента в создании эллинской народности.

Необходимо признать, что подобные построения Ф. Шахермейра при некоторой их непоследовательности все же базируются на реальных археологических (и лингвистических) основаниях. Наличие глубокой культурной общности, выражающейся в формах металлических орудий и сосудов, в формах и орнаментации керамических изделий, действительно наблюдается в эпоху энеолита и ранней бронзы на обширном пространстве, охватывающем Малую Азию, Прикарпатье, Балканский и Апеннинский полуострова, а также и острова Средиземного моря, расположенные близ названных стран. Наиболее характерные местные черты древних культур, развившихся на этом пространстве, стали определяться несколько позднее — начиная с эпохи средней бронзы. Однако даже и в это время по-прежнему продолжала давать себя знать возникшая еще в эпоху энеолита широкая общность, отмечающаяся не только в элементах материальной культуры, но также и в языковых реликтах (преимущественно в области этнонимики и топонимики).

В особенности широко представлены во всех названных странах одинаковые формы древнейших металлических орудий (плоские и втульчатые топорики, в том числе двулезвийные «месопотамские», с перпендикулярными лезвиями), металлическое оружие (треугольные «эгейские» кинжалы и черешковые «кипрские» наконечники копий), матовая, лощеная и расписная керамика характерных «малоазийских» форм с простейшей геометрической орнаментацией, продолговатые костяные пластинки, с расположенным на них продольно рядом выпуклых полушарий. Независимо от места происхождения всех этих форм их примерно одновременное бытование на широком пространстве Средиземноморья свидетельствует об интенсивном общении населявших его народов и об их значительной ассимиляции в весьма древнее время. Так же точно об этом свидетельствует одинаковая или близкая по своему звучанию топонимика и энтонимика на еще более широком пространстве средиземноморских берегов.

Таким образом, если отбросить миграционистские построения Ф. Шахермейра, выходящие за пределы научно обоснованных гипотез, изложение его, во многом близкое к очерку Ф. Матца, представляется вполне приемлемым в его чисто археологической части. Главное его достоинство заключается в том, что он значительно шире и глубже.

---

[12] См., например, G. Ghilde, The Danube in the Prehistory. Oxford, 1929, стр. 64 сл.

[13] Γ. Κορδάτος Ἱστορία, τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας, т. I, Ἀθῆνα, 1955, стр. 112 сл.

[14] C. H. Gordon. Azitawaddas Phoenician Inscription. Journal of the Near Eastern Studies, т. VIII, 1949, стр. 116 сл.

чем это кем бы то ни было делалось до сих пор, прослеживает малоазийско-балканскую культурную общность. Он нередко использует не опубликованные еще данные, в особенности, когда это касается раскопок, произведенных немецкими археологами за военные и послевоенные годы. Весьма существенны его сообщения о работах В. Милойчича в Отзаки-Магула (Фессалия) в 1953—1954 гг. Последний изучил культурный слой, предшествующий нижнему горизонту Сескло («Протосескло»), сопоставляемый Шахермейром с материалом из нижних слоев Мерсина в Восточной Анатолии, из Кум-Тепе близ Трои (также неопубликованным) и с нулевым горизонтом Алишара (стр. 57).

Единственным довольно грубым нарушением этой, с археологической точки зрения, достаточно точной, картины являются домыслы Шахермейра в отношении культуры «боевых топоров». Хронология их в общем столь растяжима, а территория распространения столь велика, что применительно к этим орудиям вряд ли может вообще идти речь о какой-либо определенной культуре.

В хронологическом отношении Ф. Шахермейр следует в основных своих датах за Ф. Матцем. Для него нижний горизонт Трои также предшествует началу древнеэлладийской культуры примерно на 100 лет и одновременен возникновению раннеминойской культуры на о. Крите. Хронология эта, однако, не лишена у него противоречия: если для Матца древнеминойская культура возникает совершенно независимо от западноанатолийской (см. выше), то для Шахермейра основными определяющими ее формами являются именно анатолийские; поэтому, придерживаясь его гипотезы, следовало бы и раннеминойскую культуру датировать несколько позже начала Трои I.

Шахермейр ограничивает свое изложение временем энеолита и ранней бронзы. Его интересует преимущественно процесс становления эгейской культуры, развитию которой он намерен посвятить особое исследование (стр. 218). Характеристику позднейшего ее этапа (преимущественно лишь на материале древних Микен) мы находим в третьей из рассматриваемых книг, где также наряду с чисто археологическими подняты и исторические вопросы.

Книга Г. Милонаса, осуществившего вместе с Д. Пападимитриу и некоторыми другими греческими учеными исследование нового микенского «царского» некрополя, подобного открытому в свое время Г. Шлиманом, интересна преимущественно из-за содержащихся в ней новых археологических данных. В особенности интересна глава, которая посвящена раскопкам нового некрополя (названного «некрополем В», в отличие от шлимановского, помеченного литерой «А») и является, в сущности, первой более или менее детальной его публикацией [15]. Этот некрополь, раскопки которого были осуществлены в 1952—1954 гг., находится вне цитадели Микен, в непосредственном соседстве с толосной гробницей, называемой «могилой Клитемнестры», крепида которой слегка перекрывает ограду некрополя. Некрополь В заключает в себе 23 могилы, содержащие иногда по нескольку костяков (наибольшее их число находилось в могиле γ; стр. 167). В огромном большинстве могилы эти — такого же устройства, как и шахтные гробницы некрополя А, и относятся примерно к тому же времени. Однако дата наиболее древних могил некрополя В принадлежит еще концу XVII в. до н. э., глубоко заходя в среднеэлладийский период и предшествуя дате наиболее древней из могил некрополя А примерно на полвека (стр. 175). Инвентарь вновь открытого некрополя лишь не намного беднее и менее колоритен, чем инвентарь некрополя А. Могилы содержат многочисленные приношения, среди которых — сосуды из драгоценных металлов и камня (один сосуд из горного хрусталя, с рукоятью в виде утиной головы, имеющий сиро-египетские аналогии), украшения, предметы вооружения, расписная керамика, глиптика (в одном случае с портретным изображением, могила γ), электровая лицевая маска (из той же могилы).

Помимо того, что могилы эти своим содержимым прибавляют много нового к познанию микенского быта и искусства, одна из этих могил (ϱ), резко отличаясь от остальных по своему устройству, существенна для истории микенской погребальной архитектуры. Представляя собой камеру с двускатной кровлей, сложенную из каменных плит, гробница эта не имеет аналогий ни в микенской Греции, ни на Крите, но близка некоторым погребальным сооружениям Рас-Шамры и Минет-эль-Беида в Северной Сирии, где подобные гробницы датируются XIV—XIII вв., тогда как микенская могила ϱ относится к XV в. до н. э. В связи с этим автор поднимает вопрос об эгейском влиянии в Северной Сирии не только в области искусства, но также и в области погребальной архитектуры. Кроме того, Г. Милонас высказывает интересное предположение о происхождении более поздних микенских толосных гробниц, архитектура которых нередко связывается с купольными гробницами Крита и с древними погребальными сооружениями Западного Средиземноморья. Он находит их прототип в обоих микенских некрополях, полагая, что толос развился из каменных оград родовых погребальных участков, обладавших значительной высотой и монументальностью (стр. 99 сл.).

При всей заманчивости этого предположения против него как будто говорит недавняя находка круглой купольной гробницы в Османага близ Пилоса (в Пелопоннесе) [16], относящейся к среднеэлладийскому периоду. Это последнее обстоятельство делает ее

[15] До сих пор появлялись лишь хроникальные и предварительные сообщения названных авторов в журнале «Archaeology» за 1952 и 1955 гг. и в ILN № 5978 за 1953 г., №№ 5992 и 5994 за 1954 г., №№ 6057 и 6058 за 1955 г.

[16] C. Blegen. An Early Tholos Tomb in Western Messenia. Hesperia, № 23, 1954, стр. 158 сл.

предшественницей микенских некрополей с каменными оградами, возвращая тем самым вопрос о происхождении толосной архитектуры к более ранним критским аналогиям.

Не менее интересны страницы, посвященные открытию (в микенской цитадели и вне ее) остатков зданий позднеэлладийской эпохи, исследование которых, производившееся преимущественно уже в 50-е годы, сопряжено с находками табличек линейного письма В и обнаружением следов виноделия и оливкового маслоделия. Существенны данные, полученные при доследовании оборонительных сооружений цитадели Микен, приведшие к констатации ее троекратного расширения на протяжении позднемикенского III а — в периода (стр. 33 сл.). При этом абсолютная дата указывается Г. Милонасом лишь для второго строительного периода — около 1250 г. до н. э.

Значительно менее удачны содержащиеся в его книге соображения общеисторического характера, связанные с характеристикой Микен как центра политической и культурной жизни Греции позднеэлладийского периода. Автор, сообщая о вновь открытых письменных источниках по истории Микен и апеллируя то и дело к данным пилосских раскопок в отношении того, что касается архитектуры микенского дворца и некоторых бытовых подробностей, совершенно не использует новые данные для характеристики микенского социального строя. Вместо этого он прибегает к интерпретации легендарных данных, обращаясь с ними, однако, без необходимой осторожности. Персей, Атрей, Агамемнон для него не менее исторические персоны, владыки древних Микен, чем когда-то для Шлимана. Разделяя легендарных микенских царей на две династии — Персеидов и Пелопидов,— Милонас относит первой из них время от середины XIV до середины XIII в., а второй — все последующее время существования древних Микен до их предполагаемого разрушения дорийцами около 1100 г. до н. э. К этим легендарным датам он пытается приурочить некоторые археологические даты, связанные с историей микенской архитектуры. Так, более или менее точно датированное первое расширение микенской цитадели и сооружение Львиных ворот приурочивается им к царствованию Атрея. Нечего и говорить, что подобные исторические и хронологические домыслы имеют весьма мало общего с наукой, а вследствие этого книга Г. Милонаса, весьма полезная и интересная в том, что касается новых археологических фактов, добытых за последние годы на микенской почве, очень мало дает для опосредствования этих фактов в общей связи истории эгейской культуры.

Несравненно большее значение для выявления общекультурных процессов и общеисторических явлений древней Эгеиды имеет последняя из рецензируемых нами книг. Она посвящена, в сущности, лишь искусству Крита и представляет собой, как и книга Ф. Матца, альбом прекрасных воспроизведений археологических памятников минойской культуры, характеризующих ее быт, искусство и религию. Среди этих воспроизведений встречаются и весьма мало известные и впервые с необходимой отчетливостью опубликованные, как, например, изображение древнеминойского парусного судна на найденной в Платаносе печати из слоновой кости раннеминойского периода (стр. 178, рис. 211, *в*). Вместе с другими, несколько более поздними, изображениями критских судов на печатях, а также вместе с происходящими с о. Сироса соответствующими керамическими рисунками древнеэлладийских судов [17], воспроизведение это документирует легендарные данные о минойской талассократии, подтверждает свидетельства египетских текстов о мореплавании гелу небут, позволяя судить о форме, а отчасти и о конструкции древнейших эгейских парусных и гребных судов.

Однако наибольшая ценность этого издания заключается в том, что ему предпослан очерк истории эгейской культуры, дающий, хотя и в сжатой форме, но более отчетливо, чем все остальные рассмотренные нами книги, и с привлечением наиболее яркого материала, представление о происхождении эгейской культуры, ее распространении, развитии и связях. Автор при этом не прибегает к искусственным теориям и не решает проблемы культурной преемственности и культурных революций посредством простых перемещений в географическом пространстве носителей тех или иных культурных элементов, чем грешат в большей или меньшей мере авторы ранее рассмотренных книг. Отмечая общие черты раннего критского и египетско-ливийского энеолита, он в то же время обращает внимание на весьма рано проявившуюся общность культуры Крита и Кипра и напоминает о спорадических находках на Кипре раннеминойской керамики. Выше мы указали на то, что критская дворцовая архитектура находит много общего в формах западномалоазийских сооружений. Зервос расширяет круг этих параллелей за счет дворцовых построек Алалаха и Мари, подчеркивая известный хронологический приоритет Востока.

В особенности яркая картина значительного единообразия в области прикладного сиро-эгейского и малоазийского искусства, определившаяся на рубеже III—II тысячелетий до н. э., представлена автором в результате анализа предметов клада из Тода (Египет), опубликованного в 1950 г. Это первоклассный комплекс предметов сиро-эгейской торевтики и глиптики, точно датированный временем Аменемхета II (последняя треть XX в. до н. э.).

Весьма существенны приводимые Зервосом соображения в отношении западносредиземноморских связей Эгеиды, прослеживаемых им со времени энеолита не только по керамическим формам и орнаментам, но также и по формам металлических орудий (стр. 13). Автор показывает далее, что если для эпохи древнесицилийских культур

[17] F. Schachermeyr. Die ältesten Kulturen Griechenlands, стр. 175, рис. 50.

Стентинелло и Кастеллюччо (раннесикульское время) речь может идти лишь об определенной степени общности в области формы и орнаментики, то в позднеминойскую эпоху в Сицилии и Южной Италии обнаруживаются признаки прямого влияния эгейской культуры. Об этом говорят находки позднеминойской керамики в восточной Сицилии (в Матренэе, Тапсе и других пунктах близ Катаны) и микенской — на Липарских островах и на материке в Италии, а также находки сосудов со знаками, близкими к знакам минойско-микенского письма [18].

Малоазийско-эгейскую культурную общность альбом Зервоса позволяет проследить весьма отчетливо также и по памятникам религиозного культа — не только по многочисленным памятникам культа божеств плодородия вообще, но и по изображениям, касающимся гораздо более индивидуализированного культа. Так, прототипом Артемиды Эфесской может быть признана воспроизведенная Зервосом фрагментированная глиняная женская фигурка среднеминойской эпохи из Агии Триады на Крите, с туловищем, покрытым множеством выступов à la barbotine, точно такого же вида, как и ее грудные соски.

Зервос всячески подчеркивает историческое значение расшифровки микенской письменности. При этом он восстанавливает в правах несправедливо оттесненного на задний план и заслоненного славой М. Вентриса и Дж. Чадвика болгарского ученого В. Георгиева, впервые высказавшего предположение о том, что язык критского и микенского письма является греческим, и немало сделавшего для его расшифровки [19].

К книге Зервоса приложен небольшой очерк греческого археолога Н. Платона, посвященный вопросам хронологии Крита. Автор, с учетом всей работы, проделанной по сокращению и уточнению древневосточной хронологии, строит хронологию Крита не по искусственным «минойским» эпохам, а по архитектурно-стратиграфическим периодам. Он различает додворцовую (2600—2000 гг. до н. э.), протодворцовую (2000—1700 гг. до н. э.), неодворцовую (1700—1400 гг. до н. э.) и последворцовую (1400—1100 гг. до н. э.) эпохи. Очерк этот в особенности ценен тем, что, на основании своих собственных археологических исследований на о. Крите, автор констатировал сравнительную непродолжительность существования в этом пункте древне- и среднеминойского периодов. Это лишний раз заставляет искать возможности для максимального сокращения отводимого этим периодам по абсолютно-хронологической шкале времени.

Материал, содержащийся в альбоме Зервоса, позволяет в некоторых случаях расширить и привычные представления об эгейском хозяйственном быте в позднеминойскую и микенскую эпохи, что в особенности важно в связи с новыми данными текстов линейного письма В. Небезынтересно в данной связи воспроизведение глиняного фигурного ритона из Карфи (субминойский период), изображающего упряжку из трех быков (табл. 802). Это малоизвестное изображение удачно иллюстрирует содержащиеся в первой из рецензированных книг — очерке Ф. Матца — страницы, посвященные характеристике политического и хозяйственного быта позднемикенского общества, построенной на данных пилосских и микенских текстов.

Л. А. Ельницкий

---

[18] Л. А. Ельницкий. Из новейшей зарубежной литературы по археологии доримской Италии. СА, 1957, № 4, стр. 212 сл.

[19] См. W. Georgiev. Déchiffrement des inscriptions minoennes. Sofia, 1949.

Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. Труды Государственного исторического музея, вып. XXVI, М., 1957, 63 стр.+24 рис.+14 табл.+IV цв. табл. Тираж 1500. Цена 3 р. 65 к.

Книга Н. П. Сорокиной представляет собой монографию об античном некрополе, расположенном на Таманском полуострове, около мыса Тузлы, и является ценным и интересным исследованием для специалистов, занимающихся историей Северного Причерноморья. Значительная часть материала, использованного в работе, не была опубликована (материал раскопок В. Н. Глазова 1913 и 1916 гг.), а часть, изданная в виде дневников, не была научно обработана (раскопки В. В. Шкорпила) [1]. Для доказательства своих основных положений автор широко использует аналогии, делает интересные экскурсы в область истории культуры как отдельных племен и городов, так и греческих государств метрополии. Например, при решении вопроса о происхождении сырцовых гробниц автор приводит интересные аналогии из некрополей Пантикапея, Ольвии, Таманского полуострова, а также и Греции (стр. 14), в связи с вопросом об обряде кремации разбирает основные типы этого обряда как в некрополях Малой Азии, так и материковой Греции.

Книга имеет шесть глав, введение и заключение.

В небольшом введении автор ставит вопрос о взаимоотношениях синдов с Боспором. Далее Н. П. Сорокина справедливо отмечает значение археологического материала, наряду с письменными источниками, для изучения истории Боспора. Затем

---

[1] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914.

дается очерк исследования некрополя Тузлы. После этого автор переходит к анализу погребальных сооружений и погребального обряда. Исследование ведется в хронологическом порядке (с конца VII в. до н. э. по IV в. н. э. включительно), намечается эволюция погребального обряда, рассматривается инвентарь.

В заключительной части работы автор уделяет большое внимание вопросу о локализации Корокондамы и, как нам представляется, убедительно доказывает, что она была расположена в районе мыса Тузлы. Таким образом, рассматриваемый некрополь автор связывает с Корокондамой. В этой части работы в известной мере освещен этнический состав населения Корокондамы и затронуты некоторые проблемы социально-экономической жизни города.

Хотелось бы остановиться на некоторых моментах, которые, на наш взгляд, недостаточно ясно и правильно освещены автором.

Большое внимание в книге уделено вопросу о происхождении каменных плитовых гробниц. На стр. 26 автор справедливо отмечает, что «нельзя целиком относить плитовые могилы некрополей тех поселений и городов, где могли совместно жить греки и представители северопричерноморских племен, в частности скифы, синды и меоты, к местному типу погребальных сооружений». Действительно, мы не можем игнорировать греческое влияние на этот погребальный обряд, так же как не можем не считаться и с местной традицией. Для доказательства последней автор приводит аналогии с могильниками Крыма и Прикубанья античной эпохи (V—II вв. до н. э.). Но нам представляется, что эти положения звучали бы более убедительно, если бы привлекались памятники и более раннего времени. В этом отношении большой интерес представляют открытые исследователями XIX в. на территории Таманского полуострова погребения эпохи бронзы, среди которых имеются и каменные гробницы. Например, в кургане, расположенном на берегу Малого Ахтанизовского лимана, в 1872 г. В. Г. Тизенгаузен открыл гробницу, сложенную из больших каменных плит, в которой на каменном помосте лежал на правом боку костяк с инвентарем, типичным для II тысячелетия до н. э. (лепная керамика, бронзовые шило и листовидный нож) [2]. Погребение с каменным помостом, заваленное сверху камнем, было открыто в 1880 г. Н. П. Кондаковым в кургане около Блеваки [3]. Этот курган был окружен каменным кольцом-кромлехом. Ближайшие аналогии подобным погребальным сооружениям мы видим среди памятников этого времени как в Прикубанье [4], так и в Крыму [5]. Это отчасти и дало возможность исследователям поставить вопрос о культурной общности населения этих районов Северного Причерноморья во II — начале I тысячелетия до н. э., связав его с киммерийцами [6].

Автор правильно отмечает появление земляных склепов в IV—III вв. до н. э. (стр. 28), увеличение их количества в первые века нашей эры и появление подбоев в I в. до н. э. Но неясным остается вопрос о происхождении склепов IV—III в. до н. э. и связи их со склепами I—III вв. н. э. Это не может быть поставлено в упрек автору, так как наши сведения о земляных склепах Таманского полуострова IV—III вв. до н. э. [7] столь неполны, что нельзя даже судить об их устройстве.

В отчетах В. В. Шкорпила [8] ничего не говорится о конструкциях дромосов, нигде не упоминается слово «колодец» или «катакомба», в то время как в отчете В. Н. Глазова [9] подобные погребальные сооружения более позднего времени названы катакомбами. Можно предположить, что конструкция склепов IV—III вв. до н. э. была иной, чем более поздних. Очевидно, дромос первых представлял собой плавный спуск к камере в виде коридора. Подобного устройства дромосы нам известны в склепах Ольвийского некрополя [10] и Херсонеса. Не исключена возможность, что рассматриваемые склепы составляют единую группу памятников с ольвийскими, а имеющиеся сведения о существовании гробниц подобной конструкции в Средиземноморье [11] дают право предполагать, что на появление в некрополе Северного Причерноморья этого погребального обряда какое-то влияние оказал близкий им погребальный обряд Средиземноморья.

О склепах первых веков нашей эры нам известно больше. Раскопки земляных склепов на Тузле в 1951 г. [12] дали возможность определить их конструкцию. Так, зем-

---

[2] ОАК за 1872 г., стр. XIV.

[3] ОАК за 1880 г., стр. IX, X.

[4] ОАК за 1881 г., стр. 3; Е. И. Крупнов. Древний период истории Кабарды. Сб. статей по истории Кабарды, вып. I, Нальчик, 1951; А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов. СА, 1950, стр. 157 сл.; ОАК за 1904 г., стр. 15; ОАК за 1899 г., стр. 77.

[5] ОАК за 1895 г., стр. 19; А. А. Спицын. Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, т. XI, 1899, стр. 94.

[6] А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Уч. зап. КабНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 69.

[7] Имеется в виду не только некрополь Тузлы, но и некрополь бывш. хутора Кротенко. См. В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 62, 70.

[8] ИАК, вып. 56, 1914, стр. 21 сл.

[9] Архив ЛОИИМК, д. № 350, гробница № 6, 1913 и гробница № 1, 1916.

[10] ОАК, 1913—1915, стр. 26

[11] P. Hermann. Das Gräberfeld von Marion auf Cypren. Berlin, 1888, стр. 156.

[12] И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 156 сл.

ляной склеп № 3 имел колодец, вдоль узких стенок которого были устроены две камеры, соединенные с ним посредством коротких дромосов. Н. П. Сорокина считает склеп № 3 однокамерным (стр. 44), в то время как, судя по чертежам и по статье И. Б. Зеест [13], склеп имел две камеры. Гробницы подобной конструкции известны в Фанагории (могила № 50 из раскопок 1937 г.) [14], но особенно много их в Прикубанье [15], где они появляются несколько раньше. Одни исследователи, как, например, К. Ф. Смирнов [16], связывают появление здесь земляных склепов (катакомб) с проникновением сарматских элементов с Нижнего Поволжья, другие, как Н. В. Анфимов [17],— с процессом частичного оседания кочевых племен Прикубанья. При этом Н. В. Анфимов считает, что вопрос о происхождении земляных склепов нельзя рассматривать без учета факта существования в Прикубанье катакомб еще в эпоху поздней бронзы [18]. Так или иначе, думается, что на Тамань этот обряд принесен с Прикубанья на рубеже нашей эры в связи с митридатовскими войнами и усилением так называемого процесса «сарматизации». Близкими катакомбам по конструкции являются подбойные могилы, с индивидуальными захоронениями, составляющие с катакомбами единую группу погребальных сооружений.

Спорной представляется мысль автора о том, что обычай класть в могилу напутственную пищу в виде мяса животных появился в результате сарматского влияния. Как известно, этот обряд существовал не только у сарматов, но был широко распространен в ранних прикубанских могильниках меотов [19], а также у скифов. Известно несколько случаев подобного ритуала и на Тамани. Так, в некрополе, расположенном в 3 км к юго-востоку от Тузлы, в погребениях VI—V вв. до н. э. найдены кости барана и коровы, лежавшие в мисках [20]. Очевидно, этот обычай существовал и у аборигенов Таманского полуострова — синдов.

Остановимся еще на некоторых замечаниях частного характера. Неясно изложен вопрос о датировке погребения № 2 из раскопок В. Н. Глазова 1913 г. Инвентарь этого погребения правильно определен автором временем с рубежа VII—VI вв. до н. э. (стр. 9) до начала V в. до н. э. (стр. 21, 22). И для читателя остается непонятным, почему часть инвентаря рассмотрена в первой главе (стр. 9), часть — во второй (стр. 16) и часть — в третьей (стр. 20, 21). Правда, в ссылке 5 к первой главе на стр. 56 автор пишет об этом погребении: «Нам представляется, что оно было ограблено или могила рубежа VI—V вв. до н. э. перекрыла могилу конца VII — начала VI в. до н. э.». Но архивные данные не убеждают в правильности этого предположения: на плане не отмечено никаких нарушений конструкции погребального сооружения. Скорее всего, эта могила была семейной усыпальницей с четырьмя повторными захоронениями: кости ранее умершего сдвигались, и освобождалось место для тела погребаемого. Такие гробницы могли использоваться в течение нескольких десятков лет, и, очевидно, с подобной гробницей мы имеем дело в данном случае.

Непонятно, на каком основании погребение № 159/114 из раскопок В. В. Шкорпила 1911 г. с трупосожжением автор датирует VI—V вв. до н. э. (стр. 15). Инвентарь могилы не сохранился, а упоминаемый в отчете В. В. Шкорпила спиралевидный бронзовый браслет со змеиными головками на концах не дает еще оснований относить это погребение к столь раннему времени, так как подобный тип браслета чаще всего встречается в эпоху эллинизма и позже (например, в некрополе Неаполя скифского).

Не всегда удачна композиция отдельных глав рецензируемой работы. Так, например, автор, рассматривая во второй главе погребальные сооружения и погребальный обряд конца VI—V вв. до н. э., переносит описание инвентаря этих могил в следующую, третью главу, посвященную, судя по заглавию, погребальным сооружениям и погребальному обряду V—IV вв. до н. э.

Не везде указаны номера погребений: например, во второй главе, на стр. 41, где дается общая характеристика погребальных сооружений, нет их номеров.

Но эти недостатки ни в коем случае не снижают достоинств рецензируемой работы. Книга написана хорошим литературным языком, обильно снабжена рисунками и фотографиями, при этом большинство памятников публикуется впервые. Эта работа является серьезным и глубоким исследованием в области античной археологии, и ее появление в свет нужно только приветствовать.

А. К. Коровина

---

[13] Там же

[14] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Фанагории 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, вып. 16, 1941, стр. 44 сл.

[15] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 148 сл.

[16] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1952, стр. 13.

[17] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, стр. 205.

[18] Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Диссертация. Архив ИИМК, ф. 1, раздел 2, № 1228, стр. 173—174.

[19] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, стр. 162.

[20] В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 63—65.

G. Tucci. The Tombs of the Tibetan Kings. VIII+117 стр.+5 рис. Instituto Italiano per Il Medio Ed Estremo Oriente. Serie Orientale Roma, т. I. Roma, 1950.

Тибетское государство Тодбод (китайское название его Туфань) складывается в конце V — начале VI в. При царе Сронцзангамбо (620—650 гг.) оно становится наиболее могущественным государством Центральной Азии, успешно противостоящим всем попыткам Китая продвинуться в эти районы. Именно в это время крепнут многообразные культурные и экономические связи между Тибетом и Китаем. В стране происходят такие крупные события, как создание тибетской письменности, принятие буддизма и пр. Однако с 670 г., когда китайские армии были разгромлены и тибетское государство овладело Восточным Туркестаном, начинается полоса нескончаемых войн между Китаем и Тибетом. Эти войны велись с переменным успехом и закончились в 822 г. знаменитым в истории тибетско-китайских отношений мирным договором, заключенным на основах равноправия. Война подорвала силы Тибета, и в середине IX в. Тибет приходит в упадок, в стране вспыхивают междоусобицы, поднимает голову старая родовая знать, страна распадается на ряд княжеств, зависимых от Китая, к которому переходит и тибетское наследство в Туркестане. Новое объединение страны, в более узких границах, происходит только в начале XI в.

Рецензируемая работа посвящена определению местонахождения царских погребений раннего периода существования тибетского государства.

Тибетские хроники и тексты (некоторые из которых находятся в личной коллекции Туччи) содержат скупые сведения о существовании царского кладбища в районе Ярлунa и о расположении погребений по отношению друг к другу. Пользуясь этими сведениями, а также указаниями ряда путеводителей по центральным провинциям Тибета, Туччи удалось установить принадлежность ряда царских погребений. Он обнаружил остатки могильного холма, у основания которого находится погребальная стела. Незначительный подъемный материал да краткое упоминание о двукамерной системе царских погребений — вот и все, что известно сейчас о внутреннем устройстве погребений тибетских царей.

Основное внимание автор обратил на расшифровку нескольких так называемых посвятительных надписей. Пять из них высечены на камне, три почерпнуты из литературных источников. В своей работе Туччи дает их воспроизведения и прилагает перевод с подробными филологическими и историческими комментариями. Эти посвящения представляют собой торжественные обязательства первых тибетских царей поддерживать буддизм. В них перечисляются выгоды, приносимые буддизмом, фиксируются пожертвования буддийским храмам, отмечается сопротивление со стороны представителей старой родовой религии. Текст надписей содержит интересный материал по титулатуре царей Тибета, по родовым и географическим названиям. Язык этих надписей близок к языку тибетской части стелы, содержащей договор 822 г.

М. В. Воробьев

Нукшинский могильник. Под редакцией Э. Д. Шноре и Т. Я. Зейда. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. 1, Рига, 1957. 103 стр.+43 табл. Тираж 1000. Цена 16 р. 50 к.

Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР приступил к изданию серии «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР» по образцу «Материалы и исследования по археологии СССР». Издание осуществляется на русском языке, тем самым исследования археологов Советской Латвии смогут быть доступными широкому кругу всех советских археологов и историков и ряду зарубежных исследователей. Первый том этой серии, посвященный материалам раскопок Нукшинского могильника, вышел из печати в конце 1957 г.

Раскопанный в 1947 и 1948 гг. под руководством Э. Д. Шноре и Я. Я. Граудона грунтовой могильник в с. Нукши Лудзенского района Латвийской ССР принадлежит к тому же типу памятников, что и известный Лудзенский (Люцинский) могильник. Значительно бóльшая научная ценность материалов Нукшинского могильника объясняется прежде всего тем, что этот памятник исследован полностью (это первый полностью раскопанный грунтовой могильник на территории Латвийской ССР), во-вторых, его полевые исследования отличаются большой тщательностью и тонкой наблюдательностью. Все это позволило исследователям Нукшинского могильника уточнить отдельные детали погребального обряда восточнолатвийских могильников, изучить одежду погребенных, внести некоторые коррективы в описание женских украшений, разработать детальную хронологическую классификацию нукшинских погребений.

В предисловии к первому тому «Материалов и исследований по археологии Латвийской ССР», написанном Т. Я. Зейдом, дан краткий историографический обзор публикаций археологических материалов, полученных при полевых исследованиях на территории Латвийской ССР начиная с 30-х годов прошлого столетия. Автором введения, первых пяти глав и сводной таблицы погребений могильника является Э. Д. Шноре.

Анализ тканей и их описание в четвертой главе сделаны А. Э. Заринь. Антропологический материал Нукшинского могильника изучен И. В. Дайгой, которая является автором последней главы тома.

Глава первая целиком посвящена характеристике всех сторон погребального обряда населения, оставившего Нукшинский могильник. Основным типом погребений было трупоположение. Ориентация погребенных очень строгая: мужские скелеты лежат головой на восток, женские — в противоположном направлении. Эта закономерность обязательна и для детских захоронений. Исключение составляют только два погребения (на 200 трупоположений). Пять погребений оказались трупосожжениями. Все они женские. Э. Д. Шноре объясняет наличие трупосожжений в грунтовых могильниках X—XI вв. Восточной Латвии брачными связями латгалов со славянками или литовками, которым и принадлежат эти захоронения.

Во второй главе дана характеристика различных предметов Нукшинского могильника, которые могут быть использованы для датировки отдельных погребений этого памятника, т. е. являются хронологически определяющими. Итоги хронологической классификации представлены в сводной таблице погребений Нукшинского могильника (стр. 56—66). Придавая большое значение этому разделу публикации, нужно заметить, что хотя предложенная Э. Д. Шноре датировка отдельных погребений могильника не вызывает принципиальных возражений, при изучении сводной таблицы у читателей могут возникнуть многочисленные вопросы.

Так, например в мужском погребении № 121, датированном IX в., найдены два серебряных перстня, спиральные трубочки и фрагмент железной пряжки. Спиральные перстни и трубочки встречены в погребениях IX—XI вв. и не могут датировать захоронение; видимо, датирующим предметом здесь является обломок пряжки, но о ней не сказано ни слова, ее форма читателю неизвестна. Читатель не может понять, почему женское погребение № 24 датировано XI в. Предметы, сопровождающие это погребение (остатки жгутового венка из рифленых цилиндриков, разрозненные спиральные трубочки и остатки виллайне), встречены и в погребениях X в. и не могут быть хронологически определяющими. К XI в. отнесено погребение № 109; но два бубенчика, найденные в нем, характерны для погребений и X и XI в., а подковообразные фибулы треугольного сечения со спиральными концами встречены в погребениях IX—XII вв. Хотелось бы знать, на каком основании (а основания у автора были) датированы и многие другие погребения Нукшинского могильника. Кажется, этих вопросов можно было бы избежать, если бы Э. Д. Шноре вместо сводной таблицы с простым перечислением предметов, найденных в каждом погребении, составила корреляционно-хронологическую таблицу с подразделением всех предметов на типы и подтипы с учетом их орнаментации.

Не могу согласиться с датировкой четырех погребений Нукшинского могильника. Э. Д. Шноре справедливо считает, что спиральные браслеты этого могильника относятся к X—XI вв. (стр. 26). Между тем детское погребение № 212 с единственной находкой спирального браслета датировано IX в. Это погребение скорее всего нужно отнести к X в., тем более что узколезвийный топор, найденный в заполнении могильной ямы (не связанный с погребением), принадлежит к поздним типам и датируется X в.

Неизвестно, что заставило Э. Д. Шноре датировать погребение № 10 X веком. Витая гривна с петельчатыми концами из этого погребения относится к XI в. (см. стр. 27), другие предметы не противоречат датировке этого погребения XI в.

Узколезвийные топоры со слегка удлиненной спинкой обуха и овальным проухом (табл. XI, *2*, *4*) датируются IX в., о чем упоминает автор на стр. 27. Этим временем и нужно датировать погребение № 61, а не X в., как предложено автором. Узколезвийный топор описанного типа (табл. IX, *4*) является единственной находкой в этом погребении.

Мужское погребение № 56 следовало бы датировать X в. или, по крайней мере, рубежом X—XI вв., а не XI в., как предложено в сводной таблице. Основанием для отнесения этого погребения к XI в., видимо, послужила находка миниатюрного широколезвийного топора. Но подобные топоры появились в памятниках Восточной Европы уже в конце I тысячелетия н. э., а другие предметы, найденные в погребении № 56, указывают на то, что захоронение было совершено в X в. Так, браслет треугольного сечения с расширяющимися концами (табл. V, *15*) встречен в Нукшинском могильнике только в погребениях IX—X вв.; подковообразная фибула шестиугольного сечения с ромбическими концами датируется X в. или около 1000 г.

Кажется, зря при хронологической классификации отдельных погребений Нукшинского могильника Э. Д. Шноре отказалась от использования ситуационного плана могильника. Заключение автора о том, что «невозможно судить о месте закладки могильника и о плане его роста в известном направлении, так как ранние погребения смешаны с более поздними — как в центральной части могильника, так и по его окраинам» (стр. 25), на мой взгляд, преждевременно. Определить место закладки могильника можно. Все бесспорно ранние погребения (VIII—IX вв.) расположены только в срединной части восточной половины территории могильника. Это место и нужно считать первоначальным могильником. Погребения этого времени отстоят друг от друга на значительном расстоянии; видимо, таков был обычай. Позднее, в X—XI вв., обычай располагать могилы далеко друг от друга постепенно исчезает. Могилы XI—XII веков в срединной части кладбища расположены сравнительно близко одна от другой, но несколько разбросаны на его окраинах. В X в. территория могильника расширяется глав-

ным образом в западном и южном направлениях, лишь отдельные погребения появляются к северу от захоронений VIII—IX вв. И только погребения XI—XII вв. разбросаны по всей территории могильника.

В небольшой третьей главе рецензируемой работы разобраны предметы вооружения и орудия труда, найденные при раскопках Нукшинского могильника.

Четвертый раздел работы посвящен одежде и украшениям населения, оставившего Нукшинский могильник. Этот раздел принадлежит к лучшим разделам публикации. Тщательно произведенные раскопки могильника позволили Э. Д. Шноре и А. Э. Заринь детально реконструировать как мужскую, так и женскую одежду и ее убранство. Интересны наблюдения о положениях виллайне при умерших. Технологический анализ остатков тканей из Нукшинского могильника позволил изучить основы ткацкого ремесла.

Материалы Нукшинского могильника позволяют поставить вопрос об этнической принадлежности населения Восточной Латгалии VIII—XII вв. Основываясь главным образом на географическом положении могильников лудзенского типа, многие исследователи, в том числе латвийские, считают эти могильники латгальскими. Э. Д. Шноре даже не останавливается на этом вопросе; для нее Нукшинский могильник является бесспорно латгальским. Кроме географического положения могильника, основаниями для отнесения Нукшинского могильника к латгальским могильникам являются погребальный обряд (ориентировка мужских захоронений на восток, женских — в обратном направлении) и сопровождающий инвентарь, во многом сходный с могильниками Западной Латгалии. Правда, Э. Д. Шноре отмечает некоторое своеобразие женских украшений населения восточных районов Латвии X—XII вв., но причины этого своеобразия не выясняет. Между тем материалы Нукшинского могильника предоставляют возможность объяснить причины отличия латгальских украшений от украшений населения Восточной Латвии.

До V—VI вв. для латгалов были характерны курганы с коллективными захоронениями. Таких курганов нет в восточных районах Латвии, т. е. там, где известны могильники лудзенского типа. В V—VI вв. латгалы переходят от захоронений в курганных насыпях к погребениям в грунтовых могильниках. Одной из основных особенностей латгальского женского костюма с VII в. становится головной венок (так называемый ленточный), состоящий из нескольких рядов спиральных трубочек, нанизанных на лыко, которые чередуются с прямоугольными пластинками, и шейные гривны с седловидными и костылевидными концами. Латгальские грунтовые могильники V—VII вв. с характерными головными венками и шейными гривнами известны только в западной части Латгалии (Цесисский, Эргльский, Мадонский, Гулбенский и Плявиньский районы Латвийской ССР), их нет в восточных районах Латвии. А это значит, что ни в первой половине I тысячелетия н. э., ни в V—VII вв. н. э. восточные районы Латвии (там, где позднее появились могильники лудзенского облика) не были заселены латгалами. Отсутствие на этой территории каких-либо латгальских памятников до VIII в. свидетельствует о том, что латгалы здесь являются пришлым элементом. Так же как северная часть Латвии, прежде заселенная финскими племенами, начала осваиваться латгалами только в V—VI вв., восточные районы Латвии начали заселяться латгалами только с VIII в.

Таблица 1

Пол погребенных	Дата погребений				
	Конец VIII и IX в.	Конец IX и начало X в.	X в.	Около 1000 г. и XI в.	Конец XI и начало XII в.
Мужчины	16	7	35	33	3
Женщины	—	—	23	36	4
Мальчики	2	—	9	8	—
Девочки	—	—	10	3	—

Ранние погребения Нукшинского могильника датируются концом VIII в. При изучении их бросается в глаза то, что все без исключения захоронения конца VIII и всего IX в. являются мужскими. Поскольку Нукшинский могильник раскопан полностью, этот факт нельзя объяснить случайностью. Соотношение между мужскими, женскими и детскими погребениями Нукшинского могильника показано на табл. 1 [1].

Таким образом, первые женские погребения в Нукшинском могильнике относятся только к X в., да и то не к началу столетия. Заметное преобладание мужских погребений над женскими остается вплоть до XI в. Примерно равное соотношение между

[1] При составлении таблицы погребение № 10 отнесено к XI в. (вместо X в.), погребение № 56 — к X—XI вв. (вместо XI в.), погребение № 61 — к IX в. (вместо X в.), Для остальных погребений использована датировка, предложенная Э. Д. Шноре.

мужскими и женскими захоронениями в XI—XII вв. подчеркивает неслучайность прежней диспропорции.

Прежде чем объяснить эту диспропорциональность, обратим внимание на то обстоятельство, что единственным головным украшением, найденным в женских погребениях X в., является жгутовой венок[2]. Такие венки вовсе неизвестны в западных районах Латгалии. Значит, головной убор женщин, похороненных в Нукшинском могильнике в X в., отличен от характерного для латгалов ленточного венка. Нет в нукшинских погребениях X в. и латгальских шейных гривен с седловидными и костылевидными концами.

Ленточный венок появляется у населения восточных районов Латвии только около 1000 г. В течение XI—XII вв. он сосуществует со жгутовым венком, т. е. в одних погребениях XI—XII вв. встречаются жгутовые венки, в других — ленточные. В Нукшинском могильнике погребения со жгутовым венком количественно преобладают. Только в одном погребении (№ 2) на черепе оказались два венка различных типов. Наличие двух самостоятельных ареалов распространения ленточного и жгутового венков до конца X в. может быть объяснено только этническим различием носителей этих венков. Если принадлежность латгалам ленточного венка не вызывает сомнений, то жгутовый венок нельзя считать латгальским[3]. В связи с этим примечательно, что во всех пяти трупосожжениях Нукшинского могильника (два из них датируются X в. и три — XI в.) найдены именно жгутовые венки. Нелатгальское происхождение нукшинских трупосожжений подчеркнуто и Э. Д. Шноре. В Лудзенском могильнике раскопано 16 женских трупосожжений. Единственным головным венком лудзенских трупосожжений опять-таки является жгутовой венок. Он найден в 11 трупосожжениях[4]. А. А. Спицын высказал предположение что трупосожжение в Лудзенском могильнике носит характер пережиточного обряда. Видимо, и нукшинские трупосожжения принадлежат не литовкам

Таблица 2

Признаки	Череп из погребения №37 с ленточным венком	Черепа из погребений №№ 10, 33, 66 со жгутовыми венками	Признаки	Череп из погребения № 37 с ленточным венком	Черепа из погребений №№ 10, 33, 66 со жгутовыми венками
1. Продольный диаметр	180	183	Назо-малярный угол	141	135
2. Поперечный диаметр	140	136	Зиго-максиллярный угол	27	129(2)
17. Высотный диаметр	131	135			
5. Носо-основной диаметр	99	103	Дакриальный указатель	178,3	36,5(1)
9. Наименьшая ширина лба	98	99	Симотический указатель	54,2	27,2(2)
40. Длина основания лица	91	91			
45. Скуловой диаметр	128	128	8:1 Черепной указатель	77,7	72,8
48. Высота лица	65	68	17:1 Высотно-продольный	72,7	73,5
55. Высота носа	52	53	17:8 Высотно-поперечный	93,5	100,9
54. Ширина носа	26	25	9:8 Лобно-поперечный	70,0	74,2
51a. Ширина орбиты	41	41	40:5 Указатель выступания лица	90,9	88,8
52. Высота орбиты	32,5	35			
32. Угол лба	79	79	48:45 Лицевой указатель	50,8	47,2
72. Угол лица	84	85,5	54:55 Носовой указатель	47,7	47,6
75(1) Угол носа	27	25,5	52:51a Орбитный указатель	79,2	88,7

и не славянкам, как предполагает Э. Д. Шноре, а местному населению, у которого до прихода сюда латгалов был распространен обряд сожжения умерших. Нукшинские и лудзенские трупосожжения являются пережитком прежнего погребального обряда, распространенного на этой территории. Долатгальским населением восточных районов Латвии, видимо, было какое-то финское или балтское племя, определить которое пока не представляется возможным.

---

[2] В Нукшинском могильнике жгутовые венки представлены двумя видами. Одни из них состоят из толстых спиральных трубочек, другие — из рифленых цилиндриков. Венки обоих видов найдены в погребениях, датируемых от X до XII в., и не различаются хронологически.

[3] В период раннего средневековья многие племена, населявшие лесную полосу Восточной Европы, придавали большое значение головным украшениям, которые в большинстве случаев являются племенными признаками. Например, различные типы височных колец восточнославянских племен, своеобразные височные украшения мерян, води, ленточный венок латгалов, головные уборы мордвы и муромы и т. п.

[4] Люцинский могильник. МАР, № 14, 1893, стр. 10, 11 и дневники раскопок (раскоп II; погребения №№ 3, 8, 33, 97 120; раскоп III, погребения №№ 6, 10, 57, 76, 116 и 122).

При решении вопроса о разноплеменности носителей ленточного и жгутового венков большую помощь могли бы оказать палеоантропологические материалы. К сожалению, они крайне малочисленны, а сравнительные данные по сериям женских черепов соседних территорий отсутствуют. Все же я попытался разделить женские черепа из раскопок Нукшинского могильника на две группы в зависимости от типов головных венчиков (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, различие между серией черепов из погребений с находками жгутовых венков и женским черепом из погребения с ленточным венком довольно заметное. Впрочем, в силу малочисленности черепов придавать большое значение этому различию пока нельзя; оно может оказаться случайным.

Итог наших рассуждений таков: первые латгалы появились на территории восточных районов Латвии только в VIII в. Материалы Нукшинского могильника говорят, что это не было движение крупных групп латгальского населения. Первыми латгальскими поселенцами здесь были вооруженные мужчины. Во многих захоронениях VIII—IX вв. найдено оружие — копья и боевые ножи (Э. Д. Шноре называет их короткими однолезвийными мечами). Около одной трети погребений VIII—IX вв. составляют так называемые символические погребения, т. е. погребения, не содержащие никаких следов костей умерших (все они относятся к VIII—IX вв.). Если это действительно погребения воинов (их инвентарь имеет явно выраженный воинский характер), павших на чужбине, то они являются свидетельством столкновений с местным населением. На то, что ранние мужские захоронения Нукшинского могильника принадлежат латгалам, указывает прежде всего погребальный обряд (трупоположение головой на восток, т. е. совершенно так же, как и на основной территории расселения латгалов); во-вторых, сопровождающий инвентарь, имеющий аналогии в латгальских могильниках того же времени; в-третьих, вся дальнейшая история этого могильника.

Однако в мужских погребениях X в. ни копий, ни боевых ножей нет (исключением является погребение № 176, где найден боевой нож). Топоры же, находимые в мужских погребениях IX—XII вв., являются орудиями труда, лишь в случае необходимости использовавшимися и как оружие. В X в. нет и символических погребений. Видимо, взаимоотношения пришельцев с местным населением скоро приобрели мирный характер, началось смешение населения в результате брачных связей. В X в. в Нукшинском могильнике появляются женские захоронения. Судя по жгутовым венчикам, эти захоронения принадлежали представительницам нелатгальского населения. Нужно полагать, что это были жены латгалов-мужчин, погребенных в Нукшинском могильнике, иначе трудно объяснить, почему они погребены по латгальскому обычаю и на этом кладбище. Отсутствие женских захоронений IX в. и преобладание мужских погребений X в. в Нукшинском могильнике, видимо, объясняется тем, что часть женщин-аборигенок, вступивших в брачные связи с латгалами, могла быть похоронена по старому погребальному обряду и не на этом кладбище. Появление ленточных венков в погребениях XI—XII вв. может быть объяснено двояко. С одной стороны, возможен приток и женского населения из западных районов Латгалии; с другой стороны, к этому времени могла олатгалиться и часть местного населения и сменить жгутовой венок на ленточный.

В пятой главе рецензируемого тома Э. Д. Шноре обращает внимание на более или менее значительное количественное различие сопровождающих предметов в различных погребениях Нукшинского могильника. На этом основании автор предлагает классификацию всех погребений могильника по четырем категориям. К первой категории отнесены немногочисленные погребения с исключительно большим количеством сопровождающих предметов. Эти погребения рассматриваются автором как захоронения представителей верхнего слоя феодальной аристократии, из среды которой происходили владельцы феодальных замков. Ко второй категории отнесены 13 мужских и 18 женских погребений, также с большим количеством сопровождающего инвентаря того же характера, но несколько меньшим, чем в погребениях первой категории. Автор считает их погребениями знатных воинов, входивших в состав дружины феодалов.

Наиболее многочисленны погребения третьей категории (35 мужских и 25 женских). Этими погребениями, по мнению автора, представлена многочисленная масса крестьянства, ремесленников и замковой челяди. Четвертую категорию составляют десять мужских и два женских погребения, в которых сопровождающие предметы или полностью отсутствуют, или представлены одним — двумя незначительными предметами. Автор считает, что в этих могилах похоронены рабы.

Сам факт подобной классификации довольно интересен и указывает на возможность социальной классификации древнего населения по археологическим данным. Однако подобные вопросы социальной истории, по-видимому, нужно решать не на материалах одного могильника. Нукшинский могильник, на мой взгляд, является кладбищем территориальной общины, обслуживавшим одну — две деревни с земледельческим населением. Захоронены на этом кладбище в основном крестьяне, богатые и бедные, почему и различаются погребения этого могильника только по количеству сопровождающего инвентаря. Никаких признаков захоронений ремесленников в Нукшинском могильнике не обнаружено. К воинским погребениям, кроме погребений раннего времени, о чем уже говорилось выше, можно отнести только погребения №№ 114 (с копьем), 194 (с боевым рогом) и 176 (с боевым ножом). В других погребениях никакого оружия нет. Вызывает сомнение и выделение среди погребений Нукшинского могильника захоронений представителей верхнего слоя феодальной аристократии. Их погребения

должны бы отличаться от крестьянских не только количеством браслетов и перстней. Погребения первой категории Нукшинского могильника принадлежали скорее всего представителям феодальной власти на местах, осуществлявшим сбор дани и выполнявшим судебные функции.

При классификации женских погребений по социальным категориям Э. Д. Шноре не учла тех изменений в женском наряде, которые произошли на рубеже X и XI вв. В это время у населения, оставившего Нукшинский могильник, количество женских украшений по сравнению с X в. заметно возрастает. Эти изменения, возможно, связаны с новым притоком латгальского населения в восточные районы территории современной Латвийской ССР, в результате чего именно в это время в нукшинских погребениях появляется ленточный венок. В X в. у населения, оставившего Нукшинский могильник, в основном был распространен один тип шейной гривны — гривна, изготовленная из проволоки круглого сечения, с уплощенной передней частью. Кроме того, в пяти погребениях встречены тордированные гривны с четырехгранными концами. В погребениях XI—XII вв. наряду с этими типами шейных украшений (которые встречаются не реже, если не чаще, чем в погребениях X в.) появляются шейные гривны с уплощенными концами с трапециевидными пластинчатыми привесками, гривны, витые из трех проволочек, с петлевидными концами, гривны с коническими концами и гривны с седловидными и костылевидными концами.

Таблица 3 показывает рост количества шейных гривен в погребениях XI—XII вв.

Таблица 3

Количество шейных гривен в одном погребении	Погребения X в.	Погребения около 1000 г.	Погребения XI—XII вв.
1	14	2	5
2	7	2	9
3	—	—	11
4	—	—	5

Таким образом, если в погребениях X в. встречено только по одной-две шейных гривны, то в погребениях XI—XII вв. чаще встречается по три-четыре гривны. В погребениях XI в. значительно чаще встречаются и головные венки. Если на 33 женских и девичьих погребения X в. приходится 15 погребений с головными украшениями, то на 40 погребений XI — начала XII в. приходится 33 погребения с находками головных венков, при этом в шести из них найдено по два венка.

Автор рецензируемой главы не учел этого обстоятельства. В результате получилось, что для периода конца X—XI в. на пять женских погребений первой категории (феодальная аристократия) приходится 11 погребений второй категории и только 12—13 погребений крестьянок, челяди и жен ремесленников. Соотношение явно нереальное. Кроме того, к этому времени относятся только четыре мужских захоронения второй категории.

Заключительная глава тома отведена характеристике антропологического материала Нукшинского могильника. Автор этой главы И. В. Дайга детально останавливается на описании каждого черепа и дает суммарную характеристику как серии мужских, так и серии женских черепов. Для сравнительного анализа привлечены краниологические данные соседних территорий.

Основным вопросом, затронутым в этой рецензии, является вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего могильники лудзенского типа. И если этот вопрос удалось поставить, то этим рецензент обязан исследователям Нукшинского могильника и авторам первого тома «Материалов и исследований по археологии Латвийской ССР», сумевшим со всеми подробностями и деталями довести материалы этого могильника до читателя. Немногочисленные замечания, сделанные в рецензии, ни в коей мере не умаляют большой научной ценности публикации материалов Нукшинского могильника.

В. В. Седов

Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Изд-во Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1957. 69 стр.+39 рис. Тираж 1000. Цена 6 р. 30 к.

Глазурованная (поливная) керамика была одним из наиболее ярких проявлений высокой художественной культуры Ближнего Востока (включая и Закавказье) в средние века. Особенно важна эта керамика тем, что, будучи широко распространенной в быту городского населения, она наиболее полно характеризует его искусство.

За последние годы интерес к глазурованной керамике явно оживился. Появились две монографии о грузинской поливной керамике[1]; несколько статей об армянской

[1] З. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. Тбилиси, 1954; В. В. Джапаридзе. Керамическая промышленность Грузии XI—XII вв. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

поливе принадлежит автору рецензируемой работы[2]. Наконец, перед нами книга, специально посвященная средневековой керамике Ани — большого армянского средневекового города, являвшегося в XII—XIII вв. фактически столицей Армении.

Книга несомненно ценна, во-первых, тем, что в ней впервые сведена вся сохранившаяся поливная керамика из раскопок Ани; во-вторых, тем, что основные группы материала определены хронологически, причем даты обоснованы как данными самих раскопок (правда, нередко косвенными), так и сравнительным материалом; в-третьих, тем, что бóльшая часть этой керамики рассмотрена не изолированно, а в связи с историей керамического производства Закавказья и всего Ближнего Востока, что очень важно для истории культуры средневековой Армении в целом. Ценны замечания о времени изобретения китайского фарфора в IX в. (стр. 67) и о китайском влиянии на производство мягких фаянсов в странах Ближнего Востока (стр. 47).

Работа представляет собою развернутую классификацию всей поливной керамики XI—XIII вв. из Ани. Этой основной части книги предшествует вступление; результаты исследования суммированы в кратком заключении.

Во вступлении автор подчеркивает историко-культурное значение поливной керамики Ани, указывает на отсутствие точного паспорта находок вследствие утраты дневников раскопок, затем переходит к вопросу о дате керамики (стр. 6 сл.) и, наконец, говорит о трех задачах работы: 1) датировка керамики, 2) выделение местного производства и 3) общая классификация анийской поливы. Первая из этих задач решена, на наш взгляд, вполне убедительно; с определением основных хронологических групп (XI—XII — начало XIII в.) нельзя не согласиться. Непонятно лишь, почему автор попросту устраняет период до X в.; то, что в Ани до этого времени не была развита городская жизнь (стр. 9), не может служить объяснением. Утверждение, что вероятность наличия в Ани памятников до X в. «равна почти нулю», ничем не оправдано и произвольно. Правильно другое: таких памятников здесь мало (в работе использованы всего три поливные чаши IX в.: №№ 1, 39 и 41). Причину этого в другом месте указывает сам автор: «По всей вероятности,— пишет он,— раскопки не обнаружили культурных слоев X в.» (стр. 66). Правильнее сказать, раскопки не дошли до них.

Очень важны соображения автора о наличии в Ани XI в. собственного производства не только поливной керамики с грубым красным черепком (стр. 29), но и высококачественных фаянсовых изделий (стр. 36—39 и 67). Автор исходит из специфичной для анийских находок этого рода формы предметов, относительно большой твердости черепка и своеобразия орнамента, а также из наличия ремесленного знака (который, к сожалению, не воспроизведен в книге)[3]. Эти соображения автора имеют, конечно, существенное значение, но решить вопрос могут лишь находки бракованных изделий, а также гончарных печей, где обжигались такие фаянсы, и наличие на месте каолиновых глин. Пока ни того, ни другого, ни третьего нет, мысль о существовании в XI в. местного фаянсового производства остается лишь предположением. Напрасно автор в заключении (стр. 67) представляет этот тезис как нечто вполне доказанное. К сожалению, при исследовании вопроса о местном керамическом производстве совершенно не использованы данные химического анализа керамики.

Местное происхождение керамики с красным черепком, украшенной гравировкой и полихромной расцветкой, не вызывает сомнений. Однако, устанавливая центры производства различных вариантов такой керамики, автор иногда судит об этом слишком категорично и необоснованно. Так, двинские аналогии поливы с расцветкой, не согласованной с гравированным рисунком, конечно, не могут решить вопроса о происхождении такого рода поливы именно из Двина (стр. 23), ибо такие же, не менее близкие, притом многочисленные аналогии дает материал из слоев XII — начала XIII в. городища Орен-Кала в Азербайджане.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что сравнительный анализ сопровождает описание преимущественно фаянсовой посуды, которая, по-видимому, особенно интересовала автора. В отношении же простой красноглиняной керамики сравнительного материала привлечено очень мало. Почти не использован богатейший орен-калинский материал, добытый еще в 1953 г. Совершенно недостаточно привлечен крымский материал, особенно херсонесский, хотя он уже давно опубликован[4], как не привлечена и византийская поливная керамика, также издававшаяся[5], причем соответствующими публикациями автор почему-то совершенно не пользуется. Если бы он ими пользовался, то не утверждал бы, что орнамент в виде сетки или большой розетки, заполняющей все поле блюда, «почти нигде, кроме Кавказа, на средневековой керамике не встречается» (стр. 26 и 27).

Говоря о красноглиняных изделиях с зелеными растительными разводами (чаши №№ 4 и 6) и сравнивая их с дманисскими, автор почему-то не использует большую и хорошо известную аналогичную группу азербайджанской поливной керамики, полу-

---

[2] Статьи указаны в примечаниях к рецензируемой книге.

[3] Хотя и указан номер рисунка (стр. 35), которого в действительности нет.

[4] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950.

[5] D. Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930. O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, т. III; Berlin, 1911.

чившую в последнее время название «тип Зенджан»[6] и широко представленную в Орен-Кала и Гяндже. Анийские чаши №№ 4 и 6 примыкают именно к этой группе поливы, распространенной преимущественно в Азербайджане и Армении[7].

К сожалению, автор совершенно не привлекает неглазурованную керамику Закавказья. Привлечение ее показало бы, что накладные жгуты, встречающиеся на анийских фаянсовых чашах (№ 50, стр. 53, 54),— очень распространенный в Закавказье мотив украшения керамики, особенно неглазурованной; поэтому месопотамскими аналогиями нельзя было ограничиваться.

Третьей задаче автор уделил наибольшее внимание; основная часть текста (стр. 15—64) представляет собой классификацию поливной керамики Ани, сопровождаемую комментарием, который заключает в себе и датировку, и сравнительный анализ, и исследование происхождения соответствующих групп керамики. Но эта часть работы вызывает и наибольшее количество возражений.

1. Прежде всего бросается в глаза дробность классификации. Небольшой по объему материал расчленен на 14 основных групп, включающих 5 подгрупп и 27 видов и подвидов,— итого 46 членений! Всякая классификация представляет собой в той или иной степени обобщение материала, и, следовательно, сам смысл классификации требует минимального количества рубрик: чем больше их, тем меньше степень обобщения. При чрезмерном увеличении членений классификация вообще теряет свой обобщающий характер.

Легко убедиться, что в классификации, предложенной Б. А. Шелковниковым, некоторые группы, подгруппы и виды совершенно излишни. Так, трудно понять, в чем состоит существенное различие между группой II — мягкими фаянсами с черепком тонкого строения (стр. 30) и группой III — мягкими фаянсами умеренно-тонкого строения (стр. 40). В обеих группах семь видов, но отличаются они лишь цветом глазури, что, конечно, не составляет принципиальной разницы между этими видами. Трудно уловить принципиальное различие и между одновременными группами VII — фаянсы с белой полихромной росписью по непрозрачной оловянной глазури (стр. 55—57) и XII — толстостенные люстрованные фаянсы с непрозрачной глазурью и расцветкой синей и голубой красками (стр. 62), т. е. также с полихромной росписью. Сам же автор говорит о большой близости всей группы мягких фаянсов (стр. 32). В особую рубрику выделены мягкие фаянсы с голубой глазурью (группа II, стр. 35), ничем, кроме оттенка цвета, не отличающиеся от таких же фаянсов с синей глазурью. Такое дробное членение группы II не может быть оправдано лишь оттенками расцветки. Столь же не оправдано аналогичное членение группы VI; о полной близости изделий отдельных видов внутри этой группы говорит и сам автор (стр. 54). Следовало бы, как мне кажется, присоединить и группу IX к группам VII и VIII, а группу XI — к группе X.

Полагаю, что совершенно излишне в группе I (красноглиняная поливная керамика) выделять особый вид «с расцветкой, не согласованной с гравировкой» (стр. 23), так как это лишь редко наблюдаемый вариант, представленный всего одним изделием (кстати сказать, этот вариант очень редок в керамике и других городов Закавказья).

Зато весьма существенно отличающаяся по самому принципу декоровки красноглиняная керамика IX—X вв. с росписью ангобом (стр. 28) теряется в массе рубрик той же группы I (вид d подгруппы 1-й), хотя такого рода изделия следовало бы выделить в особую группу, тем более, что и хронологически керамика этого вида намного предшествует керамике остальных видов той же группы.

2. Вся классификация носит несколько однобокий характер. Большая часть ее содержит группы и виды фаянса, и фарфора, и потому создается впечатление, что эти группы керамики количественно преобладают, хотя на самом деле доминируют изделия именно группы I, т. е. «грубая» красноглиняная посуда, которую автор целиком втиснул в одну группу. Таким образом, классификация Б. А. Шелковникова порождает абсолютно неверное представление о подлинном соотношении более дешевой и потому более распространенной среди массы горожан красноглиняной керамики (группа I) и дорогой, а потому имевшей ограниченное распространение среди социальных верхов фаянсовой посуды (все остальные 13 групп). Такая классификация способна дезориентировать историка.

3. Обращает на себя внимание и другой недостаток классификации — отсутствие хронологической последовательности рубрик. Отдельные группы и даже подгруппы включают изделия, как признает сам автор, «явно принадлежащие к различным производствам и эпохам» (стр. 15) и, в сущности, не связанные между собой.

Так, в группе I, вид *а* подгруппы 1-й, описаны две чаши (стр. 15—17), одна из них — IX—X вв. (№ 1), другая — XII — начала XIII в. (№ 2; впрочем, автор называет эту дату не здесь, а в связи с чашами другого вида, на стр. 18); причем и по форме,

---

[6] См. A. U. Pope. A Survey of Persian Art. New York — London, 1938; т. II, стр. 1526—1529; т. V, табл. 607—611.

[7] К этой же группе «типа Зенджан» примыкает, в сущности, и анийская чаша № 2 (цветная табл. 1, стр. 16); изображение здесь также вкомпоновано в зеленые разводы. Но сам рисунок выполнен не гравировкой, а только росписью, что говорит о местной трактовке сложившейся композиции.

и по декору эти чаши совершенно различны. За группой I с изделиями IX—X и XII—XIII вв. идут группы II, III и IV, содержащие фаянсы XI в., а в следующей группе, V, после чаши № 39, которую автор датирует X в., помещена чаша № 40 XIII в. (стр. 47—48); затем вновь следует изделие IX—X вв. (№ 41), после чего — изделие XIII в. (№ 42). Очевидно, что классификация исторического (в том числе и историко-художественного) материала, игнорирующая хронологическую последовательность, не может служить целям исторического исследования, а в данном случае не в состоянии помочь пониманию истории местного художественно-керамического производства.

4. Наконец, в классификации Б. А. Шелковникова не ощущается единого критерия. Так, в группах II, III, V, VI, VII керамика членится по признаку цвета глазури, а в группе I и X — по приему декоровки и типу глазури (глухой или прозрачной). Нет единства и в обозначениях. Так, в группе II цвет выступает как признак подгруппы (и соответственно обозначен римскими цифрами II_1, II_2), а в остальных группах цвет выступает как признак вида (и соответственно обозначен буквами).

В силу сказанного мы не можем признать классификацию анийской поливной керамики, предложенную Б. А. Шелковниковым, удачной. Она должна быть упрощена, что сделает ее более ясной и убедительной.

Краткое заключение повторяет основные выводы работы, сделанные при анализе материала, и завершается общим тезисом о расцвете в Ани керамического ремесла в XI в. и о снижении уровня его в эпоху Захаридов (в XI — начале XIII в.), когда, «по-видимому, не существовало местной высококачественной керамической промышленности» (стр. 68). Однако этот вывод вряд ли может быть принят. Он, во-первых, сделан на основании лишь очень ограниченной группы фаянсов XI в., анийское происхождение которых вероятно, но еще не может быть признано бесспорным; во-вторых, такое утверждение автора находится в резком противоречии с общепризнанным фактом развитости городской жизни в Ани именно в XII—XIII вв.; в третьих, тезис автора совершенно не учитывает изменившегося к XII веку характера керамического производства, в котором подавляющий удельный вес в силу увеличения спроса перешел к наиболее массовым видам изделий, какими являлись различные виды красноглиняной поливной посуды с гравировкой и полихромной расцветкой — те, которые автор пренебрежительно называет грубыми. Этот массовый материал автор оставил в тени, чем существенно снизил значение своей работы. Ничем не оправдано отсутствие в книге профилей издаваемых сосудов, слепые воспроизведения, множество опечаток.

И все же, несмотря на все указанные недостатки, работа Б. А. Шелковникова несомненно ценна; она содержит первоклассный материал и исследование наиболее существенных вопросов истории средневековой поливной керамики. Материал этот вносит много новых черт в общую картину культурной жизни средневековой Армении и в историю ее широких торговых и культурных связей в средние века.

А. Л. Якобсон

Л. И. КАШТАНОВ

18 августа 1958 года, на 56 году жизни, после продолжительной и тяжелой болезни скончался доктор химических наук профессор Леонтий Иванович Каштанов, много сил отдавший изучению древней металлургии. В его лице советская археология понесла большую потерю.

Леонтий Иванович родился в Москве 25 ноября 1902 года, в семье служащего. В 1920 году, после окончания средней школы, он поступил на Естественное отделение Физико-математического факультета Московского государственного университета. По окончании университета в 1924 году он проходил аспирантуру под руководством проф. И. А. Каблукова.

Свою трудовую жизнь Леонтий Иванович начал еще в 1920 г., будучи студентом. Он работал в Бюро редких элементов, затем в аналитической лаборатории на заводе «Электроугли», в лаборатории угля, в Институте азота и Теплотехническом институте. Леонтий Иванович вел большую педагогическую работу в Московском торфяном институте, в Институте химического машиностроения и Инженерно-экономическом институте. В 1942 году Леонтий Иванович был командирован в Монголию, где по 1944 год преподавал в университете. Последние годы он заведовал кафедрой во Всесоюзном заочном машиностроительном институте.

С 1930 года, параллельно своей основной работе, Леонтий Иванович занимался анализом древних бронз. Его большая работа по анализу древней бронзы нашла отражение в ряде статей, к сожалению, опубликованных только частично. В списке 88 его печатных работ имеются статьи «Древние бронзы Китая» («Химическая наука и промышленность», 1957, т. II, вып. 4, стр. 529), «Химический состав древних финских цветных сплавов» (совместно с М. Я. Каштановой, Труды Института истории естествознания и техники, т. 6, М., 1955, стр. 209), «Химический состав древних цветных сплавов на территории СССР» (Труды МИЭИ, М., 1954, вып. I, стр. 101). Накопив значительный материал, Леонтий Иванович пришел к выводу, что изучение металлических изделий путем химического анализа позволяет выявить не только технологию производства, но и культурные связи. На основе собственных исследований и западноевропейского материала, исторических и этнографических данных он считал, что в древности и раннем средневековье металлургия составляла своего рода «секрет» племени или государства, являясь показателем культурной принадлежности. Благодаря этому химический анализ вещей позволяет выявить место производства. Л. И. Каштанов разработал вопрос о консервации древних египетских известняков и крепления песков химическими методами,— вопрос, имеющий значение при укреплении фундаментов древних памятников архитектуры.

В 1956—1957 гг. Л. И. Каштанов состоял консультантом Реставрационного совета ГИМ.

Советское правительство отметило заслуги Леонтия Ивановича, наградив его орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За оборону Москвы».

А. П. Смирнов

СЕМИНАР ПО ВОПРОСАМ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ МОЛДАВИИ, РУМЫНИИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ РАЙОНОВ УКРАИНЫ

С 27 мая по 2 июня 1958 г. в г. Кишиневе состоялся семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины. Семинар был организован совместно ИИМК АН СССР, Институтом истории Молдавского филиала АН СССР и Институтом археологии Академии Румынской Народной Республики. В работах семинара приняли участие научные работники ИИМК АН СССР и Института истории Молдавского филиала АН СССР, Академии Румынской Народной Республики, Гос. Эрмитажа, Института археологии АН УССР, Института общественных наук АН УССР (Львов), Республиканского историко-краеведческого музея Молдавской ССР (Кишинев), Киевского Исторического музея, Львовского исторического музея и др. На семинаре было заслушано и всесторонне обсуждено 20 докладов.

Проблемы палеолита были затронуты в докладах П. И. Борисковского (Ленинград) «Некоторые вопросы развития позднего палеолита Центральной Европы и русской равнины», А. П. Черныша (Львов) «Итоги исследования палеолита Поднестровья» и А. А. Формозова (Москва) «Южные связи и даты свидерской культуры в связи с последними находками в Румынии». К сожалению, в работах семинара не могли принять участия специалисты по палеолиту Румынии, и, таким образом, научная информация в этой области была до известной степени односторонней и освещала в основном результаты исследований на территории СССР. Однако в обсуждении палеолитических проблем наряду с советскими археологами приняли участие ученые, приехавшие из Румынии.

Было отмечено, что многолетние исследования палеолитических стоянок по обоим берегам Днестра, на границах Молдавской и Украинской ССР, а также на прилегающей к Поднестровью территории Молдавской ССР привели к обнаружению большого количества уникальных культурных комплексов, в том числе и ряда многослойных памятников. Это позволило разработать периодизацию позднего палеолита Поднестровья. Отмечалась также большая важность широко развернувшихся за последние годы исследований в Румынии на ряде древнепалеолитических памятников (у Митока на р. Пруте), на позднепалеолитических (у Биказа на р. Быстрице) и на мезолитических стоянках (Чыхлеу).

На Днестре, кроме исследований многослойных палеолитических стоянок (Молдова I и V), были обнаружены на территории Молдавии мезолитические памятники с микролитическим инвентарем (стоянки Гребеники и Фрумушика).

Все эти исследования в области палеолита и мезолита вносят крупный вклад в разработку столь важных и дискуссионных проблем, как проблемы леваллуа, селета, свидера, позволяют наметить черты локального своеобразия палеолитических и мезолитических культур Румынии и связи с культурами окружающих территорий.

При обсуждении докладов подчеркивалось, что настоятельными задачами как для территории Румынии и Молдавии, так и для прилегающих областей Украины являются: 1) поиски наиболее древних (шелльских и ашельских) памятников, относящихся к поре первого появления древнейшего человека в этих областях; 2) поиски и исследования пещерных палеолитических стоянок, известных пока на этих территориях в совершенно недостаточном числе; 3) поиски новых палеолитических памятников в междуречье Днестра и Прута; 4) поиски и исследования мезолитических поселений (что позволило бы разъяснить для этих территорий проблемы тарденуаза, свидера, раннего неолита); 5) дальнейшая разработка вопросов периодизации Днестра и Прута в Молдавии и на территории Румынии с выяснением, в частности, проблемы локального своеобразия позднего палеолита этой территории, проблем селета — солютре, их взаимоотношения между собой и с другими позднепалеолитическими культурами (ориньяк, мадлен, граветтьен и др.); б) разработка вопросов геологической датировки позднепалеолитических и мезолитических культур.

В области неолита и энеолита было заслушано семь докладов. Доклад Е. Комша (Бухарест) был посвящен «Культуре Криш (Кёреш) на территории Румынии». За последние годы румынские археологи особое внимание уделяли изучению культур раннего неолита, среди которых значительное место занимает известная ранее в Восточной Венгрии культура Криш (Кёреш). В Румынии открыто более 60 поселений и случайных находок в Кришане, Банате, Трансильвании, Молдове, Северо-Восточной Мунтении и Олтении. Носители культуры Криш жили в наземных домах, занимались в основном земледелием и скотоводством. Глиняная посуда этих племен украшена углубленным орнаментом, а также росписью. Для кухонной посуды Криш характерен орнамент из парных углублений, покрывающих всю поверхность сосуда. Стратиграфические наблюдения в Летце, Периени и у Вербичиоары уточняют относительную датировку неолитических культур в Румынии. Культура Криш датируется временем более ранним, чем культура с линейно-ленточной керамикой, и более ранним временем, чем культура Боян (фаза Джулешты)

В связи с вопросом о ранненеолитических культурах на территории Румынии интересным было информационное сообщение В. И. Маркевича (Флорешты) о неолитической стоянке у г. Сороки на правом берегу Днестра, обнаруженной в 1957 г. на I надпойменной террасе. В культурном слое (до 50 *см* толщиною) найдены фрагменты керамики трех типов: 1) из серовато-черной массы с примесью шамота, стенки со-

судов украшены отдельными, неправильной формы углублениями и треугольным штампом; 2) из коричневато-желтой массы с примесью толченых раковин и орнаментом мелкого зубчатого штампа; 3) из коричневато-черной массы с растительной примесью и со слабо углубленным орнаментом, образующим горизонтальные полоски, елочку и др. В слое также найдены кости животных, створки раковин Unio, отбросы кремневого производства и орудия из кремня — нуклеусы, отжимники, скребки, резцы и две трапеции на мелких пластинах с ретушью.

Неолитическая керамика стоянки у г. Сороки относится к дотрипольской местной ранненеолитической культуре в Поднестровье и, видимо, соответствует по времени культуре Криш в Румынии и культуре южнобугского неолита.

На семинаре подвергался всестороннему рассмотрению вопрос о культуре среднеевропейских неолитических племен с линейно-ленточной керамикой (с т. н. нотным орнаментом). Этому было посвящено три доклада: Е. К. Черныш (Львов) о раскопках у с. Незвиско на Днестре, Ю. Н. Захарука (Львов) о раскопках у с. Звенячка на Днестре и Т. С. Пассек (Москва) о раскопках у с. Флорешты на р. Реут (МССР). На поселении у с. Незвиско в нижнем слое были раскопаны полуземлянка, наземное жилище и находившиеся возле него погребения (трупосожжение) с линейно-ленточной керамикой. Население занималось земледелием (с возделыванием пшеницы, полбы, гороха), скотоводством (с разведением коров, свиней, коз и овец) и охотой. У с. Звенячка открыто поселение с комплексом жилых ям и большим числом сосудов с линейно-ленточным (нотным) орнаментом. Наряду с керамикой найдены характерные сланцевые долота в форме «башмачной колодки», орудия из кремня. На поселении у с. Флорешты в нижнем, наиболее древнем культурном слое обнаружены большие полуземлянки с остатками очагов и богатым комплексом керамики с линейно-ленточным (нотным) орнаментом, орудиями из кремня, сланца, изделиями из кости и рога. Этот слой на поселении у Флорешты был перекрыт слоем культуры типа Боян (фаза Джулешты, Ларга — Жижия в Румынии), предшествовавшей раннетрипольской.

Материал из всех трех поселений (Незвиско, Звенячка, Флорешты) имеет многочисленные аналогии, что позволяет определить его место среди широкого круга памятников культуры линейно-ленточной керамики. Они могут быть сравнены с находками из таких поселений, как Торске, Котоване (УССР), Периени, Главанешты-Веки (Румыния), Тетин (Чехословакия), Торговиско (Польша) и др., относящимися к среднему периоду развития культуры линейно-ленточной керамики с «нотным» орнаментом. Следует обратить внимание на то, что на некоторых сосудах у с. Звенячка и у с. Незвиско появляется красная покраска между лентами орнамента, тогда как на керамике из с. Флорешты подобной покраски нет. Этот признак появления красной краски в орнаментации сосудов сопоставляется с сосудами из Чехословакии более позднего типа с «нотным» орнаментом. Предварительно следует считать поселение из Флорешты и линейно-ленточную керамику и по стилю орнамента (наличие большого количества спиральной орнаментации), и по отсутствию покраски более древней в ряду остальных поселений подобного типа в междуречье рек Прута и Днестра. Новые поселения, исследованные в Молдавии в Румынии за последние годы, установили юго-восточную границу распространения линейно-ленточной керамики. Наблюдения над стратиграфией на ряде таких памятников, как Периени, Летц, Извоаре, Флорешты, Незвиско и др., позволяют установить относительную хронологию неолитических культур Кёреш (Криш), линейно-ленточной керамики, Боян и трипольской.

Немалое внимание было уделено на семинаре вопросам собственно трипольской культуры, ее происхождению и периодизации. Отмечались успехи в области изучения многослойных памятников на таких поселениях, как Незвиско, Поливанов-Яр, Солончены II, Траян, Извоаре, Хабашешты, Трушешты и др.

Вопросы позднего триполья были рассмотрены в докладах Ю. Н. Захарука (Львов) о раскопках в Звенячке на Днестре и Н. М. Шмаглия (Киев) — о раскопках в Троянове, Житомирской области. Оба докладчика и выступавшие в прениях Е. Ф. Лагодовская (Киев), Т. С. Пассек (Москва), Е. К. Черныш (Львов), Т. Г. Мовша (Киев), Р. Вулпе, Е. Комша (Бухарест), М. Петреску-Дымбовица (Яссы) и др. при рассмотрении вопроса о позднем этапе триполья подчеркивали следующее: 1) генетическую связь памятников городско-усатовского типа с трипольской культурой, 2) своеобразие локальных групп позднего триполья, 3) необходимость выделения хронологических групп на этом этапе, 4) взаимоотношения позднетрипольских племен с населением степей.

Особой темой на семинаре была тема о погребальном обряде в эпоху триполья. В связи с этим был заслушан доклад Т. Г. Мовши (Киев) «О трипольских погребениях с обрядом трупоположения», в котором был дан обзор всех известных до настоящего времени погребений на всей территории распространения трипольских племен. Особый интерес вызвало открытое в 1956 г. Т. Г. Мовшей погребение раннего периода триполья на поселении Солончены II (МССР) и открытое Е. К. Черныш погребение среднего периода на поселении у Незвиско и Г. Думитреску — на поселении Траян (РНР). Установлены различные обряды погребения: скорченные на боку (Солончены II), вытянутые на спине с поднятыми в коленях ногами (Незвиско), вытянутые (Траян). Погребения раннего и среднего этапов

развития являются обычно единичными и совершаются в пределах поселений. На позднем этапе появляются могильники с особенностями (трупоположение без курганных насыпей, под курганными насыпями и трупосожжение), характерными для каждой из локальных групп позднетрипольских племен.

Палеоантропологические материалы из трипольских погребений указывают на неоднородный состав трипольского населения, на наличие местного населения (череп с кроманьонскими чертами из Солончены II) наряду с пришлым средиземноморского (Выхватинцы, Траян, Русе, Боян) и арменоидного (Незвиско) типов. Одной из важных очередных задач является всестороннее изучение погребального обряда в триполье на различных этапах развития культуры с выделением ритуальных жертвоприношений под жилищами (Траян).

Большое внимание на семинаре было уделено вопросам, связанным с эпохой бронзы на территории Румынии, Молдавии и прилегающих районов Украины. В своем докладе М. Петреску-Дымбовица (Яссы) дал относительную периодизацию, датировку и общую характеристику культур эпохи поздней бронзы и начала гальштата в Молдове. Выделено три фазы в развитии культур: I — культура «зольников», соответствующая поздней фазе культуры Монтеору — XII в. до н. э.; II — культура Ноа («зольники» и погребения) — XI—IX вв. до н. э. III — второй горизонт культуры гальштата. Раскопки у Корлэтень — IX — VIII вв. до н. э.

Материалы, характеризующие в Румынии II фазу (культуру Ноа), соответствуют находкам из зольников с. Гиндешты в Молдавии, а III фаза — находкам из поселений в районе Кишинева и у с. Магала. Что касается IV фазы, то в Румынии пока неизвестны материалы, аналогичные находкам из поселения у с. Алчедара и из поселения и могильника Шолданешты из Молдавии, датируемым второй половиной VIII в. до н. э.

Одновременно с рассмотрением материалов из поселений и погребений М. Петреску-Дымбовица подробно остановился на рассмотрении бронзовых кладов и отдельных предметов, найденных в Восточной и Западной Румынии, причем показал, что в этот период существовал широкий межплеменной обмен у племен (фракийских) Молдовы с районами Трансильвании и центральноевропейскими, откуда происходит большинство бронзовых предметов.

А. И. Мелюкова (Москва) в своем докладе подробно осветила предскифский период в лесостепной Молдавии, выделив три хронологические группы памятников: одна — относящаяся к концу эпохи бронзы, две — к началу железного века. Г. И. Смирнова (Ленинград) в своем сообщении остановилась на раскопках поселения культуры Ноа и фракийского гальштата у с. Магала, Черновицкой области. С. С. Березанская (Киев) посвятила свою информацию характеристике керамики середины II тыс. до н. э. с многоваликовым орнаментом, встреченной на Южном Буге. Днепре, Донце и на Десне.

На семинаре были заслушаны также доклады: Г. П. Сергеева (Кишинев) — о случайных находках из кладов и могильников эпохи бронзы на территории Молдавии, К. В. Бернаковича (Львов) — о кладах эпохи поздней бронзы и раннего железа Закарпатской области (свыше 70 кладов и около 100 отдельных находок, аналогии которым находятся в Венгрии, Чехословакии, Семиградии, Юго-Восточной Польше), Н. Н. Погребовой (Москва) — о памятниках предскифского времени на Ингуле в Тилигуло-Березанском районе.

При обсуждении вопросов, затронутых в этих докладах, подчеркивалось, что культура ранней и средней бронзы известна и на территории Румынии и Молдавии лишь по единичным памятникам (Пояна, Чорань, Гырчень, Монтеору I в Румынии, Голерканы и др. в Молдавии). В области поздней бронзы сделано больше. Раскопки последних пяти лет на территории Румынии и Молдавии дали интересные материалы, позволяющие ставить ряд общих проблем по истории населения этих смежных районов в предскифский период. «Белое пятно» на археологической карте Молдавии — степные районы Поднестровья, где следует начать раскопки курганов.

С интересным докладом о происхождении дакийских сооружений с абсидой выступил на семинаре Р. Вулпе (Бухарест).

В различных гето-дакийских крепостях, как Градиштя, Мунчелулуй, Пятра Рошие, Попешты, открыты остатки ряда прямоугольных сооружений II—I вв. до н. э. с одной стороной, изогнутой в виде абсиды. Все они, как правило, ориентированы к северу или северо-западу. Они являются сооружениями религиозного характера. В Градиштя Мунчелулуй подобное сооружение находится даже в центре большого общественного здания, представляющего собой святилище даков. В докладе доказывается эллинистическое происхождение дакийских сооружений с абсидой и их связь с широко распространенным культом самофракийских богов во фрако-понтийских областях во II—I вв. до н. э.

В конце работы участники семинара совершили поездку в Оргеевский р-н. Там Г. Д. Смирнов провел экскурсию по городищу Старый Орхей.

В резолюции, принятой по окончании семинара, было отмечено, что благодаря усилиям и систематической работе румынских и советских археологов многие вопросы, долгое время остававшиеся неразрешенными, получили свое разрешение.

Дальнейшие успехи в значительной степени зависят от координации научной работы, своевременного обмена опытом. Высказано пожелание созвать осенью 1961 г. семинар по вопросам первобытной археологии.

Т. С. Пассек

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР — Археологическая летопись Юга России
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВАН — Вестник Академии наук
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗКОРАО — Записки Классического отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОЛЕА — Известия Общества любителей естествознания и археологии
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МНИИЯЛИ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САГУ — Средне-Азиатский государственный университет
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АН УзбССР — Труды Академии наук Узбекской ССР
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ТАКЭ — Труды Термезской археологической комплексной экспедиции
Тр. ТАЭ — Труды Таджикской археологической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AJA — American Journal of Archaeology
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
CIA — Congrès International d'anthropologie et d'archéologie préhistorique
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
ILN — Illustrated London News
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
JPEK — Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst
RA — Revue archéologique
SPA — Survey of Persian Art
WA — Wiadomosti archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

XXI съезд КПСС и задачи советской археологии I
В. И. Марковин (Москва). О происхождении северокавказской культуры . . 3
И. М. Замоторин (Ленинград). Относительная хронология Пазырыкских курганов 21
Ю. В. Кухаренко (Москва). Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы 31
М. П. Абрамова (Москва). Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. . 52
М. П. Ваулина (Ленинград). К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом 72
В. Л. Воронина (Москва). Раннесредневековый город Средней Азии . . . 84
Л. Н. Гумилев (Ленинград). Алтайская ветвь тюрок-тугю 105
П. А. Раппопорт (Ленинград). Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси 115
В. В. Косточкин (Москва). Строительная биография крепости Изборска . . 124

Публикации

О. Н. Бадер (Москва). Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме. . 144
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени 156
А. И. Болтунова (Москва). Греческая метрическая надпись из Керчи 168
К. Беленин (Польша, Краков). Древняя металлургия железа в Центральной Польше 173
В. В. Кропоткин (Москва). Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение 181
А. М. Беленицкий (Ленинград). Древний Пенджикент 195
М. Ф. Жиганов (Саранск). Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша 218
А. А. Бобринский (Москва). Гончары-пидьбляне 228

Заметки

Ф. Прошек (Чехословакия, Прага). Новый тип палеолитического очага из стоянки Шанов-Коут II у с. Гостим 243
П. И. Борисковский (Ленинград). Палеолитический очаг на стоянке Валукинского (Костенки XIX) 246
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов (Звенигород). Новые памятники льяловской культуры 249
Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших (Иркутск). Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея 253
Б. Н. Граков (Москва). Греческое граффито из Немировского городища . . 259
Е. К. Максимов (Саратов). Меч и копье из коллекции Саратовского музея . 261
Е. В. Пузаков (Харьков). Серп из поселения Сердюково II в Харьковской области 264
К. В. Голенко (Москва). Находки римских денариев в Курской и Воронежской областях 265
А. М. Гилевич (Севастополь). Золотые византийские монеты из Херсонеса. 267
Г. Е. Трапезников (Ленинград). Материалы с городища древнего Чарджоу (Амуля) 268
С. А Высоцкий (Киев). Граффито XI в. в Софии Киевской 273
В. В. Седов (Москва). Каменный крестик с надписью из Пирова селища . . 275
А. К. Антейн (Рига). Наконечники копий из дамасской стали 278
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Новые находки керамических горнов на Яузской гончарной слободе в Москве 279
Ю. М. Золотов (Москва). Чернолощеный кувшин XVII в. с надписью . . . 284
Р. В. Федорова (Москва). Применение спорово-пыльцевого анализа в археологических исследованиях Прикаспия и Предкавказья 286

Критика и библиография

П. П. Ефименко (Ленинград). Неолитический Мерсин 291
Л. Я. Крижевская (Ленинград). К вопросу о назначении неолитических поселений, расположенных у мест добычи кремневого сырья 300
К. Маевский (Польша, Варшава). Заметки о трипольской пластике . . . 302
В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин (Москва). Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II. Материалы по археологии Туркмении 306
М. В. Воробьев (Ленинград). Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. 309
Л. А. Ельницкий (Москва). Новые книги по истории эгейской культуры . . . 309

А. К. Коровина. Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь 316
М. В. Воробьев (Ленинград). G. Tucci. The Tombs of the Tibetan Kings . . 319
В. В. Седов (Москва). Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. I 319
А. Л. Якобсон (Ленинград). Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани 324

Хроника

Л. И. Каштанов 328
Т. С. Пассек (Москва). Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины 329
Список сокращений 332

SOMMAIRE

Le XXI Congrès de la Parti Communiste de l'Union Soviétique et les problémes de l'archéologie soviétique I

V. I. Markovine (Moscou). Concernant les origines de la civilisation archéologique du Nord Caucasien. 3

I. M. Zamotorine (Léningrad). Chronologie relative des kourganes de Pazyryk. 21

I. V. Koukharenko (Moscou). Diffusion des industries de La Tène dans l'Est Européen. 31

M. P. Abramova (Moscou). La civilisation de Sarmates aux II—I siècles avant notre ère. 52

M. P. Vaoulina (Léningrad). Etude des relations commerciales du littoral nord de la Mer Noire avec Cnyde. 72

V. L. Voronina (Moscou). Etude de l'urbanisme en Asie Centrale aux VII—VIII siècles. 84

L. N. Goumiliov (Léningrad). Branche altaïque des Turques-Tougus 105

P. A. Rappoport (Léningrad). Les gorodistchés en forme de cercle et de demi-cercle dans la Russie nord-est. 115

V. V. Kostotchkine (Moscou). Histoire de l'édification de la forteresse d'Izborsk. 124

Publications

O. N. Bader (Moscou). Campement paléolithique à Sounguyr sur la Kliazma. . 144

R. B. Akhmérov (Oufa). Nouvelle nécropole d'Oufa 156

A. I. Boltounova (Moscou). Une inscription metrique grecque découverte à Kertch 168

K. Bielenin (Cracovie, Pologne). Ancienne fabrication du fer au centre de la Pologne 173

V. V. Kropotkine (Moscou). Le nécropole de Suuk-Su et sa portée historique et archéologique 181

A. M. Bélénitski (Léningrad). Campagne de fouilles 1954—1957 à Pendjikent. 195

M. F. Jiganov (Saransk). Le plus ancien des nécropoles de Koujendéévo (vallée de la Técha) 218

A. A. Bobrinski (Moscou). Les potiers riverains de la Pidba 228

Notes

F. Prošek (Prague, Tchékoslovaquie). Atre paléolithique d'un type nouveau de la station Chanov-Kooute II près du village Gostim 243

P. I. Boriskovski (Léningrad). Atre paléolithique de la station Valoukinski (Kostenki XIX) 246

I. A. Krasnov, N. A. Krasnov (Zvénigorod). Nouveaux monuments de la civilisation de Lialovo 249

E. R. Rygdylone, P. P. Khorochikh (Irkoutsk). La collection des chaudières en bronze du musée d'Irkoutsk 253

B. N. Grakov (Moscou). Graffito grec du gorodististché de Némirovo 259

E. K. Maximov (Saratov). Un glaive et une lance de la collection du musée de Saratov 261

E. V. Pouzakov (Kharkov). Une faucille de l'époque de Scythes du campement Serdukovo II (région de Kharkov) 264

K. V. Golenko (Moscou). Trouvailles de deniers romains dans les régions Kourskaïa et Voronejskaïa 265

A. M. Guilévitch (Sébastopol). Monnaies byzantines en or de Chersonèse . . 267

G. E. Trapeznikov (Léningrad). Documentation du gorodistché de Tchardjoou (Amoul) 268

S. A. Vyssotski (Kiev). Graffito du XI siècle de la cathédrale Sainte-Sophie à Kiev. 273

V. V. Sédov (Moscou). Petite croix en pierre avec une inscription trouvée près du village de Pirovo 275

A. K. Anteyne (Riga). Pointes de lances en acier de Damas 278

R. L. Rosenfeldt (Moscou). Nouvelles trouvailles de fourneaux en terre cuite au ci-devant faubourg Iaouzski (Moscou) 279

I. M. Zolotov (Moscou). Un broc noir lustré avec une inscription (XVII siècle). 284

R. V. Fédorova (Moscou). L'analyse des pollens et ses applications dans les recherches archéologiques sur le littorale de la mer Caspienne et dans les piémonts Caucasiens 286

Critique et bibliographie

P. P. Efimenko (Léningrad). Mersine néolitithique 291

L. I. Krijevskaïa (Léningrad). Etude des campements néolithiques situés près des carrières de silex 300

K. Majewski (Varsovie, Pologne). Quelques observations à propos des sculptures trouvées à Tripolié (concernant les problèmes du livre de S. N. Bibikov «Un village tripolien de Louka-Vroublévetskaïa) 302

V. I. Sarianidi, I. N. Khlopine (Moscou). Oeuvres de l'Institut de l'histoire, de l'archéologie et de l'ethnographie de l'Académie des Sciences de la R. S. S. de Turkménie, t. II. Documentation archéologique du Turkménistan. Achkhabad, 1956 306

M. V. Vorobiov (Léningrad). Go-Mo-jo. Epoque de l'esclavage 309
L. A. Elnitski (Moscou). Nouveaux livres sur l'histoire de la civilisation égéenne. 309
A. K. Korovina (Moscou). N. P. Sorokina. La nécropole de Touzla 316
M. V. Vorobiov (Léningrad). G. Tucci. The Tombs of the Tibetan Kings. Roma, 1950 319
V. V. Sédov (Moscou). La nécrople de Noukchino. Documentation et recherches sur l'archéologie de la R. S. S. de Lettonie, t. I, Riga, 1957. 319
A. L. Iakobson (Léningrad). B. A. Chelkovnikov. Céramiques émaillées d'Ani. Erévan, 1957 324

Chronique

L. I. Kachtanov 328
T. S. Passek (Moscou). Conférence consacrée à l'archéologie préhistorique de la Moldavie, de la Roumanie et des régions attenantes de l'Ukraïne 329